

ВОЕННО- МОРСКАЯ ИДЕЯ РОССИИ

*Духовное наследие
Императорского
флота*

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК

ВОЕННО-МОРСКАЯ ИДЕЯ РОССИИ

*Духовное наследие
Императорского флота*

МОСКВА
РУССКИЙ ПУТЬ
1999

Составители:
*А.Е. Савинкин, И.В. Домнин,
Ю.Т. Белов, А.К. Быков*

Редактор: *А.Е. Савинкин*

В 63 Военно-морская идея России: Духовное наследие Императорского флота. — 2-е изд. Испр. И доп. — М.: Русский путь, 1999. — 552 с.

ISBN 5-85887-063-5

Книга отражает *Военно-Морскую Идею России*. Оригинальное собрание блестящих образцов отечественной мысли дает развернутое представление об истории, теории и проблемах героического и многострадального русского флота. «Нужен ли нам военный флот?», «Какой флот?», «Каковы контуры российской морской стратегии?» — суть наши извечные и вновь актуальные вопросы. На них из глубины минувших времен обстоятельно отвечают светлые морские умы, завещавшие нам положения, уроки и выводы русской военно-морской идеи. Это наследие ведет к осознанию: без последовательной военно-морской политики, вне духовного богатства и лучших традиций Императорского военного флота не может держаться и крепнуть военно-морская сила современной и будущей России.

ББК 68. 49 (2 Рос.) 3

ISBN 5-85887-063-5

© Российский военный сборник, 1999
© Общероссийское Общественное Движение
Поддержки Флота, 1999
© Русский путь, 1999

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. ЛУЖКОВ. К ЧИТАТЕЛЮ	8
В. КУРОЕДОВ. ПРЕДИСЛОВИЕ	9
А. РИТТИХ, А. БУБНОВ. АРМИЯ НЕ МОЖЕТ ЗАМЕНИТЬ ФЛОТА. ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ	12
История и войны России. – Стремление к естественным границам. – Роль флота в столкновении военно-экономических интересов. – Орудие политики. – Необходимость постоянного прогрессивного развития.	
ГРАНИ ВОЕННО-МОРСКОЙ ПРОБЛЕМЫ	14
II. БЕЛАВЕНЕЦ. НУЖЕН ЛИ НАМ ФЛОТ И ЗНАЧЕНИЕ ЕГО В ИСТОРИИ РОССИИ	14
Участие флота в создании и развитии России. – Три рода войн: сухопутные, морские, совместные. – Преобладание совместных операций флота и армии в боевом прошлом страны. – Недопущение «удельных княжеств»: сухопутного и морского. – В единении сила. – Русский флот заслуживает возрождения. – Нельзя экономить на необходимом деле. – России требуется флот активный, наступательный (линейный).	
Н. КЛАДО. ЗНАЧЕНИЕ ФЛОТА В РЯДУ ВОЕННЫХ СРЕДСТВ ГОСУДАРСТВА	22
1. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ РОЛЬ СУХОПУТНЫХ И МОРСКИХ СРЕДСТВ ВОЙНЫ ПРИ НАСТУПЛЕНИИ И ОБОРОНЕ	22
Назначение морской силы: обеспечение морских сообщений, защита побережья, усиление своей армии и пресечение свободы действий противника. – Органическая связь морской и сухопутной сил. – Отсутствие флота обессиливает армию, а отсутствие армии обесмысливает работу флота.	
2. ЗНАЧЕНИЕ ФЛОТА НА ТЕАТРАХ ВОЙНЫ: БАЛТИЙСКОМ, ЧЕРНОМОРСКОМ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ	26
Зависимость плана войны на западном ТВД от соотношения сил флотов в Балтийском море. – Развитие железнодорожных путей и крепостей не компенсирует отсутствие такого помощника армии как флот. – Огромные жертвы России в борьбе за выход к морям и неспособность эффективно использовать завоеванные водные пространства. – Лучшим средством против Японии остается морская сила.	
3. ЗНАЧЕНИЕ МОРСКОЙ СИЛЫ ДЛЯ РОССИИ В СВЯЗИ С ЗАДАЧАМИ ЕЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ.....	32
Противоречия между стратегией и внешней политикой. – Необходимость подготовки борьбы с главным, наиболее вероятным противником. – Германия, видя в России своего возможного противника, толкнула нас на дальневосточную авантюру. – Мы должны иметь флот, способный вступить в борьбу с германским флотом за обладание водами Балтийского моря. – Армия и флот как естественные союзники в войне.	
Б. ДОЛИВО-ДОБРОВОЛЬСКИЙ. О РАЦИОНАЛЬНОСТИ ВОЕННО-МОРСКОЙ ИДЕИ В ГОСУДАРСТВЕ.....	39
К войне надо готовиться. – Создание морской силы требует длительного периода. – Руководящие принципы при сооружении боевого флота. – Необходимость постройки целых отрядов эскадренных броненосцев (однотипных эскадр). – Морская программа как закон. – Лучше совсем не строить флот, чем создавать его заведомо негодным. – Сознательный отказ от флота лишит Россию ее морей.	
Ю. ВОЛКОВИЦКИЙ. ПРИНЦИП КРАЙНЕГО НАПРЯЖЕНИЯ СИЛ В МОРСКОЙ ВОЙНЕ	48
Флот должен быть заранее подготовлен к войне: укомплектован личным составом, обучен и способен к бою с началом военных действий. – Флот является для политики орудием быстрого воздействия. – Морские вооруженные силы ближе к идеалу крайнего напряжения, чем сухопутные. – Стратегия подготовки в мирное время к будущей борьбе. – План войны. – Роль политики по отношению к стратегии. – Слабый флот будет только причиной нравственных бедствий и непроизводительной затраты капитала. – Стратегия военного времени. – Маневренный переход. – Сосредоточение превосходящих сил. – Внезапность. – Эксплуатация победы. – Формулирование принципа крайнего напряжения сил. – Ближайшие события будут в значительной степени иметь разрешение на море. – Необходимость сильных флотов.	
М. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ. ЗАЧЕМ РОССИИ НУЖЕН ФЛОТ?.....	60

- 1. Военно-географический обзор Империи.** – Возможность столкновений с врагами на четырех политических театрах войны. – Дальний Восток: борьба на сухом пути для нас совершенно невозможна, только флот может обеспечить целостность границ. – Черноморский театр войны: главная операционная линия пройдет по морю. – Балтийское море: необходимость мощных и выдвинутых вперед морских сил.
- 2. Связь политики со стратегией.** – Политика должна заблаговременно указать, на каком театре военных действий необходимо быть в готовности. – Нам нужно иметь один, сосредоточенный, флот и придвигать его своевременно туда, где он может понадобиться. – Этот флот должен базироваться на Балтийском море.
- А. КОЛЧАК. КАКОЙ НУЖЕН ФЛОТ РОССИИ?..... 68**
 Необходимость правильных идей о морской силе. – Финансовые затруднения и тенденция к созданию оборонительного флота. – Сущность обладания морем. – Требования военно-морского искусства к типу судов. – Главные и второстепенные средства ведения морской войны. – Линейному флоту нет альтернатив. – России нужна серьезная морская сила как условие независимой политики.
- М. МЕНШИКОВ. ЕСТЬ ЛИ У НАС ФЛОТ? 80**
 Слабость флота. – Отсталость в морской обороне. – Немножко бы Петровой мудрости. – Только флот дает стране условия для мировой, международной жизни. – Флота у нас сегодня нет. – Требуется серьезная боевая сила. – Контрфлот. – Нищая страна не может заводить броненосный флот.
- П. БУРАЧЕК. ЗАМЕТКИ О ФЛОТЕ 86**
 Ликвидация военно-морского значения России в 1853–1856 и 1904–1905 годах. – Поход против флота. – Подвиги моряков. – Организация личного состава флота после Крымской войны. – Политические победы молодого возрожденного флота. – Состояние флота за два века существования: отсутствие осознанного плана, цели и назначения. – Необходимость создания не только флота, но и должных условий его существования. – Закон преемственности. – Закон причинности.
- Н. ПОРТУГАЛОВ. ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ МОРСКОЙ СИЛЫ 95**
 Флот для России. – Цель его воссоздания. – Направления развития. – О морской обороне. – Указания из прошлого опыта. – Выводы.
- К ЗАКОНУ ОБ ИМПЕРАТОРСКОМ РОССИЙСКОМ ФЛОТЕ..... 101**
 Периоды политического могущества России неизменно были связаны с развитием флота, а «лютые времена» – с его отсутствием. – Угроза десантных операций противника. – Необходимость линейного флота. – Вооруженная морская сила должна оставаться на Балтийском море. – России необходим боеспособный флот. – Угроза войны. – Уроки истории. – Оборона берегов. – Планомерное создание морской обороны на основе закона о флоте. – Долгосрочная морская стратегия. – Боеспособный флот даст великие блага.
- Н. НОРДОВ. ФЛОТ И ОБЩЕСТВО 110**
 Только в единении с нацией флот может достигнуть могущества, соответствующего внутренней силе страны. – Осведомленность общества о действительном положении дел во флоте. – Сильный флот для России — не роскошь, а необходимость. – «Штатские» и «военные» в делах морской политики. – Зависимость военно-морского искусства от уровня культурного развития страны. – Необходимость создания сильного духом флота.
- А. БУБНОВ. ОСНОВЫ РУССКОЙ МОРСКОЙ ПОЛИТИКИ..... 117**
 Краткий очерк эволюции русской морской проблемы в XVIII и XIX столетиях. – Основы русской морской политики. – Мысли о воссоздании Российской Морской Вооруженной Силы. – Школа морской жизни. – Сохранение военно-морского духовного капитала. – Единство мыслей и взглядов на боевое использование морской силы. – Умения командного состава даются длительной практикой. – Система морской подготовки офицеров. – Воспитание духовных качеств. – Культ воинских традиций.
- Я. ПОДГОРНЫЙ. ЗНАЧЕНИЕ КОРСАРСКОГО ФЛОТА ДЛЯ БУДУЩЕЙ РОССИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ..... 137**
 Крейсерская война. – Нелепо приступать к постройке даже одного корабля, не имея выработанной программы морской обороны хотя бы на ближайшие 10–15 лет. – Флот устаревает скорее любого другого оружия. – Единственный выход для России — создание крейсерского океанического флота (подводного и надводного) в Ледовитом океане. – Порт Мурманск как первоклассная база. – Север-

ный крейсерский флот усилит морскую оборону России в Белом, Балтийском, Черном и Японском морях.

Е. ШИЛЬДКНЕХТ. ЧТО ОФИЦЕР АРМИИ ДОЛЖЕН ЗНАТЬ О ФЛОТЕ 141

Назначение флота. – Какой нам флот нужен. – Морская война. – Армия и флот. – Военно-морская доктрина.

О ФЛОТЕ РОССИЙСКОМ... 149

Е. ШМУРЛО. ПЕТР ВЕЛИКИЙ – ОСНОВАТЕЛЬ РУССКОГО ВОЕННОГО ФЛОТА..... 149

Великие народы существовать без моря не могут. – Петр, пробиваясь к морям, выполнял завет отцов и дедов. – начало петровскому военному флоту положено в с. Преображенском. – Первый русский боевой адмирал — Ф.М. Апраксин.

МЫСЛИ ИЗ УСТАВА МОРСКОГО 1720 ГОДА 152

«И понеже сие дело необходимо нужное есть государству». – «Надлежит быть в бою без конфузии». – «Корабли Российские не должны ни перед кем спускать флаги». – «Капитан на своем корабле яко губернатор». – «Офицеры, которые в Его Величестве флоте служат, да любят друг друга верно, как христианину надлежит без разности, какой они веры или народа ни будут».

ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ. СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ..... 155

Негоже жить у моря и не иметь флота. – Морской флот полезен государству. – Российское на море воинство благословил Бог.

П. СТОЛЫПИН. РЕЧЬ О МОРСКОЙ ОБОРОНЕ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ 24 МАЯ 1908 ГОДА 159

Только тот народ имеет право и власть удержать в своих руках море, который может его отстоять. – России нужен могучий линейный флот. – Лозунг воссоздания нашего морского могущества — «Вперед».

М. СМЕРНОВ. КРАТКИЙ ОЧЕРК ВЛИЯНИЯ МОРСКОЙ СИЛЫ НА ИСТОРИЮ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО 164

Россия является сухопутной страной постольку, поскольку ее население не знает отечественной истории. – Движение России к морям в XVI–XVIII вв. – Флот и завоевания Петра I. – Упадок флота после Петра и взлет его при Екатерине II. – Российский флот в XIX веке. – Ошибки государственной и морской политики на рубеже XIX и XX веков. – Поражение в Русско-японской войне. – Воссоздание флота перед Великой войной. – Роль флота в годы 1 мировой войны.

РУССКАЯ ВОЕННО-МОРСКАЯ ИДЕЯ..... 177

Положения. Уроки. Выводы.

(Систематизированное изложение). Подготовил А.Е. Савинкин

ЗНАЧЕНИЕ МОРСКОЙ СИЛЫ 177

Главные русские интересы лежат на море. – Важнейший «усилитель» военной мощи государства. – Флот избавит страну от необходимости вести убыточные и изнурительные сухопутные войны. – Феофан Прокопович, Е. Квашнин-Самарин, А. Геруа, Б. Жерве, А. Мэхэн о значении морской силы. – России выгодно быть морской державой.

КОРНИ МОРСКОГО МОГУЩЕСТВА 181

Значение торгового флота для военного. – Необходимость последовательной морской политики. – Военный флот и его базы. – Н. Кладоб об условиях процветания морской силы на примере Англии.

СУЩНОСТЬ ВОЕННОГО ФЛОТА 187

Лучше не иметь флота, чем строить его на ложных принципах. – Понятие и предназначение корабля. – Основы военно-морской стратегии. – Б. Жерве о задачах военно-морской силы.

КАКОЙ ВОЕННЫЙ ФЛОТ НУЖЕН РОССИИ? 199

НЕОБХОДИМОСТЬ АКТИВНОГО (ЛИНЕЙНОГО) ФЛОТА..... 199

Военно-морская традиция России. – концепция русского военного флота А. Немитца. – Только линейный флот делает страну первоклассной морской державой. – Позиция Государственной Думы. – Воссоздание флота накануне Мировой войны.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ МОРСКОЙ СИЛЫ.....	204
России необходим один, умело рассредоточенный, сильный военный флот. – Первая и последующие военно-морские системы российского государства. – балтийская идея. – Черноморская идея. – Идея океанского крейсерского флота.	
ПОТРЕБНОСТЬ В МОРСКОЙ ВОЕННОЙ РЕФОРМЕ.....	214
Взлеты и падения российского императорского флота. – О причинах неудач. – Концепции и программы морской реформы (взгляды л. Добротворского, Н. Кладо, М. Меньшикова, И. Лихачева, А. Колчака и др.).	
ЕДИНСТВО АРМИИ И ФЛОТА.....	221
России нужен флот, предназначенный для совместных действий с армией. – Общее военное и морское дело закладывается Петром I. – Ударные оперативные группировки Архипелагских экспедиций. – Из рапортов Ф. Ушакова. – репетиции десантов при М. Лазареве. – Русский флот как морское войско.	
СПОСОБНОСТЬ ПОБЕЖДАТЬ.....	229
Готовность к морской войне. – основные принципы военно-морского искусства. – Морские победы и боевая подготовка. – «рассуждения по вопросам морской тактики» С. Макарова. – «Дух и дисциплина нашего флота» А. Ливена.	
ОБЩИЙ ВЫВОД.....	247
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О РЕВНИТЕЛЯХ РУССКОЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ ИДЕИ. СОСТАВИЛ	
И.В. ДОМНИН.....	249

* * *

Тексты печатаются с сокращениями. Стилистика и пунктуация авторов, как правило, сохранены. Отдельные мысли и слова выделены в соответствии с их современной значимостью. На лицевой стороне обложки — знак об окончании Николаевской Морской академии.

К читателю

В России, извечно вынужденной защищаться, сложилось особое отношение к Армии и Флоту. Они — основа суверенности, государственного бытия Отечества.

Со времен Петра Великого, давшего России морское могущество и ранг мировой державы, флот играл серьезную роль в судьбах нашего государства.

Сегодня стране по-прежнему угрожают агрессии и кризисы. Хотя войны приняли в основном локальный характер, их влияние все более глобально. Они ведутся не только вдалеке от России, но и вблизи ее границ и даже перекинулись непосредственно на ее территорию. Это обязывает ни в коем случае не отказываться от нашей военно-государственной традиции, усиленно укреплять подорванную обороноспособность, иметь флот на всех морях и океанах, омывающих берега нашей Родины.

Москва как столица не только сухопутной, но и морской державы тесными узами связана с военным флотом. Имя города носили более двадцати боевых кораблей, в наши дни оно — на борту ракетного крейсера — флагмана Черноморского флота. В Северодвинске строится подводная лодка нового поколения «Юрий Долгорукий».

На протяжении ряда лет Правительство Москвы инициативно, целенаправленно помогает выстоять морякам и их семьям в тяжелой современной ситуации. Много сделано и делается в материальном отношении, но не следует забывать об укреплении духа и идейной подготовке тех, кто несет свою вахту под Андреевским флагом.

Приветствуя выход предлагаемой книги, замечу, что трудно переоценить значение духовного наследия ушедших поколений военных моряков и государственных деятелей. В своих трудах они обосновали военно-морскую идею России. И эта философия возрождения нашей военно-морской мощи должна быть достоянием всех морских офицеров.

Мэр Москвы Юрий Лужков

Предисловие

России суждено развиваться не только континентально, но и как морской (океанской) державе. Это направление наметилось уже в жизни Киевской Руси, продолжилось в политике Великого Новгорода, в устремлениях Московского государства, реализовалось в прорыве к морям и океанам, закреплении на них Российской Империи и Советского Союза. Оно отразилось и в эволюции военной силы российского государства, традиционно состоявшей из двух взаимосвязанных и взаимоусиливающих друг друга элементов: армии и флота, которые по праву считались самыми верными «союзниками» России.

Флот всегда влиял на судьбы страны. В XVII веке его практически не было и страна задыхалась (при всех своих богатствах) в московских пределах. Благодаря политическим и военным победам флота в XVIII веке Россия стала империей, влиятельной мировой державой, владеющей всеми прилегающими морями и океанами. В XIX — начале XX веков непоследовательная, ошибочная военно-морская политика привела к поражениям в Крымской (1853–1856 гг.) и Русско-японской (1904–1905 гг.) войнах, бесславному окончанию Первой мировой войны (1914–1918 гг.), способствовала революции, возникновению кровавой Гражданской войны (1917–1922 гг.), гибели Императорского флота с его школой личного состава и боевыми традициями. Оказались подрубленными исторические корни морского могущества, преемственность, нарушены основы и правильные пропорции развития военно-морской силы. Все это сказалось на судьбе Советского Военно-Морского Флота.

В интересах устойчивого долговечного развития России — узреть и понять органическую связь Армии и Флота с судьбой Отечества и тем самым сняться с мели, направить государство на верный путь. И нынешнему поколению не только моряков, но и государственных деятелей жизненно важно усвоить истину, что будущее страны напрямую зависит от освоения, использования и обороны морей (океанов), омывающих ее берега. Лучшая их защита — наличие качественного, постоянно совершенствуемого военного флота.

И на рубеже третьего тысячелетия международная конкуренция, геополитический расклад на постсоветском пространстве, Черном, Балтийском, Каспийском морях требуют от нас иметь аргументом надежную морскую силу. Стратегическое положение и богатейшие ресурсы Северного Ледовитого и Тихого океанов обязывают Россию укреплять свои океанские бастионы. Без них Отчизне не выжить, не остаться в ряду мировых держав, не сохранить уникальную русскую континентально-морскую цивилизацию, призванную уравновешивать и примирять Восток и Запад.

Военно-морскому делу, как никакому иному, требуются государственная поддержка, мудрая политика, последовательная работа, преемственность, согласованность усилий государства и общества, морского и военного руководства. Для выработки современной, а тем более будущей военно-морской стратегии России, чрезвычайно важно осознать несколько ключевых истин.

Следует помнить, что история русского военного флота насчитывает более тысячи лет. Основы военно-морской мощи были заложены еще в Киевской Руси, где наши предки уже ходили «из варяг в греки», на Царьград и Каспий, по Черному (Русскому) морю на боевых ладьях, служили на морских судах Византии, других причерноморских государств. Но только при Петре Великом военный флот стал настоящим (морским и регулярным), сохранив, впрочем, преемственно в своем составе на длительный период галерные гребные флотилии, а вместе с ними и традиционную для страны судовую рать (морскую пехоту). В XVIII веке он обрел своих флотоводцев, выработал национальное военно-морское искусство. В советскую эпоху стал подлинно океанским, ознаменовав высшую ступень военно-морского могущества России.

Программу развития российского военного флота выдумывать специально не надо, — она выработана самой отечественной историей, опытом, делами Петра, его преемников, русских флотоводцев. Требуются лишь поправки на время и поддержание военно-морской силы в действительном, а не в мнимом состоянии, стремление оказывать услуги Отечеству, не отходить от заданной схемы (исто-

рической доминанты). Только в этом случае флот станет (останется) органическим элементом сложившейся системы обороны российского государства. Попытки сойти с традиционного пути, сочинить или заимствовать новые варианты развития — чрезвычайно опасны для флота и России. Они нарушают законы преемственности и причинности, извращают военно-морское сознание, ведут к постоянному повторению ситуации, когда в очередной раз слышны вопросы: «Зачем России нужен флот?», «Какой флот нам нужен», «Сколько флотов?» и другие. Жизнь давно ответила на них. «В деле воссоздания нашего морского могущества, нашей морской мощи, — отмечал в свое время Петр Аркадьевич Столыпин, — может быть только один лозунг, один пароль, и этот пароль — “вперед”». Но чтобы двигаться в будущее, не теряя при этом заданного направления, необходимо почаще сверять курс с прошлым.

Развитие военного флота не может быть самодовлеющей целью. Флот служит России, требует особого отношения к себе, но не претендует на абсолютно самостоятельное, а тем более главенствующее развитие среди других военных средств государства. Он — часть общей (единой) военной системы обороны (в большей степени пока — континентальной), ее неотъемлемый и грозный элемент, предназначенный для совместных (с другими видами вооруженных сил) действий, но способный и самостоятельно решать многие политические и военные задачи.

Наличие в его составе или в распоряжении у его командования ядерных сил, сил общего назначения, сухопутных и береговых войск, частей морской пехоты, ВВС только усиливает эту возможность.

Действуя в интересах общего военного дела, военно-морской флот не претендует ни сегодня, ни в ближайшем будущем не только на обособленное развитие, но и на воссоздание отдельного (морского) министерства. Опыт «самостийной» военно-морской политики доказал свою несостоятельность. То, что было оправдано, когда флот и армия только создавались и, развиваясь, действовали под неусыпным руководством Петра Великого, в последующем выродилось в ведомственность, привело к раздроблению, поражениям военной силы. Механически восстанавливать в современных условиях, требующих «угрюмой» экономии, сосредоточенности военной силы в единый кулак, старой, и к тому же не оправдавшей себя, модели морского управления бессмысленно, бесперспективно, опасно.

Главная причинно-следственная связь между общей морской и военно-морской политикой остается основополагающей: флот существует, чтобы охранять наши морские сообщения. Военные моряки не забывают о его изначальной задаче — владеть морями (океанами) в целях защиты отечественной морской торговли. Они — за приоритетное развитие российского «гражданского» флота, так как «существование торгового мореходства не только составляет условие для прочного создания флота, но оно, главным образом, вызывает в нем потребность. Военный флот нужен прежде всего для обеспечения торговли и для ограждения торговых интересов в самых отдаленных морях» (Б.Н. Чичерин).

Необходимо отдавать себе отчет в том, что в ходе военно-морской реформы флот будет сокращаться, «ужиматься», приобретать в некоторых элементах почти зародышевую организацию, к тому же участвуя при этом в конкурентной борьбе с другими видами вооруженных сил. Главное — сохранить боевое качество, использовать малые формы для возрождения военно-морского искусства, традиционной способности побеждать превосходящего противника. Образцами для этого останутся труды, подвиги и победы русских флотоводцев, выдающихся адмиралов Петра Великого, Ф.М. Апраксина, М.М. Голицина, К. Крюйса, А.Г. Орлова, Ф.Ф. Ушакова, Д.Н. Сенявина, С.К. Грейга, Г.А. Спиридова, Л.П. Гейдена, М.П. Лазарева, П.Н. Нахимова, В.А. Корнилова, В.И. Истомина, С.С. Лесовского, И.Ф. Лихачева, С.О. Макарова, А.В. Колчака, Н.О. Эссена и многих других из блестящей плеяды, школы русских моряков. Нельзя забывать, что для существования флота требуется признание общества. А оно заслуживается только политическими и морскими победами.

Военный флот не может возникнуть враз. Он создается десятилетиями, передается как драгоценное наследие из поколения в поколение. Достояние это следует беречь, приумножать и совершенствовать. Чтобы Военно-Морской флот существовал как живой исторический организм, обладающий иммунитетом против разложения и соответствующими прививками для развития, следует прежде всего: а) показать его государственное (не военное только) значение для полноценного существования России; б) сохранять его историческое сознание, преемственность, традиции, боевую школу и другие руководящие духовные начала; в) создавать для него необходимые условия и обстоятельства, которые обеспечили бы решение им государственных и боевых задач. Заложив эти основы, не придется в очередной раз задумываться о том, а есть ли у нас вообще военный флот или он просто мираж, ненужная игрушка? Не надо будет вновь по живому резать Черноморский флот, решать судьбу Севастополя, перемещать Балтийский, снова и снова отстраивать Северные и Тихоокеанские бастионы, задавать себе бесконечные вопросы, на которые историей давно найдены правильные ответы.

Не менее важно усвоить, наконец, поучительные уроки военно-морской и общей истории России, проникнуться истинами, духом и заветами русской военно-морской мысли, представленной такими замечательными именами, как Ф.Ф. Веселаго, П.И. Белавенец, Е.И. Аренс, Л.Н. Кладо, Б.Б. Жерве, А.Д. Бубнов, Е.Н. Квашнин-Самарин, А.А. Ливен, М.О. Меньшиков, С.О. Макаров, М.И. Смирнов и многие,

многие другие ревнители русской военно-морской идеи. Их духовное наследие (наши военно-морская классика и национальное достояние) представлено на страницах предлагаемой книги, призванной быть хрестоматией для тех, кто подчинил себя службе под Андреевским флагом. Надеюсь, что в ближайшем будущем книга получит продолжение в капитальных трудах по Советскому военно-морскому флоту, Российской военно-морской доктрине XXI века.

Следует подчеркнуть, что уже сегодня Военно-Морской Флот Российской Федерации начинает развиваться с учетом заветов основоположников русского военно-морского искусства, выводами классической военно-морской мысли России. Все задачи укрепления морского могущества России решаются комплексно, в интересах укрепления позиций российского государства, в том числе и на прилегающих к его территории морях и океанах. В этих целях Правительство Российской Федерации с 1998 года реализует Федеральную целевую программу «Мировой океан», рассчитанную на 10–15 лет. Министерством обороны разрабатывается подпрограмма «Военно-стратегические интересы России в мировом океане», основой которой станет соответствующая «Военно-морская стратегия Российской Федерации». Решая эти проблемы, не обойтись без исторически обоснованных взглядов на строительство, развитие и применение ВМФ России на ближайшую и дальнейшую перспективу.

ВМФ России в XXI веке это — современный флот, ориентированный на будущее. Он будет состоять из боевых надводных кораблей, атомных и обычных подводных лодок, морской авиации, береговых войск и морской пехоты, искусно размещенных на всех прилегающих к территории России морях и океанах. Основные усилия в его строительстве и развитии сосредоточатся не только на максимальном использовании новейших военно-технических достижений, но, прежде всего, на подготовке государственно-мыслящего, образованного, творческого, преданного военно-морскому делу личного состава, проникнутого традициями русского флота, осознающего свою причастность к славным делам предков, к великому морскому сословию государства российского.

***Главнокомандующий Военно-Морским Флотом
адмирал Владимир Куроедов***

Вместо введения

А. Руттик, А. Бубнов

АРМИЯ НЕ МОЖЕТ ЗАМЕНИТЬ ФЛОТА

История России очень поучительна. Сколько было у нее бед и лихолетья, сколько было в ней рабства, набегов на нее иных народов, разорений и нашествий; но угнетенная временно Россия опять поднималась, созидала все сокрушенное, крепла и не раз являлась перед целым светом во всем своем величии, блеске и могуществе. Она дала жизнь всем своим подданным; теперь, в несчастье, снова должна вставать на свои собственные ноги, не рассчитывая на чужую помощь. Не следует отдавать земель своих предков инородцам, но крепко сплотившись, разумно работая, смело смотреть в будущее: «Велик Бог Русской земли!»

Императорская Россия, в отличие от царского периода и в подобие великокняжескому, с Петра Великого, заполняет свою историю в большинстве наступательными походами. Русское знамя время от времени развеивается в разных местах Европы и Азии на обширном пространстве: можно сказать, от берегов Атлантического до берегов Тихого Океанов, от Ледовитого до Средиземного морей и до диких перевалов в богатую долину Инда. Эти войны России, независимо от результатов, достигнутых для самой себя, в смысле, так сказать, строения государства, были в то же время ее историческим подвигом: великой службой на благо человечеству, культуре и цивилизации в самом широком и глубоком смысле. Она даровала самостоятельность многим народам, бывшим под властью Турции и с нею соприкасающимися, поддерживала, даже выручала из больших бед Австрию, Пруссию, спасала всю Европу и приобщила к культурной жизни десятки миллионов разных племен, наречий и верований на своем юго-востоке, в Азии.

С начала возрождения русского государства (1380–1905), в течение 525 лет Россия более 350 лет провела в войне, т.е. почти 2/3 своего исторического существования, и надо сказать правду, что войны ее были не ремеслом, как на Западе, а в большинстве случаев делом великим, народным, даже, можно сказать, священным подвигом. Это последнее можно приписать главным образом тому обстоятельству, что у нас никогда не было наемного войска; оно всегда плоть от плоти, кровь от крови народа, т.е. тот же народ. Подобный национальный характер армии всегда имел свое великое значение и потому только мог столь мощно послужить на создание Русского государства, то обороняясь, то наступая, с целью дойти до естественных границ — берегов, т.е. *стать твердою ногой у морей* Черного, Балтийского и Каспийского.

Как Порт-Артур, так и Цусима нам хорошо известны... Но вместе с тем можно сказать, пожалуй, что и неизвестны, потому, что подробности того и другого еще далеко не исследованы и потому еще не подлежат нашему суду и осуждению; но, тем не менее, многие соглашались с тем и признают, что Цусимский бой был поворотным пунктом нашей новой истории... И это ясно намекает нам, как *велико значение флота* в столкновении современных военно-экономических интересов государств. *Армия не может заменить флота*, что видно уже из того, что Россия, имея почти миллионную армию, после Цусимского погрома отказалась от продолжения войны с Японией; но флот, во многих случаях, может заменить действия армии.

Действия флота могут распространяться на *любую точку земного шара*; благодаря своей подвижности он может входить в состав каких угодно союзов в самых отдаленных странах; может поддерживать благоприятствуемые его правительству страны и наоборот и, наконец, флот не отрывает большого числа рук от экономической жизни страны, а сам, непрерывно совершенствуясь, способствует экономическому прогрессу, а, следовательно, и общей жизни народа. Морские сражения происходят не на застроенной, кормящей народ земле; и сильный, мужественный флот отстраняет нападения врагов на свои приморские города. Одним словом, морские силы отлично могут охранять, как говорится, наш домашний очаг.

Из изложенного видно, что наивыгоднейшая политика для России будет та, которая позволит как можно меньше отвлекать армию от обороны и, *опираясь на флот*, иметь возможность всегда участвовать в политическом концерте других держав. Но, подобно тому, как торговый флот не может на-

долго отстать в своем развитии от потребностей морской торговли, так и страна не может пренебрегать в прогрессировании своего военного флота теми требованиями, которые вызываются размерами ее торговли и экономическими потребностями и интересами. Результаты такого пренебрежения, пожалуй, и не обнаружатся в течение лет и даже десятилетий, но впоследствии могут случиться такие обстоятельства, которые заставят дорого заплатить за это пренебрежение, а потому не надо увлекаться временным будто бы сбережением расходов, пренебрегая сооружением флота, а, наоборот, стараться сделать все с должною предусмотрительностью и как можно хозяйственнее.

А. Риттих и А. Бубнов. Россия и ее моря. Краткая история России с морской точки зрения. – СПб., 1907. – С. 136–138.

ГРАНИ ВОЕННО-МОРСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

П. Белавенец

НУЖЕН ЛИ НАМ ФЛОТ И ЗНАЧЕНИЕ ЕГО В ИСТОРИИ РОССИИ

Последнее время, особенно после тягостных для России результатов Русско-японской войны, все чаще и чаще стали раздаваться толки: «России флот не нужен». «Это очень дорогая игрушка, которая никогда нашему Отечеству пользы не приносила, а служила лишь совершенно ненужной обузой и помехой». «Лучше не тратить даром денег, совсем не иметь флота, уничтожить все морское».

Очень много грозных безапелляционных решений, но верны ли они?

Надо раньше посмотреть, не имеет ли морское дело достаточное оснований в прошлом, чтобы можно было сказать совершенно обратное: «Дело необходимое, важное, хотя и потерпевшее теперь неудачу. Но оно безусловно должно оправдать себя и возложенные на него надежды».

Надо помнить, что жизнь государства измеряется многими сотнями лет, а потому, если не изучать должным образом свою родную историю, то тяжкие уроки наших отцов и дедов мы уже забываем, а что было раньше их, — и подавно.

Если незнание закона не служит оправданием преступнику, то незнание своей истории тем более не может служить оправданием тем, кому вверено руководство историческим Отечественным делом. Я даже больше скажу: «Незнание Отечественной исторической истины для Государственного деятеля положительно преступно по тем пагубным последствиям, которые от этого незнания произошли».

Постараюсь на основании исторических примеров из прошлого нашей Родины указать на то огромное значение, которое имел флот в создании и развитии России, чтобы тем опровергнуть дерзкие суждения, что флот России ничего не сделал и был обузой, помехой, ненужной игрушкой.

Но при этом мне необходимо прежде всего оговориться и указать, что я называю Военным флотом отнюдь не Морское Управление, Воинский Морской приказ или Морское Министерство, а *«Военным флотом должна называться воинская сила на море, будь то постоянная, регулярно организованная часть или лишь временно собранная, согласно потребностям данных обстоятельств, но, конечно, вооруженная сообразно с положением развития современного военно-морского дела»*.

Попутно с военным существовал всегда коммерческий или торговый флот, цель которого ясна из самого названия и зависит от развития морских коммерческих предприятий, частных или правительственных.

Великий Преобразователь России, царь Петр Алексеевич, определяет значение флота следующими словами:

Всякий Потентат, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет.

Т.е. сухопутные войска и флот есть две руки одной и той же вооруженной силы того же государства. Истина, казалось бы, неопровержимая, но, к несчастью, и теперь неисполняемая. Это две руки того же государственного тела, но действующие у нас на Руси совершенно врозь, а между тем история, казалось бы, должна была нам подсказать самое тесное единение — ведь только в единении сила.

С тех пор, как существует мир, люди воюют на сухом пути; трудно сказать когда, но во всяком случае много позднее стали воевать на воде и, наконец, морская сила столь увеличилась, что появились войны на море.

Отсюда и появились *три рода войн*: войны чисто сухопутные, чисто морские и такие, на которых действуют и сухопутные войска и флот. При этом я должен повторить и указать, что я называю военным флотом всякую силу на море, будь то постоянно организованная часть или лишь временно собранная, согласно потребностям данных обстоятельств, но, конечно, вооруженных сообразно с положением развития современного военно-морского дела.

Такие операции, в которых участвуют и сухопутные силы, и флот, носят названия совместных, смешанных, совокупных и пр., не давая определенного значения каждому из них. Но ведь вообще операции бывают стратегическими, т.е. имеющими влияние на ведение войны, и тактическими, имеющими ближайшее участие в бою; а потому я беру на себя смелость называть операции, в которых принимают участие и флот, и сухопутные силы, в стратегическом отношении — совместными, а в тактическом — смешанными.

Отсюда и войны получают характер: сухопутных, совместных и морских.

Очевидно, первоначально войны были исключительно сухопутными, затем появились совместные и, наконец, чисто морские. <...>

Первые годы нашей отечественной истории указывают на целый ряд походов первых русских князей на Византию. Все они должны быть отнесены к разряду совместных операций, которые имели целый ряд эпизодов чисто сухопутного характера и чисто морского. Под давлением татарского нашествия походы на Византию прекратились.

На Балтийском море Великий Новгород возвеличился благодаря своей морской торговле и продолжал свободно существовать, так как татарское иго его не коснулось. И был Новгород велик и славен, пока его флот был современен и мог не только защищать свою морскую торговлю, но и содействовать боевым походам новгородцев на земли вражеские, а на море нападать и отражать флоты соседские.

Когда же соседи создали себе большую силу на море, а новгородцы, занятые своими домашними кознями, ссорами и распрями, не учли морского усиления соседей, то за это жестоко поплатились, потеряв постепенно свои окраины, затем морское побережье и были стеснены в своем морском торговом пути, который постепенно переходил во власть соседей. Морем Новгород разбогател и возвеличился, морем же пришли враги, отнявшие сначала побережье, затем морскую торговлю и тем окончательно подрезали устои силы, на которых стояла мощь «Господина Великого Новгорода».

Ко времени возвеличения Московского государства Русь потеряла обладание морским побережьем. Затем постепенно и вполне определенно начинается стремление к возврату себе побережья Балтийского моря, но осуществление этого великого дела привелось только Московскому государству, когда царь Петр Алексеевич создал регулярные сухопутные и морские силы, совместными действиями которых и добился обладания Балтийского побережья и тем Московское царство сделал Российской Империей.

Теперь рассмотрим бегло войны, которые вела Россия за период Петра Великого и далее до наших дней, и разберемся, к каким они должны быть отнесены, т.е. войнам чисто сухопутным, к морским или к совместным.

Царь Петр Алексеевич, стремясь получить выход в Черное море, совершает свой первый поход к Азову в 1695 году, но терпит полную неудачу, так как у него не было военного флота, чтобы обложить приморскую крепость Азов со всех сторон. Неудача не остановила Великого Петра, а только привела к еще большей энергии и сознанию необходимости создания регулярного флота, соответствовавшего современному развитию морской техники, т.е. к постройке вполне современных судов. Это сознание сделало то, что царская дума Московского государства постановила 20 октября 1696 года: «Морским судам быть». И закипела горячая работа. Флот, точно по мановению волшебника, скоро появился на Руси и в первый же раз своего совместного действия оказал неоспоримую услугу сухопутным силам в занятии приморской крепости Азов.

Итак, в первом же совместном походе регулярной армии и флота наши предки одержали существенный перевес над врагом. Царь, чтобы доказать противнику, что русский военный флот не миф, отправил своего чрезвычайного посланника в Константинополь не сухим путем, а морским на русском военном корабле «КРЕПОСТЬ».

Покончив с турками, царь Петр Алексеевич в 1700 году начинает войну со шведами за обладание Балтийским побережьем, для чего создает военный флот на Балтийском море. Неудачи первых шагов не останавливают великого Преобразователя. Верная цель ведет его вперед. Неудачи только временно отвлекают его в сторону, но не убивают в нем энергию.

Постепенно, шаг за шагом, Русь укрепляется на Балтийском побережье и на водах Балтийских, а в результате война, начатая Московским царем, завершилась Русским Императором славным Ништадским миром.

Мог ли Петр Великий завладеть Балтийским морем, не создав надежной морской силы? Конечно, нет, и Северная война 1700–1721 годов является блестящей совместной войной, имеющей славные победы на сухом пути и на море.

Король Карл XII, бежавший в Турцию после Полтавского погрома, всячески подстрекал турок против России и в результате добился своего. Эта новая война была неудачна для России и завершилась катастрофой на Пруте. Царь заключил вечный мир с турками и согласился на уничтожение Азовского флота; равно отказался от Азовского побережья. Итак, победа под Полтавой утвердила владение на Балтийском море, равно и катастрофа на сухом пути отозвалась непосредственно на морских силах на Черном море.

Наконец, Персидский поход Императора Петра Великого 1722–1725 гг. был совершен по Каспийскому морю на военной эскадре, которая несколько раз содействовала успехам на сухом пути.

Итак, все войны, веденные Императором Великим, должны быть бесспорно отнесены к числу совместных операций. Только во время второй турецкой войны флот непосредственного участия не принимал.

Всем своим царствованием Петр Великий доказал, что недаром сказал: «Всякий потентат, который едино войско сухопутное имеет, едину руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет»; да, он имел обе руки и с великим умением ими обеими пользовался и тем еще раз доказал, что в единении сила.

При преемниках Петра Великого было сильно уменьшено значение флота, но, тем не менее, в первую же войну с Польшей (1733–1735 гг.) флот участвовал во взятии Данцига и других крепостей, а

равно и против французского флота. Сражений больших не было, но содействие флота было очевидное.

Следующая война с турками (1736–1739 гг.) — флот принимает активное участие как на Азовском, так и на Черном море, содействует сухопутным войскам при взятии Азова и Очакова, равно и в отражении турецкого флота.

При Императрице Елизавете Петровне была война со шведами в 1741–1743 годах, и в ней принял значительное участие русский флот.

Затем, во время Семилетней войны (1756–1762 гг.), русский флот опять принимает участие, исполняя преимущественно транспортную службу, подвозя войска, припасы и продовольствие, действуя против флота противника, содействуя занятию береговой крепости Кельберга как огнем своей артиллерии, так и свеженным десантом.

Итак, при преемниках Петра Великого и до Великой Екатерины флот принимал участие во всех войнах. Больших сражений не было, а постоянные совместные операции были.

Первым делом Императрицы Екатерины Великой было прекращение Семилетней войны, — и тут флоту нашему пришлось доставлять русские войска на родину. Царствование Екатерины Великой ознаменовано целым рядом войн и во всех флот принимал активное участие, действуя в море и в непосредственной связи с сухопутными войсками. Первая война была с турками 1768–1774 г. Русская эскадра с посаженными на нее «сухопутным детершементом» пошла в Средиземное море, где русские моряки бесспорно заслужили высшую похвалу и много содействовали возвеличению славы Российской эскадры. Но, кроме того, флот много раз содействовал сухопутным войскам и в Средиземном, и в Черном морях.

Затем началась война с Персией в 1781–1786 гг., и тут вновь крупная совместная операция. Каспийская флотилия много содействовала успехам сухопутных войск.

Вторая война с турками (1787–1790 гг.) — война за обладание Черноморским побережьем, имеет много случаев совместных и смешанных операций при взятии крепостей и в особенности Очакова Потемкиным и Измаила Суворовым. Было несколько чисто морских сражений за обладание морем и в них русский флагман Федор Федорович Ушаков оказался много выше, по знанию морской тактики, лучших моряков всего мира по тем боям, которые они одержали над турками.

Война со шведами на Балтийском море в 1788–1790 гг. велась главным образом на море и русский флот одержал безусловно верх, дав России обладание морем. Война эта началась на море. На море же мы получили преобладание над шведами, равно на море мы проиграли все завоеванные преимущества.

Подобно царствованию Петра Великого, царствование Екатерины Великой ознаменовано походом в Персию и вновь с участием флота на Каспийском море.

Итак, за славное царствование императрицы Екатерины Великой флот многократно показывал себя с очень хорошей стороны. Флот принимал участие во всех войнах, что и является еще большим доказательством, что наши войны должны быть отнесены к разряду совместных. Замечательно, что только два Русских Государя широко смотрели на действия сухопутных и морских сил и только их история именуется *великими*. Опираясь на сильный военный флот Екатерина Великая заставила весь мир исполнять свою волю. Вооруженный нейтралитет был проведен в жизнь только благодаря существованию могучего флота у Русского государства и даже в это царствование не было ни одной чисто морской войны, т. е. без участия сухопутных сил.

Краткое царствование Императора Павла Петровича изобилует войнами совместного характера. Первая война с Францией до 1800 года в союзе с Турцией, а затем и без ее участия. Флот все время содействовал общему успеху на сухом пути. Бессмертный Суворов, под руководством которого орлы Российские облетели орлов Галльских, широко пользовался русским флотом, который, действуя на побережье, много помогал общему успеху.

Потом, в царствование же Павла, был послан русский флот с «детрашементом сухопутных войск» для участия с английским и в Англо-Голландской войне. Эту войну нельзя назвать морской, так как флоту пришлось главным образом действовать совместно с сухопутными войсками. Наконец, предпологавшийся смелый поход на Индию должен был состояться при участии и обеспечении пути по Каспийскому морю русским флотом. В царствование Императора Александра Благословенного России пришлось участвовать во многих войнах, сначала с Францией с 1801 по 1807 г. — и вновь не только на сухом пути, но и на морях, причем наши моряки на Средиземном море показали всему миру, что они не забыли подвигов своих отцов во времена Екатерины Великой. Не успели мы закончить войну с Францией, как началась война с Турцией, которая непосредственно перед тем была нашей союзницей. Война продолжалась с 1807 по 1812 г. и дает целый ряд совместных операций. А морские бои русского флота в этот период, особенно Афонское сражение, являются вполне заслуживающими стать в ряду лучших образцов того времени. В эту войну, кроме операций на Средиземном море, был целый ряд боев и чисто совместного характера на Черном море.

Затем война с Англией (1807–1812 гг.) и шведская (1808–1809 гг.) имеют целый ряд совместных операций. В Отечественную войну, когда центр тяжести всех действий был направлен на сухом пути, все-таки русскому флоту привелось, и с успехом, принимать участие в совместных операциях, а затем и корабельный флот действовал вместе с английским у вражеских берегов. Но, кроме действий на море, наши моряки участвовали в чисто сухопутном походе: гвардейский и 75-й Черноморский экипаж. (Около 300 черноморцев участвовали во многих боях при взятии Парижа. Под Кульмом, между прочим, отличился Черноморского флота капитан 2-го ранга Додт и за бой пожалован чином).

Царствование Николая Павловича началось вновь войной с турками и, конечно, не обошлось без участия флота как на Средиземном, так и на Черном морях, где флот наш имел большое влияние на выбор операционного направления военных действий, также принимал непосредственное участие в овладении приморскими крепостями.

Во время Венгерской кампании флот участия не принимал.

Горестная Крымская война имела целый ряд совместных операций как с нашей стороны, так и с вражеской.

При Императоре Александре II флот в 1863 г., явившись у берегов Америки, на путях мировой торговли, стал угрозой Англии и Франции и тем дал возможность нам самим, без помехи, окончить с восстанием в Польше, т.е. это пример совместной операции в широком смысле.

В многолетней войне за овладение Кавказом флот с первых же шагов принимал непрерывное участие во многих совместных операциях.

Война с турками (1877–1878 гг.), даже при наличии малой флотилии на Черном море, дает целый ряд совместных и смешанных операций на Черном море. Например, Макаров содействует Шелковникову у берегов Кавказа. Затем — действия на Дунае. Да и на море, где турки были много сильнее, наши моряки с успехом хозяйничали под стенами самого Константинополя. Отсутствие вполне современных военно-морских судов не дало возможности открытой борьбы с турецким флотом.

В минувшую войну, безусловно, были многие совместные операции и в стратегическом, и в тактическом смысле.

Итак, все войны наши, за малым исключением, должны быть отнесены к числу совместных. Чисто сухопутных было очень мало, чисто морских не было совершенно. Так можем ли мы, русские, после этого игнорировать изучение совместных операций, когда все наши войны изобилуют совместными операциями. Да оно и понятно: если держава обладает морским побережьем и воюет с другой, имеющей флот, то морские и совместные операции безусловно неизбежны.

Если наше боевое прошлое имеет целый ряд совместных операций и мы теперь обладаем морским побережьем, то неужели допустимо игнорировать изучение совместных операций? — Конечно, нет.

А ведь мы до сих пор игнорируем этот вопрос и в воинских учебных заведениях (т.е. сухопутных и морских) не изучают совместных операций и связь сухопутных и морских сил.

Наше сухопутное войско и флот — точно два удельных княжества со своими тайными секретами и дипломатическими переговорами. Пора, наконец, хотя бы под напором неудач последней войны, взяться за дружную совместную работу и соединить свои руки для общего государственного дела, а не удельного интереса.

Когда я по поводу этого говорил с покойным генералом Драгомировым в 1902 году, объясняя ему цель моих стремлений в сухопутную академию, то он, подумав, сказал: «Да, у Русского Потентата хотя две руки, но они как бы на разных туловищах». И великий военный мыслитель вполне согласился со мной, что необходимо изучение совместных операций. Да оно и понятно, так как только в единении сила. Руки врозь действовать сильно не могут.

Мне некоторые лица возражали, говоря, что я преувеличиваю эту отчужденность, что я ломлюсь в открытые двери. Но нет, господа, нет. Ведь я 11 лет тщетно добивался попасть в русскую академию генерального штаба, так как там нет вакансии для морских офицеров. Мне отказывали, не находя надобности в связи между морскими и сухопутными силами. Другие мне с улыбкой говорят: «Неужели вы воображаете создать такую связь?». Нет, я не мечтаю столь дерзко, что могу сделать (на мой взгляд) столь трудное дело. Но полагаю, что за первым бросившимся на штурм, если он и падет сраженный на полпути, пойдут другие, и если они энергично пойдут, то и возьмут крепость и за крепостной стеной твердо соединят свои руки для общего государственного дела, а не для удельных интересов. Даже отбитый штурм может возобновиться, если сила и энергия атакующего живы и поддерживают его в сознании правоты и ценности своих стремлений.

Как доказательство тому, что даже печальная война не научила нас, что мы наказаны, кроме другого, еще за отчужденность работы обеих рук Русского Потентата. Теперь заседают две комиссии по изучению минувшей войны и обе комиссии работают врозь, создавая отдельно свои выводы. Удельные княжества, сухопутное и морское, создают истории действий своего княжества, а не общего государственного дела.

Смею надеяться, что в предлагаемых мной основах никто не усомнится, в частности же разногласия, конечно, могут быть, но основы верны.

1) Флот и армия суть лишь только части вооруженных сил того же государства, поэтому необходимо *общее изучение военной истории, не разделяя ее на сухопутную и морскую*. Нужно изучать общий план войны.

2) Необходимо широкое изучение отечественной истории, так как она ближе может указать нам наши задачи в будущем.

3) Изучение борьбы за обладание нашими морями и, конечно, в общих чертах и на воде, и на суше с обязательной оценкой политических задач прошлого. При этом всегда разбирать причины успеха и неудач.

4) Изучение смешанных операций как частных примеров тактических взаимодействий флота и поддержки в бою.

Пора нам, наконец, отряхнув лень, заняться общим делом во имя блага своего же общего государства, игнорируя своими частными удельными интересами, помня, что только в единении сила, а Русский Потентат будет только тогда могуч, когда его обе руки, т.е. сухопутная и морская силы, будут действовать согласно и совместно. <...>

Итак, просмотрев весьма кратко историю нашего флота, следует сделать такой вывод.

* В Киевский период он вполне удовлетворял требованиям своего времени и, являясь естественным применением обычного коммерческого флота, весьма успешно выполнял возлагавшиеся на него задачи.

* В Великом Новгороде сначала флот был вполне удовлетворявшим требованиям времени, и новгородцы с успехом делали морские набеги на природных моряков — скандинавов, но затем новгородцы, не придав значения развитию морского дела у соседей, *лишились всего побережья Финского залива* и части Балтийского моря, а вместе с тем утратили свою самостоятельность и мировое значение еще задолго до возвышения Москвы, полонившей Новгород, но уже далеко не тот, каковым он был, пока флот новгородский, хотя и иррегулярный, был страшен своим соседям.

* Москва, народившаяся под гнетом татарского ига, все время стремилась к выходу в Балтийское море; но для этого, кроме сил сухопутных, необходимо было иметь морские постоянные силы, что вполне ясно сознавали наши соседи, как это видно из писем и речей Польского и Шведского королей. Теперь техника морского дела уже не могла ограничиться судами Киевского периода, ни даже Новгородского; нужны были более совершенные корабли и их создал Петр Великий.

* В первом же деле под Азовом заведенный им *регулярный флот* вполне оправдал потраченные на него силы и хлопоты; затем в Северной войне флот, постепенно развиваясь под разумным и неустанным руководством Петра, оказал России огромную услугу и, не будь у Царя надежного флота на Балтийском море, *никогда* Россия не возвратила бы себе берега, которыми владели наши предки новгородцы и псковичи, которые утратили их только потому, что не оценили современного значения морской военной силы. При преемниках Петра Великого флоту было оказано слишком мало забот и внимания, вследствие чего он ослабевал, а злостное увлечение экономией, дошедшей до запрещения посылать суда в море без особого на то каждый раз Высочайшего повеления, еще более ослабило личный состав, ибо *без плавания и практики флот существовать не может*. Затем флот действовал нерешительно, так как руководимый людьми, которым недостаточно доверяли в силу духа времени и которых заставляли даже в море ничего не предпринимать без совета, убили в них энергию и веру в свои силы — это почти то же, что уничтожить и обезличить личный состав.

* Императрица Екатерина Великая, оценив важное значение флота, обратила на него свое милостивое внимание: она дала полномочия флагманам, оказала поддержку материальную, откинувши ненужную экономию и стремление на грош купить пятаков, и в результате флот, оказав чудеса храбрости и стойкости, возвеличил Россию в мировом значении. Флот походом в Средиземное море и блистательными победами при Чесме, Патрасе и др. дал в руки Великой Екатерины могучую силу управлять судьбой Европы. Шведы, понадеявшись, что России не хватит сил на море, чтобы действовать и в Средиземном море, и в Балтийском, предприняли грандиозный поход на столицу России, и только флот, призванный к бытию энергией Великой Екатерины, спас свое отечество, грудью заслонив путь к сердцу России. Целым рядом морских побед было настолько унижено Шведское государство, что заключен был мир, столь необходимый для нашего отечества, сражавшегося в это время и на юге. Очевидно, что не будь у нас флота, наши сухопутные силы не смогли бы так скоро совладать со шведами; недостаток войск под Петербургом был столь велик, что забрали всех извозчиков и из них сформировали казачьи полки. Характерной чертой конца царствования Екатерины Великой была распушенность во всех частях государственного устройства. Не избежал этой участи и флот; упоенный песней «Гром победы раздавайся» почивал он на лаврах и не было той могучей энергии, которая являлась бы важным залогом успеха и высокого развития.

* Император Павел, вступив на престол, хотел все сразу переделать. Но всегда, когда хотят сделать сразу слишком много, ничего не успевают сделать; неровности характера императора резко отозвались на флоте: хотя он его очень любил, но не в меру страстно предавался уничтожению всего Екатерининского. Целый ряд войн, как в калейдоскопе, играет флотом; наши исконные враги турки становятся союзниками против наших вечных друзей французов. При Императоре Александре Первом мы опять воюем с турками, шведами и англичанами на разных театрах, потом опять против французов в союзе с только что бывшими нашими противниками англичанами. Конечно, все это напряжение и очень неопределенное положение не давали возможности создать хороший флот, тем более, что адмирал Чичагов, снискавший особое доверие Императора, представил ему в слишком сгущенных красках плачевное состояние флота. Был собран Комитет образования флота, в наказ которому было повелено изыскать средства для извлечения флота «из настоящего мнимого его существования и к приведению одного в надлежащее бытие». Чичагов начал усиленно ломать все, что главным образом отозвалось на постройке судов, пришедших к большому упадку. Но, уничтожив существовавшее, он не создал ничего нового. После Чичагова во главе морского министерства стал маркиз де-Траверсе, иностранец, перешедший на Русскую службу уже в зрелых летах; он России не знал и знать ее не хотел. Больше всего занимаясь придворными интригами, он за личными интересами не заботился о флоте; при нем суда строились, приводились в Кронштадт, нередко гнили там, никогда не бывали в море, разбирались на дрова, ибо, экономя в насущно необходимом, в других частях хозяйства он расходовал несоразмерно много. Маркиз привел судостроение к страшному упадку, но, к счастью, личный состав — душа и энергия флота — не был им загублен в конец. Из особенно выдающихся офицеров был Михаил Петрович Лазарев, великий учитель флота и руководитель Николаевского времени; из его школы вышли целые поколения выдающихся моряков.

* В царствование Императора Николая Первого началось усиленное судостроение. *Не долго построят суда, но действовать успешно они могли лишь потому, что не погас огонь любви к флоту в его личном составе*. Он одухотворял построение морского тела и дал России на глазах

лучших флотов того времени примеры доблести и славы родины. Но потом, под конец царствования Николая Павловича, не оценили своевременного усовершенствования нового вооружения: войска не были перевооружены и не был построен паровой флот. Экономия, неразумная в этом отношении, удержала нас от расходов, и вот, экономия сравнительно немного, мы потеряли Крымскую кампанию и флот на Черном море, благодаря чему Россия принуждена была заключить тягостные и обидные условия мира. Оставшийся после уничтожения Черноморского флота личный состав не был достаточно использован и моряки, не имея возможности применить на деле свой боевой опыт, разбрелись по всем концам России.

В последнюю Турецкую кампанию мы не потерпели большого урона главным образом потому, что знали в техническом отношении морское дело лучше наших врагов и слишком был вял и непредприимчив наш враг, а наши моряки, конечно, молодежь: Макаров, Баранов, Диков, Дубасов, Шестаков, Скрыдлов и Зацаренный — все люди энергичные, показали чудеса храбрости даже на малых судах, наскоро приспособленных для военных целей. Мы имели над неприятелем полнейший успех, и тут опять больше всего оказал помощь личный состав, молодой и энергичный.

После этой войны постепенно был создан в России огромный флот, но, благодаря экономии в расходах на практику, т.е. в самом главном, — суда мало ходили, и то малыми ходами, не стреляли боевыми снарядами — тоже из экономии в расходах угля и снарядов. *В результате мы заплатили за эту неразумную экономию гораздо больше, чем сэкономили: потеряли совершенно флот и понесли ужасные тягостные и обидные политические удары.* А причина их — вакханалия неразумного ведения хозяйства и экономии в делах первой необходимости. Конечно, весь исход войны был бы совершенно другой, если бы морская победа была на нашей стороне. Мы сэкономили в снарядах, не стреляли никогда на таких расстояниях, на каких пришлось стрелять в бою; а японцы, не пожалев на практику пять боевых комплектов, переменили часть пушек и выиграли сражение, сторицей вознаградившее за все понесенные расходы, и в результате японский флот дал своему отечеству важное мировое положение.

Считаю уместным здесь привести слова знаменитого оратора Демосфена, который за три века до Р.Х. сказал своим согражданам речь, весьма поучительную для нас и даже больше. Если в ней вместо *афинян* поставить нас *русских*, а вместо *македонян* — *японцев*, то можно подумать, что великий философ речь свою сказал *именно Россиянам*.

«Афиняне! — так начал свою речь Демосфен — наше положение плохо, но не следует падать духом; надо надеяться, что это-то самое плохое положение и даст нам возможность создавать лучшее будущее. Дела плохи потому, что вы ранее *ничего не делали* и не исполняли своего дела; вот если бы вы готовились на все как следует, и *тогда бы дело находилось в положении подобном* настоящему, то тогда, конечно, *уже не было бы никакой надежды на улучшение*, но если вы приметесь за дело, то в успехе сомневаться нечего — ручательством этому могут служить примеры прежних лет. Припомните сколь великую военную силу имели македоняне и, однако, с какою славой и честью вы оберегали достоинство своего отечества, а затем даже начали войну с ними, чтобы отстоять свою свободу.

Не следует робеть, не следует считать Филиппа непобедимым. Обратите внимание на то, что те города и племена, которые теперь находятся в союзе с ним, были более расположены к нам, чем к нему; на то, что уже по самой уже природе вещей, имущество отсутствующих должно принадлежать присутствующим; владения людей небрежных — *тем, которые не боятся ни трудов, ни опасности*. Руководствуясь таким взглядом, Филипп покорил эти местности и теперь владеет ими, а кроме того приобрел *союзников и друзей* — ведь все охотно вступает в союз и желают иметь дело с тем, *кто готов к бою*, готов исполнить все, что придется.

Афиняне, следует же, наконец, приняться за дело, самим делать все возможное и быть полезным государству и не надеяться на то, что все *само собою устроится* к лучшему; тогда вы, если богам будет угодно, получите обратно ваше состояние, возвратите благодаря вашей небрежности потерянное и отомстите Филиппу. Его могущество не непоколебимо; будьте уверены, что его ненавидят, его боятся, ему завидуют даже из числа тех, которые, по-видимому, *принадлежат теперь к числу лучших друзей его*.

Заметьте также, что Филипп не способен довольствоваться своими теперешними завоеваниями; он со всех сторон *расставляет нам сети*, между тем как мы медлим и *сидим сложа руки*. Чего же вы еще ждете, афиняне, когда вы станете делать то, что следует?! Случись что-либо с Филиппом, умри он, вы быстро создадите другого Филиппа, если будете так же, как теперь, заниматься делами, потому что Филипп возвысился не только своей собственной силой, сколько благодаря нашей небрежности. Судьба более покровительствует нам, по-видимому, более заботится о нас, чем мы сами».

Далее Демосфен указывает тот способ, который, по его мнению, может вывести афинян из настоящего затруднительного положения. Он предлагает снарядить 50 трирем и *самим сесть на них*, а не посылать наемников, снарядить достаточное количество транспортных судов для вооруженной силы, которая должна числиться не на бумаге только, и приготовить для нее и содержание, и продовольствие. «Ввиду того, что Филипп имеет флот, необходимо и нам иметь *быстроходные суда (!)*, чтобы наше войско *плыло в безопасности*».

В конце своей речи Демосфен еще раз повторяет, что афиняне *«сами возвысили Филиппа и сделали его столь великим, как не было еще ни одного македонского царя»*, и заканчивает тем, что сделав все так, как он советует, они «прославят не только его, но и самих себя, *когда государственные дела примут лучшее положение*».

Неужели даже из краткого очерка нашей отечественной морской истории может быть сделан вывод, что России флот ничего не сделал, был обузой, ненужной игрушкой?.. Нет, нет и еще раз нет. Такой вывод или слишком недостойный, слепой скептицизм, или речи людей, которые для России желают только зла и позора. Неужели Империя Российская, подобно Великому Новгороду, допустит полное уничтожение боевой морской силы. Неужели флот, построенный Петром Великим и прославивший его, флот усиленный Екатериной Великой и возвеличивший ее, флот, столько раз стяжавший боевую славу родине, заслуживает лишь уничтожения, а не возрождения и усиления вновь на славу родины?

Многие скажут: да ведь создать опять флот будет дорого стоить. Да, теперешние суда не могут Киевскими ладьями, Новгородскими и даже Петровскими кораблями. Но *Петр Великий и Екатерина Великая, тратя разумно большие деньги на флот, не сэкономили на обучении личного состава; а у нас в последнее время, создав грандиозный флот, сэкономили именно на личном составе; ради экономии угля суда не ходили в море, ради экономии в снарядах не стреляли и в результате, благодаря этой экономии, слишком много перерасходовали в бою.*

Теперь у нас флота нет, но осталась хоть часть личного состава, — состава, который имеет не подлежащий процентному учету боевой опыт, и вдруг теперь говорят: флота пока не надо, потом создадим его. Исходя из тягостных примеров прошедших, можно с уверенностью сказать, что *Россия, не создав флота теперь же, сознает эту необходимость потом; но потом создание флота будет намного труднее и много, много дороже.* Современный боевой корабль строится от трех до пяти лет, а подбор личного состава потребует десятки лет, — припомним, что даже флот Петра Великого потребовал на это 15 лет, — а непроизводительно растроченный боевой опыт не вернуть никогда.

История нашей родины ясно доказывает, что России флот необходим и, конечно, флот активный, наступательный. Флот Киевский был исключительно наступательный. Флот Новгородский, пока был наступательный, имел успех, а когда утратил активные черты и стал флотом оборонительным, утратил и умалил значение всей страны. Флот Петра Великого и до наших дней был всегда наступательным: Невская победа, Гангут, Гренгам, Готско-Сандо, Чесма, Гогланд, Красная Горка, Афон, Наварин, Синоп, — все наступательные бои и все перлы в Российской боевой короне.

Техника последнего времени выдвинула новое оружие — подводные минные суда — оружие весьма могучее, но еще пока никогда не проявившее нигде свою боевую способность. Не отвергая создания подводных минных судов, нельзя не видеть ясно из истории нашей Родины и стран всего света, что без линейных боевых вполне современных кораблей обойтись нельзя, иначе мы потеряем побережья всех морей, а вместе с тем отдадим в чужие хищнические руки всю нашу внешнюю торговлю, а значит и большую долю благосостояния Родины. Нам дорого создать достойный Русский могущество флот. Ведь Япония на наших глазах создала тот флот, который разбил флот Российский на Дальнем Востоке. Неужели великая Российская Империя беднее маленькой Японии? — Конечно, нет. Но *там на дело разумно истратили большие деньги и создали могучий флот, а мы, построив суда, сэкономили на всем, а главное на снарядах, которые дали врагу столь могучий перевес, что наши выстрелы приравнялись стрельбе солью и горохом.*

Есть скептики и, к сожалению, таких немало, которые твердят, что Россия держава сухопутная, флота ей и не надо, и нет у нее интересов на море. Вот главным образом для них и привожу данные о нашей внешней торговле за 1900—1905 гг., заимствуя их из Ежегодника России Центрального статистического комитета Министерства Внутренних Дел, изданного в 1907 г.

Оказывается, что оборот грузов через сухопутные границы в среднем ежегодно равняется 505 миллионам рублей, а морем идет 1.029 миллионов рублей, т.е. больше чем вдвое. При этом иностранных грузов привозится почти одинаково и морем, и сухим путем; зато вывозится русских товаров по сухому пути на 220 миллионов рублей, а морем на 683 миллиона рублей, т.е. больше чем втрое; это показывает, что, *хотя Россию считают сухопутной державой, но ее богатства по ценности втрое идут главным образом не сухим путем, а морем.*

Теперь, если мы посмотрим на национальность судов, везущих наши богатства, то оказывается, что только 8,3% идет под русским флагом, и то из этих судов многие только пользуются русским флагом, а в сущности принадлежат иностранцам и на них русские только флаг и грузы; 91,7% идет на иностранных судах и под иностранным флагом.

Эти данные только еще больше должны показать, сколько богатства мы сами по своей лени и невниманию отдаем иностранцам. И это теперь, когда берега морские принадлежат нам, а что будет, если, не дай Бог, мы, подобно Великому Новгороду, не сознаем боевого и государственного значения отечественного флота на наших морях и сознательно отдадим все в руки иностранцев? Нам тогда грозит опасность, постигшая новгородцев, т.е. полное падение финансовое, а затем и Государственное.

Вывозится от нас морским путем вдвое больше, чем привозится. Это ясно показывает, что иностранцы находят выгодным приходить к нам пустыми, чтобы возвращаться груженными русскими товарами к себе на родину. А имей мы свой большой торговый флот, какую бы мы массу миллионов оставляли у себя на родине, а не отдавали бы своими же руками на расхищение в руки иностранцев.

Морская торговля может быть защищена только на море, а, оказывается, для охраны 1.029 миллионов русского богатства теперь некоторые лица находят, что дорого 100 миллионов, которые расходятся на морское министерство, т.е. на охрану нашего побережья и нашей морской торговли.

Пока мы имели флот, нам сравнительно легко открывались кредиты; теперь они уже сильно затруднены, ибо иностранцы еще ждут, какое будет решение относительно возрождения флота. Если

решат, что флота не надо, то нам закроют всякие внешние кредиты. Недаром германские политики говорили, что государство, не имеющее флота, может играть лишь роль статистов на мировой сцене.

Германия гораздо более нашего может считаться чисто сухопутной державой, но она осознала мировое значение флота. Это поняла вся нация и, как доказательство, являются многочисленные морские общества, широко интересующиеся развитием отечественного мореплавания и из самых отдаленных от моря местностей посылают свои гроши на усиление отечественного флота. И флот возрос настолько, что теперь конкурирует с английским, и это совершилось за короткий срок: положительно на наших глазах.

Россия вся должна сознать, что нашему отечеству флот необходим, а если это сознание будет крепко, то найдутся и деньги. *Искренне любящие свое отечество русские люди, желающие развития русского могущества и целостности Российского Государства, не могут твердить, что флота не надо.* Наша морская история только подтверждает правоту Великого Петра: «Всякий Потентат, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет».

Так поймите же, русские люди, что *Русский Потентат должен иметь обе руки* и только тогда он сможет отразить всех своих врагов, а если у него будет только одна рука, т.е. только сухопутное войско, то, подобно Великому Новгороду, потеряет свое могущество.

Убежден, что те русские люди, которые искренне любят свое отечество, ознакомившись хотя бы с беглым обзором истории Русского флота, совершенно сознательно скажут: *да, России необходим могучий наступательный флот, который бы мог на многие годы постоять за Веру, Царя и Отечество.*

При этом прибавляю слова Великого Петра: «Потеря времени — смерти безвозвратной подобна».

Белавенец П.И. Нужен ли нам флот и значение его в истории России. – СПб., 1910. – С. I – VIII; 266–277.

ЗНАЧЕНИЕ ФЛОТА В РЯДУ ВОЕННЫХ СРЕДСТВ ГОСУДАРСТВА

1. Относительная роль сухопутных и морских средств войны при наступлении и обороне

Задавшись целью выяснить значение для государства морской силы, нельзя говорить о ней одной без установления крепкой связи ее с силой сухопутной.

Вопрос об обладании известной территорией непосредственно решается сухопутной силой. Только сухопутная сила может *вторгнуться* в пределы неприятельской территории, и только сухопутная сила может *преградить* путь неприятелю, подошедшему к нашим границам и имеющему намерение их переступить.

Вся жизнь, все интересы государства сосредоточены на суше, так как только она одна пригодна для жизни и для главного пропитания людей, а потому *окончательно* и всякий спорный вопрос, возникающий между людьми, когда они прибегают к решению его оружием, решается или прямым насилием по отношению к той или иной части территории государства, или угрозой по отношению к известным условиям человеческой жизни в пределах известной территории.

Вот почему непосредственно и окончательно всякий вопрос, разрешаемый с оружием в руках, в огромном большинстве случаев решает сухопутная военная сила. Единственный случай, когда дело может обойтись совсем без этой силы, — это когда воюющие государства не имеют общей сухопутной границы, и то лишь при некоторых исключительных условиях, в которых находятся одно или оба государства.

Поэтому весь вопрос о значении для государства морской силы выливается в исследование почти исключительно о том, насколько флот может способствовать деятельности своей армии и мешать деятельности армии противника, и о том, что выгоднее для государства — увеличивать ли до возможных для него пределов лишь мощь армии, или распределить эту мощь в известной комбинации между сухопутной и морской силой? <...>

По тем основам, которые направляют деятельность различных отраслей военной силы, они все совершенно сходны между собой.

Общая их задача — сломить сопротивление соответственной военной силы противника, и при преследовании этой задачи все они руководствуются общими принципами ведения войны и боя. Будет ли военная сила действовать на суше, на воде или в воздухе, она будет достигать поставленных себе целей посредством сосредоточения силы, взаимной поддержки, внезапности, подставления своей сильной стороны и уклонения слабой и т.п. Точно так же, вне зависимости от той стихии, в которой действует военная сила, успех ее, главным образом, будет зависеть от качества и степени обучения личного состава, т.е. от духовного ее элемента; одинаково важное значение будет иметь искусство руководства, — наступление всегда будет стоять выше обороны и т.п. Но когда появляется вопрос о способах и средствах, посредством которых та или иная отрасль военной силы будет осуществлять эти намерения, то здесь уже все будет зависеть от обстановки, главной данной которой явится та стихия — суша, вода или воздух, — в которой действует военная сила. <...>

Непосредственное назначение морской силы, по объекту — сломить военную силу противника и посредством этого или защитить воды, омывающие берега государства, от покушений на завладение ими со стороны неприятельской морской силы, или завладеть водами, омывающими берега противника.

Это определение по своей форме совершенно сходно с определением назначения сухопутной силы, которая существует для того, чтобы сломить сухопутную силу противника и, тем самым, или защитить от вторжения свою территорию, или занять территорию неприятеля.

Но как только мы выйдем из сферы общих определений, мы увидим, что задачи, для решения которых пускается в дело сухопутная и морская силы, имеют свои характерные особенности.

Владение морем не только обеспечивает свои берега от вторжения неприятельской сухопутной силы и открывает путь своей сухопутной силе для вторжения со стороны моря на территорию неприятеля, но оно обеспечивает возможность сообщения во время войны со *всем* миром, со всеми остальными государствами, союзными и нейтральными, и отнимает эту возможность от противника. Вот эта задача почти недоступна сухопутной силе, а потому ею и не преследуется. <...>

Вообще, свобода морских сообщений и в военное время играет огромную роль. Едва ли какое-нибудь государство может найти у себя все средства, необходимые ему для ведения войны. Или, если это государство промышленное, ему не хватит продовольствия, или, если оно земледельческое, не хватит каких-нибудь произведений техники. И даже если бы все это и нашлось в достаточном количестве у себя, свобода сообщений с другими государствами дает во время войны свободу торговли, а это в значительной мере способствует устойчивости финансового положения, что в свою очередь представляет огромную важность во время войны. А кроме того, вследствие дешевизны и удобства морской перевозки, по сравнению с сухопутной, огромная часть торговли всякого государства

идет морем. На что уже Россия считается страной континентальной, притом часть ее морей замерзает на значительное время года, и все-таки около трех четвертей ее торговли идет морем.

Через моря дышат государства, и потому-то свобода морских сообщений имеет такое огромное значение, которое еще увеличивается во время войны.

Выше было уже указано, что совершенно неправильно разбирать значение сухопутной и морской силы отдельно, потому что действительное значение и действительная мощь каждой из них может проявиться лишь при тесном их взаимодействии, что *надо говорить не о сухопутной или морской силе, а о военной силе государства, которая составляется из разумной комбинации той и другой*. В эту комбинацию имеет войти в недалеком будущем и третья сила — воздушная. Но о ней пока говорить еще рано. Можно только пожелать, чтобы в ее развитии и создании мы не оказались позади других государств, так как в тот момент, когда воздушная сила преодолевает препятствия, которые мешают ее развитию (главным образом, малую грузоподъемность), она сразу займет главенствующее положение среди средств ведения войны и без ее содействия и армия, и флот будут обессилены.

Опоздать в использовании нового оружия опасно вообще, но особенно это невыгодно такому государству, военная мощь которого ослабла и которому необходимо нагнать своих противников, ушедших далеко вперед в развитии этой мощи.

Действительно, всякий крупный шаг вперед в военной технике представляет огромные выгоды отставшим почему-либо в этой технике или в количестве вооруженных сил государствам.

Причина этой выгоды заключается в том, что появление нового оружия сразу обесценивает весь запас старого и даже ставит то государство, которое обладает меньшим запасом этого старого оружия, в более выгодное положение, так как ему нет надобности тратить огромные средства на содержание старого оружия, а можно обратить всю свою энергию на создание вновь появившихся средств борьбы.

Яркий пример правильности этого положения у нас перед глазами. Это тревога — почти паника — англичан перед создаваемым флотом германцев. А где причина этой тревоги? Ведь у англичан флот гораздо больше германского, и как бы не лезли из кожи немцы, догнать англичан по валовой вместимости флота им очень трудно. А между тем дело объясняется очень просто. После японско-русской войны появился новый тип броненосца (типа «Дредноут»), настолько превышающий все прежние типы по своей силе, что ценность их значительно понизилась, и в будущей войне дело в надводной борьбе будет решаться только броненосцами нового типа.

Вот немцы и сумели уловить этот важный момент и добились того, что в настоящее время они могут ежегодно строить такое же количество броненосцев нового типа, сколько и англичане. А значит, через несколько лет, когда огромный английский флот, построенный до появления нового типа, еще более устареет, германский флот может оказаться в состоянии поспорить с англичанами за обладание морем. А это грозит Англии потерей ее морского могущества, т.е. для нее — потерей всего.

Так же пользуются немцы и появлением воздушного флота, и тут они уловили момент, и в настоящее время обладают наибольшим количеством воздушных кораблей и такого типа, который пока наиболее пригоден для военных целей.

Но, повторяю, пока не о воздушном флоте речь.

Пока я ставлю себе задачей показать, что во всякой стране, берега которой омываются морем, сухопутная и морская сила органически связаны друг с другом и друг без друга обходиться не могут, потому что в большинстве случаев отсутствие флота обессилит армию, а отсутствие армии, обыкновенно, за исключением чисто островных государств, делает бесполезной деятельность флота.

Однако значение флота, как необходимого помощника армии, далеко не столь ярко бросается в глаза, как роль армии в общей работе военной силы.

Действительно, роль армии совершенно ясна: она на виду у всех и не требует каких-либо особых пояснений. Всем ясны последствия ее победы; она без всякой видимой помощи со стороны флота, занимает неприятельскую территорию и не очищает ее до тех пор, пока противник не выполнит поставленных ему условий. При обороне армия заслоняет территорию государства от вторжения, отступает ее шаг за шагом.

Между тем последствия деятельности флота далеко не так легко проникают в сознание. При наступлении он не может занять ни одной пяди неприятельской территории без содействия армии. При обороне он не может непосредственно помешать никаким действиям врага на нашей территории. И, действительно, видимое решение войны почти всегда на суше, почти всегда оно зависит от результата столкновений армий. И, как уже было указано, происходит это потому, что все наши интересы, вся наша жизнь сосредоточены на суше. Здесь мы явно видим и ощущаем, что мы теряем и что выигрываем.

И эта ясность, эта ощущаемость иногда так сильно действует, что не редкость слышать, и не только в частных разговорах, а и в представительных учреждениях, и из уст умных и талантливых людей убедительные речи о том, что ведь война решается на суше, а потому о флоте можно серьезно думать лишь тогда, когда сила армии обеспечена. А иногда проскальзывает такое мнение, что, пожалуй, тогда и совсем без флота можно обойтись, и если его и имеют другие государства, то лишь для защиты отделенных от них морем колоний и для защиты морской торговли, а, значит, если нет таких колоний и морской торговли, то, пожалуй, и совсем можно обойтись без флота.

Но вот почему-то всегда при этом забывают, что хотя участь войны и решается в большинстве случаев непосредственным столкновением армий, это действительно неоспоримо, но, что это только видимое для всех решение вопроса, а скрыто он был уже решен гораздо раньше, и что обыкновенно побеждает тот, кто лучше подготовился к войне, кто создал именно для своей армии такую обстановку

ку, которая дает ей все возможности для победы, кто создал такие средства, которые способны в значительной мере обессилить армию противника в тот момент, когда ей придется действовать, несмотря на видимую ее численность и мощь.

И вот могучим средством для создания такой обстановки для армии и служит флот. *Именно флот дает армии свободу действий, и именно отсутствие флота обессиливает армию.*

Разберем этот вопрос для различных типов географической обстановки.

Когда противники разделены морем, — это положение неоспоримо. Без флота нельзя вторгнуться в пределы неприятельской территории, и после вторжения все существование вторгнувшейся армии зависит от флота. Тут уже от владения морем зависит все, а не только свобода действий армии. С другой стороны, владеющий морем обеспечен от вторжения. А значит его флот, сколь бы ни была могущественна армия противника, совершенно ее обессиливает. Достаточно вспомнить бессилие превосходной, собранной на берегах Ла-Манша, армии Наполеона, предназначенной для вторжения в Англию.

Теперь возьмем случай, когда противники имеют общую сухопутную границу, упирающуюся в море, омывающее их берега.

Предположим, что военные операции происходят в прибрежной полосе. В этом случае тот из противников (А), который будет владеть морем, будет иметь две коммуникационные линии — одну сухопутную, а другую морскую, и база его из пограничного района растянется по всему побережью и будет все время охватывать театр военных действий.

Каждый пункт берега, находящийся во владении А и доступный для мореходства, будет способен служить ему базой, и каждый таковой пункт, находящийся во владении В, будет под угрозой нападения с моря и возможности в нем высадки той или другой части армии А. Таким образом, А может в каждый момент порвать связь с первоначальной своей базой, прилегающей к сухопутной границе, и начать базироваться на любом удобном для этого пункте побережья, т.е. с помощью владения морем он при наличии соответствующих пунктов на морском побережье может в каждый данный момент переменить свою операционную линию, т.е. может начать действовать по другому направлению, базировавшись на другую базу.

Это в особенности будет ему выгодно, когда театр военных действий перенесен далеко в пределы противника, и он удалится на значительное расстояние от своей сухопутной границы. Подвоз морем и гораздо дешевле, и удобнее подвоза сухим путем, и провозоспособность морских путей неограничена. В результате тот из противников, который будет владеть морем, не будет опасаться за свою коммуникационную линию (сообщений), ему не будет надобности отделять значительные силы для ее защиты, и он будет в состоянии сосредоточить все свои силы для главной цели — для того, чтобы сломить силу неприятельской армии.

Таким образом, *флот, владеющий морем, увеличивает численность своей армии.*

Совсем в обратном положении будет тот из противников, который не владеет морем.

Любой пункт побережья, доступный для морской силы, находящийся на фланге или в тылу его армии, или его коммуникационных линий, которые все пролегают по суше, находится под угрозой нападения неприятельского флота и высадки той или иной части его сухопутной силы.

Вследствие этого ему неизбежно придется отделить очень значительные силы для защиты различных участков своего побережья и своих коммуникационных линий. При значительной извилистости береговой линии, в особенности в том случае, когда в территорию того из противников, который не владеет морем, врезаются длинные узкие заливы, число войск для защиты побережья может достигнуть очень значительной численности, так как придется ожидать появления неприятеля на обоих берегах таких заливов. Поэтому для главной цели — для того, чтобы сломить силу неприятельской армии, — тот из противников, который не владеет морем, не может сосредоточить всей своей силы.

Таким образом, *флот, владеющий морем, уменьшает численность армии противника.*

Поэтому очевидно, что тот из противников, который владеет морем, чтобы использовать все выгоды этого владения, будет стремиться перенести театр военных действий в прибрежную полосу и будет стремиться удержать его в этой полосе. Противник его, конечно, будет стремиться оттянуть театр военных действий от побережья. Однако едва ли это удастся сделать.

Если тот из противников, который стремится к удержанию театра военных действий в прибрежной полосе, наступает, то для его армии всегда найдется достаточно важная цель на неприятельском побережье. Действительно, по берегу моря расположены богатые портовые города, да и многие столицы расположены или у моря, или в недалеком от него расстоянии. А тогда придется и обороняемому их защищать, т.е. тоже держаться в прибрежной полосе.

Конечно, он может отступить и вглубь страны, опираясь как на базу на ее центр, но этим он отдаст наступающему всю свою береговую полосу, из которой его выбить будет очень трудно, так как он будет опираться на очень удобную базу — на лежащее за его спиной море. А тот может даже и удовольствоваться занятием этой территории и только с помощью этого занятия может добиться заключения выгодного мира. Но если даже это и не случится, то, прочно утвердившись на побережье, опираясь на него как на обширную базу, он может начать наступать и внутрь страны; между тем, как опираясь на свою сухопутную границу, ему, быть может, и не удалось бы это сделать, например, вследствие ее отдаленности от центра неприятельской страны и необходимости во всяком случае отделить при этом способе действий значительные силы на охранение своих коммуникационных линий, которые в этом случае будут пролегать по суше. Таким образом, у него для такого способа действий может не хватить силы.

При этом надо еще отметить, что если бы наступающий не владел морем, он не мог бы для завладения побережьем пройти мимо своего противника, отступившего вглубь страны, так как тот мог бы оказаться на фланге его коммуникационного пути, который в этом случае пролегал бы по суше и противник мог бы действовать на его сообщения. Но владение морем снимает с него это опасение и он может свободно располагать своими действиями.

Теперь посмотрим, что будет, если тот из противников, который владеет морем, обороняется. Может ли в этом случае наступающий оттянуть театр военных действий от побережья вглубь страны?

Конечно, наступающий, за которым инициатива действий, может направиться вглубь неприятельской территории, но этим он подставляет свою коммуникационную линию под удары противника, оставшегося в прибрежной полосе. Значит для того, чтобы двигаться вперед, он должен обладать огромным превосходством в силах, которое позволяло бы ему выставить заслон, способный сопротивляться главным силам неприятельской армии. А если такой силы у него нет, ему придется направиться против этих главных сил, т.е. перейти в прибрежную полосу и терпеть все неудобства и невзгоды военных действий в прибрежной полосе, когда морем владеет противник.

Во всяком случае, отсутствие владения морем у наступающего заставит его стремиться к наступлению на центр территории противника, а на это у него, как уже было указано выше, может не хватить сил. Если противник останется у побережья, потому что придется выставить против него слишком сильный заслон, а если противник будет непосредственно защищать доступ к своему центру — потому, что вообще для наступления и при таком положении потребуется значительное превосходство сил, так как коммуникационная линия, пролегающая по неприятельской территории, требует охранения значительными силами. Военная история дает очень поучительные цифры как таит численность армии при вторжении ее в неприятельскую страну.

Таким образом, как при наступлении, так и при обороне, владеющий морем флот дает свободу действий своей армии и отнимает эту свободу действий у армии противника.

Соединяя это с выведенным выше положением, что такой флот увеличивает численность своей армии и уменьшает численность армии противника, мы приходим к выводу, что *владеющий морем флот вливает силу в свою армию и обесиливает армию противника.*

Но, конечно, можно себе представить и такую обстановку, когда по тем или другим причинам театр военных действий настолько удален от моря, что влияние владения морем не проявляется достаточно резко.

Но от моря, далеко вглубь каждой страны, протягиваются реки, а влияние речного флота совершенно подобно влиянию владения морем. Речной флот также вливает силу в свою армию и обесиливает армию противника. Особенно наглядный пример значения речного флота — это война за нераздельность штатов в Северной Америке. Главнокомандующий армией северян так определил роль речного флота в знаменитой своей кампании в бассейне реки Миссисипи. «Флот во время этой кампании, — говорит Грант, — дал все, что он только мог нам дать. Без его помощи кампания эта не могла бы быть ведена удовлетворительно даже при двойной численности армии. Таких же результатов, каких мы достигли, нельзя было бы добиться без участия флота, как бы ни была многочисленна наша армия».

И вся сущность значения морской силы вытекает из удобоприменимости и универсальности для достижения важнейших военных целей водной стихии. Эта стихия — всегда готовый, удобный, дешевый, не подвергающийся порче и обладающий неограниченной провозоспособностью путь сообщения. Эта стихия обнимает сушу, глубоко врежется в театры военных действий, посредством рек проникает во все их участки и тот, кто владеет этой стихией, помимо свободы сообщений со всем миром, владеет, благодаря способности этой стихии носить на себе огромные сооружения, в любом ее участке и базой, и позициями в тылу, и на фланге противника.

Уже давно установлено, что водная стихия не разъединяет, а соединяет участки суши.

Во время же войны она соединяет все части суши только для владеющего этой стихией, а для противника его она именно не только их разъединяет, но и выдвигает неодолимые между ними преграды, да еще грозит противнику всюду, куда она проникает. Везде, где только имеется водная поверхность, доступная для морской силы в том или другом виде, там могут иметь место совместные действия армии и флота.

«При совместных же действиях армии и флота, — говорит профессор стратегии генерал Н.П. Михневич, — на долю последнего выпадает обеспечение сообщений (обеспечение операционной линии в смысле пути подвозов), и если флот не в состоянии выполнить это назначение, то все победы на суше могут обратиться в ничто. Здесь подтверждается афоризм Наполеона, что — *le secret de guerre est dans le secret des communications*». И вот этот секрет во многих случаях и лежит в возможности пользования морской силой и в умении извлечь из нее все те выгоды, которые она может дать. А для этого надо понимать сущность морской силы, ее средств и ее приемов ведения войны, — только тогда можно приобрести в ее лице надежного помощника, и только тогда можно разумно использовать ее помощь. <...>

Итак, в заключение этой главы повторю еще раз: в очень многих случаях именно флот вливает мощь в свою армию и обесиливает армию врага, а отсутствие флота обесиливает свою армию и развязывает руки армии врага.

Именно этим свойством и еще в большей степени, так как воздушная стихия властвует над всей земной поверхностью, будет обладать воздушный флот, когда он разовьется в настоящую боевую силу. По существу воздушная сила аналогична с морской, но она еще более гибка и универсальна, и, владеющая воздушным пространством воздушная сила, еще более будет вливать мощь в свою ар-

мию и флот и еще более будет обессиливать армию и флот противника, чем это имеет место по отношению существующего флота к армии.

И можно увеличивать армию сколько угодно, но надо помнить, что никакое ее увеличение не заменит того, что теперь может ей дать морская сила и что в будущем даст ей воздушная сила, и если флот несоизмеримо слаб, то этим ослабляется и армия.

Только строго соразмерные в своем поддерживающем друг друга могуществе, сухопутная и морская силы, — а в будущем к ним присоединится и сила воздушная, — могут образовать действительно могущественную военную силу государства.

2. Значение флота на театрах войны: Балтийском, Черноморском и Дальневосточном

Применим теперь установленные в предыдущей главе положения к разбору той стратегической обстановки, в которой придется действовать русской военной силе на различных театрах войны. <...>

На западной нашей границе русская территория (Царство Польское) широким клином врывается в германские и австрийские пределы, причем этот клин отделяется от моря узкой прибрежной полосой германской территории (Восточная Пруссия).

Район сосредоточения нашей армии в случае войны с Германией (или с Германией и Австрией) опирается правым своим флангом на Гродно и крепость Ковно (на реке Неман), центр его — Брест-Литовск (на реке Буг) и по течению реки Буга он тянется прямо на юг, имея на левом фланге крепость Замостье. Таким образом, этот район представляет из себя основание того клина, который образует наша западная граница в северной своей части. Впереди этого района, внутри клина, в его центре, параллельно району сосредоточения нашей армии идет линия крепостей по реке Висла, имея на правом фланге составленный из крепостей треугольник: Варшава (на реке Висла), Новогеоргиевск (при слиянии р. Вислы с Нарвой), Зегрж, образующий плацдарм, а на левом фланге Ивангород (на реке Висла).

Эта передовая позиция, с плацдармом на правом фланге, в котором может быть расположена значительная армия, имеет задачей разбить волну вторгнувшейся в наши пределы армии на два потока и не дать ей уйти далеко, так как считается, что оставить в тылу такую укрепленную позицию, гарнизон, который способен к активной обороне, неприятель не решится. А пока он будет занят операциями против этой первой линии обороны, главные наши силы успеют сосредоточиться в указанном выше районе. Одна из сильных сторон этой линии обороны заключается в том, что крепости этой линии занимают главные водные артерии Царства Польского и находятся в узлах главных железнодорожных линий, а обойти их очень трудно вследствие отсутствия удобных для того путей сообщения, главным образом железных дорог.

Но, вместе с тем, налицо имеется факт, что немцы около половины своей армии (9 корпусов) сосредотачивают именно в Восточной Пруссии, т.е. на правом фланге и в тылу первой нашей оборонительной линии, и на правом фланге района сосредоточения нашей армии.

Этот факт является торжеством подготовки нашего западного театра войны в инженерном отношении. Система наших крепостей разбила струю неприятельского нашествия, как устой моста режет лед, и она же позволила нам выяснить положение, т.е. знать, каким именно путем неприятель вторгнется в наши пределы. Очевидный путь германской армии — в обход правого фланга района сосредоточения нашей армии. Подготовкой театра в инженерном отношении мы их поставим в необходимость остановиться именно на этом плане, но, вместе с тем, той же подготовкой мы сделали выполнение этого плана чрезвычайно трудным, так как своим движением вперед из Восточной Пруссии немцы открывают свою коммуникационную линию, подставляя ее под удары нашей передовой армии, опирающейся на плацдарм, составленный треугольником крепостей.

Вот почему совершенно справедливо восставали против увлечения, охватившего около года тому назад наши военные сферы и выразившегося в стремлении разоружить нашу передовую линию обороны. Эта передовая линия свое дело сделала и будет продолжать делать, в особенности если она будет дополнена на правом своем фланге обращением Ломжи в наступательный тет-де-пон (работы были начаты, но потом были остановлены), каковым является и Новогеоргиевск. Тогда линия Новогеоргиевск, Ломжа, Гродно явится солидно обоснованной угрозой движению вперед главных сил германской армии.

Весь этот план очень хорошо был обоснован и ничто не нарушало его стройности до тех пор..., пока наш флот на Балтийском море мог вступить в борьбу с германским флотом за обладание водами этого моря. Это ведь было еще так недавно, всего 10–15 лет тому назад. Теперь же, когда мы настолько ослабели на море, что германский флот в продолжение нескольких дней с момента объявления войны может стать полным хозяином всех вод, омывающих наши берега, этот стройный план в значительной мере подорван и может быть восстановлен только одним способом — созданием такой русской морской силы на Балтийском море, которая могла бы вступить в борьбу с германской морской силой. Другого выхода нет и быть не может.

Действительно, опасение немцев при движении вперед их главных сил из Восточной Пруссии за перерыв своих сообщений, которым грозит наш плацдарм в центре Царства Польского, в значительной мере отпадает, раз они могут опираться как на базу на Балтийское море.

Вместо того, чтобы возиться с нашими крепостями в Царстве Польском и с нашей второй линией обороны Брест-Литовск – Ковно, чтобы открыть себе путь в центр России на Москву, им гораздо вы-

годнее будет, имея за собой владение морем, выбрать операционное направление на Петербург, на всем протяжении которого море будет обслуживать их армию во всех отношениях.

Движение на Москву вообще представляет для германской армии огромные неудобства, хотя бы ей и удалось одолеть наши оборонительные линии. Коммуникационная их линия должна в этом случае протянуться на 1000 верст (по прямому направлению) вглубь неприятельской страны, а потому потребует отделения очень значительных сил для своей охраны.

Сопоставивши это с значительной тратой сил на преодоление наших тщательно подготовленных оборонительных линий, численность германской армии, необходимой для такой кампании, должна быть огромной и потребует огромных подвозов продовольствия и боевых припасов. Между тем пути сообщения очень немногочисленны, и, конечно, будут, насколько это возможно, разрушены при отступлении нашей армии.

По сравнению с состоянием германских путей сообщения, полоса, в которой придется двигаться германской армии, будет в таком же относительном положении для движения современных миллионов армий, в каком она была во времена нашествия Наполеона, — и ей грозит та же участь быть поглощенной «морем земли» и изнемочь в борьбе со стихией «грязи».

Наполеон был вынужден выбрать этот трудный и долгий путь, он не мог выбрать операционное направление на Петербург вдоль морского побережья, так как он не имел никакой надежды на обладание водами Балтийского моря, а мы были тогда в открытом союзе с Англией, бесспорной тогда владычицей морей. А между тем существуют известные указания на то, что Наполеон имел в голове идею о движении на Петербург, но вынужден был от нее отказаться из-за отсутствия морской силы. Нечего, конечно, и говорить, что на выполнение плана движения на Москву немцам понадобится, кроме огромной затраты сил, и очень продолжительное время, а затяжка кампании во всех отношениях им не выгодна.

Во-первых, потому, что Германия, как страна главным образом промышленная, с трудом может выдержать нарушение своей промышленной жизни в продолжение долгого промежутка времени, которым не преминут воспользоваться ее конкуренты на мировых рынках. Во-вторых, ввиду распада Европы на два лагеря и наличия государств нам союзных и вступивших с нами в соглашение, Германия, чтобы бить своих противников по частям, постарается выбрать для нападения на нас удобный момент, когда стоящие на нашей стороне государства будут чем-нибудь отвлечены. А тогда ей будет исключительно выгодно сколько можно сократить продолжительность кампании, и особенно она будет добиваться значительных, оглушительных успехов в начале кампании. Это будет лучшим средством предотвратить вмешательство наших союзников, которые, как это свойственно всяким союзникам, в конце концов преследуют только свои собственные интересы и более чем возможно, что они предпочтут удовлетворяться известной компенсацией со стороны победителя, чем ввязываться в войну, результат которой если и грозит их интересам, то лишь в будущем.

Все в Европе, собственно, так боятся войны, что охотно готовы отдать ее, тем более если страдать от этого приходится не самому, а хотя бы и союзнику; в особенности если можно кое-что сорвать с врага за невмешательство, да и враг все-таки временно ослабеет, хотя бы война и была для него удачной. Об опасности в будущем от такой политики стараются не думать — ее видят немногие, а в общем, в своей массе, общество и народ, а под давлением их и правительства склонны ко всяким компромиссам, лишь бы отдалить войну.

Вот почему Германии, при нападении на нас, нужна быстро протекающая кампания с решительными успехами в самом ее начале. Вот почему и нам, чтобы уменьшить возможность такого нападения, надо надеяться не на союзников, а сделать такую кампанию для Германии невозможной и выставить перед ней проблему — или на нас не нападать, или уж ввязываться в затяжное и обставленное огромными для нее трудностями движение в центр России, успех которого более чем сомнителен для нее. И это средство было у нас в руках, когда наша *морская сила* могла спорить с германской за обладание водами Балтийского моря, а теперь, когда у нас нет этой силы и когда вследствие соглашения с Англией нападение на нас Германии является более чем вероятным, как только представится для этого удобный момент, мы лишены этого средства. А направление операционной линии немцев на Петербург представляет им как раз именно все выгоды, которые для них особенно ценны.

Прежде всего направление на Петербург от места сосредоточения германской армии на 400 верст короче такого же направления на Москву. Затем, во все время движения левый фланг германской армии будет опираться на море, которое будет ему служить базой. Ему придется лишь незначительное количество силы отдалить для защиты своей коммуникационной линии, которая пролегает по морю. Наконец, немцы могут перебросить морем значительные силы прямо к Петербургу и захватить столицу. Точно также они могут воспользоваться Финляндией, поддержав там готовое вспыхнуть в первый удобный момент восстание не только деньгами, но и войсками, и боевыми припасами. Такие успехи в начале кампании более чем вероятно обеспечат немцев от вмешательства наших союзников. И если занятие немцами прибалтийского края, и даже взятие Петербурга, все-таки не приведет к желанным для них условиям мира, то именно теперь, опираясь на море как на базу, на линию Либава – Рига – Петербург, немцы могут предпринять движение к центру России. Таким образом, *германский флот, владеющий морем, волеет особую мощь в свою сухопутную силу и обеспечит ей свободу действий* и возможность выбрать наивыгоднейший для нее план кампании.

Каково же будет положение русской сухопутной силы при владении германцами морем? Во-первых, придется нам отделить значительные силы для защиты побережья, включая сюда и Финляндию. Таким образом, *германский флот, владеющий морем, в значительной мере обессилит нашу армию*.

В особенности значительных сил для противодействия германской высадке и операциям германского десантного корпуса против Петербурга потребуют берега Финского залива, который особенно удобен для неприятельских десантных операций.

Действительно, Финский залив благодаря своей форме — длинного узкого мешка, в глубине которого лежит столица, позволяет неприятельскому десанту очень быстро перебрасываться с одного берега на другой, и поспеть за ним кружным сухим путем для армии, противодействующей намерениям противника высадиться, нет никакой возможности. Он в состоянии будет и высадиться, и будет иметь достаточное время, чтобы укрепиться и не дать себя сбросить в море. Затем, движение немецкой армии в Курляндию, для занятия линии Либава — Рига, нарушит план сосредоточения нашей армии в районе Гродно — Брест-Литовск. Придется выбрать другой район сосредоточения, быть может, на линии Ковно — Рига, а может быть придется отнестись к нему еще дальше, в особенности при движении немцев морем на Петербург или при занятии ими Финляндии. Переход нашей армии в прибрежную полосу сейчас же поведет за собой, при владении немцев морем, постоянную угрозу ее правому флангу и тылу.

Армия наша совершенно потеряет свободу действий и притом будет поставлена в самые тяжелые условия для противодействия выполнению германского плана, каков бы ни был этот план, и едва ли ей при таких условиях удастся отстоять Прибалтийский край, Петербургскую губернию и Финляндию — слишком неравны будут силы при условии владения немцами морем.

Говорят, что Германия этого не делает, что ее армия не пройдет мимо нашей армии, расположенной в вышеуказанном ее районе сосредоточения, так как этим она открывает нашей армии путь в Восточную Пруссию и даже на Берлин, который лежит гораздо ближе от нашей границы, чем Петербург, а вся германская территория изобилует превосходными путями сообщения. Однако едва ли это возражение имеет под собой реальное основание. Не говоря о целом ряде германских крепостей с гарнизонами, способными к активной обороне, т.е. к действию на наши пути сообщения, и о том, что сила оставшихся в Пруссии германских войск будет значительно увеличена их возможностью пользоваться морскими путями сообщения, нельзя себе представить, чтобы движение германской армии в наши пределы, а в особенности движение германского десанта вглубь Финского залива, вызвало что-либо другое со стороны нашей армии, кроме быстрого передвижения для защиты прибалтийского края и столицы.

И опять в таком решении большую роль будет играть морская сила.

Если бы наша армия решила ответить вторжением на вторжение, то простым движением на юг в нашем тылу германская армия могла бы отрезать нашу вторгнувшуюся армию от своей базы, а это была бы ее неизбежная гибель. Между тем мы не могли бы сделать ничего подобного, так как германскую армию отрезать от ее базы никакими передвижениями на суше нельзя, так как ее база — море, и эта база следует за нею всюду, пока она держится в прибрежной полосе. Условия здесь столь неравны, что ничего другого, как оборонять то, что германская армия выбрала для себя объектом наступления, для нашей армии будет недоступно.

В известной военной среде очень распространено мнение, что германцы не прибегнут к десантным операциям потому, что так как вопрос об участии кампании разрешается между нами и Германией столкновением армий, то они не решатся ослабить свою армию на главном театре войны, т.е. в бассейне рек Немана и Вислы, и главная их цель будет разбить главные силы нашей армии, которые будут сосредоточены в этом районе.

Все это совершенно верно..., но только весь вопрос в том, какой участок театра войны *именно немцы* будут считать главным и к какому способу они прибегнут, чтобы осилить главные силы нашей армии.

Ведь бассейны рек Вислы и Немана — это желательный *нам* главный участок театра войны, который мы подготовили и в инженерном отношении, и в котором мы сосредотачиваем наши главные силы; направление именно сюда главных сил германской армии — это желательный нам план ее действий, так как при этом мы имеем больше всего шансов на успех.

Но так ли смотрят на это германцы и не вернее ли предположить, что именно им не выгодно поступать так, а выгодно выбрать такой план действий, которого мы не ожидаем?

Пока мы владели морем, а это было именно так, пока исторически складывалась система нашей подготовки войны с Германией, пока это обладание было спорным — (а это было всего 10–15 лет тому назад) — немцам не было другого выхода, как следовать нашим предначертаниям. Но теперь Германия сделалась первоклассной морской державой, владение ею водами Балтийского моря неоспоримо, и невозможно предположить, чтобы она не воспользовалась теми огромными преимуществами, которые прямо даются ей в руки, благодаря наличию у нее огромной морской силы. <...>

Недавно вышла в свет очень интересная книга «Господство на Атлантическом океане», автор которой Персиваль А. Хислам имел возможность пользоваться многими компетентными источниками. Он приводит такие соображения о возможности германского вторжения на Великобританские острова.

«Германия в тридцатичасовой срок может сосредоточить в своих портах Немецкого моря двухсоттысячную армию. При этом не будет никакой нужды в предварительном сборе судов для транспортных целей, ибо в германских портах таковых находится всегда более нежели достаточное количество для перевозки морем армии указанной численности; к тому же есть веские основания к заявлению о том, что в Германии всегда ведется учет всем значительным пароходам, приходящим в германские порты, и тотчас по их прибытии определенные воинские части распределяются, правда лишь на бумаге, по этим пароходам, на случай внезапного их призыва для перевозки на берега Анг-

лии. Что же касается удобств посадки войск на суда, то в портах одного лишь Немецкого моря Германия имеет достаточной длины причальную линию пристаней для одновременного размещения на ней до 100 пароходов в 600 футов длиной каждый».

Персиваль Хислам считает, что высадка будет сделана внезапно, без объявления войны, так как это единственный шанс для германцев избежать встречи с английским флотом.

Действительно, Великобританские острова для этого очень удобны, ибо окружить их со всех сторон флотом нельзя — не хватит на это никакого флота, да, кроме того, это заставит его разбросать свои силы, подставляя их по частям под удары сосредоточенных сил противника.

Возможно ли вторжение без официального объявления войны, ибо ведь это один из важнейших элементов успеха такого вторжения при наличии сильного флота у той страны, которая может ему подвергнуться?

Ответ на это дала наша последняя война с Японией. Так же поступила за 10 лет перед тем Япония и в войне с Китаем.

Но сомневающимся в этой возможности не мешает познакомиться с трудом генерала Морица «Военные действия без объявления войны».

Он указывает, что за период времени в 170 лет, с 1700 по 1870 год, объявление войны предшествовало открытию военных действий не более 10 раз, и в 41 случае отсутствие объявления войны объяснялось желанием обеспечить себе преимущества внезапности движения, и, вследствие этого, захвата врасплох неподготовленного к тому неприятеля. В особенности удобно воспользоваться для этого различными столкновениями в отдаленных европейских колониях, которые могут быть и подготовлены, и притом так, что посредством перерыва соответствующих телеграфных сообщений та метрополия, на которую замышляется внезапное нападение, опоздает получить известие о происшедшем столкновении.

А тогда та метрополия, которая первой получит известие о вооруженном столкновении в колониях, может считать себя вправе, на основании этих известий, совершить любой поступок совершенно внезапного агрессивного характера и может даже, основываясь на предшествовавшем вооруженном столкновении в колониях, претендовать перед Европой на роль обиженной державы, а не зачинщика, как бы насильственны не были ее поступки в Европе. <...>

Все предыдущие данные о вторжении германцев в Англию были приведены к тому, чтобы доказать, что германцы неизменно готовятся к десантной экспедиции в грандиозных размерах, что они обладают всеми необходимыми для этого средствами, а, следовательно, вполне логично предположить и положительно нет никаких оснований это оспаривать, что они воспользуются этими тщательно подготовленными средствами и в войне с нами. А тогда никаким усилением численности, никаким развитием железнодорожных путей *армия не может возместить отсутствия такого необходимого и неосценимого в данном случае помощника как флот*. Какие бы сильные крепости не были выстроены на берегах Финского залива, хотя бы траектории их пушек, благодаря увеличению дальности полета снарядов, и перекрывали друг друга; какие бы не ставили минные заграждения, но раз снаряды падают вне видимости стреляющих, раз минные заграждения ничем не могут быть защищены, никакого флота они не остановят, и он все равно войдет в Финский залив и пройдет его до конца с любым количеством транспортов.

Остановить морскую силу, за исключением узких проливов, может только морская сила, способная вступить с ней в борьбу.

Я не разбираю в данный момент вопроса, какова должна быть эта сила, должна ли она состоять из линейных, минных или подводных судов, но эта сила должна быть морская, или, если хотите, то и воздушная, одним словом такая, которая может действовать на водном пространстве, уходя в глубину, или поднимаясь над ним, но ни в коем случае не сила, которая привязана к суше.

А кроме того, в случае, если бы противник был остановлен минными заграждениями и перекрестным огнем батарей с противоположных берегов Финского залива, никто ему не мешает высадиться, не доходя до этих мест, в Финляндии или на южном берегу. Все равно это будет полным крушением нашего плана обороны на западной границе и будет грозить захватом (хотя и не столь внезапным) столицы.

И опять не надо забывать, что *именно географическая обстановка, в которой находятся наши берега, в значительной мере облегчает их защиту с помощью флота и затрудняет эту защиту для армии*. <...>

Резюмирую теперь положение нашей армии на *Балтийском театре* при условии, что морем владеет противник.

Я бы назвал это положение *неустойчивым*, тревожным, таким положением, при наличии которого нет уверенности — достигнет ли цели та или иная мера, ведущая к усилению и усовершенствованию армии.

А эта *неуверенность*, в свою очередь, ведет к нерешительности, к известной вялости в мероприятиях. <...>

А причина этого колебания почвы — не устарелость крепостей, а тот факт, что после войны с Японией мы совершенно обессилели на море... Одна сторона пресса, выдавливающая германскую армию в наши пределы по определенному, тщательно нами подготовленному для обороны пути, отнята, а потому в значительной мере потеряла свое значение и другая половина пресса — позиция нашей армии на передовом участке западного театра войны.

Германцы получили возможность направить свой удар в наш тыл, даже на Петербург; они получили возможность легко добраться до столь удобной для них базы как Финляндия...

И действительно, как трудно нашей армии им противодействовать, имея в своем тылу такие длинные, врезающиеся вглубь территории водяные мешки как Рижский и, в особенности, Финский заливы.

А сколь неустанно и тщательно Германия готовится к десантным операциям, я уже указал выше. Я указал также, что и наш Главный Штаб следил и отмечал эту эволюцию в германских планах вторжения...

Но дело в том, что такая мысль еще не вошла в обычный обиход мышления *толщи* нашей армии, еще об этом мало думают, и когда приходит в голову эта навязчивая мысль, стараются отогнать ее от себя, как навязчивую муху...

А это очень опасно. Надо совершенно сознательно оценивать положение, надо глядеть опасности прямо в лицо и только тогда и можно надеяться, что эта опасность будет устранена. И когда *во всю толщу* нашей армии проникнет совершенно ясно сознание, *что* собственно она потеряла с потерей нашего флота, в каком неустойчивое и опасное положение она попала из-за неоспоримого господства немцев на Балтийском море, когда армия *вся* почувствует, что почва действительно колеблется под ее ногами, вот тогда армия *первая*, а за ней и вся страна, которая привыкла класть всю свою надежду на армию, *потребует, чтобы флот был*, и тогда, и только тогда он действительно и будет.

Вот заронить эту мысль в самое сердце армии, в избранных от всех ее частей людей и составляет для меня лично задачу настоящего моего сообщения.

Ведь ужасно трудно идти вперед по зыбкой почве. Из-за неуверенности в действительной целесообразности часто опускаются руки.

А ведь тут армия может сколько угодно долго совершенствовать свое обучение, оружие, быстроту мобилизации, может сколько угодно увеличивать сеть необходимых для нее железных дорог, а *проклятый вопрос о возможности обхода со стороны моря*, о необеспеченности тыла, о необходимости метаться из стороны в сторону в погоне за вездесущим, благодаря морю, врагом — все будет висеть над головой и в значительной мере будет сковывать энергию и творчество...

А для свободного развития своей мощи надо обеспечить себе спокойствие и уверенность, а для этого нет тех средств, которые могли бы заменить флот, раз театр войны прилегает к морю.

Я с такой подробностью остановился на значении для нашей армии владения нашим флотом водами Балтийского моря, что о других театрах войны — черноморском и дальневосточном, остается сказать всего несколько слов — иначе пришлось бы повторить то же самое.

Черноморский театр военных действий представляет такие же выгоды для владеющего морем, как и Балтийское море.

Если водами Черного моря будет владеть наш противник, то для нападения его морской силы и для вторжения его сухопутных войск будет открыто все наше побережье, а вследствие этого мы принуждены будем отвлечь для защиты этого побережья значительное число наших войск, т.е., значит, отсутствие у нас флота обессилит нашу армию и даст свободу действий сухопутной силе противника.

Если австрийский флот появится в Черном море и овладеет его водами, армия наша может оказаться настолько обессиленной, что не только не в состоянии будет вторгнуться в австрийские пределы, но и для ведения оборонительной войны она будет поставлена в очень неблагоприятные условия вследствие постоянной угрозы ее левому флангу и тылу, в особенности при более чем вероятной помощи Австрии со стороны Румынии.

Черноморский театр войны может иметь значение и при единоборстве нашем с Германией. Немецкий флот столь превосходит в настоящее время по силе наш Балтийский, что для бесспорного владения водами Балтийского моря достаточно будет и части этого флота, а другая часть может войти в Черное море, чтобы отвлечь от нашей сухопутной силы еще значительную часть ее для защиты южного нашего побережья.

Во всяком случае немцы не преминут прекратить и южную нашу морскую торговлю, и таким образом отделят нас от удобного сообщения со всей Европой.

Может возникнуть вопрос: не остановят ли австрийский и германский флоты трактаты о закрытии проливов?

Надеяться на это было бы более чем опасно. Едва ли турки решатся силой воспрепятствовать прохождению этих флотов, не говоря уже про то, что Турция легко может оказаться в числе их союзников.

Громадное влияние на быстроту и легкость ведения операции сухопутных наших сил окажет владение нами морем при войне с Турцией. Не говоря уже о возможности в этом случае направить нашу сухопутную силу для захвата столицы, действия нашей армии в Малой Азии могут получить огромную помощь со стороны моря. <...>

Европейские владения Турции долго не продержатся, если будет отрезано их сообщение с азиатскими владениями, от которых государство зависит и в отношении комплектования своей сухопутной силы, и продовольствия. А сообщения эти, вследствие слабого развития железных дорог в Малой Азии, главным образом морские.

В былые времена мы извлекали огромные выгоды из нашей морской силы при борьбе нашей с Турцией. Балтийский наш флот отвлекал турецкие сухопутные силы к берегу Средиземного моря, чем значительно облегчал операции нашей армии с севера.

В 1807 году эскадра из судов балтийского флота под началом Сенявина, блокируя Дарданеллы, довела население Константинополя до голодного бунта, который привел к перемене правительства.

Со своей стороны черноморский флот отстоял Крым и Новороссию от турецкого десанта; с его помощью был взят Очаков, а грёбные его флотилии оказывали огромное содействие нашим войскам на Дунае. Но во второй половине XIX столетия, именно вследствие отсутствия у нас соответствующей морской силы, армия наша была поставлена в самую невыгодную обстановку.

Высадка союзников в Крыму могла состояться только вследствие бессилия нашего на море. Таким образом, флот союзников дал свободу действий своей армии и во все время войны беспрепятственно поддерживал и увеличивал ее силу. Вместе с тем, тот же союзный флот, появившись в Балтийском море, удержал на севере массу наших войск и боевых средств и, препятствуя их отправлению на выручку изнемогавшему в непосильной борьбе Севастополю, обессиливал сухопутную силу своего противника.

Отсутствие у нас флота в последней турецкой войне лишило нашу армию возможности двигаться берегом и пользоваться морским подвозом, что, во-первых, затянуло кампанию, а во-вторых, потребовало гораздо более значительных сил. Благодаря этому нельзя было и думать о направлении удара непосредственно на Константинополь и о воспрепятствовании неприятелю подвозить подкрепления из азиатских владений Турции. Владение морем было на стороне турок, и оно вливало силу в турецкую армию и в значительной мере обессиливало нашу. Из-за нашего бессилия на море пришлось для защиты нашего побережья отделить два корпуса.

«В две последних больших войны прошлого столетия, — говорит генерал Куропаткин, — *мы особенно нуждались в содействии флота*, но материальная отсталость обратила наших моряков под Севастополем в сухопутные войска, а в войну 1877–1878 г. мы боролись с турками, не имея флота на Черном море» (Итоги войны, стр. 68).

И теперь опять нам грозит опасность оказаться в Черном море слабее Турции, заказавшей английским заводам три современных броненосца, которые будут готовы через 2 года. Между тем у нас нет там ни одного такого броненосца: те, которые строятся — типа устаревшего еще до войны и, если мы начнем строить новые броненосцы, то не кончим их ранее 4–5 лет. А в то же время единственный частный, хорошо оборудованный судостроительный завод на юге в Николаеве прекратил недавно платежи вследствие отсутствия заказов.

Россия принесла огромные жертвы и средствами, и людьми, чтобы достигнуть берегов морей, и жертвы эти легли, главным образом, на армию. По исчислению генерала Куропаткина, выход к Черному морю обошелся нашей армии в 750 тысяч человек из 3,5 миллионов участвовавших в борьбе за этот выход бойцов. Выход к Балтийскому морю стоил 700 тысяч человек из числа 1800 тысяч бойцов, принимавших участие в этой борьбе. И эти огромные жертвы имели важную цель. Великая держава не может существовать без возможности пользоваться морскими путями сообщения. Через море дышат государства и чем дальше, тем большую роль играют моря, переплетая интересы самых отдаленных государств, сближая их друг с другом, освобождая их от зависимости от непосредственных своих соседей.

И после того, как армия принесла такие огромные жертвы на добывание этих морей, она должна иметь возможность или, вернее, она должна иметь *«право»* извлечь из них пользу и в военном отношении; она должна иметь возможность пользоваться той огромной помощью, которую ей может оказать флот как при наступлении, так и при обороне, так как флот, как мы видели выше, вливает силу в свою армию и обеспечивает ей свободу действий и обессиливает армию противника, и связывает свободу ее действий.

Остается теперь еще рассмотреть значение морской силы на Дальневосточном театре войны все с той же точки зрения — способности ее усилить свою армию и обеспечить ее свободу действий, и обессилить, и связать свободу действий армии противника.

Минувшая война сделала наглядным это значение, что едва ли есть особая необходимость распространяться по этому поводу, тем более, что собственно придется в общем повторять то же самое, что было сказано по отношению к Балтийскому и Черноморскому театрам войны.

Поэтому отмечу только некоторые особенности. Совершенно ясно, что и самая война с Японией не могла бы возникнуть, если бы японцы не надеялись сломить нашу морскую силу, а «если бы наш флот одержал успех над японским, — говорит генерал Куропаткин, — то и военные действия на материке стали бы излишни. Но даже без победы над японским флотом, пока японцы не приобрели полного господства на море, они вынуждены оставлять значительные силы для охраны своих берегов и, главное, не могли рискнуть производить высадки на Ляодунском полуострове: вынужденные двигаться через Корею, они давали бы нам время сосредоточиться... Главную роль в войне с Японией должен был играть наш флот» (Итоги войны, стр. 146).

Нет надобности распространяться о том, как, благодаря своим успехам на море, японский флот вливал силу в свою армию и обессиливал нашу. Но необходимо отметить, что японцы далеко еще не в полной мере использовали все выгоды обладания своим морем. Они еще не прибегли к операциям на фланге нашей армии со стороны Владивостока и в ее тылу — на Амуре и его притоках Сунгари и Уссури. Вот именно тогда настал бы для нашей армии критический момент, несмотря даже на значительное ее численное превосходство, если таковое могло бы только быть достигнуто — возможность перерыва ее сообщений с Забайкальем, ибо это грозило полной для нее катастрофой. Но раз японцам удалось бы переменить свою операционную линию и с помощью речной флотилии по Сунгари и по Восточно-Китайской железной дороге направиться к Харбину, наша армия была бы поставлена в критическое положение, если бы она вовремя не успела бы отступить. Тут не помогла бы и вторая колея Сибирской железной дороги.

Уменьшилось ли теперь значение владения морем на Дальнем Востоке после того, как японцы окончательно утвердились в Корее? Едва ли. Сколь бы ни были велики собранные здесь запасы, все-таки не перевезут же они все свои военные ресурсы в Корею, все-таки главные их сухопутные силы и средства будут находиться на японских островах, все-таки во время войны им понадобится значительный подвоз из Европы или Америки, как это было и в минувшей войне, а тогда возможность пе-

рерыва морских сообщений неминуемо отразилась бы самым ощутимым образом на мощности японской армии и на всех ее операциях. Поэтому, все-таки лучшим средством против Японии остается морская сила, способная заручиться обладанием на море. А так как этой силы у нас нет, то приходится или мириться с нашей почти полной беззащитностью на Дальнем Востоке, или держать там огромное количество сухопутных войск, что также нам непосильно. В результате наше положение там крайне неустойчиво. Мы строим Амурскую железную дорогу, заводим для защиты ее флотилию на Амуре, но как только японцы введут в Амур флотилию более сильную чем наша и завладеют его течением, Амурская дорога потеряет всякое значение. Владивосток, расположенный на конце длинного полуострова, без наличия морской силы тоже не имеет значения, так как может быть легко отрезан, и без маневренной крепости в Никольске-Уссурийском обойтись нельзя, чтобы оборонять Приморскую область. Но эта оборона станет сейчас же призрачной, как только японцы завладеют течением Амура или подойдут к Хабаровску по долине реки Сунгари. Таким образом, отсутствие морской силы на Дальнем Востоке делает положение наших сухопутных войск крайне неустойчивым и при обороне. Тем более это будет ощутительно, когда по тем или иным причинам возникнет мысль о наступлении при войне с Японией — в Корею, или при войне с Китаем — на Пекин. Корея с трех сторон окружена морем. Один берег ее, восточный, труднодоступен, и единственная дорога идет вдоль берега моря. К западному берегу текут ее реки и к этому берегу выходит устьями целый ряд долин, образуемых поперечными отрогами цепи гор, которые тянутся по восточному берегу. При такой конфигурации берега понятно, что все преимущества, как при наступлении, так и при обороне, будет иметь тот из противников, который владеет морем, и при этом владении незначительная даже по численности армия может с успехом оборонять Корею против гораздо более сильного противника. Так же и при наступлении на Пекин: пока единственная дорога туда идет вдоль самого берега Печилийского залива, без владения морем двигаться по этой дороге будет немыслимо.

Конечно, возможность всех этих наступательных движений для нас дело столь отдаленного будущего, что, быть может, к тому времени уже война будет решаться в воздухе, и тогда все будет зависеть от воздушного флота, а теперь все эти соображения приводятся лишь для того, чтобы показать, что при комбинации военной силы из двух элементов — силы сухопутной и морской, какой бы театр военных действий мы не рассматривали, и какие бы не рассматривали операции на этом театре — оборонительные и наступательные, вывод все получается один: армия одними своими силами обойтись не может, и чтобы решить спорный вопрос наиболее экономичным и быстрым образом, чтобы сломить сухопутную силу противника, она должна иметь своим помощником флот, который будет вливать в нее особую мощь, недоступную для нее при помощи каких угодно других средств, и будет самым существенным образом обессиливать армию противника.

Флот непосредственно сам бессилен против сухопутной силы, решающей обыкновенно судьбы вооруженных столкновений между народами, но он играет роль в *подготовке* этого решения, подготавливая своей армии успех, а неприятельской — поражение. <...>

3. Значение морской силы для России в связи с задачами ее внешней политики

Последняя наша война совсем не имела бы места, если бы японцы не рассчитывали справиться с нашей морской силой.

«Если бы наш флот, — говорит генерал Куропаткин, — одержал успех над японским, то и военные действия на материке стали бы излишними... Став хозяйкой на морях, Япония получила возможность быстро подвозить морем к армиям все необходимые для них запасы. Перевозка даже огромных тяжестей, требовавших для перевозки к нашей армии по слабой железной дороге месяцы времени, исполнялась японцами в несколько дней. Но, что не менее важно, Япония, при господстве на море и почти бездеятельности нашего флота, беспрепятственно получала в японские порты и арсеналы, заказанные ею в Европе и Америке, оружие, боевые продовольственные запасы, лошадей и скот... В войне с Японией, по преимуществу морской державой, главное место должно было принадлежать действиям не на суше, а на море» (Итоги войны, стр. 146, 147, 155).

К этим словам прибавлять собственно нечего. Японский флот вливал огромную мощь в свою армию, и обессилить ее мог только наш флот.. <...>

Когда говорили: «поражение нашего флота не допускается», — *не понимали*, что брали на себя этими словами всю ответственность за исход войны, что при «поражении флота» война неизбежно была проиграна.

Сущность дела в том и состояла, что и *руководители флота клали всю свою надежду* во всякой войне, которую пришлось бы вести России, *на армию*, и не понимали, что именно флот, а в особенности при войне с Японией, мог дать возможность армии использовать всю ее мощь и обессилить неприятельскую армию. Такое же непонимание было и у правительства. Именно непонимание допустило легковверно отнестись к уверениям морского ведомства о могуществе нашего флота и допустило объявление нам Японией войны.

Продолжали не понимать и тогда, когда японцы внезапно напали на Порт-Артурскую эскадру и ее ослабили. Все надеялись, что армия вывезет.

Только через месяц после начала войны, а вернее только после безвременной гибели адмирала Макарова, начали думать о посылке на Дальний Восток морских подкреплений, и опять к этому делу отнеслись без достаточной серьезности, и опять только потому, что не отдавали себе ясного отчета в значении флота в этой войне и клали все-таки всю свою надежду на армию.

Действительно, если бы существовало ясное сознание, что без владения морем на театре военных действий эта война бесповоротно проиграна, то решений могло быть только два: или снарядить такую морскую силу, которая была бы способна справиться с японским флотом, или заключить мир. А для этого надо было снарядить все, что только можно было взять из балтийского флота и добиться от Англии, ценой каких угодно уступок, разрешения на выход черноморского флота, который в то время представлял из себя действительно внушительную силу; не пожалеть никаких денег на обильное снабжение этой эскадры и на подготовку личного состава, пока снаряжались корабли. И если бы этого сделать почему-либо было нельзя, или этого сделать почему-либо не хотели, если, например, нельзя было добиться от Англии ее молчаливого согласия на выход черноморского флота, или, если, по добросовестному подсчету, и всего этого было бы все-таки мало для одоления японского флота, то *решения другого — как заключить мир — быть не могло*. Но так как сознания важности предпринимаемой меры не было ни у правительства, ни у руководителей морского ведомства, ни у военного ведомства тем более, — то помирились с тем, что начала снаряжаться только часть балтийского флота и то скудно снабженная и не наилучшим образом укомплектованная личным составом. И вместо заключения мира вторая эскадра ушла — слабая и неспособная выполнить ту задачу, которая на нее возлагалась.

Все надеялись на армию, несмотря даже на Ляоян. Но тогда уже логичнее было не посылать никаких морских подкреплений, если надеялись, что мира можно не заключать, так как армия может справиться с японцами. Слабые же подкрепления сущности дела не меняли. <...>

Порт-Артурская эскадра была уничтожена после взятия японцами Высокой горы и участь крепости была явно предрешена, и вторая эскадра, дойдя до Мадагаскара, была там задержана недоразумениями с немецкой компанией, поставлявшей уголь, и решением вопроса о приобретении отряда чилийских и аргентинских судов.

И так как руководителям морского ведомства, а через них и правительству, могло быть совершенно ясным, насколько, в особенности теперь, после гибели Порт-Артурской эскадры, непосильна вторая эскадре возложенная на нее задача, и притом им могли быть известны все слабые стороны этой эскадры, о которых печать говорить не могла, и им было известно, что Англия не согласится на выход черноморского флота, и что она же не допустит покупки нами чилийских и аргентинских судов, то прямая обязанность их была объяснить это волновавшемуся общественному мнению и отозвать вторую эскадру вследствие выяснившейся ее слабости и невозможности ее достаточно подкрепить и вместе с тем начать переговоры о мире, который до Мукдена еще можно было заключить на сравнительно выгодных условиях.

Но этого сделано не было. Вместо действительной поддержки второй эскадры, на которую указывала печать, в виде черноморского флота, с доблестным ее начальником адмиралом Чухниным во главе, был послан на Дальний Восток лишь небольшой отряд Небогатова, который очень мало усиливал вторую эскадру, и этой эскадре было предложено продолжить свой путь.

Все это было несерьезно, делалось в полной растерянности, чтобы показать, что что-то делается, потому, что серьезно мог быть решен вопрос только при сознании, что война проиграна, раз исчезла надежда завладеть морем.

Дальше пошло уже прятанье головы в песок. Не вернули второй эскадры и отряда Небогатова и после Мукдена, и после Шахэ — и дождались... Цусимы.

Вот к чему в этой войне была приведена Россия и ее армия из-за неимения соответственной морской силы и из-за непонимания ее значения руководителями нашей внешней политики и руководителями как военного, так и морского ведомств.

И неужели и такой исторический опыт пройдет для нас даром. А на это похоже, ибо очевидно плохо сознают и теперь, что без владения морем, т.е. без большой морской силы, армия наша не может одолеть германскую. Иначе морская сила у нас бы уже была.

Япония создала флот, который ей доставил победу в последней войне, в 5 лет, после занятия нами Порт-Артура. И она создала его, не имея ни одного линейного корабля и большого крейсера, тогда как в этот момент наш флот занимал третье место среди флотов Европы и имел за собой 200-летнюю историю. Япония создала свой флот не имея ни единой верфи для постройки больших судов; ее флот, уничтоживший наш, весь (я говорю про большие корабли) был выстроен за границей.

Вот как делают, когда действительно и остро ощущают необходимость в морской силе.

И вот после нашей войны с Японией прошли те же 5 лет! И необходимость во флоте для нас не меньшая, чем была в 1898 году для японцев...

Но вот *остроты сознания* этого нет, и собственно к воссозданию флота у нас и не приступали, хотя Великий основатель нашего флота завещал нам помнить, что «промедление времени смерти подобно».

И неужели мы переживаем «смертную агонию» нашего могущества! <...>

Стратегия — это продолжение политики с оружием в руках. Политика в каждый данный момент соотносится в своих ходах с тем состоянием, в котором держит стратегия вооруженную силу, в смысле ее готовности выступить на том или на другом театре войны.

Мы как раз переживаем деятельный период политики. «Свидания» и «соглашения» — явные и тайные — неустанно ткут какую-то политическую паутину, и именно теперь стратегия должна особенно тесно идти рука об руку с политикой, должна в каждый данный момент быть готова ее поддержать. И горе тем государствам, в которых забывают об этом. Им грозит опасность, как беззаботно порхающим между паутинками мухам, запутаться в какой-нибудь политической паутине и поплатиться за это своей кровью.

Не только в большой публике, но и в военной среде иногда представляют себе, что стратегия — это нечто такое, что имеет применение только во время войны — какие-то там высшие соображения в головах полководцев и флотоводцев. На самом деле это совсем не так — *главная работа стратегии протекает в мирное время и заключается в подготовке войны* — в создании таких военных средств и в таком их распределении, чтобы на них крепко могла в нужный момент опереться политика, которая и должна поэтому руководить стратегией, соображаясь при своих расчетах в то же время с тем, что действительно выполнила стратегия из поставленных ей политикой задач.

Именно об этом мы и забыли в период перед нашей войной с Японией. Политика наша было прямо враждебна и вызывающа по отношению к Японии; с Германией мы в то время дружили, а военные средства мы готовили как раз против Германии, т.е. главным образом армию, расположив значительную ее часть на западной нашей границе. Все военные соображения на сухом пути исходили в то время у нас из возможности войны с Германией. Потому, например, мы не имели и горной артиллерии, что для войны с Германией она была не нужна.

Даже кораблестроительная наша программа исходила из германского закона о флоте 1898 года. К сожалению не видно, чтобы и теперь наша стратегия сообразовалась с политикой, и дело военной науки неустанно напоминать об этом. Слишком уже дорого мы заплатились за такую анархию!

Чтобы составить себе представление — какое значение имеет наша морская сила в связи с задачами внешней нашей политики, надо прежде всего формулировать себе эти задачи и на основании этого исследовать, в какой мере наша морская сила может противодействовать намерениям наших врагов и благоприятствовать нашей расценке как союзников со стороны других государств. Прежде всего возникает вопрос: с кем из наших соседей, по ходу нашей внешней политики, легче всего может у нас дойти дело до вооруженного столкновения? Если пристально всмотреться в ход событий, увидеть это очень легко.

Европейская политика складывается теперь около назревающей неизбежной борьбы между Англией и Германией за преобладание на внеевропейских рынках. Борьба эта в мирное время ведется уже давно, но теперь она явно идет к решительной развязке.

Ни одна из великих держав не могла остаться совершенно нейтральной к этой надвигающейся борьбе, чтобы не возбудить сейчас же подозрение, как в Англии, так и в Германии, и обе они, из осторожности, не упускали случая, чтобы ослабить такое подозрительное государство. Именно мы испытали на себе все неудобство такого положения.

Действительно, наш союз с Францией не допускал нашего зачисления в германский лагерь, но мы не вступили и в какие-либо соглашения с Англией, от которой в то время далеко держалась и Франция. *Германия, видя в нас своего возможного противника, толкнула нас на дальневосточную авантюру.* Как раз в 1902 году, после знаменитого ревельского смотра, на котором мы всевозможными старательно подготовленными фокусами хотели показать немцам, какой у нас могущественный и хорошо выученный флот, император Вильгельм, покидая русские воды, сделал свой знаменательный сигнал — «адмирал Атлантического океана приветствует адмирала Тихого океана». Этим он как бы предоставлял нам дальневосточные воды, требуя себе за это свободы в водах, окружающих Англию. При этом, быть может, немцы ловко воспользовались *смотровым благополучием нашего флота*, которое увлекло нас самих настолько, что мы провозгласили, что «поражение нашего флота на Дальнем Востоке не допускается», и хотя они, как обстоятельные люди и опытные моряки, и видели очень хорошо, сколь эфемерно это благополучие, потому что, правду сказать, оно было шито белыми нитками, но нам они, вероятно, говорили: «как вам с таким чудным флотом не завладеть Тихим океаном! Дерзайте!» Вот мы и дерзнули...

Вот мы и провозгласили, что «поражение нашего флота не допускается», и когда маркиз Ито явился к нам для заключения соглашения, то мы его высокомерно отвергли. А тогда это соглашение заключила Англия, и когда началась война с Японией, Англия со своей стороны способствовала нашему поражению, объявив уже во время войны такие правила нейтралитета, которые страшно стесняли движение наших морских сил на театр военных действий, не выпустив наш черноморский флот, прекратив наши крейсерские операции, и помогая Японии обильным подвозом боевых припасов и исправлением ее военных судов. Если бы мы вошли в соглашение с Англией не теперь, а несколько лет раньше, еще перед войной с Японией, то ничего подобного бы не случилось, да и не было бы, вероятно, и самой войны.

Теперь мы держимся более определенной политики — мы открыто примкнули к Англии. Но из этого, несомненно, следует, что Германия будет смотреть на нас, как на явного своего врага, и так как сравить нас с Японией теперь уже не так легко — этого может не допустить Англия, то и надо быть готовым к тому, что она воспользуется удобной политической обстановкой, когда внимание наших союзников будет чем-либо отвлечено, и бросится на нас сама, чтобы разбить своих противников по частям. К этому стремится и политика ее последних лет, не упуская ни одного случая, чтобы не уничтожить нас тем или другим способом, и к этому, наверно, готовится и ее стратегия, которая тесно идет рука об руку с ее политикой.

Но тогда, быть может, мы напрасно присоединились к английской группе; лучше было бы обезопасить себя от грозного соседа и стать на его сторону — ведь со стороны Англии одиночного нападения на нас ожидать нельзя? Но как же тогда быть с Францией, и тогда Англия может выпустить на нас Японию, для которой полная незащитность нашей Приморской области является прекрасным случаем, чтобы окончательно оттеснить нас от берегов Тихого океана! А приготовиться к одиночной войне с Японией нам еще гораздо более трудно, чем к войне с Германией, так как на Дальнем Востоке нет

никаких военных ресурсов в виде заводов, кораблестроительных верфей и т.п., а редкое население не в состоянии продовольствовать значительную армию.

Поэтому выбор мы сделали правильный — нам выгоднее примкнуть к английской группе. Но такое решение заставляет нас быть готовым к единоборству с Германией и сделать все, чтобы это единоборство было для нее обставлено такими трудностями, на преодоление которых нельзя решиться с легким сердцем. Иначе пропадает вся выгода принятого нами направления нашей политики как для нас, так как мы будем застигнуты Германией врасплох, а также и для союзников наших, так как мы явемся ослабленными к моменту решительного их столкновения с германской группой.

Каковы же первые шаги нашей стратегии после установления нового направления нашей политики? Это постройка Амурской железной дороги и создание амурской речной флотилии, т.е. подготовка к войне с Японией. А что предпринимает наша стратегия на западном театре войны? Упразднена Либавская крепость, поднят вопрос об упразднении целого ряда крепостей на западной границе; Балтийский и Черноморский флот продолжают пребывать в том состоянии, в котором они были в момент окончания войны с Японией, а обостренность наших отношений с поляками и финляндцами далеко не способствует выгодным условиям ведения войны с Германией.

Если бы мы отнеслись мягче к полякам и сумели бы придти с ними к соглашению, на какой огромный подъем духа мы могли бы рассчитывать в населении Царства Польского при войне с безжалостной угнетательницей польского племени — Германией, которая почувствовала бы отзвук этого подъема и у себя в тылу, в своих польских провинциях, а это непременно отразилось бы на численности той части ее армии, которая могла бы вторгнуться в коренные русские губернии и в Прибалтийский край. Русско-польские отношения — это главное препятствие для объединения славянского мира, которое сыграло бы большую роль при нашей войне с Германией и Австрией. С другой стороны, русско-финляндские отношения готовят для германцев готовый и им дружественный театр войны бок о бок с нашей столицей.

Таким образом, опять, как и перед войной с Японией, стратегия наша идет вразрез с внешней политикой. Тогда мы действовали вызывающе по отношению к Японии и готовились к войне с Германией, а теперь мы направляем свою внешнюю политику так, что она неизбежно приводит нас к вражде с Германией и огромные средства затрачиваем на подготовку войны с Японией. Это признак зловещий.

Я не хочу этим сказать, что можно совсем забросить дальневосточный театр войны, но хочу лишь выяснить, что у нас нет твердого направления в нашей стратегии, которое совпадало бы с направлением нашей политики. При таком твердом направлении никак нельзя решиться бросить огромные народные деньги на очень сомнительное предприятие, на какое-то начало чего-то, что не определено и на доведение чего до конца нет основательной надежды. Именно такова Амурская железная дорога, которая сама по себе, без огромных затрат на целый ряд других предприятий: крепости, увеличения численности содержимых войск, заселения совершенно пустынного края и т.п., — пользы не принесет почти никакой и будет легко захвачена японцами, которые и используют ее для своих целей.

И благоразумие требует готовиться к борьбе именно с главным, более вероятным врагом и, скрепя сердце, положиться, что Англия, пока мы будем ей действительно полезны как противник Германии, а для этого мы должны быть подготовлены для борьбы с ней, — не позволит Японии напасть на нас. Могут сказать, что та же Англия не позволит на нас напасть Германии. Однако, на самом деле это не так. На Японию, во-первых, Англия может воздействовать и как союзная держава, и, кроме того, Японии, как островному государству, действительно нельзя ничего предпринять при противодействии государства, обладающего огромной морской силой. Между тем германскую армию от вторжения в Россию англичане непосредственно остановить не могут, да и в отношении Германии Англия занимает положение стороны не наступательной, а обороняющейся, опасаясь вторжения той же германской армии на свою коренную территорию, и тут уже легко может случиться, что если Германия искусно выберет момент для начала войны, Англия может остаться и простой зрительницей.

Итак, если наша стратегия хочет идти рука об руку с нашей внешней политикой, а она должна это сделать, то ей надо принять все меры, чтобы затруднить для Германии возможность на нас напасть. Я уже имел случай указать, что Германии невыгодно ввязываться в длительную войну, решительный момент которой наступит через большой промежуток времени после момента объявления войны. За это время обстоятельства легко могут измениться: наши союзники могут успеть уладить свои дела и борьба обратится в общеевропейскую, чего Германия будет избегать, поставив себе целью поражать своих противников поодиночке. В особенности хорошо обеспечивают от вмешательства других держав быстрые, оглушительные успехи. Нравственное впечатление таких успехов огромно. Это самый лучший момент для того, чтобы попробовать перетянуть на свою сторону и союзника своего противника, пообещав ему соответствующее вознаграждение за невмешательство. Все, собственно говоря, так боятся войны, что охотно готовы отдалить ее, тем более если страдать от этого приходится не самому, а хотя бы и союзнику, в особенности, если можно кое-что и сорвать с врага за невмешательство, да и враг все-таки временно слабеет, хотя бы война и была для него удачной. Об опасности в будущем от такой политики стараются не думать: ее видят немногие, а в общем в своей массе общество и народ склонны ко всяким компромиссам, в особенности к таким, которые не задевают чести нации, лишь бы отдалить войну. Переломить это стремление могут только стоящие во главе народа, люди сильные, энергичные и талантливые, и такой человек в Германии имеется — ее император. Он ясно предвидит необходимость вступить в вооруженную борьбу с Англией, он не упус-

тит случая ее ослабить, выводя из строя ее союзников, и он сумеет сделать цель войны понятной своему народу.

Итак, Германии при нападении на нас, нужна быстро протекающая кампания с решительными успехами в самом ее начале. Я уже старался выяснить, что сделать она это может только с помощью господства на Балтийском море и его заливах и тем, кому то ведать надлежит, очень хорошо известно, что немцы энергично готовятся именно к такому способу действий. Кстати, здесь можно напомнить факт, что год тому назад, за новогодним ужином у императора Вильгельма была прочитана статья одного из приближенных к нему лиц, а быть может и принадлежащая его собственному перу, трактующая о необходимости для Германии прибегнуть в войне со своими противниками к внезапному, оглушительному удару, даже без объявления войны.

Мы должны отнять у немцев возможность такой выгодной для них кампании, если мы хотим оградить себя от внезапного их нападения, и чем такая кампания для немцев будет невозможней, тем больше будут нас ценить и наши союзники, так как тем меньше будет вероятность, что мы будем принуждены отпасть от союза или будем значительно ослаблены к моменту решительной схватки Германии с Англией.

А значит мы должны иметь флот, способный вступить в борьбу с германским флотом за обладание водами Балтийского моря.

Такой флот в значительной мере поднимет ценность нашу как союзника и для Англии, и для Франции в случае войны Германии с этими государствами. Англия теперь тянется изо всех сил, чтобы не допустить германцев иметь большее число новейших кораблей, чем у нее. При нашем флоте, равносильном германскому, эта опасность для Англии будет устранена, и она может отделить достаточную часть своего флота для удержания Японии от нападения на нас, если бы немцам и удалось ее на нас натравить. А попытки к этому, как известно делаются, и даже Австрия заигрывает с японцами. А не будет у нас сильного флота в Европе, англичанам нельзя будет отделить на Дальний Восток достаточных сил. Персиваль Хислам в уже цитированной мной книге «Господство на Атлантическом океане», которую следовало бы прочитать каждому русскому человеку, интересующемуся вопросами внешней политики в связи с военным делом, доказывает, что если Германии удастся натравить на Англию Японию, Англия должна или примириться с потерей своих колоний в Тихом океане, или подвергнуться германскому нашествию.

Таким образом, наш флот в Балтийском море, равносильный германскому, в известной мере обеспечивает нас и от нападения Японии.

В случае войны Германии с Францией наш флот окажет огромную услугу нашей союзнице, так как воспрепятствует германскому флоту помогать своей армии, и не даст возможности заблокировать французские берега и прекратить французскую морскую торговлю. Французскому флоту одному не справиться с этими задачами, так как французы не могут увести все свои морские силы из Средиземного моря, где и находится постоянно более значительная часть этих сил, и в случае борьбы двойственного союза с тройственным весь французский флот будет занят в Средиземном море.

Таким образом, флот, равносильный с германским, в значительной мере обессилит неприятельскую армию в случае нашего единоборства с Германией и Австрией и принудит их к невыгодному для них плану военных действий, и он же является чрезвычайно ценной силой для наших союзников, так как только при его помощи они могут выступить совместно с нами на равных условиях против враждебной группы государств. Единственно к чему мало пригоден сильный наш флот в Европе — это к непосредственному воздействию на Японию, но и то лишь при недружественном нам нейтралитете Англии.

Истинную правду сказал принц Гогенлоз, наместник Эльзаса и Лотарингии, на спуске броненосца «Данциг»: «Германский народ должен прийти к убеждению, что сильный флот необходим; без флота в наше время нельзя удержаться в положении великой державы и страна не может приобрести надежных союзников»...

Но главная сущность — и это надо хорошо помнить — не в союзниках, а в собственной мощи, которая дает готовность вести войну в благоприятных условиях один на один. Это в особенности ценится и союзниками, делает союз крепче и страхует от всяких сюрпризов со стороны союзников. А к таким сюрпризам надо все время быть готовым.

Мы, русские, вообще мечтатели, в нас сидит очень много сентиментализма и политического не меньше, чем другого, и мы в особенности склонны увлекаться прочностью наших союзов.

История самым суровым образом разрушает такие воздушные замки и мечты, и сентиментальность во внешней политике представляет значительную опасность.

Прочность союзов зиждется только на взаимной выгоде союзников, которую они могут дать друг другу, и кто исходит из другой точки зрения, готовит себе жестокое разочарование.

Притом союзы, по самой своей сущности, имеют отрицательные стороны, о которых часто забывают.

И раз стратегия так сильно связана с политикой, не мешает напомнить тот взгляд, который выработался в военной науке на союзы, на которые у нас многие надеются как на средство, обеспечивающее нас, например, от единоборства с Германией.

«Конечно, все союзники желают победы, — говорит профессор стратегии генерал Михневич, — но каждый из них старается взвалить на плечи другого наиболее трудную работу и на конечный результат борьбы смотрят различно: одному, например, желателен полный разгром противника; другой же склонен только ослабить его временно, чтобы вынудить его на уступки, но вполне заинтересован в сохранении его на будущее... Иногда придется отказаться от слишком смелого предприятия, чтобы не отшатнуть союзника, в другой раз придется торопиться действиями, чтобы удержать его за собой; иногда приходится отказаться от военного успеха, чтобы избежать зависти... При борьбе против коалиции следует искать слабые ее стороны как в политическом, так и в военном отношении, и туда направить свои удары» (Стратегия. Том I, стр. 47). Я не цитирую других писателей по стратегии потому, что сущность их взглядов на союзы та же самая.

Это не значит, что военная наука не признает союзов. Совсем нет. Но, опираясь на историю войн, она только предостерегает против того, чтобы слишком надеяться на союзы, и указывает на их слабые стороны.

В том же железном кольце, которым считает себя окруженной Германия, и о котором при всяком удобном случае говорит ее император, она, конечно, ищет слабую часть этого кольца, как в политическом, так и в военном отношении, чтобы туда направить свой удар, и для нас окажется очень невыгодным, если этим слабым местом окажемся именно мы, и именно благодаря нашей слабости на море.

Насколько эфемерны надежды на союзников, когда не задеваются непосредственно их прямые интересы, мы имели случай убедиться год тому назад. Когда мы сделали попытку заставить Австрию отказаться от аннексии и защитить Сербию, Германия сейчас же совершенно определенно дала понять, что она станет на сторону Австрии, а наши союзники ограничились лишь платоническим сочувствием. И нам пришлось уступить. Вообще в настоящее время как-то принято считать, что интересы всех значительных по величине государств, благодаря облегченным сношениям и развитию торговли, так переплелись между собой, и притом так много накопилось в них горючего материала из-за соперничества в торговле, а также столь непосильны для них все увеличивающиеся расходы на вооружения, что стоит только ввязаться в войну кому-нибудь одному, как и всем остальным придется принять в ней участие. Эти опасения как бы находили себе подтверждение в многочисленных комбинациях различных союзных договоров и соглашений, которые все, хотя и преследовали, по-видимому, самые мирные цели, на самом деле или содержали в действительности, или подозревалось, что они содержали различные секретные статьи, трактующие о взаимных обязанностях договаривающихся сторон в случае вовлечения одной из них в войну.

Однако действительность ни разу страхов этих не оправдала. В последнее время очень часто война возникала в различных концах земного шара и ни разу в дело не вмешивалась активно третья держава. И мне думается, что вероятнее всего так будет в большинстве случаев и впредь. И просто оттого, что воевать никому не сладко, а тем более воевать из-за чужих интересов, каковыми все-таки в конце концов являются интересы союзника.

Конечно, поручиться, что именно так будет, никто не может, а потому соединение государств в союзные группы приносит несомненную пользу делу общего мира, заставляя отдельные государства нападать друг на друга в исключительно важных случаях.

Но когда такое решение созреет, благоразумнее надеяться исключительно на свои силы как нападающему, так и обороняющемуся, и рассчитывать на союзников только в смысле более или менее благожелательного нейтралитета.

Ведь союзы и соглашения заключаются именно для того, чтобы застраховать себя от войны, а отнюдь не из-за сочувствия к интересам союзника. А этот результат в достаточной мере будет достигнут, если противник вступит в единоборство с союзником, ибо даже в случае победы первого он будет настолько ослаблен в военном и финансовом отношении, что на значительный промежуток времени он делается безопасным и даже может кое-что и уступить, чтобы его только временно оставили в покое. <...>

Теперь на море Англии угрожает Германия и, чтобы сломить Германию, мы с Францией призваны в очередные союзники... Наше вознаграждение за это — сравнительная временная безопасность со стороны Японии. А потом не будем питать опасных иллюзий и не будем и обвинять в чем-либо наших союзников, и на них излишне надеяться.

Но говоря о ненадежности союзов, я не упомянул об одном из них. Существуют и на войне союзники естественные, нераздельные и вечные, и которым разойтись нельзя будет никогда. Это армия и флот того же государства. И вот вместо того, чтобы надеяться на союзы с другими державами, приложим все усилия, чтобы именно эти союзники были у нас достойны друг друга, чтобы один мог надежно поддержать другого. А для этого оба должны быть сильны, должны друг другу верить и

друг на друга надеяться, а не идти вразброд, как это сплошь и рядом происходит теперь. Это будет могучая подготовка для единоборства с любым из наших возможных врагов, и тогда крепче и надежнее будут и связи наши с союзниками, которые, поверьте, очень хорошо видят и ценят только настоящую силу.

Так уж повелось, что каждое сообщение о флоте либо начинается, либо заканчивается словами Петра о том, что потентат только сухопутную силу имеющий, только одну руку имеет, а армию и флот имеющий — обе руки имеет. Многие лекторы порядочно истрепали это изречение... Но что же поделаешь, именно морским лекторам, в противоположность сухопутным, надо не только рассказывать о флоте, но еще и защищать его права на существование.

Но от этого изречение Великого Петра не стало менее верным, а потому и я не могу избежать того, чтобы не привести это выражение. Но у меня тут была еще мысль — отметить, что мы, к сожалению, не столь следуем завету Петра, сколь завету евангельскому, хотя и более высокому, но едва ли для этой цели предназначавшемуся, а именно — да не знает правая рука (потентата) о том, что творит левая.

Вот при таких условиях мы будем всегда слабы.

Вам необходимо проникнуться мыслью, что только с помощью флота вы можете использовать всю свою мощь, что только с помощью флота вы можете спокойно развивать эту мощь, а нам надо крепко помнить, что *только для обеспечения мощи армии и существует флот...* И вот тогда, когда мы поставим себе идеалом Великого Петра, в котором сухопутный военный крепко слился с моряком, только тогда дело у нас пойдет на лад.

Кладо Н.Л. Значение флота в ряду военных средств государства. — Ораниенбаум: Издание офицерской стрелковой школы, 1910. — С. 1–87.

Б. Доливо-Добровольский

О РАЦИОНАЛЬНОСТИ ВОЕННО-МОРСКОЙ ИДЕИ В ГОСУДАРСТВЕ

<...> Если мы твердо и определенно выясним себе цель и смысл существования государства и поймем роль настоящей и мудрой политики в стремлении человечества вперед, то перед нами понятной и целесообразной предстанет *идея военного могущества народа*.

Страна может преследовать в данное время какие угодно цели; она может быть безразлично представлена феодалами или купцами; но везде, всегда каждая страна будет вести внешнюю политику и заботиться о своей боевой мощи; если же она этого не захочет, то она будет принуждена к тому. И дорого тогда ей обойдется ее непредусмотрительность. Оглянувшись назад, мы увидим, что история дает массу самых наглядных тому доказательств. Монтескье, например, рассуждая о Карфагене, говорит, что там существовала сильная и влиятельная партия, желавшая только мира; она всеми силами и средствами сопротивлялась вооружениям; она, наконец, добилась того, что смогла мешать войне, но мира она все-таки не достигла, а результатом этого отрицания военной идеи было падение Карфагена.

Война неизбежна и непредотвратима. К войне, значит, надо готовиться, а, следовательно, и организовывать военную мощь, ибо импровизационная защита страны так называемой милицией является колоссальнейшей роковой ошибкой и к тому же ошибкой непростительной по тому невежеству, которое одно только и может ее порождать. «Следует остерегаться, — говорит генерал Шанзи, — увлечения той мыслью, что импровизированные армии могут представлять собой достаточную гарантию при национальных кризисах. События 1870 г. ясно показывают, что государству только тогда обеспечена его независимость, когда его военная организация серьезна, могущественна и разработана во всех деталях». Военная мощь должна подготавливаться исподволь, быть строго продуманной, организованной самым полным образом, и каждая деталь ее должна почитаться наиважнейшим делом, ибо от состояния военных сил государства неизбежно зависит и его жизнь; с другой стороны, военное могущество находится в непосредственной связи и зависимости от жизни и благосостояния государства. Те моменты, когда какая-либо нация находилась в периоде своего самого высшего процветания, когда она быстрее всего двигалась по пути к прогрессу, всегда исторически совпадали с эпохой наилучшего состояния и организации ее военной мощи. В то время, когда государство одерживало свои славнейшие победы, именно тогда оно больше всего блистало также в области искусств, государственности, науки, торговли и т.д.

Близоручко было бы приписывать вину в проигранной войне только неумению или отсутствию талантливости какого-либо военного вождя. Флот или армия разбиты; это поражение не есть и в общем не может быть простым несчастьем или случайностью; оно, в большинстве случаев, имеет свои более глубокие причины, лежащие в самой жизни побежденного государства.

Стронин в своей «Истории общественности» говорит: «История военной победы есть то же, что и история гражданской, т.е. победы в развитии, в историческом прогрессе. Войско и война есть тот специальный орган и та специальная функция, посредством которой одна культура, высшая, побеждает другую, низшую. Но этой формальной и явной победе всегда предшествует победа тайная и существенная».

Флот потоплен, армия разбита; эти факторы являются только формальностью и, так сказать ритуалом, созданным более глубокими причинами, лежащими в болезненности данной страны: побежденный народ не выдержал испытания в своей политической правоспособности.

Если только он исторически не идет к упадку, то его поражение часто служит для него как бы лекарством, и тогда поражение предшествует новой эпохе развития и силы страны; среди многих исторических примеров, мы укажем хотя бы на один, наиболее близкий к нам: неудачная война в России в 1854 году вызвала собой живую кипучую деятельность последующих годов с ее реформами, обновлением обветшавшего строя и усиленной работой мысли, которые ключом забили в стране после гибели ее флота в Черном море.

Но надо помнить, что война есть тот суровый, страшный экзамен народу, который ему приходится по временам держать, чтобы доказать свое право на существование. «На страницах всемирной истории мы наблюдаем смену культур, отживание одних народов и замещение их новыми, молодыми, и все эти величественные перевороты были, в конце концов, последствиями войны» (Михневич, «Стратегия»).

Государство, чтобы существовать, должно быть каждый час готовым к войне и должно самым тщательным образом организовывать и развивать свои боевые силы. Государственные люди будут напрягать всю свою энергию и средства для организации военной мощи, ибо без нее страна, как от-

живающая, придет к упадку и гибели. За проигранные сражения и войны история и страна возложат ответственность не на случайно-несчастных флотоводцев и генералов, а на них, на тех, кто ведали и управляли жизненными силами народа. <...>

Военная сила страны, служащая единственной надежной гарантией национальной свободы, является, вместе с тем, продуктом государства и его деятельности. Народ, живущий в горах и окруженный со всех сторон горной местностью, очевидно, создает свою военную мощь, приспособленную к ведению специально горной же войны. Если бы могли себе представить морское государство без сухопутной территории, живущее на каких-нибудь рыбацких или промысловых судах, то мы, конечно, исключили бы для такого государства возможность создания сухопутной армии; организовывая свою военную защиту, оно, разумеется, могло бы соорудить только флот. Предположение это является совершенно фиктивным, ибо такого государства нет, да и не может быть.

Между тем существуют мелкие второстепенные государства (Сербия, Швейцария), границы которых вовсе не соприкасаются с береговой чертой; военная сила таких народов очевидно, состоит из одной армии. Однако, громадное большинство государств так или иначе, но заинтересовано в вопросе о водной поверхности.

История человеческой цивилизации никогда не вышла бы из описания первобытной эпохи, если бы люди были лишены морских сообщений; история, начиная с первых же страниц своих, указывает нам тот факт, что только море научило людей и дало им возможность настоящим образом использовать землю. Оно сыграло громадную роль в деле развития мировой культуры, и без него человечество, вероятно, до сих пор находилось бы в диком состоянии. И чем дольше живут людские общества, тем все более и более, с каждым столетием и с каждым годом, они приучаются понимать ту роль, которую море играет в их жизни. В настоящее время, при той сложности формы социальных и экономических явлений, в которые вылилась современная цивилизация, уже не представляется возможным подлинно оценить всю грандиозность значения океанов и морей в деятельности человечества; хотя непосредственная жизнь людей в общем проходит на твердой земле, но вся интенсивность и весь величественный прогресс их работы целиком связаны с морем.

На поверхность океанов теперь перенесена огромная часть мировой деятельности и жизни. Культура и процветание государства невозможны без участия такого великого, благодетельного фактора как море. Мелкие государства, лишенные береговой черты (вроде той же Сербии или Швейцарии), хотя пока и существуют, но жизнь их замкнута и ограничена настоящим; будущности у них нет. Они не могут принимать участие в великой мировой борьбе; культура их не может иметь мирового значения, и развитие ее они всегда будут воспринимать извне; в силу этого, культура их не может быть самобытной, и, значит, такие государства заранее обречены на полную зависимость от других.

«Наше будущее», — сказал император Вильгельм II, — лежит на океане».

Да и в самом деле, ведь не прихоть же, не забава, не пустой каприз понуждают теперь государства обоих полушарий стремиться к морю. Англия в течение многих столетий жертвовала всеми средствами и жизнью своих лучших сынов, чтобы завоевать себе «господство над волнами».

Германия, с ее малоразвитой береговой чертой и, к тому же, расположенная у почти замкнутого моря, еще каких-нибудь сорок лет тому назад не знала, как ей выбиться из ее стесненного положения сухопутной страны. А теперь она стала уже первоклассной морской державой с боевым флотом, готовящимся занять второе место в мире по силе и значению.

Италия сейчас же после объединения, только что сделавшись цельным государством, уже сооружает флот, предназначая его для владычества над Средиземным морем.

Россия своей вековой политикой рвется к выходу в океан, и через всю ее историю красной нитью проходит борьба за заветную мечту о свободном море. Япония, едва ознакомившись с европейской цивилизацией, уже помышляет о владении всем Тихим океаном и даже при своих мелких финансовых средствах тратит последнюю иену на создание морской мощи.

Франция, Австрия, Греция, Америка, словом все, все государства, даже такие как Румыния и Болгария, спешат стать в ряды морских держав и несут часто непосильные жертвы для сооружения флота.

Ведь не каприз же, повторяем мы, не глупость заставляют государственных мужей всего мира и во все времена стремиться к обладанию морем. *Защищая свои интересы на земле, народы создают территориальные армии; защищая свои интересы и права на море, они сооружают военно-морскую мощь, т.е. флот, ибо каждая нация, желающая владеть хотя бы частью морской поверхности, должна иметь морскую силу. В вопросе об обладании морем компромисс невозможен: или государство соглашается нести крупные и подчас тяжелые жертвы для содержания флота, или же оно вовсе отрекается от моря и тогда отказывается в будущем от своей самобытности.* <...>

Здесь пригоже будет остановиться и пояснить изложенное каким-нибудь примером. Возьмем, что ли, Россию: эта страна, повинувшись общему мировому закону, во все время своего исторического существования неуклонно стремилась к открытому морю.

Ее географическое положение в высшей степени не благоприятствует этому стремлению; могучие соседи, видя наиболее уязвимое и слабое место русской политики и опасаясь возрастания силы России, всей своей деятельностью препятствуют ее появлению в роли свободной владыки свободного моря; необъятная ширь, отдаляя жизненный центр страны от окраин тысячами верст, конечно, не способствует культурной и политической борьбе, которую приходится вести где-то очень далеко, чтобы упрочить за государством обладание морским берегом; мало того, у *самых русских или, по крайней мере, у многих из них начинает пропадать интерес к морю и правильная оценка его роли в общественном благосостоянии*; и то, что английская палата в своем адресе королеве Анне (1708 г.) назвала великим «морским делом» («the sea affair») становится для некоторых русских государственных людей делом ненужным, пустым и неподходящим.

И, все-таки, несмотря на все эти препятствия, Россия продолжает рваться к берегам, как бы поняв своим историческим инстинктом всю ту мощь, богатство и развитие, которые ей сулит море, и сознавая, что погибнуть она не может, что, вопреки всему, она, поздно или рано, но все же восторжествует, и что ее великое мировое торжество изойдет только от победы на океане.

Для полноты изложения здесь, может быть, не лишним будет указать на те *доводы*, которые приводятся некоторыми из русских же против русского «морского дела». Доводы эти достаточно распространены и известны большой публике; не меняясь в своей сущности, они установлены определенным шаблоном раз и навсегда, чтобы выставляться, как выученный катехизис, во всех случаях, где идет речь об увеличении, упорядочении или даже о самом существовании русского флота.

Сводятся эти доводы к следующим положениям.

* России чужда и непонятна идея о флоте, и морское дело в этой стране является делом искусственным и насажденным извне; сами русские не только что никогда не были настоящими моряками, но и не могут быть таковыми по причине национальных особенностей, которые происходят от географического положения, истории, склада жизни и характера страны; моряком сделаться нельзя, им надо родиться, ибо любовь к морю и способность к активной деятельности на водной стихии вырабатываются целым рядом поколений и передаются каждому отдельному индивидууму только атавистически; Россия же есть и всегда была страной строго континентальной, и, следовательно, ее жители для «морского дела» непригодны.

* Содержание флота, даже если допустить его возможную полезность в некоторых политических комбинациях, является слишком дорогим при современных условиях его сооружения, а Россия, переживая теперь переходное экономическое положение и не обладая излишком капитала, не может позволить себе таких трат, которые оправдывались бы иначе, как только необходимейшей потребностью.

* Морская война является одной из разновидностей войны вообще и при этом разновидностью совершенно нелепой при той системе средств, которой должна располагать русская политика; все, что Россия отдает на создание своей военной мощи, должно идти только и целиком на сухопутную армию.

* Русский флот до сих пор ни разу и ни в одной войне не принес никакой пользы для державшей его страны и во всех политических и военных кризисах всегда оказывался неспособным к тому, чтобы дать государству возможность использовать себя в отношении действительной выгоды; поэтому, существование русского флота не может оправдываться, даже исторически.

Доводы эти приведены здесь с умыслом, ибо они могут показаться совершенно ясными, а при некотором пристрастии их охотно даже сочтут за простую очевидность; поэтому-то само опровержение их фактами и строгой логикой послужит к выяснению рассматриваемого нами вопроса.

Отнесясь к вышеизложенным рассуждениям и доводам критически и проанализировав их, легко увидеть представляемую ими неверность не только в освещении фактов, но и в самой сущности их.

Действительно, утверждение, что военно-морское дело было для русского народа исторически чуждым, что русские не имеют и не могут иметь склонности к морю — является заблуждением, происходящим от незнания истории, или, вернее, от предубежденной невнимательности и небрежности ко всему тому, что история говорит о русской морской деятельности.

В самом деле, откроем книгу Fred Jane'a (мы, нарочно, берем даже не русского, а иностранного автора) и в первой же главе, касающейся нашего флота, мы прочтем следующее: *«Русский флот, который принято обыкновенно считать сравнительно молодым, недавним созданием, заведенным только Петром Великим, на самом деле может притязать на большую древность, чем флот Англии. Еще за столетие до того, как Альфред выстроил первые британские военные суда, русские уже отчаянно бились в морских боях; еще тысячу лет тому назад они считались лучшими моряками эпохи»*.

Первый русский морской поход из Днепра в Черное море к Византии историки помечают маем 865 г. В 907 году Олег с 2000 судов явился под Константинополь; греки заперли гавань цепью, но Олег, поставив свои суда на катки, обошел это препятствие; в дорогую цену обошелся тогда неприятелю мир, заключенный с русскими моряками: греки должны были уплатить огромную контрибуцию, тогда

же был подписан между обеими сторонами договор, который, между прочим, имел важное значение для морских предприятий, обязывая оба народа охранять торговые суда союзника, их экипажи и товары, а, в случае кораблекрушения, спасать и продавать товары в пользу пострадавшего купца (Карамзин, т. 1).

Затем идет целый ряд морских войн на Черноморском театре: в 941 г., в 944 г., в 967 г. (прорыв русского флота при осаде Доростола), в 988 г. и, наконец, при Ярославле в 1043 г. Мы уже не говорим о подвигах смелого русского пирата Хрисохира, который в XI столетии одержал даже победу над византийским императорским флотом у Абидоса. «От частых и смелых набегов и плаваний русских судов, — говорит Веселаго в своей «Истории», — само Черное море получило тогда название Русского, и страх, наведенный на жителей Византии появлением их, находил подтверждение в отысканном на древней статуе пророчестве о взятии Византии русскими».

В X и XII столетиях наш флот вел широко организованные войны и походы на Каспийском море (победа у Берды, занятие Шемахи).

Позже, в конце XII века деятельность русского флота начинает проявляться на Балтийском море: Великий Новгород снаряжает свои торговые корабли и посылает их в Швецию, Данию, на северное Поморье, к Печоре и даже в Карское море. Он заводит и военный флот, как для защиты своих интересов, так и для активной политики. В 1164 году наш флот одерживает у Ладоги блестящую победу над шведским, а в 1187 — новгородцы сами отправляют свои корабли в Швецию и сжигают там богатый и многолюдный город Сигтун. Через 4 года после этого Великий Новгород организует большую военно-морскую экспедицию в Финляндию, сооружает сильный боевой флот и посылает его выгнать из Финляндии шведов. Наши моряки блестяще справляются со своей задачей и разоряют все побережье до самого Або.

Папа Григорий IX вступается тогда за шведов, проповедует крестовый поход против отважных и дерзких русских мореплавателей — и результатом является еще одна славная победа новгородцев (1240 г.)

В заключение мы считаем нелишним процитировать также следующие слова английского историка: «В X столетии русские имели репутацию лучших моряков. Подобно тому как теперешний турецкий флот привлекает к себе на службу греков, византийцы, около 900 г., старались нанимать себе на морскую службу русских. Они платили им очень большое жалованье и история отмечает много случаев, где русские моряки служили на византийских кораблях».

Действительно, в 935 г., в царствование Романа I, наши корабли участвовали в походе на Италию; в 944 г., при Романе II, шесть русских кораблей сражаются у Крита; в 966 г. наши моряки принимают участие в походе византийцев к Сицилии и т.д.

И в позднейшие времена, всегда, стоявшие во главе правительства люди заботились о надлежащем развитии и толковой организации флота; русские моряки одерживали победы в морских боях и, конечно, не побежденные ими, а только сами же русские могли додуматься до того, что они «чужды морю», что они — сыны какого-то «континентального народа», а потому физически не могут быть моряками.

Дальше противники флота ссылаются на бедность России, на ее финансовое положение, не позволяющее ей, будто, содержать дорогостоящий флот. Как хорошо было бы напомнить им об одной стране на Дальнем Востоке, которая, невзирая на действительную скудность своих государственных средств, все-таки не жалела и не жалеет денег на правильное, рациональное развитие морской силы во всех ее мелочах и деталях. Наши экономисты, очевидно, забывают тот принцип, что «действительная экономия состоит не столько даже в воздержании от приобретения нецелесообразного, сколько в непременном и неотложном приобретении нужного». Они жалуются на отсутствие в России промышленности, торговли и богатства, но история все время твердила о том, что только флот, только обладание морем могут основательно поднять и обогатить страну; море и процветание страны находятся в самой тесной связи друг с другом. Яркий пример тому представляет Испания: с прекращением испанского судоходства там погибла также отечественная мануфактура и страна сделалась нищей.

Процветание страны, ее промышленность и богатство неразрывно связаны с морской торговлей, а последняя немислима без военного флота. <...>

Пора отречься от той легенды, что только существование торгового флота оправдывает учреждение военного. Англия XVII столетия, Германия, Япония дают разительные примеры и доказательства тому, что военный флот не только сопровождает и способствует, но даже предшествует развитию морской торговли.

Что касается тех, кто утверждает, что все средства, ассигнуемые Россией на ее военную мощь, не должны «зря» расходоваться на флот, а все целиком идти на развитие и увеличение сухопутной силы, то они, видимо, слишком скоро забывают недавние уроки турецкой и японской войны и снова принимаются за легкомысленную старую песенку; очевидно, они совершенно не понимают того принципа, что господство на море придает особое значение и силе армии. Цель и размеры нашего труда

не позволяют нам разбирать здесь какого-либо плана войны, скажем, при тех условиях, в которых находится Россия в настоящее время. Но и прошлые войны, отошедшие теперь в область истории, достаточно указывают на то громадное и решающее значение, которое мог бы сыграть на них флот, если бы он стоял лишь на надлежащей высоте развития и организации. Только в частных случаях армия без флота может, отразив врага, сама перейти в наступление и затем окончательной победой сокрушить волю противника.

Если бы в последней русско-японской войне наша армия отбросила бы японцев, предположим, после Цусимского боя, то за отсутствием флота Россия, конечно, не была бы в состоянии диктовать своей воли напавшему на нее и отраженному врагу; Япония спокойно могла бы перевезти свои войска домой и лишить Россию возможности полностью воспользоваться плодами победы. Нам, может быть, возразят и скажут, что именно этот случай является частным, а не общим, но такое возражение будет неверным, ибо оно может породиться только от узких взглядов ума, воспринимающего впечатления лишь от ближайших из окружающих факторов и считающегося только с ними. В самом деле, еще 15–20 лет тому назад наша последняя война и ее исход считались бы совершенно невозможными, и предсказатель их, если бы таковой случился, разумеется, был бы осмеян тогда и политиками, и военными людьми России, а между тем, при той интенсивности, которой отличается политическая эволюция последнего времени, уже и теперь также нельзя предугадать всех комбинаций будущего и ограничить их вероятность той кажущейся возможностью, которая проистекает из современной политической обстановки.

Именно в переживаемую теперь человечеством эпоху надлежит предвидеть те случаи, когда сухопутная сила страны окажется бесполезной при отсутствии флота, а, между тем, первый же такой случай, наверно, отразится самым губительным образом на развитии страны и задержит ее прогресс еще на многие десятки лет. «В XX столетии, — сказал Бюлов, — те из государств, которые не будут сильны на море, окажутся, как фигуранты, на заднем плане сцены».

Наконец, последний из доводов, приводимых противниками флота, заключается в том утверждении, что флот никогда ничего для России не сделал, что ни в одну из войн последнего времени он не принес никакой пользы, а потому его не стоит-де и содержать.

Довод этот, как *ultima ratio*, торжественно предъяснялся в виде исторической и, следовательно, непогрешимой истины: «так было раньше, а значит, так будет и всегда потом».

Но ведь из того, что, например, мост, выстроенный плохим инженером, три раза проваливался, нельзя заключать, что мост совершенно бесполезен; можно сказать, что инженер был, действительно неискусен, но наивно отрицать из-за одного этого идею полезности самого моста. Раз только страна ясно поймет, что флот в самом деле ей нужен и необходим, то она вся проявит к нему живой интерес, не будет ограничиваться одним равнодушным отпуском средств на испрашиваемые кредиты, а и сама всей своей жизнью и душой войдет в него, и «морское дело» тогда станет великим национальным делом.

Вряд ли можно счесть преувеличенным то утверждение, что государство всегда само бывает виновато в плохом состоянии своего флота. Если общество не будет чуждым военно-морскому делу, если оно будет любить и понимать его, если страна станет с живым интересом относиться к подготовке флота, то последний, конечно, разовьется на должную высоту и сможет в нужную минуту отстоять вверенные ему честь и достояние государства.

Мы так долго останавливались на примере России и ее флота в теперешнем его состоянии потому, что разбор исключительно неблагоприятных условий для существования русской военно-морской силы дал нам возможность в этом частном случае полнее выяснить рассматриваемый нами вопрос в общем его виде.

Возвращаясь к нашему рассуждению, мы напоминаем, что выяснив сперва цель и необходимость существования отдельных государств и дальше установив факт неизбежности войны и вытекающей из него обязанности всякого народа готовиться к ней, мы указали также и на то, что военная сила страны должна быть плодом серьезной продуманной организации, ибо цель войны как активной, так и пассивной, есть сокрушение воли противника; воля эта может быть сокрушена только при условии разрушения его военной мощи; война есть ни что иное, как борьба двух военных сил воюющих государств, в которой победителем окажется всегда сильнейший. Победа его и установит собой торжество воли того государства, которое оказалось правоспособнее своего побежденного противника.

Тем не менее, одно только абсолютное преимущество в средствах и силах не служит еще достаточной гарантией успеха в войне: наоборот, сильнейший с виду противник может оказаться побежденным, а слабейший будет победителем, если он обладает лучшей организацией и большей степенью искусства и умения. *Лучшая организация* не только может сравнять слабого с сильным, но и дать ему на войне перевес.

Истина эта, вообще, не подлежит никакому сомнению, но по отношению к военно-морской силе она приобретает еще совершенно особое значение и выразительность. Мало того, что *флот нельзя*

импровизировать в тот момент, когда он оказался нужным: его создание, сооружение и подготовка еще требуют долгого периода, предшествующего времени его настоящей боевой готовности.

Поэтому-то, имея ввиду громадную важность обдуманной и толковой организации, мы и считаем необходимым, хотя бы вскользь, коснуться тех *принципов*, которыми должно руководствоваться при сооружении боевого флота. Вместо того, чтобы высказать эти принципы в готовом уже виде и в подтверждение их просто сослаться на какие-нибудь авторитеты, мы постараемся сами здесь же их вывести дедукционным путем, исходя из установленных и уже принятых фактов. Факты эти в нисходящей последовательности должны быть поставлены в следующем порядке:

1) Существование отдельных государств неизбежно и необходимо для достижения общечеловеческой цели.

2) Государства всегда имеют свою главную цель, достижение которой обуславливается борьбой за промежуточные цели, т.е. за государственные интересы.

3) Борьба за государственные интересы ведется с помощью политики внутренней и внешней, причем последняя имеет задачей достижение торжества воли государства вне его пределов.

4) Навязывание своей воли (политика активная) и отклонение от себя воли чужой (пассивная политика) разрешаются в обыкновенных случаях путем уговоров и взаимных уступок столкнувшихся государств, но в случаях особенно важных (непреклонность), где интересы приобретают значение жизненное или безусловно необходимое для перехода страны в следующую стадию своего политического развития, — в этих случаях политика прибегает к последнему высшему средству для достижения своих целей, т.е. к войне.

5) Для уменьшения числа непосредственно сражающихся и для улучшения их военных качеств, государства под влиянием современной цивилизации употребляют для войны не всю массу враждующих народов (как в старину), а только выделенную из них и специально организованную военную помощь, которая, благодаря своей организованности, является единственной конкретной силой для поддержки государственной воли.

6) Противящаяся воля может быть сокрушена в ее пассивных или активных направлениях только при условии разрушения военной мощи врага, которая ее одна только и поддерживает.

Война, будучи высшим средством политики для достижения торжества государственной воли, имеет своей целью сокрушение воли ей противящейся и, значит, разрушение поддерживающей ее военной мощи неприятеля. Все те приемы войны, которые не ведут к непосредственной цели (таковы, например, нападение на морскую торговлю противника, занятие столицы и т.д.) — являются приемами побочными, второстепенными и часто вредными, так как уничтожив только военную мощь неприятеля, государство тем самым покоряет себе и его волю; при неудаче же весь безвыгодно нанесенный во время войны вред победившему врагу всегда лишь учитывается им при заключении мира и компенсируется с помощью соответственного увеличения контрибуции. Кроме того, чрезмерное увлечение этими второстепенными приемами вредно отзывается на самом ведении войны, отвлекая часть средств и сил борющегося от его непосредственной задачи и, поэтому, нарушая стратегический принцип сосредоточения сил по главному направлению.

7) Из трех возможных состояний войны: пассивная оборона, активная оборона и наступление, одна только пассивная оборона не имеет никаких шансов для достижения цели, т.е. победы, так как она не преследует задачи уничтожения военной мощи противника, и поэтому:

8) внутренняя политика страны, подготавливая свои боевые средства, должна их организовать, имея ввиду только наступление или же активную оборону; это означает, что военная мощь страны должна быть создана так, чтобы она могла вступить в борьбу с таковой противника и уничтожить ее.

Вопрос о создании военно-морской силы должен на деле разрешаться с помощью следующих данных:

а) указание на предполагаемого противника (связь внешней политики со стратегией);

б) военно-морские средства, организация и силы, которыми противник обладает (разведка генерального штаба);

в) факторы, необходимые для победы над уже определившейся морской силой намеченного противника (синтез всех военно-морских наук);

г) средства готовящейся страны и способы их военной эксплуатации (связь стратегии с внутренней политикой).

Переходя теперь к освещению вопроса с практической точки зрения, мы установим, что — в силу всего вышесказанного — главный боевой элемент морской силы, т.е. флот (побочными элементами мы предлагаем назвать порты, центральные учреждения, арсеналы, учебную часть и т.д.), должен быть в состоянии вступить в открытый бой с неприятелем и разбить его.

Положение это, выведенное из теории, может практически подтверждено следующим примером: представим себе морскую войну, в которой противником страны с сильным броненосным флотом является государство, не обладающее таковым; последнее, располагая, предположим, минной защитой, конечно, представит своему противнику известные затруднения для его действий. Боевая эскад-

ра, оперирующая у неприятельского побережья, не сможет спокойно, с удобствами и беспечно выполнять свои намерения; но, при соблюдении самых элементарных правил, которые вызываются обыкновенной обстановкой войны, боевой флот легко уничтожить или, по крайней мере, сделать неприятельские миноносцы безвредными для себя. Действительно, как в теории, так и на практике последних войн выяснилось полное бессилие минных судов против броненосцев, находящихся при нормальных обстоятельствах; минная атака, даже когда она ведется в самых выгодных условиях, всегда оказывается совершенно ничтожной по своим результатам.

Командующий броненосным флотом, зная присутствие и близость неприятельских миноносцев, примет свои обычные меры и, хотя с замедлением, но все же приведет в исполнение все свои планы. Надо помнить, что миноносец не есть оружие защиты; его присутствие целесообразно только при боевой эскадре. Миноносец есть оружие сильнейшего. Роль его сама напрашивается на сравнение с ролью штыка в пехотном бою: штык, надетый на ружье более слабого, не сможет защитить его от разгрома более сильным; надетый же на ружье последнего, он становится грозным оружием против врага слабейшего и уже обреченного на гибель. Итак, постройка миноносного флота является бесполезной и ненужной для государства, не владеющего боевым флотом.

Дальше, броненосной эскадре защищающийся противник может противопоставить мины заграждения. Это оружие также замедлит неприятельские операции, при удаче может произвести случайные частичные потери у врага, но победить его оно само по себе, конечно, не в состоянии. Опять-таки, командующий броненосным флотом, зная его присутствие, примет свои обычные меры и, хотя с замедлением, но все же приведет все свои планы в исполнение.

Наконец, воюющее государство может еще, за недостатком боевого флота, выслать в море свои крейсера с целью действовать на морскую торговлю неприятеля. Этот способ войны уже давно осужден историей (например, морская борьба Франции с Англией); крейсерская война, еще недавно имевшая горячих адептов, теперь уже окончательно развенчана и признана величайшим заблуждением. Государство, которое обладает сильным боевым флотом и владеет господством на море, разумеется, всегда сможет не допустить хозяйничанья на нем своего более слабого врага.

Итак, основанием главного боевого элемента морской силы являются эскадренные броненосцы. Цель их — захват господства на море. Средство для этого — бой с неприятельской эскадрой. Победа в этом бою будет зависеть от целой конгломерации самых разнообразных факторов; мы здесь не будем входить в их рассмотрение, но, все-таки, укажем на те два основных принципа, соблюдение которых является *conditio sine qua non* для действительности силы флота: 1) эскадра должна быть по возможности однотипной и 2) каждый из составляющих ее броненосцев должен строиться с расчетом на его главное назначение, т.е. на артиллерийский бой.

В самом деле: в эскадре, составленной из кораблей различного типа, очевидно, некоторые суда будут более слабыми, а другие — более сильными. И вот эскадре из-за тактических условий надо будет равняться именно по более слабым и не пользоваться лучшей поворотливостью, превосходством хода и другими качествами своих наиболее совершенных кораблей. Между тем, приобретение каждого такого качества стоило больших затрат; оно горделиво подчеркивалось во всех списках флота; ради него приносились всяческие жертвы; и все это только ради того, чтобы от него отказаться как раз в тот момент, когда его следовало бы использовать, и отказаться только потому, что другие суда, не обладающие такими качествами, были поставлены в линию с более усовершенствованными кораблями. Однотипность, являющаяся необходимой в тактическом отношении, оказывается, таким образом, более выгодной в экономических соображениях. Достигнута она может быть при теперешних условиях (быстрота прогресса техники) только тогда, когда будут строить не отдельные броненосцы, а одновременно начинать постройку целых отрядов.

Поэтому, всякое государство, отдельно закладывающее одно боевое судно, должно знать, что оно умышленно совершает, по тем или другим соображениям, ошибку, которая, во всяком случае, ослабляет его боевую силу.

Каждый броненосец, как мы сказали выше, должен строиться с расчетом на его главное назначение, т.е. на артиллерийский бой; поэтому, все остальные качества, не ведущие к усилению и защите огня, должны почитаться в сравнении с ним второстепенными; скорость, конечно, является преимуществом, особенно для уклоняющегося от боя; но постоянно такое уклонение никак не сможет привести к уничтожению неприятельской силы; в решительный момент боя не скорость, а пушки решат участь страны.

Если бы можно было, благодаря турбинам, газовым двигателям, жидкому топливу или каким-либо другим способам увеличить скорость без увеличения веса корабля, то это, конечно, явилось бы настоящим прогрессом судостроения; но увеличивать ход с помощью излишка водоизмещения и за счет артиллерии — означает стремление к второстепенному фактору за счет главного (Capt. Seaton Schoeder, U.S.N.)

Заключая все вышесказанное, мы приходим к тому выводу, что в основе организации военно-морской силы должно стоять сооружение однотипных эскадр, сформированных из больших броненосцев.

носцев с крупной, сильной и хорошо защищенной артиллерией. Все измышления о так называемой береговой защите и о крейсерской войне противоречат этой основе и потому являются праздными и пустыми. Попытки найти компромисс и создать какой-нибудь универсальный тип корабля (вроде французского «крейсера-броненосца») всегда ведут к неудаче, так как результатом их получается судно, которое в момент боя окажется непременно слабее, чем настоящий броненосец неприятельской эскадры.

Переходя к действительности и критически рассмотрев существующие в данное время флоты мира, мы увидим, что некоторые государства придерживаются изложенных нами принципов и этим создают свою морскую силу — рациональную и надежную; другие же строят свои корабли, исключительно руководствуясь игривым настроением духа морских секретарей или министров и большей или меньшей степенью фантазии, которой те обладают.

Некоторые государства имеют вполне определенную судостроительную программу, как, например, Германия, у которой она разработана до 1920 года, когда ее боевой флот будет состоять из 55 броненосцев (есть впрочем некоторое основание думать, что она еще увеличит эту программу тем, что уменьшит срок службы броненосца до 16 лет, по истечении которых корабль должен замещаться новым).

Другие государства, как, например, Англия, не имея определенной программы, имеют зато определенную судостроительную политику. Англия, обладая громадным перевесом над Францией и Германией в числе «корабль за корабль и класс за класс», просто не позволяет никому уменьшить этого перевеса и соответственно строит свои броненосцы в том или другом числе. Такая система, конечно, обеспечивает силу флота, но она доступна только таким странам, которые уже, отэксплуатировав море в течение некоторого времени, сделались более богатыми. Другим государствам надлежит еще купить или завоевать себе право на море и они, обладая ограниченными средствами, должны пока систематично вырабатывать и исполнять свою программу.

Наконец, есть еще такие государства, в которых судостроительная программа или политика если и существуют, то без всякой внутренней мысли, ими руководящей и обосновывающей их. Франция до 1900 года, собственно говоря, не имела никакого задуманного вперед плана постройки и создала свой флот без всякой системы; делалось это в силу того принципа, что никоим образом нельзя «связывать будущее и освобождать морскую политику от парламентского контроля, отказываясь этим от одной из главных прерогатив законодательной власти». Понятна вся ошибочность такого утверждения, ибо *морская программа должна быть законом*, который как раз и обеспечил бы ее от каприза министра или случайного большинства голосов, могущего оказаться в палате под влиянием политической борьбы за власть различных партий (См. брошюру «Pour Vaincre sur Mer» анонимного автора).

Составление судостроительной программы необходимо для всех государств (за исключением стран, имеющих возможность вести судостроительную политику), ибо она является планом, разрабатываемым стратегией во имя государственных целей и на основании государственных средств. Сооружение флота без программы, обоснованной политическими и стратегическими рассуждениями и рассчитанной на много лет вперед, бессмысленно, потому что сооруженный таким образом флот заранее обречен на слабость, не соответствующую произведенным на него затратам.

Надо помнить, что флот строится в соответствии с государственными и военными соображениями; если же, наоборот, последние будут подгоняться под уже выстроенный флот, то результаты такого нелогичного положения вещей скажутся в первой же войне самым печальным образом. Нам пришлось затронуть здесь этот вопрос потому, что сама военно-морская идея без понятия о программе является простой фикцией.

А в основе этой программы, повторяем, должен быть броненосный корабль, или, вернее, однотипный отряд броненосцев; против этого вряд ли кто-нибудь станет спорить принципиально и по существу.

Однако в жизни, иногда, оказывается иное. Признав какое-нибудь положение уже выработанным и переходя к практическим действиям, казалось, следовало бы применять его на деле, но тут-то и происходит что-то совсем странное: некоторые люди вместо того, чтобы следовать установленному принципу, почему-то вдруг сворачивают в сторону и начинают действовать как раз наоборот, в неясной надежде, что они отыщут какой-то фокусный прием, который поможет им, вопреки натуральному закону, найти другой, более легкий способ достигнуть намеченной цели.

«Мы верим и понимаем, — говорят они, — что броненосная эскадра одна может составить настоящее морское могущество», а затем, сформулировав себе эту истину, этот доказанный логический вывод, они начинают искать способ, которым можно было бы обойти, обмануть естественный закон логики и приступают к постройке всевозможных других типов судов, рассчитывая, что «а вдруг», «как-нибудь» эти суда окажутся лучше и выгоднее броненосцев. История горьким опытом научила французов и показала им необходимость сооружения эскадренных боевых кораблей; они поняли урок, поверили ему, а затем какая-то неясная сила начала толкать их в сторону, в компромисс и вот, в результате, поползли со стапелей разные: Jeanne d'Arc, Gloire, Marseillaise, Dupleix, Montcalm и т.д.

Миллионы тратились Францией на создание каких-то плавучих недоразумений в погоне за какой-то туманной фантазмагорией.

Причину такого явления объяснить трудно: может быть она вызывается недоверием этих людей к самим себе, может быть она порождается только невежеством, а возможно и то, что причина кроется в простой склонности к легкомысленному шарлатанству и в отвращении ко всему обоснованному, научному и положительному. Если логический выход из какого-либо положения представляется трудным, то, вместо того, чтобы напрячь к нему все свои силы, такие люди начинают верить, наперекор рассудку, что им удастся перехитрить здравый смысл и, так сказать, выйти помимо двери просто сквозь стену. Их усилия были и будут бесплодными, а, между тем, дверь есть, но только чтобы открыть ее, надо приложить известные усилия. Все фокусные приемы, которыми пытаются иногда уклониться от постройки броненосных эскадр, непременно окажутся мыльным пузырем, так как расчет и логика неумолимы, и действия наперекор здравому смыслу не могут оказаться правильными и всегда приведут к краху.

Может быть нам еще скажут, что броненосцы дороги, что какие-нибудь бронепалубные крейсера или большие миноносцы дешевле, что «мы — де все равно не угонимся за готовыми броненосными эскадрами соседей, если даже и начнем сейчас строить боевые корабли».

Но лучше совсем не строить флота, чем сооружать его заведомо негодным к разрешению своей прямой задачи; это, по крайней мере, будет откровенно и не повлечет за собой бесполезных расходов на ненужную для государства игрушку. Но на это никто не решится, потому что если не ум, то инстинкт подскажет весь ужас и трагизм того приговора, который был бы подписан стране, если бы ее сознательным отказом от флота лишили бы, следовательно, и самого моря.

Будущее народов и участь их решаются на океане, и, потому, военно-морская идея с вытекающей из нее обдуманной программой постройки однотипных боевых эскадр приобретает высшее мировое значение.

Государственный ум, отличающийся от ума обыкновенного способностью подняться на высоту веков, должен оценить величие этой идеи; пусть будет дорога каждая тонна спущенной на воду стали; пусть велики будут народные жертвы на флот; море все сторицей воздаст своим будущим повелителям в том богатстве, культуре, блеске и славе, которые они возьмут с боя в борьбе за океан.

ПРИНЦИП КРАЙНЕГО НАПРЯЖЕНИЯ СИЛ В МОРСКОЙ ВОЙНЕ

<...> Никакое государство не выдержало бы постоянной полной готовности к войне, оно должно было бы в конце концов ослабнуть и материально, и духовно, вследствие обеднения и отсутствия средств на удовлетворение умственных и духовных требований. Крайнее напряжение сил не может быть раз навсегда применено ни одним государством, но оно и не требуется во всей своей полноте, если принять во внимание действительную обстановку войны.

Действительно:

1. Крайнее напряжение не может быть осуществлено внезапно.
2. Крайнее напряжение не может быть осуществлено в начале войны.
3. Крайнее напряжение умеряется влиянием на войну политики.
4. Крайнее напряжение умеряется на войне влиянием остановок (Клаузевиц). <...>

Сухопутные армии имеют возможность развить крайнее напряжение своих сил уже после начала военных действий, тем более, что если даже оружие и другие запасы не были заготовлены на всю массу, все это легко заготовить или приобрести в других странах. В мирное же время содержатся только кадры, где молодые солдаты получают свое военное образование, причем численность этих кадров в различных родах войск и в разных местностях государства иногда весьма сильно колеблется. Во всяком случае эти кадры в несколько раз меньше того, что может государство выставить во время войны.

Совершенно другое наблюдается относительно *флота*. Личный состав флотов обычно бывает весьма незначителен. Кроме Англии, он нигде не достигает цифры 100.000. Народного ядра эта горсть бойцов не затрагивает. Сложность, изменчивость и разнообразие судовой техники требуют, помимо соответственного обучения, и постоянной практики личного состава на своем именно корабле. Благодаря отсутствию ее уже после двух-трех лет, как это было замечено в действительности, все изученное за время службы благополучно забывается мирными хлебопашцами и мы получаем опять только валовую силу. Таким образом, большие запасы людей для флота являются неудобоприменимыми.

Корабли не представляют собой плавающих пустых ящиков, а целые сложные фабрики, кои невозможно оставлять без призора. Даже на судах, не имеющих полного числа команды, должно быть достаточное их количество для ухода за механизмами.

Военная сухопутная сила и в кадровом составе имеет возможность упражняться в боевых действиях или совершать маневры. Флот, не сполна укомплектованный личным составом, вынужден был бы оставить всякую боевую подготовку.

В военное время сухопутной армии достаточно было бы дополнить путем мобилизации свои кадры и она готова к движению. Флот, дополнивший как армия 2/3 своего состава, долго не мог бы еще сдвинуться с места, принужденный тщательно обучать почти заново своих запасных. Если на сухом пути некоторые пробелы в обучении могут быть заменены порывом, хотя бы под влиянием своих начальников, на флоте каждое отступление от автоматических действий своим механизмом, при отсутствии возможности порыва, может породить недоверие к своим силам и уничтожить спокойствие, а вместе с ним и надежду на победу. Таким образом, сложность судовой техники, необходимость присмотра за механизмами, необходимость боевого обучения и обладания флотом, способным к бою с началом военных действий, заставляют боевые силы флота держать укомплектованными всегда сполна, а небольшое количество потребных команд позволяет это сделать с видимой пользой для государства, получающего в момент начала боевых действий силу, к ним готовую.

Как я указывал выше, материальная часть армии не сложна. Если она и не заготовлена сполна на всю массу бойцов, то это может быть быстро сделано внутри страны или приобретено за границей. В совершенно ином положении находится флот. Главная его боевая масса — правильно организованные эскадры — не могут быть созданы в короткий промежуток времени в те же несколько лет, которые тянулась бы война. Не построишь за короткое время войны кораблей у себя, не купишь их за границей, а, главное, не создать для них моментально опытного, подготовленного к боевой деятельности личного состава. Таким образом, *если в армии и возможна до известной степени импровизация в создании вооруженных сил, то на флоте это уже совершенно невозможно и в бой придется идти с тем, что есть в руках.*

Флот нуждается не только в кораблях и людях. Материальная часть кораблей после каждого боя требует капитальных починок, возобновления всевозможных запасов и защиты даже после победоносного боя. Я не говорю уже о проигранном сражении. Таким образом, *для флота необходимы ба-*

зы, возможно выдвинутые по направлению к неприятелю и разнообразных типов. Они необходимы как для слабого, так и для самого сильного флота — и для последнего в еще большем количестве, так как с возрастанием силы флот, очевидно, все больше и больше будет приближаться к неприятельским пределам, но для создания подобных баз необходимо запастись кусками территории, захватывая их силой или приобретая путем покупок, или иными мирными способами. Между тем большое количество крепостей, построенных для армии, есть уже признак ее слабости, ее желания прибегнуть к оборонительной войне. Сухопутные крепости при наступательной войне совершенно не нужны и во всяком случае их не создают на оторванных от родины кусках территории. Итак, если и в сухопутной войне инженерная подготовка театра весьма нужна, то во всяком случае она не имеет там столь жизненного значения, как на флоте, где база должна расти одновременно с флотом.

Хотя флот и меньше проникает в толщу народа, чем армия, а может быть именно и потому, он является связанным не только с внешней политикой государства, но и с внутренней. Ничто не является столь непонятным для населения великой континентальной державы, как наличие в составе ее вооруженных сил могущественного флота. Особенно в случае представительного образа правления. Ознакомление с необходимостью флота, примирение с ним общества, — вот задача внутренней политики.

Вряд ли сильный флот может быть создан одними правительственными средствами. Казенное хозяйство всегда неэкономично и, если по соображениям политическим необходимо содержать казенные судостроительные заводы, то только в самом необходимом, ограниченном количестве. Для создания флота потребуется много заводов как судостроительных, так и привходящих к ним. Очевидно, эти заводы будут частными. Это и видно из практики государств, имеющих наиболее могущественные флоты. И мы при воссоздании флота должны были обратиться к этому испытанному средству для постройки последних кораблей черноморского флота. Однако возникновение частных судостроительных заводов дело не шуточное, требующее многомиллионных капиталов. Капитал, конечно, охотнее всего бежит на верную прибыль и, если таковая есть, то приятнее всего к делу привлечь отечественные капиталы. Вот где задача для той же внутренней политики, осведомленной политикой внешней.

Создание флота требует столь огромного финансового напряжения, если при этом еще должна существовать и могущественная сухопутная армия, что одной из важнейших задач для финансовой внутренней политики является необходимость изыскать средства для постройки судов и баз, что, как мы видим на собственном примере, является задачей нелегкой.

Благодаря созданию частных заводов в связи с военным судостроением, большей безопасности морской торговли при наличии своего военного флота, показыванию флага в различных странах и благодаря требованиям самого военного флота развивается морская торговля страны и ее коммерческий флот. Будучи источником народного благосостояния, коммерческий флот, нарождающийся благодаря наличности военного, должен всячески поддерживаться внутренней политикой страны. Таким образом, тогда как сухопутная армия не требует к себе дальновидного отношения со стороны внутренней политики, флот зависит от дальнозоркой целесообразности и благосклонного соучастия в его делах последней, особенно в континентальных державах.

Дальнейшие различия между морской и сухопутной вооруженными силами заключаются в большой подвижности первых, их районе действий и отсутствии коммуникационных линий.

При свободном движении без помех со стороны противника сухопутная армия передвигается черепашьим шагом. Верх быстроты, какие-нибудь 40–50 верстных переходы приводят силы армий к быстрому истощению, так как их все-таки совершают утомляющиеся ноги людей, а не машины. Железные дороги, хотя и служат в этом деле подспорьем, однако, благодаря малой своей пропускной способности, не могут быстро с места на место перекаптовывать целые армии. Ничем не задерживаемое движение армий вглубь неприятельской страны будет продолжаться недели, если неприятель отступил туда. Таким образом, в конце концов придется встретиться с подготовленным уже к обороне противником и даже, быть может, готовым в свою очередь перейти в наступление. В случае даже прозевания мобилизации одного противника, в особенности же при принятом одним из них оборонительном первоначальном плане кампании, — недели пройдут до встречи и многое может быть исправлено. Наконец, страна представляет собой такой неиссякаемый кладезь народного богатства, способного удовлетворить сухопутную силу, что даже первоначальные частные неудачи, хотя и очень нежелательные, могут быть исправлены.

Флот находится в несколько ином положении. Благодаря своему большому ходу и неутомимости механизмов, он быстро может перебрасываться к самым портам противника, находящегося в районе его действий. Действия флота стеснены только этим районом и действиями противника. Таким образом, флот может через несколько часов по получении приказа в мирное еще время предстать перед глазами ошеломленного противника и нанести ему неожиданный удар.

Флоту нечего оглядываться в его походах на свои сообщения. Неприятельский флот между нашими силами и их базой имеет значение постольку, поскольку он представляет реальную угрозу самому существованию нашего флота. Часть же его силы, отделенная от главного ядра, является для нас на

море только желанной добычей, тогда как на сухом пути явилась бы угроза самому существованию армии в виде перерыва коммуникационных линий.

Флот является для политики орудием быстрого воздействия, но для этого он должен быть насколько возможно придвинут к базам своего противника. Все боевые действия флота также требуют выдвинутого базирования. Вот в этом направлении и должны идти совместные усилия политики и стратегии.

В правильно задуманном плане кампании, когда стратегическое развертывание флота относительно вероятного противника закончится еще в мирный период, как видно из истории, флот всегда старается придвинуться к базам противника; конечно, это флот страны, стремящейся к политике экспансивной, завоевательной, если не в смысле территориальном, то экономическом, или страны, стремящейся к обороне своего достоинства наступлением в данный момент.

Итак, флот против сухопутной армии обладает следующими особенностями: он всегда укомплектован и находится в готовности к действиям; действия эти, благодаря скорости, могут происходить весьма быстро. Подготовка флота и всего необходимого для его создания, поддержания и развертывания лежит исключительно в мирном периоде и зависит от политики внутренней и, главным образом, от внешней. Таким образом, флот не только допускает крайнее напряжение сил страны для своего создания в мирное время, поскольку допускается это общей жизнью государства, но и настоятельно требует этого напряжения, угрожая в противном случае неисчислимыми бедствиями.

Морские вооруженные силы ближе к идеалу крайнего напряжения, чем сухопутные

Рассмотрев свойства морских вооруженных сил, мы должны прийти к заключению, что они гораздо ближе к идеалу крайнего напряжения, чем сухопутные.

Прежде всего, первый элемент, ограничивающий применение крайнего напряжения в действительной обстановке войны, в морской войне несколько ступеневается. Это внезапное проявление крайнего напряжения в морской войне. Флот все время готов к нападению, он стоит у врат твоего царства. Благодаря скорости передвижения он быстро может быть брошен в атаку. Все это должно быть учтено, и напряжению противника, доводимому быть может до крайности, придется противопоставить такое же собственное напряжение. Таким образом, флот должен быть всегда готов отразить крайнее напряжение противника.

Но самое страшное в элементе внезапности в морской войне — это то, что крайнее напряжение противника может быть упущено при создании им морской силы и, чтобы догнать его, потребуется несколько лет, в течение которых он до известной степени может быть господином положения.

Это упущение может случиться при самом тщательном изучении подготовки противника и происходит благодаря весьма большой зависимости флота от техники. Так было в момент внезапного появления во Франции броненосцев и такого же появления «Дредноутов». Так, быть может, будет в момент введения на больших судах двигателей внутреннего сгорания.

Таким образом, принцип крайнего напряжения морской войны ограничивается гораздо слабее элементом внезапности, чем на сухом пути. Напряжению противника следует быть готовым противопоставить соответственное напряжение в каждый данный момент, ибо он может проявить это напряжение в любой момент. Крайнее напряжение противника может проявиться в столь внезапной форме, что ему нечего будет противопоставить, несмотря на хорошее знакомство с ним.

Крайнее напряжение в морской войне, как это видно из рассмотрения свойств морской силы, может быть осуществлено в самом начале войны во всей своей полноте. Поэтому и нам следует держать свои силы в такой степени готовности, чтобы они могли действовать целиком с началом борьбы.

Клаузевиц говорит, что проявлению крайнего напряжения в начале войны мешает сама природа средств ведения войны. Эти средства: боевые силы, страна и союзники. Боевые силы флота, как было указано, могут быть введены в дело с самого начала войны целиком; страна, допустив в мирное время крайнее напряжение при создании флота, во время войны не может уже прибавить ему сил; единственно, что может не быть введено в учет с началом войны, это союзники, но вообще их воздействие учитывать трудно.

Итак, принцип крайнего напряжения в морской войне не ограничивается и тем, что он не может быть проявлен в начале войны.

Единственным умерителем в деле создания морской силы является степень напряжения соседних государств и задачи нашей собственной политики. Первое достигается, как указано было выше, тщательным изучением противника, второе же должно быть особенно ясно указано, ибо флот, созданный для действия по одной операционной линии, может оказаться в отчаянном положении в случае ее перемены.

Политическая цель редко будет совпадать в войне на море с целью военной. Преимущественно военная цель флота будет заключаться в уничтожении плавучих средств противника, между тем как

целью политики простое уничтожение сил противника быть не может. Вследствие этого в морской войне есть моменты, когда военная цель совершенно заслоняет политическую и борьба достигнет крайнего напряжения.

Морская торговля с давнейших времен является источником обогащения народов. И каждый раз рождение нового торгового флота вызывало кровопролитные войны и уничтожение морских сил одного из противников. Дело в том, что вновь народившийся торговый флот не только отнимает фрахты, он в то же время провозит изделия своего отечества в чужие страны и отбивает рынки у прежних их обладателей. Понятно, что борьба за рынки и за барыши от торговли становится борьбой за существование государства, ибо в противном случае сократится производство государства и миллионы его подданных окажутся выброшенными на улицу. Морская торговля противника будет охраняться его военным флотом и покуда этот флот не будет уничтожен, покуда не будет господства на море, никакие операции против торговли, как это показала вековая практика, не могут иметь успеха.

В случае борьбы островной державы с континентальной, обладающей сильной армией, цель политическая также первоначально отойдет в сторону. Если островная держава ведет войну наступательную, то ей необходимо уничтожить прежде всего флот противника, дабы иметь возможность произвести саму десантную операцию. Если же она обороняется, то уничтожение чужих морских сил будет, очевидно, ее единственным спасением от полного разгрома. Таким образом, в обоих случаях политика отступает назад и только беспощадное истребление противника может дать уверенность в дальнейшем успехе. То же можно сказать о стране континентальной, ведущей войну против островной.

В то же время, мне кажется, в обоих вышеуказанных случаях уничтожение флота державы, не могущей без него продолжать существование, может послужить достаточным эквивалентом для заключения мира, ибо для продолжения войны у нее не останется средств.

На сухом пути дело совсем другое. По уничтожении одной армии есть все-таки возможность выставить вторую и т.д. до тех пор, пока не будет сломлен дух народа.

В войне, где значение флота имеет доминирующее значение, как, например, в войне за экономическое преобладание на мировом рынке, уничтожение одного из соперничающих флотов будет равняться заключению мира, ибо, естественно, свою торговлю противник не в состоянии будет производить. Самым выгодным для него будет как можно скорее согласиться на мирные условия противника, пока торговый флот его еще не совсем погиб и не вполне потеряны рынки. В случае, если один из противников островное государство, то понятно, что уничтожение его флота приведет к нежелаемым противником условиям мира, ибо дальнейшее сопротивление совершенно бесцельно. Оно только может усугубить положение страны. Не заключить мира он не может, ибо весьма быстро задохнется. Затяжка может произойти только в случае ожидания особо благоприятных политических конъюнктур, кои, однако, особенно в настоящее время, будут крайне редки. Лучшие друзья и союзники так опасаются войн и связанных с ними экономических бедствий, что, оказывая всяческое наружное соболезнование и стремление к посредничеству, вряд ли вмешаются в борьбу активно.

Два вышеуказанные момента борьбы на море будут самыми сильными проявлениями борьбы. Борьба в этом случае ведется с крайним напряжением, приводящим к полному уничтожению противника.

Война Англии с Испанией в конце XVI века закончилась только с окончательным уничтожением испанского флота в Кадиксе в 1596 году.

Англо-Голландские войны не довели голландского флота до полного падения только благодаря талантности голландских адмиралов; но позднейшая политика Англии все равно погубила его.

При Людовике XIV борьба за Испанское наследие закончилась полным уничтожением французского флота.

Борьба против попыток Наполеона высадиться в Англию закончилась полным уничтожением союзного флота у Трафальгара.

Русско-японская война закончилась полным уничтожением русского флота.

Политика отступит на задний план и, очевидно, первое ее вмешательство последует в момент, когда флот выполнит свое дело. Государства островные и обладающие большой морской торговлей, стремящиеся к завоеванию новых рынков, а также государства, имеющие операционную линию, направленную к подобным странам, должны особенно тщательно готовиться к морской войне, ибо нанесение удара по флоту будет нанесением его по самой чувствительной части политического организма.

Для экономического благосостояния Испании ее колонии были чрезвычайно важны. Когда они были потеряны, Испании не из-за чего было бороться. Она заключила мир. Соединенные Штаты стремились именно к занятию этого эквивалента. Чтобы не допустить этого, Испании следовало иметь флот, способный уничтожить американский.

В войнах Пруссии против Дании чрезвычайно важное значение имело занятие Копенгагена. Это могло разом окончить войну. Следовательно, Пруссии постоянно следовало поддерживать свой флот превосходным против датского.

Во всех других случаях, кроме вышеупомянутых, флот будет играть роль скорее подчиненную. Напряжение будет изменяться сообразно с целями, назначаемыми флоту или коим он должен противостоять. Флот не в состоянии добыть эквивалент, могущий привести к достижению цели политической. Он может только расчистить к этому эквиваленту путь для силы сухопутной. Но, чтобы расчистить этот путь, потребуется единственно это уничтожение морских сил противника.

Каковы же должны быть силы нашего флота? А это уже вполне зависит от значения того эквивалента, к которому мы стремимся или к которому стремится противник. Чем он важнее, тем, очевидно, придется сильнее создавать флот. Указать это — дело политики. Из всего вышесказанного следует, что морская стратегия в мирное время потребует самых тщательных указаний политики относительно полноты своего напряжения, но в военное время цель военная будет в главных операциях заслонять цель политическую, стремясь прежде всего к завладению господством на морях — путем уничтожения морских сил противника. Я говорю — в главных операциях, ибо есть целый ряд операций второстепенных, где цель политическая будет выдвигаться на первое место: преследование торговли, блокады незащищенных портов, демонстрации и т.п., однако все подобные операции за всю историю приводили к окончанию военных действий только в случае крайнего упадка духа среди нации или воздействия сильных на слабых. К завладению господства на морях флот будет стремиться в общем случае, но могут быть отдельные случаи, когда не потребуется для очистки пути к эквиваленту этого господства, хотя флот противника будет в свободном состоянии на театре военных действий. Это, например, в случае полной бездеятельности противника. Однако предвидение этой бездеятельности есть предположение слишком большого, но неверного шанса в нашу пользу; слишком уж много может быть потеряно, если бездеятельность противника окажется мнимой и наша подготовка, увлеченная неверным изучением обстановки, окажется ниже. Вся действительность бездеятельности выкажется только в течение самой войны, да и то она может меняться в течение войны. Таким образом, учитывать кажущуюся бездеятельность противника во время подготовки к войне не следует, а необходимо начинать действия так, как будто имеешь дело с нормальным противником. Если противник окажется бездеятельным, то все же избыток сил не окажется излишним. Он сможет оказать услугу при возможной перемене обстановки. Цель политическая в морской войне, будучи отличной от цели военной, все-таки может заслонить цель военную и повлиять на умерение принципа крайнего напряжения: это в случае войн союзных. Одному из союзников иногда бывает весьма выгодно увидеть изничтоженным флот другого, причем, конечно, пострадает и флот противника или один из союзников слишком мало потеряет в случае поражения или выигрывает в случае победы. Таково разнообразие обстановки.

Но, как учит Колумб, возводя даже правило в принцип и ослепляясь им, никакая политическая цель, в общем случае, не может быть достигнута, пока нет господства на море, т.е. не достигнута цель чисто военная. Если можно сказать, что политика устанавливает цель войны и ее начало, то интенсивность военных действий в общем случае на море уходит из ее рук, приближаясь к идеалу крайнего напряжения.

Что касается влияния остановок на умерение напряжения в действиях на море, то оно будет проявляться весьма резко благодаря сложности материальной части и возможности для флота быть угрозой противнику одним своим существованием.

Как указывалось выше, крайнее напряжение на войне умеряется остановками, причина которых прежде всего лежит в невыгодности одинакового образа действий для обоих противников. Более слабому противнику необходим более сильный вид борьбы — оборона; более сильный должен обратиться с силами, чтобы иметь возможность наступать. Обороняющийся, очевидно, поэтому и выбрал этот образ действий, что он сулил ему какие-то выгоды. Поэтому он в наступление не перейдет. Если же перейдет, то только после того, как сам соберется с силами, ибо наступавший превратится в обороняющегося (эскадра адмирала Рождественского шла полгода до Цусимы вследствие ожидания подкреплений, сначала ввиду аргентинских судов, а затем адмирала Небогатова. Японский флот, перейдя в наступление, чтобы преградить путь русской эскадре где-нибудь вдали от японских берегов, потерял бы все преимущества, приобретаемые их близостью). Наступление с обеих сторон возможно только при полном непонимании положения.

Остановки в морской войне из-за этой причины могут быть весьма значительны. Каждое морское сражение кончается выводом из строя не только кораблей побежденного, но и победителя. Если поврежденные корабли и могут принять участие в эксплуатации победы, то затем они нуждаются в безусловном ремонте на своих базах. Этот ремонт в настоящее время есть дело затяжное. В случае нерешительного боя, а таких боев может быть много, как это показывает Русско-японская война, где был один только решительный бой при Цусиме, побежденный может нанести победителю весьма серьезные потери, связывающие надолго силы последнего, особенно если ремонтные средства первого сильнее.

Кроме необходимости тщательно готовиться к каждой последующей операции, причиной остановки может быть необходимость для наступающего сначала добраться до обороняющегося, что может занять весьма значительное время.

Активная оборона на море заключается в стремлении уничтожить флот противника вблизи своих баз. Флот более слабый или даже более сильный может не пожелать уходить от своих баз, где он может пустить в ход все свои средства, где он, быть может, охраняет какие-то важные интересы, чтобы не допустить полной эксплуатации победы: дать возможность поврежденным кораблям быстро укрыться под верками крепости. Следовательно, до такого флота надо дойти. И это может занять много времени. В этот промежуток получится остановка в военных действиях. Также надо добраться и до флота, проявляющего кипучую деятельность, но не желающего вступить в решительный бой. Очевидно, такой флот также не будет слишком удаляться от своих баз в настоящее время и его придется искать самому наступающему.

Ошибочность суждений, как было указано выше, также может вызвать остановку в военных действиях. Конечно, это одинаково относится к морской войне, как и к сухопутной ввиду того, что подобная ошибочность происходит от несовершенства людей, одинаковых как в одной, так и в другой обстановке. Следовательно, и в войне на море необходимо помочь беде выбором талантливых флотоводцев, правильно поставленной разведкой и стремлением ввести противника в заблуждение.

В морской войне остановки имеют такое же влияние на умерение крайнего напряжения, как в сухопутной, ибо причины их не зависят от обстановки, а исходят от самого понятия борьбы, где один является наступающим, другой обороняющимся, и из несовершенства человеческой природы.

Из четырех факторов, влияющих на умерение крайнего напряжения, три первых оказывают на него в морской войне меньшее давление, чем в сухопутной. Крайнее напряжение в войне на море более приближается к идеалу. <...>

Подготовительный к борьбе период или стратегия мирного времени

Стратегия мирного времени ставит себе задачей создание и подготовку вооруженных сил государства на случай возможного столкновения с другими нациями при стремлении к выполнению поставленных государством политических задач. К вооруженным силам прибегают, когда не могут добиться этих задач мирным путем. Эти силы должны дать политике некоторый эквивалент, равносильный оспариваемой задаче, следовательно, *стратегия мирного времени должна быть все время правильно ориентирована относительно политики.*

Это ориентирование происходит прежде всего в плане войны, заключающем в себе общую подготовку государства к войне в связи с политическими его задачами. Так как план войны основан на глубоких политических предвидениях, то он обладает известной незыблемостью. Стратегия мирного времени находит себе начало именно в этом плане. Потому она также могла бы показаться чем-то незыблемым, раз она выполнила бы требования плана войны. Но в том и дело, что план войны должен ставить стратегии требования идеальные, как ответ на выраженные в нем общие политические задачи, не сообразованные с обстановкой. Эти требования потребуют, как идеальные, идеала же для своего выполнения, т.е. крайнего напряжения в подготовке к войне. На практике такое оказывается недостижимым.

Соприкасаясь с действительной обстановкой, план войны теряет свою неподвижность и перерождается в планы кампаний. Последние под влиянием соображений внешней и внутренней политики отступают от принципа крайнего напряжения всех средств государства и, сообразуясь с факторами, умеряющими это напряжение в каждый данный момент, теряют незыблемость плана войны, ибо политическая обстановка не есть нечто постоянное.

Следовательно, хотя стратегия и начинается с незыблемого плана войны, но, проходя затем через планы кампаний, становится гибкой, стремясь в каждый данный момент удовлетворить этим последним планам, уже сообразованным с обстановкой.

В идеальных своих требованиях принцип крайнего напряжения выразится для стратегии мирного времени только в плане войны, как только в нем выразятся главные задачи политики. В действительности же, быть может, нельзя будет осуществить ни главные задачи, ни крайнее напряжение. Придется к первым подходить через цепь более мелких политических задач, сообразуя их со средствами, создаваемыми напряжением, допустимым без вреда для государства.

Целый ряд факторов, как было указано выше, умеряет крайнее напряжение, позволяет не доводить его до предела. Но это необходимо и возможно только для сухопутной армии. Особая трудность создания морской силы и необходимость держать ее всегда наготове должны заставить политику при создании флота: или намечать очень мелкие для него задачи или отнестись с крайней осторожностью к стеснениям стратегии в средствах. К тому же он требует только денежных средств, а не как армия — и денег, и людей. *Флот в сравнении с оказываемыми услугами есть средство более дешевое, требующее меньших напряжений.*

Степень сопротивляемости государств на сухом пути огромна; их крайнее напряжение в этом направлении с трудом поддается учету и легко быть введенным в заблуждение: морская сила вся на глазах и легко может быть учтена в каждый данный момент. Определить ее при имеемых денежных средствах ничего не стоит.

Сухопутная армия мыслима без крепостей, выдвинутых далеко к противнику. Ее база может и не быть крепостью, ибо, если она подверглась нападению, то тогда будут уничтожены и коммуникационные линии, а без них армия гибнет. Таким образом, в тыл сухопутной армии не может быть пущена никакая более значительная неприятельская сила, а для защиты от нападения мелких отрядов нет необходимости в крепостях. *Флот немислим без инженерной подготовки театра и, чем больше он растет, тем больше растет базирование, все придвигаясь к границам противника.*

Таким образом, создание флота требует неустанного напряжения, соответствующего задачам политики и силам противника. Для великой державы, омываемой морями и имеющей возможными противниками государства с сильным флотом и интересами на морях, — а кто теперь не имеет одного и другого, — необходимо иметь сильный наступательный флот. Слабый флот, занимающийся оборонной каких-то позиций или прикованный к своей базе, будет только причиной нравственных бедствий и непроизводительной затраты капитала. К созданию флота придется приложить такое напряжение, чтобы он мог поддержать в нужный момент политику, представляя угрозу для противников. Здесь нельзя стесняться даже употреблением крайности.

Роль политики по отношению к морской стратегии заключается в 1) возможно точном указании своих задач, откуда появятся и вероятные противники, 2) в изыскании средств для развития и поддержания морских сил сообразно с силами противника и 3) в приобретении необходимых для флота точек базирования. Морская стратегия и политика все время будут тесно соприкасаться, причем первая должна допустить стратегии развить напряжение, необходимое для создания превосходной против противников морской силы. Это напряжение будет продолжительно и даже постоянно, но раз необходимость морской силы определена политикой, то оно должно быть доведено до конца, до создания флота, соответствующего политическому положению, что бы это ни стоило. Все это должно быть закончено в мирное время.

С первым выстрелом подготовка по созданию флота заканчивается.

Стратегия военного времени

Выше было указано, что с началом военных действий политика в высокой степени теряет свое умеряющее влияние на морскую стратегию ввиду того, что в общем случае, к какой бы цели ни стремилась морская сила, ей придется прежде всего овладеть господством на море при помощи уничтожения сил противника или, в крайнем случае, при помощи какого-нибудь другого обезвреживания их. Поэтому я не буду больше говорить о том, как колеблется напряжение в морской войне в зависимости от политики, а перейду прямо к его проявлению в главных частных операциях.

При помощи этих операций стратегия будет стремиться к выполнению на деле выбранной операционной линии. Сумма крайних напряжений при выполнении отдельных операций даст возможность судить о напряжении, проявленном в стратегии к достижению цели.

Первым слагаемым будет напряжение, проявленное при стратегическом развертывании флота, представляющем в каждый данный момент нечто законченное, ввиду способности флота к внезапным и полным действиям и трудности пополнить силы флота в военное время. Конечно, к флоту после начала военных действий может быть присоединено то или другое судно, ремонтировавшееся или вновь вступающее в строй, но это флота значительно не усилит и на результат скажется напряжение, допущенное при стратегическом развертывании. Какое оно должно быть, было указано выше.

Маневренный переход для выполнения намеченной операционной линии заключается в сосредоточении на решительном пункте театра военных действий в решительную минуту превосходных, сравнительно с неприятелем, сил и в постановке их перед боем в более выгодное по отношению к неприятелю положение с точки зрения условий времени и места (Леер). Он может быть начат для флота в каждый данный момент.

Сосредоточение должно быть произведено с возможно большим напряжением, т.е. к решительному месту, в решительный момент должны быть собраны безусловно превосходные силы, хотя бы это стоило прекращения войны на второстепенных театрах.

Адмирал Тегетгоф навстречу итальянскому флоту ведет все корабли, какие только находятся в австрийском флоте, кончая деревянными фрегатами с гладкоствольными пушками. Он стремится к решительному пункту сосредоточить возможно больше сил. Его не пугает неготовность некоторых судов австрийской эскадры. Он со всей энергией принимается за их изготовление, лишь бы сосредоточение довести до предела. Моральный результат этого стремления к крайности известен: личный состав под влиянием кипучей деятельности адмирала был охвачен таким энтузиазмом, что даже венецианцы сражались под Лиссой с полным напряжением против собственных соотечественников.

Адмирал Того собрал к Цусимскому бою все силы, какие только были в Японии, кончая даже тихоходными легкими крейсерами, броненосцем «Чин-Иен» и номерными миноносцами. Все они сыграли свою роль при атаках наших легких крейсеров и транспортных судов и при преследовании.

Ожидая в июле 1904 года каждый момент выхода нашей эскадры из Порт-Артура, адмирал Того не доводит сосредоточения своего флота до предела. Его напряжение в этом случае умеряется общественным мнением Японии, требовавшим прекращения деятельности Владивостокских крейсеров. Кроме того, Того не сосредоточил к решительному месту и моменту всех сил, находящихся с ним, хотя заранее знал о выходе русского флота. Он считал достаточным имеемое превосходство. Однако пренебрежение принципом крайнего напряжения в сосредоточении сил повлекло за собой нерешительный бой.

Только в этом случае может быть одержан решительный для всей войны успех. А такой успех в войне на море — это почти всегда конец морской войны. Спротивляемость остатков морской силы равняется нулю. Под превосходством сил следует понимать превосходство не только материальное, но и моральное. Численность, однако, поднимает настроение бойцов, давая им веру в неопровержимость победы, а с тех пор, как появились постоянные военные флоты, дух противников мало чем отличается и, чтобы учесть это отличие, нужно быть талантливым полководцем. Усилия, производимые для сосредоточения возможно большего количества сил у всех на глазах, поднимают моральный элемент, показывая с самого начала напряжение, характерное для данной предпринимаемой борьбы.

Относительно требования сосредоточить все силы, доводя это сосредоточение до крайности в одном решительном пункте театра военных действий, мне могут возразить, что и в морской войне невозможно оставить без заслонов силы противника, действующие по наружным операционным линиям, или второстепенный театр военных действий без защиты.

Если противник в морской войне действует по наружным операционным линиям, то на море нет необходимости противодействовать ему выставлением заслонов, — достаточно установить наблюдение. Дело в том, что на сухом пути заставляет задерживать противника во чтобы то ни стало не боязнь чрезвычайного усиления его сил, а возможность для действующего по наружным операционным линиям превратить стратегический охват в тактический.

На сухом пути противодействие подобному образу действий выразится в движениях по внутренним операционным линиям или в выставлении сильных заслонов. Говорят, что на море не нужны сильные заслоны, ссылаясь на то, что и слабый заслон так может повредить корабли противника, что тот не сможет продолжать свой маневренный переход. Осмеливаюсь однако высказать свое особое мнение.

На суше, где обороняющемуся заслону способствует местность, он может быть слабее наступающей части противника. Слабый заслон на море предстанет перед противником без всякого усиления поля боя предварительной подготовкой. Он или погибнет в неравном бою, или потерпит повреждение сильнее противника в геометрической прогрессии. Наконец, против заслона от прорывающегося мимо него противника может быть отряжено равное ему по силе число судов, остальные же пройдут без боя. Отряжать заслон, равный по силе противнику или сильнее его, не стоит, ибо тогда ослабишь себя настолько, насколько усилился бы противник. Установив же за подобной частью противника наблюдение, мы в каждый данный момент сможем обрушиться на нее со всей силой, если этот противник будет достаточно важной целью, и уничтожить ее. В противном случае им лучше совсем пренебречь. Затем он уничтожится сам.

Что касается до борьбы на разных театрах, то она также нелепа. В случае победы на главном театре понятно, что война на море, при способности флота быстро переноситься с места на место даже на очень большие расстояния, действия на других театрах прекратятся сами собой.

Таким образом, сосредоточение сил в морской войне на решительном пункте в решительный момент не только должно быть доведено до крайности, но это и может быть сделано.

Результаты сосредоточения усугубляются, если оно произведено внезапно для противника. Стратегическая внезапность, завершая маневренный переход, всегда производила потрясающее впечатление. В применении своем она требует крайнего напряжения в двух видах: при подготовке ее и при использовании.

Для того, чтобы внезапность произвела свое действие, необходимо сделать нечто такое, чего не ожидает противник. Но он ожидает от нас нормального, следовательно, необходимо сделать что-нибудь аномальное, выходящее из ряда вон. Но для этого необходимо напрячь свои силы; чем это напряжение придется сделать больше, тем, очевидно, больше аномальность предпринимаемого, тем оно неожиданнее.

Производя внезапное действие, ошеломив противника, необходимо еще это действие использовать возможно полно. Это использование может быть таковым, если последует за внезапным действием. В этом заключается второе напряжение. Чтобы достигнуть чего-нибудь сполна, необходимо напрячь свои силы сообразно с полнотой достигаемого. При стремлении к полному истреблению сил неприятеля необходимо, очевидно, крайнее напряжение, которое может быть достигнуто в данном

случае благодаря подъему духа у своих и его падению у противника. Но только немедленно проявленное воздействие на последнего удержит его в этом падении, наоборот, замедление может вызвать подъем духа из жажды мести за понесенные потери. Таким образом, крайнее напряжение при использовании внезапности будет прежде всего напряжением духовной стороны нападающего. Оно вызовет крайнее напряжение и физических сил бойцов. Вот этим проявлением крайнего напряжения и следует объяснить факт тех исторических успехов, когда при немедленном использовании внезапности пренебрегали даже сосредоточением сил.

Насколько необходимо использовать внезапность немедленно по ее обнаружении, показывает история.

1) Сюффрен, появившись внезапно в Порто-Прайа перед глазами англичан, атакует их немедленно только двумя кораблями. Этим он помешал англичанам исправить свой строй и ввести все свои корабли в бой и мог использовать оба своих борта. Его два корабля сильно пострадали, но из английских благодаря этому пострадали четыре, и английский комодор не мог успеть вовремя к мысу доброй Надежды, который за эту отсрочку приготовился к защите.

2) Нельсон при Абукире, внезапно появившись перед французами, немедленно атаковал их, несмотря на наступавшую темноту и на то, что вначале некоторые корабли его опоздали. Результатом явилась гибель 11 французских кораблей из 13. Брюс не ожидал подобной смелости и не успел принять меры для отражения атаки. В обоих случаях духовное напряжение победителей должно было достигать высокой степени, чтобы справиться с превосходящими силами.

3) 26 января 1904 г. Порт-Артурская эскадра была атакована внезапно японскими миноносцами. Три корабля выведено из строя. Крайнее напряжение не было проявлено в этой внезапности. Японский флот остановился на почтительном расстоянии от Артура и появился перед ним только на следующее утро в 10 1/2 часов. Русская эскадра успела оправиться, крепость приготовилась, и японцы ушли восвояси без результатов. А между тем немедленное поддержание миноносцев сначала легкими судами, а с наступлением света большими кораблями и дальнейшая ночная атака миноносцев, которых было еще много у японцев, повели бы к уничтожению всей русской эскадры, стоявшей без паров в беспорядке при неготовности крепости и при полном в ней смятении. Но Того не был Нельсон. Больно за последнего, когда его именем называют первого: современный Нельсон.

4) 20 мая на поставленном заградителем «Амуром» заграждении внезапно для себя взорвались два японских броненосца. Остальные два броненосца и крейсера в панике столпились на месте катастрофы. В предвидении ее Витгефту следовало держать свой наличный флот наготове, выведенным из гавани и немедленно атаковать японцев, быть может, довести преследование до самой их базы на островах Элиот. Но корабли оказались без паров, и все окончилось для японцев потерей двух броненосцев: потеря тяжелая, но ничуть не ослабившая их господства на море. Русский флот не проявил на этот раз никакого напряжения в стремлении к уничтожению противника.

Маневренный переход должен поставить свои силы в выгодные условия места и времени относительно противника. Это мнение может вызвать длительные остановки в нормальном развитии фазисов операции. Всякое стремление в этом направлении вызывает маневрирования, которые также тщательно будет парировать противник. Парусные флоты месяцами лежали на глазах друг у друга, стремясь занять наветренное положение, хотя в этом и не было крайней необходимости, раз оба противника желали сражаться. Нельсон при Абукире не стеснялся поздним временем. Наконец, теперь элемент места в эскадренном бою вряд ли может иметь особое значение: стеснить маневрирование нельзя при быстро переносящемся поле битвы, ничего не значат солнце, дым, волна. Также не имеет существенного значения и время дня, лишь бы можно было сражаться.

Флотоводцы вроде Нельсона, Сюффрена, Ушакова имеют одно только стремление: как можно скорее обрушиться на замеченного противника. Их цель — нанести противнику возможно больше поражений, но в этом они руководствуются только доведением силы удара до крайности стремительностью и сосредоточением. Ни время, ни место не вызывает у них никаких размышлений. Единственно, чего требует Нельсон от своих капитанов, — поставить свой корабль борт о борт с кораблем противника; постоянный сигнал Сюффрена при виде неприятеля: начать бой, подойдя к противнику на пистолетный выстрел.

Если место и время имеют значение для некоторых частей морских сил, то это будут силы второстепенные, но о них не стоит говорить, ибо в нормальном случае они бессильны против главного ядра флота. Рассчитывать на их успех, затрагивая для этого маневренный переход в сфере действия противника, это значит умалывать стремительность удара, передавать инициативу в его руки. И теперь, как во времена парусных флотов, я думаю, следует стремиться только к одному: поставить свои корабли возможно ближе от неприятеля, сосредоточив их на его части, чтобы нанести ему возможно больше повреждения своим главным оружием, ему же не дать использовать второстепенного. В этом будет заключаться напряжение в морской войне при занятии места перед боем.

Я не хочу отрицать пользы от различных элементов времени и места при положении одной вооруженной силы относительно другой, но их следует использовать, если для этого не требуется напря-

жения; все напряжение необходимо сосредоточить только на том, чтобы возможно скорее прийти в соприкосновение с противником.

С этого момента начинается вторая фаза операции — бой, требующий наибольшего напряжения сил, ибо это есть момент, когда противники непосредственно ухватили друг друга за горло и один из них должен быть опрокинут. Отсюда уже нет возврата. Не напряжешь всех сил, это сделает противник и повалит тебя. В этом случае не может быть никаких ограничений напряжения, ибо степень его у противника трудно поддается учету.

При входе в сферу противника является единственная цель: нанести ему возможно скорее возможно более сильный удар. Я здесь говорю о том моменте маневренного перехода, когда бой будет признан целесообразным, необходимым. Так как на море главной целью должно служить уничтожение сил противника, то, можно сказать, что бой, предпринятый с этой целью, будет всегда боем целесообразным. Для нанесения удара необходимо определить: чем бить и куда бить. Первое, конечно, легко. Второе труднее, ибо требует знания противника. Определив точку, по которой должен быть нанесен удар, остается к ней устремиться. Стремление это должно быть выполнено все до конца, т.е. относительно намеченной точки необходимо занять положение, при котором ей будет нанесен сильнейший удар. Этому занятию будет, конечно, препятствовать противник. Он займет положение оборонительное, при котором он в начале боя сможет нанести наступающему большие повреждения. Пройти через эти повреждения в непоколебимом стремлении к намеченной точке, — вот что требует крайнего напряжения. Это будет напряжение не материального свойства, а духовного.

Для его поддержания в следующий момент начала полного действия своих сил по силам противника необходимо будет напряжение материальное. Оно выразится в сосредоточении возможно большего количества своих сил против намеченной части (точки) противника. Когда я говорил о сосредоточении сил на маневренном переходе, то я указывал, что в морской войне все силы могут быть стянуты к решительному пункту театра военных действий. Другое, однако, решение придется принять в отношении поля битвы. Полного напряжения в сосредоточении сил нельзя будет употребить, придется действовать и на демонстративных участках. На театре военных действий время измеряется многими часами, на поле сражения — минутами. Если на первом слабый заслон не может чувствительно задержать противника, то на втором принесет пользу даже малейшая задержка противника. Эту задержку можно усугубить крайним напряжением моральных сил на демонстративном участке. Таким образом и на нем, несмотря на его второстепенность, придется напрягать силы до предела.

Если на главном участке и не могут быть сосредоточены все силы, то все же следует напряжение в сосредоточении довести до высшей степени. На демонстративные участки могут быть отряжены минимальные части, и здесь недостаток материальный придется возмещать моральными качествами. Все же остальные силы будут привлечены к намеченной для нападения главной точке. Таким образом, на главном участке — огромное напряжение материальных и моральных сил, для скорейшей победы. На демонстративном — слабое напряжение материальных сил, возмещаемое высшим моральным подъемом бойцов, сознающих ответственность своей задачи.

Казалось бы, с сосредоточением всех возможных сил на главном участке напряжение по сосредоточению должно бы кончиться. Но это не так. С течением времени некоторые из наших кораблей сильно пострадают, другие же, выведя противника из строя, останутся как бы вне боя. Здесь напряжение по сосредоточению сил вновь потребует себе применение; корабли, оставшиеся без противника, должны сосредоточиваться к наиболее пострадавшим своим судам, и, оказав им таким образом помощь, совместными усилиями уничтожать противника. Но крайнее напряжение в этом принесении помощи понятно. Только что отделался от противника, хочется оправиться, отдохнуть, избежать новой смертельной опасности, а тут — иди на новый бой, напрягая при этом и все свои физические силы. Таким образом, сосредоточение будет происходить во все время боя, требуя всяческого крайнего напряжения: духа — при решении вновь двинуться вперед и при занятии позиции, физических сил — при доведении корабля до избранной им новой точки удара. *Но это напряжение по сосредоточению во время боя чрезвычайно важно.* Оно дает уверенность, что в нужный момент не останешься один; более счастливые товарищи напрягут все силы, чтобы оказать поддержку.

Внезапные действия в бою не имеют той силы, что стратегическая внезапность. Это понятно: во втором случае поражаются неожиданностью одновременно все силы, в первом только та часть, против которой произведено действие. Однако желательно распространить влияние внезапности на всю силу противника. Для этого использование внезапности должно быть произведено с крайним напряжением по немедленности и силе. К этой точке участка должны сосредоточиться все силы, действующие на нем, возможно быстро. Это будет первое. Второе будет заключаться в возможно быстром уничтожении пораженной части противника. Очевидно, что если действия будут произведены с крайним напряжением, то может быть достигнут крупный успех, впечатление которого распространится уже на всю массу противника. Известный внезапный маневр Нельсона в С.-Винцентском бою никогда не повел бы к победе, если бы его не поддержали другие корабли англичан. Только благодаря этому удалось взять 4 испанских корабля и повредить несколько других. Впечатление, произведенное весь-

весьма быстрым взятием этих кораблей, ранее, чем прочие успели повернуть на помощь, было для испанцев ошеломляюще: оно заставило весь их флот удалиться с поля битвы, несмотря на сравнительно ничтожную потерю.

Итак, в бою все время сталкиваемся с напряжением. Оно может и не достигать крайности, а умеряться отсутствием напряжения у противника. Этот учет будет, так сказать, естественный, но его нельзя подсчитать заблаговременно. Он выясняется с течением боя, в начале же боя придется рассчитывать на полное напряжение противника.

Эксплуатация победы

Но вот сосредоточение главных сил на главном участке достигло своей цели. Противник подался. За главными силами подадутся, очевидно, и действующие на демонстративных участках. Как будто цель боя достигнута. Но это не так. Потери противника в момент начала отступления приблизительно равны, но по одной стороне ослабела способность к напряжению. Эта способность с течением времени может восстановиться. Необходимо лишить противника этой возможности, уничтожив вконец его материальную часть и доведя моральное состояние до крайнего унижения.

Для этого необходимо продолжить напряжение, уже быть может угасающее под впечатлением ослабления его у противника, вновь довести его до крайности для преследования противника. Для этого *необходимо, чтобы все силы приняли участие в преследовании*. Таким образом, и здесь встречаемся с напряжением в сосредоточении. В армии это может оказаться невозможным из-за утомления людей. Для преследования там существует специальный род войск — конница. На флоте утомление людей вряд ли может помешать преследованию. И у нас существует особый род оружия преследования — миноносцы. Но не им исключительно принадлежит право на преследование — они только его самое страшное орудие. Раз остальные силы могут в нем принять участие, то следует опять сосредоточить их в одном стремлении: преследовать неприятеля до полного его уничтожения. Здесь опять же потребуются напряжение сил физических и духовных: видя противника уступившим, приложить новые усилия, чтобы до него добраться на избитых кораблях и вновь вступить с ним в бой.

Так как подобное преследование получит смысл только при полном уничтожении противника, то напряжение сил должно достигнуть крайности.

Нужно заметить, что подобное преследование наблюдалось в истории редко. Причина этому — ошибочность суждений: или считают, что достигли достаточного успеха, или считают, что противник настолько силен, что может сделать преследование весьма опасным. В обоих случаях это последствие тупоумия или слабоволия. Единственное средство: не назначать людей, обладающих такими качествами, командовать флотом.

Период после эксплуатации победы

После того, как противник вышел из пределов нашей досягаемости, необходимо опять новое крайнее напряжение по подготовке к новой операции. Для флотов быстрая подготовка имеет огромное значение, ибо дает, хотя бы временное, владение морем (достаточно указать на кампанию Сюффрена, когда он, благодаря крайнему напряжению сил своих экипажей, без базы умел исправлять свои повреждения в срок более короткий, чем англичане. Этим он после каждого сражения достигал временного владения морем и выполнял необходимые для французов операции). Для того, чтобы крайнее напряжение по подготовке к новой операции флота могло быть вполне использовано, необходимо тщательное интенсивное оборудование театра военных действий.

Из изложенного в последних пяти пунктах ясно, что для полного успеха необходимо, чтобы через всю военную деятельность проходил принцип крайнего напряжения. Всякое отступление от него поведет затяжку в окончании военных действий. Я не буду обсуждать вопроса, что более энергичное ведение войны является вместе с тем более гуманным; подобного отношения противник не заслуживает. Я посмотрю на этот вопрос с чисто эгоистической точки зрения: крайнее напряжение вызывает: 1) инстинктом самосохранения, 2) желанием возможно скорее избавить свою страну от всех бедствий войны и этим оправдать затраты на вооруженную силу.

Формулировка принципа крайнего напряжения сил

Я думаю, что на основании всего вышеизложенного принципу крайнего напряжения сил можно дать следующую формулировку:

Принцип крайнего напряжения сил — это есть доведение в борьбе действия своих сил до высшей точки; этот принцип инстинктивен: если не я повалю, то повалят меня другие.

Принцип крайнего напряжения на войне исходит из ее сущности как борьбы. Для достижения полного успеха он должен проникать в военные действия и в моральной, и в материальной стороне дела. Однако он подлежит ограничениям, исходящим из самой обстановки войны. В морской войне эти ограничения слабее, чем в сухопутной.

Когда я говорил о крайнем напряжении при создании флота, то как будто увлекался одной материальной стороной. Это произошло от того, что я рассматривал только то усилие, которое государство должно сделать для создания материальной части флота и по его содержанию и обучению. Этого, конечно, недостаточно. В моральной сфере также должен быть проведен принцип крайнего напряжения. Он выразится в обучении и воспитании: создать возможно лучший состав бойцов.

Крайнее напряжение моральных сил во время военных действий должно проявиться в действии своим оружием, стойкости и стремлении в бой (моральное сосредоточение), раз он признан целесообразным.

Крайнее напряжение материальных сил проявится в создании материальной части флота и постоянном сосредоточении к решительным пунктам.

Крайнее напряжение в области духа и материальное все время, как видно из всего разбора, тесно переплетаются, все время одно зависит от другого и, мне кажется, только строгим соответствием между обоими можно создать идеальную силу. Знаменитая формула Наполеона о моральном и материальном элементе мне кажется совершенно голословной. Дальнейшее изучение проявлений крайнего напряжения во время различных войн должно привести к установлению полной равноценности обоих элементов. Объем и задача настоящей работы не дают возможности привести доказательства подобного утверждения. Эта отдельная, обширная тема — дело будущего.

Заключение

В заключение я хочу сказать, в каком направлении, по моему мнению, пойдет крайнее напряжение. Это направление в сторону усиления.

В настоящее время все великие государства вышли на океанские пути. Началась борьба из-за них и из-за рынков, к коим они ведут. Ближайшие события будут в значительной степени иметь разрешение на море. Поэтому в настоящее время всем великим державам, которые не хотят остаться за флагом при перекройке мировой карты, необходимо содержать сильные флоты.

Но создание и содержание этих флотов требует все больших и больших материальных средств. В то же время ни на минуту нельзя откладывать создание флота, ибо никогда не было так легко отстать, как ныне, благодаря огромному развитию техники.

Благодаря сложности кораблей весь *флот необходимо создавать в мирное время*, в военное уже не поспеть ничего построить.

Таким образом, материальное напряжение безусловно растет.

Что касается морального, оно тоже должно усилиться ввиду большой сложности обучения и необходимости более тщательного военного воспитания.

Действие оружием требует в настоящее время больших познаний, а огромные потери, получаемые в чрезвычайно короткий срок, требуют особенной стойкости и огромного напряжения при стремлении в бой.

Между тем, отдыхать и оправляться в настоящее время совершенно недопустимо. Ввиду коротких сроков боя необходимо непрерывное сосредоточение материальное и моральное. Минутная слабость может привести к поражению.

Таким образом, и в области духа крайнее напряжение усиливается.

Бороться с этими явлениями — это то же, что бороться против самого понятия войны. Это невозможно. Поэтому необходимо подчиниться: или создать могущественный флот, не жалея на него никаких средств, или сойти в ряд второстепенных держав и поплатиться при новом делении мира.

М. Римский-Корсаков

ЗАЧЕМ РОССИИ НУЖЕН ФЛОТ?

1. Военно-географический обзор Империи

Россия составляет более 1/7 части всей суши и занимает всю северную часть Европейско-Азиатского материка, от берегов Атлантического до берегов Великого океана. Наибольшее протяжение нашей территории с запада на восток составляет 10000 верст, а с севера на юг — 4000 верст. Вся земля находится у нас в одном куске, как бы в одной меже и занимает поверхность в 8647000 англ. кв. миль. <...>

Для нас возможны вооруженные столкновения с врагами для обороны границ Империи на следующих четырех политических театрах войны:

1) На Дальневосточном театре, где врагами нашими могут быть: Япония, Китай и косвенным, или даже прямым, врагом могут быть и Североамериканские Соединенные Штаты.

2) На Северо-Азиатском театре, где врагами нашими могут быть: Англия (Индия), Афганистан, Персия и косвенно Китай (Тибет).

3) На Ближневосточном театре, где врагами нашими могут быть: Турция, Румыния, Австрия и коалиция Балканских государств.

4) На Западном театре, где врагами нашими могут быть: Румыния, Австрия, Германия, Швеция, Норвегия и Дания.

Каждый из этих четырех политических театров войны, за исключением лишь Среднеазиатского, подразделяется на морские и сухопутные театры военных действий. Собственно говоря, даже и на Среднеазиатском политическом театре есть море — Каспийское, — и на обязанности флота будет лежать поддержание сообщений на этом море, но вероятность военных действий на Каспийском море совершенно ничтожна, хотя и не абсолютно невозможна.

Стратегическое значение морских театров на каждом из политических театров войны весьма различное. На некоторых политических театрах войны морские театры являются главными театрами военных действий, т.е. такими, на которых может быть решена в благоприятном для нас смысле участь войны. На некоторых же политических театрах войны морские театры являются лишь второстепенными театрами военных действий, т.е. они могут иметь лишь некоторое, не решающее влияние на участь всей войны. <...>

Наши берега на Дальнем Востоке омываются тремя морями: Беринговым, Охотским и Японским. Первые два моря омывают берега наших дальних окраин, почти еще не заселенных и совершенно не тронутых культурой, тогда как на берегах Японского моря уже началась наша культурная работа; тут же на Японском море лежит и наиболее населенный на нашей окраине пункт — Владивосток, связанный рельсовым путем с остальной Россией и являющийся нашим оплотом на этой окраине. Поэтому Японское море имеет для нас первенствующее перед двумя другими морями — Охотским и Беринговым — значение как в культурном, так и в стратегическом отношении. <...>

Главным нашим врагом на этом театре может быть Япония, затем Китай.

Япония есть островная держава, которая вынуждена будет перебросить на материк значительные сухопутные войска, чтобы вести войну с нами. Как бы японцы ни устраивались теперь прочно в Корее и Квантунской области, но во всяком случае главная база японских армий при войне с нами будет все-таки на их родине, на Японских островах.

Таким образом, Японии придется проложить свои операционные линии на материк через море и по морю же протянутся все коммуникационные линии японских армий.

Правда, что длина морских коммуникационных линий японских армий может быть весьма короткой, с окончанием железной дороги Фунзан — Сеул и далее на север до Ялу и затем до Мукдена, но во всяком случае без морских коммуникационных линий японские армии никоим образом не в состоянии будут обойтись.

Узлом всех коммуникационных линий японских армий явится тот же самый Корейский пролив — узел вообще всех путей Японского моря.

Стратегия весьма наглядно доказывает, каких блестящих результатов можно достичь, ударив на сообщения неприятельских армий, а захватив эти сообщения, можно даже привести к гибели и огромную армию.

Самой слабой точкой в сообщениях японских армий являются, конечно, их морские коммуникационные линии. Вся безопасность их опирается исключительно на превосходство флота. *Но если япон-*

ский флот будет разбит, то линия сообщений японских армий будет захвачена и участь войны будет решена в благоприятном для нас смысле.

Потеря господства на море заставит японцев начать немедленное отступление на сухопутном театре войны, в каком бы блестящем положении относительно наших армий они ни находились. Японцы отступят, вероятно, при этом в южную Маньчжурию или даже в северную Корею, где можно будет рассчитывать содержать армии средствами края, и перейдут к оборонительным действиям.

Таким образом, Японское море имеет для нас колоссальное стратегическое значение: удачный для нас исход борьбы на море решает участь всей войны; другими словами, *морской театр является главным театром военных действий на Дальнем Востоке, и потому Корейский пролив есть не только стратегический ключ Японского моря, а есть также стратегический ключ обороны нашего государства с востока.*

Поэтому главная наша операционная линия для обороны Дальнего Востока должна быть проложена на Корейский пролив.

На сухом пути мы не можем рассчитывать победить японцев, потому что нам придется выставить в поле огромную армию, вероятно около 1,5 миллионов, и решительно все: каждую пачку патронов, каждую пару сапог, каждую жестянку консервов, — возить для этой армии из московского промышленного района, т.е. почти за 10000 верст. Для этого, очевидно, недостаточно одной железнодорожной колеи, недостаточно будет и двух колеи, а необходимо их будет по крайней мере 6 или 8.

По моему мнению, существует некоторый предел, дальше которого нельзя тянуть операционную линию на сухом пути при данном состоянии техники. Наполеон слишком вытянул свою операционную линию в 1812 году и жестоко за это поплатился: мысль о сухопутном походе в Индию занимала многих великих полководцев (Наполеон, Петр Великий, Александр Великий), однако даже и величайшему из них, Александру Великому, не удалось завоевать Индию, и он принужден был отступить, в сущности не достигнув своей цели.

Мне кажется, что в вопросе сухопутной обороны нашего Дальнего Востока мы дошли именно до такого предела: выдвинуть на 10.000 верст миллионную армию, способную к наступлению, по моему мнению, неразрешимая задача при современном состоянии техники.

Но вопрос осложняется еще и географическими невыгодами нашего положения.

Операционная линия, проведенная из Европейской России на Дальнем Востоке через всю Сибирь, не удовлетворяет одному фундаментальному требованию стратегии — *условию безопасности*, ибо на протяжении нескольких тысяч верст эта линия проходит вдоль нашей границы с Китаем и потому совершенно обнажена.

Если можно считать, что ахиллесовой пятой японских армий будут их морские коммуникационные линии, длина коих, в крайнем случае, может быть сокращена до ширины Корейского пролива и которые прикрыты могущественным флотом, то что же сказать про коммуникационные линии наших армий, проходящих вдоль китайской границы и совершенно обнаженных на протяжении нескольких тысяч верст?!

Вообще положение японских армий будет несравнимо с положением наших. Во-первых, японские армии будут выдвинуты на 1–2 тысячи верст от своей базы (своего отечества), а не на 10000 верст. Во-вторых, связь их с отечеством будет обеспечиваться 4 колеями от Мукдена до моря и затем морем, представляющим собой как бы бесконечное число железнодорожных колеи. Наконец, в-третьих, сообщения японских армий нигде не будут обнажены и завладеть ими можно будет, только разбив японский флот.

Таким образом, я считаю, что борьба на сухом пути для нас совершенно невозможна и только флот может обеспечить нам целостность и неприкосновенность наших границ на Дальнем Востоке. На языке стратегии это определяется положением, что море есть главный театр военных действий.

В случае войны с одним Китаем флот может оказать нам на Дальнем Востоке неоценимые услуги, — он может сделать Китай неспособным к войне, — и вот каким образом.

Китай имеет довольно развитую торговлю и даже некоторую промышленность. Но техники Китай еще не имеет никакой и поэтому все необходимые для войны технические средства: пушки, оружие, патроны, порох и прочее, — Китай вынужден будет выписывать из Европы или Америки, так как не в состоянии будет производить их у себя в сколько-нибудь значительных размерах. Все так называемые «арсеналы», устроенные в различное время европейцами в Китае, представляют собой все-таки тепличные растения, которые не могут иметь серьезного значения, так как трудно допустить, чтобы можно было поставить на твердую ногу производство такого продукта как бездымный порох или выделку современного огнестрельного оружия в такой стране, где техника находится еще в младенческом состоянии.

В силу этих соображений подвоз боевых припасов для китайских армий должен непременно идти морем, из Европы или Америки; другими словами, китайские армии будут как бы иметь морские коммуникационные линии подобно японским армиям, только густота движения на линиях китайских армий

будет меньше, потому что по ним будут идти одни боевые припасы, но значение они, конечно, будут иметь столь же важное.

Прекращение морских сообщений китайских армий прекратит доступ к ним боевых припасов и потому сделает их неспособными к наступлению. Чтобы добиться этого, необходимо будет прекратить вообще все морские сообщения Китая. Сделать это совсем не так трудно, как может показаться, для этого не надо иметь огромный флот, а достаточно лишь заблокировать вход в Желтое море, Шанхай, Кантон и держать несколько крейсеров в Формозском проливе.

Соображения мои о значении флота для нас на Дальнем Востоке подтверждаются также примерами недавнего прошлого.

Минувшая война с Японией как нельзя более наглядно доказала всем значение флота в этом случае. Самый ход событий подтвердил, что флоту принадлежало в ней решающее значение: война началась и окончилась на море и мир был заключен только после Цусимского, а не после Мукденского погрома.

В случае же столкновения с Китаем полезно припомнить, какими беспримерными, поразительными успехами заканчивались все наши сухопутные операции во время боксерского восстания: знаменитый рейд генерала Ренненкампа, когда он проскакал через всю Манчжурию; блестящее наступление на Пекин, совершенное в несколько дней. Все это давалось нам так легко, между прочим, потому, что морские сообщения Китая были под контролем европейских держав и что доступ боевых припасов был абсолютно прекращен в Китай, и китайские войска были потому дезорганизованы и не способны к какому бы то ни было сопротивлению.

В минувшую же войну с Японией нам не удалось завладеть морем и наши войска не могли победить врага на сухом пути.

<...> Военная география *Черного моря* характеризуется двумя точками: Босфор — стратегический ключ и устье Дуная — стратегическая точка второстепенного значения.

Из изложенного следует, что на Черном море главная наша операционная линия должна быть проложена на Босфор. Здесь сосредотачивается оборона наших берегов и всего юга России, и потому *Босфор есть не только стратегический ключ Черного моря, но и ключ обороны государства с юга.*

Чтобы подтвердить последнее соображение и выяснить, сколь важное значение имеет для нашего отечества Босфор не только с морской, но и с общегосударственной точки зрения, и именно как ключ обороны государства с юга, я сошлюсь на наше недавнее прошлое.

Историческое стремление нашего отечества к берегам Босфора, к Царьграду, определилось совершенно ясно уже несколько столетий. Завоевывая у турок постепенно землю, мы шаг за шагом продвигались настойчиво на юг и неудержимо тянулись к Царьграду. Нам не удалось еще достигнуть этой цели, но непрерывными почти войнами с Турцией мы расшатали Оттоманскую Империю и значительно способствовали приведению ее в то паралитическое состояние, в котором она находится теперь; нам принадлежит значительная доля вековой работы по подготовке раздела Оттоманской Империи.

Что же нас неудержимо тянет к Царьграду? То обстоятельство, что это есть ключ обороны государства с юга и что он дает нам свободный выход на историческую мировую арену — в Средиземное море.

Я говорю все это, чтобы напомнить, что наступление наше на этом театре вполне определилось по своему направлению уже давно. Но по способу своего выполнения это наступление определилось в нашем сознании еще недостаточно определенно.

Мы несколько веков воюем с Турцией, но по какому-то роковому недоразумению мы всегда сосредотачиваем все главные свои силы на сухом пути и никогда не пытались нанести туркам сразу смертельный удар в самое чувствительное для них место — в Царьград.

Вместо того, чтобы морем доставить наши войска прямо к стенам Царьграда, мы каждый раз начинаем все сначала, с азов: переправляемся через Дунай, берем какую-нибудь очередную «Плевну» и прочая и прочая, словом, мы добросовестнейшим образом начинаем проделывать поход Аннибалла; только мы маршируем вокруг Черного, а не Средиземного моря.

Неужели мы еще будем и впредь упражняться в подобных походах? Неужели мы опять будем маршировать через Румынию, Болгарию, переправляться через Дунай, Балканы, три раза брать какую-нибудь очередную «Плевну» и прочее?! Неужели мы опять только через два года войны приведем в Адрианополь горсточку войск, когда измученная и издерганная войной Россия уже не будет иметь ни энергии, ни желания продолжать войну?!

Не проще ли будет посадить наши войска на корабли и отправить их прямо по назначению, чтобы они появились под стенами Царьграда не через два года, а через две недели?!

Для этого надо проложить главную операционную линию по морю, на стратегический ключ Черного моря — Босфор. А если главная операционная линия морская, то становится ясным, какое огромное значение имеет флот на этом театре.

Причина сравнительно малой политической успешности наших прошедших войн с Турцией, по моему мнению, заключается именно в том, что мы всегда неверно выбирали главную операционную линию. Наверное потому, что линия, проложенная через Дунай на Адрианополь и далее на Константинополь, не удовлетворяет условию безопасности: чем больше мы спускались по своей операционной линии на юг, тем больше мы ее оголяли со стороны Австрии, остававшейся у нас в тылу. Весьма возможно, что наши полководцы соглашались охотно на заключение мира с врагом после некоторых достигнутых военных успехов именно потому, что чувствовали не вполне обеспеченное положение своей операционной линии. Возможно, что и Австрия оказывала на нас иногда политическое давление в смысле заключения мира, прибегая даже иногда к военным демонстрациям, как только мы одерживали решительные над неприятелем победы. Таким образом, *неверно выбранная главная операционная линия делала фактически недостижимыми политические цели войны*, потому что ставила успехи, достигнутые нашим оружием, как бы под контроль австрийской дипломатии.

Ничего подобного не может быть с морской операционной линией, проложенной на Босфор, ибо безопасности этой линии ничто не может серьезно угрожать. Действия румынского или болгарского флота могут быть парализованы без особого труда, а устье Дуная нетрудно совсем запереть.

Исторические примеры, взятые из недавнего нашего прошлого, подтверждают все высказанные нами соображения как при оборонительных, так и при наступательных действиях.

В 1854 году мы не в состоянии были проложить нашу операционную линию на Босфор и здесь сосредоточить оборону наших берегов, не допуская союзный флот войти в Черное море. Мы не могли этого сделать вследствие технической отсталости нашего флота, вследствие неимения боевых паровых судов.

Но при этом оказалось, что мы не были в состоянии оборонять наших берегов и внутри Черного моря, что и весьма понятно, ибо гораздо труднее оборонять береговую линию в несколько сот миль, нежели одну стратегическую точку — вход в Черное море.

Как известно, свободно проникший в Черное море неприятель беспрепятственно произвел высадку на берегах Крыма, нам пришлось выдержать одиннадцатимесячную осаду Севастополя и проиграть тяжелую войну.

Оборона Государства с юга не была достигнута, потому что мы не могли, по техническому несовершенству нашего флота, проложить главную операционную линию на Босфор.

В 1877 году, при наступательной войне с Турцией, мы не в состоянии были проложить главную нашу операционную линию к сердцу Турции — Константинополю — по морю за неимением боевого флота на Черном море и, вследствие этого, должны были воевать с Турцией почти два года. При этом достигнутые войной результаты оказались для России весьма мало реальны, и можно с уверенностью сказать, что таких же результатов можно было бы достигнуть не через два года, а через два месяца войны, если бы мы в состоянии были проложить главную нашу операционную линию по морю.

Результаты войны оказались далеко не полными, потому что, не имея флота, мы не могли завладеть морем и пользоваться им. <...>

Собственно Балтийским морем омывается незначительная часть наших берегов, большая же часть их омывается глубоко вдающимися в материк заливами, на которые распадается это море — Рижским, Финским и Ботническим.

Устья Ботнического и Финского залива и малый выход из Рижского залива как бы сходятся все в одном небольшом пространстве к северу от острова Даго; недалеко от этого места находится и главный выход из Рижского залива. Таким образом, это место является как бы центром вод, омывающих наши берега.

Другой особенностью географического положения наших вод является шкерная полоса, которая тянется вдоль всего нашего побережья Ботнического и северного берега Финского заливов; через Оланды наши шкеры почти соприкасаются со шведскими.

Наконец, третьей особенностью географического положения наших вод является то обстоятельство, что они подходят вплотную к столице Империи, которая лежит на берегу Финского залива, в самой глубине его.

Рациональная оборона всех наших берегов достигается только в том случае, если мы в состоянии выдвинуть наши морские силы в Балтийское море, чтобы там встретить врага и разбить его. Только таким образом мы можем оборонять сразу все наши заливы: Рижский, Финский и Ботнический, глубоко вдающиеся в материк и как бы намечающие собой путь для вторжения неприятельских сил. Всякие другие соображения по обороне берегов, стремящиеся доказать необходимость обороны отдельных точек или участков побережья, будут глубоко неправильны и приведут не к сосредоточению, а к разделению сил, т.е. к так называемой кордонной стратегии.

Наиболее важным из всех трех наших заливов является, конечно, Финский залив, ибо на берегах его лежит столица. Посему главная наша операционная линия должна быть проложена на Балтийском море из Финского залива, другими словами, она должна собой олицетворять *идею обороны столицы с моря*.

Если даже и отбросить желание оборонять все наши берега с моря, если даже и сосредоточить все наши помыслы на обороне столицы с моря, ибо эта цель является чрезвычайно важной, то и в этом случае не трудно будет прийти к заключению о необходимости выдвинуть наши морские силы в Балтийское море.

Действительно, нельзя допускать, чтобы неприятельский флот мог беспрепятственно проникнуть в самую глубь Финского залива и чтобы военные действия на море происходили очень близко от столицы, потому что столица будет слишком нервно на них реагировать, а это весьма чувствительно будет отражаться на бирже, а через нее на нашем кредите и финансах. Например, гибель какого-нибудь нашего миноносца где-нибудь около Гогланда — обстоятельство, не могущее иметь сколь-нибудь значительное влияние на ход военных действий, будет вызывать в столице чуть не панику, биржа по-своему будет учитывать это событие, и бумаги наши будут падать и падать. А известно, что для войны нужны деньги, деньги и еще деньги...

Все это совершенно понятно: близость неприятеля слишком ясно говорит о возможности его появления. Поэтому столица, представляющая собой центр государственной жизни Империи, должна быть обеспечена от слишком близкого соседства с театром военных действий. А так как саму столицу нельзя отодвинуть от моря, то остается театр военных действий на море отодвинуть от столицы на приличное расстояние. *Для этого необходим флот, который способен будет держаться в Балтийском море.*

Конечно, война на западном фронте решится не морской силой, и потому на Балтийском море флоту не может принадлежать такое же решающее значение, как на Дальнем Востоке, или даже на Черном море. Конечно, флоту принадлежит на Балтийском море второстепенное значение, и Балтийский морской театр будет второстепенным театром военных действий, но на флоте все же будет лежать такая серьезная задача, что пренебрежение ею не может пройти безнаказанно.

Если участь войны на западном фронте вряд ли может быть решена в нашу пользу морской силой, то, наоборот, неблагоприятный для нас исход морских операций может оказать на нас весьма сильное давление и может способствовать ухудшению нашего положения на сухопутном театре военных действий, а быть может даже и вынудит нас к заключению невыгодного мира.

Здесь уместно будет припомнить, что в 1855 году вражеский флот (английский) стоял у Кронштадта, и из Петергофа, где тогда, как бывает и теперь, была резиденция Государя, его рассматривали в подзорные трубы. Флот этот, правда, нам ничего не сделал, по какой-то странной причине и мы готовы уже забыть этот знаменательный для нас урок, а между тем теперь появление вражеского флота у Кронштадта не только не будет для нас столь же безнаказанным, а может быть прямо роковым. <...>

2. Связь политики со стратегией

До сих пор я рассматривал возможные театры войны только с точки зрения военной географии; я старался выяснить, какие стратегические задачи должны и могут быть поставлены нашему флоту именно с этой точки зрения, совершенно не касаясь вопросов внешней политики. Но стратегия, конечно, должна быть строго согласована с внешней политикой, и они обе должны идти рука об руку; только при этом условии достигаются благоприятные результаты.

Классическое возражение, которое обыкновенно приводится против создания сильного флота, что мы не можем иметь три отдельных флота: на Дальнем Востоке — равносильный японскому, на Балтийском море — равносильный германскому и на Черном море — равносильный флотам средиземноморских держав, основано, по моему мнению, лишь на недоразумении, т.е. на недостаточном понимании строгой необходимости согласования стратегии с политикой.

Конечно, если мы зададимся целью воевать одновременно на Японском, Черном и Балтийском морях, то, вероятно, мы всюду потерпим неудачи; точно так же, если бы мы задались целью воевать одновременно на полях Маньчжурии, в Средней Азии, на Балканском полуострове и на западной границе, то мы, наверное бы, всюду потерпели неудачи.

Политика должна заблаговременно указать, на каком театре военных действий возможно ожидать вооруженного столкновения и к какому сроку следует быть готовым; дело стратегии подготовиться к этому и к указанному сроку собрать необходимые силы в подходящем месте.

Роль политики не ограничивается, конечно, одними только руководящими соображениями для стратегии; политика государства в предвидении вооруженного столкновения должна подготовить благоприятную общую политическую обстановку для ведения войны. Это условие является чрезвычайно важным, ибо плохую стратегию можно еще поправить хорошей политикой, но *плохую политику невозможно уже исправить даже превосходной стратегией*; тому не трудно привести примеры.

В конце прошлого столетия, во время японо-китайской войны, японская стратегия работала идеально: китайский флот был уничтожен, Порт-Артур и Вей-ха-вей были взяты, в Корее и в Южной Маньчжурии китайские войска были разбиты, словом, путь к Пекину был открыт, и война была выиграна блестящим образом. Но японская политика работала в это время весьма плохо: три великие

державы предъявили протест против Симоносекского договора, произвели морскую демонстрацию и вынудили Японию отказаться от плодов одержанных побед.

Таким образом, одним росчерком пера все успехи японского оружия были сведены к нулю и получилось весьма курьезное положение: война была выиграна блестящим образом, но цель войны достигнута не была.

Через несколько лет после японо-китайской войны произошла англо-бурская война, которая как раз дала резкий обратный пример. Английская стратегия работала отвратительно, и англичане терпели в начале войны поражение за поражением; общественное мнение во всей Европе и Америке было сильно приподнято и до такой степени настроено в пользу буров, что сочувствие им высказывалось во всем цивилизованном мире в резкой и демонстративной форме. Но политика Англии была хороша, и ни одна великая держава не рискнула даже под давлением общественного мнения всего мира хотя бы только попытаться повысить свой голос в пользу буров, и цивилизованный мир предоставил Англии задавить буров. Таким образом, с военной точки зрения война представлена рядом крупных английских неудач, но цель войны была полностью достигнута.

Возвращаясь к возражению о невозможности иметь три отдельных флота, я вполне к нему присоединяюсь, ибо нельзя, конечно, быть всегда совершенно готовым к войне со всеми возможными противниками. Но на основании всего вышеизложенного о связи стратегии с политикой, по моему мнению, — в этом нам нет решительно никакой необходимости.

Нам нужно иметь один, единый флот и придвигать его своевременно туда, где он может нам понадобиться; политика должна заблаговременно это предсказать.

Возможность передвинуть флот на любой морской театр должна быть, конечно, вполне обеспечена, и вопрос этот должен быть совершенно разработан. Опыт передвижения на Восток 2-й эскадры нам ясно показал, что подобные операции не терпят импровизации, и потому марш флота в Великий океан должен быть подготовлен и организован так, чтобы он мог быть произведен при условиях военного времени.

Если бы длительное изучение этого вопроса показало, что для этого необходимо приобрести одну, или даже две угольные станции, чтобы сделать наш флот совершенно независимым от отношения нейтральных или союзных государств, то перед этим никоим образом нельзя останавливаться и такие станции должны быть приобретены. Необходимость этих станций будет диктоваться интересами обороны государства, на них будет базироваться оборона всей Восточной Сибири до Байкала, и политика должна будет поставить себе целью приобрести их при первом же подходящем случае.

Единый флот, передвигающийся с одного морского театра на другой, это — внешние операционные линии; три отдельных флота, действующие каждый на своем морском театре, это — внутренние операционные линии.

Как известно, Соединенные Штаты предпочитают иметь один сосредоточенный флот. Для возможности же передвижения его из одного океана в другой в настоящее время роют Панамский канал. Однако осуществить эту идею правительству Штатов было далеко не легко.

Та республика, которая владела тем клочком земли, по которому необходимо было проложить канал, предъявила совершенно неприемлемые требования за уступку этой земли. Президент Рузвельт не остановился тогда перед весьма сильным средством: он произвел революцию в этой республике; провинция, в состав которой входила нужная земля, отделилась от республики и сделалась новым, самостоятельным и независимым государством — республикой Панамой. После этого правительством Штатов был заключен соответствующий договор с новой республикой, и теперь работы по прорытию панамского канала ведутся весьма энергично.

Республика Панама как самостоятельное государство есть, конечно, чистейшая фикция, и республика эта очевидно находится совершенно в руках президента Рузвельта. Так решена была правительством Штатов весьма трудная стратегическая задача — обеспечить возможность быстрого передвижения своего флота из одного океана в другой.

Вот перед какими сильными средствами не останавливаются для того, чтобы обеспечить оборону государства, *делают революции в соседних странах, создают новые независимые государства!* Что значит в сравнении с этим приобретение 1–2 угольных станций, если это окажется необходимым для обороны всей Восточной Сибири?!

Чтобы решить вопрос, где именно, на каком море нам следует начать создавать единый флот, необходимо бросить хотя бы беглый взгляд на современную военно-политическую обстановку. Начну с Дальнего Востока. <...>

Стремление японцев к полному господству в Тихом океане встретилось в настоящее время с политикой Соединенных Штатов Северной Америки, которые имеют весьма существенные интересы в Китае и на Филиппинских островах. На почве этого соперничества и надвигается теперь вооруженный конфликт между Японией и великой Американской республикой, политическая же к нему подготовка ведется в настоящее время самым энергичным образом. Япония уже, по-видимому, устроила свои дела: она обеспечила себя политическими соглашениями, главным образом касающимися Азиатского

материка, со всеми великими державами Дальнего Востока и обеспечила тем себе свободу действий по отношению к Соединенным Штатам.

В свою очередь, правительство Соединенных Штатов не нашло возможным выждать окончания строительства панамского канала для передвижения своего флота в великий океан и послало его туда кругом Южной Америки; в настоящее время флот этот находится в пути. Меру эту следует признать весьма благоразумной, ибо теперь флот движется при условиях мирного времени и, следовательно, свободно может пользоваться гостеприимством всех попутных нейтральных портов, а появление его в Тихом океане восстановит политическое равновесие, нарушенное гибелью нашего флота и может удержать Японию от соблазна войны с Соединенными Штатами; объявить же войну сейчас, пока флот еще не пришел в Тихий океан, Япония не могла, так как не была к ней готова.

Решительное движение, которое выполняет в настоящее время американский флот, является для нас чрезвычайно поучительным. Мы видим, что *прозорливая политика* указала своевременно правительству Штатов на необходимость заблаговременно сосредоточить морские силы в Тихом океане, и благодаря этому флот не только сделает свое трудное плавание в условиях мирного времени, но, быть может, даже и предотвратит войну. Наша политика не была такой прозорливой перед войной с Японией, мы даже как будто боялись, как бы не прислать в Тихий океан одним кораблем больше японского флота и потому должны были послать уже во время войны целую эскадру, которой пришлось сделать беспримерное по трудности плавание в условиях военного времени, а в конечном результате мы потеряли во время войны броненосцев в два раза больше, нежели имели японцы...

Итак, на Дальнем Востоке возможен вооруженный конфликт Японии с Соединенными Штатами. Каково же должно быть наше отношение к этому конфликту? Мне кажется, что нам безусловно следует придерживаться строгого нейтралитета, ибо как бы ни кончилась война эта для Японии, для нас это будет только выгодно: если Япония будет побеждена, нам выгодно будет ее ослабление, если же Япония окажется победительницей, то она приобретет Филиппинские острова, т.е. новую арену деятельности вдали от наших владений.

Если же необходимо будет выяснить, к какому из двух соперников мы проявим так называемый «дружественный» нейтралитет, то, безусловно, выбор нас должен пасть на Японию. Япония есть наш ближайший и опаснейший враг на Дальнем Востоке и, следовательно, не может быть никаких сомнений, что нам гораздо важнее не обострять наших отношений именно с ней, а не с Соединенными Штатами Северной Америки. Можно думать, что именно так и будет, и можно надеяться, что наше политическое соглашение с Японией послужит некоторым прецедентом для «дружественного» нейтралитета в случае войны Японии с Соединенными Штатами.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно до некоторой степени надеяться, что в ближайшие годы нам удастся избежать войны на Дальнем Востоке, но пытаться создать там флот, т.е. строить его там, было бы совершенно неразумно: Япония никогда не повторит той ошибки, которую сделали мы и никогда не позволит нам под боком у себя собрать сколько-нибудь значительную морскую силу.

Что касается следующего политического театра войны — Среднеазиатского, то я уже сказал, что по среднеазиатским делам имеется у нас соглашение с Англией, являющейся здесь самым главным нашим противником; соглашение это вполне регулирует наши взаимные отношения и потому можно иметь некоторую уверенность, что в ближайшие годы нам не придется воевать в Средней Азии.

На Ближневосточном политическом театре войны дело обстоит далеко не так просто. Турция находится в состоянии крайнего упадка; Македония представляет собой как бы постоянную фонтанель Балканского полуострова; в мелких балканских государствах царствующие династии являются не вполне устойчивыми; к всему этому присоединяется экономическое и коммерческое наступление Германии на полуостров. Однако и в этом сложном вопросе существуют, по-видимому, некоторые определенные перспективы.

Осенью 1907 года наш министр иностранных дел совершил путешествие по Европе и, между прочим, был также и в Вене; пребывание нашего министра в этом городе было необычайно для дипломатических визитов долгое и продолжалось чуть ли не несколько недель. В результате этого пребывания появилась циркулярная телеграмма по балканским делам от имени двух правительств: Русского и Австро-Венгерского, в которой шла речь о Мюрштегской программе реформ.

Не касаясь сущности этой программы и не вдаваясь в разбор намеченных ею реформ, позволено, однако, думать, что по балканским делам у нас как будто существует какое-то соглашение с Австрией, направленное, как будто, к сохранению существующего на полуострове *status quo*.

Правда, что в балканских делах могут произойти неожиданные, внезапные события, например, смерть одного из престарелых монархов Австрии или Турции и потому особенно полагаться на какие-нибудь политические соглашения не приходится и надо быть ко всему готовым. Как раз на Черном море мы и имеем теперь некоторую морскую силу, и хотя в состав ее и не входят корабли типа *Dreadnought*, однако ее можно признать вполне достаточной для выполнения тех задач, которые могут представиться от внезапных событий.

Поэтому не встречается никакой надобности начинать собирать вновь создаваемый флот на Черном море, тем более, что встретились бы большие затруднения к выводу этого флота оттуда.

Перехожу к последнему и самому главному нашему политическому театру войны — Западному.

В настоящее время назревает вооруженный конфликт между Англией и Германией; представляется, что он совершенно неотвратим, потому что исходит из промышленного и коммерческого соперничества этих наций. Политическая подготовка к этому конфликту ведется настолько энергично, что в сущности вся общеевропейская политическая конъюнктура данного времени определяется тем или другим отношением к этой подготовке.

Политика Англии определилась в настоящее время уже достаточно ясно. Для Англии, конечно, несколько не представляется заманчивой война с Германией, и Англия с удовольствием уклонилась бы от нее, если бы представился какой-нибудь случай ослабить или извести Германию иначе. Для этого существует простое средство — втравить Германию в серьезную войну на континенте Европы, ибо в результате ее достаточно пострадает, а быть может даже и совсем подорвется германская промышленность и торговля.

Для войны с Германией на континенте Европы существует Франко-Русский союз, и, следовательно, Англии остается только воспользоваться этой уже существующей комбинацией и заставить ее работать на себя. Зажать Германию на континенте Европы в железные тиски между двумя великими державами это, с точки зрения Англии, такая блестящая комбинация, что тут она, пожалуй, даже и не прочь будет оказать какое-нибудь активное содействие России или Франции своим флотом.

Для достижения этих целей Англии необходимо было заключить союзы или, для начала, хотя бы соглашения с Францией и Россией. С Францией Англия соглашение действительно и заключила уже несколько лет назад; что же касается соглашения с нами, то Англия проявила к тому явное желание почти тотчас же после окончания нашей несчастной последней войны. Стремление Англии к такому соглашению было столь велико, что уже летом 1906 года, судя по газетным известиям, намечался торжественный визит английского флота в Кронштадт, причем просвещенные мореплаватели, по видимому, совершенно упускали из виду, сколь неприлично было бы для нас устраивать у себя грандиозные морские торжества через год после Цусимского сражения... К счастью, этот визит не состоялся.

Англия была всегда нашим исконным врагом: в крымской кампании она принимала весьма деятельное активное участие; в турецкую кампанию ее флот появился в Мраморном море и помешал нашим дальнейшим успехам; наконец, в минувшую войну с Японией Англия придерживалась «дружественного» к Японии нейтралитета. И вдруг после всего этого отношение Англии к нам резко меняется, и она ищет сближения с нами...

Надо думать, что мы удержались от какого-либо соглашения с Англией по европейским делам, а заключили его лишь по среднеазиатским. Полагаю, что это весьма разумно, ибо соглашение с Англией логически и неизбежно должно привести нас к войне с Германией, — в этом именно и заключается тайный смысл этого соглашения, его соль.

Итак, каково же должно быть наше отношение к надвигающемуся вооруженному конфликту между Англией и Германией? По моему мнению, нам следует предоставить этим двум державам возможность сражаться между собой, а самим оставаться благородными зрителями. Пусть честные купцы и фабриканты сражаются за свои жизненные интересы, за свое благоденствие; мы не сделались еще ни купцами, ни фабрикантами и нам нечего вмешиваться в эту войну. Но нам не только не следует в нее вмешиваться, а, наоборот, необходимо даже употребить все усилия, чтобы нас в нее не втянули.

Если же необходимо выяснить, к которому из двух соперников мы проявим так называемый «дружественный» нейтралитет, то, вне всякого сомнения выбор, наш должен пасть на Германию. Германия есть наш ближайший и опаснейший враг в Европе, и потому, безусловно, нам гораздо важнее не обострять наших отношений именно с ней, а не с Англией.

Итак, по моему глубокому убеждению, необходимо собирать вновь создаваемый единый флот на Балтийском море. Здесь острее всего чувствуется его необходимость для обороны столицы с моря, для защиты головы государства. Здесь же наличие его будет также соответствовать идее «дружественного» нейтралитета с Германией.

Я старался осветить значение флота для нашего отечества с точек зрения стратегической и военно-политической, считая, что именно в этом для нас и заключается самое важное его значение.

Но я совершенно не касался вопросов второстепенного значения военного флота, а именно как могущественного орудия внешней политики, как средства, вызывающего развитие своего торгового флота и своей морской торговли и как средства, способствующего развитию отечественной промышленности.

А. Колчак

КАКОЙ НУЖЕН ФЛОТ РОССИИ?

Минувшая война, уничтожением Балтийского флота в Порт-Артуре и Корейском проливе, привела Россию к потере морского могущества почти на всех водах, омывающих ее морские границы; последовавшая за войной внутренняя государственная неурядица не могла не коснуться остатков бывшей морской силы, нанеся ей тяжелые удары морального свойства, еще более ее ослабившие. И вот теперь, также как и после эпохи грозных наполеоновских войн сто лет назад, поднимается вновь вопрос о возрождении флота. Финансовые затруднения первой половины минувшего столетия не повлияли на сознание необходимости удержания за собой господства на наших морях и создали только идеи, ограничивающие роль флота как главного агента развития экономического благосостояния и политической мощи государства, придав создаваемой морской силе оборонительный характер. В настоящее время дело обстоит несколько иначе. Кроме крайне стесненного финансового положения, мы должны считаться еще с утратой в значительной части общества сознания необходимости не только обладания нашими пограничными водами, но и с отсутствием правильных идей о морской силе, ее значении, вплоть до сомнений в целесообразности самого существования такой силы.

Воспроизводя копию с существующего хаоса политических убеждений и взглядов на желаемый государственный строй Российской Империи, идеи о вооруженной морской силе, проповедуемые в обществах, собраниях, периодической печати и литературе, заключаются между определенными мнениями о полном излишестве и даже вреде флота для России и столь же уверенно высказываемыми положениями о необходимости немедленного воссоздания морской силы, способной к борьбе чуть ли не с великобританским флотом, правда, в большинстве случаев, на чисто фантастических основаниях.

Среди этого собрания всевозможных понятий о морской силе особенно заметна имеющая вековую давность *тенденция создания оборонительного флота* и выделяется *мнение о первенствующем значении армии для государства* — в связи с вытекающей отсюда необходимостью иметь флот как одно из вспомогательных средств этой армии.

С другой стороны, сознание тяжких финансовых затруднений принуждает многих, признающих целесообразность и даже неотложность создания морской силы, искать выхода в осуществлении своих идей путем возможно экономичным, основываясь главным образом или на технических изобретениях и усовершенствованиях, либо на своеобразном понимании свойств и задач, возлагаемых на морскую силу.

Я беру на себя смелость разобрать по возможности беспристрастно основные вопросы: для чего России необходима морская сила, или точнее, в чем эта сила выражается.

Война есть одно из основных явлений жизни государства, сущность которого заключается в непреклонном осуществлении государственной воли по отношению к противнику путем применения открытой силы.

Эта непреклонность и вытекающая из нее война может быть обусловлена или задачами государственной необходимости с конечной целью развития собственного блага, или же противопоставлением своей воли воле, лежащей вне государства, стремящейся к достижению собственных благ, очень часто ограничивающих благополучие данного государства.

Первый случай определяет собой так называемую агрессивную или наступательную политику, осуществляемую при надобности войной, второй — оборонительную политику, сущность которой сводится к применению войны только в зависимости от воли противника. В том и другом случае понятия «наступательный» или «оборонительный» могут быть отнесены только к политике, определяющей отношение государства к причинам войны; на саму же войну эти понятия вообще не распространяются.

Как всякая борьба, единственной целесообразной может быть война только наступательная, уже по одному основному ее принципу желательности перенесения всей тяжести военных действий и связанных с ними разрушений на территорию противника. Если война, обусловленная наступательной политикой, — как учит военная история, — не всегда вызывается действительной необходимостью положения, то война при существовании политики обороны всегда является неизбежностью, раз только она необходима ее инициатору.

В зависимости от этого государство может желать или не желать войны и соответственно быть или не быть готовым к войне, зависящей от его воли, но оно неизбежно должно быть готовым к той войне, которая определяется волей другого государства.

Современный строй государства опирается на политико-экономические основания такого свойства, что не только не умаляется сколько-нибудь значение войны, но они принимают уже формы, не позволяющие ни одному государству быть безучастным зрителем вооруженного столкновения соседей, и, чтобы иметь право принять или не принять участие в борьбе за посторонние интересы, надо иметь силу, обеспечивающую это право.

Таким образом создается необходимость обладания силой и готовности к войне не только для осуществления своих целей, не только для парализования целей других, непосредственно направленных для ограничения собственных, но и вообще для обеспечения самостоятельности своей политики и неприкосновенности государства.

Политическая независимость или, определеннее, безопасность государства, обеспечивается неприкосновенностью его границ, что достигается соответствующим расположением вооруженной силы и контролем с ее стороны.

С военной точки зрения полная безопасность пограничной части государства, а вместе с тем и всей государственной территории, достигается расположением вооруженной силы, способной в случае надобности произвести вторжение в неприятельскую территорию, как уже выше было сказано, для перенесения туда всей тяжести связанных с войной последствий.

Представляется, однако, весьма важным выяснить *сущность границ государства*. На сухопутной территории государство вообще имеет условную черту, устанавливаемую пограничными договорами, которой определяются пределы его территориального верховенства и, следовательно, расположения вооруженной силы государства в мирное время.

Гораздо сложнее представляется вопрос уже в том случае, когда границей государства является река и вообще водное пространство и возникает крайняя неопределенность, когда приходится с военной точки зрения рассматривать естественную границу государственной территории, определяемую открытым морем или океаном.

Основное положение международного права об открытом море не распространяется, строго говоря, только на узкую береговую полосу территориальных вод, пределы которой тем же правом принимаются в 3 мили от крайних точек суши. Но вопросы и положения международного права о государственных границах отпадают при возникновении войны, когда выступает единственное право фактического обладания вооруженной силой, а, следовательно, обладание морем с момента объявления войны устанавливает границы государства, владеющего морем на берегах его противника, не имеющего этого обладания.

Этот вывод получает особую и первенствующую важность в вопросе государственной неприкосновенности, а потому необходимо остановиться на нем несколько дольше.

Объявление войны есть момент нарушения пограничного права, так как война немыслима без вторжения вооруженной силы одного из противников в пределы другого или, как иногда случается, в пределы третьего, нейтрального владения.

С момента объявления войны морская граница распространяется от берегов противников в открытое море и устанавливается борьбой за его обладание, располагаясь непосредственно у берегов утратившего это обладание. Следствием этого является возможность вторжения вооруженной силы на сухопутную территорию для одной стороны и полная невозможность выполнить это для другой, т.е. необходимость одной стороны принятия всей тяжести последствий борьбы на собственной территории и обеспеченность в этом смысле другой.

Если физические условия сухопутных границ и пограничных частей государственной территории могут благоприятствовать или затруднять вторжение вооруженной силы, то морские границы вообще являются благоприятными для этого акта. Чем больше ценностей для государства представляет его морская граница, тем опаснее являются проистекающие отсюда последствия.

Сущность обладания морем сводится к обладанию возможностью транспорта грузов как живых, так и неодушевленных, с такой быстротой и легкостью, с какой эта операция на сухом пути совершенно не может конкурировать, особенно в смысле военного груза, понимая под ним людей, лошадей и все средства современной вооруженной борьбы.

Мировое значение моря, как совокупности удобнейших и выгоднейших путей сообщения, получает исключительную важность во время войны.

Водное пространство моря с этой точки зрения можно рассматривать как развитую до пределов сеть железных дорог, получающих с момента объявления войны желаемое стратегическое значение.

То государство, которое с объявлением войны теряет эти стратегические пути, можно сравнить с таковым, которое не имеет в пограничной области оборудованных путей сообщения, причем его противник располагает самой развитой сетью совершеннейших железнодорожных путей.

Значение сообщения и транспорта во всякой войне слишком понятно, чтобы стоило об этом говорить далее.

Необходимо еще иметь ввиду отличительное свойство морских границ при отсутствии обладания морем: это возможность получить удар во многих пунктах, практическое отражение которого крайне затруднительно благодаря полной возможности для владеющего морем применить и использовать в

высшей степени принцип внезапности. Предвидеть, где и когда может быть нанесен удар, почти невозможно, а, следовательно, и предотвратить его.

«Море соединяет тех, кого разъединяет», — этот афоризм мирного времени в период войны можно изменить в следующий: «Море соединяет силы того, кто им обладает и разъединяет силы потерявшего это обладание».

Итак, по своим свойствам морские границы государства располагаются в зависимости от обладания морем и могут проходить либо по береговой его черте, либо быть отодвинутыми от нее вплоть до береговой черты расположенного на этом море другого государства.

Значение моря вообще для современной жизни государств и развитие плавучих средств как военных, так и служащих в мирное время мирным целям, придает чрезвычайную важность рассматриваемому вопросу.

Громадные армии и все необходимое их снабжение с необыкновенной быстротой могут быть переправляемы морем, создавая грозные перспективы тому, кто не пожелает обеспечить безопасность своих морских границ.

Вторгнувшаяся с моря в сухопутную территорию противника вооруженная сила, обладающая морем, получает в виде этого моря базу, ресурсы которой неистощимы, так как этой базой является весь мир.

Совершившая вторжение с моря, неприятельская армия обеспечена удобным снабжением всеми средствами как своей страны, так и теми средствами, которые могут быть приобретены в любом месте всего мира.

Морские границы благоприятствуют вторжению вооруженной силы и с этой стороны являются самыми опасными, требующими надежного обеспечения, тем более, что в большинстве случаев они представляют огромное экономическое значение.

Чем же достигается безопасность морских границ государства?

Из всего вышеизложенного видно, что опасность заключается в расположении морской границы по береговой черте одного из государств, того именно, которое не обладает морем.

Обеспечение от опасного состояния морских границ лежит в этом обладании.

Обладание морем заключается в невозможности в период военных действий противнику выполнить какую-либо морскую операцию, в рассматриваемом случае — использовать море как путь снабжения и произвести вторжение своей вооруженной силы на территорию обладающего.

Борьба за это обладание составляет сущность морской войны.

Обладание морем, как конечная цель морской войны, достигается борьбой с вооруженными силами противника.

Опыт истории войн, опыт маневров мирного времени, военные соображения и расчеты показывают, что вторжения неприятельской армии с моря на берега государства, утратившего обладание морем, не могут быть предотвращены сухопутными силами. Армия, действующая на берегу, не может помешать высадке с моря другой армии. Последняя может быть впоследствии разбита или уничтожена в зависимости от соотношения сил, но предотвратить последствия военных действий на собственной территории достигнуто таким путем быть не может.

В эпоху ли карфагенских войн, во времена Вильгельма Завоевателя, в период крестовых походов, в крымскую кампанию, в минувшую японскую войну эта истина оставалась непреложной.

Безопасность государства, или — что то же самое — его границ, не может быть обеспечена ничем другим, кроме вооруженной силы, единственного средства настоящего времени, способного разрушить межгосударственные интересы, не укладывающиеся в рамки дипломатических сношений. Безопасность государства не может зависеть от состояния политики и быть обусловленной какими-либо трактатами или договорами, если последние не опираются на реальную силу. Морские границы не представляют в этом смысле исключения, наоборот, они, как более опасные, требуют особенно надежного обеспечения.

Рассмотрим морские границы нашего отечества.

С точки зрения военно-географической расположение наших морских границ вообще представляет много неудобств. Территориальное развитие государства, состоящее в распространении площади обладания до естественных границ, определяемых открытыми морями или океанами, у нас еще не вполне закончилось. Итоги вековой борьбы за моря, как великие международные пути сообщения, выразились в распространении государственной территории только до внутренних морей: Балтийского, Черного и Японского, выходы из которых находятся не в наших руках. Только на северной своей части государство определено естественными океанскими границами, в настоящее время по своим физико-географическим условиям не имеющими серьезного значения для его существования. Пойдет ли наше отечество дальше в направлении к открытому морю или обратится к использованию того, чем уже обладает — этот вопрос выходит из задачи настоящей статьи.

Если признать, что обеспечение морской границы лежит в наличии вооруженной морской силы, то, казалось бы, что эта сила должна быть создана на всех трех морях, причем в силу изолированности

этих морей упомянутая сила должна безусловно обладать своими морями и выходами из них в океан, чтобы не быть разведенной и иметь возможность оказаться там, где ее присутствия государственные интересы потребуют.

Практическое решение такой задачи является невозможным; логически мы неминуемо пришли бы к необходимости обладать несколькими флотами, каждый из которых превышал бы флот государства, наиболее сильного на данном море. Но безопасность государства вовсе этого не требует. Морские границы, так же как и сухопутные, не на всем своем протяжении имеют одинаковое значение для государственной безопасности.

Важность той или другой части государственных границ определяется ценностью территории, прилегающей к этой границе, и возможностью получить на эту часть границы наиболее тяжелой и трудно парализуемый удар извне со стороны сильнейшего, а, стало быть, и опаснейшего противника.

Итак, необходимо рассмотреть, какие из морских границ государства могут быть признаваемы за наиболее ценные и подверженные ударам возможно сильнейшего противника.

Я не буду рассматривать северные океанские границы — их малое значение с рассматриваемой точки зрения слишком очевидно, равно как и крайние северо-восточные границы, определяемые Беринговым морем.

Я начну с наших тихоокеанских окраин. По своему географическому положению они являются отдаленными колониями, настолько удаленными, что сухопутные сообщения метрополии с ними при известной степени экономического их развития в силу дороговизны сухопутного транспорта и фрахта представляются совершенно невозможными.

Поэтому и обладание ими при помощи сухопутной вооруженной силы представляется в настоящее время почти неразрешимым вопросом и могло бы быть достигнуто единственно морской силой. Эти колонии лежат у внутренних морей, коими владеет Япония с ее молодым могущественным флотом, опирающимся непосредственно на ресурсы всего своего государства.

Являются ли наши берега Японского и Охотского морей такими важными для жизни государства, что потеря их была бы невознагражима? Мы владели частью берегов еще и Желтого моря; правда, обладание этими берегами было достигнуто государственными деяниями, которые теперь называются «дальневосточной авантюрой», но внесла ли тяжелое расстройство в жизнь нашего отечества потеря этих берегов? Как с исторической точки зрения можно посмотреть на приобщение к Российской Империи наших дальневосточных окраин: разве походы Хабаровова, Пояркова и Атласова не авантюра, разве подвиги Невельского и Муравьева не могут быть рассматриваемы с той же точки зрения постольку, поскольку они не вызывались действительной необходимостью и не определялись до сих пор реальной государственной мощью? Распространение России на берега Тихого океана, этого Великого Средиземного моря будущего, является пока только пророческим указанием на путь ее дальнейшего развития, связанный всегда с вековой борьбой, ибо только то имеет действительную ценность, что приобретено путем борьбы, путем усилий. Минувшая война — первая серьезная борьба за берега Тихого океана — есть только начало, может быть, целого периода войн, которые будут успешны для нас только тогда, когда обладание этими берегами сделается насущной государственной необходимостью, которая определит обладание не только одной вооруженной силой, не одними стратегическими железными дорогами или флотом.

Обеспечение этих границ в настоящее время может быть достигнуто политикой, политика должна опираться на вооруженную силу, но присутствие последней в виде флота, надежнейшего разрешения вопроса о неприкосновенности наших тихоокеанских окраин, не является безусловно необходимым.

Вооруженная сила, в частности флот, точнее, его стоимость, есть, по выражению Рузвельта, та страховая премия, которую государство уплачивает за обеспечение своих ценностей. Ценность премии не может превышать ценности страхуемого и с этой точки зрения создание мощной силы, способной бороться за обладание морем в Тихом океане, едва ли является целесообразным.

Совершенно иное значение имеют для нас берега *Черного моря*, другого замкнутого бассейна, выходами из которого владеет государство, не представляющее выдающейся военной мощи, особенно на море. Другие государства, владеющие частями западного побережья Черного моря, не обладают морской силой, которую следовало бы принять во внимание. Побережье Черного моря и прилегающий к нему Южнорусский край получают значение одного из важнейших промышленных районов государства; экономический центр государства, по-видимому, имеет все данные продвинуться на юг к Черноморскому краю, где присутствие Донецкого каменноугольного бассейна и месторождения железа обеспечивают будущность железоделательной промышленности; обилие могучих речных систем связывает Черное море с внутренними частями Империи, и уже теперь мы имеем вывозную торговлю на Черном море, вдвое превышающую таковую же на Балтике. Угроза Черноморскому побережью являлась бы серьезной угрозой экономическому благосостоянию России, но непосредственно на Черном море мы не имеем противника, с которым в настоящее время приходилось бы серьезно считаться. Этот противник мог бы появиться там, приведя свои вооруженные силы с других морей, где противопоставление соответствующей силы могло бы остановить его намерения. Борьба за

неприкосновенность Черного моря и наших границ, на нем расположенных, имеет все данные разрешиться частью на западном сухопутном фронте Империи, частью на других северных водах.

Единственный противник, который мог бы угрожать неприкосновенности Черного моря, это Англия, могущественный флот которой распространяет границы Великобритании вблизи морских границ любой державы.

Но обладание морем, достигаемое Великобританией, получает несколько иной характер, чем тот, который выше рассматривался. Обладание морем, как путями сообщения, имеет с английской точки зрения значение обладания теми ценностями, которые в каждый момент на этом море находятся; 53% всего тоннажа судов, ведущих торговые сношения с Россией, принадлежит английскому флагу, наш флаг не располагает в этом деле более 10%. Ценности государственной на море по сравнению с Великобританией у нас нет, и если мы обратим внимание на то, что вооруженная сила Англии имеет главным образом морской характер, то мы увидим, что с точки зрения государственной безопасности флот Англии, имея одинаковое значение на всех наших морях, нам непосредственно не угрожает. Да и вся тяжесть борьбы на наших черноморских границах не представляла бы с военной точки зрения непосредственной угрозы государственной безопасности, нанося, может быть, и крайне тяжелые удары нашему экономическому благосостоянию. Чем выше экономическое благосостояние края, тем более представляет он ресурсов для борьбы, для сопротивления тому, кто сделал бы туда вторжение.

С чисто военной стратегической точки зрения единственный узкий выход в Черное море благоприятствует защите его неприкосновенности и задержанию превосходных сил более слабым. С другой стороны, замкнутость Черного моря придала бы морской вооруженной силе характер изолированности и, следовательно, лишила бы флот значительной доли политического могущества, так как этот флот не мог бы непосредственно влиять ни на один объект высокой политической важности. Итак, значение наших границ на Черном море обеспечивается самим характером этого замкнутого бассейна, отсутствием в этом море сильного вероятного противника, возможностью защищать это море сравнительно слабыми силами и решать политические осложнения на нем при наличии вооруженной силы в другом месте.

Остается третий водный бассейн — Балтийское море. Этот бассейн с военно-географической точки зрения представляется также замкнутым, но значение его получается иное, чем вышеупомянутого Черноморского.

На берегах Балтики мы имеем могущественного и сильного соседа, соприкасающегося с нами на сухопутной территории. У Полангена эта граница выходит на берег Балтики, где казалось бы и разделяется: одна идет на север и восток, определяя территорию нашего отечества, другая на запад по берегам Померании.

На этом море мы имеем один из сильнейших мировых флотов, сильный не только количественно, но и качественно, управляемый непосредственно императором державы, политика которой, основываясь на глубоких экономических причинах, является воинственной и угрожающей единственному мировому ее конкуренту — Англии.

Политика мира в настоящее время определяется политикой Великобритании и Германии, имеющих за собой обеспечение в виде первых в мире вооруженных сил.

Обладание водами Балтийского моря принадлежит Германии, и ее морская граница от Полангена совсем не направляется на запад, а идет параллельно нашей вдоль курляндских берегов, далее по берегам Финского залива и подходит к передовым фронтам Кронштадта в 50 верстах от столицы.

Германия располагает вторым в мире коммерческим флотом и одной из первых в мире армий и, тем самым, представляет собой такую силу, вблизи которой можно существовать постольку, поскольку это определяется ее мировой политикой, поддерживаемой упомянутым военным могуществом.

Но может ли представить это обладание Балтийским морем реальную опасность для существования нашего государства? Экономическое значение Прибалтийского края невелико, хотя бы по сравнению с Черноморским, физико-географические особенности его также не благоприятствуют развитию на нем особо выдающихся ценностей, но на берегах Балтики в 5-ти верстах от германской морской границы, т.е. самой опасной со стратегической точки зрения, к которой подходят лучшие в мире стратегические дороги — морские пути, — лежит столица нашего отечества, и эта граница лежит и в тылу нашей западной армии.

Я не буду рассматривать значение столицы с широкой государственной точки зрения, а коснусь этого вопроса только с чисто военной стороны. Взятие и потеря столицы всегда в истории войн имели огромное значение, а иногда определяли окончание вооруженной борьбы за интересы государства, так как столица с военной точки зрения является одной из основных организационных и снабжающих баз вооруженной силы страны. Обеспечение этой базы есть неременное условие вооруженной мощи государства и с этой точки зрения представляется совершенно необходимой.

Можно ли считать безопасной основную базу военной силы, в 35 верстах от которой возможный противник располагает такими путями сообщения, которых мы лишены, так как никакая сеть железных дорог по своим свойствам не выдерживает сравнения с морскими сообщениями.

Вооруженные силы Государства, обеспечивающие его безопасность на западной границе, имеют у себя на фланге и в тылу море, обладание которым находится теперь не в наших руках; только надежная сила, способная поколебать это обладание, может дать уверенность нашей армии, что она не получит удара с моря, который может поставить ее в положение, хотя бы характеризующее переменной операционного фронта и неизбежностью принять на собственной территории последствия всей тяжести современной вооруженной борьбы.

Здесь я коснулся уже специального, так сказать, сухопутного, военного вопроса, но я не намерен вторгаться в область чужой компетенции и буду рассматривать этот вопрос постольку, поскольку он связан с морской стратегией. Я обращаю внимание, что массовые перевозки войск морем и операции вторжения вооруженной силой со стороны морских границ получают с каждым днем все большее и большее значение — это явное следствие свойств моря, как путей сообщения, о которых я упоминал выше.

Коммерческий флот возможного противника и повелителя Балтийского моря дает ему возможность нанести тяжкие и неотвратимые удары в этом смысле. Операциям вторжения с моря на балтийских морских границах благоприятствует политическая обстановка Прибалтийского края и Финляндии.

Элементарная истина стратегии определенно указывает, что сосредоточие силы, сама мобилизация у нас в силу особых географических условий будет протекать всегда медленнее, чем у нашего соседа. При угрозе с моря со стороны противника, который мобилизует свои силы скорее нас, не может быть уверенности, что мы в состоянии будем произвести развертывание наших армий на западном сухопутном фронте в той мере, в какой этого потребует обстановка войны.

Но, допуская даже существование 2-й новой армии, мы неизбежно принимаем пассивное положение в борьбе, неизбежно влекущее за собой поражение, не говоря уже о последствиях борьбы на собственной территории.

Действительно, существует тенденция вести борьбу начиная с отступления внутри государства, с применением во всем объеме стратегии терпения; я не берусь судить, к чему приведет эта стратегия на сухопутном фронте, но знаю, что на морском она кончится весьма плачевно.

Если стратегические соображения основываются на разорении собственной территории, то едва ли их можно признать целесообразными — мы знаем хорошо, что такая стратегия оканчивается не всегда Бородиным, но и Мукденом. Но было бы ошибочным рассматривать вооруженную морскую силу исключительно как средство обеспечения тыла и фланга нашей армии на западной границе: на западном фронте Империи мы имеем и сухопутные, и морские границы; последние могут быть целесообразно обеспечены только флотом, как сухопутные — только армией, а наличие одной из этих вооруженных сил страны не может в полной мере создать государственную безопасность и политическую независимость.

Политическая оценка прибалтийских государств, нашего прибалтийского края и Финляндии только усиливает значение вышеизложенного, подчеркивая исключительную важность надежной охраны наших балтийских морских границ, которая может быть достигнута только наличием вооруженной морской силы.

Кроме Германии мы имеем на Балтийском театре исторического векового врага — Швецию. В силу естественных последствий обладания морем политика Швеции в настоящее время подчинена политике Германии, и ее вооруженные морские силы, специализированные для действия в шкерных районах балтийского бассейна, явятся грозным резервом германского флота, представляя уже теперь сами по себе силу, которую мы при нашем бессилии не можем игнорировать.

Я позволю привести слова генерала Бобрикова, характеризующие политическое положение вещей на Балтийском театре: «Переход господства на Балтийском море к Германии является уже свершившимся фактом. Вся политическая система на этом бассейне нарушена, и если последствия нового строя вещей еще не осязательны, тем не менее они громадны, как создающие почву к нравственному подчинению Швеции Берлину и, в связи с этим, тяготению Финляндии к новому владыке. Отсюда с достаточной легкостью обрисовываются тяжелые для нас результаты, которыми может сопровождаться одно промедление в воссоздании балтийской боевой эскадры».

Эти слова были сказаны 18 лет назад и, к несчастью, сохраняют полную свою силу в настоящие дни.

Я не буду касаться весьма деликатных по существу вещей, которые к тому же хорошо всем известны, но, взглядываясь в то, что происходит на берегах Финского и Ботнического заливов, невольно вспоминаешь о «тяжелых последствиях» потери обладания Балтийским морем.

Политическое значение морской силы на Балтике ввиду расположения на этом бассейне сильнейшей державы, управляющей политикой всего мира, очевидно.

Вступая в непосредственную связь и так или иначе реагируя на вооруженную силу одной мировой державы, мы тем самым обеспечиваем значение нашей политики во всем мире; и безопасность наших границ на Японском море и, быть может, на Черном будет всегда стоять в зависимости от основания всякой политики — вооруженной силы на Балтийском море.

Но, придавая политическому влиянию морской силы даже второстепенное значение, мы видим, что наши прибалтийские морские границы представляются во всех отношениях самыми опасными, а потому требующими создания такой силы, которая могла бы поколебать обладание морем и быть способной хотя бы к борьбе за обладание в течение известного периода военных действий.

Наше политическое могущество 200 лет назад создалось на водах Балтики, и нет решительно никаких оснований думать, что за этот период значение Балтийского моря для нас утратилось. Исходя поэтому из оснований государственной безопасности и независимости его политики, следует признать, что вооруженная морская сила должна быть создаваема на Балтийском море.

Я рассматривал вопрос о создании морской вооруженной силы только с точки зрения оборонительной политики, но если бы отечество наше и вступило на путь агрессивной политики, разрешаемой применением силы, т.е. пожелало бы осуществить фактическое обладание водами Тихого океана, омывающими наши восточные границы, или приступить к решению задач Ближнего Востока, то сила для этих целей должна быть создаваема на стапелях Петербурга. Вопрос о свойствах и особенностях этой силы есть вопрос чисто технический и близость разрешения его не подлежит сомнению, а с ним попутно утратится и значение изолированности наших морских театров.

Всякая вооруженная сила слагается из трех основных элементов: средств нападения, средств защиты и средств передвижения, обеспечивающих приложение силы в известное время в известном месте.

Применение этих элементов в морской войне создало военный корабль, как боевую единицу; определенные сочетания которых совместно со всеми средствами, обеспечивающими успешную их деятельность, принято называть флотом.

Эволюция морской силы за все время истории морских войн заключалась в развитии, с одной стороны, численности боевых единиц, а с другой — усилении их элементов нападения, защиты и передвижения. Таким образом выработался тип боевого корабля, если так можно выразиться, *par excellence*, представляющий собой возможный в данное время компромисс между этими тремя элементами, ограниченными размерами корабля, в свою очередь определяемыми техническими и военными условиями времени.

Неизбежный закон эволюции силы в смысле численности боевых единиц — выработать понятие о строе или боевой линии; и эта единица получила название *«линейного корабля»*.

Таким образом, исторически сложился тип судна, в котором сосредотачивались максимумы средств нападения, защиты и неподвижности при неизбежном, как уже сказано, компромиссе.

Вековая практика цивилизованного мира в борьбе на море и суше уяснила сущность этой борьбы и указала, что объектом вооруженной силы является всегда вооруженная сила противника и целью всякой войны является уничтожение этих вооруженных сил. Отсюда проистекает подразделение операции на главные и второстепенные или вспомогательные.

Главной и основной операцией морской войны есть бой с вооруженными силами противника, и линейный корабль строился и строится для этой единственной цели. Сущность этой главной операции заключается в том, что она определяет собой все последующие второстепенные операции: десантную, блокадную, крейсерскую и т.д., тогда как последние или невозможны до решения первой или теряют смысл после ее выяснения.

Наряду с боем вооруженных сил военно-морское искусство выдвинуло еще две операции, непосредственно связанные с боем, предшествующую и сопровождающую его: это разведка, т.е. поиски объекта боя и определение силы этого объекта, и эксплуатация победы, т.е. использование результатов ее в смысле преследования с целью окончательного и совершенного уничтожения противника.

Значение разведки и эксплуатации победы сохраняет полную свою силу и в отрицательном смысле, т.е., если данная сила желает почему-либо избежать невыгодного боя, или воспрепятствовать противнику использовать победу при неудачном для этой силы исходе боя.

Значение этих операций определяется достаточно ясно словами Нельсона: эскадра, не имеющая разведчиков и желающая вступить в бой, находится всегда в заблуждении, если же она имеет основания уклоняться от боя — то она находится в опасном положении.

Школа Мольтке определила значение эксплуатации победы, высказав, что «основательное преследование плодотворнее новой победы».

Совместимы ли требования, предъявляемые разведкой и эксплуатацией победы к линейному кораблю, строящемуся только для боя? Есть сторонники взглядов, что это так: идея универсального *«navigate de combat»*, создавшаяся под давлением экономических соображений, действительно существует, но практика последних войн и маневров отвергает целесообразность такой универсальности. Разведка прежде всего подразделяется на две операции: освещение местности в смысле поисков

неприятеля, требующее численности разведчиков, и разведка с боем для определения действительной силы предположительного объекта боя. Основное требование, предъявляемое разведкой, есть большой ход и радиус действия и отделение для целей разведки линейных судов, во-первых, связало бы главные силы в смысле скорости, получаемой такой дорогой ценой и имеющей не только тактическое, но и стратегическое значение, во-вторых, привело бы к разделению главных сил и противоречило бы принципу сосредоточения этих сил к началу боя и, в-третьих, отразилось бы на элементах нападения и защиты судов, так как всякое судно есть компромисс и увеличить один его элемент нельзя без ущерба другим; единственный вывод может быть бы: увеличение водоизмещения универсальных «*neviere de combat*» до громадных размеров, что оказалось бы невыгодным с экономической точки зрения и всегда противоречило бы требованию численности разведчиков — осветителей местности.

Поэтому строго логическими типами военных судов, вытекающими из сущности морской войны, являются: броненосный крейсер и легкий крейсер-разведчик.

Современный броненосный крейсер представляет собой тот же линейный корабль, того же водоизмещения, с такой же по качествам артиллерией и системой бронирования, но с большим ходом и радиусом действия или угольными запасами, а потому с несколько ослабленными элементами нападения (т.е. меньшим числом орудий) и защиты, т.е. толщиной броневое прикрытия. Броненосный крейсер, имея своей задачей разведку с боем, является также частью главных сил эскадры и принимает участие в линейном бою, но не в общем строе линейных кораблей, а в самостоятельной линии для использования в бою драгоценного преимущества хода, элемента с тактической точки зрения двойственного, повышающего вообще элементы нападения и защиты и до известной степени восполняющего меньшее число орудий и слабость брони на броненосном крейсере, придавая ему в бою, может быть, эквивалентную силу с линейным кораблем.

Легкий крейсер-разведчик является уже специальным типом судна, в котором элементы нападения и защиты приносятся целиком в жертву скорости и радиусу действия. Требование численности вызывает естественное желание ограничить водоизмещение этого судна, сохранив за ним лучшие мореходные качества. Легкий крейсер является также истребителем неприятельских минных судов, для чего вооружается сравнительно легкой артиллерией. На легкие крейсера возлагается обязанность поддерживать своим огнем минные суда, нести дозорную и охранную службу в море и при стоянках в неукрепленных местах.

Переходя к четвертому типу судов — минным судам — необходимо прежде всего установить сущность этого типа, обуславливаемую свойством оружия — самодвижущейся мины.

Все суда упомянутых типов имеют главным своим вооружением артиллерийские орудия; на минных судах артиллерия играет вспомогательную или второстепенную роль. Самодвижущаяся мина по существу представляет собой такой же метательный заряд как и снаряд, но приспособленный для движения в жидкой среде, а потому поддерживающий свою скорость самостоятельно при помощи собственного двигателя. Совершенно так же, как и снаряд, мина не может изменить приданного ей направления при выстреле, обладая приборами, имеющими назначение только противодействовать отклоняющим причинам и сохранять это направление.

Скорость артиллерийского снаряда в настоящее время можно принять в 3000 футов в секунду, скорость мины, в среднем принимая в 30 узлов, будет около 50 футов в секунду. Дальность, артиллерийского снаряда 120 кабельт., мины — 20 кабельт. Снаряд проходит 20 кабельт. в 4–5 секунд, мина то же расстояние в 4–5 минут.

В современных башнях выстрел 12-д. орудия производится через 40 секунд, в 120-м. — около 10–12 секунд. Для вторичного выстрела миной из аппарата на миноносце, в зависимости от его устройства, требуется от 15 до 30 минут, причем зарядание под выстрелами совершенно невозможно: миноносец должен выйти из сферы огня, зарядить свои аппараты и только тогда повторить атаку. Опыт войны доказывает, что повторная атака тем же миноносцем — вещь совершенно невыполнимая, хотя бы чисто со стороны морального состояния участников атаки.

Так как допустимое среднее расстояние для артиллерийского боя в настоящее время гораздо больше 20 кабельт. (т.е. предела минного выстрела), то применение самодвижущейся мины в начале артиллерийского боя является невозможным.

Поэтому для того, чтобы использовать самодвижущуюся мину, точнее, ее высокое разрушительное действие по подводной небронированной части корабля, выработался с первых же дней появления этого оружия специальный тип судна на следующих принципах: малая величина, а, следовательно, размеры цели, подвижность и атака одного объекта относительно большим числом, с пожертвованием основного элемента защиты — брони. Постепенное повышение требования подвижности, а также мореходности привели тип минного судна к так называемому эскадренному миноносцу, в настоящее время определяемому тоннажем 500–1000 тонн при скорости 30–35 узлов.

Неумолимый закон компромисса между требованиями, предъявляемыми к каждому кораблю, не позволяет ограничить современное минное судно меньшими размерами, хотя с первого взгляда эти

размеры, казалось бы, противоречили требованию малой видимости и небольшой поражаемой поверхности.

Артиллерийская техника ответила на появление самодвижущейся мины целым рядом специальных противоминных скорострельных орудий, заставивших принять в тактике минных судов для использования своего оружия принцип внезапности, т.е. атаку в ночное время, в тумане и прочее. Для парализования возможности применения этого принципа являлась сторожевая и охранная служба и целый ряд специальных, более или менее удовлетворительных, технических предложений. Признается, во всяком случае, одна непреложная истина, являющаяся выводом из опыта всех последних войн: открытая дневная атака минными судами артиллерийских платформ невозможна и может быть допустима только после артиллерийского боя по отношению к противнику, элементы нападения коего и ход ослаблены.

Уже из простого рассмотрения свойств мины как метательного оружия и качеств минных судов можно определенно высказать положение, что самодвижущаяся мина является оружием второстепенным, применение коего ограничивается либо результатами боя, либо условиями применения принципа внезапности. Следует всегда помнить, что если атакуемое судно не видит миноносца, то миноносец совершенно также не видит объекта своего нападения, поэтому если даже допустить, что при дальности стрельбы в 20 кабельт. прожекторы не откроют миноносца, то миноносец с этого же расстояния не увидит цели. Требования хода и мореходности так велики, что пришлось уже на минных судах совершенно отказаться от идеи невидимости, обуславливаемой небольшими размерами. Тем не менее упомянутая выше эксплуатация победы, устанавливаемой артиллерийским боем, стоит второй победы и для нее к трем типам боевых судов придают четвертый тип, «эскадренного миноносца». Поэтому роль минного судна остается чрезвычайно важной, особенно, если вспомнить, что принцип эксплуатации победы имеет и, так сказать, отрицательное значение: противодействовать победившему противнику, помешать ему использовать результаты своей победы и основательным преследованием достигнуть немедленно второй. <...>

После Цусимского боя при эксплуатации победы взорваны и потоплены отдельные суда, не охраняемые ни крейсерами, ни миноносцами, светившие прожекторами, суда, совершенно лишенные возможности сопротивляться (например «Суворов») или подбитые тихоходные старые корабли («Сисой Великий», «Наварин», «Нахимов» и «Владимир Мономах»)

Вывод из всего боевого опыта следующий: самодвижущуюся мину можно применить только случайно, при отсутствии надлежащей охраны и с весьма вероятным успехом после боя на ослабленные боем суда для эксплуатации одержанной уже победы. <...>

Подводная лодка, вероятно, в будущем заменит современный эскадренный миноносец, и это случится тогда, когда ее надводная скорость и радиус надводного плавания будут не меньше скорости *линейных кораблей*, что даст возможность подводным лодкам сопровождать эскадру. О подводных лодках мне придется говорить ниже.

Итак, на основании принципов морской стратегии вооруженная морская сила дифференцируется на четыре основные типа: линейный корабль, броненосный крейсер, легкий крейсер и эскадренный миноносец, причем два первые типа являются судами боевой линии, а два вторые получают самостоятельное крайне важное значение в разведке и эксплуатации победы.

Такая вооруженная морская сила является исторически сложившейся, основывающейся на стратегических положениях, остающихся, вообще говоря, неизменными, так как стратегия есть учение о борьбе, и до тех пор, пока будет существовать борьба, будут сохранять значение и ее основные принципы.

В первой части настоящей статьи я указывал на глубокую ошибку понятия об «оборонительной силе», в частности «оборонительном флоте». Только глубокое падение понимания военного искусства, идей военных, короче говоря, невежество, могло создать представление о какой-то обороне, как совокупности сил и средств, способных противостоять факторам наступления. Понятие об оборонительной политике распространилось на понятие о методах ведения борьбы и, к сожалению, стоило нам многих миллионов на создание средств, которых применение воистину оказалось «покушением с негодными средствами». Тем не менее, совершенно не считаясь ни с опытом войны, не говоря уже о военной науке, ни с примерами иностранных государств, мы слышим постоянные голоса о том, что единственную форму вооруженной морской силы — линейный флот — можно с успехом заменить каким-то суррогатом, основное достоинство которого лежит в большей экономичности средств, потребных на его создание. Тяжкое финансовое положение нашей родины, конечно, способствует особенно легкому восприятию идей, в основание которых положен принцип «экономичности», а потому вопрос об этих суррогатных силах, называемых оборонительным или специальным флотом, приходится разбирать в зависимости от того, можно ли противопоставить эту фальсификацию реальной силе — линейному флоту, так как ни одна из великих держав, претендующих на это звание, в случае борьбы с нами не явится на театре войны без линейного флота. Я начну с рассмотрения типа судов, известных под именем броненосцев береговой обороны.

Под броненосцем береговой обороны подразумеваются суда с ограниченным водоизмещением, осадкой, скоростью, радиусом действия, но вооруженные артиллерией крупного калибра и защищенные броней, способной выдерживать удары такой артиллерии.

Разбирать стратегические качества таких судов не приходится, так как существование вооруженной силы, специализированной для пассивной обороны, противоречит основному принципу стратегии: обороняться всегда активно.

Вооруженная сила, обладающая малой подвижностью и ограниченным радиусом действия, с точки зрения стратегии не может быть целесообразной. <...>

При рассмотрении вопроса об эскадренных миноносцах я указывал, что теоретически и практически на основании опыта всех войн самодвигающаяся мина является в настоящее время оружием второстепенным, оружием случайного использования, кроме эксплуатации победы, когда ослабленные артиллерийским боем суда могут явиться объектом для минной атаки; атака при этом условии всегда предполагается более или менее значительной группой минных судов с выбрасыванием возможно большего числа мин, когда только и может быть вероятность успеха. Что же касается неподготовленных боем минных атак, то они являются чистой случайностью, да и то только при условии темного времени, так как дневная атака признается в этом случае совершенно невыполнимой. Я указывал также, что эта операция весьма сомнительная, и атака признается в этом случае совершенно невыполнимой. Я указывал также, что эта операция всегда сомнительная, и атака Артурской эскадры 27 января 1904 года ясно это подтверждает. Наша эскадра стояла так, чтобы быть утопленной без остатка, на деле же — 3 выведенные из строя корабля. Нельзя еще не обратить внимание, что рекомендуемый некоторыми минный флот бессильен в широтах Балтийского моря, когда в течение трех летних месяцев совершенно светло, а стало быть, минные атаки являются невозможными. Также неприменимыми являются минные суда в ранние периоды навигации или при начале замерзания, когда в море можно встретить плавающий лед в формах, совершенно не препятствующих операциям судов других типов. Шкерная полоса Финского залива очень мало благоприятствует применению необходимого для минной атаки принципа внезапности. Тот, кто ссылается на удобство шкер в этом смысле, попросту их не видел и имеет ложное представление о них. Шкеры имеют стратегическое значение как пути сообщения хотя бы для тех же минных судов, но тактическое значение принадлежит лишь немногим пунктам, как, например, во всех шкерах Финского залива имеются только две позиции (причем одна доступна только для очень небольших судов), пользуясь которыми можно, при известной оплошности неприятеля, применить принцип внезапности. Я уже указывал, что постепенное увеличение хода, дошедшее до 36 узлов, и требование мореходности довели минные суда до водоизмещения в 1000 и даже 1900 тонн, причем эти уже большие суда представляют тонкую коробку, 3/4 объема которой заняты котлами и механизмами. Длина таких судов будет уже более 350 футов, и какая-нибудь ночная атака на судах этих типов явится невыполнимой.

Представить себе группу из 9-ти (современная минная дивизия) или даже из 4-х судов, идущих в темное время на 30–35 узлов атаковать неприятеля, совершенно нельзя, и только специализацией этих судов для нанесения окончательного удара ослабленному бою противнику можно объяснить их проектирование и постройку.

Лично я считаю такой тип судов мало пригодным для военных действий; эскадренный миноносец не должен переходить предела водоизмещения, за которым явится неудобство управления группами этих судов, да и по основной идее минного судна оно должно быть ограниченного водоизмещения. Появление легких крейсеров — истребителей минных судов по существу с 27-узл. ходом, заставляет увеличить ход, а стало быть, и водоизмещение объектов этих крейсеров, в ущерб управляемости, малой цели и прочих свойств.

Подводная лодка, являясь миноносцем *par excellence*, как бы указывает на путь, по которому и должны будут пойти минные суда. Артиллерийская техника сделала невозможной дневную минную атаку на безбронном корабле в 1900 тонн, и мина Уайтхеда вновь получила свое значение на подводном судне, весьма далеком в настоящее время даже от того, чтобы признать надводные минные суда излишними, не говоря уже о других типах судов.

Действительно, современная артиллерийская техника решительно исключает возможность активного действия всякого безбронного судна; мы видели также, что современные минные суда приняли такие размеры, что использование при помощи их принципа внезапности становится почти невозможным, и остается только логическое применение их после артиллерийского боя, когда явится надежда на ослабление противоминной артиллерии боевых судов. Подводная лодка является как бы естественным противовесом нарушениям требований со стороны элемента защиты наблюдаемого в минных судах, и этот элемент у нее выполнен и поставлен на первое место, но неумолимый закон компромисса сказался во всей своей силе. Подводная лодка своим свойством погружаться под воду до некоторой степени обеспечена в смысле защиты от артиллерийского огня; малая видимость ее, казалось бы, благоприятствует использованию принципа внезапности, но в настоящее время она не имеет достаточно хода ни в надводном, ни в подводном состоянии. Я не буду вдаваться в разбор,

почему это так, но практически современная подводная лодка обладает 15-узл. ходом на поверхности и 10-узл. ходом под водой, и в этом-то и заключается ее слабость. Ведь ход для минного судна необходим для выбора позиции по отношению к противнику, обладающему ходом до 22 узлов (линейные корабли) и даже 26 (броненосные крейсера). В этом весь смысл каждого узла, который такой ценой достигается на современных судах; ради одного узла жертвуется толщина брони и артиллерийское вооружение, ради скорости минные суда дошли едва ли не до абсурдных размеров в 1900 тонн, а подводные лодки ходят 7–8 узлов и 12–13 над водой. <...>

Подводная лодка в определенном районе может маневрировать только в единственном числе, не рискуя столкнуться с себе подобной. Что же представляет в действительности подводная лодка: подводная лодка представляет собой средства для применения мины Уайтхеда, оружия второстепенного значения, с малой подвижностью, в силу которой она получает значение чисто позиционное, т.е. тактика современной подводной лодки заключается в выборе известного ограниченного маневренного района, в котором она действует в единственном числе. Современная подводная лодка с боевой точки зрения является миной заграждения с увеличенным радиусом вероятного действия, определяемым указанным районом. И в этой роли она является достаточно грозным оружием, чтобы признать полную законность его существования. Что же касается самостоятельности ее действий в открытом море в качестве главного агента войны, то ясно, что лодка до этого еще не доросла, да и вряд ли когда-нибудь дорастет. Подводная лодка в открытом море слепа, слепа в стратегическом отношении, так как произвести разведку она не может по многим причинам, из которых первая — что у нее нет хода, а вторая — нет средств связи, которые находятся только в периоде разработки. Какую разведку может сделать 15-узл. минное судно, у которого высота глаза наблюдателя несколько футов, да еще в сколько-нибудь свежую погоду; можно, скажут, вести разведку, смотря в иллюминаторы боевой рубки или, может быть, в перископ! Впрочем, сторонники «исключительно» подводного флота признают, что нужны надводные разведчики; одни рекомендуют эскадренные миноносцы, даже до 2000 т. водоизмещения, другие — легкие крейсера в 3000–4000 т., третьи — броненосные крейсера типа *Inflexible*, четвертые — комбинацию из всех этих судов (я не говорю уже о дирижаблях с пулеметами и воздушными минами).

Оставляя в стороне вопрос о связи полной разведки броненосцами и легкими крейсерами с подводными лодками, которая существует пока только в воображении, я замечу, что если для опоры броненосных крейсеров присоединить еще несколько линейных кораблей, то получится современная вооруженная морская сила в полном составе и подводная лодка приобретает тогда весьма важное значение, особенно когда линейные корабли подготовят соответствующим образом противника или своим маневрированием заставят его наткнуться на позиционный район с подводными лодками.

Идея замены современного линейного флота подводным, не имеющим пока никакого боевого опыта, может увлечь только дилетантов военного дела, да и то смотрящих на это дело с экономической точки зрения.

Ни в одном из флотов великих держав развитие техники подводного плавания не оказало никакого заметного влияния на постройку линейного флота — явилось новое применение мины Уайтхеда, которое все признали полезным и даже необходимым, но нигде не нашлось серьезных оснований для замены подводными лодками даже надводных минных судов. И надо признать за истину, что надводное минное судно даже в форме 2000 тонн миноносца имеет пока тактические и стратегические преимущества, что замена его подводной лодкой в настоящее время была бы недопустима. Тридцать лет назад совершенно такое же значение придавалось только что появившимся специальным минным судам, которые при состоянии артиллерийской техники того времени составляли серьезную угрозу артиллерийской платформе, но на наших глазах прошла вся эволюция артиллерийской и минной тактики и одно оружие ни мало не исключает в настоящее время другое.

Итак, современная вооруженная морская сила складывается из целого ряда специализированных более или менее судов с основанием в виде линейных кораблей и броненосных крейсеров большого водоизмещения с придачей к ним известного числа легких крейсеров, эскадренных миноносцев и специальных типов заградителей и подводных лодок. Но эти суда являются только боевой частью флота; для обслуживания ее существует отдельная группа типов более или менее специализированных судов, посыльных для службы связи, транспортов-мастерских, угольных, водяных и провизионных для боевых запасов, минных, боновых для постановки заграждений на неохранных рейдах, плавучих госпиталей и прочих. Число их и размеры определяются назначением эскадры боевых судов и условиями операций; вообще же к судам, обслуживающим боевой флот, предъявляется требование большого хода и большого водоизмещения, без которого немыслима достаточная автономность этих судов, которые ни в каком случае не должны стеснять обслуживаемую эскадру. Наконец, эскадра должна иметь надежные базы-порты с доками, мастерскими, складами и всеми ремонтными средствами, причем базы эти должны быть защищены и обеспечены от всяких покушений как с моря, так и с суши.

Сложность механизма современной морской войны обыкновенно и является главным основанием для изыскания средств упрощения, причем авторы этих упрощений забывают обыкновенно, что такое морская война на деле и создают в своей фантазии такую совокупность операций, которой в действительности не бывает.

Положим, что мы захотели бы ограничиться частью указанной морской силы и создали бы хотя один минный флот. Неприятель, располагающий линейным флотом, конечно, не стал бы посылать против этого флота линейные корабли, а высылал бы легкие крейсера и минные суда, которые бы и уничтожили минный флот, существующий без поддержки; если бы мы придали к минным судам легкие крейсера, неприятель придал бы к соответствующим типам броненосные крейсера, с которыми легкие крейсера были бы бессильны и т.д.

С подводным флотом дело обстояло бы совершенно так же, особенно беря современную, а не ображаемую подводную лодку...

Надо решить задачу за противника — и это единственное средство выяснить сущность того или другого военного вопроса, опираясь при этом в стратегических соображениях на свойства театра и маневры, а в тактике — преимущественно на опыт войны.

Какой же флот нужен России? России нужна реальная морская сила, на которой могла бы быть основана неприкосновенность ее морских границ и на которую могла бы опереться независимая политика, достойная великой державы, т.е. такая политика, которая в необходимом случае получает подтверждение в виде успешной войны.

Эта реальная сила лежит в линейном флоте и только в нем, по крайней мере, в настоящее время мы не можем говорить о чем-либо другом. Если России суждено играть роль великой державы — она будет иметь линейный флот, как неперемное условие этого положения. Перед нами теперь стоит этот вопрос во всей его сложности, со всей тяжестью громадных материальных, я скажу, не затрат, а жертв, и, решаясь принести эти жертвы, надо не верить, а знать, что результатом их явится действительная сила. Ограничивая временно значение морской силы под давлением условий внутреннего состояния государственного, следует ограничить до известного предела размеры создаваемой силы, не изменяя ее качественно.

Беря на себя смелость отрицать, хотя бы в настоящее время, необходимость вооруженной силы, надо идти до конца и отрицать всякий флот, ибо создание фиктивной силы в виде специального минного или подводного флота чрезвычайно дорого — при нашем положении государственном мы не имеем права тратить десятки миллионов на опыты и основывать хотя бы часть государственного бытия на сомнительной или заведомо неудовлетворительной силе.

Никакая отрасль или часть проявления государственной жизни не может быть даже временно приостановлена без ущерба всему целому, и никакими финансовыми затруднениями нельзя оправдать сознательное отречение от неприкосновенности и политической независимости, достигаемой правильным соотношением и развитием сухопутных и морских вооруженных сил.

Эта морская сила должна быть и будет в форме линейного флота; нашему отечеству предстоит выполнить огромную задачу его создания, которое должно быть произведено одновременно во всех частях сложного механизма флота, так как только при этом условии можно будет рассчитывать на результаты, достойные цели.

М. Меньшиков

ЕСТЬ ЛИ У НАС ФЛОТ?

Полгода войны — и невольно возвращаешься к центральному ее условию, к слабости нашего флота. Как это в самом деле случилось, что мы оказались на море слабее самой молодой, едва лишь возникшей морской державы? Я не знаю, как это случилось, но ясно, что пора колебаний прошла и надо из всех возможных сил спешить, дорожа каждой секундой, чтобы поправить дело. Подумайте только: будь у нас пятью шестью броненосцами больше, и Япония или не рискнула бы броситься в эту войну, или была бы наголову разбита при первом же столкновении. Война, которая уже тянется шесть месяцев и кажется едва начавшейся, война, которая проглотила уже многие тысячи жизни и сотни миллионов денег, эта кошмарная по жестокости война могла бы закончиться в три часа. Потеряв флот, Япония не могла бы высадить ни одного солдата, — вот и войне конец. Блистательный отпор разбойничьему набегу обезопасил бы нас надолго, на полстолетия со стороны Японии; такой отпор был бы внушителен и для Китая, и для тех стран, уважение которых приобретает силу. Те колоссальные средства, которые потребует эта война, могли бы быть употреблены на дальнейшее обеспечение мира, на столь необходимое вооружение и не менее необходимые внутренние реформы. *Какой это, значит, был печальный промах — отстать в морской обороне своей и замешкаться с новым флотом.* За границей ходит легенда о завещании Петра Великого. Какой вздор, никакого завещания нет, а если была когда-то великая жизнь, похожая на вечное завещание России, то мы позабыли о ней и пренебрегли ею.

Весь подвиг Петра Великого был в том, чтобы дать России *морское могущество*, чтобы вывести ее из континентального заточения, из огады пустынь и тундры, выпустить на простор океанов, на приволье планетной жизни. Петр обладал, как истинно государственный человек, сознанием историческим; как царь, голова и сердце своего народа, он почувствовал, что великое племя наше заблудилось среди пустынь, что неизмеримый материк слишком бесповоротно втягивает в себя, засасывает Россию, что Россия прямо тонет в своей земле. Сверхчеловеческой волей Петр рванул Москву из этой континентальной пучины к морю, на спасительный морской берег, и тем уберег ее от участи Персии или Бухары. *Петр догадался, что даже огромный народ только тогда может быть великим, когда живет всесветной жизнью, а для этого ему нужны ворота в море.* Петр, как гигант в тюрьме, стучался во все страны, пока не вышиб «окно в Европу» вместе со ставнями и железными клетками. Окно — еще не ворота, но Петр надеялся, что Россия его поддержит и хоть через столетия добьется свободных океанов. Петр всем существом своим чувствовал, что океаны необходимы, он видел, что замкнутой, захолустной жизни конец, он оценил движение европейских народов к Америке, Африке и Индии, он видел, что царствующая на земле раса выступила в великий, окончательный поход — на завоевание всей земли, и он боялся, чтобы народ русский не отстал в своей судьбе. Петр не мечтал о покорении народов, как гласит легенда, но святая его мечта была обеспечить своему народу достойный его удел. Во всемирном владычестве России должен быть представлен пай, и Петр спешил развернуть все — уже и тогда исполинские — силы нашего племени и поставить последнее во весь рост.

Армия и флот — вот две печали великого царя, две его тревоги, две влюбленности: обоим он посвятил лучшую часть души своей, а особенно флоту. Особенно флоту, ибо чувствовал, что если армия обеспечивает замкнутую независимость, то *только флот дает стране условия мировой, международной жизни.* Отсюда построение Петербурга и безмерные труды по постройке и организации флота. Не имея возможности вытащить на морской берег тонущую в материке Московию, Петр вытаскивал на этот берег голову народного тела — столицу и ее руки — войско и флот. В тот изнеженный век, когда короли вели жизнь богов Олимпа, царь отправился, скандализируя весь свет, к голландским плотникам, схватился за топор, за кузнечный молот. Он заставил вельмож учиться кораблестроению, он ездил за тысячи верст по трясинам и пескам осматривать корабельные леса, он самолично считал плоты и тесал бревна, он холодной осенью вставал до солнца и лазил с фонарем по верфям, внося с собой энергию, одушевление, самопожертвование. Корабли были готовы, он вооружал их с лихорадочной поспешностью и самолично выходил в тогдашнее неисследованное море на тогдашних парусниках, похожих на душегубки. Целое лето, обратите на это внимание, целое лето Петр проводил в крейсерстве по Финскому заливу, тысячу раз рискуя разбиться и терпя всевозможные лишения, питаясь, может быть, солониной и скверным пивом. Что же заставляло великого царя под старость лет, уже на шестом десятке, ломать свои больные кости и нести все эти невзгоды? Да не что иное, кроме необходимости вымостить как следует команду и офицеров, наладить не на бумаге только, а в самой действительности то, что Петр считал «левой рукой» России — флот.

Если бы с той же энергией Россия продолжала развивать свой флот, за эти двести лет мы были бы, может быть, такой же морской державой, как Англия. Почему нет? Раз хорошо налаженный флот не требует чрезмерных расходов; наконец даже чрезмерные расходы, как у Англии, могли бы окупиться из чрезмерных доходов, приносимых колониями. У нас колоний сейчас никаких нет, но *если бы мы поняли жизнь Петра как его завещание, если бы поняли в свое время роль флота, мы имели бы в своем обладании может быть половину тех материков, какими владеет Англия и, собственно, коренной России огромный флот не стоил бы ни гроша. Глубокое наше несчастье в том, что с Петром погасли почти все его великие замыслы.* Невероятно до какой степени флот наш упал к временам Екатерины и затем после нее. В двухсотлетней истории нашего флота есть несколько блестящих страниц, но в общем это крайне грустная история, история функции, целые века зачаточной, не развившейся, заглохшей до своего расцвета. Еще первое свое столетие флот кое-что значил и, главным образом, при Петре. Но потом? Потом флот наш прятался за крепостями, и только в мирное время по морям и океанам Бог весть зачем «показывали наш флаг». Я около двадцати лет близко наблюдал наш флот. Я тысячу раз спрашивал себя: зачем России такой флот, каким она владеет? И ни разу не мог даже приблизительно ответить на этот вопрос. По моему глубокому убеждению, оружие только тогда оружие, когда оно отвечает цели, когда оно по количеству и качеству наилучшее оружие своей эпохи. Рыцарское копье или даже кремневый аркебуз — вовсе не оружие, раз неприятель вооружен магазинной винтовкой. Наши мониторы, броненосные батареи, канонерские лодки, старые броненосные фрегаты и т.п. — это вовсе не флот, это привидение, требующее, однако, солидных ассигновок. Сколько бы десятков лет ни держалось на воде это плавающее недоразумение, его приходится прятать тотчас, как только потребуются действительные услуги флота. Два раза — в 1878 и 1885 году — накануне разрыва с Англией, мне приходилось идти в море на кораблях вот этого типа. Помню, я испытывал отвратительное чувство, чувство полной беспомощности. А если бы из списков флота повычеркнуть все эти фиктивные архаические «единицы», то собственно боевых, действительно сильных судов не набралось бы (в мое время) и десятка. *Не знаменательно ли, что за все столетие во всех наших войнах, кроме двух-трех блестящих, но, откровенно сказать, бесполезных подвигов, флоту не пришлось играть ровно никакой роли? Не характерно ли, что даже черноморский флот, флот адмиралов-героев, нам пришлось потопить собственными руками, ибо иной защиты парусные корабли не могли дать против паровых? Между тем отсутствие флота не только лишило нас морской обороны, но прямо вызвало появление целого ряда новых врагов.* Наша беззащитность на море была великим соблазном, раздражившим аппетиты Англии, Соединенных Штатов, Японии. О, если бы мы владели сильным флотом! С нами та же Англия обходилась бы по крайней мере с той же корректностью, с какой она относится к Франции. Придерживаясь сравнения Петра Великого, Россия напоминает сильного человека, но без левой руки. Однорукого же и слабый человек иной раз поталкивает; для такого и Япония серьезный враг. <...>

Выход, мне кажется, единственный — вернуться к практике Петра Великого. О, не во всем, конечно, на что же ни будь мы прожили два века, кое-что приобрели. Не в первобытном, ясном как весенний день, уме великого создателя *были* государственные начала, *сообразные с самой природой.* Недаром Екатерина II при каждом своем замысле неизменно справлялась, что делал в подобном случае Петр. При создании флота Петр крайне нуждался в офицерах, но ему и в голову не приходил сословный ценз. Он брал даровитых людей отовсюду, где их мог найти, и в тот век жестокого правления ставил прапорщика из крестьян выше родовитого человека. Петр тоже требовал ценза, но как Наполеон — ценза действительного таланта, действительной заслуги. Пирожник выходил в князя, еврей-звукрест — в бароны и т.д. Мне кажется, этот великий принцип однажды уже спас Россию, он мог бы послужить ей и теперь. Нет людей, но кликните клич, люди явятся. В океане-то земли русской да чтобы не нашлись люди! <...>

Ища людей, и Петр Великий прежде всего обращался к тогдашнему высшему сословию, но «господа дворяне» и в то время были избалованы и ленивы и «пребывали в нетях». Петру пришлось, как известно, закрепить дворян государственной службой под страхом отобрания имений и даже лишения живота. Теперь эти меры неприменимы и «нетчиков» ничем не удержишь. Остается искать людей там, где их можно найти. Дайте доступ народу, волна людей сама прихлынет, как та волна талантов, которая не раз выносила Россию из ее тьмы. <...>

Позвольте мне одно смелое слово. Я может быть ошибаюсь, но *мне серьезно кажется, что флота у нас нет.* Как нет флота? Где же он? — спросите вы. И я спрошу: где же он? Если он есть в самой действительности, то где же он был во время Отечественной войны, Крымской, последней Восточной, и где он теперь? *Покажите флот как боевую серьезную государственную силу.* Покажите не вымпела, которых можно нашить и развесить сколько угодно, а пушки, поставленные на современные платформы и имеющие современный ход. Если же действительно, как пишет Макаров, «не с чем встретить неприятеля», то мы возвращаемся к эпохе Петра Великого, и нам надо снова, как и тогда, с отчаянными усилиями создавать то, чего у нас нет. Что же делать, ведь в самом деле с этим шутить нельзя. Мы унижены и оскорблены какой-то жалкой Японией и никак с ней справиться не можем толь-

ко потому, что у нее есть плавающие пушки, а у нас их нет. Не только оскорблены; вслед за Японией встанут другие, которые прямо раздавят нас, если мы не очнемся вовремя и не бросимся наконец к оружию. У нас нет судов, нет офицеров, нет техников, все отстало, все сошло на нет. Но именно потому-то и нужны героические усилия, нужно решение государственное, сообразное с ролью народа нашего на земле. «Нет артиллерии», «нет крейсеров» и пр. Но артиллерией хвастался еще Иван Грозный, и уже давно справляли ее пятисотлетний юбилей. 500 лет! И флоту идет третье столетие. Стало быть, если не хватает артиллерии и флота, мы опять вернулись в допетровские условия (относительно, конечно), и остается одно: с решительностью Петра Великого вновь лихорадочно заводить то, чем нас бьют. Нужна опять великая всенародная страда, опять богатырский подвиг, который потомство благословит. Забыли заветы Петра, надо вспомнить его и поспешить. «Промедление времени смерти невозвратной подобно!», — писал Петр...

* * *

В наших ужасных условиях, когда флот наш уничтожен и создать новый нет ни времени, ни людей, ни средств, — единственное, что сообразно со здравым смыслом, это ограничиться морской обороной. Броненосный флот есть оружие по преимуществу наступательное. Эскадра плавающих крепостей имеет целью разгромить неприятельские берега, их крепости и защищающие их флоты, чтобы сделать допустимым вторжение с моря, высадку десанта. Броненосный флот конвоирует транспорты, нагруженные армией, и доставляет последнюю на место. Есть и другие задачи линейного флота: захват колоний, уничтожение морской торговли противника и пр. Но в наших условиях разве можно думать о том, чтобы делать морские нашествия, высаживать десанты и т.п.? Этого никогда с нашей стороны не было и впредь, вероятно, не будет. Только при Петре I и Екатерине II при помощи флота мы высаживали небольшие десанты (в Финляндии и Греции), но серьезного значения эти высадки не имели. Сейчас мы единственно в чем нуждаемся — это защитить собственные, совершенно открытые берега, и прежде всего — защитить столицу, которую можно взять голыми руками. Будь у нас, как до войны, большой, хотя и отсталый флот, он еще мог бы сразиться с неприятельской эскадрой и помешать десанту. Но ведь никакого флота у нас уже нет, и пора же учесть это ужасное условие во всей его зловещей силе.

Если бы даже вдруг упал с неба миллиард рублей на постройку флота, то следовало бы крепко подумать прежде, чем строить *броненосный флот*. Зачем он нам, если даже в отдаленном будущем мы не мечтаем совершать морских нашествий? Для отражения неприятельских эскадр? Да, — до недавнего времени флот был нужен для этой цели. Еще всего тридцать лет назад, на памяти нынешних моряков, не было иного оружия против флота, как такой же флот. Только у самого берега действовала крепостная артиллерия и плохого устройства мины. Но вот на глазах наших, впервые со времен плавания Ноя на ковчеге, создалась совершенно новая морская сила, которая совершенно ошибочно включается в состав флота. Миноносцы и подводные лодки — это не флот, а именно контрфлот, средство специфическое — как хинин против лихорадки — для отражения флотов и десантов. В эпоху парусную во время боя посылались брандеры, мелкие суда, нагруженные горючими веществами. Их специальная цель была — пристать к неприятельскому кораблю, поджечь себя и поджечь одновременно врага. Вот зародышевый контрфлот. Как нельзя было назвать единицей флота брандеры, так нельзя назвать флотом и миноносцы. Их роль — взорвать неприятельский корабль с громадным риском самим погибнуть.

Едва появился *миноносный контрфлот*, лишь только успели державы настроить сотни миноносков, как в самом этом типе обороны произошла резкая эволюция. Явились подводные лодки. Что такое подводные лодки? Это те же миноносцы, только подводные. С появлением их собственно надводные миноносцы становятся ненужными. В качестве усовершенствованных брандеров достаточны подводные лодки. Вот новый факт огромного, плохо оцениваемого значения! По неодолимой инерции, по рутине, по невежеству и лени старых моряков, по неспособности их вникнуть в новые условия флота — у нас продолжают настаивать на постройке больших броненосцев, продолжают требовать на каждый броненосец столько-то обслуживающих его миноносцев и других мелких судов. Продолжают слепо брать установившийся на Западе тип флота, не беря в расчет ту огромную разницу, что те страны морские, а мы — материк, у тех островные колонии, а у нас их нет, те нуждаются в наступательном флоте и высадке десанта, а мы в них не нуждаемся. Ленивые, лишённые инициативы и патриотизма, морские заправила наши делают то, что не требует ни малейшего усилия. Они смотрят, что за границей полагается по штату: броненосцы? — Давайте ассигновку на броненосцы. Но ведь штаты-то должны быть совсем не те у нас и у соседей. Совсем разные задачи флотов.

В начале прошлой войны, после гибели Макарова, я напоминал об идее великого адмирала. Он проповедовал опасность крупного судостроения и необходимость мелких судов, — он и погиб жертвой того, что так уважал и так страшился — жертвой мины. Я писал тогда, что несколько сот хорошо вооруженных и хорошо тренированных миноносцев обошлись бы России гораздо дешевле, чем броненосный флот и предохранили бы Манчжурию от японской высадки гораздо действительнее. В ре-

зультате войны оказалось, что после бездарности и малодушия наших флотоводцев, наш флот погиб не столько от неприятельских ядер, сколько от мин. Вопреки утверждению г. Добротворского, до сих пор не совсем удостоверено, имели ли японцы подводные лодки или нет. Но то, что у нас их не было — это отразилось печальнейшим образом на исход войны. Подумать только, что Готланд начал строить подводные лодки еще в 1874 году, за тридцать лет до нашей войны! Подумать только, что еще за три года до порт-артурского разгрома тот же Готланд предлагал русскому правительству оборудовать подводный флот из 10 лодок в Порт-Артуре, и предложение его было едва ли даже рассмотрено как следует, — а прямо отклонено! Между тем, имея десяток подводных миноносцев, мы могли бы нанести Японии самое оглушительное поражение, какое видело свет. Вся армада адмирала Того лежала бы теперь на дне Тихого океана, на месте нашей эскадры, похороненной столь бесславно.

Вот в чем ужас русской жизни: великие идеи перехватывают у нас соседи и бьют нас ими прежде, чем мы успеваем опомниться. Идея подводного плавания, поистине великая, возникла очень давно. О ней столько грезят изобретатели и романисты вроде Жюль Верна. О ней думали и могущественные государственные люди вроде великого князя Константина Николаевича. Еще в 60-х годах великий князь протезировал подводную лодку Бауэра. Великий князь был генерал-адмиралом, т.е. сверхминистр в своем ведомстве, его воля была закон. Министерство нашло хороший способ потопить дело: для лучшего будто бы сохранения секрета оно предложило строить лодку... под Иркутском. Кончилось тем, что Бауэру, говорят, едва удалось ноги унести за границу. Тот же великий князь настоял, чтобы достроили известную лодку Александровского. Достроили, но спустили ее, несмотря на протесты изобретателя, на такую глубину, где ее раздавило давлением воды. Сам Александр III заинтересовался подводным плаванием (еще будучи наследником) и настоял на постройке лодок Джевецкого. Построили, стали производить испытания, заметили недостатки и, вместо того, чтобы устранить их, бросили все дело. Так великая идея, которая могла дать нам убийственное оружие против Англии, идея, которая в свое время решила бы для нас восточный вопрос и дальневосточный, была задушена ленивой обструкцией морского министерства, косностью и бездарностью наших парусных адмиралов. Мало того, морское ведомство не только само отказалось от мысли, обещавшей волшебные преимущества, оно побудило правительство выступить вообще против подводных лодок. Когда выяснилось, что подводные лодки не миф и не игрушка, а орудие трагического для англичан значения, в Англии поднялся шум. Начали собираться митинги, которые постановили резолюции против «варварского» будто бы средства войны. И Россия с наивностью, ей свойственной, взяла на себя инициативу поставить этот вопрос на международную почву! Только вмешательство великого князя Александра Михайловича (на основании докладов известного моряка изобретателя Колбасьева) обринуло нашу дипломатию. Дипломатию, но не морское министерство. Видя, что на конференции в Гааге не удалось провалить это дело, т.е. не удалось лишить Россию единственного опасного для ее морских врагов оружия, подводному плаванию у нас дали такое направление, чтобы оставить его навеки слепым. На Западе (кроме Германии) не жалели сил и средств, чтобы создать подводный миноносец. Лебеф настаивал на развитии подводных лодок дальнего плавания, способных врываться в сферу действия броненосцев и крейсеров. Наши же воротилы «под шпилем» вели совсем другую линию. Идея дешевого контрфлота им казалась ужасной по существу. Если бы начали строить только миноносный флот, подводный и надводный, что бы стало с великолепными ассигновками (сразу по 90 мил. руб.?) с чудными заказами (а la Викарс) за границей? с блистательными комиссионными от 10 до 12% на заказ?

Вы скажете: были же однако и у нас опыты с подводными лодками, были свои изобретатели их, например, М.Н. Беклемишев и Е.В. Колбасьев. Морское министерство не только не препятствовало, но оказывало всяческую поддержку... Ох, уж эта «поддержка»! Обоих названных изобретателей я знаю. Господина Беклемишева я помню еще штурманским кадетом. Это человек серьезный, сосредоточенный и, подобно своему брату, Н.Н. Беклемишеву, человек с редкой способностью приобретать знания. Об идее его подводной лодки, разработанной им совместно с г. Бубновым на Балтийском заводе, я пока ничего не скажу. Что касается г. Колбасьева, он мне кажется гораздо менее ученым, нежели г. Беклемишев, но более гениальным в смысле изобретательности, способности нападать на счастливые мысли. Я еще недавно беседовал с г. Колбасьевым. Судьба его, как большинства наших изобретателей, крайне печальна. Это один из множества тех русских людей, которые, рождаясь на свет, плохо выбрали свое отечество. Им бы родиться за границей, в стране с более просвещенным обществом, с более патриотическим правительством, в стране, где выдающегося человека встречают не «миллион терзаний», как Чацкого, а общая поддержка, начиная с высоты. Посмотрите, как Германия горячо откликнулась на несчастье гр. Цеппелина, на гибель его дирижабля! Сразу нашлись в благородной стране и ободряющие слова сочувствия, и миллионы марок помощи. А идея Колбасьева, если бы ее в свое время как следует поддержали, сослужила бы России большую службу, чем воздушный флот. Говорю это с совершенным убеждением, вникнув — сколько это мне доступно — в суть дела.

Идея Колбасьева — та же, что Лебефа, но еще в более широких размерах. Это — подводная лодка дальнего плавания, т.е. обладающая мореходностью и обитаемостью. Еще адмирал Макаров в минном классе пропагандировал залповую стрельбу веером и приспособления, которые давали бы возможность мине взрываться при всех углах удара. Это второй принцип, принятый Колбасьевым. Чтобы иметь наглядное понятие об атаке при помощи подводных лодок по системе Колбасьева, вспомните то, что называется обстрелом площади в сухопутном бою. Предположите, что в море оказался неприятельский флот. Пути большого флота — особенно в таких морях, как Балтийское, — всегда строго определены. Фарватеры, например, в Финском заливе, суживаются местами до нескольких миль. По обеим сторонам фарватера выстраиваются подводные лодки, и когда неприятель войдет в охваченное пространство, лодки стреляют минами не в суда, а в линию курса неприятеля, стреляют веерными залпами. Е.В. Колбасьев показывал мне планы подобных минных атак с самым точным расчетом. На планах неприятельский флот оказывается покрытым — точно рыболовной сетью — путями самодвижущихся мин, причем ни один из кораблей не может ускользнуть от того или иного удара. При полной безопасности самих подводных лодок, при всей дороговизне уайтхедовских мин, расход на такую залповую стрельбу минами прямо ничтожен в сравнении со стоимостью даже одного погубленного броненосца. Каких-нибудь двух десятков подводных лодок, стоимостью каждая в триста тысяч рублей, было бы достаточно, чтобы остановить весь грозный флот и погубить вместе с ним хотя бы 200-тысячный десант.

С появлением подводного контрфлота совершенно меняется характер береговой обороны. Если подводная лодка-заградитель, невидимая на поверхности воды, выбросит, скажем, 50 мин на версту, то стоимость версты заграждения обойдется в 50 тысяч рублей. На сумму, которую стоит один броненосец — 25 миллионов — можно вытянуть линию заграждения в 5000 верст! Минный заградитель, выбрасывающий в подводном плавании мины на пути неприятельского флота, может один остановить нашествие. Подумайте об этом!

Наше морское министерство помешано на том, чтобы вогнать оборону балтийских берегов в возможно громадные суммы. Ему подавай непременно такой же колоссальный, как в Германии, флот, такие же дорого оборудованные базы, такой же минный флот и пр. и пр. Мировые условия давно и совершенно изменились: не та наша сила, не те средства, не тот кредит, не то соотношение держав, не те внутренние наши обстоятельства, но техническому комитету горя мало. Только денег отпустите, как можно больше денег! А мы уже все закажем своим знакомым фирмам. Опять закажем кувыркающиеся броненосцы, ломающиеся лафеты, стреляющие в ползаряда орудия... И опять, глядишь, в ближайшую войну дно морей будет удобрено русским золотом и русской кровью...

Вот в чем коренной вопрос: нужно ли вообще строить броненосцы сейчас, не имея в ближайшем будущем никаких надежд создать сильный флот? По необъятности нашей территории нам нужен ведь не один, а три сильных флота: в Балтийском, Черном и Желтом морях. Средств у нас сейчас едва ли хватит на один зародышевый (по нынешнему масштабу) флот, обреченный играть в случае войны роль зайца перед сворой собак. Что такое четыре, даже шесть, даже десять броненосцев, когда и Германия, и Япония, и Америка (не говоря уже об Англии) выставляют уже целые десятки броненосцев? Тем более, что при полном опустошении личного состава флота, последний надолго обречен на то, чтобы быть отсталым и неготовым, как это было перед прошлой войной. Заводить броненосный флот в нашем положении — это то же самое, что покупать перочинный ножик для борьбы с неприятелем, вооруженным саблей. Ищите какое хотите другое оружие, берите дубину — даже она будет действительнее перочинного ножа. Нелепый вздор, будто сражаться нужно непременно равным оружием. Война не дуэль, царпиной тут не отделаешься. Нужно искать не равное, а совсем иное, уже в силу различия *превосходящее* оружие, и только такое даст победу. Если бы европейцы хотели сражаться с дикарями непременно копьями и стрелами, из принципа равенства оружия, мы давно были бы раздавлены ими. Победа и счастье всегда на стороне тех, кто при равной храбрости первый отыщет сильнейшее оружие. Вот почему с таким лихорадочным рвением на Западе разрабатывают две величайшие проблемы войны: подводное и воздушное плавание. Пока мы, задеревеневшие в рутине, топчемся на месте с дрянными воздушными шарами — немцы уже летают по воздуху по 12 часов подряд! Пока мы возимся с лодками остроумных, но несчастных наших изобретателей, французы и американцы строят настоящие «наutilusы». И целые флоты их! <...>

Если бы русское правительство купило у Готланда за три года до войны десять лодок, которые он предлагал, и если бы, научившись действовать ими, мы применили бы их в бою, то вероятно уже не у нас, но нигде в свете сейчас не строили бы более броненосцев. Сильное подражание Западу в данном случае нас не только не спасло, а погубило. Правда, это было плохое *подражание* — с *неизменным запаздыванием*. Если бы у нас на Дальнем Востоке совсем не было бы флота, мы не потеряли бы его с таким бесчестием. Не надеясь на флот, мы вели бы совсем иную, не столь нелепую, именно сухопутную систему войны, и результат ее был бы другой. Иностранцы богаты, они в состоянии не только защищаться, но и нападать. Они могут позволить себе роскошь иметь не только контрфлот, но и броненосный флот, хотя бы крайне сомнительного значения. Но ведь мы нищие, мы живем пока в

долг, на средства своего потомства. Можем ли мы слепо тянуться за соседями? Не обязаны ли мы небольшим средствам нашим дать только крайне необходимое назначение?

Вдумайтесь еще раз в наши внутренние и международные условия. Вы увидите, что материк наш открыт с моря и нуждается, прежде всего, в *подводной защите*.

Письма к ближним. – СПб., 1904. – С. 459–471. То же. – СПб., 1908. – С. 473–480.

П. Бурачек

ЗАМЕТКИ О ФЛОТЕ

На моей памяти совершились два кризиса с нашим флотом: во время войны 1853–1856 гг. и в нынешнюю 1904–1905 гг. В первом случае флот, если не был истреблен неприятелем, то затоплен или исключен из списков, а во втором — уничтожен и частью достался победителю. Последствия обеих катастроф для государства почти тождественны: военно-морское значение России уничтожено, а потому берега, моря и порты следует признать открытыми.

Но Парижский мир 1856 года был для страны, ее веками сложившегося государственного организма и исторической миссии, безусловно более роковым, чем Портсмутский мир. Все последовательное движение на юг, к свободному выходу в море, все эти собирательные государственные деяния и географические приобретения Петра I, Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I буквально остановлены. Славные победы великих полководцев Петра, Миниха, Румянцева, Суворова, Кутузова, Грейга, Ушакова, Сенявина и др., даровавших России ряд блистательных трактатов: Кучук-Кайнарджийский (1774 г.), Ясский (1791 г.), Белградский (1811 г.), Адрианопольский (1830 г.), конвенции: Аккерманскую, Ункар-Скелесскую (1834 г.) и др., расширившие географические пределы, поднимающие моральное, политическое и международное значение России на небывалую высоту, открывшие путь к свободному морю и почти завершившие поступательное движение русского народа на юг и юго-восток, сведены были к нулю. Короче, весь ход, исторически завещанный государству его органическим саморазвитием и настойчиво проводимый правительствами России в течение полутора веков, после Парижского мира рухнул и, казалось, ореол нашего государственного величия и могущества, военного и морского, на долгое время померк.

Мало того, чтобы охарактеризовать роковое значение Парижского трактата, надо вспомнить, что Россия одна — по праву мирных трактатов — фактически покровительствовала и являлась защитником южных и западных славян и что правильные сношения и домогательства торговли русского правительства с Турцией и Персией восходят к XV столетию, к царствованию Иоанна III.

Таким образом, Парижский трактат уязвил Россию в ее ахиллесову пяту. Он обезоружил ее на юге, предписывая ей скрыть все укрепления по берегам Черного моря, а черноморский флот, одно из величайших созданий мудрой политической прозорливости Екатерины Великой, при содействии которого Россия твердо стала на юге Европы и деяния которого представляют одну из блестящих страниц военно-морской истории, был уничтожен. Значение внутреннее и международное его для нашего государства было настолько подорвано во всех отношениях, что фактический повелитель Турции (до войны) Император Николай I не вынес позора — унижения и разрушения векового нашего исторического движения к свободному выходу на юг, и за год до заключения мира, после непродолжительной болезни, этот воистину атлет XIX века по духу, по своей физике и по великой трудоспособности, быстро умирает.

Турция вознесена и поставлена наряду с Россией. Она призвана к пользованию всеми преимуществами европейского международного права и к участию в европейском концерте. Державы гарантировали ее целостность и независимость. Покровительство подвластных Турции христиан, которое до сих пор составляло историческое право одной России, купленное кровью ее сынов, было принято на себя европейским концертом.

Россия уступила Турции Молдавию, часть Бессарабии с крепостью Измаилом, и из областей Молдавии и Валахии, находившихся более чем под протекторатом России, образованы независимые княжества, как военный аванпост против нее, под верховенством турецкого султана. Судходство по Дунаю тоже было объявлено открытым для всех наций. Итак, могущественнейшая держава Русская была заперта на Черном море, флот ее уничтожен, без права его восстановить, и выход в Босфор и Дарданеллы военными судами, кроме турецких, воспрещен.

Далеко не то мы потеряли с Портсмутским договором. Россия утратила арендованный на срок полузащищенный Порт-Артур, незащищенную Квантунскую область, пресловутый и чрезвычайно дорого обошедшийся русскому народу Дальний, и, правда, половину Сахалина. Все же исконное достояние России на Дальнем Востоке (пока) осталось нетронутым.

И несмотря на это различие в значении обоих трактатов для политической и внутренней жизни России, какое поразительное несходство в правительственном и общественном отклике (реакции): в конце 50-х годов и в начале 60-х на Парижский трактат и ныне на Портсмутский мир! На унижение политическое и на разорение внутреннее, нанесенное первым, Россия в лице Царя, правительства, общества и народа сплотилась и с верой в Бога, и в историческое свое призвание, вышла обновленной. А через полвека на Портсмутский трактат — в России словно все выродилось. Потомки

наши с недоумением и ужасом останутся над этим моментом в жизни тысячелетнего могущественного государства. Во имя какого-то пресловутого «освободительного движения» сами русские залили кровью свою родную землю и ужасами наполнили во всю ее ширь ее города и веси. Открытые грабежи, пожары, убийства, все виды насилия совершались не в дремучем лесу или медвежьих углах, а в столице, среди белого дня; но чтобы университеты, политехникумы обратили в очаги анархизма, а некоторые в склады и лаборатории бомб — то до этого не доходили еще ни в одном европейском государстве?!

В 1856 году Россия, разбитая, сведенная со своего международного векового пьедестала, униженная не только в глазах Европы, но уязвленная глубоко в своем общественном внутреннем сознании, разоренная, задолжавшаяся, отсталая во всем, но крепкая духом, единением, стоящая незабываемо на своих исторических устоях, верящая в свое государственное призвание и в свою мощь, вышла из своего, казалось, безвыходного положения, созданного ей коалицией всех европейских держав, обновленной, разбила внутри себя цепи рабства и спокойно, в сравнительно короткое время, снова с достоинством заняла свое место великой державы.

Наоборот, в 1905 году правительство, далеко не закончившее своего поединка, располагавшее могучей миллионной, уже к концу кампании, испытанной армией, которая преградила путь истомленному, обессиленному врагу, не нашло ни в себе, ни в вождях его мужества, смелого и бодрого государственного взгляда вырвать победу у врага, а затем властной рукой остановить свободно разливающийся широкой волной мутный поток смуты, созданный ее врагами внешними и еще больше внутренними. Враги эти выступили открыто со своими партийными целями и, благодаря беспочвенности школы, продажности печати, тьме народной, захватили печать, профессию, школу, проникли во все функции администрации, в суды, в разные профессии и набросили незримо революционные сети на все отрасли общественной и народной жизни и, что всего ужаснее, создали революционные очаги в армии и, в особенности, во флоте.

Но успехи этой революционной пропаганды в армии были единичные, во флоте — повсеместные. В общем, доблесть армии, верность Царю и преданность Вере и Отечеству восторжествовали. Во флоте, наоборот: моральная, духовная, идейная стороны в судовых командах, которые собственно и объединяют личный корабельный состав в одно целое, внедряют воинский дух, сознание долга и высокого призвания быть защитником родины и чести флага — все это оказалось подавленным; но это относится до воинской психологии бытия судовых команд. Что же касается до внешнего режима, то он представил достаточный простор для пропаганды всяких революционных учений не только через распространение между матросами революционных листов и воззваний, но и через свободный доступ в казармы многочисленных агентов революции и даже проникновения их на корабли во время плавания.

Приведенная характеристика положения и состояния морских команд показывает не только внутреннее в них расстройство, но гораздо глубже, что такие команды по существу и не могли считаться воинскими командами; но так как эти явления в них были не частными, не единичными, а повсеместными, то и причины этого не случайные или частные, а лежат в общей организации судовых команд и ненормальных условиях постановки прохождения ими службы.

И в то же время эти судовые команды, далеко в массе не воинские, какими героическими подвигами покрыли себя во время несчастной последней войны везде: и на кораблях в боях, и на берегу при защите стратегических позиций в Порт-Артуре, и в смертельном бою под Цусимой. Как они рыдали, где начальство приказывало спускать им Андреевский флаг. Почему? — потому что воинский дух, стимулы, сознание долга, врожденный патриотизм, а затем уклад и истый морской строй военной службы, когда они не мертвы на словах только, на лекциях или требованиях, а жизненны на деле, на примере офицеров проводятся — неотразимы по своему значению и влиянию на эти гибкие души простых людей. *Окончилась война и какой богатый кадр закаленных в боях и в морских подвигах воинов, казалось, вольется и оживит омертвелый цензом и карьеризмом остов когда-то мощного организма. Но этого не случилось!* Ответ на него — главная тема статьи — будет раскрыт ниже.

Кроме главной причины, враждебная печать подняла целый поход против армии и особенно против флота. *Эти сотни тысяч воинов, полагавших жизнь и все достояние на алтарь отечества, при возвращении на родину не встретили ни в ком и ни в чем общественного сочувствия и поддержки и даже признания исполненного ими высокого патриотического долга.* А, напротив, их встретила на родине клевета, ложь, инсинуации, всякая грязь, изо дня в день сыпавшаяся на их головы, которая печаталась в многочисленных листовках и газетах прогрессивного лагеря, под громкой кличкой «освободительного движения». Этот хорошо задуманный маневр оскорбил армию и флот в самом святом, дорогом, задушевном — в сознании исполненного высокого долга перед Царем и родиной и — достиг цели. Как чисто психологический факт, он должен был пошатнуть веру и преданность Царю и отечеству в более слабой части воинских частей, которыми и оказались военно-морские корабельные команды. Только из частных случайных статей и сообщений «Нового Времени»

общество спустя долгое время имело возможность узнать о тех эпических подвигах, которые совершались скромными героями армии и флота.

Статья написана задолго до Порт-Артурского суда, который раскрыл величественную эпопею славы русских воинов, героев и мучеников, истинно сказочных богатырей, а также сорвал весь залитый кровью покров лжи, клеветы и всякой грязи с печати пресловутого «освободительного движения», вылившей их на армию и флот. Теперь начнут они же петь им молебны. Но не поздно ли? Дело разрушения пустило корни и достаточно порасшатало и общество, и школу, и народ и проникло и в армию, и во флот, оскорбив и унизив их в святом деле защиты родины.

Посмотрите на то, какими героями-победителями возвращались наши моряки-черноморцы в Балтику, по заключении Парижского мира, из-под стен срытого до основания Севастополя, а также армейские полки, не раз тогда проигрывавшие бои с неприятелем. А разве борьба десятилетняя под стенами Порт-Артура, который в течение 7 месяцев был отрезан от всего света, была менее мужественна, чем сидение и защита Севастополя? Разве поединки и бои судов нашего флота, запертого в Порт-Артуре, как в каменной клетке, и обреченного в нем на медленную смерть и томительное постепенное уничтожение, менее были славны, чем лучшие, когда-то бывшие подвиги наших кораблей и их экипажей, обессмертившие имена их навечно? Разве в Цусимском бою наша 2-я эскадра, бросившаяся в бой, в неравный бой, с искусным, закаленным и вполне оправившимся врагом, не проявила высокого героизма, присущего вековым традициям лучших времен нашего флота? Враги японцы отдали дань мужеству и подвигам, совершенным на кораблях их личным составом («Суворов», «Ушаков» и много других). А у нас эти подвиги стали ли достоянием флота, славой, гордостью его личного состава? Воспользовались ли ими для подъема духа, для укрепления в командах воинских начал? О, нет! Общество узнало спустя год и то из двух-трех статей, мельком проскользнувших в печати и наполовину принадлежащих перу женщины.

И до сих пор имя севастопольца окружено каким-то ореолом и с годами оно становится светлее, дороже и почетнее. А между тем Парижский мир, как видели, был роковым для России, под ним погребена многовековая борьба наших предков за обладание Черным морем и выходом на юг в свободное море. И тем не менее ни один голос не дерзнул опорочить ни моряков, ни армию за то, что, казалось, не отстояли славного достояния своих предков, и это продолжается в течение целого полувека. Тогда как ныне, во время войны и после торопливого заключения Портсмутского мира, сколько грязи вылито и на армию, и особенно на флот! О подвигах же и о том, что личный состав его кораблей рядом с армией в Порт-Артуре дорого продавал каждый вершок земли своей в неравной борьбе, истекал кровью и в течение 10 месяцев не пал духом и возмущался, и негодовал, когда узнал о позорной и тайной его сдаче японцам, затем о титанической борьбе под Цусимой, — общество и печать поставили крест, не хотели ничего знать; наоборот, все, что могло обесславить флот, было раздуто до колоссальных размеров.

Еще понятно, если бы административные, технические, хозяйственные ведомства подвергались нареканиям, но эта грязь выливалась на личный состав — исполнителей, который в данном случае беззаветной храбростью, жизнью, находчивостью и искусством заглаживал недочеты и в судостроении, и в вооружении, и в снабжении и еще больше ошибки и недостатки руководителей флота.

На моих глазах прошли памятные дни севастопольского сидения и погрома, и отношение к флоту и армии Государей Императоров Николая I и Александра II, Великого Князя Константина Николаевича, высших сфер, печати и общества. *Севастопольцы были тогда защитниками земли Русской, ее чести и славы.* Офицеров и команду принимали везде по городам с почетом. Народ встречал их хлебом и солью, кланяясь им земно. Если со стороны народа и общества тут руководил энтузиазм, сердце, взрыв патриотизма, то со стороны правительства и верховной власти в этом сказались мудрая политика — возвысить воинский дух личного состава армии и флота, которая ясно сознавала, что возрождение флота может совершиться не на бумаге, а в действительности, когда жив дух его, вера в себя чинов его и «религия долга» горит в душах, а честь и доблесть оценены и подняты на высоту. Нам возразят: а постыдная сдача кораблей, а командные бунты в Севастополе, Владивостоке, в Кронштадте, Либаве, Ревеле, неужели их повсеместно и в одно время породила, хотя бы и доказанная общественная безучастность и прямая вражда общества к флоту?

Когда командир фрегата «Рафаил» капитан 2-го ранга Стройников в 1828 году сдал без боя свой фрегат туркам, то Император Николай I положил на черноморский флот завет: смыть позор сдачи фрегата, принадлежавшего к составу его, и прекратить самое существование фрегата «Рафаил». Но доблесть черноморцев этим строгим Императором была ничем не задета: он так же, как ныне Царь, выказывал флоту знаки благоволения; а тогдашнему обществу и в голову тогда не приходило объединять и отождествлять частный случай со всем флотом. И вот, спустя четверть века доблестный адмирал Павел Степанович Нахимов начинает свое донесение о Синопской победе словами: «Воля Вашего Императорского Величества исполнена — фрегат «Рафаил» не существует». Адмирал Нахимов никому не доверил выполнить завет Царский и восстановить честь родного ему флота. Он на своем адмиральском корабле «Императрица Мария» стал на шпринге против «Рафаила» и сосредото-

точными залпами всех батарей корабля разгромил до основания и взорвал этот печальной памяти когда-то русский фрегат. Так и в данном случае, позор сдачи кораблей будет так или иначе смыт. Когда? — вопрос времени! Но факт бесчестия сдачи лежит на свершивших его, которые несут тяжкое наказание по суду. Сам же русский флот и флаг, который он с великой честью два столетия носит по всем морям мира, неприкосновенны к этому печальному случаю, и личный состав его свободен от всякого нареkania.

Что же касается позорных бунтов и мятежей корабельных команд на судах в плавании и на берегу, которые легли черным пятном на русский флот и признаются результатом внешних причин революционной пропаганды, то они, как замечено выше, еще более служат неопровержимым показателем расстройств организации корабельных команд. Причины этого хронического состояния личного состава флота весьма сложны и многочисленны. Они подробно и обстоятельно раскрываются на страницах «Морского сборника» в капитальных статьях из плеяды авторов, сотрудников журнала, преимущественно молодых флотских офицеров. Но значение этого факта так существенно для возрождения нового флота, что решаюсь сказать и свое слово, пользуясь некоторыми данными из статей молодых авторов.

Задача моя не широкая, ограниченная, но думаю — основная. Она заключается в том, чтобы напомнить о тех началах — неизменных и как бы прирожденных — присущих организации личного состава флота, которые существовали в нем естественно около 150 лет. Но от них отступили вследствие других, побочных, чисто внешних требований и, едва ли не главное, — государственного фиска, проведенного в морском ведомстве в 1863 году с переустройством государственного контроля, а затем и совсем забыли их, с введением печальной памяти положения о морском цензе и ряде его других преобразований и дополнений.

Меня вынуждает к написанию этой статьи еще новое положение 28 мая 1907 года; но, тем не менее, я не могу не сознавать, что с 1898 года стоя вне флота, в отставке, могу явиться при изложении частных отсталым; а потому считаю необходимым просить у моих читателей, преимущественно молодых деятелей, снисхождения к возможным ошибкам.

Приступая к нему, считаю необходимым предпослать сравнительно краткий очерк положения и состояния личного состава во флоте и условий его существования после Парижского мира, и затем перед и после Портсмутского трактата.

Итак, несмотря на севастопольский погром — уничтожение черноморского флота и портов, срытие крепостей на южном побережье, Морское Министерство, в лице Великого Князя Константина Николаевича, облекло черноморцев особым доверием и сумело осветить и возвысить их боевые заслуги в глазах Государя, общества и народа. И совершено это не в силу одной дани признательности, но, как заметили выше, в удовлетворение мудрой политики — поднять значение личного состава флота в глазах всех, воскресив в нем самом бессмертный дух флотов Петра I, Екатерины II и славных русских флотоводцев. И для тогдашнего жизненного и творческого министерства этот верный первый ход послужил фундаментом для возрождения новой морской силы. Оно еще в начале войны 1853 года приступило к созданию нового винтового флота. *Строить же корабли, хотя последнего слова прикладной науки, без личного состава моряков, не по списочному составу только, а проникнутого величием и государственным значением своей военно-морской профессией, знанием ее, а также внутренним сознанием доверия к себе своего высшего начальства, — нельзя!* В преданности делу исполнителей, в знании, опытности, а, главное, в талантливости их ближайших руководителей, лежит залог преуспевания всякого государственного начинания; а тем более это составляет главное и основное условие, когда приступают к укреплению морской мощи, к возрождению и созданию нового современного военного флота.

В моей статье «Необходим ли России боевой активный флот?» (журнал «Море», № 23–24, 1906 г.) было очерчено, как Морское ведомство ответило на лишение России права иметь на Черном море флот. Парижским трактатом Европа, казалось, подчинила Россию своей державной воле, надолго сокрушила ее военную и особенно морскую мощь и придушила наконец, что было ясно для всего мира, ее исторический международный властный голос; короче, Европа чуть не исключила Россию из числа великих держав.

«И вот, едва кончилась война, Августейший генерал-адмирал нашел возможность снарядить в 1856 году русскую эскадру в Средиземное море. В 1857 г... отправлен большой отряд в Тихий океан; на него возложено было поддерживать генерал-адъютанта адмирала Путятина в его переговорах с китайским правительством».

Другими словами, в ответ Европе на уничтожение, на лишение России права иметь свой боевой флот на Черном море, она в тот же год высылает свои эскадры на юг и Дальний Восток, на арену мировой политики Англии и Франции.

И Тяньзинский трактат 1 (13) июня 1858 года, заключенный адмиралом Путятиным (впоследствии графом), заметим, раньше англичан и французов на две недели, и Пекинский, заключенный полковником Н.П. Игнатьевым (впоследствии графом) 2 ноября 1860 года, закрепили за Россией левый бе-

рег рек Амур и Уссури, со всеми примыкавшими гаванями до бухты Посъет и маньчжурским берегом до Кореи (Приморская область), значительно исправили границы с Китаем, обеспечили право торговли — и сухопутной, и в китайских водах — и открыли консульства в Угре, Монголии и Кашгарии.

То же в Средиземном море. В 1860 году русская эскадра Средиземного моря под флагом флигель-адъютанта Шестакова появляется рядом с эскадрами католической Франции и протестантской Англии у берегов Сирии, когда христиане подверглись взрыву магометанского фанатизма. В греческих водах наше правительство содержало постоянно особый отряд судов, не допускало одностороннего английского и французского влияния в стране и в вопросе о кандидатуре на греческий престол, после вынужденного отречения короля Оттона, была в силах поддержать своего избранника, женившегося на русской Великой Княжне.

И все эти выдающиеся политические победы Россия совершила бескровно, при помощи возрожденно-го флота, на глазах ее могущественных врагов, которые еще только 3–4 года назад затратили сотни миллионов народных денег и сотни тысяч жизней своих сынов, чтобы раздавить ее морскую мощь, а государственное ее значение, как морской державы, свести на ноль.

Такие наши государственные успехи были слишком вызывающи для союзников. Понесенные ими жертвы войны, и во флотах и в армиях их, а, затем, государственный долг, обременявший их государственные бюджеты и, наконец, народная честь в глазах всей Европы требовали остановить международные успехи и географические приобретения только что, казалось, раздавленного врага.

Предлог заботливо был подготовлен тогдашним европейским оракулом Наполеоном III — это угнетение Польши. Россия получает ультиматум в унижительных требованиях и выражениях для достоинства каждого государства. Вызов был сделан целой европейской коалицией и бесповоротно. Дамоклов меч снова подвешен над нашим, еще не оправившимся после тяжелой трехлетней войны, отечеством.

В ответ на этот вызов внезапно, точно с неба, свалилась весть для всей Европы и Америки (не исключая и русского общества), что 24 сентября 1863 года на Нью-Йоркском рейде стала на якорь русская эскадра, под флагом адмирала Лесовского и что она состоит из 6 первоклассных судов, из которых почти все не имели соперников в европейских флотах: по скорости хода, по калибру артиллерии и установки, силе вооружения, запасам и снабжению. А спустя месяц, в Тихом океане в Сан-Франциско собралась также неожиданно другая эскадра, под флагом адмирала А.А. Попова, отлично подготовленная.

«Во всей Европе и у нас в России, — сказано в цитируемой статье, — узнали об этом грандиозном ответе русского правительства на сделанный ему дерзкий вызов Англией, наполеоновской Францией и Австрией из нью-йоркских газет».

В инструкции, данной начальникам эскадр говорилось: «В случае войны с Францией, Англией распределять суда на торговых путях и наносить возможный вред обширным торговым интересам неприязненных нам держав, а в случае, если окажется возможным, то нападать целой эскадрой на слабые места неприязнительских колоний».

Внезапное появление русских эскадр в портах дружественного нам государства, на грани двух океанов, готовых во всякое время выйти на главные пути мировой торговли Англии и Франции и нанести ей всевозможный вред, вызвал в Америке положительный энтузиазм, а в Европе охладил воинственный пожар. Дамоклов меч исчез. И на этот раз могучим союзникам пришлось если не смириться, то по крайней мере благородно ретироваться. Польша была предоставлена ее великодушными защитниками своей судьбе.

Таким образом, молодой русский флот, еще едва насчитывавший 7–8 лет своего существования, успел совершить ряд политических деяний, как выше видели, а в последнем своей решительной демонстрацией фактически предупредил бескровно страшную военную грозу и ужасы — «горе побежденным», которое было готово разразиться над нашим исстрадавшимся отечеством. Но, более того, он, этот молодой флот, активно один вознес престиж России на должную высоту великой европейской державы и показал на деле, что морское значение ее вновь возникло и служит опорой и стражем государственных ее интересов на всех морях.

Вот какое могущественное оружие флот для государства, когда он одухотворен и когда им руководят, направляют и движут государственные люди, каким был Великий Князь Константин Николаевич и канцлер А.В. Горчаков, воистину государственные люди по талантам, высокому просвещению и безграничной любви к отечеству и флоту, а не по ярлыку и великому самомнению.

Я плавал в это время на эскадре адмирала Попова и, по обстоятельствам времени, был послан с донесениями к адмиралу Лесовскому, командовавшему эскадрой Атлантического океана, и живо вспоминаю тот народный энтузиазм в американцах и подъем духа, который царил в личном составе судов на обеих эскадрах. Ряд торжеств, устраиваемых правительством и представителями общества Соединенных Штатов русским морякам во всех портах, куда наши суда приходили, особенно в Нью-Йорке и в Бостоне, был истинным триумфом для нашего юного флота. Ораторы выражали чувства истинной признательности от имени правительства и народа: за приход эскадры в порты Союза и

дружески протянутую руку в столь тяжкую минуту междоусобной войны и величайшее уважение к особе Русского Царя — освободителя 22 миллионов крестьян от крепостной зависимости. Все эти празднества, энтузиазм народа, радушие и привет общества, которые встречали офицеры и матросы, в особенности в портах Атлантического океана, помимо официальных чествований, являлись прежде всего политическим воспитанием для многих наших офицеров, затем не могли не питать сознания, что на них, как представителей России, смотрит с уважением великий американский народ, что заслужили доверие с высоты престола и что все патриоты в России взирают на появление их эскадры в американских водах с упованием, надеждой и чувством удовлетворенной гордости за дерзкий вызов и отчасти и за унижение Парижского трактата.

Как это было далеко и не похоже на то положение, в которое были поставлены наши эскадры и моряки через 50 лет, после американского триумфа, когда они очутились, при внезапном и неожиданном объявлении войны Японией, запертыми в каменной клетке в Порт-Артуре и частью в забытом, невооруженном и необорудованном Владивостоке, с голыми руками; а затем еще печальнее в безвыходном положении в Цусиме.

Вот два момента из жизни русского флота. Между ними не миновало еще полвека. А как они диаметрально противоположны во всех отношениях!? Всякое явление есть следствие своих производителей и причин. Полвека назад флот являлся объектом министерства, которое его обслуживало, и он был в глазах его начальника, Великого Князя Константина Николаевича, учреждением наиважнейшим в государстве, а потому самодовлеющим, который, как всякий самобытный организм, может существовать и совершенствоваться, когда он живет сам в себе и когда административные и хозяйственные органы как вспомогательные своевременно и неукоснительно обслуживают его жизненные функции. В последние десятилетия не переменялись ли места? <...>

Мы старались определить состояние офицерского состава флота после войны и позволяем себе думать, что выводы наши благоприятны. Степень развития и подготовки офицерского состава и в армии, а тем более во флоте, вопрос краеугольный. Офицеры — это душа корабля, его двигатель и разум. Офицерский состав представляет ту потенциальную сущность, которая должна совершить работу создания активного флота, отвечающего всем современным боевым требованиям. С большою долей уверенности позволяю себе говорить, что, несмотря на недочеты массы, возрождение флота по отношению к офицерству находится в более выгодных условиях, чем после крымской войны, хотя требования, предъявляемые к ним, значительно повысились. И этот вывод, по нашему мнению, особенно важно высказать убежденно и во всеуслышание всех, когда хозяевами флота, кроме министерства, является Государственная Дума, общество и печать. Не по одним переименованным выше документам, но по многим другим проявлениям (война, плаванья 2-й и 3-й эскадр и пр.) и на основании разных встреч и разговоров, я позволяю себе так утверждать.

Но вот представляется вопрос: отвечает ли проводимая постановка практических реформ и дела этому стремлению, пробудившемуся в самой среде строевого офицерства — приложить в служебный оборот те внутренние силы, которые сконцентрировались и ждут работы в определенном направлении? Будет ли использован этот приток жизненных сил и подъем духа для плодотворной деятельности по возрождению современного флота?

Оглядываясь на двухвековую историю флота, прежде всего бросается в глаза *отсутствие сознания в руководящих сферах и в обществе государственного исторического значения флота для политического развития России*. Далее, мы видим *полное отсутствие исторически осознанного плана, цели и назначения, для которых был создан флот* Петром Великим и которые проходили бы в течение всего времени существования в стройно развивающихся кодексах законов, положений, инструкций и пр. Затем без труда убеждаемся *в отсутствии одних органически выработанных руководящих начал*: преемственности, традиций и всех тех духовных основ, которые объединяют флот в один духовный, полный разума, жизни и смысла великий исторический организм. Были периоды, когда флот возрастал, мужал и в непрерывных кампаниях и сражениях опознавал свое внутреннее духовное «я» и свое великое государственное признание. Наступали периоды, продолжавшиеся десятки лет, когда флот исчезал и был только терпим скорее в силу поверья, что России как-то и неудобно быть без флота и к тому же когда целое ведомство морское было налицо. Наступали и такие периоды, когда инвентарь флота был велик, расходы на него были громадны, но, по существу, он являлся просто оправдательным документом, необходимым для процветания самого ведомства и объяснения неукоснительной сложной деятельности его и многочисленных его учреждений.

Вообще состояние флота за два века его существования было *неустойчиво и резко переменное*. Вот что и страшит, и заставляет задуматься о его будущей судьбе! Мало создать флот, но *необходимо создать и обстоятельства, и условия*, при которых ему удобно будет и по силам совершить задачи, возлагаемые государством на него. В последнюю войну флот, хотя и несовершенный, но был, а руководство им, стратегическая база и прочие обстоятельства и условия были номинальны. <...>

Закон «преемственности» существует, обязателен и требует, чтобы последующие поколения руководителей, деятелей и исполнителей на всех ступенях служебной иерархии, во всех ее сферах

деятельности такого собирательного, но единого живого организма как флот, обязательно входил бы в дух, в строй, в изучение традиций и в труд своих предшественников и продолжали бы их органическую работу, причем устраняли бы все наносное, случайное, чуждое и вредное, которое вошло в него по каким-либо причинам.

Казалось бы, это требование просто, естественно и так необходимо, что не вызывает комментариев, а между тем на деле выходит совсем наоборот. Чем объяснить факт, препятствовавший прогрессу естественного развития векового организма — флота? Причин много, но едва ли не главными следует признать: незнание прошлого своего флота, пренебрежение к нему, а потому нежелание знать его; незнание исторических требований своей страны и народа, государственных задач и национальных интересов. Но это признаки отрицательные! В сумме они составляют характеристику прошлой среды, недостаточной культурной. Ныне повеяло другим духом; национальным самосознанием и самоопределением. <...>

Мы доказывали, что если последний период до войны — господство ценза — было пагубно, то прошлое до него — почетно, самобытно и полно заслуг перед отечеством, а потому заслуживает внимания современных деятелей; тем более, что на этом пути многое сделано, и к тому же еще так недавно, всего сорок с небольшим лет назад, «преемственность» была — позволим себе выразиться образно — лозунгом Морского ведомства. Великий Князь Константин Николаевич на «преемственности», как на историческом фундаменте, создал новый, тогда только возникавший винтовой флот, а затем — только что народившийся броненосный флот посредством ряда реформ, законов и мероприятий, имевших глубокие корни в прошлом и проникавшихся духом славных его традиций.

Период, последовавший вслед за войной 1853–1856 гг., для существования нашего флота со стороны требований «преемственности» начал, завещанных великим Основателем, Екатериной II, их славными флотоводцами и историческим традиционным наследием, был более роковым, чем нынешний период после Порт-Артура и Цусимы. Тогда не только могущество России на морях было сведено к нулю, берега ее были открыты, положение России как великой державы более чем пошатнулось, но сам парусный флот, сам в себе, как представитель морского могущества и охраны берегов страны и как военное средство нападения и защиты, исчез безвозвратно и с собой, по-видимому, похоронил все свое веками усовершенствованное морское дело, искусство и морскую профессиональную школу. И при этом все, что должно было носить имя «новый флот» во всех своих составляющих, было в тумане не только для моряков, инженеров и техников среднего уровня, но и для руководителей флота не у нас только, но и в Европе. Никаких определенных представлений в собирательном Морском ведомстве, в его технических, административных, хозяйственных сферах, а также в строительных и механических производствах не было, а тем более конкретных основ и данных и не могло быть.

Положение для флота было крайне опасное: сойти со своего традиционного пути.

И действительно, если материальная сторона флота и в общем, и в бесчисленных своих составляющих должна была подвергнуться коренному и к тому же совершенно неопределившемуся переустройству заново, то естественна посылка, что и духовная сторона, или, вернее сказать, «духовная личность флота», могла подвергнуться глубокой ломке, а, следовательно, «идея преемственности» в своей сущности основ флота извратиться в пользу тех или других тенденций временщиков, совершенно случайных, но неизбежно являющихся у власти, особенно в такие моменты; а потому весьма легко было вступить на путь сочиненный, искусственный, чаще всего неумело заимствованный, ничего не имеющий общего с самобытными началами и традициями, с которыми развивался, жил и сжил-ся русский флот.

И мы видели, как быстро и блистательно была разрешена тогда задача возрождения винтового флота, как неожиданно он на другой год вслед за Парижским миром, которым морское могущество России было положительно сведено на ноль (уничтожение черноморского флота, срытие береговых крепостей, закрытие Дарданелл), появляется на всемирной арене политической борьбы: на морях, рядом с флотами Англии и Франции, его открытых врагов на Ближнем Востоке, в Средиземном море и на Дальнем Востоке, в Тихом океане, в водах только что открывавших свои порты Китая и Японии... и, наконец, в Америке в Соединенных Штатах, где смело выступает в защиту попираемого международного закона, государственного права и справедливости.

Этого исторического момента и государственной заслуги нашего русского флота перед Россией и перед Соединенными Штатами замолчать нельзя! И престиж России был снова тогда восстановлен.

Да, в этом наша задача! Чем объяснить такой поразительный успех возрождения русского флота в период 1853–1860 гг. и, как необходимый результат, его, без преувеличения говорим, истинные государственные заслуги, совершенные им в столь короткий промежуток? Гениальной инициативой юного генерал-адмирала Великого Князя Константина Николаевича: трудами ли его талантливых сотрудников, мощной ли деятельностью создателя службы и строя броненосной эскадры Григория Ивановича Бутакова?.. Да, все это неотъемлемые элементы творчества этого периода, но не в этом жизненный нерв успеха. Здесь пропущено самое существенное, жизненное начало и построенный на нем опре-

делитель, иначе говоря, — «преемственность» и как неизбежное, ее спутник, создание *критерия*. Ни самая гениальная инициатива, ни талантливые исполнители, ни настойчивость, ни самый производительный труд... — все вместе не завершили бы возрождения русского флота так целесообразно и успешно, если бы через изучение прошлого, собрания традиций... не был выработан тщательно и поставлен как мерило истинности всех собирательных деталей возникавшего нового флота «критерий».

Вот одно из определений: «критерий» — это мерило истинности чего-либо или сочетание признаков, которыми отличается истинное от ложного.

Именно выработка такого критерия легла в основание работ комиссии, прежде всего, для возрождения личного состава флота, создания нового современного закона — Морского Устава, и потом в полном согласии с ними произведено преобразование всех морских учреждений, которые обслуживают флот во всех его собирательных составляющих.

Позволим себе напомнить сказанный вывод.

«...И Августейший автор нового современного нам Устава обратился к опыту личного состава флота, к его голосу и мнению во всей его совокупности, не только настоящего состава, но и прошедшего, по сохранившимся и забытым документам и материалам».

«Иначе говоря, Великий Князь Константин Николаевич избрал общий, универсальный, испытанный путь, которым шли и на котором только и могли работать плодотворно все исторические деятели везде на всех государственных и исторических поприщах, и во всех сферах науки и искусства, и который одинаково открыт для всех настоящих и будущих как единичных деятелей, так и собирательных учреждений... Он только один приводит к творчеству, это — разумный настойчивый труд, всестороннее и совершенное изучение предмета — теоретически и практически».

Таким образом, успешно исполненное возрождение русского флота, винтового флота и начальный период организации броненосной эскадры следует положительно приписать тому, что постройка колоссального здания флота началась с воссоздания и исправления фундамента, положенного Петром I и тех построек, которые воздвигла уже жизнь и деятельность нашего флота со времен великого его Основателя, трудами целого ряда талантливых предшествовавших деятелей. <...>

Итак, после Парижского мира деятели по возрождению флота восстановили идею и сущность преемственности в нем и, выработав критерий, естественно вошли в дух и труд своих предшественников и продолжили их органическую работу.

Реформы во флоте, совершенные в последующий период, начиная с 1882 года, несмотря на то, что многие были правильны по своим замыслам и необходимы как меры против вредных явлений, сложившихся во флоте (повальное уклонение от плаваний, пристраивание к берегу)..., особенно в его личном составе, осуществлены и проведены без всякого отношения к принципам преемственности, на которых сложился и существует наш флот. <...>

Закон «причинности» — непреложен и неизбежен. Как в итоге реформ 1853–1862 гг. совершился подъем русского флота, создание практической эскадры и самобытной корабельной службы на эскадре броненосных судов, организации строго морской современной школы на ней и на заграничных плаваниях, которое все вместе взятое привело к восстановлению поколебленного политического значения русского флота, к бесспорным его историческим заслугам и подъему престижа России, померкшему после войны 1853–1856 гг., так и в итоге реформ 80-х годов получились упадок русского морского могущества, тяжелая эпопея истребления флота в Порт-Артуре не в честном поединке на море, а осадной артиллерией, с сухого пути, и окончательное истребление эскадры адмирала Рожественского под Цусимой.

И все эти диаметрально противоположные итоги: положительные (выдающиеся государственные заслуги флота пятидесятых годов и подъем международного политического положения России) и отрицательные (результаты того же флота в войну 1904–1905 гг., внутреннее разложение корабельного личного состава и, если не потеря международного положения России, то совершенная утрата военно-морского могущества), совершились на расстоянии сорока с небольшим лет и притом в период тридцатилетнего мирного затишья, когда представлялся такой простор и удобство для подготовки военной морской мощи.

И поэтому вопрос: совершился ли этот разгром так, в силу рока, судьбы, которые не во власти человека, не в пределах его ума и потому не в его воле отвратить или предупредить? Нет, наоборот, это совершилось в силу самых обыкновенных, обыденных, простых законов — «причинности», которые присущи всем и общественным, и частным, и большим, и малым предприятиям и которые понимаются и учитываются не по законам высших трансцендентных соображений, а часто буднично просто народным здравым смыслом.

И притом все эти разрушительные результаты — прямое и естественное следствие — помимо других второстепенных причин — нарушения родовых начал «преемственности» идеи русского флота и отсутствия критерия.

Наш флот получил свое начало не в 80-х годах прошедшего столетия, а два века назад. Несмотря на периодические уклонения, наш флот (не говорю ведомство) сохраняет досель свою физиономию, свой дух, свои традиции, свой строй, если не вполне во всем личном его составе, то в сознании лучших его представителей. Как всякий живой, благородный организм, он не принимает вещей, несродных ему и иногда через величие страдания освобождается от них совершенно; также он может развиться и прогрессировать только при условиях, отвечающих его самобытным требованиям.

Оглядываясь на двухвековую историю флота, прежде всего бросается в глаза отсутствие сознания в руководящих сферах и в обществе государственного исторического значения флота для политического развития России. Далее, мы видим полное отсутствие исторически опознанных плана, цели и назначения, для которых был создан флот Петром Великим и которые проходили бы в течение всего времени его существования в стройно развивающихся кодексах законов, положений, инструкций и пр. Затем, без труда убеждаемся в неимении одних органически выработанных руководящих начал: преемственности, традиций и всех тех духовных основ, которые объединяют в один духовный, полный разума, жизни и смысла великий исторический организм — флот. Были периоды, когда флот возрастал, мужал и в непрерывных кампаниях и сражениях опознавал свое внутреннее духовное «я» и свое великое государственное призвание. Наступали периоды, продолжавшиеся десятки лет, когда флот исчезал и был только терпим скорее в силу поверья, что России как-то неудобно быть без флота, и к тому же, когда целое ведомство морское было налицо. Наступали и такие периоды, когда инвентарь флота был велик, расходы на него были громадны, но по существу он являлся просто оправдательным документом, необходимым для процветания самого ведомства и объяснения неукоснительной сложной деятельности его и многочисленных его учреждений.

Вообще состояние (русского) флота за два века его существования было неустойчивое и резко переменное. Вот что и страшит и заставляет задуматься о его будущей судьбе. *Мало создать флот, но необходимо создать и «обстоятельства и условия», при которых ему удобно будет и по силам совершить задачи, возлагаемые государством на него.* В последнюю войну флот, хотя и несовершенный, но был, а руководство им, стратегическая база и прочие обстоятельства и условия были номинальны, по названию были, а по существу их не было.

Но этот несовершенный флот был почти равен японскому, который в начале войны едва ли имел преимущества перед нашим флотом. Бой 28 июля, в котором японский флот был разбит нашими полуразоруженными кораблями, наглядно доказал обратное; а, между тем, тихоокеанский наш флот 5 месяцев до этого дня скрывали за фортами Порт-Артура, а море с первого дня войны оставили в полное распоряжение японцев, как бы нашего флота там вовсе не было.

Как это могло случиться, спросим? Ответ один! Мало построить флот, «надо создать обстоятельства и условия», которые обеспечивают его правоспособность и боевую готовность всесторонне, а для правительства создают уверенность, что задачи, на флот возлагаемые, могут им быть выполнены. Это ясно!

Но бой 28 июля показал, что наши полуразоруженные корабли при меньшей численности не уступали японским и даже имели преимущество в бою; тем не менее хозяином и повелителем моря были и остаются японцы. Значит, у них «обстоятельства и условия» были созданы и соображены, а в этом для нашего флота — существенный пробел и мало того, не опознанный и не признаваемый и до войны, и во время ее. И до такой высокой степени существенный, что наш флот всю войну был парализован и постепенно был бесславно уничтожен береговым огнем осадных батарей.

И после того, когда это все свершилось, оно все-таки невероятно! А на деле этот невероятный результат — итог двадцатилетнего периода до войны, когда Морское ведомство суетливо строило, бронировало, вооружало современными орудиями корабли..., строило заводы, тратило сотни миллионов, а «обстоятельства и условия», которые бы обеспечивали правоспособность и боевую готовность флота, не только не создавало параллельно, но и не создавало необходимости в них. Двадцать лет флот оставался без головы и сердца, без представительства ответственного начальника с полной мочью и голосом. Плана морской войны не было, да и некому было составлять, да и нельзя было составлять. С чем соображать план? С состоянием и средствами портов? Но ни Владивосток, ни Порт-Артур не были оборудованы как порты, а тем более для войны, не были вооружены, как оплоты могущества России на Дальнем Востоке и как ее стратегические базы...

И это «невероятное», и этот «итог», помогшие японцам более всех союзов (гласного Англии и негласных Америки) — сокрушить морское могущество России, есть показатель — симптом, что в нашем Морском ведомстве частности хороши и продуктивны, а общего, собирательного, объединяющего и заканчивающего не было вовсе! <...>

Морской сборник. — 1908. — № 5. — С. 1–15; № 9. — С. 32–33; 1910. — № 2. — С. 54–57; 60–69.

Н. Португалов

ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ МОРСКОЙ СИЛЫ

О деятельности Лиги Обновления Флота

Лига Обновления Флота организовалась в 1905 году под впечатлением наших военных неудач и постановила своей целью практические предложения различных улучшений во флоте.

Заведя сношения по всей России, Лига убедилась, что есть много лиц, интересующихся морскими делом и флотом, но недостаточно о них осведомленных, а потому Лига издала много книг, брошюр и листков и в общем за два года существования разослала до 20000 экземпляров изданий, относящихся до морского дела. Кроме того, в Санкт-Петербурге и Москве делаются доклады, читаются лекции и организуются беседы сочленов Лиги.

В будущем году предположено устроить в главных городах России морские выставки, а для учащейся молодежи в летнее время — морские экскурсии.

Таким образом, Лига практически влияет на отношение широких кругов населения к флоту, стараясь также быть посильно полезной морскому ведомству.

Лигой составлен проект преобразования этого ведомства на началах отделения береговой, хозяйственной части от командования плавающим флотом и намечены основания для постановки дела обучения будущих моряков офицерского состава. Часть нижних чинов Лига полагает готовить из мальчиков — юнг.

Относительно создания материальной части флота Лига высказалась за предоставление этого дела отечественным заводам.

Вообще Лига старается работать в избранной ею области и желает посильно содействовать народному представительству в наиболее целесообразном решении морских вопросов.

Сама мысль о необходимости для России иметь флот признается Лигой как основная в ее деятельности, однако ввиду лучшего ознакомления неспециалистов со своими взглядами и считает полезным изложить главные доводы в пояснение необходимости флота для России.

О необходимости флота для России

Изучение отечественной истории показывает, какое громадное влияние имела морская сила на развитие политических событий. Пока у России не было морской силы, ей не удавалось обладание морскими берегами, и они были закреплены за Россией лишь при посредстве военного флота, а затем та же сила сделала Россию великой державой.

Современное политическое положение всякого государства оценивается прежде всего его военной мощью. Страна, ею не обладающая, теряет влияние на международную политику и везде терпит ущерб в своих интересах. Наоборот, хорошо организованная сила заставляет соперников считаться с ней даже в мирное время. Само понятие о военной силе государства, за исключением, конечно, Швейцарии, Сербии, Афганистана и Южно-Африканских Республик, не имеющих моря, непременно заключает в себе понятие о флоте. Мировая история не только доказывает нам влияние морской силы на взаимоотношения государств, но неоднократно доказывает, что такая роль флота в последние годы становится более значительной.

Заграничные и отечественные исторические исследования приводят к несомненному выводу, что нации, не обладающие морской силой, низводятся в ряд прислужников человечества.

Положение России как первоклассной державы, ныне поколеблено, но еще далеко не безнадежно, а это обязывает ее быть сильной и на море — этой арене главнейших мировых событий настоящего времени.

Интересы России на море настолько велики, что никак нельзя пренебрегать их защитой. Военный флот является защитой для торговли. Лига придает важное значение торговому мореплаванью для отечественной торговли и международного сообщения.

В настоящее время русский торговый флот проявляет решительные признаки роста; так, за последние 10 лет провозная способность его возросла вдвое, увеличивается и его участие в мировом товарообмене.

Громадное государственное значение торгового флота не подлежит сомнению и в интересах нашей торговли и промышленности — сельскохозяйственной и фабричной, как и в интересах военного флота. Необходимо принять дальнейшие меры к энергичному развитию отечественного мореходства потому, что несмотря на значительный его прогресс, все-таки участие русского флота в нашей внеш-

ней торговле выражается едва в 10%, а около 90% русского товарообмена морем производится на иностранных судах.

Лига полагает, что должно стремиться к увеличению участия русского флота в морской торговле и дать поощрение русской предприимчивости в этом направлении, так как национальная торговля не может иметь места без национального флота.

Для того, чтобы выдержать борьбу с иностранными конкурентами, нужно обеспечить свой торговый флот дешевым плавучим материалом, поэтому должно поставить судостроительную промышленность так, чтобы построенные в России суда были бы отнюдь не дороже для судовладельцев, чем приобретаемые за границей.

Внешняя торговля России уже теперь производится главным образом морским путем. Отсюда вытекает насущная необходимость для нашего отечества его побережий, на которых расположены важные для морской торговли порты. Прекращение этой торговли, другими словами, приостановка 3/4 внешней торговли страны вызвали бы небывалый экономический кризис с затяжными и весьма невыгодными последствиями. Внезапное падение цен нашей сельскохозяйственной промышленности окончательно разорит наших земледельцев, десятки тысяч наших рабочих будут выброшены на улицу; в довершение всего мы потеряем наши рынки, обратное приобретение которых потребует громадных усилий и опять-таки без развития флота едва ли может быть достигнуто.

Эти бедствия, вызванные недостатком внимания к делу развития морской силы, стоили бы нашему отечеству несравненно дороже многолетнего содержания боевого флота, который предохранил бы от них.

Не имея флота, мы можем и вовсе потерять наши берега. Тогда Россия станет в полную экономическую и политическую зависимость от других государств.

Оборона своей территории и, в частности, морских берегов является всегда и везде одной из главнейших задач правительства. История учит нас, что ни армией, ни крепостями защищать берега невозможно. Морские авторитеты указывают, что лучшей защитой берегов является хороший флот, способный обеспечить себе господство на своих морях.

При слабом флоте, не имеющем силы оспаривать у противника преобладание на море, организация сухопутной обороны побережья отвлекает значительную часть армии, присутствие которой на сухопутном театре войны могло бы обеспечить победу. Одна уже возможность высадки десанта заставляет выделять из армии вдвое или втрое большую силу, чем мог бы иметь ожидаемый десант.

Устройство береговых крепостей с целью защиты побережья и содержание их стоит при этом меньше, чем постройка достаточно внушительного флота. Береговые крепости, как базы для флота, нужны, но оборудование таких укрепленных баз гораздо выгоднее, чем постройка целого ряда крепостей с исключительной целью защиты берегов. При значительном сопротивлении, которое может оказать сухопутному вторжению армия, опирающаяся на могущественные крепости, вполне естественным является стремление неприятеля к обходу главных сил обороняющегося. <...>

Такой обход может быть выполнен с помощью флота, который проведет транспорты с десантными войсками для высадки на отдаленном фланге или даже в тылу обороняющегося. Для противодействия такому обходу нужны целые армии, расположенные в угрожаемых районах, в ущерб силам, сосредоточенным на главном театре войны. Увеличение армии ведет к обременению государства как прямыми расходами по содержанию ее, так и косвенными — вследствие отвлечения массы молодых людей от производительного труда.

Противодействие морским обходам с помощью морской силы является гораздо выгоднее, потому что требует гораздо меньшего числа людей. Так, для укомплектования трех флотов: Балтийского, Черноморского и Тихоокеанского нужно около 100 тысяч человек и этим заменяется необходимость местных армий от 1,5 до 2 миллионов.

Обладание морской силой представляется еще особенно важным, если вспомнить, каким унижениям подвергаются государства, обремененные внешней задолженностью, и к каким уступкам их принуждают морскими демонстрациями.

Русские люди не могут желать для своего отечества чего — либо подобного, а между тем внешняя задолженность России все возрастает, и интересы иностранного капитала в некоторых местностях получают такое значение, что для их поддержания в известных случаях, например, при затяжных беспорядках может не только возникнуть намерение произвести демонстрацию флотом одной из стран, покровительствующих международным капиталистам, но при отсутствии сопротивления может быть произведена даже оккупация некоторых наших пунктов иностранными десантами.

Следствием пренебрежения к развитию морской силы России, в конце концов, несомненно должна произойти потеря приморских окраин, которые, естественно, войдут в сферу морских влияний по принципу: «море соединяет те страны, которые оно разделяет».

И если это случится, то Россия обратится в третьестепенную державу, так как южные и северные ее окраины и значительная часть Сибири в этом случае отойдут к соседям.

Этого ли состояния отечества желают те, кто отрицает необходимость немедленного развития русской морской силы?

Таким образом, кажется ясно доказано, что военный флот нужен России не только для целей международной политики, но, главное, для защиты интересов России на море и для обороны ее берегов. Последняя может быть успешной только при помощи морской силы. Оставляя вопрос о восстановлении флота открытым нельзя, так как каждый день промедления грозит непоправимыми несчастьями в близком будущем, когда России придется отстаивать не только отдельные участки территории, как это было в войне с Японией, но и само право свое на самостоятельное существование.

Не следует забывать, что затраты на военный флот не есть расходы непроизводительные. Они в большинстве случаев остаются в стране, содействуя развитию ее производительных сил и средств и питая массу рабочих.

Цель воссоздания русского флота

Стремление к мировому господству, к осуществлению принципа, что владеющий морем владеет всем миром, не может быть поставлено как основание для воссоздания флота. Россия не владеет разбросанными по всему земному шару колониями, а, наоборот, вся составляет сплошной, обширный участок на этом шаре, а потому первой задачей является обеспечение неприкосновенности страны и свободы сношений и соглашений. Под защитой флота должна окрепнуть связь окраинных берегов с центром и завершиться экономическое преобразование всей страны.

Направление в развитии флота

Научно обосновано и подтверждено историей, что для безопасности побережий и морских сношений наиболее надежным представляется иметь сильный линейный флот, не допускающий враждебных покушений.

В составе такого флота должны быть возможно сильнейшие, т.е. при современном развитии техники наибольшие по размерам корабли, и не слабее чем те, какие может выставить против нас неприятель. Число кораблей наибольшей силы должно быть также немалое, чтобы с успехом выдерживать бой. Для того же, чтобы неприятель не мог покуситься на нападение, наш флот должен быть сильнее его.

О величине потребного флота можно составить себе представление, сравнивая его с флотом других государств. Состав флота определяется его организацией, а типы судов избираются сообразно целям и средствам. <...>

О морской обороне

Пока достаточно сильного линейного флота нет, страна не может остаться без морской обороны, а между тем побережья наши при слабости морских сил могут подвергнуться нападению неприятельского флота.

Обращаясь поэтому к другому способу обороны, который состоит в применении минных заграждений и миноносцев как надводных, так и подводных, Лига видит в этом средство затруднить нападение на наши порты и берега и, вследствие этого, отстранить соблазн даже со стороны сильнейших врагов. Некоторое несовершенство такого способа обороны оправдывается однако тем, что она может быть развита в достаточной мере быстро и с относительно малыми затратами, причем можно будет использовать многое из наличных средств.

Под прикрытием указанной оборонительной завесы можно спокойнее выполнить план воссоздания флота и подготовить предварительными работами верфи и заводы, быстрее выстроить линейный флот.

В то же время Лига, конечно, не допускает мысли, чтобы Россия могла занимать только пассивное положение и считает необходимым обеспечить некоторое влияние в международных делах и поддерживать общение с заграницей. Это может быть достигнуто содержанием летучих отрядов и посылкой практических эскадр из готовых крейсеров и броненосцев, к которым, по мере окончания, будут присоединяться ныне находящиеся в постройке.

Во всяком случае, постройка большого линейного флота требует значительного времени и нельзя ожидать готовности первых броненосцев ранее четырех или пяти лет, а поэтому представляется опасным оставлять все это время без достаточной защиты хотя бы главнейших морских позиций. Опасность положения еще увеличивается вследствие намерения Военного Ведомства упразднить некоторое число приморских крепостей. Хотя впоследствии и предполагается оборудовать новые, более сильные позиции, но горький опыт показывает, что война может грянуть именно тогда, когда крепости еще не достроены и линейный флот не доведен до требуемой силы.

Вследствие этого представляется необходимым временно обосновать морскую оборону на таких средствах, заведение которых может быть сделано быстро, с относительно небольшими затратами.

Первое место в ряду средств морской обороны занимают мины заграждения. <...>

Важное место в морской обороне должны занимать подводные лодки, вооруженные усовершенствованными самодвижущимися минами Уайтхеда. Такие лодки могут, заняв удобную позицию, действовать как подводные батареи по мимо идущим судам или же сами скрытно подходить к ним. Кроме того, подводные лодки, как сказано выше, незаметно для неприятеля ставят на его пути минное заграждение.

Придавая серьезное значение подводным лодкам, однако не надо упускать из виду, что при относительно малой скорости их движения и при небольшой видимости (горизонта с них), они могут с успехом обслуживать лишь избранные участки обороны, а потому для лучшего ее обеспечения нельзя ограничиваться малым числом лодок.

Так как в настоящее время уже имеется некоторое число русских подводных лодок в морях: Балтийском — 16, Черном — 2 и во Владивостоке — 13, то дальнейшая в них потребность определится по ближайшим соображениям условий обороны:

в Балтийском море: 24 дальних и 30 средних и малых,

в Черном море: 18 дальних и 18 средних и малых,

во Владивостоке: 12 дальних и 20 средних и малых.

Всего: 54 дальних и 68 средних и малых.

Считая большие лодки около 500 тонн, стоимость их, по современным условиям, определяется в 1.200.000 рублей каждая; стоимость средних — 500.000 рублей и малых — 200 тысяч рублей: всего потребуется 80.000.000 рублей.

Есть возможность, в расчете на усовершенствования, для первой очереди развития минной обороны в течение четырех лет ограничить ее половиной, т.е. 40 млн. рублей. <...>

Указания из прошлого опыта

После Крымской кампании наши морские силы были, казалось, в самом печальном состоянии: Черноморский флот был уничтожен, а Балтийский состоял из парусных судов, если не считать девяти пароходофрегатом и отряда канонерских лодок. Но в царствование Императора Александра II произошло великое обновление русского флота. Были построены новые корабли: вместо парусных — паровые; вместо деревянных — железные и броненосные; вместо гладкоствольных заведены нарезные орудия; введены подводные мины и построены миноноски. Суда начали снабжаться электрическим освещением и другими удобствами. Флот был обновлен не только материально, но и духовно: служба матросов облегчена и сокращен ее срок; тяжкие наказания прежнего времени отменены и заведены многочисленные школы. В то же время было устроено много заводов для постройки судов и их машин, так как постройка обновленного русского флота производилась почти исключительно в России и русскими мастерами. Все это было сделано несмотря на то, что обстоятельства требовали крайней бережливости.

Эта заботливость о флоте не осталась втуне, и он не раз сослужил в то время службу России, поддерживая ее достоинство и интересы.

Так, во время польского восстания наши суда охраняли берега от подвоза подкреплений через Курляндию, а две эскадры в Атлантическом и Тихом Океанах, подойдя к берегам С. Америки, поддерживали своим присутствием дружественное России правительство Соединенных Штатов, борющееся за освобождение негров, и, в то же время, угрозой нападения на морскую торговлю он отстранил вмешательство Франции и Англии в наши дела. Когда в 1867–1868 гг. христианское население Крита отстаивало свои жизнь и веру против турок, наши суда оказывали разнообразное содействие бедствовавшим грекам. Во время войны за освобождение балканских славян моряки в 1877 году содействовали армии переправе через Дунай, а в Черном море, с помощью вооруженных морских пароходов и миноносок, производили смелые нападения на турецкие суда. Моряки содействовали армии и в походах Скобелева для усмирения туркмен, и одновременно в Тихом океане в 1880 году была собрана большая эскадра для обеспечения соглашения с Китаем в споре из-за пограничных вопросов.

Таким образом, Русский Императорский Флот не отставал от сухопутной армии, которая усмирила польское восстание, покорила Кавказ, присоединила многие области в Азии и совершила чрезвычайные подвиги, при участии самого Государя, в войне с Турцией в 1877–1878 гг. Последствием этой войны было освобождение славян из-под турецкого владычества, а Россия получила Батум, Карс и возвратила себе часть Бессарабии и устье Дуная.

Результаты были бы, конечно, еще значительнее, если бы к этому времени на Черном море мы успели бы завести настоящий военный флот, после того как в 1871 году было уничтожено ограниченное наших морских сил, установленное после неудачной для нас Крымской кампании.

Этот урок прошлого показывает, что сокращение морского бюджета после неудачной Крымской кампании отозвалось-таки уменьшением боевой силы флота и в значительной мере повлияло на

недостаток подготовки к войне с Турцией. Хотя главные сокращения начались с 1866 года и не помешали обновлению флота, но поддержке заводов и практике кадров личного состава уделялись минимальные средства. Поэтому, когда в восьмидесятых годах было принято решение увеличивать морские силы, то для поднятия заводов на должную высоту потребовались большие суммы, а личный состав хотя и имелся налицо, но новые руководители морской деятельностью сочли нужным обратиться к дорого стоившим реформам для его обновления.

В то же время Высочайшее внимание к флоту обеспечивало все большие и большие ассигнования. Служба во флоте получила привилегированный характер. Сам Государь проводил часть лета в плавании и при нем происходили все морские торжества.

Высшее руководство Флотом и Морским Ведомством более четверти века находилось все в тех же руках Великого Князя Генерал-адмирала; и в последние годы ясно обозначилась реальная цель для флота — борьба за наше положение на Дальнем Востоке, причем ассигнования еще увеличились.

Трудно представить себе более благоприятные условия для развития флота, однако, в результате всех усилий, он был разгромлен, и самая необходимость и возможность восстановления его подвергается сомнению!

Существенная причина такого результата выясняется из сопоставления тех общих условий, при которых приходилось развиваться флоту в рассматриваемые два периода.

После Крымской кампании наступило оживление во всей государственной деятельности и Морское Ведомство занимало некоторое время передовое место в этом движении.

Глава его поощрял общение с широкими слоями общества и этот импульс действовал даже после изменения взглядов руководящих сфер. Но после восьмидесятых годов, наоборот, флот все более и более обособлялся, и его руководители не считались с общественным мнением и действовали иногда даже вопреки ему. В своем обособленном состоянии флот не стал близким народной душе и в самой среде его личного состава, несмотря на меры к формальному объединению, все глубже развивалась рознь и отчуждение командующих от подчиненных.

Если ныне, при создании флота, будет упущена из виду указанная разница отношений, то трудно рассчитывать на сочувствие широких слоев населения к флоту и нельзя будет отстранить подозрений, что личные интересы его деятелей заслоняют пользу государства, а сооружение флота является лишь предлогом для различных спекуляций.

Главным благоприятным условием при воссоздании флота представляется единение между властью и населением, и все, от кого зависит ускорить и упрочить это единение, должны приложить к тому все свои усилия.

Лига Обновления Флота со своей стороны обращается к широким слоям населения и к представителям власти — исполнительной и законодательной — с призывом о содействии общему делу на благо Государю и Родине и, как вывод из вышеизложенных соображений, полагает необходимым высказать следующее.

Заключение

1) Для обороны морских границ Империи и поддержания ее достоинств в международной политике — без чего невозможно мирное преуспевание во внутренних задачах — необходимо широкое развитие морских сил и средств.

2) Морская сила России должна явиться выражением жизнедеятельности всей страны, как результат работы ее собственных производительных сил, при широком общении с мировым прогрессом.

3) Постройка соответствующего интересам России линейного флота (боевых эскадр) может быть начата лишь при условиях:

а) что этот флот будет соответствовать задачам внешней политики страны;

б) что ассигнования на его постройку будут выдаваться беспрепятственно и непрерывно, по заранее определенному плану, чтобы выполнение судостроительной программы совершалось возможно скорее;

в) что будет подготовлен личный состав, качеством и количеством удовлетворительный для такого флота.

4) Такой линейный флот должен состоять из кораблей, представляющих собой последнее слово техники как по величине, так и по типу, силой не ниже иностранных, а потому отнюдь не должно заказывать суда слабее чем те, которые уже строятся за границей (для заграничной же). При перевороте, совершающемся в кораблестроении, нужна особая предусмотрительность в выборе типа и крайне опасно принять недостаточно прогрессивный или осужденный на упразднение тип за основной для будущего флота.

5) Пока не будем иметь достаточно сильного флота, необходимо организовать морскую оборону имеющимися средствами (минными судами, заграждениями и т.п.), чтобы и теперь нельзя было захватить Россию врасплох как на главных, так и на второстепенных морях. Для этой цели требуется

дополнить количество мин, миноносцев, подводных и броненосных канонерских лодок, а также перевооружить суда с устаревшими орудиями.

6) Чтобы не допустить совершенного отчуждения заброшенных ныне дальневосточных окраин, необходимо сформировать отряд небольших судов, которые должны постоянно обслуживать берега Приамурского и Камчатского края для тщательного исследования побережья и облегчения эксплуатации их русскими предпринимателями. Для этой цели возможно, например, послать туда из Балтийского моря еще двенадцать небольших миноносцев, укомплектованных наиболее энергичными и образованными офицерами.

7) Произвести в управлении Морским Ведомством и Флотом необходимые изменения в смысле *систематического разделения командования плавающим флотом от хозяйственного заведования сооружением и снабжением флота.*

8) Обратить особое внимание на подготовку личного состава флота, для чего необходимы следующие меры:

а) преобразование Морского Корпуса и Морского Инженерного Училища в Морское Училище, общее для всех отраслей морского дела с 3-х годичным курсом и усиленной практикой в море;

б) немедленное начало подготовки матросов из мальчиков-юнг, воспользовавшись для этого старыми учебными судами;

в) усиленное обучение специалистов из нижних чинов в плавании, пользуясь незамерзающими морями, и удерживание их на долгосрочной службе улучшением содержания, правами по производству и пенсиями;

г) формирование трех летучих отрядов: одного из трех старых рангоутных (с мачтами) учебных судов для плавания вокруг мыса Доброй Надежды во Владивостоке; другого — из трех наибольших крейсеров для отправления вокруг Америки в Тихий Океан и третьего — из четырех средних крейсеров для отправки через Средиземное море и Суэцкий канал в Индийский океан. Эти плавания и дальнейшие упражнения особенно важны для практики и для достижения сплоченности личного состава и

д) восстановление шхерного отряда Балтийского моря как постоянной организации для фактического занятия, владения и исследования финских шхер.

В заключение всего сказанного необходимо заметить, что исполнение всех этих предуказаний вполне соответствовало бы предначертаниям Всемилоштивейшего Рескрипта Государя Императора от 29 июня 1905 года на имя Морского Министра, где было изображено: *«Что касается выработки и выполнения будущей программы военного кораблестроения, то первой священной обязанностью морского ведомства Я ставлю безотлагательное обеспечение морской обороны отечественных берегов во всех наших водах, а затем уже, в зависимости от средств, постепенное воссоздание боевых эскадр».*

Однако до сего времени Лига еще не замечает достаточного улучшения в состоянии морской обороны.

Офицерская жизнь. – 1908. – № 105. – С. 67–68; № 108. – С. 114–115; № 113. – С. 201; № 118. – С. 264–265; № 145. – С. 646–647.

К ЗАКОНУ ОБ ИМПЕРАТОРСКОМ РОССИЙСКОМ ФЛОТЕ

Отсутствие планомерного судостроения в течение шести лет после войны 1904–1905 гг. при чрезвычайных усилиях, предпринятых в этот промежуток времени всеми великими державами для создания и развития морской вооруженной силы, привело флот России к положению не только не отвечающему ее достоинству, но и вызывающему опасение за обеспечение насущных политических интересов, до территориальной неприкосновенности включительно.

Политическая мощь государства основывается на вооруженной силе; одностороннее развитие этой силы при настоящем положении вещей не может обеспечить международного могущества и прежде всего мира, столь необходимого для нашего культурного развития.

При громадном росте морских вооруженных сил наша слабость в этом отношении создает в высшей степени *угрожающие перспективы*, ввиду отсутствия прочных гарантий политической независимости, которое приводит нас к возможности быть поставленными в необходимость принять участие в войне тогда, когда это совершенно не будет отвечать нашим задачам и интересам.

Политическое равновесие поддерживается определенными комбинациями великих держав, международное значение которых в последнее время базируется на огромных морских вооружениях. Иметь значение в этих комбинациях может только та держава, военное могущество которой опирается на сильную армию и сильный флот. То государство, которое не располагает флотом, не может иметь решающего голоса там, где вооруженная морская сила является главным основанием; такое государство не может быть ни желательным союзником, ни противником, с интересами которого приходилось бы считаться в достаточной и необходимой мере.

Исторически Россия стала Великой Державой с того времени, когда на море появился ее флаг, а говоря более определенно, когда она стала господствовать на Балтийском море. После 200 лет, протекавших с того времени, нет решительно никаких оснований думать, что это условие изменилось.

Периоды политического могущества России неизменно были связаны с развитием флота, но оборонительные тенденции, уменьшение средств на флот, придание ему второстепенного значения, уже привели к двум проигранным войнам (1853–1854 гг. и 1904–1905 гг.). Эти две войны явились следствием нашего бессилия на море и могли быть предотвращены только наличием сильного флота. Объяснения наших неудач недостатками сухопутной вооруженной силы являются совершенно ложными, — удары, которые мы получили в последние 50 лет, не могли быть отражены сухопутной силой, а только флотом, так как они наносились с моря, и впредь мы никогда ни при каких обстоятельствах не будем гарантированы от повторения, пока состояние нашего флота не изменится.

Надо принять как неизменное положение, опирающееся на военную историю, что сухопутные силы любого государства, развернутые на сухопутном фронте, отвечающем его территориальной границе, со стороны морей, прилегающих к этой границе, имеют при отсутствии вооруженной морской силы открытые фланги, которые обеспечить может только флот и ничто другое.

Оценка общей стратегической обстановки нашего европейского театра войны особенно рельефно подтверждает это обстоятельство; фланги нашей армии, действующей на западном фронте, примыкающие к Балтийскому и Черному морям, при отсутствии или слабости морской силы на этих морях, явятся объектами десантных экспедиций.

В войнах на западном фронте при повторении эпизодов русско-турецкой войны, в борьбе на Дальнем Востоке мы неизменно встретим это положение, стратегически определяемое как слабость наших сухопутных вооруженных сил, с естественными последствиями, из этого положения проистекающими.

Развитие флота есть вопрос прежде всего мира, т.к. грозное развитие морских вооруженных сил наших политических соседей не только вызывает опасения за результаты в случае непосредственного столкновения с ними, но и за саму возможность сохранения нейтралитета, достоинства и чести во время борьбы между двумя другими державами.

Все попытки заменить свободную морскую силу, основанные на технических средствах борьбы, до сего дня являются безуспешными — это осознали все государства всего мира, несмотря на разность интересов международного и географического положения, создавая для целей борьбы на море боевые линейные флоты, о которых в настоящее время только и можно говорить как об оружии. Только сильный линейный флот, способный выйти в открытое море, отыскать противника и дать ему успешное сражение, может удовлетворить требованиям неприкосновенности государства как в отношении его политических интересов, так и в смысле территориальной безопасности тех его частей, которые соприкасаются с морем.

Всякая другая защита сведется к созданию для сильнейшего противника более или менее легко преодолимых препятствий, которые никогда не могут иметь решающего значения, пока не будут наводиться в связи с линейным флотом и опираться на его поддержку.

Вооруженная морская сила должна быть создана на том из морей, где она может иметь решающее значение в международных конфликтах, где политическая роль ее обеспечивается соприкосновением и воздействием на морские силы великих держав и где она может явиться желательным союзником или грозным противником при всевозможных политических конъюнктурах.

Как выше указывалось, Балтийское море, на котором при помощи флота создано наше политическое могущество, сохранило до сего дня свое полное значение и создание соответствующей силы должно быть именно на этом море.

Остальные моря являются второстепенными театрами или в отношении объектов военных предприятий вероятных противником, или же с точки зрения политического могущества соседей.

Необходимо иметь в виду, что большинство вопросов, связанных с Черным морем и Ближним Востоком, решаются на Балтийском театре, и наше политическое положение на Дальнем Востоке, поскольку оно связано с политикой великих европейских держав, в значительной мере зависит от нашего могущества на ближайших европейских театрах.

Все вышеизложенные соображения о значении вооруженной морской силы на Балтийском море, вытекающие из сложившихся исторически и вызванных политическими условиями последнего времени положений, определяют необходимость скорейшего создания флота на Балтийском море.

Только могущественным флотом на Балтийском море можно достигнуть:

1) Обеспечения политической независимости, которая может быть осуществлена только при наличии правильно развитой вооруженной морской силы.

2) Обеспечения мира, необходимого для культурного развития России и сохранения возможности начать военные действия только тогда, когда они действительно будут вызваны государственными требованиями, а не посторонними интересами.

3) Обеспечения нашей территориальной неприкосновенности, которая в Финляндии и Прибалтийском крае может быть гарантирована только флотом.

4) Поддержания наших исторических интересов на Ближнем Востоке, в настоящее время в значительной степени зависящих от нашей военно-политической мощи на Балтийском море.

Только наличием флота можно разрешить удовлетворительно все задачи более частного и второстепенного значения, проистекающие из стратегических соображений, связующих действия армии и флота по общей цели, как то: защита фланга нашей армии от десантных предприятий, неприкосновенность столицы, предупреждение развития операций на второстепенном Финляндском театре и прочее.

Все эти специального характера вопросы непосредственно связаны с представлением о защите отечественных берегов, а эта защита может быть выполнена наиболее целесообразно только флотом.

В силу вышеизложенного, необходимо обеспечение создания в возможно скором времени из Балтийского флота такой силы, которая бы являлась серьезным противником или союзником для всякой великой державы.

Выше указывалось на полную непригодность каких-либо импровизаций в отношении характера вооруженной морской силы. Вопрос о создании специального флота определяется всецело его возможностью борьбы с флотом великих держав, которые могут появиться в наших водах. Наше побережье Балтийского моря, исключая шхерный финляндский район, по своим особенностям ничем не отличается от берегов того же моря, выходящих за пределы нашей границы, а также берегов Северного моря в смысле возможности развития военных действий при помощи флотов, которыми располагают наши соседи.

Появление в наших водах огромных боевых эскадр, состоящих из судов всех типов, которые выработаны современной военной техникой, и связанные с этим появлением последствия, могут быть предотвращены только однородной силой, т.е. правильно сложенным линейным флотом, в состав которого входят в определенных сочетаниях несколько типов боевых судов, от линейных кораблей до подводных лодок и заградителей включительно.

Оценивая существующее положение нашего флота, необходимо признать своевременным вопрос о том, должна ли Россия иметь флот или же она может от него отказаться, так как в первом случае является совершенно необходимым решительно приступить к усиленной строительной деятельности, во втором — столь же решительно приступить к разгрузке государственного бюджета от бесцельной ежегодной траты свыше ста миллионов рублей на содержание флота, неспособного к выполнению какой бы то ни было боевой задачи. В случае войны бесцельность гибели наличного флота и бесцельность ежегодных затрат на содержание и поддержание его в состоянии кажущейся боевой готовности — очевидны каждому. Затраты эти имеют оправдание лишь в том случае, если наличные силы флота предназначены для составления кадрового ядра при создании морского могущества государства.

Мотивами к отказу от создания флота для России могут служить лишь два положения:

1) Признание России исключительно сухопутным государством, не имеющим интересов на море и морские границы которого не требуют защиты.

2) Признание финансового состояния России в столь неудовлетворительном состоянии, что о создании боееспособного флота не может быть и речи.

Признать Россию исключительно сухопутным государством не представляется никакой возможности. Необходимость наличия флота и невозможность защиты Государства одной армией настолько очевидны, что говорить об этом не приходится и, таким образом, остается лишь вопрос о финансовом состоянии России.

Не входя в рассмотрение этого вопроса по существу, следует иметь в виду, что наши затраты на вооруженную силу относительно ниже таковых остальных великих держав и, если признана будет необходимость наличия флота для России, то нет и не может быть такого препятствия, которое в состоянии было бы помешать созданию его. Это обстоятельство необходимо поставить в основание всех соображений при создании средств обороны Государства.

Итак, приведем те основные положения, на которых необходимо базироваться при создании флота:

1) Для защиты отечественных берегов и интересов России на море — России необходим боееспособный флот.

2) Единственное обеспечение насущных интересов государства заключается в создании флота настолько сильного, чтобы он мог воспрепятствовать каким бы то ни было операциям противника, дать ему бой и одержать победу.

3) Материальные и интеллектуальные силы Империи допускают создание такого флота без особо чувствительного обременения народа, а оборона государственных границ и интересов настоятельно требуют создания его.

4) Наличие такого оружия морской самозащиты России является лучшим средством для избежания таких нарушений ее интересов и чести, которые могли бы привести к неизбежности войны, столь пагубной для процветания государства.

5) Наличие такого флота даст народу сознание в силе государства, которое увеличит предприимчивость и обусловит успех культурного развития.

6) Вследствие этого признается необходимым обеспечить создание в возможно скором времени Российского флота настолько сильного, чтобы он представлялся бы грозным противником, а равно и желанным союзником, даже для могущественнейшей морской державы.

7) Для того, чтобы этому насущному и неотложному мероприятию дать твердую законную почву, признается совершенно необходимым определить законодательным актом численность боевого флота и крайний срок, в который она должна быть достигнута, а также установить порядок замены устаревших судов новыми. <...>

Закон об императорском российском флоте и программа усиленного судостроения. – СПб., 1911. – С. 3–11.

* * *

За последнее время политическое положение Европы становится очень тревожным. Постепенно и планомерно готовятся крупные события. Все указания сходятся к 15 и 16 годам, как к началу великой борьбы, долженствующей в корне изменить существующие веками соотношения держав.

Примечание. Такие указания вовсе не исключают взрыва в ближайшем будущем. С приближением предположенного времени отношения стали настолько напряженными, что всякая случайность может вызвать катастрофу. <...>

Центр тяжести международных интересов в Европе переместился с суши на море. На первом плане стоит борьба Англии с Германией из-за обладания Немецким морем. В случае осуществления немецких вождедений, Россия будет окончательно отрезана от океана. Нам вследствие этого следует всячески поддерживать Англию в этой борьбе, но не имея флота, мы ничего предпринимать не можем, а только рискуем потерять Прибалтийский край с Петербургом, так как защищать побережье сухопутными силами физически невозможно.

Для освещения этого последнего факта очень полезно обратиться к собственной истории.

В 1200 году король Датский Вольдемар высадил в Ливонии рыцарей, овладел страной и обратил Ригу и Ревель в стапельные пункты своей торговли; тогда-то весь южный берег Балтийского моря отошел от державы Рюрика.

Для возвращения его потребовалось полтысячи лет напряженной военной борьбы, приводившей Русское государство к тяжким шатаниям. Эта борьба подробно исследована в многотомном историческом труде генерал-адъютанта Куропаткина «О задачах Русской армии», где для вдумчивого читателя выясняется все роковое значение отсутствия флота в Московском государстве.

В конце XVII столетия борьба за морской берег еще продолжалась и также неудачно: при царе Алексее Михайловиче мы снова должны были оставить попытку завоевания Ливонии, ограничившись безрезультатным опустошением страны.

Все эти тяжелые для всего народа вековые попытки армии к овладению морскими берегами имели лишь одно практическое значение: они готовили Россию к сознанию необходимости флота.

Еще Иоанн Грозный, не будучи в состоянии своими войсками взять ни Ревеля, ни Риги, снабжаемых от шведского флота средствами для войны, пришел к убеждению в необходимости иметь военный флот на Балтийском море и просил королеву Елизавету прислать ему людей, знающих кораблестроение и кораблевождение. Известно также, что исполнив все другие просьбы Иоанна, королева английская не прислала ему как раз только этих людей и как она огорчила этим Иоанна. За невозможностью создать свой военный флот Иоанн Грозный убедил свою союзницу в необходимости посылки в Балтийское море английской эскадры, которая, однако, взяла на себя только дело охраны Нарвской торговли, не приняв более деятельного участия в борьбе Иоанна в Ливонии.

Отсутствие флота в Русском государстве слишком отягчало борьбу за обладание морскими берегами, что привело Россию к истощению материальному и нравственному, но и в смутное время идея о военно-морской силе не умерла на Руси, и в первой же грамоте Патриарха Гермогена распадающейся России содержится напоминание о господстве над морем. Вот эта грамота: «Отцы Ваши не только к Московскому царству врагов своих не пропускали, но и сами ходили в морские отоки, в дальние расстояния и в незнаемые страны, как орлы остро зрящие, как на крыльях парящие и все под руку покоряли Московскому Государю — Царю».

Когда Густав Адольф оторвал Россию от финляндских берегов и когда, насмехаясь, писал своей матери о том, что «русские теперь не скоро перешагнут через этот ручеек» — Неву, у истоков которой построен был шведами Нотебург — и не скоро вернут себе выход в Финский залив, он — Густав Адольф — хорошо знал, почему так случилось, что бедная ничтожная страна победила страну великую; он понял это еще лучше, когда ему пришлось отнимать у императора Стральзунд.

Густав Адольф так объяснил разницу между немецкой военной силой в 1628 году и русской в 1612 году: «У русских не было тогда и лодки, на которой они могли бы показаться на море (прибрежный, т.е. позиционный, речной флот — был), среди них не нашлось бы тогда и человека, понимавшего в морском деле, у императора же в распоряжении — громадные средства для постройки флота, у него найдутся и сведущие моряки, гавани его так защищены, что вредить им нет возможности, блокировать трудно».

Иными словами, Густав Адольф считал отсутствие флота у московского государства причиной потери Балтийских берегов.

Но в то же время и русские люди понимали значение флота, понял его царь Алексей Михайлович, понял его Ордын Нащокин, — «и хоть намерение отеческое не получило конца своего, однако же достойное оно есть вечного прославления, понеже довольно являет, какого духа был оный монарх, и от начинания того аки от доброго семени произошло дело морское», — говорится в предисловии к первому Морскому Уставу.

И когда процвело это «доброе семя» царя Алексея Михайловича «и не суетная явилась надежда быть свершенному флоту морскому в России», то создатель его Император Петр I осудил всю прошлую русскую историю такими словами: «Во времена древние, в которые доходить может память историческая, не имела Россия флота Морского, хотя и могла иметь, если бы мысль о том и попечение было. Настали же времена лютейшие, когда о том ниже мыслить было невозможно».

Таким образом, это наступление «лютейших времен» для России как бы поставлено в зависимость от того, что в предшествовавшие времена флот не был создан.

Сознание Петра Великого в необходимости флота было столь ясно и могущественно, что «и война долгая не сделала остановки ему и многие иные как гражданских, так и военных нужд трудности (среди них трудности государственного, в частности, военного сухопутного бюджета) не учинили препятствия» и флот был наконец создан — и тогда только мы заняли южные и северные берега Финского залива.

Итак, 500 лет Россия тщетно старалась вернуть себе потерянное Балтийское побережье и за неимением флота ничего достигнуть не могла. Она лишь изнемогала в этой борьбе и дожила до «лютейших времен». Неужели это не доказательство?

В России постоянно приходится повторять старую истину, что для обороны берегов нужен флот, что главным источником богатства страны является морская торговля и открытый доступ к мировым рынкам и что все это зависит от морских вооруженных сил. Особенно в последнее время, вследствие сильного экономического подъема всех цивилизованных народов, морские пути приобрели выдающееся значение, а вместе с ними и морская оборона. По ежегодным бюджетам континентальных держав видно, как расходы на флот начинают все более равняться с издержками на армию и в скором времени надо ожидать, что значение последней отступит на второй план и что военная сила государств выразится главным образом в боевой способности флота. Но у нас пройдет еще много вре-

мени, пока народное хозяйство достигнет достаточной степени напряженности, чтобы все эти явления стали не только понятными, но и осязательными для общества. Со дня смерти Петра I в нашей родине борются два направления: дух Великого императора и инстинкты старого московского царства. Основатель нашего флота заставлял Россию насильно выглядывать в прорубленное им окно в Европу и по сей день у нее осталось стремление прятаться обратно в свой терем. Во всякое время процветание флота бывало делом рук отдельных просвещенных и энергичных людей. Никогда создание его не исходило из сознания народного.

До сих пор огромное большинство не только простонародья, но даже нашей интеллигенции никогда не видело моря, имеет крайне смутное в нем понятие, не любит и боится его. Военный флот для него сказочный царевич, ничего общего с действительной жизнью не имеющий, и теперь еще представителям морских вооруженных сил приходится преодолевать не только естественные препятствия в их трудном деле, но и пассивное сопротивление своей родины.

При таком отсутствии реальной связи с народом флот нуждается в постоянной рекламе, и всякая неудача губительна для его популярности. Даже такие вопиющие доказательства его необходимости как взятие Севастополя и Порт-Артура или потрясающее впечатление, произведенное вторым Роченсальмским боем и поражением Нассау-Зигена, возымели самые неожиданные последствия.

Вместо того, чтобы немедленно приступить к воссозданию своих морских сил, Россия каждый раз стала сомневаться в их пользе: да подходит ли вообще к нам это заморское изобретение? Старые Московские инстинкты очень живучи.

В последний раз они дали себя знать в скрытом виде. Явно отрицать пользу флота никто не посмел. Это было бы необразованно. Но, с одной стороны, стали искать ему более дешевый суррогат, а с другой — воспользовались этим вопросом для внутренней политики и для соблюдения экономии. Острую нужду в нем ощущали лишь немногие отдельные лица.

Желание заменить флот чем-нибудь более дешевым есть хроническое явление у всех сухопутно-настроенных народов. Оно происходит главным образом от непонимания огромной важности морской обороны. Иначе они не предлагали бы строить дело такого государственного значения на случайностях нового изобретения. Всякая гениальная идея и усовершенствование в области техники очевидно может принести неизмеримую пользу. Вспомним, например, появление монитора в войне северных и южных штатов. Но не надо забывать, что всякое новшество дает нам преимущество лишь на короткое время, пока оно не сделается общим достоянием, а, кроме того, следует твердо помнить, что по законам природы успех всякого дела прямо пропорционален вложенному в него труду и средствам. На случайном исключении из этого правила нельзя строить крупное государственное предприятие.

Что касается того, что у нас 5 лет после войны упущены в пререканиях законодательных палат Морским ведомством, в сокращении средств на морскую оборону и в нерешительности всего правительства при воссоздании флота, несмотря на ясно выраженную Высочайшую Волю, то это можно также приписать лишь неведению размеров опасности, вытекающей для Империи из недостатка морских вооруженных сил. Если бы правительство и общество ощущали непосредственное значение флота, то давно нашлись бы средства и нравственные, и материальные, чтобы не только поддержать Морское ведомство в своих попытках к восстановлению флота, но даже, в случае надобности, чтобы заставить его развить самую энергичную деятельность. На самом деле Морское Министерство, если можно так выразиться, бойкотировалось со всех сторон, как будто флот не служит для безопасности страны, а интересам ведомства. В итоге прошло драгоценное время. Лишь два года тому назад были заложены четыре броненосца, и только в 1911 году появилась первая необходимая мера для планомерного создания морской обороны, а именно, был выработан *Закон о флоте*.

Закон этот, определяющий состав флота и планомерное развитие его по срокам, имеет первостепенное значение. Он составляет основу всего дела создания морских сил. Расход на флот огромный и добывание средств для него стоит государству тяжелых жертв, оправдываемых лишь настоятельной необходимостью обеспечить собственную безопасность. Меры, от которых зависит дальнейшая судьба Империи, не могут и не должны подвергаться случайностям. Нельзя поставить их в зависимость от остатков бюджета, от удачного или неудачного финансового года, от необходимости других расходов по государственной росписи или даже от настроения законодательных учреждений. Расходы на оборону страны подлежат удовлетворению в первую голову раньше всех других потребностей, так как без них никакие расчеты экономической жизни не обеспечены выполнением. Поэтому нет надобности, да и нет возможности определить точную финансовую смету судостроения и других расходов вперед на многие годы, но надо во всяком случае обеспечить наиболее целесообразное и экономичное применение отпускаемых средств. С этой целью необходимо определить заранее в широких чертах размеры и способ развития морских вооруженных сил, посредством закона, обязательного к выполнению для всех ведомств и для всей Империи, в расчете, что необходимые средства должны быть отпущены тем или иным путем по мере действительной необходимости.

Такая мера необходима по следующим причинам.

1) Для фактического осуществления судостроительной программы надо приблизительно знать намерения правительства на 20 лет вперед. Усиленное развитие флота нигде, и даже в Англии, не обходилось без соответственного добавления к судостроительным средствам страны. У нас, где такой частной промышленности вовсе не существует и где судостроительные заводы служат исключительно потребностям военного флота, средства таковых должны быть строго приравнены к нуждам последнего. При известном увеличении морских сил придется даже вновь создать некоторые отрасли промышленности и сильно расширить существующие. Ясно, что и Морскому ведомству, и заводам необходимо знать: на какую производительность они могут рассчитывать в продолжение некоторого не слишком короткого срока, чтобы иметь возможность окупить первоначальные расходы на оборудование. Иначе даже невозможно развить в стране необходимые для осуществления судостроения заводские средства. Для упорядочения и удешевления производства необходимо сохранить за заводами равномерную производительность в продолжение многих лет, для чего следует заранее разработать план распределения заказов на тот же срок. Наконец, торгово-промышленные сношения имеют свои привычки и свою рутину. Для направления их в новую колею потребуются время, но только когда они приспособятся к вновь возникающему производству для нужд флота, можно рассчитывать на подешевление материалов и на нормальные цены. Большое дело требует больших сроков. Без закона о флоте даже физически невозможно осуществить крупную судостроительную программу. Примером могут служить Германия и Франция. В первой уже с 1898 года действует закон о флоте и строго исполняется, во второй — правительство до сих пор не могло добиться от демократического большинства палаты определенного решения в этом вопросе.

Германия за последние 10 лет истратила на флот около 1.160 миллионов рублей и при этом в ряду морских держав попала с 6-го на 3-е место, Франция израсходовала за то же время 1.230 миллионов и при этом попала со 2-го места на 5-е.

2) Развитие морских сил влечет за собой не только постройку кораблей, но создание многих других средств, требующих долгодней подготовки. Относительно офицерского состава затруднения еще усугубляются тем, что его надо не только обучить, но и привлечь на службу. Мало расширить Морской корпус. Надо его наполнить желающими из подходящих элементов. На все это требуются годы и нельзя рассчитывать на удовлетворительные результаты, если не будет выработан подробный план комплектования и обучения на 10 и более лет. В этой области постоянно встречаются психологические факторы, действие которых тянется годами. Очевидно, тут без определенных данных относительно количества и распределения личного состава на долгие сроки вперед самый талантливейший администратор ничего не создаст. Необходимо иметь закон о флоте.

3) Всякая военная операция требует разработки предварительных соображений и плана войны. В данном случае работа усложняется еще и тем, что действия флота должны быть согласованными с таковыми же сухопутных сил. Задача его состоит в освобождении армии от забот о своих флангах и в замене ненадежной и слишком дорогой обороны морского берега сухопутными войсками охраной его целесообразным и естественным способом. Войска Петербургского, Одесского и Кавказского округов должны иметь возможность присоединиться к нашим главным силам на сухопутной границе для обеспечения численного превосходства на важнейшем театре военных действий, оставляя попечение о морских берегах всецело на флоте. Такая замена может происходить лишь постепенно, по мере развития морских сил. Надо заранее знать, когда и в какой мере можно будет предоставлять оборону побережья морякам и убирать войска. Если же состав и боевая сила флота останутся в неизвестности, то придется принимать целый ряд других мер, необходимых для защиты морского берега без него. Нам придется строить крепости там, где они, собственно, при наличии флота не нужны, придется развить целую сеть железных и шоссейных дорог для быстрого сосредоточения войск к точкам вероятной высадки и к столице. Все эти расходы излишни, если своевременно появится оборона морская. Надо заранее знать, на что можно рассчитывать, чтобы не расходовать средства вдвойне для одной и той же цели. Итак, необходимо иметь закон о флоте.

4) Совершенно то же самое надо сказать относительно наших сношений с предполагаемыми союзниками. Если мы хотим действовать согласно с Францией и с Англией, а главное, если мы хотим быть уверены во взаимной поддержке, когда она потребует, то надо заранее сговориться относительно момента выступления и способа действий. Сухопутные генеральные штабы России и Франции уже вступили в связь. Необходимо морскому генеральному штабу завести такие же сношения с французским и английским морскими генеральными штабами. Но не надо себя обманывать. Любая иностранная держава согласится на взаимную поддержку лишь в таком случае, если она получит уверенность в пользе от нашего участия. Для Франции наша сухопутная сила имеет значение. Англию же мы можем привлечь только флотом. Итак, нам и тут надо заранее знать, на какую морскую силу и в какое время мы можем рассчитывать у себя, чтобы не только сговориться с нашими союзниками относительно взаимной связи и поддержки, но чтобы побудить их вообще к активным действиям в критическую минуту. И на этом поприще мы без закона о флоте шага ступить не можем.

Итак, точно определенный и обязательный к исполнению закон о флоте составляет основу всякой полезной деятельности Морского ведомства. Без него нельзя даже начать сколько-нибудь плодотворной работы, нельзя выработать ни плана судостроительной деятельности, ни меры к образованию личного состава, невозможно предопределить основную идею плана войны и согласовать наши действия с сухопутными войсками или союзниками. Будет продолжаться все то же бестолковое судостроение со скачками и перерывами в работе заводов, хронический некомплект в командах и двойная трата денег и в армии, и во флоте на оборону одних и тех же берегов.

При всем этом нельзя достаточно часто повторять, что издать такой закон надо немедленно и приступить к его исполнению безотлагательно. Мы уже достаточно времени потеряли и положение становится прямо-таки опасным.

Люди, участвовавшие в Порт-Артурских событиях, снова переживают последние годы Тихоокеанской эскадры. Опять неприятель явно готовится к военным действиям и даже откровенно говорит о своих планах, а мы как будто этого не замечаем. С незащищенными берегами и флотом, далеко не соответствующим своему назначению, мы опять делаем вид, будто мы хозяева положения, будто от нас зависит вопрос войны или мира. Грозные тучи собираются явно для всех, а у нас идет будничная жизнь. Никакой тревоги, никакой попытки к чрезвычайному усилию для спасения положения не замечается. Настроение, как и тогда, глубоко мирное, расходы на неотложные военные нужды стараются раскладывать на долгие годы для облегчения бюджета, рассуждают о несоответствии трат производительных, т.е. военных, с производительными, дающими прибыль в будущем, пока гроза не разразится и расходы, и доходы, производительные и непроизводительные, и прибыль вместе с капиталом и всем государственным достоянием не попадут в руки неприятеля. Неужели нам мало примеров Севастополя и Порт-Артура, неужели нам к этому списку непременно надо прибавить еще и Петербург?

Морское Министерство разработало проект закона о флоте и тут же предприняло первые шаги к его выполнению, составив подробную судостроительную программу на первые пять лет, которую оно и внесло на рассмотрение Совета Министров. Там эта программа, требующая сотни миллионов для своего осуществления, была встречена тем, что, в лучшем случае, можно назвать отсутствием воодушевления.

Действительно, ничего другого и ожидать нельзя.

Как же относиться к заявлениям моряков, требующих против всяких бюджетных правил внесметных ассигнований и довольно неожиданно огромные суммы на постройку флота, нарушая этим всю плановость государственного хозяйства. Очевидно, они не могут рассчитывать на особенное сочувствие, тем более, что флот, если и желателен, то, по мнению большинства, не настолько необходимо, чтобы оправдать такое необычайное нарушение порядка.

Что это именно так, явствует из хронического возражения, которое у нас непременно встречает всякое заявление о необходимости флота. Возражение это: «В случае Европейской войны решение произойдет на суше».

Вот эта идея проникла глубоко в мысль не только общества, но и правящих сфер, а в таком случае, конечно, флот не может рассчитывать на чрезвычайное финансовое усилие страны.

Однако, при ближайшем рассмотрении обнаружится, что ходячая эта фраза ничто иное, как именно фраза: она, собственно, ничего не определяет. Во-первых, из всего изложенного в этой записке явствует, что мы вовсе не можем быть так уверены, что решение произойдет именно на суше, а не в обстановке, сильно подверженной влиянию моря. Во-вторых, для России не столь важно, где произойдет это решение, сколь вопрос, какое же оно будет, благоприятное или нет. И тут-то обнаружится вся сомнительность излюбленной фразы. Имея ввиду столкновение с сильнейшей коалицией, где нам очевидно придется ввести в бой все наши силы, можем ли мы рассчитывать на успех, если мы заранее обрекли на бездействие три округа: Петербургский, Одесский и Кавказский, предназначенные для охраны побережья и, если нам во время войны, может быть, придется подтянуть еще войска к одному из крайних флангов для отбития десантов.

Вообще, можем ли мы сказать, что мы исполнили свой долг перед родиной, если мы, предвидя тяжелую борьбу против сильнейшего неприятеля, не сделали все для обеспечения за своим отечеством наибольшего развития сил, если мы пренебрегли такой важной отраслью военного искусства, как морская оборона. Достаточно известно, что сухопутное войско неудобное и расточительное средство для защиты берегов. Чем мы можем оправдываться, если мы его не заменили более целесообразным орудием — флотом и, таким образом, не дали нашей армии сосредоточить все свои силы для решительного удара.

О причинах этого рода недоразумений говорилось выше, Россия работает обернувшись спиной к морю, недолюбливает его и не обращает на него внимания. Она поглощена совсем другими интересами и не видит грозных туч, собирающихся над морским горизонтом, а если и видит, то они ей ничего не говорят.

Однако на самом деле вид горизонта предвещает сильную бурю. Необычайные требования Морского ведомства вполне оправдываются необычайно грозной политической обстановкой. Выше было

достаточно выяснено, в какое безвыходное положение нас со временем поставит слабость нашего флота.

В подкрепление изложенного, здесь очень уместно привести мнение сухопутного авторитета, а именно генерал-лейтенанта Бобрикова, который, состоя членом комиссии по организации береговой обороны, в 1889 году пишет следующее:

«Остановливаясь перед картиной прошлого, нельзя не осознать, что всякое уклонение от направления, установленного два века тому назад в деле развития военно-морских сил, отражалось крайне неблагоприятно на общем государственном положении. Екатерининская эпоха наибольшего морского могущества совпала с самыми блестящими нашими войнами и с наивыгоднейшим международным положением; напротив, ослабление военного флота соответствовало изолированности между великими державами и бесплодности доблестных усилий армии. Высшие государственные интересы придвинули наше отечество сначала к внутренним морям, а теперь двигают к бассейну всемирных вод, и такое естественное поступательное движение несомненно служит к прогрессивному развитию государственной мощи. Упрочение этого все расширяющегося порядка, приводящего нас в посредствующее положение между источниками естественного богатства и промышленностью Западной Европы, очевидно, главным образом, зиждется на постепенно развивающихся силах боевого и коммерческого флота. Между тем, обыденные явления второстепенного значения, временные затруднения в финансах, соображения непосредственной обороны государственной территории и прочее, затеняя собой важность исторических начал, оказываются способными не только задержать рост военного флота, но даже извратить его назначение узкими задачами. Как в пятидесятых годах программа флота ошибочно ограничивалась оборонительными целями, так и в настоящее время стремление воспользоваться военно-морскими силами только на одном театре войны, притом с подчинением их назначения военно-сухопутной обстановке, не может быть оправдано никакими соображениями. <...>

Создать могущественный флот окажется вполне возможным, как только мы сознаем те великие блага, которые он нам неминуемо даст: и в отношении государственной обороны, и в отношении поддержания международного достоинства, и в отношении развития отечественной производительности и торговли. <...>

Содействие флота операциям действующей армии на сухопутном театре войны следует, поэтому, искать не в помещении боевой эскадры на правом фланге расположения войск вдоль нашей западной границы (т.е. Либавы), а в ее самостоятельной силе на свободных водах и способности наносить неожиданные удары, не стесняясь местом и расстоянием. <...>

Выяснение этого основного начала в высшей степени важно, так как известное решение вопроса дает то или другое направление всей последующей жизни Государства».

Итак, закончивая этот краткий обзор существующего положения, можно следующим образом обрисовать характер необходимых мероприятий.

Закон о флоте выработан, программа судостроения на предстоящее пятилетие готова. От их немедленного осуществления зависит судьба Империи. От Государства ожидается незаурядное усилие для своевременного создания флота.

Такую задачу нельзя взвалить на плечи одному Морскому Министерству. Для преодоления не только затруднений, но и сопротивления в стране, где отсутствие собственного критерия при последних неудачах флота возбудили всеобщее к нему недоверие, необходимо: во-первых, ясно выраженная Высочайшая Воля, а во-вторых, самое энергичное и одушевленное выступление всего объединенного правительства.

Конечно, первым делом Совет Министров должен убедиться в правоте и в неотложности требований Морского ведомства и для достижения этой цели последнее не должно щадить ни трудов, ни красноречия.

Настоящая записка есть, главным образом, попытка в этом направлении.

Примером может служить Германское правительство в 1899 и 1900 годах. С каким единодушием и с какой энергией оно выступило за интересы флота и какими прекрасными успехами оправдались его усилия.

В проведении законопроекта об увеличении флота приняли участие: сам Император в своей речи в Гамбурге 18 октября 1899 года, Государственный Канцлер Князь Гогенлоэ, Министр Иностранных Дел граф Бюлов, Морской Министр Тирпиц, Секретарь Казначейства барон Тилеман, Прусский Министр Финансов фон-Микель, фон-Тилеп, граф Позадовский и Баварский посланник граф Лерхенфельдт. Все эти члены правительства неоднократно выступали в заседаниях Рейхстага 11, 12, 13 декабря 1899 года, с 8 по 10 февраля 1900 года и с 6 по 12 июня 1900 года. Когда Рейхстаг потребовал предварительного выяснения финансовой стороны вопроса, то в комиссию, назначенную по этому поводу, был представлен целый ряд финансовых мероприятий, из которых были одобрены лишь два новых закона о гербовых сборах и таможенных пошлинах. В то же время по всей стране происходила сильнейшая устная и газетная агитация в пользу флота. Одним словом, Германское правительство в целом пустило в ход все средства, которыми оно располагало для достижения своей цели. Одному Г. Тирпицу, наверное, не удалось бы провести такую крупную меру.

В одном отношении мы теперь поставлены в особенно благоприятные условия для воссоздания флота. Война с Японией, увлекши в военные действия при чрезвычайно тяжелой обстановке большое количество офицеров, боевым крещением создала из них настоящих морских воинов с правильными понятиями и верными взглядами на обстановку войны на море. Такого контингента сотрудников для образования флота в настоящее время нет ни в одном Европейском государстве, и мы имеем полную возможность организовать наши морские силы лучше и целесообразнее других. Одно только нужно: энергия, планомерность и дальновидность. У наших противников широкие планы. Надо встретить их таким же широким размахом.

30 января 1912 года.

Памятная записка по поводу закона о флоте. ЦГА ВМФ. ф. 418 оп.1. д.1289 л. 338–354. /Московенко М.В. Отечественный флот в истории Рос. гос-ва (конец XVII начало XX веков). Диссерт. на соискание ученой степени кандидата ист. наук. – М., 1995. – Приложение.

Н. Нордов

Флот и общество

В одной из наших заметок о флоте мы, между прочим, указали на различие в точках зрения на пути воссоздания русского флота у общества и морского министерства, особенно резко проявившееся в прошлом году при обсуждении так называемой «малой» судостроительной программы.

На первый взгляд может показаться, что факт этот не должен вызывать каких-либо опасений. Всякое разногласие будит мысль, заставляет углубиться в рассматриваемый вопрос и выяснить его более всесторонне и детально. Вместе с тем *оно привлекает к этому вопросу внимание широких слоев населения*. А в таком важном деле, как создание военно-морского могущества нашей колоссальной империи (которое, конечно, не сводится к постройке известного количества сильных судов), требующем от населения весьма крупных материальных жертв, необходимо, чтобы были приняты во внимание все имеющиеся в настоящее время по этому вопросу данные и *чтобы был использован весь накопившийся в стране по этому поводу опыт*.

Все это, конечно, совершенно верно. Если различие в точках зрения на вопросы морской политики является только возбудителем спокойного совместного обсуждения этих вопросов представителями флота и общества, то в этом случае такое различие во взглядах можно только приветствовать. Но при этом абсолютно необходимо, чтобы обе стороны были проникнуты сознанием совершенной необходимости взаимной помощи друг другу в деле развития военно-морской силы. Чтобы каждая сторона помнила, что одна она, без содействия и тем более вопреки другой, сильного флота создать не может. *Что только в единении с нацией флот может достигнуть могущества, соответствующего внутренней силе страны*.

Эта необходимость *совместной* работы моряков и общества в деле развития флота давно уже осознана за границей и за примерами этого не приходится ходить далеко. Так, правительство нашей западной соседки, Германии, решив создать сильный военный флот, *прежде всего озаботилось о самой широкой популяризации в стране идеи необходимости для Германии значительного военного флота и не пожалело на это затратить значительные средства*. И цель эта была вполне достигнута. Достаточно открыть любой немецкий журнал, посвященный военно-морским вопросам, чтобы убедиться, с каким интересом и любовью относится в Германии общество к своему флоту. Каждое новое построенное судно является предметом гордости народа. День закладки и спуска судов — национальные праздники.

Но мало того. Создав связь общества с флотом, германское правительство на этом не успокоилось и до сих пор во главе с императором Вильгельмом II продолжает неуклонно работать в том же направлении поддержания и дальнейшего укрепления этой связи, хорошо понимая, что таким образом значительно облегчаются задачи морского ведомства. И оно в этом совершенно право. Сознание, что *флот есть любимое детище народа*, пользующееся его постоянным вниманием и заботами, привлекает во флот лучших и более способных людей страны. Оно возбуждает в личном составе нашего флота чувство ответственности и побуждает прилагать к своему делу все силы, чтобы оказаться достойным оказываемой населением флоту любви и внимания. Широкая осведомленность немецкого общества в событиях, происходящих в германском военном флоте и вообще во всех делах его касающихся, которой германское морское ведомство не только не боится, но, наоборот, всячески содействует, дает обществу возможность помогать морскому ведомству в деле выяснения недостатков морской организации и обнаружении его ошибок и позволяет обществу участвовать в предварительном обсуждении и выработке новых предположений ведомства — отчего задачи ведомства значительно суживаются.

С другой стороны, осведомленность общества о *действительном* положении дел во флоте вызывает, в свою очередь, и со стороны общества чувство доверия к действиям своего морского министерства и сообщает населению уверенность, что ассигнуемые на расходы, связанные с морской обороной, деньги будут истрачены целесообразно и экономно. А это позволяет и народным представителям со спокойной совестью, без колебаний (и в действительности за последнее время законопроекты об увеличении ассигнований на флот и об усилении флота проходили в Германии очень легко) вотировать требуемые от них кредиты на флот, так как они твердо убеждены, что страна в этом отношении с ними вполне солидарна.

Таким образом, Германия дает нам наглядный пример правильной организации военно-морского дела в государстве, где общество и морское ведомство, вполне доверяя друг другу, работают рука об руку над развитием родного флота, одушевленные общей идеей его необходимости для достижения намеченных государством задач.

Такая постановка дела имеет весьма важное значение. Только при этих условиях такой сложный аппарат, каким является законодательная власть во всяком конституционном государстве, может успешно справляться со своими обязанностями по морской обороне и не мешать правильному развитию морского дела, требующего главным образом планомерности в заданиях и быстроты в осуществлении своих мероприятий.

Все эти соображения невольно приходят на ум, когда вспоминаешь полемику нашего морского министерства с обществом по морским вопросам, имевшую место в истекшем году в связи с крупными ассигнованиями на постройку новых военных судов, и заставляют серьезно задуматься над положением дела развития флота у нас всякого, кому действительно дорого военно-морское дело в России, кому важны и интересны не мимолетные успехи момента, а прочное и неуклонное развитие нашей морской мощи.

То ли мы видим у нас, чего добились Германия? Можем ли мы сказать, что и в России флот и общество идут вперед, плечо к плечу, взаимно помогая и поддерживая друг друга? Что между ними существуют полное доверие и солидарность?

На все эти вопросы, к сожалению, приходится ответить отрицательно. Несомненно, что у нас между весьма значительной частью общества, и не только левыми его элементами, но и значительной частью центра, и, что самое важное, даже той частью, которая глубоко сознает необходимость укрепления нашей военно-морской силы, и флотом существует не только недоверие, но и полное непонимание друг друга. Это взаимное непонимание представляет собой явление в величайшей степени вредное. Пока оно не устранено, никакая действительно плодотворная совместная работа между обществом и флотом, конечно, невозможна. И результаты такого положения уже налицо. Уже в настоящее время созданы в деле развития флота вредные осложнения (например, постановления Государственной Думы, принятые также и Государственным Советом, об ассигновании средств на исполнение «малой судостроительной программы» не в сметном порядке, как это было предложено морским министерством, а в законодательном, и другие стеснения, конечно, не облегчат задачу ведомства и, по всей вероятности, весьма невыгодно отразятся на стоимости предположенных к постройке судов), а в будущем такой порядок вещей может грозить весьма тяжелыми последствиями. Выясним себе создавшееся положение до конца.

Ведомством получены кредиты на осуществление «5-летней судостроительной программы». На ближайшее время флот обеспечен необходимыми средствами. Но достаточно ли этого? Ведь «малая программа» есть только часть общего плана воссоздания флота — часть, которая получает полное значение лишь при условии осуществления всего плана. А ассигнование средств на исполнение остальных частей в значительной степени находится в руках народного представительства. Наконец, от них же зависит и увеличение текущих ассигнований на флот. А каждому, конечно, ясно, что создание огромного флота совершенно немыслимо без соответствующего увеличения кредитов на его содержание и усиления штатов морского министерства. Сознывая все это, неужели может ведомство довольствоваться достигнутым успехом и не принимать никаких мер к изменению существующего порядка вещей, при котором нет никакой гарантии, что в будущем начатое дело воссоздания флота вдруг не будет насильственно прервано благодаря какой-либо случайной комбинации? А такая уверенность может иметь прочное основание лишь в том случае, если будет достигнута полная солидарность, полное единодушие между обществом и флотом если не в деталях, то, во всяком случае, в общих основаниях воссоздания военно-морской силы империи. Если будет достигнуто, что страна не только поймет выгоду иметь флот, не только заинтересуется им, как интересуются всяким новым незнакомым предметом, но полюбит его, как любят родное и близкое существо. Вот важнейшая задача настоящей минуты в деле воссоздания флота, для достижения которой нужно приложить все силы, не жалея ни труда, ни средств; они с лихвой будут возвращены, если удастся достичь успеха, так как тогда дело развития флота будет доставлено на правильное и прочное основание, а раз этого добились, то и все остальное понемногу наладится.

Здесь возникают два вопроса:

Достижимо ли при современных условиях это идеальное положение и если достижимо, то каким образом?

Первый вопрос уже предрешен. Раз признано, что *сильный флот для России является не роскошью, а насущной необходимостью*, что без него она не имеет возможности осуществить свои государственные задачи и сохранить свою самостоятельность, то этим самым уже подразумевается, что русская нация, подобно другим, например, английской, японской или немецкой, способна стать нацией морской (вернее, отчасти морской), т.е. способна почувствовать флот не как посторонний нарост на своем теле, а как свою существенную и неотъемлемую часть. Ибо времена Петра I, когда флот можно было прививать народу насильственно (если только это вообще имело место, что весьма сомнительно), прошли безвозвратно, и теперь нация принимает в делах государства слишком большое участие, чтобы такие опыты могли рассчитывать на успех. Таким образом, решение строить большой флот есть вместе с тем и ответ на первый из вышепоставленных вопросов в положительном смысле.

Этим решением выражена уверенность в возможности достигнуть единодушия между флотом и обществом и взято обязательство этого добиться.

Иначе обстоит дело с вопросом вторым: каким образом достигнуть взаимного понимания и солидарности между флотом и обществом? Вопрос этот в полном объеме чрезвычайно сложен и разрешить его в небольшой статье целиком, конечно, нет никакой возможности. Мы хотим указать лишь на первый желательный шаг в этом направлении.

Попытаемся дать себе ясный отчет в ближайших причинах указанной разобщенности между флотом и обществом. Почему, несмотря на общее сознание, что государство в большой опасности и что крайне необходимо укрепить нашу военно-морскую оборону, тем не менее продолжает существовать это вредное и опасное взаимное недоверие? Почему флот и общество не могут понять и убедить друг друга? Спешим оговориться. Указывая на взаимное непонимание между флотом и невоенным населением отечества, мы вовсе не имеем в виду тех, ставших уже трафаретными, указаний на недостатки в организации и функционировании морского ведомства, которые имеют обычно место при обсуждении морских вопросов в печати. Конечно, весьма желательно, чтобы и в этом отношении было достигнуто полное единогласие возможно скорее. Но здесь мы имеем в виду совершенно иное явление, которое, на наш взгляд, является ближайшей помехой сближения флота с обществом. Мы говорим о том весьма распространенном (и не только среди моряков, но и части общественных деятелей) предрассудке, который, обычно в несколько примитивной форме, выражается в утверждении, *что при решении военно-морских вопросов следует смотреть на дело с особой точки зрения, доступной исключительно людям военным, так называемой «военной» точки зрения, все же остальные мнения, относительные к разряду «штатских», должны быть непременно ошибочными уже потому, что они не содержат в себе военных элементов.*

Собственно противоположение друг другу двух самостоятельных точек зрения на военно-морские вопросы: «военной» и «штатской» имеет двоякий смысл: во-первых, что в таких вопросах всецело или главным образом имеет значение чисто военная (или морская) сторона дела и, во-вторых, что лицо, не служившее в военном или военно-морском ведомстве, не в состоянии усвоить себе эту военную (или морскую) сторону дела.

На наш взгляд обе эти посылки совершенно ошибочны.

Неверно, прежде всего, что невоенный человек не может хорошо ознакомиться и понять чисто военную сторону дела.

Для того, чтобы усвоить себе сущность военного искусства, вовсе не нужно всего того, что необходимо для того, чтобы хорошо действовать в военное время.

Для того, чтобы быть хорошим военным, надлежало бы руководить военными операциями, конечно, недостаточно только обладать военными знаниями. Для этого нужно иметь еще соответствующий характер, который приобретается не образованием, а воспитанием. Это вытекает из существа военного дела.

Военное дело, как справедливо указывал св. кн. А.А. Ливен, отличается от всех других отраслей человеческой деятельности. Война есть последний, крайний аргумент в отношениях людей между собой, и вооруженные силы народов имеют назначение провести их волю там, где никакие другие средства уже не помогают. Их деятельность есть выражение наивысшего напряжения энергии данного народа, направленной к подавлению воли противника. Поэтому их отличительным качеством должна быть непоколебимая и сосредоточенная воля и способность развить в известный момент наибольшую энергию, на какую способны люди. В отличие от мирных занятий, от всякого созидательного, производительного труда война требует не равномерного расхода сил без ущерба для работника, а, напротив, полного израсходования всей энергии в данный момент для данной цели, вплоть до собственной гибели. Для осуществления такой задачи, очевидно, требуются особые способности и к развитию таковых направлена вся подготовка исполнителей. Ясно, что при этих условиях отличительной чертой военных окажется *направление их воли*. Цель их существования — бой, и мечтой жизни должна быть победа или самопожертвование. Большая разница — только *сознавать* в теории необходимость жертвы для общей пользы или *отдать* свою жизнь с той же целью. В первом случае требуется лишь известное количество знаний, во втором — огромное напряжение воли, основанное на сознании необходимости *для себя*. В первом случае принцип самопожертвования может быть забыт или отодвинут на второй план при первом столкновении действительно жизненных интересов, во втором — он должен явиться силой, побеждающей даже инстинкт самосохранения, берущей верх во всех вопросах. Очевидно, такое *душевное состояние* не может приобретаться никакими учебниками. К достижению этой цели во все времена стремилось военное воспитание. Из него же вытекают и многие особенности военной организации и условий военного быта. Совокупность всего этого «создает военный дух, делает человека способным к этому высшему напряжению воли, необходимому в военных действиях». Это очень верно. Но ошибочно было бы заключать отсюда, как это делают сторонники представления решения всех военных вопросов исключительно самим военным, что военное воспитание необходимо также и для *оценки* военных вопросов. Если *действие* требует напряжения

воли, то оценка положения и установление плана деятельности требуют лишь знания и напряжения *ума*. Здесь можно говорить о том, что человек, на практике соприкасающийся с условиями военного быта, более знаком с ними, лучше их знает, нежели человек, изучавший их только в теории, что знание первых полнее, чем у вторых. Но тогда это будет спор уже не о том, кто лучше может разбираться в военных вопросах: «военный» или «штатский», так как и среди военных есть также весьма много людей, весьма мало соприкасающихся с военной практикой и потому не обладающих военной психологией (возьмем, например, такого военно-морского авторитета, как г. Кладо), а о том, кто это может сделать лучше: теоретики или практики. А этот старый, как мир, спор давно решен. Оба (и теоретики, и практики) лучше, т.е. оба одинаково необходимы и полезны, взаимно дополняя друг друга.

Таким образом, из существа военного дела вовсе не вытекает, что постигнуть это дело и правильно решать военные вопросы могут лишь военные, так как для этого никакого особенного характера не нужно, а нужны лишь *возможно более полное знание и способности усвоения чужой психологии*. На Западе с этим уже давно помирились, и там мы имеем много примеров, когда «штатские» получают руководство в делах военно-морской политики. И едва ли кто-нибудь решится оспаривать, что назначение, например, г. Делькасе морским министром принесло вред делу морской обороны Франции.

Затем столь же ошибочно второе положение, что чисто военные (или военно-морские) соображения должны доминировать при решении основных и общих вопросов, связанных с военно-морским делом и, в частности, обороной государства. Конечно, выбор калибра орудия, толщины брони, скорости хода судна и т.п. частные вопросы определяются главным образом военными (военно-морскими) соображениями. Но вопросы более общего характера, каким, например, является вопрос о наиболее целесообразных путях создания военно-морской силы страны, определяются не только соображениями военными (военно-морскими), но и соображениями политическими, финансовыми, экономическими и т.п., это вопрос *государственный*, и потому он и не может быть правильно разрешен ни с «военной», ни со «штатской» точек зрения. Каждая из них, освещая лишь часть вопроса, решает его односторонне. Правильное же решение можно получить лишь в том случае, если посмотреть на дело *с точки зрения государственной*, где соображения военные, политические, финансовые, экономические и т.п. являются лишь материалом для окончательного вывода. Потому-то окончательное решение таких вопросов (например, какое количество средств может быть затрачено в данный момент на морскую силу) и предоставлено во всех странах высшей законодательной власти в государстве. И это совершенно правильно и разумно, ибо военная сила в государстве не есть нечто самодовлеющее, носящее в себе самой оправдание своего существования, не есть цель сама по себе, а есть лишь средство для достижения других целей, вне ее лежащих задач, государственных, национальных. И как всякое средство военная сила лишь тогда может быть признана правильно организованной, когда она находится в соответствии с этими находящимися вне ее целями. Они ее определяют, а не наоборот.

Назначение военно-морской силы сводится к защите страны от нападения внешних врагов, то есть к представлению нации возможности спокойно и свободно культурно развиваться и умножать свое богатство. Таким образом, не может быть никаких сомнений в том, что затраты на армию и флот определяются тем, сколько может израсходовать государство на удовлетворение остальных своих культурных потребностей. Если страна, увлекшись идеей создания своего внешнего могущества, станет затрачивать на военно-морские надобности столько, что будет рисковать остановить накопление своих внутренних средств, довести население до полного обнищания и прекратит совершенно его культурное развитие, то такая страна поступает ошибочно и неразумно, так как она своей целью делает то, что по существу является лишь средством. Но и помимо этого, если даже признать, что национальная самостоятельность есть цель сама по себе, что лучше народу быть бедным и диким, но независимым, то и с этой точки зрения чрезмерные затраты на создание военно-морской силы, в ущерб экономическому и культурному развитию страны, следует признать нецелесообразными, ибо в этом случае даже и основная цель — внешняя самостоятельность — не будет достигнута, так как у обедневшего населения не хватит средств на поддержку военной силы государства, созданной с такими тяжелыми жертвами.

В наше время бедная и невежественная страна не может быть сильной, так как способность государства подготовиться к войне и выдержать ее, в значительной мере зависит от степени экономического и культурного развития ее народонаселения.

О связи внешней силы государства (в смысле способности успешно вести войну) с его финансовым положением уже достаточно много писалось, чтобы нужно было это доказывать.

Но не только от одних финансов зависит внешняя сила государства. И другие факторы, совершенно невоенного характера, играют в этом отношении весьма важную роль, подтверждая зависимость между военной силой страны и экономическим, и культурным уровнем ее населения.

Чем более развиты народные массы, тем легче обучить их военному делу и тем большего в тот же период времени может солдат достигнуть в своем деле искусства, а это, при современных коротких сроках военной и морской службы, очень важно. Таким образом, государство более

культурное, чем его соперник, не нуждается в громадных учебных отрядах всевозможных специальностей, какие, например, приходится содержать нам для подготовки унтер-офицеров и нижних чинов — специалистов из совершенно необразованных и даже неграмотных мужиков. А ведь содержание этих отрядов отнимает от боевого флота весьма значительные средства и тем уменьшает количество чисто боевых единиц. Затем, по мере экономического прогресса нации, который в настоящее время совершенно немыслим без затраты крупных капиталов в различных отраслях национального производства, государство получает возможность снабжать свой флот всем необходимым скорее и дешевле. При развитой промышленности ожесточенная конкуренция между отдельными предпринимателями побуждает их самостоятельно стремиться к техническим изобретениям в предметах военно-морского снаряжения и потому технические средства ведения войны в более передовой стране всегда будут совершеннее, чем в стране отсталой. Далее, различного рода военные повинности, будь это повинность военно-конная, военно-повозная, военно-судовая и т.п. в богатой стране предоставляет в военное время в распоряжение правительства гораздо большие средства, чем в бедной. Наконец, более культурная страна имеет все, что косвенно необходимо для успешности военных операций, лучше и в большем количестве, чем страна менее культурная. Железные дороги, водные пути, средства сношений (почта, телеграф, телефон, радиотелеграф) и много, много других вещей, столь полезных воюющим, гораздо лучше организованы и оборудованы и пунктуальнее действуют в стране более развитой. Мы уже не говорим о том благодетельном влиянии, которое оказывает культура на индивидуальные качества солдата (самостоятельность, инициатива) — качества также чрезвычайно важные, но учесть которые значительно более трудно. Да за что бы мы ни взялись, везде решительно мы наткнемся на эту самую *тесную связь между внешним могуществом государства* (понимая его в самом широком смысле, т.е. как способность к успешной борьбе с противником, а не как большое количество судов и полков) *и его культурным и экономическим развитием*. А отсюда вытекает, что задача создания военно-морского могущества государства сводится отнюдь не к простому увеличению числа эскадр и корпусов, а к такому увеличению военно-морских сил, которое соответствовало бы экономическому, культурному и финансовому уровню страны, и что правильно разрешить эту задачу может лишь совокупность лиц, *ближайшим образом* (а не только в общих чертах) знакомых с положением всех этих отраслей в государстве, т.е. *совокупность как военных, так и невоенных общественных деятелей страны*. Предоставление же решения вопросов государственной обороны исключительно одним военным поведет всегда к *однобокому* их решению, в котором технически военная сторона будет иметь чрезмерное влияние.

Но если, таким образом, с одной стороны, для правильной организации обороны государства совершенно необходимо, чтобы в этом деле принимали участие и невоенные деятели, то, с другой, необходимо твердо помнить, что такое сотрудничество флота и общества в разрешении военно-морских вопросов абсолютно требует, чтобы и общественные деятели были самым детальным образом знакомы с теми особенностями военно-морского дела, которые принципиально отличают его от других отраслей человеческой деятельности (невоенных), из которых вытекает, что то, что выгодно и рационально в других областях, весьма часто может быть невыгодно и неприменимо в области военно-морской; игнорирование этого может повлечь за собой такие промахи, исправить которые не всегда будет возможно.

Один пример здесь сам собой напрашивается. Когда разбирался вопрос о способах воссоздания русского флота, то наряду с другими в обществе существовало и было довольно распространено также и мнение, что, может быть, лучше было бы временно вовсе перестать строить дорогие линейные корабли, раз все равно достаточно сильного активного флота мы создать не можем. Лучше эти деньги сэкономить, употребить их на поднятие благосостояния населения, а когда мы станем достаточно богаты, то построить уже сразу линейный флот, по силам соответствующий значению нашего отечества.

С точки зрения обыденной экономики это совершенно правильный расчет. Этим путем можно избежать, по-видимому, совершенно излишние расходы по содержанию заведомо слишком слабого (для осуществления активных задач) линейного флота. И тем не менее, для всякого знакомого с процессом создания военно-морской силы совершенно ясно, что такое решение должно повлечь за собой самые пагубные последствия, так как оно идет вразрез со всем тем, чему учит практика и теория военно-морского дела.

Выше мы уже указывали на ту основную особенность военного дела, которая резко отделяет деятельность военного от всякой иной отрасли человеческой деятельности. Это отличие состоит в том, что в военном деле от солдата требуется не равномерный расход сил, а полное израсходование всей энергии в данный момент для данной цели вплоть до собственной гибели. Обычно в культурных странах, переживших уже героический период развития, массы народа к такому высшему напряжению воли не способны. Конечно, бывают моменты, когда под давлением исключительных условий, например, опасности, угрожающей самостоятельности государства, военный дух вдруг ярко вспыхивает в народе, охватывая все слои населения единым стремлением пожертвовать собой для спасе-

ния родины. Такой момент пережила, например, Россия в 1812 году. Но это бывает не часто. И государство, организуя свою военно-морскую силу, не может и не должно на это рассчитывать. Ему приходится считаться с тем, что современные средние люди, из которых составляются армия и флот, в весьма малой степени обладают нравственными качествами воина. Человеческая природа имеет слишком много разнообразных потребностей, чтобы легко было втиснуть ее в узкие рамки идеального военного сознания, и нужно долгое и упорное воспитание, чтобы выработать в людях соответствующее душевное состояние. В отношении офицерского состава, находящегося на военной службе почти всю жизнь, это еще до некоторой степени достижимо. Но создать его у массы нижних чинов в течение короткого промежутка времени отбывания ими воинской повинности, конечно, уже совершенно немыслимо. *Поэтому военная организация стремится осуществить идеальное военное сознание не в отдельных лицах войска, а в коллективных войсковых частях.* Полк или корабль, как таковой, действительно имеет только одно назначение на земле — это сражение; и военное воспитание всегда ставило своей главной задачей развитие именно в этих боевых единицах военного духа. Задача эта вполне осуществимая, ибо часть, как таковая, побочных интересов иметь не может, и от отдельных лиц в таком случае не требуется полного прекращения всех своих функций, кроме военных, а только подчинения личных стремлений общими. Люди, вообще, в массе гораздо более способны на крайние увлечения, нежели в отдельности. Большое количество людей имеет гораздо больше духовной энергии, нежели отдельный человек, и в общем потоке увлекаются даже очень неопределенные и колеблющиеся элементы.

Стремление создать сильные духом военные части имеет весьма древнее происхождение. И с течением времени значение военных частей не только не уменьшается, но, наоборот, все растет. Лучшей школой для воспитания военного духа, конечно, является война. Но теперь войны стали уже столь редкими, что войска, образовавшиеся в один военный период, для следующего уже служить не могут. Поэтому приходится изыскивать средства к обучению и воспитанию войск в мирное время. Средства эти должны, хоть до некоторой степени, заменить боевой опыт, но они по большей части мало действительны, и главной защитой военного опыта и духа в мирное время и служат военные части. Убыль в людях в них пополняется постепенно, лишь по мере действительной надобности, и вновь прибывшие успевают поглощаться и прирасти к целому.

Таким образом получаются вместо очень недолговечных отдельных воинов *коллективные личности*, обладающие всеми характерными качествами отдельного воина, только гораздо более долговечные. Сплоченные и скованные в боях части обладают отчетливым сознанием своей индивидуальности, ясной памятью и совершенно определенным характером. Такие части живут не десятки лет, как люди, а сотни, и в продолжение своей долгой жизни могут накопить огромный боевой опыт. Они в каждую борьбу вступают как закаленные ветераны прежних походов. Раз привитый характер и дух держится в них настолько крепко, что поглощает поколение за поколением, конечно, при том неперменном условии, чтобы он не растворялся в общей массе народа, чтобы он оставался сосредоточенным в своей части, чтобы эта часть имела возможность самостоятельного существования и чтобы ее личная жизнь не стусывалась, а всячески выдвигалась существующей обстановкой. *Тогда части, а не отдельные люди, и изобразят собой идеальных воинов с идеальным военным сознанием. Из таких лиц, а не из отдельных людей, состоит хорошее войско.*

В итоге мы видим, что основу военной силы составляют военные части. Они представители ее материальной силы, от их сплоченности и энергии зависит успех боя, они же хранители духа и воспитатели будущих поколений. Одним словом, они безусловно главные лица вооруженных сил. Все остальное существует только для них, для их поддержки и усовершенствования. Очевидно, их интересам должны уступать всякие другие, и всякий вопрос законодательства и администрации должен первым делом рассматриваться со стороны пользы или вреда для войсковых частей.

Если теперь, приняв все это во внимание, мы станем разбирать предположение о *временном* уничтожении у нас линейных эскадр с тем, чтобы создать их через некоторое время сразу значительной величины, то сразу же будет совершенно ясна вся несостоятельность этой меры. Во флоте основными военными единицами (частями) являются корабли. Из них уже составляются отряды и эскадры, образующие флот. Следовательно, для создания сильного флота прежде всего необходимо заняться созданием из массы матросов самостоятельных военных частей — экипажей судов. Из предыдущего изложения мы уже выяснили, что создание таких частей требует не месяцев и даже не годов, а многих десятков лет. Поэтому единственный путь, дающий нам надежду создать сильный духом флот в сколько-нибудь близком будущем, это воспользоваться тем, что до настоящего времени было сделано в этом направлении, т.е. постараться развить и укрепить существующие у нас морские части. А это совершенно немыслимо без наличия линейных судов. Уничтожив их, мы уничтожим все, что было сделано для создания морского могущества России до сих пор, и, когда мы вздумаем вновь строить активный флот, *нам всю работу по созданию военно-морских частей придется начинать с самого начала, как будто Россия никогда не имела военного флота.* И никакие миллиарды,

ассигнованные тогда на флот, не смогут заменить то, что было уничтожено — военное сознание и военно-морской дух. Их создать вдруг нельзя ни за какие деньги.

Этот пример, думается нам, довольно наглядно показывает, как осторожным надо быть с военно-морскими реформами, как опасно здесь все, что исходит из взаимного непонимания. Если общество действительно дорожит своей военно-морской силой, оно не должно ограничиваться поверхностным знакомством с недостатками флота, оно должно постараться проникнуть в его сущность, познать его нужды, то, что его волнует и чем он болеет.

Только в полном единении общества и флота — залог правильного развития морского могущества России.

Русская мысль. – 1913. – Кн. V. – С. 43–56.

А. Бубнов

ОСНОВЫ РУССКОЙ МОРСКОЙ ПОЛИТИКИ

Краткий очерк эволюции русской морской проблемы в XVIII и XIX столетии

В России один только Петр Великий ясно сознавал то громадное значение, которое имеют для развития государства морские пути сообщения. Проникнутый этим сознанием, он решительно направил все усилия России к разрешению этой проблемы и положил ее в основу русской внешней политики. Систематическая и упорная работа Петра в этой области еще при его жизни дала блестящие результаты: он лично заложил прочные основания русского владычества на Балтийском море и приступил к решению второй части русской морской проблемы на Юге, положив у Азова первые камни того фундамента, на котором по его заветам должно было быть впоследствии воздвигнуто здание русского владычества на Черном незамерзаемом море. Уже при нем первый русский корабль расправил свои паруса на том пути, который вел через Босфор в бассейн Средиземного моря — тысячелетнюю колыбель культуры и благосостояния европейских народов.

Направив Россию на путь ее грядущей славы и величия, Петр почил. Но его гений озарял собой еще целое столетие, и его наследники, благоговейно сохраняя его великие заветы, продолжали упорную работу на предначертанном им пути. В конце XVIII века Великая Екатерина окончательно утвердила господство России на Балтийском море и завоеванием Крыма положила прочное основание владычества России на Черном море.

В течение всего XVIII столетия морская проблема была руководящей красной нитью всей деятельности России и внесла в эту деятельность полную ясность и определенность, без чего не могут быть достигнуты результаты. И эти результаты не замедлили сказаться: к концу XVIII столетия Россия, за какие-то 100 лет, обратилась из полукультурного слабого государства в мощную и великую империю, вершительницу судеб народов и других великих держав.

И этим сказочным обращением Россия главным образом обязана тому, что наследники Петра, непрерывно и энергично следуя по предначертанному им пути, выводили Россию твердой рукой на широкий простор морских сообщений.

XIX век принял в наследство от XVIII русскую морскую проблему окончательно решенной на Балтийском море и на прочном пути к разрешению на Черном море; ему оставалось лишь докончить начатое Петром Великим и продолженное с таким успехом Екатериной Великой дело утверждения русского владычества на Черном море и обеспечения морских сообщений с бассейном Средиземного моря.

Но ряд глубоких мировых политических и социальных потрясений, захвативших собой и Россию в конце XVIII и в начале XIX века, отвлек ее внимание от морской проблемы и бросил ее политику в водоворот европейских дел. Умами руководителей внешней политики России всецело завладели мысли о водворении порядка в Европе после страшных потрясений французской революции и кровавого периода Наполеоновских войн; все их заботы были направлены на то, чтобы оградить Россию от натиска новых идей и социальных вождедений, брошенных в массы французской революцией.

Идеи здравого и национального эгоизма в русской внешней политике уступили свое место сообщениям европейской солидарности перед лицом общей социальной опасности, нашедшими себе выражение в столь невыгодных для России священных союзах и союзах трех Императоров.

Предначертания гениального Петра, красной нитью прошедшие через внешнюю политику России в течение всего XVIII века, погибли в горниле этих великих событий.

Русская морская проблема с начала XIX века не только не была уже больше главной базой русской внешней политики, но совсем даже исчезла из сознания русских государственных деятелей; это, в первую очередь, конечно, отразилось на главном орудии решения этой проблемы — русской морской вооруженной силе, которая вследствие этого пришла в течение первой четверти этого столетия в полный и небывалый упадок.

После того, как улеглись великие бури, захватившие Европу на рубеже этих двух столетий, русская морская проблема появляется вновь в политике России при Императоре Николае I. Однако она уже далеко не занимает в этой политике ту первенствующую и самодовлеющую роль, какую она имела в течение XVIII века.

Сама ясность и определенность формулировки этой проблемы теряется и затемняется пущенным в то время в обращение лозунгом «воздвигнуть крест на Св. Софии». В сознании недальновидных государственных деятелей и народных масс эта великая проблема переходит с плоскости импера-

тивной национально-государственной необходимости, на которой она была в XVIII веке, на плоскость религиозно-сентиментальную.

Однако все же при Николае I начинается восстановление морской вооруженной силы и посвящается известное внимание подготовке к решению морской проблемы на Черном море. Но прежде, чем эта подготовка была закончена, на морскую силу в Черном море обрушивается сокрушающий удар Крымской войны. Европейские державы, и в первую очередь Англия, ясно сознавали, что делают, просмотрев прогресс на предначертанном Петром пути в течение XVIII века, они решают остановить Россию на том последнем этапе этого пути, который должен вывести ее на поприще мировой мощи и величия.

После уничтожения русской морской вооруженной силы на Черном море русская морская проблема вошла в период шатания и неопределенности в морской политике России, чему, конечно, главным образом способствовало наложенное на Россию после Крымской войны запрещение содержать флот на Черном море. Однако снятие в 1871 году этого запрещения мало способствовало новому расцвету русской морской проблемы и усилению ее влияния как важного фактора русской внешней политики.

В течение всей второй половины XIX века морская проблема постепенно теряет ту единственную правильную ориентацию, которую ей дал Петр Великий. Взоры русских государственных деятелей, отдающих себе отчет о важности свободных морских путей для России, обращаются, под влиянием чинимых Европой на юге препятствий, на далекий север. В 80-х и начале 90-х годов в правительственных сферах развивается борьба между сторонниками северных морских путей и поборниками идеи выдвижения морской вооруженной силы на Балтийском море, ближе к Балтийским проливам, с целью контроля над сообщением этого моря с бассейном Атлантического океана. В этой борьбе побеждают сторонники «балтийской» идеи и, в результате этой победы, создается база флота в Либаве. *Черное море, где лежит единственное верное решение русской морской проблемы и куда должны бы были быть направлены все усилия, окончательно забыто.*

И, наконец, следуя капризным и бессистемным изгибам мысли русских государственных деятелей того времени, забывших ясный и определенный путь, начертанный Петром, русская морская проблема решительно устремляется в конце XIX века на Дальний Восток к Тихому океану. Туда, в пустое пространство, ничем не связанное с реальными государственными интересами России, направляются все ее морские усилия. Черное море — не только в умах государственных деятелей, но и в сознании самой морской Среды, обращается в пасынка русской морской мысли.

После уничтожения русской морской вооруженной силы на Дальнем Востоке морская проблема вновь возвращается в Европу и здесь воплощается в своеобразную формулу: «ключи от Босфора лежат в Берлине», — эта формула кладется в основу воссоздания русского флота после русско-японской войны.

В связи с этим все усилия и средства направляются в первую очередь на создание флота в Балтийском море и, в результате, Россия вступает в мировую войну совершенно неподготовленной именно на Черном море, где фактически лежит единственное правильное, целесообразное решение ее морской проблемы.

Если бы государственные деятели России, хотя бы после 1871 года, не мудрствуя лукаво, твердо и решительно стали на путь, начертанный Петром, направив все свои усилия на подготовку решения последнего этапа русской морской проблемы на Черном море, Россия не была бы ныне повержена во прах. Располагая мощным флотом на Черном море, она легко могла бы открыть силой проливы в самом начале войны и установить столь необходимую для победоносного ее конца связь с внешним миром, окончательно решив вместе с тем свою морскую проблему во всем ее объеме.

Непонимание государственными деятелями России XIX века ее морской проблемы, шатания и фатальные изгибы мысли в русской политике в течение прошлого столетия погубили великое дело Петра. Русским поколениям XX века предстоит тяжкая задача начинать его сызнова.

Зарубежный морской сборник. — Пильзен. — 1929. — № 6. — С. 58–61.

Основы Русской морской политики

Морская политика всякого государства предопределяется естественным направлением его экономической жизни и географическим положением его территории. Естественное направление экономической жизни государства непосредственно зависит от характера и географического распределения его природных богатств, предсказывающего пути сообщения, пользуясь которыми эти богатства могут с выгодой для государства принимать участие в мировом товарообмене.

Во все времена и во всяких обстоятельствах возможность пользоваться морскими путями сообщения для товарообмена была и будет одним из главных условий выгодной торговой эксплуатации природных богатств страны; в связи с этим во всех странах искони существовало тяготение к морям,

находящимся вблизи центров этих природных богатств. Принимая во внимание, что положение природных богатств страны по отношению к морям является определенной и конкретной данной, могущей быть нарушенной лишь коренным изменением конфигурации государственных границ, морская политика всякого государства неукоснительно направляется этой данной до самых тех пор, пока не наступят такие коренные изменения в конфигурации государственных границ.

Морская политика России основывается на положении ее природных богатств по отношению к четырем водным бассейнам, ее омывающим: Ледовитому океану, Тихому океану, Черному и Балтийским морям. В связи с расширением государственных границ России и разработкой ее природных богатств значение этих водных бассейнов в ее политико-экономической жизни постепенно менялось, а вместе с этим менялось и направление ее морской политики.

Уже в самом начале образования Российского государства политико-экономическая деятельность первых наших предков, сосредоточенная на водном пути «от варягов в греки», играла огромную роль в развитии культуры и цивилизации Киевского княжества и служила основанием «морской» политики Киевских Великих Князей, нашедшем себе выражение в договорах, которые они заключали с Византией. При этом нельзя не высказать вполне вероятного предположения, что если бы печенеги и половцы, прервавшие связь Киевского государства с Черным морем, не лишили наших предков чрезвычайно для них выгодных во всех отношениях сношений с Византией, Россия была бы ныне одной из самых культурных и мощных стран на свете.

После крушения Киевского княжества Россия, втиснутая в узкие рамки Московского княжества и отрезанная от морей, в течение ряда веков пребывала в состоянии политико-экономического бессилия и культурного упадка; однако и в течение этого мрачного периода русской истории Новгород, политика коего была всецело основана на поддержании морской торговли с внешним миром, служит блестящим примером влияния морских сообщений на благосостояние и культуру Российского государства.

Петр Великий, создав широкую возможность использования морских путей для русского товарообмена с внешним миром, положил основание быстрому развитию России и предначертал направления ее морской политики. Со свойственной ему гениальной интуицией Петр Великий еще в самом начале своей грандиозной государственной деятельности узрел ту роль, которую со временем должны будут играть в политико-экономической жизни России области, лежащие вокруг Черного моря, и обратил сначала свои взоры на это море. Натолкнувшись там на труднопреодолимые препятствия и отдав себе отчет в том, что эксплуатация этих областей есть дело отдаленного будущего, Петр, завещав это дело и связанную с ним проблему Черного моря своим преемникам, обратился к решению более срочной — Балтийского моря, к которому тяготел центр природных богатств тогдашней России. Таким образом было Петром положено начало «Балтийского» периода русской истории, принесшего России столько блеска и славы и закончившегося миновавшей проигранной войной.

В связи с постепенным присоединением к России областей бассейна Черного моря и разработкой их громадных богатств, преемники Петра приступили с конца XVIII столетия к решению Черноморской проблемы, но вели это дело далеко не с той неукротимой энергией и неуклонной последовательностью, с какой Петр разрешал Балтийскую проблему; вследствие этого Черноморская проблема не только не была разрешена к минувшей войне, но, как известно, приняла после этой войны, по причине поражения России, самый невыгодный для нее облик в связи с нейтрализацией и интернационализацией проливов.

Между тем, принимая во внимание географическое распределение природных богатств современной России и выявившееся с течением времени значительное преобладание в ее экономической жизни областей, тяготеющих к Черному морю, которое к началу этого столетия выразилось тем, что черноморский вывоз составлял более 65% всего морского вывоза России, Черноморская проблема, без сомнения, должна была занять в настоящее время первое место в ее морской политике. Все остальные морские проблемы России, связанные с другими омывающими ее морями, должны ныне занять в ее политике подчиненное по отношению к Черноморской проблеме положение.

Потеряв после минувшей войны Финляндию и Прибалтийский край, Россия, в отношении своего военно-политического положения на Балтийском море, вернулась более чем на 200 лет назад — к временам основания Петербурга и Кронштадта в начале XVIII столетия. Начинать вновь борьбу за господство на Балтийском море было бы ныне нецелесообразно, ибо все силы должны быть сосредоточены на решении Черноморской проблемы, имеющей, как выше указано, неизмеримо более важное для России политико-экономическое значение, нежели проблема Балтийского моря. Вместе с тем, первая попытка агрессивной морской политики в бассейне Балтийского моря немедленно поставила бы Россию лицом к лицу с мощной коалицией всех прибалтийских держав во главе с Германией и Польшей, одолеть которую ей, конечно, было бы не под силу. Допуская даже, что России удалось бы искусно использовать наступающие перемены в европейской политической обстановке для частичного улучшения своего положения за счет Финляндии, Эстонии или Латвии, все же перед ней всегда останется неразрешимым вопрос свободной связи Балтийского моря с Север-

ным. Но если бы России и удалось разрешить этот вопрос посредством тесного союза с Германией, на котором, без сомнения, должна будет зиждиться внешняя политика в будущем, все же останется неразрешенным вопрос свободного выхода ее морских путей в бассейн Атлантического океана, ибо этим выходом силой вещей, созданных природой, всецело командует Англия. Все вышеизложенное ясно показывает, на какую серию чрезвычайно трудных и даже непреодолимых препятствий натолкнётся бы Россия при попытке ведения агрессивной политики в бассейне Балтийского моря в целях решения Балтийской проблемы в полном ее объеме.

Принимая во внимание второстепенное значение Балтийского бассейна в теперешней и будущей экономической жизни России, ей следует стремиться разрешить проблему Балтийского моря *мирным путем*, прибегая все свои силы для разрешения значительно более важной Черноморской проблемы. При этом не следует упускать из виду, что направление русской внешней политики в сторону сближения с Германией будет значительно способствовать благоприятному решению Балтийской проблемы, что предвидел уже Петр Великий, завещав своим преемникам никогда не нарушать добрососедских отношений; к тому же важность Балтийской проблемы значительно уменьшается в настоящее время тем обстоятельством, что в случае необходимости могут быть использованы для товарообмена областей Балтийского бассейна с внешним миром морские пути Северного Ледовитого океана, эксплуатации которых было положено успешное начало во время минувшей войны.

Энергичной разработке северных путей, т.е. созданию на берегах Ледовитого океана укрепленных портов, связанных со страной мощными железными дорогами, должно быть посвящено особое внимание не только потому, что эти пути могут в известной мере заменить Балтийские пути сообщения, но также и потому, что это единственные русские морские пути, которыми никто не командует и которые свободно выходят в бассейн Атлантического океана, являющегося центром и колыбелью теперешней политико-экономической и культурной жизни света, подобно тому, как некогда таким центром являлось Средиземное море.

Опыт минувшей войны и прогресс военно-морской техники последнего времени ясно показывают, что в будущих войнах крейсерские операции будут иметь громадное значение. Решительные операции в бассейне Атлантического океана крейсерских сил, состоящих из надводных и подводных судов соответствующего типа и опирающихся на укрепленные базы, вблизи этого бассейна находящиеся, могут оказать весьма большое влияние на исход войны России с любым ее европейским противником, ибо всякая более или менее значительная европейская держава имеет ныне в бассейне этого океана весьма существенные политико-экономические интересы. В мирное же время крейсерский флот, сосредоточенный в базах Ледовитого океана, может послужить мощной опорой для русской внешней политики и «веским» аргументом в руках русской дипломатии. Поэтому проблеме Ледовитого океана, состоящей в создании соответствующего крейсерского флота, опирающегося на укрепленные базы, связанные железными дорогами с внутренностью страны, должно быть посвящено в морской политике России сугубое внимание, и эта проблема должна занять в государственной жизни России особо важное, и во всяком случае более важное, чем Балтийская проблема, место.

Помимо этого, оборудование северного побережья России представляется необходимым и потому, что отсюда начинается великий северный морской путь, развитие и разработка которого может в известной мере облегчить ее морскую связь с Дальним Востоком, так как южными морскими путями Дальнего Востока ныне командует Япония.

Разработка северного морского пути является самым лучшим и целесообразным способом решения и русской Тихоокеанской проблемы, ибо при чисто второстепенном значении, которое имеет в политико-экономической жизни государства Российского его дальневосточная окраина, ни в коем случае недопустимо, чтобы решение этой проблемы довело Россию до вооруженного столкновения с Японией, которое невозможно было бы избежать, если бы Россия повела на Востоке агрессивную морскую политику.

Для России самая целесообразная политика на Востоке состоит в выжидании, связанном со стремлением удержать всеми способами свои нынешние позиции на побережье Тихого океана, а главным образом Владивосток, памятуя при этом, как бы сие не показалось странным, что время работает в ее пользу; ибо вразрез многим существующим взглядам, позволительно высказать основательное предположение, что Япония в конце концов «захлебнется» в своих завоевательных стремлениях на Азиатском континенте и ее экспансия там в скором времени остановится, так как она не обладает достаточными цивилизаторскими и организаторскими силами для создания великой империи, подобной тем империям, которые создавали передовые европейские нации.

Сущность Черноморской морской проблемы заключается в обеспечении морских сообщений России с Средиземным морем во всякое время войны и мира. Радикальное решение этой проблемы заключается в завладении проливами Босфор и Дарданеллы с группой островов, лежащей перед последними, чем устраняется возможность блокады Дарданелл со стороны Эгейского моря. В этой именно концепции и мыслилось Россией решение Черноморской морской проблемы во время минувшей войны, когда Турция была на стороне ее противников. Однако после войны на конференции в Лозанне в 1923 году было вынесено, пользуясь поражением России, решение о нейтрализации и ин-

тернационализации проливов, которое для России является худшим из всех возможных видов решения ею Черноморской проблемы, ибо это решение открывает доступ всякому к центру ее важнейших политико-экономических интересов и ставит ее морские сообщения с бассейном Средиземного моря под удар любой морской державы, в связи с чем эта держава приобретает мощный способ давления на ее внешнюю политику.

Ныне, как известно, созвана по инициативе Турции конференция в Монтре для рассмотрения вопроса о возвращении ей утраченных на Лозанской конвенции 1923 года суверенных прав над проливами. И чем полнее Турция добьется на этой конференции восстановления своих прав над проливами, тем это будет выгоднее и России, для которой неизмеримо легче в отношении ее Черноморской проблемы иметь дело с одной лишь Турцией, нежели с целым рядом мощных морских держав. В том случае, когда Турция располагает полностью суверенных прав над проливами, Россия может путем тесного с ней союза обеспечить свои сообщения с Средиземным морем, а вместе с тем не теряет надежду окончательно решить — при известных благоприятных обстоятельствах, имевших, например, место во время минувшей войны, — свою Черноморскую проблему вооруженной рукой.

Резюмируя все вышеизложенное, мы приходим к нижеследующим заключениям *о главных основаниях русской национальной морской политики*. Первенственное внимание в этой политике должно быть обращено на Черноморскую проблему; в связи с этим Россия, до поры до времени, должна поддерживать самые тесные отношения с Турцией, обусловленные полным содействием со стороны последней в деле обеспечения русских морских сообщений через проливы, включая предоставление русской морской силе возможности ведения военных операций в зоне проливов с целью обеспечения этих сообщений в случае войны России с другими державами, не намеревающимися считаться с суверенным правом Турции над проливами. Вместе с тем на Черном море должен быть создан боевой флот достаточной силы для воспрепятствования не только форсированию проливов противниками России, но и блокаде Дарданелл со стороны Эгейского моря; во всяком случае, Черноморский флот должен быть настолько силен, чтобы представлять из себя достаточно «веский» аргумент в глазах Турции для удержания ее в тесном союзе с Россией, а также чтобы обеспечить России возможность завладения в случае необходимости, например, в случае перехода Турции во враждебный России лагерь, проливами силой.

Одновременно с этим, пользуясь мощными кораблестроительными средствами Петербургского района, должен быть создан крейсерский надводный и подводный флот для крейсерских операций в широком масштабе. Задача этого флота, базирующегося на порты Ледовитого океана, состояла бы в энергичном нападении на морские сообщения противников России в бассейне Атлантического океана; этот флот своими операциями в Атлантическом океане и появлением отдельных его частей в Средиземном море сможет оказать существенное содействие Черноморскому флоту в деле обороны проливов и воспрепятствования их блокаде со стороны Эгейского моря. Кроме того, на далеком севере должны быть предприняты обширные гидротехнические и гидрогеографические работы, а также должно быть создано известное число особо мощных ледоколов для установления хотя бы периодической связи с Дальним Востоком по великому северному пути.

Между тем, в Балтийском море, поддерживая добрососедские отношения со всеми державами на берегах сего моря расположенными, и, опираясь на тесный союз с Германией, Россия могла бы ограничиться содержанием незначительных морских сил, необходимых лишь для усиления Кронштадтского укрепленного района.

На Дальнем же Востоке Россия, тщательно избегая столкновений с Японией, должна занять выжидательное положение, не содержа там до поры до времени боевого флота, а стремясь лишь удержать в своих руках Владивосток.

Вышеизложенные соображения о русской национальной морской политике дают основания для подготовки русской морской силы к войне, указывают направление ее развития и определяют типы боевых судов, из которых должны быть сформированы составные ее части.

Морской журнал. — Прага. — 1936. — № 101–102 (5–6). — С. 5–11.

Мысли о воссоздании Русской Морской вооруженной силы

Когда настанет час воссоздания России на началах правового Государства с определенными национал-историческими традициями и задачами, перед строителями Государства Российской встанет во всей ее широте задача воссоздания Российской морской вооруженной силы.

В ряду труднейших задач, ожидающих будущих строителей России, эта задача является едва ли не самой трудной и сложной по своему решению.

Революция в одно мгновение уничтожила до основания детище Петра Великого, взращенное с таким трудом на протяжении двух столетий. От вековых строительно-организационных усилий, от громадных жертв и плодов достигнутого ценой крови опыта не осталось ничего, кроме нескольких без-

душных железных остовов на кладбищах пустынных гаваней. Душа и движущая сила Флота — его офицерский состав — частью погиб во время кровавой смуты, а частью выброшен за пределы России и в известной степени утратил, в тяжелых условиях беженской борьбы за существование, свои былые знания и опыт. За десять лет изгнания сильно поредел и физически ослаб тот основной кадр офицеров, который достиг своей, так сказать, военно-морской зрелости перед революцией и который, естественно, был носителем и хранителем Российской военно-морской идеологии и занимал во Флоте руководящее место. В России на флоте осталось едва 10% офицеров Императорского времени и эти 10% состоят главным образом из юной молодежи, не имеющей ни опыта, ни знаний. При этих условиях восстановление русской морской вооруженной силы будет сопряжено с громадными трудностями, ибо не будет достаточного числа опытных и зрелых, в научном смысле слова, офицеров, которые были бы способны сразу и без колебаний поставить возрождение этой силы на правильные начала и направить ее развитие по правильному и целесообразному пути.

Вместе с тем, морская вооруженная сила представляет собой ту часть общей вооруженной силы государства, которая менее всего поддается импровизации и более всего нуждается в кадре опытных специалистов с твердо выработанным и определенно направленным военно-морским мышлением. Эту истину испытал на себе великий гений войны Наполеон после того, как на горьком опыте убедился, что импровизированный после революции французский флот оказался совершенно неспособным осуществить даже простейшие его военно-морские замыслы. Размышляя в печальном своем уединении на острове Св. Елены над причинами постигших его неудач, он, создавший в мгновенье ока свои непобедимые армии, написал в своих бессмертных мемуарах в назидание потомству, что морская сила не поддается импровизации, а является плодом долголетних усилий целых поколений опытных и знающих военных моряков.

Французская морская сила в конце XVIII столетия пережила ту же катастрофу, которую пережила русская морская сила 10 лет тому назад. Главный фактор этой катастрофы во французском и русском флотах был один и тот же, а именно — уничтожение офицерского кадра; в революционном французском флоте осталось едва ли 15% офицеров королевского времени, воспитанных из поколения в поколение в течение 200 с лишком лет в школах Турвиля, Дюкэна и Сюффрена. Результат уничтожения офицерского кадра тягчайшим образом отразился на французском государстве: в течение свыше 100 лет французский флот не мог оправиться от этого удара и не мог найти верного и прочного пути для своего планомерного и целесообразного развития. Между тем, французская армия через каких-нибудь 5 лет после революционной бури совсем уже оправилась и вершила военные чудеса на боевых полях Европы.

Похожая картина наблюдается в настоящее время в вооруженных силах России: если современная русская армия представляется, по крайней мере с внешней стороны, в известной мере организованной, то флот продолжает пребывать в состоянии полнейшего запустения и никакие «революционные» усилия не могут извлечь его из этого состояния.

Причины, по которым морская вооруженная сила не может быть создана или восстановлена в сравнительно короткий срок без соответствующего кадра, умудренного долголетним, я бы сказал вековым, опытом офицеров, весьма сложны и мало понятны даже таким гениальным дилетантом в морском деле, которым был Наполеон.

При этом даже чрезвычайно труден ясный ответ на вопрос, который часто задается профанами в морском деле: *почему требуются чуть не целые столетия для создания и укрепления морской вооруженной силы, когда сухопутная вооруженная сила может быть создана в какие-нибудь 10 лет?* Сущность ответа на этот вопрос лежит в том, что та обстановка, в которой рождается, развивается, организуется и действует морская вооруженная сила, в корне отличается от той обстановки, в которой живет и действует сухопутная вооруженная сила. Обстановка на суше состоит из постоянных, вполне осязаемых и логически объяснимых элементов, тогда как обстановка, в которой живет морская вооруженная сила, складывается из целого ряда столь же переменных, логически неосязаемых и капризных элементов, которыми отличается та самая стихия, которая морскую силу окружает. <...>

Остановившись прежде всего на чисто морской стороне вопроса, мы не можем не прийти к заключению, что умение принимать решения в морской обстановке, умение предвидеть и бороться с неизбежными в море случайностями, умение управлять движениями судов в тяжелых навигационных и метеорологических обстоятельствах достигается исключительно в *продолжительных* плаваниях. Чем эти плавания продолжительнее, чем разнообразнее те условия, в которых они совершаются, тем чаще представляется моряку возможность встречи лицом к лицу с разнообразными случайностями военно-морской жизни и тем шире и разностороннее разворачивается перед ним то поле, на котором вырабатывается и закаляется его морской глазомер.

Однако как бы широко не развернулось перед человеком поле морской жизни, он не может приобрести на нем, без искусного и умудренного опытом руководства, тот глазомер, который превращает жителя суши в моряка. Ибо недостаточно переживать разнообразнейшие случайности морской обстановки; необходимо уметь принимать соответствующие решения, а это умение никакое учебное

заведение с его теоретическим и практическим курсом моряку дать не может, ибо не в силах человеческих предвидеть характер тех случайностей, с которыми может встретиться моряк — столь они разнообразны.

Это умение может дать моряку лишь так называемая «школа морской жизни». Школа эта никакими законами не регламентирована и никакими правилами не устроена; но, вместе с тем, она является главным фактором, главным способом подготовки морского командного (офицерского) персонала.

Школы эти во всех флотах мира и во все времена создавались и создаются вокруг выдающихся и опытных адмиралов и потому обыкновенно носят их имена. Кому неизвестны знаменитые школы Турвиля и Сюффрена во Французском флоте! Кому неизвестны выдающиеся школы Ушакова, Сенявина, Нахимова, Бутакова, Макарова и Эссена в родном нам флоте!

Школы эти создаются тем, что вокруг выдающихся адмиралов группируются талантливейшие и опытные офицеры, которые, действуя под руководством главы школы, руководят воспитанием и подготовкой офицерского состава путем распространения в его среде соответствующих духу времени идей об использовании морской вооруженной силы, путем постоянного обмена мнениями и обсуждения разнообразнейших вопросов военно-морской жизни, путем передачи молодым поколениям личного и исторического опыта, и путем поддержания в офицерской среде исторического опыта, и путем поддержания в офицерской среде исторически создавшихся военно-морских традиций.

Таким образом, эти «школы адмиралов» являются носительницами военно-морских традиций, создательницами столь важного для командного состава единства взглядов на ведение войны и сражений и хранительницами веками скопившегося во флоте морского и военного опыта.

Только лишь проходя службу под постоянным влиянием такой школы и под руководством ее авторитетных представителей, морской офицер может приобрести в сравнительно короткий срок то умение и тот опыт, которые ему необходимы для занятия и несения с честью командных должностей на Флоте.

Морского офицера, окончившего те или иные специальные курсы, отделяют всего лишь каких-либо 15 лет службы от того момента, когда он будет, в нормальном порядке, призван к исполнению ответственных и самостоятельных командных должностей. Принимая во внимание чрезвычайную дороговизну передвижения современных военных кораблей и связанную с этим краткость плавания, морскому офицеру в современных условиях дается чрезвычайно узкое поле деятельности для накопления личного опыта; вследствие этого из морского офицера, предоставленного самому себе, без опытного и умелого руководства ни в коем случае не может выработаться за вышеуказанные 15 лет хороший командир.

Сто лет тому назад, когда движущей силой судов был ветер и когда плавание было обычным и длительным явлением в жизни моряка, когда на судах не было никаких сложных механизмов, все же во Франции оказалось невозможным подготовить в такой срок, без соответствующего руководства, хотя бы даже удовлетворительных адмиралов и командиров военных судов. С началом французской революции (в 1790 году) все высшие чины, пенцы геройской школы Сюффрена, покинули французский флот; офицерский состав революционного флота остался без всякого руководства и был предоставлен самому себе; именно из этого офицерского революционного состава вышли те бездарные, неумелые, неопытные командиры и адмиралы, которые 15 лет спустя (в 1804–1805 гг.) не смогли и не сумели привести в исполнение гениальных планов Наполеона и довели французский флот до окончательной катастрофы под Трафальгаром.

Между тем, за те же 15 лет (и даже значительно быстрее) из предоставленных самим себе молодых офицеров французской революционной Армии выработались, без особого руководства, прекрасные командиры отдельных частей и военачальники. Это объясняется исключительно тем, что требования, предъявляемые обстановкой к *сухопутному* офицеру, гораздо проще и легче требований, предъявляемых к *морскому* офицеру, а также и тем, что *сухопутный* офицер силой вещей и самой природой службы в Армии постоянно находится и действует на самом поле своей будущей боевой деятельности, тогда как *морской* офицер сравнительно редко попадает в те условия, которые давали бы ему возможность приобретать и самостоятельно накапливать столь необходимый для него и драгоценный военно-морской опыт.

Вот почему в английском флоте (несмотря на то, что в этом флоте офицеры больше всего плавают) придается такое громадное значение соответствующему руководству и надлежащей «школе морской жизни». Вот почему нигде, как в Англии, так высоко не стоит и не почитается адмиральское достоинство, ибо с ним, кроме командования, связано понятие о руководителе и воспитателе молодого поколения моряков. Вот почему нигде, как в английском флоте, так свято и благоговейно не почитаются военно-морские традиции и столь ревниво не оберегается выкованная веками морская «рутина», являющаяся воистину краеугольным камнем всего здания английской вооруженной силы. Вот почему английские моряки столь консервативны в отношении своей национальной военно-морской доктрины и вносят в нее соответствующие изменения в связи с прогрессом военно-морской идеологии лишь после длительного и зрелого обсуждения.

Старшие чины и начальники английского флота, естественно, являются хранителями и носителями исторических традиций и славных боевых заветов прошлого, передаваемых не только из поколения в поколение английских моряков, но и из рода в род морских фамилий, веками служащих во флоте. Путем постоянного живого общения начальников с подчиненными, общения, носящего совершенно особый, присущий только англичанам, деловито-дружеский характер, начальники воспитывают в молодом поколении столь характерное для английских моряков «морское чутье» и развивают в них ту военно-морскую идеологию, которая основана на этих традициях и заветах. Вот это и есть то, что может быть названо «школой морской жизни» и что решительно ускоряет и усовершенствует приобретение морскими офицерами необходимого умения и опыта.

Пройдя через горнило такой школы, морские офицеры приобретают то единство взглядов на боевую и обычную службу, которое является самым мощным, действенным фактором всякой вооруженной силы, ибо дает уверенность в том, что каждый подчиненный, действуя вне непосредственной связи со своим руководителем, будет во всех обстоятельствах действовать так, как на его месте действовал бы сам руководитель. Такое единство взглядов создает полную гармонию в деятельности мельчайших элементов вооруженной силы и, направляя все отдельные усилия в одном общем строго-определенном направлении, повышает потенциальную мощь вооруженной силы до крайнего максимума. Поэтому-то Нельсон и его капитаны, вышедшие из славной школы Джервиса, приобрели заслуженную бессмертную славу. Совершенно исключительное единство взглядов, проявленное ими во всех обстоятельствах гигантской борьбы с Наполеоном, придало небывалую действенную мощь Английскому флоту и именно их гармоничными и объединенными усилиями вписана самая славная страница в историю английской морской вооруженной силы.

Этим и объясняется то обстоятельство, что в английском флоте гораздо более посвящается внимания и придается ценности тому, чтобы морской офицер прошел через горнило такой школы и впитал в себя традиции, заветы и идеологию английской морской вооруженной силы, нежели его научно-теоретической подготовке.

Внимательно изучая историю развития английской морской вооруженной силы, нельзя не прийти к заключению, что главный фактор ее военно-морской мощи именно и есть это удивительное военно-морское чутье и инстинктивное, так сказать, «осознание» военно-морских проблем, присущее английским морским офицерам и являющееся плодом соответствующего традиционного и практического воспитания под руководством опытных и авторитетных старших чинов флота.

Без малейшего преувеличения можно смело сказать, что Британская империя обязана своим существованием и величием именно этим свойствам офицерского состава ее флота. Благодаря своему *военно-морскому чутью*, английские морские офицеры всегда умели находить выход из тягчайших положений, угрожавших самому существованию Англии, а благодаря инстинктивному «осознанию» военно-морских проблем, они всегда умели направлять военную деятельность флота, зачастую даже вопреки требованиям и указаниям стратегии и тактики, на путь целесообразных и полезных для английского государства решений.

Благодаря этим поистине чудовищным свойствам своего офицерского состава, Англия могла без роковых последствий позволить себе роскошь запечатленных историей грубых ошибок в стратегическом и тактическом управлении ее флотом, ибо всякий раз военно-морской инстинкт ее морских офицеров выводил английский флот из тяжелых положений, созданных этими ошибками, на путь блестящих побед. <...>

Флот, созданный Германией в течение 50 лет, достиг перед минувшей войной небывалой в истории степени технического совершенства, выучки и боевой подготовки; однако за те же 50 лет не успела еще создаться в германском флоте та «школа военно-морской жизни», которая одна лишь способна развить и воспитать в офицерском составе столь необходимые при современном молниеносном развитии всех фаз жизни и деятельности морской вооруженной силы военно-морское чутье и инстинктивное понимание военно-морских проблем.

Германский флот перед войной не имел еще никаких боевых традиций и его идеология (точнее говоря, военно-морская доктрина) не была выкована на горниле самостоятельного опыта и размышлений, а была заимствована от его сухопутного собрата.

Высоко оценивая, на основании изучения истории, громадную действенную силу этого морального фактора, германские офицеры ясно сознавали, что отсутствие его является слабой стороной их прекрасного флота и неоднократно открыто сетовали об этом.

Наличие этого фактора (и притом в превосходной степени) в личном составе английского флота в буквальном смысле слова *гипнотизировало* германских морских офицеров; будучи сами лишены этого фактора, они, естественно, переоценивали его действенную силу у противника и, находясь под постоянным его гипнозом, не видели, или, вернее, не смогли верить, что видят ряд крупнейших технических, организационных и военно-научных недостатков английского флота.

В сознании германских морских офицеров на английский флот были написаны гигантскими огненными буквами фатидические слова: «школа», «традиция», «морское чутье». Это ослепляло их и заслоняло им все остальное.

Помимо этого нельзя не признать, что главная трагедия Германии состояла именно в том, что вследствие отсутствия этих факторов в германском флоте германские офицеры не «чувствовали» и не верили, что они имеют в руках такое совершенное орудие морской войны, которое давало им право с самого начала военных действий вступить с надеждой на успех в открытый бой с английским флотом.

Отсюда ясно (да это в полной мере подтверждает и история), что фактор, о котором мы говорим, имеет (по сравнению со всеми другими факторами, слагающими мощь морской вооруженной силы) двойную действенную силу, а потому является самым важным и ценным между ними; отсутствие школы, *традиций и военно-морского чутья, во-первых, не дает возможности офицерскому составу использовать в полной мере на театре войны и в сражении действенную мощь своего флота, а во-вторых, вселяет к его фактической силе неоправданное недоверие в связи с тенденцией к переоценке сил противника.*

Германия, располагая во всех отношениях блестяще подготовленным и воспитанным в глубоком сознании чувства долга офицерским личным составом, не могла в течение 50 лет выработать в своем флоте таких руководителей, которые были бы в состоянии создать и сгруппировать вокруг себя школы военно-морского воспитания офицеров.

Франции потребовалось больше 100 лет, чтобы из поколений офицеров революционного периода создать более или менее удовлетворительный офицерский состав, сгруппировавшийся в конце минувшего столетия в школах адмиралов Фурнье и Оба и давших импульсы творческой работы во французском флоте. Да и в то столетие маразм, в котором пребывал французский флот после революции, таким тяжелым бременем лег на созидательную работу этого офицерского состава, что ему не удалось закончить свою тяжелую работу до начала минувшей войны. Только теперь, после Великой войны, 140 лет спустя после революции, можно сказать, что французский флот окончательно вступил в тот период своего возрождения, который может вернуть его к славным временам Сюффрена.

Что же после всего этого остается сказать *о современном большевистском флоте?*

С тех пор, как на судах Российского флота был спущен Андреевский флаг, седой свидетель славы и тяжелых испытаний длинного ряда поколений русских моряков, умерли на бывшем Русском Флоте все славные *традиции* былого. С тех пор, как революция изгнала и уничтожила офицерский состав, формировавшийся столетиями в школах славных русских адмиралов, умерла душа на бывшем Русском флоте, та *душа*, в которой живут и бережно хранятся заветы боевого прошлого, идеология морской вооруженной силы и чутье морского офицера. Ушедшие в могилу и изгнание офицеры унесли с собой все внутреннее идейное содержание Российской морской вооруженной силы, и ныне отряды кораблей под красным флагом представляют собой ничто иное, как мертвые груды железа и стали. Ибо движущая сила флота, его душа, это его офицеры; и, притом (особенно в современных условиях), не обыкновенные люди, носящие офицерское звание, а офицеры, воспитанные в школе морской жизни под руководством опытных и авторитетных начальников, на началах бережного хранения боевых традиций, развития до крайних пределов военно-морского чутья и полного объединения единством доктрины.

Офицерский состав современного большевистского флота в подавляющем большинстве состоит из молодых людей, выпущенных за последние 7–8 лет из коммунистического морского Училища и из оставшихся на флоте, наспех подготовленных во время войны так называемых мичманов военного времени, не имеющих ни достаточных знаний, ни какого бы то ни было военно-морского опыта. Совершенно незначительное число офицеров старого довоенного времени, оставшихся на большевистском флоте, подразделяются на две категории: группа молодых, столь же неопытных как и мичманы военного времени, офицеров и группа старых офицеров, занимавших во время войны те или иные командные посты; число лиц, принадлежавших к этой последней группе, исчисляется, в буквальном смысле слова, единицами и лица, эту группу составляющие, принадлежат в подавляющем большинстве по своему духовному облику к морально неустойчивым и беспринципным элементам старого флота, которым не суждено было играть на нем никакой более или менее выдающейся роли; да и в настоящее время эта группа не играет никакой роли на большевистском флоте вследствие питаемого к ней политического недоверия со стороны руководящих коммунистических кругов.

Во главе этого бесцветного и во всех отношениях бессодержательного личного состава стоят на всех руководящих постах бывшие мичмана военного времени; позади этих лиц, в их прошлом, осталось, как в общекультурном, так и в военно-морском смысле, совершенно пустое или преступлениями запятнанное место. У них нет и тени опыта и знаний, с чем связано понятие об авторитете; а главное, у них нет и следа того величия духа, которое во все времена и всюду, и особенно на флоте, характеризовало и характеризует духовный облик Руководителя подчиненных. Между тем именно эти люди призваны по своему служебному положению к созданию и руководству школой военно-морской жизни и к воспитанию офицерского состава на большевистском флоте!

После всего того, что было сказано выше, само собой ясно, что без притока творческих сил извне при таких руководителях и из такого личного состава настоящие морские офицеры могут выработать-

ся лишь по прошествии ряда поколений и во всяком случае не ранее, как через целое столетие, а может быть и больше.

Вот почему для будущей России является задачей первостепенной государственной важности сохранить тот кадр морских офицеров, который живет в настоящее время на чужбине. В этом кадре находится цвет русского морского офицерства и немногие, оставшиеся после тяжелых жертв, понесенных во время революции, его авторитетные руководители.

Этот офицерский состав в лице его руководителей и старших чинов прошел суровую школу Русско-японской войны, блестяще руководил русским флотом во время минувшей войны; он прошел славную «школу морской жизни» под руководством незабвенного адмирала Эссена и твердо хранит в своей душе заветы и традиции боевого прошлого; его теоретическая подготовка прошла в образцовых военно-морских учебных заведениях, созданных после русско-японской войны, и он в исчерпывающей мере объединен единством взглядов на задачи и цели российской морской вооруженной силы.

Только этот офицерский состав, вернувшись на Российский флот после падения большевистской власти, способен вновь вдохнуть в него жизнь и направить его возрождение на быстрый и правильный путь без всяких колебаний и непроизводительных громадных затрат.

Вот почему долг этого офицерского состава перед Россией состоит в том, *чтобы сохранить всеми мерами военно-морской духовный капитал, приобретенный тяжкими трудами и переданный ему из поколений в поколения, и стараться всеми мерами его умножить, чтобы поддержать его уровень современных требований.*

Без этого офицерского состава, носителя всего духовного капитала, накопившегося на Русском флоте работой в течение веков, Российская морская вооруженная сила возродиться в сравнительно короткое время не сможет. А без морской вооруженной силы Россия не сможет разрешить те задачи, которые должны обеспечить ее существование и культурно-экономическое развитие и вернуть ей то политическое положение, которое она по праву занимала.

Боевая мощь вооруженной силы складывается из следующих трех основных элементов ее составляющих: оружие, дух бойцов и их подготовка (выучка) к ведению вооруженной борьбы. Последний из этих элементов распадается в свою очередь на две части: выучку рядового бойца и на подготовку командного (офицерского) состава. Военно-морская история дает нам неопровержимые доказательства того, какое громадное действительное значение имеет третий из этих элементов. В истории есть ряд примеров (Абукир, Трафальгар, Лисса), которые показывают, что при одинаковой силе духа обеих борющихся сторон, выучка бойцов и, особенно, подготовка (искусство) командного состава не только давала возможность слабейшему (с точки зрения материальной части) уравновесить силы в бою (Ютланд), но даже одерживать над сильнейшими (по числу судов и их вооружению) блестящие победы (Абукир и Трафальгар).

Материальная часть вооруженной силы есть вопрос денег и правильного военного мышления руководителей.

Дух есть вопрос свойства нации и правильного военного воспитания под руководством соответственно подготовленного офицерского (командного) состава.

Выучка рядового бойца и подготовка командного состава есть вопрос системы.

Таким образом, мы видим, что подготовка командного состава имеет тройную действительную силу в подготовке морской вооруженной силы к войне: она участвует в создании материальной части вооруженных сил (в создании флота), она участвует в воспитании личного состава и, наконец, она сама по себе, как таковая, участвует в качестве одного из главных слагающих элементов боевой мощи морской вооруженной силы.

Отсюда ясно, какое громадное значение в общем комплексе подготовки морской вооруженной силы к войне имеет система подготовки личного состава. И, действительно, история указывает нам, что неправильная и несоответствующая современным требованиям система подготовки личного состава была первопричиной таких ужасных катастроф, которые пережил испанский флот в конце XVI века и русский флот во время Русско-японской войны.

Вследствие этого с первых же шагов на пути воссоздания Русской вооруженной силы должно быть обращено особое внимание на создание и разработку правильной системы подготовки личного состава флота, тем более, что (как о том уже было указано во введении) именно личный состав флота больше всего и тяжелее всего пострадал от революции и его придется в значительной части, если не считать тех офицеров, которые сохранятся в эмиграции, создавать сызнова.

Так как первенствующее значение в деле подготовки личного состава имеет офицерский (командный) состав (ибо в его руках лежит подготовка всего остального личного состава), то мы в первую очередь обратимся к рассмотрению той системы, по которой подготовка офицерского состава должна в современных условиях совершаться.

В связи с теми требованиями, которые предъявляет обстановка современной борьбы на море к командному составу, над всей системой подготовки этого командного состава доминируют два ос-

новых начала, являющихся вместе с тем и основными целями, к достижению которых вся система должна стремиться.

Эти основные начала суть следующие: 1) выработка в командном составе способности принимать с мгновенной быстротой правильные решения в сложнейшей обстановке современной войны и современного сражения на море и 2) выработка в его психике способности стойко сопротивляться потрясающим эмоциям современной вооруженной борьбы, сохраняя при этом полное душевное равновесие, обеспечивающее ясность и остроту умственной деятельности. <...>

В непосредственной связи со строгими требованиями, предъявляемыми современной обстановкой к физическому отбору и предельному возрасту командного состава, стоит вопрос о возможно более экономном использовании его на флоте, ибо при этих строгих требованиях не представляется возможным подготовить значительное количество хорошего командного персонала за короткий промежуток времени, который отделяет новопроизведенного офицера от командных постов. При этом нельзя упускать из вида, что сама процедура подготовки морского командного состава (как о том будет указано ниже) обходится Государству чрезвычайно дорого и вследствие этого каждая особь командного состава должна оцениваться на флоте, так сказать, на вес золота.

Принцип экономии командного состава выдвигает на первое место вопрос о том, что следует понимать под определением «*морской командный состав*».

Командный состав флота представляет собой ту категорию офицеров, которая призвана руководить стратегическим и тактическим (а отнюдь не техническим и административным) использованием боевых средств флота.

В состав этой категории входят: Командующие флотами, эскадрами и отрядами с их Штабами; командиры боевых и учебных судов и их помощники — старшие офицеры; артиллерийские, минные, штурманские и авиационные офицеры с их заместителями для пополнения боевой убыли; начальники, профессора и воспитатели военно-морских учебных заведений; начальники и офицеры Морского Генерального Штаба; офицеры оперативных отделений портов и, наконец, все те офицеры, которые готовятся к исполнению всех вышеперечисленных функций.

В состав этой категории *ни в коем случае не входят:* все офицеры, исполняющие чисто технические функции; ревизоры; командиры не боевых судов; офицеры в береговых учреждениях (кроме оперативных отделений), в лабораториях, обсерваториях и во всех технических комитетах.

Помимо этого при выработке таблицы комплектации офицеров судов Флота должна быть соблюдена строгая экономия в назначении офицеров командного состава; руководящим началом здесь должен служить принцип боевой живучести, т.е. каждый офицер, руководящий использованием боевых средств, должен иметь соответствующее число заместителей для пополнения боевой убыли.

Для технического, административного и дисциплинарного надзора за боевыми средствами Флота и его экипажами (нижними чинами) офицеры командного состава должны иметь соответствующий кадр помощников — офицеров, принадлежащих к особым категориям (корпусам) сообразно специальностям.

В современных флотах, именно в связи с необходимостью экономии командного состава, обращено особое внимание на создание этих категорий офицеров и сами эти категории чрезвычайно многочисленны. Помимо того, что эти категории (корпуса) дают возможность провести значительную экономию в кадрах командного состава, они дают столь необходимый в настоящих социальных условиях доступ нижним чинам к офицерскому званию, чем в значительной степени обеспечивается удержание на службе чрезвычайно ценных для Флота специалистов.

Рассматривая офицерский состав иностранных флотов и суммируя результат этого рассмотрения, мы приходим к заключению, что офицерский состав на современном флоте должен состоять из следующих корпусов.

Корпус *командного состава*, доступ в который дает Морское Училище.

Корпус *инженер-механиков* и других специальных инженеров (электромехаников, кораблестроителей и т.д.), доступ в который дает соответствующее высшее техническое учебное заведение.

Корпус *ревизоров и обер-аудиторов*, доступ в который дает университетское образование, дополненное специальным учебным корпусом.

Корпус *санитарных офицеров*, доступ в который дает высшее медицинское образование.

Корпус *технических офицеров*, разделенный на несколько категорий, сообразно специальностям (артиллерийская, торпедная, минная, радиотелеграфная, минно-механическая, артиллерийско-электротехническая и т.д.), доступ в который имеют нижние чины соответствующих специальностей кондукторского и унтер-офицерского звания по прохождении дополнительного курса и соответствующего экзамена.

Корпус *корабельных (палубных) офицеров*, доступ в который имеют нижние чины (кондукторского и унтер-офицерского звания) палубной и административно-дисциплинарной специальности (боцмана, фельдфебеля и т.д.).

Корпус *офицеров-пилотов*, доступ в который имеют нижние чины со званием пилотов.

Корпус *офицеров морской стражи*, доступ в который имеют морские офицеры, изъявившие о том желание или лица, окончившие военные училища по прохождении специального дополнительного курса.

Технические офицеры являются непосредственными помощниками офицеров-специалистов командного состава по техническому надзору и заведованию боевыми средствами флота. Принимая во внимание весьма кратковременное (сравнительно) пребывание офицеров-специалистов командного состава на своих должностях (в связи с быстрым движением их по службе), наличие технических офицеров, подолгу остающихся на своих местах, дает возможность поддерживать техническое совершенство боевых средств флота на должной высоте и создает возможность значительной экономии при комплектовании судов флота офицерами-специалистами командного состава.

Корабельные офицеры являются непосредственными помощниками офицеров командного состава по заведованию командой и исполнению повседневной корабельной службы. Освобождая офицеров командного состава от исполнения ряда второстепенных должностей (должностей ротных командиров, дежурных офицеров на якоре и т.д.), они дают возможность провести значительную экономию в комплектовании судов Флота офицерами командного состава.

О том, что для исполнения ревизорских обязанностей совершенно нецелесообразно расходовать кадры офицеров командного состава, говорить не приходится, ибо это само собой очевидно. Впрочем, ныне на всех решительно флотах имеются для этой цели офицеры специального корпуса.

То же соображение относится и к *корпусу военно-морских пилотов* с той лишь разницей, что пилотские обязанности могут нести вполне удовлетворительно даже и нижние чины после специальной подготовки (как то показал опыт во многих иностранных флотах).

Что касается *корпуса морской стражи*, то на нем мы должны остановиться несколько подробнее. Государство затрачивает на создание и содержание флота громадную долю народного достояния, ибо флот, в особенности в настоящее время, представляет собой наиболее дорогую и трудно восстанавливаемую часть государственного организма. Вместе с тем, история с убедительной ясностью показывает, что команды флота в связи с особыми условиями их жизни и комплектования наиболее склонны к бунтам, которые неизбежно влекут за собой разрушение сложной и деликатной материальной части современного, столь дорогостоящего флота. При условии размещения и службы команды на современных боевых судах поддержание порядка и дисциплины возможны лишь, помимо особого способа комплектования команды, о чем будет указано ниже, при наличии специальной, особо от команды стоящей «морской стражи», наподобие английских «*marins*». Этот корпус «морской стражи», введенный либеральнейшим и демократичным английским государством на своем флоте в конце XVIII столетия после ряда непрекращавшихся на нем бунтов, дал блестящие результаты и в полной мере показал свою целесообразность и необходимость особенно в современных условиях. После минувшей войны этот корпус в скрытом виде, чтобы не возбуждать истеричности впечатлительных французских специалистов, введен и во французском флоте.

Введение этого корпуса ни в коем случае не может рассматриваться как мера реакционного характера. Вне зависимости от политического характера управления в стране (Англия, Франция) эта мера, вытекающая из неизбежных психологических условий морской службы, должна рассматриваться как необходимо нужное обеспечение народного достояния и гарантия правильного функционирования одной из самых дорогих частей государственного организма.

Наличие этого корпуса «морской стражи» на флоте освобождает командный состав от той чрезмерной и напряженной умственной, психической, технической и нервной работы по поддержанию дисциплины и порядка в командах, которой он неизбежно обречен на тех флотах, где этот корпус отсутствует, и дает ему возможность сосредоточить всю свою душевную энергию на совершенствовании своих способностей в деле боевого руководства флотом, для чего, как мы видели во введении, и без того уже требуются почти сверхчеловеческие психические силы.

Сколь велика может быть экономия в офицерах командного состава при наличии всех вышеуказанных корпусов, ясно видно при критическом рассмотрении табелей комплектации судов Русского флота во время минувшей войны. Для примера возьмем хотя бы табель комплектации миноносцев типа «Новик». Эта табель комплектации предусматривала 7 (!) морских офицеров: командир, старший офицер, 2 минных офицера, артиллерийский офицер, штурман и ревизор. Семь офицеров командного состава для корабля в 1300 тонн — это уже не излишняя роскошь, а безумная расточительность. При наличии вышеуказанных корпусов эта табель комплектации может быть сведена на максимум 4 офицера: командир, старший офицер, минный офицер и артиллерийский офицер. Вместо второго минного офицера — технический офицер; вместо ревизора — офицер корпуса ревизоров; у старшего офицера два помощника: один палубный офицер и один офицер морской стражи. Что же касается штурманского офицера, то он на миноносце совершенно не нужен, ибо миноносцы в самостоятельных операциях действуют целыми дивизионами и их ведет дивизионный штурман, а для случайных краткосрочных одиночных операций каждый морской офицер достаточно подготовлен, чтобы внести штурманские обязанности. Принимая во внимание краткосрочность операций минных

судов в связи с чрезвычайно ограниченным запасом топлива, а также принимая во внимание физическую выносливость молодого офицерского состава на миноносцах, следует признать, что 3 морских офицера (не считая командира) вполне достаточны, чтобы нести вахтенную службу в походе. Именно три морских офицера составляют предельную норму комплектации на миноносцах в английском и немецком флоте.

Введением вышеуказанных категорий офицеров достигается значительная экономия дорого стоящих государству офицеров командного состава и последние освобождаются от целого ряда второстепенных обязанностей, занимавших ранее значительную долю их времени и внимания, что дает возможность вести более интенсивную их подготовку по их главному назначению, производить более строгий и тщательный их служебный отбор и предъявлять к ним, как к руководителям боевой деятельности флота, максимальные требования.

Подготовка командного состава имеет целью дать офицерам: знания, умения и духовные качества, необходимые для максимального и целесообразного использования вверенной им морской вооруженной силы в войне и сражении.

В связи с этим сама подготовка распадается на следующие фазы: теоретическое обучение, практическое обучение и военное воспитание.

В основу подготовки должен быть положен принцип создания в командном составе единства мысли и взглядов на боевое использование морской вооруженной силы. Единство мысли в командном составе особенно необходимо в современной обстановке морских операций, развивающихся на столь громадных пространствах и со столь большой быстротой, что главнокомандующий физически не в состоянии не только руководить всеми действиями, сложнейший комплекс которых составляет современную боевую операцию, но даже зачастую не в состоянии бывает обнять весь комплекс этих действий в их целом. При таком положении вещей максимальное боевое использование всех средств морской вооруженной силы в связи с максимальным использованием условий обстановки, создающихся на отдельных участках операции, возможно лишь при проявлении со стороны подчиненных начальников разумной и целесообразной инициативы. Проявление же такой инициативы требует полного единства мыслей и взглядов в среде всего командного состава.

Единство мыслей и взглядов есть прямая функция той доктрины, на которой базируется данная морская вооруженная сила. Военно-морская доктрина есть ничто иное как совокупность установленных идей в деле создания и боевого использования морской вооруженной силы в связи: с политическими требованиями, военно-географическими условиями, военно-научными взглядами, национально-психологическими свойствами и военно-морскими историческими традициями данного государства.

Таким образом, руководящим и координирующим началом подготовки командного состава во всем ее объеме и во всех ее фазах является *военно-морская доктрина* данного государства, установление которой входит в круг главнейших задач Морского Генерального Штаба или, точнее говоря, является главной задачей специального высшего военно-морского научного института, наподобие французского «Centre les hautes etudes militaires».

Теоретическое и отчасти практическое (прикладное) обучение командного состава производится в военно-морских учебных заведениях различных степеней и специальностей. Эти учебные заведения распадаются на три главные группы: 1) училища, готовящие морских офицеров, 2) офицерские классы и курсы, готовящие офицеров командного состава специалистов и 3) Высшие офицерские школы (Академии), готовящие офицеров для занятия высших командных постов и для службы в Морском Генеральном Штабе.

Рамки настоящих очерков не позволяют нам, конечно, заняться детальным рассмотрением устройства и программ этих учебных заведений. Мы можем лишь остановиться на рассмотрении тех перемен, которые внесла минувшая война в дело теоретического обучения и тех руководящих идей, которые внес опыт войны в вопрос специализации командного состава. А это именно и составляет главную цель настоящих очерков.

Рассматривая произведенные после войны реформы в теоретическом обучении командного состава в главных морских державах, мы можем выделить несколько *основных начал*, общих для всех флотов, которые положены в основу этих реформ.

1) Резкий и определенный сдвиг теоретического обучения в сторону применения прикладных методов в связи с значительным расширением практической (прикладной) части обучения за счет чисто теоретической.

2) Переход от типа офицерских специальных классов и школ со сравнительно длительным периодом обучения к типу краткосрочных курсов.

3) Увеличение числа этих курсов в связи с более узкой их специализацией.

4) Стремление создать на пути служебной карьеры офицера возможно большее число кратких курсов и высших школ сокращенного типа, чтобы дать ему возможность поступлением через сравнительно короткие промежутки на эти краткие курсы, быть постоянно «au courant» современного со-

стояния военно-морского дела,двигающегося ныне с громадной быстротой вперед в связи с небывалым прогрессом военной техники.

5) Полный отказ от «дипломатирования» (никаких нагрудных значков, специальных дипломов и т.д.) офицеров специалистов, в связи со стремлением не суживать, а, наоборот, сколь возможно более *расширить военно-морские горизонты командного состава*, чтобы он был способен руководить боевым использованием всех многочисленных средств современной морской войны в их совокупности.

Эта система теоретического обучения является прямым и логическим последствием чрезвычайной сложности и многообразности тех боевых средств, из которых слагается современная морская вооруженная сила. Вследствие того, что физически просто невозможно дать человеку полное теоретическое научное обоснование всей сложной аппаратуры современного флота, основанной подчас на труднейших достижениях физико-математических наук, пришлось ограничиться прикладным обучением, имеющим своей задачей изучить функционирование, свойства и способы применения самого прибора или боевого средства как такового, не вдаваясь в его физико-математическую природу. Само собой разумеется, что такая система теоретической подготовки командного состава предрешает вопрос о наличии при офицерах командного состава опытных офицеров инженеров и технических офицеров, которые должны обеспечить техническое действие и исправность всей аппаратуры современного флота, и которые ныне имеются во всех флотах. Вместе с тем, при неоднократно уже упомянутом молниеносном развитии современных боевых операций на море, своевременное и целесообразное применение боевых средств возможно лишь при условии, что командный состав в совершенстве и даже, так сказать, инстинктивно умеет их применять на деле, а это дается лишь практикой; вследствие этого прикладной метод обучения является логической предпосылкой и подготовкой этой практики, создающей в конечном итоге опыт. Кроме того, современная система теоретической подготовки командного состава обеспечивает постоянное поддержание его знаний на высоте требований современного военно-морского дела и сохраняет в нем полную широту горизонта, столь необходимую для максимального боевого использования многообразных средств морской войны в полном и гармоничном их взаимодействии. <...>

Выше было указано, что *современные условия требуют от командного состава в деле руководства морской вооруженной силой на войне и в сражении такого умения, которое по своей полноте имеет свойства почти инстинкта*. Иначе, при современном до крайности сложном и быстром характере развития боевых действий, командный состав окажется не в состоянии целесообразно и своевременно использовать все те боевые средства, которые дает в его распоряжение современная военно-морская техника.

Для иллюстрации этого приведем несколько примеров из минувшей войны.

Английский флот в составе свыше 20 линейных кораблей был несколько раз вынужден мгновенно сниматься с якоря в шторм и густейший туман и выходит в море с рейда Скапа Флоу вследствие прорыва на этот рейд немецких подводных лодок; при этом линейные корабли (свыше 20000 тонн водоизмещения) были вынуждены маневрировать в труднейшем, по своим навигационным условиям, проходе на полных ходах, вследствие сильного течения, доходящего до 10 миль в час. И, несмотря на густейший туман и большое число поспешно выходящих судов, никогда не было никаких несчастий.

Когда во время Ютландского сражения Германский флот в первый раз в 19 час. 35 мин. внезапно ударился головой в центр развернувшейся боевой линии Английского флота, адмирал Шеер, чтобы спасти свои головные дивизии от обрушившегося на них убийственного огня всей английской линии, был вынужден мгновенно, без всякой предварительной маневренной подготовки, повернуть весь флот вдруг на 16 румбов. В момент этого поворота 16 линейных кораблей Германского флота находились в строе кильватера на столь выпуклой кривой линии, что эта кривая представляла собой почти четверть окружности круга. Несмотря на это, поворот был исполнен под жестоким огнем неприятеля без малейшего замешательства и без столкновения на 16–17 узловом ходе.

Когда после Ютландского боя германский флот около полуночи проходил через арьергард английского флота, состоявший из легких крейсеров и миноносцев, между немецким флотом и английским арьергардом завязался жестокий бой на коротком расстоянии; бешеный огонь противоминной артиллерии, лучи прожекторов, освещающие снаряды, грандиозный пожар взлетающего в воздух английского крейсера «Black Prince», мечущиеся во все стороны крейсера и миноносцы, — создали на месте этого боя неопикуемый и грандиозный по своей трагичности хаос; в этот момент несколько немецких крейсеров и миноносцев, спасаясь от английского огня, проскочили на полном ходу сквозь кильватерный строй германских линейных кораблей.

Ничего подобного этим примерам история прежних войн нам не дает, ибо эти случаи являются прямым следствием современных факторов вооруженной борьбы на море — подводных лодок, убийственной силы современного артиллерийского огня, быстроты хода и большого числа боевых единиц разнообразного типа, принимающих участие в боевых операциях на море.

Каково же при этом должно быть умение командиров судов, участвовавших в вышеописанных случаях, чтобы с честью вывести свои корабли из сложнейших и тягчайших боевых положений?

А каково должно быть умение тех германских артиллерийских офицеров, которые в тягчайших условиях погоды и освещения, открывая огонь с предельной дистанции, через одну минуту накрывали цель?!

Такое умение является следствием лишь такого опыта, который внедряет знание в подсознательную сферу духовного естества человека и претворяет знание в инстинкт. А такой опыт приобретает только постоянной и длительной практикой.

Для морского офицера такую практику дает только плавание. Постоянное *длительное плавание* под руководством опытных и авторитетных командиров и адмиралов — это и есть школа военно-морской жизни, в которой вырабатывается умение. Именно в длительнейших плаваниях эпохи парусного флота, «в школах умения» Джервиса и Нельсона вырабатывались те опытные и искусные командиры, которые обессмертили Англию и своих руководителей на полях морских сражений.

С переходом к паровому флоту в некоторых государствах начала развиваться тенденция к сокращению плаваний в связи со стремлением к экономии расходов на топливо и другие необходимые для плавания и практики материалы. В конце прошлого и в начале настоящего столетий вся концепция подготовки командного состава в некоторых флотах базировалась на следующей идее: подготовку офицеров производить в разных береговых школах и на так называемых «практических отрядах», строить при этом возможно больше боевых судов, но эти суда «беречь» и давать офицерам возможность практиковаться на них лишь в ограниченных до минимума размерах; в связи с этим появились печальной памяти «вооруженные резервы», в состоянии которых боевые эскадры пребывали почти полгода, а в течение другой половины года плавали с «осторожностью» и по возможности меньше для экономии топлива. При таком положении вещей командиры не только не могли в полной мере изучить свойства своих кораблей и иметь «их твердо в руках», но зачастую их попросту «боялись» и благословляли Бога после каждого благополучного возвращения в порт. Артиллерийские же офицеры и минеры могли почитаться особо счастливыми, если им удавалось один раз в год произвести боевую стрельбу со своего корабля или стрелять с него минами.

В результате такой концепции командный состав, несмотря на хорошую теоретическую подготовку, не имел почти никакого «умения» и именно эта концепция, принятая и в русском флоте, была одной из главных причин той ужасной катастрофы, которую он перенес в войне 1904–1905 гг.

Уже после Русско-японской войны всем стало ясно, какое важное значение в деле боевого руководства флотом имеет *умение командного состава*, и в связи с этим во всех флотах мира было обращено особое внимание на практику командного состава на боевых судах и эскадрах. Но лишь после минувшей войны стало вполне ясно, какой невероятно высокой степени умений требуют от командного состава современные условия морской войны.

Опыт германского флота с убедительной ясностью показал, что умение командного состава может в значительной степени возместить численное превосходство противника, наилучшим доказательством чего является Ютландское сражение, в котором немецкий флот, будучи численно почти в два раза слабее английского, нанес последнему в два раза больше поражений, чем потерпели их сам, и при этом неоднократно выходил из труднейших и критических боевых положений.

Вследствие этого после войны практическая подготовка современного командного состава основывается на следующих руководящих выводах:

Не жалея никаких затрат, дать офицерам возможность самой широкой практики не только на учебных судах, но главным образом на тех самых боевых кораблях, которые они поведут в бой.

Судить о способности офицеров к занятию тех или иных командных должностей на флоте не по результатам их обучения в школах и курсах, а по показанному ими умению на боевых судах.

В связи с этим, и исходя из положения, что лучше иметь меньше боевых судов под командой искусных офицеров, чем большое число под командой неумелых, современные морские державы выделяют в бюджетах своих Морских Министерств весьма значительные средства для практической подготовки командного состава сообразно с вышеизложенными новейшими требованиями. Боевые эскадры непрерывно находятся в кампаниях и в продолжительных плаваниях, причем всякое плавание и всякий выход в море используются для всесторонней практики командного состава в управлении судами в разнообразнейших условиях и обстоятельствах. На боевых судах ежегодно проходят обширные курсы стрельбы широким расходом дорогостоящих боевых запасов. Одним словом, на современных флотах не жалеют никаких затрат, чтобы дать возможность командному составу приобрести путем широкой практики столь необходимое и труднодостижимое в настоящих условиях морской войны умение.

Вместе с тем, результаты достигнутого офицерами умения являются главным и решающим критерием для их движения по службе и занятия ими соответствующих должностей во флоте. <...>

Командир, прошедший через такую систему практической подготовки, является в полном смысле слова боевым начальником, обладающим всей полнотой умения в деле боевого использо-

вания своего корабля, а не «старшим рулевым» корабля, каковым фактически являлись прежние командиры — продукты старой системы подготовки командного состава, если, впрочем, считать, что прежнее довоенное прохождение службы было основано на определенной, строго продуманной системе.

При современной системе подготовки командного состава командир располагает на своем корабле не только целым рядом подготовленных боевых заместителей, но вместе с тем имеет и несколько искусных и умелых помощников, которые лично руководят всеми отраслями боевой мощи корабля, включая и управление самим кораблем; вследствие этого командир имеет возможность сосредоточить все свое внимание на развитии обстановки в бою и может своевременно принимать соответствующие решения, проявляя столь необходимую в современных условиях боя личную инициативу.

Современная система подготовки командного состава ставит в лице командиров на шахматную доску сражения «боевые фигуры», а не скромные «пешки», каковыми еще столь недавно были командиры боевых судов.

Для наблюдения за достигнутыми результатами практической подготовки командного состава в современных флотах, помимо чрезвычайно строгих аттестаций, введены периодические испытания офицеров, приуроченные обычно к моменту производства офицеров в известные чины. В некоторых флотах таких испытаний имеется три: перед получением первого штаб-офицерского чина, перед получением последнего штаб-офицерского чина, перед получением первого адмиральского чина. Последние два испытания происходят во время маневров флота. Кандидатам дают на разработку и решение в маневренной обстановке соответствующие теоретические и стратегические задания, причем результат этого испытания является решающим критерием для производства в следующий чин. Не выдержавшие испытания имеют право вновь подвергнуться таковому через год. В случае вторичного провала следует или перевод на береговую должность, или увольнение в отставку.

Широким подспорьем в деле подготовки командного состава являются *военные игры*, которые проводятся ежегодно в зимние периоды во всех базах флота.

Непосредственными руководителями практической подготовки офицеров командного состава, естественно, являются командиры тех боевых судов, на которых офицеры проходят свой служебный путь. Роль командира в этом деле первостепенной важности — решающая, ибо именно на нем, а не на ком другом лежит ответственная и трудная задача создать из своих подчиненных умелых и искусных офицеров.

Для того, чтобы справиться с этой тяжелой задачей и быть в полной мере на высоте ее решения, командир, во-первых, должен сам обладать всей полнотой авторитета, который ему может дать лишь в совершенстве постигнутое умение, а во-вторых, он должен быть в достаточной мере свободным, чтобы посвящать свое внимание и время практической подготовке своих офицеров.

Таких командиров может дать только та система подготовки командного состава, которая принята после мировой войны главнейшими морскими державами. Морской офицер, пройдя через эту систему подготовки, достигает командного поста во всеоружии опыта и знания. Вся предыдущая его служебная карьера была по этой системе организована так, чтобы дать ему всю полноту умения для занятия командного поста. Заняв командный пост, ему не надо — как это было прежде — учиться самому, чтобы быть на своем месте. Он вступает в командование не только как вполне готовый и умелый командир, но и как командир способный и авторитетный для руководства подготовкой подчиненных ему офицеров. На корабле он застаёт несколько искусных и опытных помощников, которые, руководя лично отдельными отраслями боевой мощи корабля, разгружают работу командира по командованию кораблем и дают ему время и возможность заняться подготовкой своих офицеров.

Иными словами, эта система подготовки, создавая из командиров боевого корабля не «военных шкиперов», а боевых начальников, дает в руки Главнокомандующего на войне и в сражении крупные военные личности, а в мирное время ставит во главу подготовки командного состава авторитетных и искусных руководителей.

И только такие командиры могут создать и составить те «школы морской жизни», на которых зиждется духовная мощь морской вооруженной силы и которые кладут неизгладимый отпечаток на ряд поколений военных моряков.

Как бы ни была высока степень совершенства знания и умения, достигнутого командным составом, он не будет в состоянии целесообразно применять это знание и умение к делу руководства морской вооруженной силой в боевой обстановке, если он не будет при этом обладать соответствующими духовными (психическими) качествами.

Создание этих духовных качеств составляет основную задачу военного воспитания командного состава.

Применение знания и умения к делу руководства морской вооруженной силой в боевой обстановке требует известной степени *хладнокровия* командного состава, которое является продуктом известного духовного (психического) равновесия в его эмотивной и умственной сфере во время сражения.

Во введении нами было указано, что эффект современных средств вооруженной борьбы на море вызывает страшные, небывалые доселе по своей силе потрясения в психике бойцов.

Под влиянием страшного эффекта современного морского оружия в психике бойцов мгновенно зарождается и овладевает ею необычайно ярко выраженный инстинкт самосохранения, вызывающий к жизни те отрицательные психические факторы, которые императивно влекут его из сферы опасности и нарушают в отрицательную сторону его психическое равновесие.

Чтобы парализовать влияние этих отрицательных факторов, вызываемых к жизни работой инстинкта самосохранения, и сохранить известную степень душевного равновесия (хладнокровия), боец должен обладать известным запасом положительных психологических качеств, призванных бороться в его психике с отрицательными факторами и подавлять оказываемое ими на его волю отрицательное влияние. При этом чем выше и ярче потенциальная сила этих отрицательных факторов и чем ответственнее роль бойца в сражении, тем запас этих положительных качеств должен быть больший, а их потенциальная сила должна быть выше, ибо чем ответственнее роль бойца в сражении, тем естественно должно быть стойче его душевное равновесие и полнее его хладнокровие.

Принимая, с одной стороны, во внимание страшный эффект современного морского оружия, отдавая себе, с другой стороны, ясный отчет о чрезвычайной сложности и трудности боевого руководства современной морской вооруженной силой, мы составим себе представление о величии тех духовных качеств, которыми должен обладать современный командный состав.

До известной степени работа этих духовных качеств в психике командного состава облегчается тем, что, как мы видели выше, от современного командного состава требуется такая степень умения, которая доводит умение до состояния инстинкта; такое умение, обитая в подсознательной сфере психики, может целесообразно управлять действиями человека даже в момент значительных потрясений и напряженной борьбы в сфере его эмоциональных переживаний. Однако умение именно только до известной степени может облегчить работу этих духовных качеств, ибо при современных боевых условиях командный состав, особенно на высших командных постах, бывает зачастую призван решать сложнейшие и труднейшие боевые задачи, для успешного решения которых подсознательная работа умения совершенно недостаточна, а где необходима ясная и вполне сознательная работа ума и воли. А такая работа ума и воли возможна лишь при полном подавлении отрицательных психических факторов, обеспечивающем то состояние абсолютного душевного равновесия, которое в просторечии называется полным бесстрашием. Принимая же во внимание потрясающий эффект современного морского оружия, нельзя не прийти к заключению, что современный командный состав для поддержания своего душевного равновесия должен обладать значительно более мощными духовными качествами, нежели командный состав прошедших лет. При этом современный командный состав, в отношении общей устойчивости своих основных психических свойств, находится в значительно худших условиях, нежели командный состав, скажем, сто лет тому назад, ибо нервная система и эмоциональная сфера психики у современного интеллигентного человека значительно менее устойчива и легче возбудима, чем у человека начала прошлого столетия.

В связи с вышеизложенным и принимая во внимание потрясающий эффект современного боевого оружия и чрезвычайную возбудимость психики современного интеллигентного человека, мы видим, какие громадные трудности стоят на пути военного воспитания современного командного состава и сколь задача его воспитания сложнее и ответственнее, чем в былое время. К тому же не следует упускать из виду, что в былое время задача военного воспитания командного состава значительно облегчалась тем обстоятельством, что командный состав комплектовался из тех слоев общества, в которых положительные психические «боевые» качества, основанные на рыцарских традициях, воспитывались поколениями и составляли, так сказать, все внутреннее духовное «сredo» и гордость людей, эти слои, или, вернее, этот слой общества составляющих. В наш же век всеобщего демократизма и духовного ополнения военное воспитание на это рассчитывать не может.

Основной психологической базой военного воспитания командного состава является известная степень врожденного в нем *душевного благородства*.

Душевное благородство является самой простой причиной и стойкой основой тех положительных духовных качеств, которые необходимы командному составу для сохранения своего душевного равновесия в боевой обстановке. Без наличия в психике командного состава душевного благородства никакое военное воспитание, как бы совершенно оно ни было, не может добиться прочных и достаточных результатов.

Поэтому если мы и не можем в современных социальных условиях ожидать рыцарской психологии от лиц, вступающих в ряды командного состава, то мы во всяком случае обязаны требовать от них известной степени природного душевного благородства. Вследствие этого руководители воспитанием командного состава должны в первую очередь неослабно и мудро следить за моральным обликом офицеров, особенно с первых шагов их служебной карьеры, и беспощадно устранять тех из них, чьи моральные свойства не отвечают понятию душевного благородства. Ибо человеку, лишенному душевного благородства, не могут быть свойственны чувства возвышенного долга и военной чести, а

без этих возвышенных чувств он делается в сфере боевой опасности легкой добычей инстинкта самосохранения.

Недаром историографы всех знаменитых флотоводцев особенно подчеркивали их природное душевное благородство. Не удаляясь в прошлое, вспомним прошедшие перед нашими глазами жизни Н.О. Эссена и А.В. Колчака и зададим себе вопрос, что к ним неудержимо влекло все наши сердца? И всякий из нас без колебаний ответит — душевное их благородство, то громадное душевное благородство, которое создало из них обаятельные образцы рыцарей без страха и упрека.

Поэтому в аттестациях офицеров сугубое внимание должно быть обращено на рубрику моральных свойств, и эта рубрика должна служить не меньшим, если не большим, критерием, чем «умение» и «знание» для движения офицеров по службе.

Значительным подспорьем в деле морального отбора офицеров командного состава должны служить правильно организованные суды чести.

За последнее время во многих государствах в связи с «демократическими веяниями» офицерские суды чести были отменены. Против этого ложного применения демократических принципов нельзя не восстать самым решительным образом. Если эти суды чести признавались полезными в то прошлое время, когда офицерские кадры комплектовались из тех слоев общества, в которых боевые духовные качества были врожденными и являлись продуктом атавизма, то в настоящее время лишать военное воспитание этого подспорья является более чем неразумным и... недемократичным.

Никто как демократия не заинтересована в максимальном и рациональном использовании народных средств; вместе с тем рациональное использование дорогостоящей морской вооруженной силы возможно лишь при наличии в командном персонале, помимо умения и знания, соответствующих духовных свойств; суды чести способствуют моральному отбору командного состава, следовательно, именно с демократической точки зрения они необходимы и нужны.

Не вдаваясь здесь в детальное рассмотрение методов военного воспитания командного состава, ибо сие требует обширного исследования, мы считаем необходимым лишь особенно подчеркнуть, что в современной стадии интеллектуальной культуры человечества, когда многие идеологические ценности былых времен утратили свое значение и действительную силу, военное воспитание командного состава должно, в первую очередь, стремиться к созданию в психологии офицеров чувства долга и воинской чести.

Критическое рассмотрение всех положительных факторов (качеств) военной психологии командного состава неизбежно приводит к заключению, что именно эти два фактора должны иметь и имеют в настоящее время наибольшую действительную силу в психике командного состава.

Само собой разумеется, что возможность создания в психологии командного состава путем военного воспитания этих двух факторов высшего порядка в максимальной степени их выражения покоится на наличии в его психологии элементарных факторов патриотизма и национальной гордости как продуктов общенационального воспитания, ибо без наличия этих элементарных факторов никакое военное воспитание не может достигнуть прочных и ярко выраженных результатов.

Основными способами воспитания командного состава в целях создания в его психологии этих факторов высшего порядка являются: личный пример и воспитательная работа руководителей командного состава и почитание военных традиций.

В настоящее время, более чем когда-либо, на руководящих постах во флоте должны быть во всех отношениях безупречные офицеры, пользующиеся любовью и уважением подчиненных, ибо только при этом условии их моральное воздействие на подчиненных может достигнуть быстрых и плодотворных результатов. Воспитательная работа руководителей, помимо личного примера, требует постоянного их близкого умственного и духовного общения с подчиненными, что, конечно, возможно лишь в том случае, если между ними существуют прочные узы симпатии и уважения. История с неопровержимой ясностью показывает, что чем большим обаянием пользовался среди подчиненных начальник, тем более высокую степень военной доблести они проявляли в сражениях под его начальством. И это, главным образом, потому, что его воспитательная работа достигла, благодаря личному обаянию и любви к своим подчиненным, максимальных психологических результатов.

В наш век переоценки многих духовных ценностей и критического отношения к идеологии еще столь недавнего прошлого, морально возвышенная и обаятельная личность на руководящем посту, находящаяся в тесном и непрерывном духовном общении с подчиненными, есть единственный залог успеха военного воспитания командного состава.

Узаконенное еще столь недавно на флоте полное отчуждение высших военных начальников от подчиненных и «страх начальства» как главный способ морального воздействия на подчиненных, ныне безвозвратно отжили свой век, и на этой базе в настоящее время военное воспитание командного состава не может достигнуть никаких положительных результатов.

В этом и заключается основная разница между современными и прошлыми способами военного воспитания.

Мощным подспорьем в деле военного воспитания командного состава являются традиции.

Военные традиции — это доблестные примеры того, как наши предки исполняли свой военный долг. Эти примеры, тщательно и любовно собираемые со страниц истории национальной вооруженной силы и бережно передаваемые из поколения в поколение, составляют ту золотую книгу традиций, которой гордится не только личный состав вооруженной силы, но и вся нация.

Воспитательное значение и мощное действенное влияние на психику командного состава традиций покоится на следующем рассуждении: если наши предки могли явить такие примеры доблести, то мы — сыны того же народа — покроем себя срамом, если не будем их памяти достойны. А для духовно благородного офицера чувство стыда, как следствие неисполненного военного долга, сильнее страха смерти. Этим и объясняется действенная сила военного клича наших предков: *«умрем, а не посрадим земли Русской»*.

И чем больше доблестных примеров записали наши предки в золотую книгу наших традиций, тем больше срама примем мы на себя, если не сумеем быть им равными.

При этом в вооруженных силах, богатых традициями, их влияние достигает той силы, при которой чувство военной чести нередко обращается у командного состава в чувство военной гордости. В английском флоте, например, существует традиция, что английские корабли не могут уклоняться от боя при встрече с сильнейшим противником (адмирал Крадок у Коронеля), а за победу над противником, уступающем в силе, английским начальникам не полагается никакой награды.

Поэтому-то немцы, которые отдавали себе ясный отчет о действенной силе традиций, с таким почтительным страхом взирали перед войной и в начале войны на английский флот; их ослепляла тысячеглавая и ярко блестящая золотая книга традиций английского флота.

Традиции показывают нам, как мы должны исполнять свой долг перед Родиной, и вызывают к жизни в нашей психологии боязнь покрыть себя позором в случае, если мы не сумеем быть достойными этих традиций — свидетелей былой доблести наших славных предков.

Принимая во внимание мощное воспитательное значение традиций, руководители воспитанием командного состава должны всемерно развивать культ традиций в офицерском составе и непрестанно обращать его взоры на доблестные примеры из истории своей морской вооруженной силы. А подлежащие органы Морского Ведомства должны внимательно собирать со страниц истории эти примеры и широко распространять их среди личного состава флота.

При воссоздании русского флота особое внимание должно быть обращено на развитие культа традиций и их популяризацию в личном составе, ибо, к великому сожалению, именно в русском флоте до самых последних времен к истории собственного флота относились без должного внимания и благоговения.

Нередко традиции находят себе материальное выражение в определенных памятниках и знаках, которые ярко напоминают личному составу ту или иную из них. В этом отношении наиболее поучительный пример дают нам английские корабли: всякий корабль имеет свой герб, составленный из атрибутов, напоминающих его славное боевое прошлое или доблестные подвиги лица, чье имя он носит; на видных местах укреплены в назидание личного состава разные эмблемы и изречения, олицетворяющие традиции английского флота; внимательно изучается и бережно хранится на всяком корабле его личный исторический музей; о каждом корабле издается специальная историческая памятка.

К созданию этих внешних знаков, олицетворяющих собой традиции, было приступлено на русском флоте в 1910 году по специальным директивам и по инициативе Морского Генерального Штаба; и на всемерное развитие этого начинания должно быть обращено в будущем особое внимание.

Из всего того, что выше было сказано о тех огромных требованиях, которые предъявляют современные условия морской войны к подготовке командного состава, мы можем себе составить представление о той упорной и непрерывной работе над самим собой, которую должен выполнить каждый офицер, чтобы с успехом удовлетворить ряду строжайших требований и испытаний, которые ныне ставит Государство на его служебном пути для достижения командных должностей.

Для того, чтобы офицер при таких условиях мог сосредоточить все свои силы на этой трудной и упорной работе, Государство, естественно, должно всемерно облегчить ему эту задачу, сняв с него всякие другие заботы, и обставить его работу таким образом, чтобы она была наиболее плодотворной.

И тут не может быть места никаким соображениям экономии, ибо, повторяем, *в государственном организме ни одна функция не требует для успешного ее исполнения такого напряжения всех умственных, духовных и физических сил человека и ни одна функция не сопряжена с такой военной и экономической ответственностью, как функция морского командования. И в силу этого, именно из соображений здоровой государственной экономики, государство не должно жалеть никаких средств, чтобы подготовить себе хороший морской командный состав, ибо только при этом условии оно может быть к нему столь строго требовательным, как того хотят современные условия войны на море.*

Условия обеспечения офицеров командного состава распадутся на три категории: моральную, материальную и служебную.

В моральном отношении офицерам командного состава должно быть обеспечено в государстве положение, отвечающее возвышенной миссии, на них лежащей, и государство, каков бы ни был его социальный уклад, должно всем своим авторитетом поддерживать это положение офицеров и создавать к ним со стороны всех слоев нации соответствующее отношение. Только при этом условии офицерство может сохранять то душевное спокойствие и равновесие, при которых все его духовные силы могут быть направлены на собственную интенсивную подготовку к занятию командных должностей.

В материальном отношении с офицерства должны быть сняты всякие заботы об обеспечении своего существования и существования своей семьи, причем его оклады должны быть рассчитаны так, чтобы помимо самого существования как такового обеспечивали в полной и широкой мере удовлетворение потребностей высококультурного человека, занимающего определенное общественное положение, и давали бы ему возможность позволять себе развлечения и отдых, столь необходимый при его интенсивной и трудной работе. Чрезвычайно важным вопросом материального обеспечения офицеров морского командного состава является вопрос пенсий. При работе морского офицера, протекающей в обстановке постоянного и высокого напряжения всех умственных и духовных способностей, его нервная система, а в связи с ней и сам организм, относительно быстро изнашиваются; вместе с тем современная система подготовки командного состава ставит на служебном пути офицера целый ряд испытаний, не удовлетворив которых, он может оказаться вынужденным, истратив перед тем значительную долю своей жизненной энергии, покинуть службу. Поэтому великодушный и щедрый закон о пенсиях дает громадную моральную опору офицерам и побуждает их, без всякой оглядки, посвящать все свои силы работать над собой и службой.

Что касается обеспечения работы офицеров командного состава *с точки зрения служебной*, в первую очередь необходимо избавить офицеров от несения всяких второстепенных и маловажных обязанностей, которые могут с успехом исполняться офицерами разных корпусов, для чего последние и созданы в современных флотах; в связи с этим должны быть переработаны довоенные морские уставы, и в основу этой переработки должен быть положен принцип разгрузки офицеров командного состава и возложения на них лишь важных служебных обязанностей в целях экономии их сил для работы по их главному и прямому назначению — подготовки к командованию и самому командованию. В тех же видах жизнь офицеров на корабле должна быть обставлена возможно большим комфортом, ибо комфорт обеспечивает столь необходимый офицерам отдых и создает благоприятную обстановку для их работы.

Англичане (а в настоящее время и многие другие), отдающие себе ясный отчет о влиянии комфорта на продуктивность работы морского офицера и высоко расценивающие роль офицера командного состава в комплексе факторов, слагающих мощь морской вооруженной силы, не останавливаются перед тем, чтобы жертвовать известными боевыми качествами своих судов во имя обеспечения комфорта офицерам.

Во-вторых, и это, быть может, самое главное, служебные и подчиненные взаимоотношения офицеров командного состава должны быть закономерно построены на началах рыцарского благородства, исключая возможность малейшего морального унижения офицера в порядке подчиненности, ибо в современных условиях только духовно возвышенный и морально свободный офицер может с успехом вынести тяжелое и ответственное бремя руководства морской вооруженной силой в войне и сражении. <...>

Морской журнал. – Прага. – 1928. – № 8. – С. 149–154; № 10. – С. 207–211; 1929. – № 4. – С. 99–105; № 5. – С. 119–123; № 7/8. – С. 160–164.

Я. Подгорный

ЗНАЧЕНИЕ КОРСАРСКОГО ФЛОТА ДЛЯ БУДУЩЕЙ РОССИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ

<...> Теперь попытаемся установить: с какой целью мы, русские моряки, должны внимательно изучать крейсерскую войну и нужны ли будущему флоту возрожденной России легкие крейсера Вашингтонского типа и подводные крейсера-корсары?

Рамки настоящей статьи, к сожалению, вынуждают нас ответить на этот чрезвычайно важный для нашего будущего флота вопрос весьма кратко, в общих чертах. Дабы не рассуждать «вне времени и пространства», будем твердо верить, что Андреевский флаг взвевается на кораблях нашего флота в ближайшем будущем и, следовательно, после большевиков уцелеют хотя бы те искалеченные остатки флота, что есть сейчас, и та Россия, что существует под позорной кличкой С.С.С.Р. Словом, за отправную точку возьмем Россию сегодняшнего дня, но без большевиков и с национальным правительством во главе, и попытаемся установить, нужно ли России в ближайшие годы своего возрождения готовиться к крейсерской войне на океане и строить крейсерский флот, *ибо крейсерская война — океанская война, а крейсерский корсарский флот — океанский флот.*

Национальному правительству новой России в ряду других важнейших вопросов, очевидно, придется в первую голову решать вопросы сухопутной и морской обороны. И вот здесь вопрос о флоте представится во всей своей «глубине», *ибо нелепо приступать к постройке даже одного корабля, не имея выработанной программы морской обороны хотя бы на ближайшие 10–15 лет.* Прежде всего, конечно, необходимо будет как можно скорее привести в порядок уцелевшие корабли и вдохнуть в них «душу живую», дав личный состав, проникнутый национальным духом и славными традициями русского флота.

Если к тому времени резко не изменится состояние флотов наших соседей на Балтийском и Черном морях, то положение наше на них будет еще сносным. На Дальнем Востоке мы, как известно, не имеем права держать почти никакого флота. Надеяться, что это положение там изменится тотчас же после падения большевиков, очевидно, нельзя, вследствие чего Дальний Восток мы пока принимать во внимание не будем, и потому рассмотрим в отдельности наше положение на Балтийском и Черном морях, по приведении существующего на них — в настоящее время у большевиков — флота в порядок. На Балтийском море увеличивать флот, несомненно, не будет необходимости, учитывая то положение, в котором находится на нем Россия сегодняшнего дня. Здесь мы потеряли все, что за два века ценой неисчислимых жертв приобрели наши предки, и оттеснены в самую глубь Финского залива, получив вместо прежней морской границы от Торнео до Полангена границу от Сестры-реки до реки Наровы. Какой флот может развернуться на водном пространстве, охватываемом этими границами, на этой так памятной нам всем «маркизовой луже»?

Следовательно, думать об усилении нашего флота в Балтийском море, владея лишь одним Кронштадтом, не приходится. Тот флот, что там в настоящее время есть, приведенный в порядок, вполне будет достаточным для поддержания установившегося на Балтийском море положения. Только конфликт с Англией поставил бы такой флот в крайне тяжелое положение, но это случилось бы при настоящих условиях и с очень сильным нашим флотом, ибо он все равно был бы заблокирован в Кронштадте минами заграждения, которыми неприятель может засыпать весь Финский залив. Какой силы потребовался бы флот, чтобы форсировать такую минную позицию с расчетом встретить за ней подводные лодки и мощный линейный флот Англии?

А потому в настоящем нашем положении несомненно выгоднее превратить Кронштадт, по системе Петра Великого, в неприступную морскую крепость — пусть противник ломает об нее свои зубы. Взять, в таком случае, Кронштадт в лоб, без обхода, будет весьма трудно, а для обхода противнику придется: или втянуть в войну наши лимитрофы, или нарушить их нейтралитет. Но тогда, и в том, и другом случае, у нас окажутся развязанными руки для окончательного решения своих вековых вопросов на берегах Балтийского моря, о чем, конечно, прежде всего придется крепко подумать тем, для кого выгодно современное положение России на этом море. Итак, как ни унижительно для русского национального самолюбия наше современное положение на Балтийском море, но в первые годы возрождения измученной России оно имеет и свою выгоду, ибо избавляет нас от необходимости держать на этом море, для обороны своих морских границ, большие морские силы. Горькое утешение, но и его нужно принимать во внимание. На Черном море, для поддержания нашего превосходства на нем перед Румынией и Турцией, нам потребуется сравнительно небольшое усиление нашего флота в том, конечно, случае, если там уцелеют те силы, что есть в настоящее время, и вернется Бизертская эскадра. Придав к этому флоту два новых корабля типа «Бородино», флотилию подвод-

ных лодок и эскадренных миноносцев, мы получим полное господство на Черном море, принимая во внимание только флот Румынии и Турции.

Но в настоящее время положение с проливами изменилось и нужно учитывать вероятность появления в Черном море флота любой великой морской державы Европы, не говоря уже о совместном выступлении Турции с какой-либо из них. В таком случае, *чтобы держать на Черном море господство в своих руках, нам потребовался бы очень мощный флот, чтобы взять и закрепить за собой Босфор, а может быть и осуществить свою важнейшую морскую проблему — закрепить за собой Дарданеллы и выйти к Средиземному морю.*

Может ли Россия, только что появившаяся из большевистского гроба, приступить в ближайшие годы своего возрождения к созданию на Черном море морской силы, способной осуществить эту нашу вековую мечту? Как ни хотелось бы ответить на этот вопрос утвердительно, все же трудно поверить, что это возможно. Ведь для выхода к Средиземному морю одних морских сил недостаточно. Воевать за обладание проливами придется теперь уже не с одной слабой Турцией, но и со всеми сильнейшими государствами Европы, а потому нужно, чтобы для такого «прыжка» Россия накопила в себе достаточно сил. И настолько достаточно, чтобы овладев, наконец, выходом к Средиземному морю, крепко и навсегда запереть дверь этого выхода, вопреки воле тех, кто в течение веков был тому помехой. А потому приступить к созданию на Черном море флота, способного решить эту нашу историческую морскую проблему, возрожденная Россия сможет только тогда, когда почувствует себя столь сильной, чтобы после «прыжка» к проливам, не откатиться от них по первому окрику Англии, как это случилось полвека тому назад.

Имея совершенно определенные задания и достаточные средства, материальную часть флота создать недолго. К тому же определенные задания для флота и быстрая его постройка дают возможность получить однотипный и самый современный флот, ибо флот устаревает скорее всякого другого оружия. Гораздо труднее будет подготовить для такого флота личный состав. Но и это вполне возможно. Вспомним только «школу» светлой памяти адмирала Эссена, который за краткий 8-летний период на устаревших кораблях сумел подготовить прекрасно обученный и лихой личный состав для самых современных кораблей нашего флота. Вспомним, наконец, сказочный рост немецкого флота и его идеальный личный состав и нам станет ясно, что воспитывая личный состав своего будущего флота на живительных национальных началах в духе вековых традиций Андреевского Флага, мы сможем заранее подготовить нужное число людей для того флота, которому выпадает счастливая доля — вывести Россию к Средиземному морю. Но, несомненно, в первые годы своего возрождения мы не сможем на Черном море начать строить такой флот и вынуждены будем ограничиться только флотом, который давал бы нам явный перевес над флотами Черноморских держав.

Таким образом, в Черном и Балтийском морях мы в первые годы своего возрождения вынуждены будем иметь относительно слабый флот. Принимая во внимание, что оба эти флота никогда не могут оказать друг другу поддержку, становится ясным, сколь мы будем беспомощны на море против любой из пяти великих морских держав. Между тем великодержавные интересы возрождающейся России повелительно потребуют от нее иметь не только на суше, но и на море такие силы, с которыми считались бы и великие морские державы.

И потому единственным для нас выходом является создание крейсерского океанского надводного и подводного флота.

Конечно, ни в Балтийском, ни в Черном море таковой флот создавать нельзя, так как во время войны он легко может оказаться в них запертым. На Дальнем Востоке мы также не имеем права строить такой флот.

К счастью, почти без особых усилий и даже как бы нехотя, только подчиняясь крайней необходимости, мы в последнюю войну проложили железнодорожный путь к порту Мурманску и вышли, наконец, непосредственно к открытому океану.

Нам, воспользовавшись нашей смутой и временной слабостью, плотно закрыли «окно в Европу», прорубленное Петром Великим, но само Провидение открыло нам уже не окно, а хорошую просторную дверь и притом не только в Европу, но и во весь Божий мир.

Значение этого выхода к открытому океану для ближайшего будущего России огромно. В Англии, в свое время, любили говорить: «Россия гигант, у которого поражены оба легких», намекая на закрытые выходы из Черного и Балтийского морей. Когда Россия вышла к Великому океану, соль английской остроты значительно ослабела. Однако, 25 лет тому назад, к великой радости врагов России, ключи и от этого ее выхода к открытому океану оказались не в русских руках. После Великой войны, раздавив Германию ценой полного истощения России, державы-победительницы еще надежнее наложили свои руки на русские дыхательные пути — на выходы из Балтийского и Черного морей. В особенности старательно и обдуманно наложены эти руки на наш главный дыхательный путь — выход из Черного моря, через который уже до войны шло 60% нашего вывоза.

По капризу любой великой морской державы Европы наше южное горло будет сжато железной рукой и Россия перестанет дышать на 60%, а может быть и на все 80%.

Достаточно только нашему противнику держать у выхода из Дарданелл сравнительно небольшой крейсерский надводный и подводный флот, чтобы ни одна тонна русского сырья не была вывезена этим путем. А как помешать этому, когда и Босфор и Дарданеллы теперь «интернациональны» и чтобы опереться на них, нужно вступить в конфликт со всеми державами, подписавшими Лозаннское соглашение, т.е. со всеми великими державами. Без опоры же на проливы любой наш флот уже у выхода из Дарданелл найдет свою могилу. Такое положение нашего южного выхода, самого для нас важного, ставит будущую Россию в очень тяжелое положение при первом же конфликте с любой великой морской державой Европы. Это положение было бы безвыходным, если бы Россия не была связана железнодорожным путем с портом Мурманском.

Этот путь — наше единственное положительное приобретение за всю мировую войну и значение его огромно.

Порт Мурманск — прекрасный естественный порт, могущий вместить очень большое число судов и к тому же незамерзающий круглый год. Так как, в случае закрытия нам выходов из Черного и Балтийского морей во время войны, порт Мурманск останется единственным открытым круглый год для Европейской России портом вывоза и ввоза, то, естественно, он должен быть укреплен. Его легко превратить в неприступную крепость. Но этого мало. Его необходимо превратить в неприступную базу для надводных и подводных крейсеров-корсаров.

Сама природа служит порту Мурманску прекрасной защитой. Пусть противник попытается за тысячи миль от своих баз привезти сюда десантный корпус и пусть этот корпус попробует вести осаду хорошо укрепленной крепости, лежащей за полярным кругом. Это, пожалуй, будет много труднее Дарданелльской десантной операции союзников под лазурным небом Эллады.

Блокада с моря этого «гнезда корсаров» также будет нелегка, ибо выход из порта прямо в открытый океан, глубины которого не позволят пользоваться минами заграждения, а частые жестокие северные штормы и долгие полярные ночи сильно будут мешать блокаде надводными и подводными силами флота. Таким образом, не так уже много потребуется затрат и усилий, чтобы в короткое время превратить порт Мурманск в первоклассную базу для крейсерского флота.

Создав там даже относительно слабый крейсерский надводный и подводный флот, мы, в случае конфликта, будем держать под ударами этого флота морские торговые пути любой державы мира. Иными словами, «морской тыл» любой державы мира, вступившей с нами в войну, будет открыт для набегов наших северных корсаров. Это в особенности верно в отношении европейских держав. И каждая из них, прежде чем вступить с ослабленной Россией в конфликт, должна будет учесть наш крейсерский флот Ледовитого океана.

Ибо на первый же выстрел флота противника в наших водах мы ответим энергичным нападением на его торговые пути как у его берегов, так и в любой точке любого океана.

Морские же торговые пути самое слабое место у всех великих морских держав, ибо каждая из них имеет огромный торговый флот.

Наш северный крейсерский флот, как бы мал он ни был, окажет огромную услугу нашей морской обороне во всех случаях при нападении неприятеля на наши морские границы в любом море. Ведь даже в случае конфликта на Дальнем Востоке, флот Ледовитого океана может быть туда переброшен без особых затруднений. Расстояние от порта Мурманска до Владивостока: через Суэц — 12.000 миль, через мыс Доброй Надежды — 16.000 миль и через мыс Горн — 20.000 миль. Даже это последнее расстояние вполне преодолимо современным крейсерским флотом без единой погрузки топлива, принимая, конечно, во внимание, что мы будем строить такие крейсера, какие нам нужны, а не такие, как установила Вашингтонская конференция, в которой Россия не участвовала. В случае нападения флота какой-либо державы на нас в Черном или Балтийском море, наш северный крейсерский флот нападением на морские торговые пути противника окажет мощную поддержку нашему флоту в этих морях.

Северный крейсерский флот, таким образом, будет для России, наконец, тем флотом, усиление которого каждой боевой единицей будет одновременно и усилением ее морской обороны во всех четырех морях: Белом, Балтийском, Черном и Японском. Этим флотом в значительной мере будет компенсировано чрезвычайно невыгодное для морской обороны расположение наших морских границ, вынуждающее нас в каждом море иметь отдельный флот, причем во время войны в большинстве случаев эти флоты не могут оказать поддержку друг другу.

Кроме того, на нашем северном крейсерском флоте будет воспитываться личный состав в океанском плавании в суровых условиях северных вод и на кораблях, предназначенных исключительно для активных действий. Такой флот будет превосходной школой для подготовки личного состава к тому моменту, когда окрепшая Россия начнет создавать флот, способный решить историческую русскую морскую проблему — стать твердой ногой на берегах Средиземного моря.

И потому мы полагаем, что в первые годы возрождения Россия лучше всего решит задачу своей морской обороны, положив в основу развития своих морских сил принцип: *активная оборона в своих морях и энергичное нападение на морские торговые пути противника.*

Вот почему, по нашему мнению, мы должны внимательно изучать крейсерскую войну, и вот почему для возрождающейся России будет необходим океанский крейсерский надводный и подводный флот.

Зарубежный морской сборник. – Пильзен. – 1929. – № 4–5. – С.99–106.

Е. Шильдкнехт

ЧТО ОФИЦЕР АРМИИ ДОЛЖЕН ЗНАТЬ О ФЛОТЕ

Развитие авиации и управляемого воздухоплавания еще больше усиливают связь армии с флотом. И армия, и флот имеют свои воздушные силы, состоящие нередко из совершенно однотипных аппаратов. С помощью воздушных сил флот и армия получили возможность вести прямую борьбу друг с другом не только в непосредственной близости от береговой черты.

Такое изменение условий ведения войны требует от обоих родов оружия возможно близкого ознакомления друг с другом.

1. Назначение флота

2.

Обыкновенно принято говорить, что флот имеет своим назначением борьбу с флотом вероятного или вероятных противников. Но это совершенно неверно. Борьба с флотом противника (и по возможности уничтожение его) есть лишь средство для достижения цели.

Основным назначением флота является обеспечение своих коммуникационных линий. Все остальные задачи, выполняемые флотом, как, например, нападение на неприятельское побережье, охрана своих берегов, перевозка десанта, поддержка упирающегося в море фланга армии и пр., являются лишь вспомогательными. Главная же задача, главный смысл существования флота есть обеспечение своих морских сообщений.

Современное государство не может продолжать жить нормальной жизнью, если его товарообмен нарушен, тем более, если он прекращен. А во время войны он неизбежно нарушается. Возьмем для примера Россию. 80% ее экспорта шло морем и только 20% падало на железные дороги. Из этих 80% — 60% приходилось на Черное море, т.е. на турецкие проливы. Но с закрытием западной границы и с вступлением Турции в войну из сухопутного экспорта осталась лишь небольшая полоска на севере Ботнического залива, где проходила железная дорога на Хапаранту (шведская граница). Румынию считать нельзя, т.к. с падением Сербии она сама была отрезана от союзников. Поэтому для вывоза и ввоза товаров оставалось только два пути: на Архангельск и на Владивосток. Оба эти порта до войны участвовали всего лишь в 20% экспорта. Война увеличила его до 100%. *Такой чрезвычайной зависимости России от моря обыкновенно недоучитывают, воображая, будто Россия как держава континентальная, во флоте и вообще в морских путях не нуждается. А между тем Россия-то именно больше других стран должна дорожить флотом. Ее экспорт сырья, которое нельзя выгодно сбывать иначе как самым дешевым путем, т.е. морем.*

Но вернемся к нарушению нормального товарообмена во время войны. Оставшиеся у России пути на Владивосток и на северные порты Архангельск и Мурманск не могли справиться с выпавшей на их долю тяжелой задачей. Владивосток был слишком далек от центров (8.200 верст до Москвы), а северные порты были связаны с Петроградом железными дорогами малой провозоспособности. Такое положение тяжело отозвалось на всей стране и, в первую голову, на действующей армии, получавшей необходимое ей военное снаряжение недостаточно быстро и в недостаточных количествах. Изменить это мог только флот. Но на Балтийском море он был слишком слаб, чтобы вести открытую борьбу за свободный выход в море и принужден был ограничиться активной обороной. Черноморский же флот, хотя и обладал господством на Черном море, не мог начать операции по прорыву Босфора без помощи сильного десантного корпуса, которого наша армия не в состоянии была снять с фронта. Правда, со стороны союзников была попытка прорвать Дарданеллы, но велась она неумело, поставленные цели были неясными, и она вскоре окончилась полной неудачей. Не подлежит сомнению, что если бы как мы, так и союзники отдавали себе более ясный отчет в важности этой нашей главной морской коммуникации и провели бы операцию серьезно и продуманно, успех ее привел бы к значительно более скорому окончанию войны, а революция в России оказалась бы невозможной.

Объявленная Германией беспощадная подводная война создала такую угрозу английским морским сообщениям, что был момент, когда Англия не на шутку задумывалась о заключении сепаратного мира.

Не нужно забывать, что «обладание морем» не имеет ничего общего с владением войсками некоторой территорией. *Море не территория, а путь сообщения. Обладать морем — значит обеспечить свой товарообмен, вывоз своих товаров и ввоз продовольствия, военных припасов и материалов.*

Море и воздух нельзя закрепить за собой. В самый закрытый, самый хорошо обороняемый залив при удаче может проникнуть неприятель. Темная ночь, туман или иные благоприятные условия всегда могут позволить неприятельским кораблям, миноносцам, заградителям, а тем более подводным лодкам проникнуть в запрещенную зону и произвести там серьезные повреждения. *Поэтому обладание морем мы будем всегда считать относительным. Задача же флота — добиться такого превосходства над противником, при котором свои сообщения меньше всего, а неприятельские больше всего страдали бы от действий противной стороны.* Естественно, что этого наилучшим

образом можно добиться, уничтожив морскую силу противника. Поэтому главным средством для достижения своей цели мы будем считать борьбу с неприятельским флотом, или, в крайнем случае, обезвреживание его блокадой.

Само собой разумеется, что роль флота этим не ограничивается. Но я хочу подчеркнуть, что *на флот нельзя смотреть, как на армию, т.е. как на силу, задача которой задержать врага и не допустить его вторгнуться в наши пределы*. Поэтому всякое содействие флота армии обеспечением ее фланга, перебросками войск и прочее, может и должно производиться только в том случае, если оно не отрывает флота от выполнения им своей основной задачи.

А как же смотреть на охрану своего побережья? Неужели эта важная задача, особенно если на побережье лежат крупные, имеющие большое значение промышленные или политические центры, не есть назначение флота? Ведь для государства со сколько-нибудь развитой береговой линией нет ни средств, ни возможности, как бы оно ни было богато и густо населено, охранять свое побережье одними сухопутными войсками.

Никоим образом. Флот должен обеспечивать свои сообщения. Если он этого добился, все равно какими путями, можно смело сказать, что и охрана побережья им также обеспечена. Борьба за обладание морем, т.е. за морские пути, должна приковывать к себе все внимание флота. Ведь и неприятель не станет решать второстепенных задач, как нападение на наше побережье, пока не решена главная.

А главная задача настолько важна, что, например, в минувшую войну одна лишь угроза английским морским сообщениям со стороны десятка немецких крейсеров, разбросанных по трем океанам, вызвала форменную мобилизацию. Для их уничтожения было выделено более пятидесяти военных судов. А против самого энергичного из них, «Эмдена», было направлено 23 союзных крейсера.

Установив, таким образом, назначение флота, мы в последующих статьях ознакомимся с тем, что собой представляет современный флот и какими способами он осуществляет поставленные ему задачи.

2. Какой нам флот нужен

Флот существует для того, чтобы охранять свои морские сообщения. При невозможности сделать это экономическая жизнь государства подвергается частичному параличу, все более и более действительному по мере истощения запасов, накопленных страной до войны. А потому, чтобы флот мог выполнить эту существенную для страны задачу, *он должен быть силен*. Во всяком случае, он должен быть достаточной силы, чтобы иметь возможность вступить в борьбу с флотом противника, который будет стараться помешать ему в осуществлении своего намерения.

Но постройка флота стоит чрезвычайно дорого и ложится тяжелым бременем на бюджет страны. Поэтому в мирное время постоянно раздаются голоса, настаивающие на необходимости сократить морские вооружения, не строить броненосцев, а ограничиться гораздо более дешевыми миноносцами и подводными лодками.

«Мы не собираемся ни на кого нападать» — говорят такие сторонники экономии, — а для обороны достаточно иметь хороший минный и подводный флот».

Этот взгляд, к сожалению, очень распространен в широких массах почти что всех стран (кроме, конечно, островных Англии и Японии) и, в особенности, среди офицеров армии, *но существует и другой, еще более крайний взгляд, согласно которому континентальное государство, не ведущее агрессивной политики, вообще не нуждается в морской вооруженной силе и может вовсе обойтись без флота. Сторонники такого взгляда исходят из предвзятой мысли, будто флот имеет ту же задачу, что и армия: оборонять свою территорию или нападать на таковую противника. Если же это так, то гораздо разумнее и дешевле, вместо флота, придать армии лишних десятков или даже больше корпусов, которые-де куда надежнее обеспечат безопасность страны*.

Такое мнение основано на наивном предположении, будто мы в состоянии подготовить, вооружить и обучить эти лишние корпуса в тайне от противника. Каждое усиление одной страны неизбежно вызывает реакцию в заинтересованных этим соседях. А значит наша усиленная армия, вместо молниеносного нападения, принуждена будет вступить в борьбу с тоже усиленной армией противника. В это время его флот беспрепятственно прервет все наши морские сообщения, прекратит товарообмен и окажет на исход военных действий сильнейшее влияние на пользу себе и во вред нам.

Поэтому ясно, что нельзя вовсе обойтись без флота. Но так попробуем ограничиться одним минным и подводным флотом. В переводе на армейский язык это приблизительно значит, что мы решили ограничить армию одними инженерными войсками. Ведь мы не собираемся ни на кого нападать, не так ли? Почему же не обойтись без пехоты, артиллерии и кавалерии?

Нелепость подобного проекта совершенно очевидна даже и для глубоко штатского человека. За чем же быть столь же нелогичным, рассуждая о флоте? К армии или к флоту, безразлично, можно применить следующее рассуждение: кто сильнее, человек вооруженный кулаками или мечом?

— Конечно, последний!

— Стало быть, и мне надо вооружиться мечом?

— Безусловно.

— А если у него кроме меча есть еще лук и стрелы?

— Надо и мне запастись ими.

— А если он оденет доспехи?

— И мне для уравнивания шансов они необходимы.

— А если он сядет на коня?.. и т.д.

Раз существуют различные средства нападения и защиты, они должны быть все использованы. Можно спорить, что лучше: вооружить кавалерию шашками или палашами, но нельзя ставить вопроса, кто сильнее — пехота или кавалерия. Такой спор был бы равносильен спору, что лучше — Чайковский ли играл на рояле или Айвазовский писал картины.

Миноносец, броненосец, крейсер, подводная лодка неравноценны вовсе не потому, что они разной величины, а потому, что назначение их совершенно различно. Можно заменить один броненосец, имеющий десять тяжелых орудий, десятью броненосцами по одной пушке каждый. Вопрос другой, будет ли это удачно. Но нельзя заменить броненосец в двадцать тысяч тонн двадцатью миноносцами по тысяче тонн каждый.

Совершенно так же нужно рассуждать на модную сейчас тему о замене морского флота воздушным. Их цели, задачи и возможности настолько различны, что необходимо говорить о дополнении одного другим, но уж никак не мечтать о замене. Допустим, что на стоимость одного броненосца можно построить тысячу аэропланов, но будет ли от этого толк? Противник окажется вынужденным тоже усилить свой воздушный флот. А наши пути все-таки останутся без защиты. <...>

3. Морская война

Море в военном отношении можно разделить на три зоны: свою прибрежную, таковую же неприятельскую и, наконец, все остальное пространство между ними. Разница заключается в том, что две крайние зоны оборудованы, подготовлены и охраняемы. Поэтому своя зона является наиболее безопасной, а неприятельская — наиболее опасной. Что касается промежуточной зоны, то, рассуждая теоретически, она является как бы ничьей и пользование ею зависит от силы каждого из флотов.

Однако, на самом деле, это не так. Если мы возьмем два флота, силы которых соответственно равны 7 и 3, то нельзя сказать, что первый из них будет пользоваться морем на 7/10, а второй на 3/10. Нет: первый использует все 10 долей, не оставив второму ни одной.

Припомним, что под обладанием морем мы понимаем свободу морских сообщений. А она осуществлена только тогда, когда неприятельский флот не в состоянии помешать ей. Иначе говоря, более слабый флот вовсе не может пользоваться своими сообщениями, т.к. сильнейший всегда ему в этом мешает.

Поэтому война на море, в зависимости от соотношения сил противников, может принять самые разнообразные формы. Не имея возможности исследовать все могущие представиться случаи, я ограничусь разбором лишь одного, который для России является типичным на долгие годы вперед. Случай, когда русский флот будет слабее флота вероятного противника.

Действительно, мы знаем, что большевики не строили новых судов и только поддерживают существующие в полуисправном состоянии, т.е. даже если бы сегодня этот флот стал вновь русским, его необходимо было бы считать очень слабым и устарелым. Другая причина заключается в разъединенности морей, омывающих Россию. Мы еще не забыли Русско-японской войны и эскадры Рождественского.

Держать четыре больших флота нам, конечно, не по силам. Поэтому единственным выходом для нас будет строить один флот, на том море, где мы ожидаем столкновения с ближайшим вероятным противником. Но все наши моря закрыты, кроме Северного Ледовитого океана, где у нас как раз противника — то и не предвидится. В самом деле, единственная морская держава, лежащая достаточно близко, чтобы осуществить хотя бы слабую блокаду нашего флота, есть Англия. Франции, а еще более удаленным странам и подавно, это уже не под силу. Я не хочу сказать, что Англия не может стать нашим врагом, но сосредотачивать против нее наш слабый флот на севере, конечно, не имеет смысла.

Таким образом, сказанное выше должно быть дополнено. *России придется построить один сильный боевой флот на том море, где будет решаться главная военно-политическая задача. А в Мурманске надо создать мощный крейсерский флот, надводный и подводный, специально для ведения крейсерской войны, т.е. нападения на морскую торговлю противника.*

Это кажется вполне возможным за счет отказа (временно) от постройки флотов в других морях. Само собой разумеется, что дипломатия должна будет самым тщательным образом взвесить все комбинации и возможности, чтобы не промахнуться и своевременно заключенными союзами и договорами обеспечить безопасность на прочих морях на требуемый срок.

Боюсь, что мои слова могут смутить читателя. Ведь я предлагаю разделение своих сил, а это пахнет ересью. Но в данном случае надо принять во внимание два обстоятельства. Крейсерская война ведется в одиночку, изолированно и вне всякой связи со своими главными силами. Другими словами, разделение сил неизбежно. Поэтому не все ли равно, из какого моря вышел крейсер: из того ли, где ведутся главные операции или из другого. Важно лишь то, чтобы ему был обеспечен беспрепятственный выход в море и возвращение в порт. А этому условию удовлетворяет один только Мурманский порт. Действительно, выходы из всех русских морей находятся в чужих руках. Один только Мурманск — незамерзающий порт — имеет выход в открытый океан. Такая база, оборудованная как сильная морская крепость, может считаться застрахованной от блокады противника.

В минувшую войну немцы организовали базирование своих подводных лодок и отчасти миноносцев на бельгийский порт Брюгге, отстоявший от ближайшего порта Англии всего лишь на 60 миль. Англичанам удалось закупорить его только в 1918 году. Но там был мелководный порт с узким каналом. Мурманск — порт глубоководный, с широким входом прямо в океан. Закупорить его нельзя, а

блокада, раз она не могла быть действительной на дистанции 60 миль, и подавно не в силах будет воспрепятствовать выходу крейсеров, когда эта дистанция будет более 1.300 миль.

В таком или близком к такому положению окажется Россия после ее освобождения от большевиков. И когда начнется война, то с кем бы она ни началась, первой задачей командующего флотом будет обеспечить безопасность своего базирования и атаковать морские пути противника. Не входя в технические детали, укажу, что помимо береговых укреплений и прочих, создаваемых в мирное время, безопасность обеспечивается искусно расположенными минными заграждениями и постоянно протреливаемыми проходами между ними. Это расположение должно быть таково, чтобы в любую минуту флот имел возможность выйти в море и противник не был бы в состоянии ему помешать. Для этого необходимо умелое применение к местности и хорошо налаженная служба связи.

Когда это достигнуто, борьба переносится к берегам противника. Входы в его базы и его вероятные пути усеиваются минами заграждения, флот пользуется каждым моментом, чтобы застичь противника врасплох и использовать свое временное превосходство.

В этом и заключается искусство командующего, посредством которого можно не только достичь равенства в силах, но и победить. Вот почему я так усиленно настаивал на необходимости иметь эскадру нормального состава. Добившись разделения сил противника, флотоводец может бороться, имея в руках равноценное оружие. Если же против части неприятельского флота он не сможет выставить ничего, кроме миноносцев и подводных лодок, все его искусство окажется бесполезным.

Высказанные соображения с достаточной убедительностью поясняют то, что незнакомым с сущностью борьбы на море всегда кажется непонятным. Проходят дни, недели, месяцы, а о флоте ничего не слышно.

На сухопутном фронте всегда есть какие-то действия. Здесь был поиск разведчиков, там захвачено несколько пленных, тут взята линия окопов, еще где-нибудь мы отошли на заранее подготовленные позиции. Словом, чувствуется жизнь. А флот как будто бездействует. Но это только кажется. На самом деле работа флота ведется непрерывно. Крейсера рыщут по морям в погоне за торговлей противника; подводные лодки дежурят на позициях, чтобы атаковать входящие и выходящие военные суда; непрерывно ставятся минные заграждения; непрерывно вытравливаются неприятельские. Немало судов подрывается на минах: одни гибнут, другие благополучно добираются до порта и идут в ремонт. Но обо всем этом надо молчать, чтобы не скомпрометировать успех задуманной операции.

Ведь в море как раз обратное, чем на суше: в морской войне бой нужен слабейшему. Сильный и без того владеет морем. Слабому же необходимо нарушить создавшееся положение и перевесить чашу весов в свою пользу. В этом отношении сильно развитая промышленность дает большие возможности в смысле скорейшей постройки новых судов и ремонта поврежденных. В то же время современная техника дает в руки слабейшего такие средства, которые при искусном использовании могут в значительной степени облегчить ему не только оборону, но и нападение. Радиотелефон, отравляющие газы, дымовые завесы, авиация еще далеко не изучены и тот, кто сумеет дать им новое тактическое применение, пожнет плоды своей предусмотрительности и дальновидения. Чтобы не быть голословным, укажу на один только пример: в море стрельба не прямой наводкой немыслима. Поэтому слабейший, пользуясь дымовыми завесами, может создать на местности как бы перегородки и либо совсем скрыться от противника, либо ослепить часть его сил, создавая таким образом, по желанию, равенство или даже перевес в свою пользу.

4. Армия и флот

Совместные действия армии и флота можно разбить на три основных типа: содействие флота упирающемуся в море флангу армии, десантные операции и прорыв укрепленного пролива. Эти же операции, по значению их в сухопутной и морской вооруженной силе, можно классифицировать в том же порядке следующим образом: операции, в которых флот играет главную роль, а затем переходит на второстепенную и, наконец, такие, где главная роль принадлежит флоту. Подобное разделение чрезвычайно важно в том отношении, что наличие двух начальников, друг другу не подчиненных, создает неизбежные трения, могущие отозваться на успехе операции. Поэтому необходимо, чтобы все участники операции имели не двух или нескольких, а только одного начальника. Устанавливать это подчинение, считаясь только со старшинством в чине, конечно, нелепо. *Командовать должен тот, на кого падает главная роль, т.е. в первом случае командующий армией, в третьем — командующий флотом, что же касается до промежуточного варианта, то в нем роли меняются.* С момента посадки войск на корабли и до момента высадки в намеченном пункте — всем распоряжается флот. После же того, как десант произведен, флот должен делать то, что ему будет указано армией. Действительно, с этого момента флот как бы становится в положение номер первый, т.е. содействует упирающему в море флангу армии. Я так долго останавливаюсь на этом потому, что каждому более важным кажется то, что ему ближе и виднее. В отношении армии это усугубляется еще тем, что на берегу потери и пролитая кровь заметнее и чувствительнее, чем на море. Происходит это потому, что на корабле люди не являются непосредственными бойцами, но лишь управляют состязающимися в бою машинами. Пока машины, т.е. артиллерия, минные аппараты, механизмы, двигающие корабль, рули, компасы и пр. целы и исправны, пока есть кому заменить выбывших из строя людей, до тех пор корабль сохраняет полностью свой коэффициент боеспособности. А сухопутная часть с каждым выбывшим из строя бойцом теряет часть своей боеспособности. Разумеется, теряет ее и корабль, но пока машины действуют, противник этого не заметит.

При содействии флангу армии или при десантах как-то само собой понятно, кто должен руководить операцией, но зато прорыв вызывает неизбежные разногласия.

Нельсон сказал, что флот, вступающий в единоборство с берегом, совершает самоубийство. Операция прорыва только тогда и возможна, когда она ведется совместно с крупными сухопутными частями. Ведь мало того, что удастся прорваться. Нужно еще обеспечить свои коммуникации и свободное пользование проливом в обратном направлении. В противном случае, прорвавшийся флот окажется в чужом море без возможности отступления, без баз и без путей снабжения, т.е. он будет обречен на неизбежную гибель. Только захват обоих берегов пролива, произведенный одновременно с прорывом и удержание их за собой на все время, пока пользование проливом необходимо, может гарантировать успех. А так как ясно, что это по плечу только армии, поддержанной флотом, возникает вопрос: если для успеха прорыва флот должен быть поддержан армией, а для успеха захвата берегов пролива армия должна быть поддержана флотом, то кто же кому должен подчиняться?

В минувшую войну во время Дарданелльской операции была сделана попытка произвести прорыв силами одного только флота. Конечно, она не удалась. Тогда было решено поручить операцию армии, подчинив ей флот. Из этого тоже ничего не вышло, потому что вместо прорыва флот стал заниматься второстепенной задачей помощи армии в ее борьбе с полевыми войсками противника.

Нельзя упускать из вида, что захват берегов есть не цель, а только средство. Целью же является прорыв, который может быть произведен только флотом, а потому командование всей операцией должно лечь на морского начальника.

При совместных действиях армии и флота необходимо полное взаимное понимание артиллерийских возможностей обоих родов оружия. Опыт показывает, что действие морской артиллерии по полевым войскам чрезвычайно ничтожно, несмотря на чудовищную мощность калибров, так как только прямые попадания производят действие, все же прочие снаряды пропадают без пользы. С появлением химических снарядов это утверждение должно несколько поколебаться в пользу флота, но не очень сильно и вот почему: морские пушки все настильного боя и малейшая складка местности позволяет укрывать войска и полевую артиллерию в мертвых пространствах. Для борьбы с берегом корабли должны снабжаться навесными пушками, что не всегда осуществимо, так как для главной задачи — морского боя — они бесполезны, а потому либо приходится их устанавливать временно, т.е. импровизировать, либо строить специальные суда, предназначенные для этой цели. Этот последний выход для России неприменим, так как требует малопроизводительного расхода.

Хорошее артиллерийское понимание армии и флота должно дополняться безукоризненной службой связи, при которой все приказания и сообщения незамедлительно доходили бы до адресата. В той же Дарданелльской операции произошел такой случай: австралийские войска после отчаянной борьбы захватили одну чрезвычайно важную высоту. Потери были ужасающи. Из целого батальона, бросившегося в атаку, до вершины холма добралось только 46 человек. Но им не удалось воспользоваться плодами своего геройства. Вследствие не налаженной связи английские корабли продолжали долбить по этой высоте и австралийцам пришлось ее очистить.

Затруднением при борьбе флота с берегом служит и то, что флот не может успешно вести огонь по невидимой цели. Для такой стрельбы нужно, чтобы стреляющее орудие точно знало свое место и было бы неподвижно. На море это возможно только в том случае, если корабль станет на якорь, или, вернее, на несколько якорей с носа и с кормы, чтобы ни волна, ни течения не могли его переместить. До появления подводных лодок это было сравнительно просто. Теперь же такая стрельба становится настолько рискованной, что вряд ли найдется начальник, который бы на нее решился. В самом деле, корабль, стоящий на якоре, почти беспомощен против нападения подводных лодок. А стрельба по невидимой цели с хода дает очень большое рассеяние.

До некоторой степени этому может помочь авиация, причем и тут чрезвычайно важно, чтобы у сухопутной и морской авиации установилось полное взаимное понимание и налаженная связь. *Но, самое главное, чтобы генерал понимал тактические возможности флота, а адмирал — такие же возможности армии.*

5. Военно-морская доктрина

Была ли у нас военно-морская мысль? Думаю, что нет. Это не значит, что каждый отдельный морской офицер не думал о том, как вести войну на море. Думали все, но каждый по-своему. *Не было общности мысли.* Даже Морской Генеральный Штаб и Академия Морского Генерального Штаба мало способствовали созданию единой морской мысли. Их оправдание — их крайняя молодость. «Морской сборник» увлекался историей и отчасти техникой. Тактика и стратегия были в загоне. Получалось впечатление, будто морскому офицеру вполне достаточно быть хорошим моряком, да в совершенстве знать избранную специальность. Ну, а в бою? Да то же самое. Если артиллеристы будут хорошо стрелять, штурманы — хорошо вести корабли, механики — хорошо держать обороты, дальномерщики — давать правильно расстояние до противника, то и дело в шляпе. А как водить корабли в бою, чтобы дать своим специалистам наивыгоднейшие условия для их работы — этого широкая морская Среда не изучала. Мы полагались на даровитость наших вождей. Русский Флот всей своей историей приучил нас к множеству даровитых флотоводцев. В этом наше оправдание. *Начиная с Великого Петра и кончая последней войной, мы имели такую плеяду блестящих вождей, что, казалось, не к чему их и готовить. Пусть так, но, увы, все это уже в прошлом. Прошло немного лет и флот развалился, флотоводцы командуют таксомоторами и фрезерными станками, а военно-морская мысль только начинает возрождаться после долгого периода спячки.* Смейем ли мы надеяться, что

и теперь наша среда сумеет выдвинуть Ушаковых и Сенявиных? А если они окажутся Вильневами? Ведь мы не только отстали от морского дела, но даже еще и не знаем, когда наступит день нашего возвращения на флот. А за это время произошло столько нового: техника не ушла, а убежала вперед; изучен и разработан опыт большой войны; появилось новое оружие и новые способы борьбы с ним. *Современный флотоводец должен знать не только морское дело, но и подводное, и воздушное, и электротехнику, и химию.* Ему нет надобности (да нет и возможности) быть специалистом всех этих отраслей, но он обязан твердо знать все их тактические свойства. *А флотоводцем, в широком смысле слова, должен быть каждый морской офицер.* Мало того, что обстановка в бою может совершенно неожиданно сделать именно его временным главнокомандующим, но и в отдельном плавании командир подводной лодки, миноносца, заградителя, аэроплана может оказаться в условиях, в которых только понимание тактических свойств своего и чужого оружия побудит его совершить действия, нужные для успеха дела. *Поэтому современный морской офицер помимо обширных тактических знаний должен обладать всей полнотой тактического понимания дела.* А тактика современных боевых флотов совершенно не разработана. Поэтому, естественно, что у каждого морского офицера могут быть свои личные взгляды и мысли по любому отделу. И мы неизбежно возвращаемся к поставленному в начале статьи вопросу: *была ли у нас, есть ли у нас единая военно-морская мысль?*

Кстати, нужна ли она? Пытаясь создать единство мысли, не пытаемся ли мы вогнать творчество отдельных начальников в узкий коридор официальной мысли? Не надеваем ли мы на них шоры, лишаящие их кругозора?

Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем решить следующую задачу: в самом начале боя, по каким-то причинам, всякая связь между отдельными начальниками совершенно порвалась. Ни радио, ни флаги, ни световые сигналы, ничего не действует. Как должны действовать эти начальники, чтобы достичь желаемой цели, т.е. победы? Ясно, что они должны внимательно следить за командующим, как равно и за общим ходом боя и из этих наблюдений сделать выводы, которые бы им помогли координировать свои усилия. Возможно ли это? Да, если все они воспитаны в одном и том же духе. Стоит только припомнить действия адмирала Камимуры в Цусимском бою. Не получая от Того никаких приказаний, он самостоятельно действовал так, как это было нужно его Командующему. У них было единство военно-морской мысли. Нельзя всего предугадать. Обстановка в бою меняется ежеминутно. Отдельные начальники могут оказаться в очень большом удалении друг от друга и от командующего. Ждать или спрашивать приказаний, сговариваться не будет времени. Необходимо, чтобы обстановка приводила каждого начальника к такому решению, к которому неминуемо пришел бы любой из них на его месте. А это достигается только единством мысли. <...>

Единство действий, как мы видели, осуществляется путем создания единства мысли. А это последнее вытекает из одинакового понимания сущности вещей, т.е. из одинакового отношения к выводам военно-морской науки.

Задачей военно-морской науки является собирание данных о борьбе на море, классификация их по различным признакам, критический анализ и, наконец, как результат, производство определенных выводов. Из этого довольно длинного перечня видно, что нельзя требовать от большинства начальников полноты знаний военно-морской науки.

Такая работа является чисто кабинетным трудом, а начальники, занятые по горло не только практической подготовкой вверенных им эскадр, отрядов и судов, но и всей нудной, но необходимой повседневной, не смогут уделить на это достаточно времени. Поэтому, как правило, таких ученых начальников будет всегда мало.

Прошу, однако, не думать, будто «ученым» я противопоставляю «неучей». Такая мысль была бы просто нелепой. Разумеется, начальник должен обладать знаниями, т.е. быть образованным в военно-морском смысле.

Но все же одного лишь знания недостаточно, т.к. ведение войны на море требует кроме теории еще и практику. *Конечно, и стратегия, и тактика — науки, но чтобы быть хорошим стратегом или хорошим тактиком, необходимо обладать не только знанием, но и умением, т.е. искусством.* Высказанная немецким ученым Виллизеном мысль, что «от знания до умения расстояние неизмеримо меньше, чем до невежества», глубоко верна. Поэтому всякий начальник (а ведь каждый морской офицер готовится стать им) должен обязательно приобрести необходимые знания, предварительно пропущенные через горнило военно-морской доктрины.

Раз только мы не можем требовать от всех начальников, чтобы они были учеными, мы должны выбрать для них из военно-морской науки все необходимое и откинуть все лишнее. Вот этот отбор и есть военно-морская доктрина. Надо только уяснить себе, по какому признаку мы будем такой отбор производить.

В наше время взаимоотношения между государствами настолько сложны, интересы так переплетаются, что линия поведения страны может быть предусмотрена на много лет вперед. Каждое государство, в зависимости от своих стремлений и от стремлений своих соседей, может и должно наметить вероятных противников и, следовательно, готовиться к вероятной войне. Наш крупнейший военный авторитет генерал Н.Н. Головин говорит в своем труде «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы» следующее: «Это приводит к неминуемому следствию, что всякая война, начавшаяся на западном фронте России, может привести к соответствующим результатам только в том случае, если она, хотя бы в своем конце, закончится стратегическим наступлением».

Стратегическое направление этого наступления будет всецело зависеть от той политической задачи, которая будет поставлена. Таких политических задач может быть три:

1) Открытие свободного экономического доступа к Балтийскому морю — потребует наступления против Эстонии и Латвии;

2) Освобождение захваченных и угнетаемых Польшей русских областей — потребует наступления против Польши;

3) Освобождение захваченной и угнетаемой Румынией Бессарабии — потребует наступления против Румынии.

Так, мы видим, задачи могут быть поставлены за много лет вперед. *Поэтому государство, создавая свою вооруженную силу, готовится не к войне вообще, а к некоторой вполне определенной войне, или, как выражается генерал Головин, «к войне с маленькой буквы и предшествуемой каким-либо прилагательным».*

Таким образом, мы видим, что и отбор нужных нам выводов науки мы будем производить не для войны вообще, а для определенной войны. Другими словами, признаками для отбора, т.е. для разработки доктрины будут служить: а) политические цели нашего государства; б) такие же цели соседей и возможных противников; в) техника данного периода (дальнобойность и мощность артиллерии, скорость хода, авиация, химия и прочее); г) технические и экономические возможности страны; д) политические комбинации (союзники, нейтральные страны и прочее); е) учет своих сил и вооружения; ж) учет сил и вооружения вероятных противников и нейтральных и з) все то, что так или иначе может оказать влияние на организацию вооруженной силы, на постановку задач командованию и на само ведение операций.

Заимствуя вновь у генерала Головина его определение, скажем, что военно-морская доктрина есть практическое приложение данных военно-морской науки применительно к определенной войне.

Это значит, что принятая нами доктрина окажет громадное влияние на состав флота, его вооружение, обучение, воспитание личного состава, программу курсов офицерских классов и академий, а также на все уставы, инструкции и наставления, причем влияние это будет сказываться все сильнее по мере восхождения от низших ступеней к высшим. Все факторы, влияющие на доктрину, есть величины переменные. Следовательно, с их изменением, с увеличением флота, своего или противника, с появлением новых технических средств, с переменной политической конъюнктуры и т.п., доктрину придется так или иначе выправлять. Меньше всего это отразится на воспитании личного состава, т.е. на низших уставах, сильнее на инструкциях, носящих тактический характер, и в полной мере на плане кампании, где должна учитываться каждая ничтожная мелочь. Это не значит, что любое изменение обязательно потребует переделки всех уставов и наставлений или выработки нового плана войны. Очень многие данные будут только приняты на учет, не требуя решительно никаких изменений, но могут встретиться и такие, благодаря которым придется коренным образом пересмотреть весь план кампании, а может быть даже отказаться от него. Так, например, во взаимоотношениях Турции и Греции постройка или приобретение двух миноносцев не могли бы повлиять на доктрину той или другой страны, но покупка Грецией двух американских броненосцев должна была существенно изменить турецкий план кампании, если только допустить, что таковой у Турции был. Приход в турецкие воды германских крейсеров Гебена и Бреслау произвел несомненное влияние на черноморское командование.

Следовательно, доктрины разных государств будут различны между собой, в то время как военная наука для всех остается одной и той же. Эта последняя не меняется, а только развивается дальше под влиянием новых факторов, тогда как доктрина непрерывно перерабатывается и дополняется.

В создании и разработке военно-морской доктрины и заключаются обязанности Морского Генерального Штаба. <...>

Для ведения определенной войны необходимо некоторое количество приемов, выбранных из военно-морской науки, которые бы наилучшим образом соответствовали данному плану войны, вооружению и силам своим и противника, условиям театра войны, государственным, национальным и экономическим условиям страны, т.е. все то, что мы условились называть военно-морской доктриной.

Разработка доктрины — дело очень трудное, сложное и ответственное. Не будет ошибкой сказать, что в настоящее время такая работа не под силу одному человеку, будь он хоть семи пядей во лбу. Необходимо обладать столь разносторонними знаниями, что только очень небольшое число офицеров, *специально подготовленных*, будет способно выполнить такую работу.

В прежнее время война велась только на воде. Теперь она в равной степени ведется над и под водой. Прежде вооружение было почти однотипным, теперь оно состоит из множества орудий нападения и защиты, ничего общего друг с другом не имеющих. Прежде погибший в бою корабль замещался новым сравнительно быстро, теперь возможно замещение только мелких судов, т.к. для постройки крупных требуется несколько лет. Прежде воевали одни лишь регулярные вооруженные силы государства, теперь воюют целые народы, причем конфликт больше не ограничивается войной между двумя нациями: в него вмешиваются сначала ближайшие соседи, а понемногу и все те, кто надеется так или иначе поживиться; даже нейтральные страны должны быть взяты на учет, т.к. по большей части их нейтралитет обуславливается не столько желанием оградить свой народ от ужасов войны, сколько стремлением сохранить свою вооруженную силу до того момента, когда обескровленные войной бойцы не будут в состоянии воспрепятствовать их алчности.

Все это необходимо учесть, изучить, разработать заблаговременно меры для парирования могущих встретиться затруднений и выработать наилучшие способы борьбы с препятствиями.

Вот почему в современных условиях подготовка к войне немыслима без хорошо организованной службы Морского Генерального Штаба.

Но этим роль М. Г. Штаба не ограничивается. Мы коснулись пока лишь одной *оперативной* стороны его деятельности. Не меньшее значение имеет сторона *разведывательная*, которую надо понимать отнюдь не в узком смысле одного только шпионажа. Шпионаж есть лишь одно из средств приобретения необходимых сведений. Задача же М. Г. Штаба заключается в обработке собранных материалов.

Резюмируя в нескольких словах роль М. Г. Штаба, скажем, что он должен: *способствовать созданию единой военно-морской мысли; подготовить единую военно-морскую доктрину; на основании этой доктрины создать проекты уставов, инструкций и наставлений для ее практического проведения в жизнь; разработать все данные, необходимые для решения вопроса, какой нужен нам флот (и все необходимые ему базы и иные вспомогательные учреждения) и предложить методы ведения войны с вероятным (или вероятными) противником.*

Мы усиленно подчеркиваем, что М. Г. Штаб не может и не должен *решать* всех этих вопросов. Его роль должна свестись к *предложению решения*. Само собой разумеется, что в большинстве случаев это предложение совпадает с самим решением. Несовпадение показало бы такое разногласие между М. Г. Штабом и ответственным за ведение войны на данном театре командующим флотом, что либо он, либо Начальник М. Г. Штаба должны были бы подать в отставку. Расхождение неизбежно будет и может быть очень часто, но только в деталях. В главном же оно очень мало вероятно.

Есть у М. Г. Штаба и еще одна функция, значение которой (в одной ее части) очень ярко выявляется из блестящих статей ген.-м. Давидович-Нащинского. Мобилизационный отдел должен входить в ведение Морского Генерального Штаба. До сих пор, как известно, им владел Главный Морской Штаб, но ведал только номинально. Фактически вся мобилизация была в руках Военного Ведомства, которое давало флоту необходимую ему долю. Нечего и говорить, что здесь, как везде, своя рубашка была ближе к телу и флот получал свою долю после того, как потребности армии были удовлетворены. Государственно необходимая мысль ген.-м. Давидовича-Нащинского о создании морского сословия вызывает к жизни необходимость органа, который бы руководил этой большой и сложной работой. Практически, вероятно, будет удобнее, чтобы мобилизационный отдел оставался в ведении Главного Морского Штаба, но при М. Г. Штабе должно существовать мобилизационное отделение, которое бы исходило не только из наличных потребностей, но предвидело бы их для будущего и ставило бы свои задания.

Но ни в одной только людской мобилизации заключаются обязанности мобилизационного отделения. Мобилизация судовая, всевозможных портовых плавучих средств, заводов и мастерских, могущих работать на флот, мобилизация запасов по всем частям, необходимых для ведения войны, играет роль во много раз крупнее и значение правильного учета их несравненно больше, чем личного состава. Исходя из опыта минувшей войны, надо учесть и то, что некоторое количество мастерских Морского ведомства, наверное, придется выделить для работы на нужды Армии, главным образом для изготовления пушек и снарядов, расход которых в Армии неизмеримо выше, чем во Флоте. Только мобилизационное отделение при М. Г. Штабе, работая в тесном контакте с соответствующим отделом сухопутного Генерального Штаба, сможет подготовить планомерную разработку этого важного вопроса.

Наконец, как сама доктрина, так и любой вопрос, должны черпать доводы в выводах военно-морской истории. Война на море должна изучаться, анализироваться, за анализом последует синтез разобранных явлений, их классификация и выводы, которые войдут в военно-морскую науку. Кроме того, изучение и исследование истории должны дать данные для предугадывания того, какими путями, в зависимости от непрерывно идущей вперед техники, пойдет в ближайшем будущем оперативное искусство.

Но если М. Г. Штаб должен только готовить данные для решения, то кто же будет решать? На это может быть один ответ: решать должен Вождь, который будет руководить операциями, т.е. Командующий Флотом данного моря. Для этого между ним и М. Г. Штабом должен быть самый тесный контакт, постоянные свидания обоих начальников и планомерная совместная работа.

Только при этих условиях, через начальников и их штабы, в толщу офицеров флота проникает единая военно-морская мысль и дает возможность полностью осуществить разработанную доктрину. Первый же толчок и содействие этому окажет Академия Морского Генерального Штаба. <...>

Русский инвалид. – Париж. – 1930. – №№ 5, 6, 8, 9; Морской журнал. – Прага. – 1929. – №№ 2, 6.

О ФЛОТЕ РОССИЙСКОМ...

Е. Шмурло

ПЕТР ВЕЛИКИЙ – ОСНОВАТЕЛЬ РУССКОГО ВОЕННОГО ФЛОТА

Царь Петр Великий особенно дорог русским морякам как создатель русского военного флота. Создание такого флота являлось для России исторической необходимостью, и Петр, гениальным умом своим поняв эту необходимость, пошел ей навстречу.

Море, по самой природе своей, стихия свободная, и кто владеет им, тот свободен и в действиях своих. Великие исторические народы всегда старались продвинуться к морю, осесть на его берегах. Обладание морем даже маленькие народности превращало в сильные, содействуя развитию самобытной культуры (финикияне, древние греки, карфагеняне, голландцы). То же море делало сильными и грозными (хотя бы на короткое время) морских пиратов времен Цезаря и Помпея, норманнов, флибустьеров XVI века.

Русскому народу судьба — мачеха предназначила жить на обширной равнине, удаленной от морей, к тому же сами моря (и без того далекие) одни — были, в сущности, закрытыми озерами (Каспийское море), другие — с выходом издавна несвободным (море Черное), третьи вели на холодный безлюдный север, лежали в стороне от главных артерий человеческой жизни, да и то большую половину года были совсем недоступны (Белое море, Ледовитый океан); наконец, на берегах четвертого моря, Балтийского, издавна осели другие народности и не допускали к нему.

Но так как великие народы существовать без моря не могут, то и народ русский еще на заре своего существования пытался продвинуться к нему. В этом смысл и значение походов первых русских князей IX–XI веков на Византию, в Прикаспийские земли, их попытки утвердиться то на низовьях Дуная, то на побережье Крымского полуострова, то в так называемой Тмутаракани (у Керченского пролива).

Кочевые народы — печенеги, половцы — однако, преградили путь к Южному морю, а татарское иго надолго связало русский народ по рукам и ногам, решительно приостановив его движение. Лишь сбросив монгольские путы, оказалось возможным вернуться к старой программе и наверстать потерянное. А потеряно было немало: к началу XVI века Черное море очутилось всецело в мусульманских руках, подступ же к Балтийскому морю совсем заградили немцы и шведы, став там крепкой стеной.

Первым пробиваться к Балтийскому морю начал Иван Грозный. Задача оказалась ему не по силам, но он первый ясно, определенно поставил ее — недаром впоследствии Петр Великий так высоко оценивал эту сторону деятельности Ивана и в посильном выполнении поставленной задачи признавал большую заслугу его перед отечеством, а в нем самом видел, не без основания, своего предшественника.

И действительно, с той поры задача эта — утвердиться на берегах Балтийского моря — становится задачей очередной: от нее не отказываются ни Борис Годунов, ни Алексей Михайлович; но нужен был гений Петра, широта его умственного полета, чтобы решить трудную и сложную задачу, своего рода завет отцов и дедов. Война со Швецией и Ништадский мир обеспечили России на Балтике подающее ей место и поставили ее в ряды не исключительно одних только, как раньше, сухопутных держав.

Море привело к созданию флота, а флот создал дружную семью русских моряков, верных хранителей доблестных традиций Андреевского флага и всего, что тесно связано со священной памятью Великого Царя-Шаутбенахта.

***

Колыбелью русского военного флота обыкновенно считают город Воронеж. Так ли это? С какой оговоркой можно принять такое утверждение? Воронеж издавна служил местом постройки стругов, т.е. плоскодонных судов, наподобие барок, в отличие от них, имевших более острые оконечности; и еще в 1695 году для нужд Первого Азовского похода на воронежской верфи таковых построено было 1259. Но это все были суда транспортные, предназначавшиеся для перевозки войска, провианта, амуниции, орудий, снаряжений, лошадей и т.п. и для блокады, для действий чисто военных совершенно непригодные. Правда, готовясь под Азов вторично, царь Петр самолично заложил в Воронеже весной

1696 года два военных судна, так называемых галеаса: «Апостол Петр» и «Апостол Павел»; но второй из них к началу кампании совсем еще не был готов и участия в блокаде не принимал, да и «Апостол Петр» спущен был на воду еще не вполне готовый, и потом, вдогонку ему, посылались «на отделку» струги с дополнительным материалом. Да, наконец, одно судно, хотя бы и такое сравнительно большое как галеас, флота создать, очевидно, не могло. Откуда же появился этот флот, несомненно, сослуживший добрую службу во втором Азовском походе?

Первые русские корабли, составившие боевую единицу, были построены в подмосковном селе Преображенском, обычной в те годы резиденции молодого царя.

Как только неудача Первого Азовского похода выяснила необходимость блокады турецкой крепости также со стороны и моря, Петр немедленно приступил к созданию необходимой для этой цели флотилии. Как раз в навигацию 1695 года в Архангельск прибыла из Голландии заказанная там за год перед тем (и первоначально предназначавшаяся для плавания по Волге и Каспийскому морю) галера. Ее в спешном порядке разобрали и, с наступлением морозов, в сборном виде на санях привезли в Москву. Здесь она послужила образцом для новых галер, на этот раз уже русской постройки.

Дело было спешное; оно захватило правительство врасплох. Недостаток рабочих рук, привычных к топору и рубанку, пополнен был преображенскими солдатами, вернувшимися из-под Азова вологодскими плотниками; призвали плотников, кроме того, из Нижнего Новгорода. С первых же дней почувствовался недостаток необходимых инструментов: больших двуручных пил налицо не оказалось и трех штук; их спешно выписали из Воронежа. Лесопильная мельница, сооруженная в Преображенском, готовила доски из сырого замерзшего леса. Работа закипела, и хотя торопливость и малая подготовленность к делу отразилась на ее качестве, все же в течение трех месяцев: декабря, января и февраля были готовы и только не собраны 21 галера и 4 брандера. Это и был первый русский военный флот. <...>

***

Первым адмиралом русского флота обыкновенно считают известного любимца Петра Великого Франца Лефорта, швейцарца родом. Это звание он, действительно, носил в последние годы своей жизни (умер 2 марта 1699 года), но связанные с ним обязанности нес скорее номинально, чем на самом деле. Хороший сухопутный офицер, он, приехав в Россию, начал в ней службу капитаном под началом шотландца Гордона, провел два с половиной года в малороссийской Украине, где тогда шла война с татарами; позже участвовал в Крымских походах 1687 и 1689 годов. Отважный рубака, говорун и весельчак, подвижного ума, увлекательный рассказчик и неутомимый собутыльник за дружеской попойкой, Лефорт с 1690 года завоевал искреннюю привязанность молодого царя, сопровождал его в его поездках на Переяславское озеро, куда тот ездил строить свои корабли (1691–1692), и в Архангельск, на Белое море (1693–1694), где «морская потеха» Петра неизбежно приняла еще большие размеры. <...>

Парадным, и только парадным, адмиралом продолжал оставаться Лефорт и после Азовского похода. Уезжая на полтора года за границу и озабочиваясь постройкой новых судов на воронежской верфи, царь Петр поручил заведование этим делом не Лефорту, а окольничему Протасьеву; Лефорта же взял с собой, поставив его во главе Великого посольства и возложив на него одну парадную часть, так как сношения чисто политического характера и значения вел второй посол, Ф.А. Головин. По возвращении из-за границы Петр отправился в Воронеж (1699, февраль), чтобы лично убедиться, как ведется там дело, но Лефорта с собой не взял — он был там не нужен.

Со смертью Лефорта звание адмирала перешло к Ф.А. Головину, ближе, чем Лефорт, стоявшему к морскому делу. По авторитетному замечанию адмирала Веселого, Головин, «хотя и не моряк», был еще перед самым назначением знаком с высшим морским управлением и уже успел немало потрудиться для флота «как ближайший по этой части сотрудник государя — и в России, и во время заграничного путешествия».

Однако, был ли Головин настоящим адмиралом? Боевым, во всяком случае, нет. Он являлся высшей инстанцией, связующим звеном между государем и непосредственными творцами русского флота, активными создателями его боевой мощи, но не более. Самим же делом заведовали так называемые «адмиралтейцы». Первым адмиралтейцем был вышеупомянутый Протасьев. Ревизия, произведенная царем весной 1699 года, вскрыла большие злоупотребления, допущенные Протасьевым: взяточничество, невыгодные для казны сделки и, как результат их, неудовлетворительное состояние неустраиваемых судов. Наряжено было следствие; Протасьев умер, не дождавшись его окончания.

Тогда 18 февраля 1700 года на его место назначен был новый адмиралтеец — Федор Матвеевич Апраксин, шурин покойного царя Федора Алексеевича. В 1693–1697 годах Апраксин служил двинским воеводой и губернатором Архангельска, этого единственного тогда (если не считать Астрахани) русского порта для вывозной торговли; сопровождал Петра в его плавании по Белому морю, наблюдал за постройкой судов, коммерческих и военных, налаживал отпуск товаров за границу, участвовал вместе с царем в так называемом Керченском походе (август 1699 года).

Теперь, в звании адмиралтейца и Азовского губернатора, Апраксин начал спешно сооружать флот для Азовского моря; наблюдал за проводкой судов до Азова, за устройством верфи на устье реки Воронежа, пушечного завода, за постройкой гавани и укрепления в Таганроге, за производством гидрографических работ для исследования глубины Азовского моря и т.п. Дела у него было совсем не мало; он вообще «сделался главным распорядителем всеми делами по устройству и снабжению адмиралтейства и судов, заводимых на Азовском и (позже) на Балтийском морях». <...>

В лице Апраксина русские моряки впервые получили адмирала боевого: кроме главного начальствования над Балтийским флотом, временами командуя также и сухопутными силами, Апраксин с успехом отражал нападение шведов на Кроншлот и Котлин (1708), брал Выборг, эту, по выражению Петра, «крепкую подушку Питербурху» (1710), Гельсингфорс (1713); под его начальством галерный флот одержал над шведами знаменитую победу при Гангеуде (1714). Президент новоучрежденной адмиралтейств-коллегии (1717) Апраксин продолжает и в этом звании стоять во главе активных действий морских сил: производит удачную высадку на остров Готланд (1717), дважды проникает в Стокгольмские шхеры (1718, 1719), значительно содействуя своими успехами скорейшему окончанию Северной войны.

Военно-морская деятельность Апраксина не приостановилась и после Ништадского мира: в Персидском походе Петра Великого он начальствует над флотилией, перевозившей войска по Каспийскому морю (1722). Позже он снова берет командование Балтийским флотом (1723–1726). Верный и исполнительный сотрудник Великого царя в деле создания русского флота Апраксин пережил своего государя и умер 10 ноября 1728 года.

Морской журнал. – Прага. – 1928. – №№ 1–3.

МЫСЛИ ИЗ УСТАВА МОРСКОГО 1720 года

И понеже сие дело необходимо нужное есть Государству (по оной пословице: что всякой Потентат, которой едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а которой и флот имеет, обе руки имеет) того ради сей воинской морской устав учинили, дабы всякой знал свою должность и неведением никто не отговаривался.

***

Как Адмирал, так и прочие вышние и нижние Офицеры должны охранять со всяким тщанием и ревностью интерес своего Государя и Государства, где ни будут обретаться со врученною им командою, во всяких случаях.

***

Ежели флот приидет на якорь, на которой рейд, тогда всем мелким воинским и ластовым, и марки-танским судам следует за флотом становиться с безопасной стороны от флота, дабы тем не отнять стрельбы у воинских кораблей в приближении неприятеля; а когда ветер переменится, тогда и им свои места переменять, ежели того случай требовать будет. В чем надлежит Аншеф-командующему накрепко смотреть, под жестоким ответом.

***

Когда наш флот, или некоторая часть онаго, придет с неприятелем в бой, тогда всем, как флагманам, так и капитанам, или командирам партикулярных кораблей, долженствует стать в своих местах добрым порядком, по данному им ордеру, как надлежит быть в бою без конфузии. И надлежит, как эскадрам, так и партикулярным кораблям, держать себя в умеренном расстоянии один за другим не гораздо далеко, дабы неприятель не мог пробиться; ниже гораздо близко, дабы одному друга не повредить. И когда учинен будет сигнал для вступления в бой, или абордажу, тогда всем, как офицерам, так и рядовым прилежно трудиться, по крайней возможности, неприятелю вред учинить, и онаго с помощью божиею раззорить тщиться, исполняя ордера. А кто в таком случае явится преступен, тот казнен будет смертью: разве, которой корабль под водою так пробит будет, что пумпами одолевать воду не могут, или машты, или райны так перебиты будут, что действовать не возможно. <...>

***

Все Наши воинские корабли должны претендовать от всех республик, дабы перед Нашими воинскими кораблями командующие флаги и вымпелы спускали, каковы б Наши малы, а их велики ни были; и ежели не учинят, то их принуждать к тому. Сие разумеется в море, а не в их гаванях.

***

Все воинские корабли Российские не должны ни перед кем спускать флаги, вымпелы и марсели, под штрафом лишения живота.

***

Капитан имеет почтен быть на своем корабле яко Губернатор или Комендант в крепости и должен пещися, чтоб на корабле, который ему поручен будет в команду, праведно и порядочно поступать по указам следующим, или вновь данным указам или инструкциям, ни мало отдаляясь от оных, ни для какой причины, ниже для какого претексту. Чего ради вверяется его искусству и верности повелевать своими офицерами и прочими того корабля служителями, во всяких их должностях для управления корабельного, как в ходу, так и во время баталии и штурмов: во всяких случаях, под опасением лишения команды за первое преступление на время; а за второе —отвержение чина, или вящего наказания, по делу смотря.

***

Офицеры, и прочие, которые в Его Величества флоте служат, да любят друг друга верно, как христианину надлежит без разности, какой они веры или народа ни будут.

***

Прежде еще походу из гавани, надлежит Капитану распорядить людей, назнача довольное число их к пушкам, к мелкому ружью, к управлению парусов и прочего, как надлежит быть во время боя, так, чтоб всякий человек, когда ни спросят, мог бы знать свою должность и место. И не токмо надлежит приказывать таблицу чисто написанную повесить под шканцами, с именами всех людей, что есть на корабле и всякого их особливые места, но еще долженствует, приказать прибывать билеты малые на

всяком месте корабля содержащие имена оных людей, которые назначены к тому месту под лишением чина, или вычетом жалования, по вине смотря.

***

Капитан долженствует иметь смотрение над своими подчиненными, дабы оные ни в чем нужды не имели; но были бы довольны; так же чистоту в корабле и около их иметь; дабы не заболели от недостатку какова, или нечистоты. Так же больных на и паче надсматривать и о них всякое возможное попечение иметь к их здоровью, под штрафом смерти, ежели вымыслом то учинит для какого зла или корысти; а ежели оплошкою, то понижением чина, или вычетом жалования, по рассмотрению воинского суда.

***

Ежели возьмут какой ни есть чужой корабль, или судно в полон, которой не станет биться или противиться, то капитанов, шкипетров или матросов сущих иной земли ни грабить, ни бить, ни ругать, под штрафом, ежели кто то учинит, заплатит убыток в двое. Но весь оной корабль и все взятое их добро, повинно быть в сохранении, покамест будет осужден в Адмиралтействе порядочно. Також которые офицеры взяты будут на воинских кораблях, чтоб платье на них тогда будущее не обдирать, под жестоким штрафом.

***

Буде которые из морских служителей явятся знающие в морском хождении, и тщательны в произведении своего дела паче других, о том должны командиры их доносить в Коллегию, и их представлять, где Коллегия должна то рассмотреть и оных за их тщание, или повысить чином, или прибавкою жалования, или иным каким награждением по человеку и делу смотря.

***

Никто да не дерзает из флота вышел на неприятельский берег, грабить, жечь и брать в полон без указу Аншеф-командующего, под потерянением живота.

***

В случае бою, должен капитан или командующий кораблем не токмо сам мужественно против неприятеля биться, но и людей к тому словами, а паче дая образ собою побуждать, дабы мужественно бились до последней возможности и не должен корабля неприятелю отдать, ни в каком случае, под потерянением живота и чести.

***

Ежели кто неприятельский корабль возьмет, то ему оной отдан будет, кроме полоненных людей; а ежели оной взят будет в Адмиралтейство, то будет заплачено по сему.

ЗА ФЛАГИ

	рубли
За первой Адмиральской флаг	10000
За второй	9000
За третий	8000
За виц-Адмиральской	7000
За шаутбейнахтской	6000

ЗА КОРАБЛИ

За каждую пушку по калибрам

Фунты	рубли
За 30	300
За 24	250
За 18	210
За 12	170
За 8	130
За 6	90
За 4 и 3	50
За 2 и за басы по	15

Брандерским офицерам и салдатам, когда сожгут неприятельский корабль, третья доля против того, как возьмут корабль.

Ежели кто возьмет, сожжет, или каким иным образом разорит какой неприятельской брандер, которой был в таком состоянии, чтоб мог нашим воинским кораблям какой вред учинить и таким образом наши корабли от него сохранит, тому дано будет 3.000 рублей.

Ежели которой из наших воинских кораблей взят будет, и кто оной от неприятеля по 24 часа после боя таки освободит и возьмет, то он в полы награжден будет, как бы он неприятельский корабль взял во время боя. <...>

Книга Устав морской, о всем, что касается к доброму управлению в бытность флота на море. – СПб., 1778. – С. 1,7,11,16–17, 32, 38, 40, 43, 45, 54, 60, 64, 67, 75, 78, 113, 128–131.

Феофан Прокопович

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ

о флоте Российском, и о победе, галерами Российскими над кораблями Шведскими Иулия 27 дня полученной^{*}. Проповедано преосвященным Феофаном, епископом Псковским, в царствующем Санктпитебурге при присутствии царского пресветлого величества и всего Синклита 1720 года, Септемврия 8 дня.

Продолжает Бог радости твоя, о Россие, и данная тебе благополучия новыми и новыми благополучии дополняет. Тот год прошел без виктории твоея, в которой не понудил тебе неприятель обнажить оружия. Аки бы рещи: тогда нам жатва не была, когда они не сеяли. Не воспоминая преждних, в прошлом году, когда крыемое долго сосед наших немирлобие яве откровенно стало, кие плоды пожал мечь Российский видели мы с радостию, видели они с великим своим плачем и стенанием. Лето нынешнее было, по-видимому, в нечаянии новых славы прибылей, понеже корабельный флот, смотрением политическим удержан, из гавани не выходил. И се над чаяние прилетает к нам, 6-го дня иуния, весть радостная щастливаго наших воев действия, с немалою неприятеля утратою. Еще же ведомость тая, почитай, говорити не перестала, и се летит другая и гласит нам викторию, в 27 день Иулии полученную. Се уже пред очима нашими и плоды ея доволнии; взятии фрегаты, и воинство, и аммуниция, честный и богатый плен. Продолжает воистинну и умножает Бог радости твоя, о Россие!

Как же умолкнем тако обрадованни? Как умолчим о сем? Разве были бы добра нашего не любители и добра того подателеви Богу нашему не благодарни! Но что предложим? Что скажем ныне, дабы слово было и сему благополучию прилично, и нам не бесполезно? Двое усмотреваю, беседы и рассуждения достойное: первое — милостивое к нам божие смотрение, таковых водных викторий виновное, то есть что благовременнее подвинул Бог державнейшаго государя нашего к устройению морского флота; второе — присмотретися собственно лицу виктории сея. В первых, яко собственное было божие смотрение, когда воспламенися цареве сердце к водным судам, также и к устройению флота великаго; яве показуется отсюда, яко охота тая в сердце его родилась от малаго случая, от обретения некоего ботика обветшалого, о чем пространнее любопытный увидит в предисловии морского регламента. Не слышал монарх в младости своей пространных о морском плавании повестей, не навел его к охоте сей никто учением, советом, предложением многих нужд. Хотя бы и так было, и то было бы не без смотрения Божия, без него же ничто же бывает, но было бы то смотрение обычное. А что без таковых явных причин и поводов деется, еже мы нарицаем случаем, то деется собственным и чрез обычайным вышняго усмотрением.<...>

Но се паче всего дивнейше есть: возбужденный к делу сему монарх, недоволен прилежным своим попечением и тщанием, недоволен учением подданных своих, сам корабельной архитектуре, — еще и то мало, — сам архитектуры тоя древоделию учиться потщался, отложив весь покой, восприяв трудную и не безбедную peregrinaciu. Образ в свете еще несслыханный! В где уже онии римские Квинтии и Фабрикии, которым удивляются историки, что, бывше на время диктаторы, не возгнушались паки трудитися в земледелии?

Помрачил славу их Петр, который купно и скипетр, и мечь, и древодельная орудия носит, не урод телом, но дивен делом, многорусный нарещися достоин.

Кто всего сего смотрению Божию не воспишет, тот смотрению быти не доверяет.

Мы же, познавше с предложеннаго рассуждения, яко нарочитое и собственное к делу сему было смотрение Божие, еще посмотрим, как тое смотрение милостивое есть к роду российскому, а сие познаем с превеликия пользы, которую отечеству нашему флот морской подает.

Суесловие есть, есть ли не безумие неких стихотворцев, котории так плавания воднаго ненавидят, что и первых того изобретателей проклинаят. Обычно господа онии вымыслы своя нарицают неким восхищением, или восторгом, — да часто им в восторгах своих недоброе снится. Охудают навигацию, да плодов ея не отмечают. Подобне они же страхов воинских, правительских попечений и судебных трудов не любят и вельми похваляют покой жития сельскаго, а не рассуждают того, что покой сей без воинских, правительских и судебных непокоев быти не может.

Противное нам показывает самый здравый разум, создания Божья рассуждающий. Да рассудит бо всяк, к чему толь пространная поля водная, моря и безмерный океан создал Бог. К питию ли? Довлели бы на сие реки и источники, а не толикое вод множество, большую часть земноводного сего круга

^{*} Имеется в виду блестящая победа русского галерного флота над шведской эскадрой при о. Гренгаме. Виктория при Гренгаме 27 июля 1720 года ускорила заключение Ништадского мира.

объемшее, еще же и питью человеческому весьма неуютное. Сия того вина есть, (яко премудре рассуждает Василий Великий в своем Шестодневии), что премудрый мира создатель, промысляя человеком взаимное друголюбие, не благоволил всем странам земным всякие плоды, житию нашему потребныя, произнести, ибо тогда сии жители на оных, а оныи на сих ниже посмотрели бы, един от другаго помощи не требуя. Разделил убо творец земля своя благая различным странам по части, да бы так, едина от другой требуя взаимнаго пособия, лучше в любовный союз сопрягаться могли. Но понеже не возможно было людям иметь коммуникацию земным путем от конец до конец мира сего, того ради великий промысел божий проливал промеж селения человеческая водное естество, взаимному всех стран сообществу послужити могущее. *А от сего видим, какая и коликая флота морскаго нужна; видим, что, всяк сего не любящий, не любит добра своего, и Божию о добре нашем промыслу не благодарен есть.*

Но обще о пользе флота много бы глаголати, но ненуждно, яко всякому благоразсудному известно есть. Мы точию вкратце рассудим, как собственно российскому государству нужный и полезный есть морской флот. А во-первых, понеже не к единому морю прилежит пределами своими сия монархия, то как не безчестно ей не имети флота? Не същем ни единой на свете деревни, которая над рекою или озером положена и не имела бы лодок. А толь славной и сильной монархии, полуденная и полунощная моря обдержавшей, не иметь бы кораблей, хотя бы ни единой к тому не было нужды, однакоже было бы то *бесчестно и укорительно*. Стоим над водою и смотрим, как гости к нам приходят и отходят, а сами того не умеем. Слово в слово так, как в стихотворских фабулах, некий Тантал стоит в воде, да жаждет. И по тому и наше море не наше. Но смотрим, как то и поморие наше. Разве было бы наше по милости заморских сосед, до их соизволения?

Что бо, когда благословил Бог России сия своя поморския страны возвратити себе, и другия вновь завладети, что было бы, аще бы не было готоваго флота? Как бы места сия удержати? Как жить и от нападения неприятельскаго опасатися, не токмо что оборонятися?

Земный неприятельский приход издалече слышан и нескор, есть время приготовиться и предварить его. Не так морской: не летают пред ним глосные вести, не слышатся шумы, не видно дыма и праха; в который час увидиши его, в тот же и надейся пришествия его. Есть ли бы к нам добрии гости, не предвозвестя о себе, морем ехали, узревше их, не мощно бы уготовать трактамент для них. Как же на так нечаянно и скоро нападающаго неприятеля мощно устроить подобающую оборону? Единая конфузия, един ужас, трепет и мятеж. А хотя бы кто и предвозвестил о походе его, то как же еще знать, на который он берег выйдет? На который город нападет? Как многии поморския города, не весьма флота неимевшие, но не имевши флота довольнаго, погибли, разоренни, не от сильнаго супостата, но от пиратов, то есть морских разбойников, полны суть истории. А есть ли же иногда морскаго неприятель и не получит своего желаннаго, однако ж настращав и поругався, отступает без урону своего, не отлагая злобы, но храня яко неотмщенную на иное время. Приходящаго его не начеешься, отходящаго нельзя догонять. Кратко рещи: поморию, флотом не вооруженному, так трудное дело с морским неприятелем, как трудно связанному человеку дратся со свободным или как трудно земным при реке Ниле животным обходится с крокодилами.

Так же то трудное было бы тебе, о Россие, на помории твоём с неприятелем обхождение, аще не бы милостивый промысел Божий предварил тебе благословением благостинным, и не возбудил бы в тебе тщаливого духа к устройению флота, и ко обучению морскаго плавания: не был бы укрощен на лучшее, но только раздражен на горшее супостат твой. Объяла и завладела рука твоя сие столь славное и великое поморие, яко возмездие и обильный плод всех войн сея трудов и иждивений. Но возмогла ли бы и удержать надолго единою земною силою? Великое сумнительство. Есть ли же бы не могла, что следовало? *Испразднилася бы слава толиких викторий*. Не меньшая бо слава есть удержати завоеванное, нежели завоевать, — давняя есть пословица. Отродилася бы неприятелю сила: паки бы было ему с Ливонии, Ингрии, Карелии, Финляндии множество и воинства, и имения, и хлеб; паки бы походы его нападения на товя внутренняя. Ныне же что? Наготствует, скудеет и глад терпит. И вместо того, что бы на пределы наши напал, своих видит разорение и, вместо того, что бы имел нам страшен быти, чуждее себе заступление купует, хотя и не вельми щастливым торгом. *Видеши, о Россие, пользу флота твоего!* Не только бо готова и сильна тебе от нападения неприятельскаго оборона, которой бы не имела еси, не имущи флота, по вышепредложенному рассуждению, но и наступательная на онаго сила велика, и виктории нетрудны. И что вельми дивно, сами неприятели тесноту свою, истиную понужденни, засвидетельствовали, когда на монетах, недавно в память падшаго короля своего изданных, льва вервием обвязаннаго напечатали.

И уже посмотрим на прекрасное лице нынешния виктории; она бо вся доселе описанныя к флоту морскому нужны и вся тогожде флота пользы явно показует.

Чему бы Россия не могла и верити, аще бы в корабельной войне не была искусна, то ныне сама зделала, славная всегда водная виктория, хотя равные обоех сторон силы. Аще бо где- тут наипаче военное действие марсовым жребием нарицати подобает. Не как коня, так и корабля удобно править! А ветер и море, яко непостоянные элементы, тако ненадежны и помощники: кому помогут, и кому со-

противятся, не известно. В таком убо неизвестии, сумнительстве, бедствии, получить викторию — необычная воистину слава есть.

Но прочии морские виктории против нынешней российской мощно нареци общие и обычные. В прочиих равныя сражаются силы, а тут галеры с кораблями; прочиим помогает, а тут мешает ветер. Сии две трудности толикую победы важность показывают, что и сказать трудно.

Галерам наступать на корабли, которые оных не стрельбою огненною, но единым нашествием не победить, но в щепы разбить могут, обычное ли дело? В таком сил неравенстве дерзнуть на бой дивно, вступить в бой предивно, а победить — и удивление побеждает. Что бо сему обрящем подобное? Есть повесть еллинская, что Геркулес в челюсти кита великого вскочил с мечом и, три дня утробу его разоряя, умертвил его. Было бы се ныне виктории нашей подобное, да есть фабула, знатно из истории пророка Ионы выплетеная. Есть повесть в книгах Маккавейских, что Елеазар, под военного, неприятельского воинство на себе носящего слона подскочил со оружием и убил его. Было бы и се победе нынешней подобное, но Елеазар тот и сам, падением зверя раз угнетен, умре, победив и побежден. Мощно бы уподобить сие человеческому над зверьми превосходству, понеже человек, которому естество не дало великой силы, но скудость тую умом наградило, земных и водных зверей, величиною и силою без меры его превосходящих, побеждает. Но и се не подобно, ибо воинству российскому дело было не со зверьми, но с людьми, с людьми умом и мужеством славными, а людей тех, кораблями наступающих, галерами победило. Ничтоже прочее остается, точию удивлятися, некоего же подобия не видя, не обретая.

Но придает удивления то еще, что великую акции трудность ветер делал. На тишине водной галерам единым нападать на корабли стоящие и то не легко; есть бо подобное атакованию крепких фортец. А галерам с кораблями сражатся в погоду — кажется и чаянию противное. Тот же ветер, который кораблю ко обращению его служит, галерам мешает. Нельзя не сказать, слышателие, что сия виктория сталась от собственного божия смотрения. И большую zde видим милость господню, нежели где провидевница ветры на помощь посылала. Помогли тучы Марку Антонину на немцев; пособили ветры Феодосию Великому на Евгения; послужила буря Елисаветы британской на испанов. Но оным (и аще иннии нецыи подобнии суть) пособствовало смотрение ко отражению токмо неприятеля, а не ко умножению славы. Ибо когда слышим помянутые и им подобные победы, нарицаем щасливые, благополучные, угодныя, и аще кая инная имена обрящем, но славными нареци не может. Аще бо не всю викторию, то поне великую виктории часть ветрам воспитать подобает; понеже бо ветры помогли, то в сумнительстве осталось мужество победивших, — кто весть, что бы было, аще бы не помогли ветры?

Инако и лучше ныне российскому на мори воинству благословил Бог. Не хотел, да бы воздух делился с нами славою виктории, но и вопреки: умножил ветром трудность к морскому бою, да бы умножилася слава победителем; послужил и нам ветер, да противством своим; послужил к славе, а не к победе. И понеже противился победе нашей, того ради явственно показал славу нашу, так что виктория нынешняя может таким надписанием украшена быти: *Неприятель и ветер побежден есть*.

Тако продолжает радости твоя, тако славы твоя умножает Бог, о Россие! Прославим убо прославившаго нас, благодарим обрадовавшему нас! Его дело есть флот Российский, его благословение есть толика сила и толикия плоды флота Российскаго. Он смотрением своим навел очи монаршие на презренный ботик; он царское сердце зажег к архитектуре корабельной; он, предопределяя России возвращение своих и получение новых поморских стран, предварил ю благословением своим, сильну же и действенну на мори сотворил, *вооружив флотом и толикими ущедрих победами*. Благословен Бог наш, изволивый такой! Буди имя Господне благословенно от ныне и до века!

Благословен же и ты Богом вышним державнейший Монархо Российский, яко толь милостивое к достоянию твоему Божие смотрение не вотще тобою действует. Как многими Россию твою одолжил еси благодеении! Тебе должна есть исправление, красоту и толикую силу свою; тебе должна всю толь дивную и славную измену свою, что презренна прежде и поруганна всем, *ныне славна и страшна всем есть*, на мори и на земли побеждает. Торжествуй и радуйся толико благословен сый Богом! Радуйся Богу, помощнику твоему!

Но и сынове Сиони да возрадуются о царе своем. Видите благополучие ваше, сынове российсти, народе Славенский! Видите, как имя ваше, славе тезоименитое, уже аки бы угасший свет свой и почерненное золото свое толь изрядно в премудром сем самодержце вашем обновило, яко аще когда, ныне наипаче по достоянию славяне нарицаемся.

А вам, о мужественные военачальницы и воины, котории на сей толь трудной и страшной акции труждатися не устрашилися есте и толь славную получили викторию, вам, о вернии монарха вашего служителие, и истиннии его же подражателие, что речем? Кий венец соплетем? Кая победительная пеня сочиним? Не краткаго слова, но вечнаго прославления достойны есть. Должны блажити вас стари, должны на образ ваш смотрети юнии, должен нынешний век величати, должен будет славити и последний род.

О премилостивый Господи и Боже наш, от его же вседаровитые десницы и толика приемлем благодеения, запечатлей милостию твоею данные нам дары твоя, подаждь доброте нашей силу. Много-

летны сохрани благовернейшаго Государя нашего Царя, вернаго министра твоего Петра Первого, и его благовернейшую царицу, государыню нашу Екатерину Алексеевну; царство их недвижимое, воинство непобедимое сотвори, все отечество наше благосостоянием и миром благослови, воззри и на супостаты наша и по толикой, немиролюбием их излианной крови, прийти уже в чувство и мира возжелати повели. Аминь.

Феофан Прокопович. Сочинения. – М.-Л., 1961. – С. 103–112.

П. Столыпин

РЕЧЬ О МОРСКОЙ ОБОРОНЕ, произнесенная в государственной думе 24 мая 1908 года

После всего, что было тут сказано по вопросу о морской смете, вы поймете, господа члены Государственной думы, то тяжелое чувство безнадежности отстоять испрашиваемые на постройку броненосцев кредиты, с которым я приступаю к тяжелой обязанности защищать, почти безнадежное, почти проигранное дело. Вы спросите меня: почему же правительство не преклонится пред неизбежностью, почему не присоединится к большинству Государственной думы, почему не откажется от кредитов?

Ведь для всех очевидно, что отрицательное отношение большинства Государственной думы не имеет основанием какие-нибудь противогосударственные побуждения; этим отказом большинство Думы хотело бы дать толчок морскому ведомству, хотело бы раз навсегда положить предел злоупотреблениям, хотело бы установить грань между прошлым и настоящим. Отказ Государственной думы должен был бы, по мнению большинства Думы, стать поворотным пунктом в истории русского флота; это должна быть та точка, которую русское народное представительство желало бы поставить под главой о Цусиме для того, чтобы начать новую главу, страницы которой должны быть страницами честного и упорного труда, страницами воссоздания морской славы России. (*Возгласы: верно; рукоплескания*).

Поэтому, господа, может стать непонятным упорство правительства: ведь слишком неблагоприятное дело отстаивать существующие порядки и слишком, может быть, недобросовестное дело убеждать кого-либо в том, что все обстоит благополучно. Вот, господа, те мысли, или приблизительно те мысли, которые должны были возникнуть у многих из вас; и если, несмотря на это, я считаю своим долгом высказаться перед вами, то для вас, конечно, будет также понятно, что побудительной причиной к этому является не ведомственное упорство, а основания иного, высшего порядка.

Мне, может быть, хотя и в слабой мере, поможет в этом деле то обстоятельство, что, кроме, конечно, принципиально оппозиционных партий, которые всегда и во всем будут противостоять предложениям правительства, остальные партии не совершенно единодушны в этом не столь простом деле, и среди них есть еще лица, которые не поддались, может быть, тому чувству самовнушения, которому подпало большинство Государственной думы. Это дает мне надежду если не изменить уже predetermined мнение Государственной думы, то доказать, что может существовать в этом деле и другое мнение, другой взгляд и что этот другой взгляд не безумен и не преступен.

Господа! Область правительственной власти есть область действий. Когда полководец на поле сражения видит, что бой проигран, он должен сосредоточиться на том, чтобы собрать свои расстроенные силы, объединить их в одно целое. Точно так же и правительство после катастрофы находится несколько и в ином положении, чем общество и общественное представительство. Оно не может исключительно искать виновных, не может исключительно сражаться с теми фантомами, о которых говорил предыдущий оратор. Оно должно объединить свои силы и стараться восстановить разрушенное. Для этого, конечно, нужен план, нужна объединенная деятельность всех государственных органов. На этот путь и встало настоящее правительство с первых дней, когда была вручена ему власть. Оно начало перестраивать свои ряды. Оно разделило задуманные им мероприятия на более спешные, имеющие связь с последующими, и на эти последующие мероприятия, которые оно и решило проводить и планомерно, и последовательно. При этом правительство не могло не задать себе вопросов: нужен ли России флот, какой флот России нужен, и можно ли с этим делом медлить?

На первых двух вопросах я долго останавливаться не буду, так как мнение правительства было подробно высказано в комиссии государственной обороны, и оно соответствует тому мнению, которое выражено в формуле постатейного перехода к чтению отдельных номеров сметы морского министерства, предложенной вашему вниманию. Для всех, кажется, теперь стало ясно, что *только тот народ имеет право и власть удерживать в своих руках море, который может его отстоять*. Поэтому все те народы, которые стремились к морю, которые достигали его, неудержимо становились на путь кораблестроения. Для них флот являлся предметом народной гордости: это было внешнее доказательство того, что народ имеет силу, имеет возможность удерживать море в своей власти. Для этого недостаточно одних крепостей, нельзя одними крепостными сооружениями защищать береговую линию. *Для защиты берегов необходимы подвижные, свободно плавающие крепости, необходим линейный флот*.

Это поняли все прибрежные народы. Беззащитность на море так же опасна, как и беззащитность на суше. Конечно, можно при благоприятных обстоятельствах некоторое время прожить на суше и

без крова, но когда налетает буря, чтобы противостоять ей, нужны и крепкие стены, и прочная крыша. Вот почему дело кораблестроения везде стало национальным делом. Вот почему спуск каждого корабля на воду является национальным торжеством, национальным празднеством. Это отдача морю части накопленных на суше народных сил, народной энергии. Вот почему, господа, *везде могучие государства строили флоты у себя дома: дома они оберегают постройку флота от всяких случайностей; они дома у себя наращивают будущую мощь народную, будущее ратное могущество.*

Эти вот простые соображения привели правительство к тому выводу, что России нужен флот. А на вопрос, какой России нужен флот, дала ответ та же комиссия государственной обороны, которая выразилась так: России нужен флот *дееспособный*. Это выражение я понимаю в том смысле, что России необходим такой флот, который в каждую данную минуту мог бы сразиться с флотом, стоящим на уровне новейших требований. Если этого не будет, если флот у России будет другой, то он будет только вреден, так как неминуемо станет добычей нападающих. *России нужен флот, который был бы не менее быстроходен и не хуже вооружен, и не с более слабой броней, чем флот предполагаемого неприятеля. России нужен могучий линейный флот, который опирался бы на флот миноносный и на флот подводный, так как отбиваться от тех плавучих крепостей, которые называются броненосцами, нельзя одними минными судами.*

Покончивши с вопросами, в которых правительство вполне солидарно с комиссией государственной обороны, позвольте мне перейти и остановиться несколько дольше на третьем вопросе, на котором начинается между нами разногласие. Это вопрос о том, насколько спешно и настоятельно устройство наших морских сил. Ответ на это комиссии государственной обороны совершенно ясен и определен: комиссия говорит, что ранее всего нужно вырешить все вопросы морской обороны в связи с обороной всего государства; затем необходимо переустройство морского ведомства, наконец, необходимо представление на суд законодательного собрания финансовой программы судостроения, и только после этого уже можно будет приступить к постройке линейных кораблей, к воссозданию флота.

Эти положения были тут подкреплены беспощадной логикой блестящих речей целого ряда ораторов. Вопрос этот совершенно исчерпан: для Государственной думы безусловно ясно, что после того страшного урока, который получило морское ведомство, необходимо переустроить это министерство, необходимо положить конец и неустройства в нем, и злоупотреблениям: необходимо обновить самый дух ведомства, и нельзя строить новый флот, не имея полной программы судостроения. Под всеми этими положениями я готов подписаться. Я иду далее. Я уверен, что ответственные представители флота, отвечающие перед Государем Императором за морское дело, не будут этих положений отвергать.

Но, господа, именно для ответственных лиц выводы из этих положений не так просты. Я приглашаю вас на время, на короткое время, отказаться от того чувства возмущения, которое владеет вами, о котором только что говорил член Государственной думы Гучков. Забудьте, господа, забудьте ту жгучую боль, которую испытывает каждый русский, когда касается вопроса о русском флоте, и последуйте за мной в область бесстрастного разрешения вопроса, в пределах *одной государственной пользы и государственной необходимости*.

Позвольте мне для этого вернуться к тому сравнению, к которому я прибег в начале моей речи, и сопоставьте положение правительства с положением полководца на следующий день после сражения. В таком положении первая задача лица, власть имеющего, разрешить вопрос о том, как же быть с остатками, с обломками разбитой неприятелем силы. Это задача правительства, задача морского ведомства. Вторая задача — как реорганизовать то ведомство, которое не оказалось на высоте положения, и как возобновлять разрушенную силу, в данном случае — какие строить суда. Это задача специальных технических органов, которая должна быть разрешена после утверждения ее выводов Верховной Властью. Наконец, третья задача — как организовать морскую оборону в связи с обороной государства. Это задача правительства, которая может быть вырешена после разрешения двух (первых) задач.

Если следовать за комиссией государственной обороны, то, конечно, все эти три задачи можно решить только одновременно и независимо от вопроса об организации министерства, о затрате колоссальных сумм на воссоздание всего нашего флота, невозможно и требовать каких-либо ассигнований на устройство наших расстроенных морских сил, для придания им какого-либо боевого значения. Но правительство, господа, должно смотреть на дело иначе: правительство имеет дело с живым организмом — флотом, с живыми людьми; оно имеет еще одну капитальную задачу; на нем лежит обязанность оградить государство, во всякую данную минуту, от всяких случайностей. Поэтому правительство должно было прежде всего осмотреться и незамедлительно решить вопрос, как же быть с остатками, с обломками нашего флота.

Я не буду, господа, вводить вас в специальные вопросы, я нахожу, что в таком собрании не могут быть разрешены вопросы о том или другом типе котлов или двигателей, на которых останавливался член Государственной думы Марков; я буду приводить вам простые данные, понятные, по-моему, как для обывателя, в положении члена Государственной думы, так и для штатского министра, не носяще-

го кортика. Если взять кавалерийскую часть, то для вас станет понятно, что она может иметь силу только, если она вся посажена на одинаковых коней, одинакового хода, так как иначе вся часть должна будет равняться по отстающим; вся часть, все всадники должны быть одинаково вооружены одинаковыми винтовками, так как иначе часть пуль не будет долетать, огонь этой части не будет действителен; вся часть должна быть одинаково снаряжена, все всадники должны быть одеты в одинаковые мундиры защитного цвета, иначе часть всадников будет более уязвима, чем другая.

Это все применимо и к флоту. Отдельные корабли, и это было уже указано, не могут иметь никакой силы, если они будут механически соединены в отряды: в этом случае каждое отдельное, более быстроходное судно должно будет равняться по наиболее тихоходному во всей эскадре, должно будет стрелять на такое расстояние, на которое будут долетать снаряды наихудше вооруженных судов, наконец, вся эскадра станет более уязвимой, если часть ее будет хуже других бронирована. Такое сборище судов будет никуда не годным сбродом; это будет отряд, неспособный не только на оперирование, но и на маневрирование. Для того чтобы маневрировать, нужно иметь, по крайней мере, несколько судов одного типа, несколько линейных кораблей, несколько бронированных крейсеров, несколько простых миноносцев; между тем остатки наших судов не могут составить ни одной эскадры: эти остатки напоминают собой ту разношерстную кавалерию, о которой я только что упомянул, посаженную на разных коней, вооруженную разным оружием, обмундированную кто в кирасару, кто в китель, кто в мундир.

И вот перед правительством встал вопрос: что же — ожидать разрешения общих вопросов или остановиться на задаче использования остатков наших морских сил путем некоторого их пополнения и придания им хотя некоторого боевого значения? Правительство хорошо понимало, что ждать незамедлительного разрешения общих вопросов невозможно. Общая оборона государства — дело весьма сложное, затрагивающее интересы всех почти ведомств. Тут замешано не одно только Морское или Военное министерство. В ряды мер по обороне должно быть введено и ведомство путей сообщения, так как тут важна постройка стратегических железных дорог, и ведомство переселенческое, так как должен быть создан на Дальнем Востоке оплот из живых людей, и Министерство внутренних дел, так как кроме железных дорог для защиты страны нужны грунтовые дороги, нужны почты и телеграфы, затронуты Министерство торговли, так как необходимо учесть и значение торгового флота.

Дело разрослось в вопрос громадного государственного значения, рассматривавшийся Советом министров, на журнале которого от 2 марта Государь Император положил такого рода резолюцию: *«Общий план обороны государства должен быть выработан короткий и ясный на одно или два десятилетия, по его утверждению он должен неуклонно и последовательно быть приводим в исполнение»*.

Что же касается переустройства морского ведомства, то, несмотря на полное напряжение сил этого министерства, нельзя было требовать от него излишней, в ущерб качеству работы, спешности, излишней торопливости, в которой нас, правительство, только что в другой области так упорно обвиняли. Вам известно, господа, что со времени окончания войны в морском ведомстве были произведены спешные работы. С тех пор Государем Императором было утверждено образование должности помощника морского министра, что сняло с морского министра целый ряд хозяйственных забот. Был образован Морской генеральный штаб, было установлено новое, автономное устройство судостроительных заводов.

...Наконец, в самое последнее время, придана новая организация высшему командованию флотом. Об этих реформах мною упоминалось в комиссии государственной обороны, и если беспристрастно судить, то нужно признать, что за последнее время больше сделано в этой области, чем за целое десятилетие.

Много, господа, и осталось сделать, и многое еще будет совершено. Но нет, господа, той волшебной палочки, от прикосновения которой в один миг может перестроиться целое учреждение. Поэтому, если ожидать окончательного переустройства ведомства, если ожидать ассигнования колоссальных сумм на приведение в исполнение полной программы судостроения, то *в деле приведения в порядок обломков нашего флота, наших морских сил*, расстроженных последней войной, пришлось бы примириться с довольно продолжительной остановкой. К чему же господа, привела бы такая остановка? На этом не могло не остановить своего внимания правительство. Вникните, господа, в этот вопрос и вы. Первым последствием такой остановки, о которой красноречиво говорили некоторые из предыдущих ораторов было бы, несомненно, расстройство наших заводов, на которое я указывал в комиссии государственной обороны и на что мне обстоятельно никто не возразил. То, что в других государствах оберегается, бережно наращивается, развивается технический опыт, знание, сознание людей, поставленных на это дело, все то, что нельзя купить за деньги, все то, что создается только в целый ряд лет, в целую эпоху, все это должно пойти на убыль, все это должно пойти в расстройство.

Член Государственной думы Львов говорил о том, что не было бы беды, если бы наши заводы сократили несколько свою работу; но, господа, другие страны находят, что *национальное судостроительство является плодом усилий целых поколений, результатом национального порыва, кото-*

рый достижим только с громадным напряжением сил. Всякий регресс, всякий шаг назад в этой области уже ведет к расстройству этого дела. Морской министр в комиссии приводил цифры, говорил о том, что для поддержания наших заводов на теперешнем уровне нам нужно заказов на 22 миллиона рублей в год. В настоящее время заводы имеют заказов только на 11 миллионов рублей и то только на один год. Вторым последствием остановки была бы необходимость обучать личный состав на тех отдельных разношерстных судах, о которых я вам говорил.

Член Государственной думы Бабянский доказывал вчера, что можно обучать личный состав и нижних чинов, и офицеров на двух броненосцах, которые имеются в Балтийском море. Но, господа, судите сами, какое же возможно эскадренное учение, какая же возможна стрельба, какое возможно эскадренное маневрирование без эскадры. Возможно ли обучение, воспитание механиков, раз мы не имеем усовершенствованных механизмов? Нас, с одной стороны, упрекали в том, что морское ведомство заказывало такие суда, как «Рюрик», которые являлись отсталыми; с другой стороны, град упреков был обращен на нас за то, что мы хотим заказывать суда новейшего устройства, как тут насмешливо было сказано, «сверх-корабли» — «дредноуты». Но третье последствие остановки в устройстве наших морских сил было бы длительное беспомощное положение России в отношении морской обороны. Несмотря на полное наше миролюбие, я думаю, что такая беспомощность не соответствует мировому положению России.

Вот, господа, те доводы, которые побудили нас испрашивать у вас не утверждения полной программы кораблестроения, а временно, до установления плана общей обороны государства, постройки только четырех броненосцев в течение четырех лет для того, чтобы несколько пополнить расстроенные ряды нашего флота и придать им некоторый боевой смысл. Я старался обрисовать вам, господа, что выигрывает государство принятием правительственного предложения; я должен при этом еще упомянуть, что постройка этих 4-х броненосцев не идет вразрез ни с одной из программ судостроения. Эти 4 броненосца входят во все программы. Они будут служить для осуществления любой из них, хотя бы на первом плане была поставлена программа укрепления наших морских сил на Дальнем Востоке. Таким образом, от принятия правительственного предложения не может последовать для государства никакого ущерба.

Остановившись на том, что может побудить Государственную думу отказать правительству в ничтожной, сравнительно с общим нашим бюджетом, сумме в 11.250.000 рублей, надо прийти к логическому выводу, что здесь, как и говорил член Государственной думы Гучков, надо искать мотивов симптоматического, педагогического свойства. Очевидно, большинство Государственной думы хочет хирургическим образом излечить морское ведомство от одержимой им болезни. Большинство Думы полагает, что после нанесенного ему удара, после того шока, который ему готовится, Морское министерство станет на новый путь плодотворной работы.

Я думаю, что это не так. Я думаю, что, кроме того реального ущерба, о котором я упоминал, вы нанесете флоту еще громадный нравственный ущерб. Вы, господа, верите в силу реорганизации учреждения. Несмотря на то, что, независимо от готовящегося вами удара, ведомство это будет реорганизовано, нельзя все же не признать, что главная сила не в учреждении, а в людях. Людей, господа, мало во всех учреждениях, мало их и в морском ведомстве, и, может быть, еще меньше потому, что, как указывал член Государственной думы Капустин, лучшие, быть может, силы флота лежат теперь на дне океана. Но как-никак, а те лица, те новые люди, которые поставлены во главе ответственных частей флота, должны же чувствовать, должны сознавать, какая колоссальная задача возложена на них, какая их тяготит ответственность! И не думаете ли вы, что ваш отказ в кредитах переложит эту ответственность с них на вас?

Вы говорите, господа, что вы отказываете в кредите только на несколько месяцев, — но так ли это? Вы ждете реорганизации ведомства? Реорганизовать ведомство можно в несколько месяцев — но можно ли в тот же короткий срок дожидаться результатов реформы? Чем через несколько месяцев может похвалиться перед вами морское ведомство? Работой ли заводов, расстроенных тем, что им не будут даны заказы, личным ли составом, обескураженным неопределенностью своего положения? Нет, господа, я лично уверен, что и через несколько месяцев вы найдете, что еще не наступил момент для ассигнования средств на судостроительство.

Господа, ваши нападки, ваши разоблачения сослужили громадную услугу флоту, они принесли и громадную пользу государству; более того, я уверен, что при наличии Государственной думы невозможны уже те злоупотребления, которые были раньше. *(Продолжительные рукоплескания).* Господа, я пойду дальше, я скажу, что, быть может, морское ведомство еще не доказало того, что в настоящую минуту возможно доверить ему те сотни миллионов, которые необходимы на выполнение общей программы нового судостроения. Но, господа, не лишайте же морское ведомство возможности доказать вам это, не расстраивайте это ведомство в корне. Ведь, господа, во всех ведомствах есть неустройства. Нельзя же преграждать учреждениям и людям возможность доказывать желание улучшить положение, нельзя всех поголовно считать «рабами лукавыми».

Да, господа, для «лукавых рабов» нет лучшего разрешения вопроса, чем предлагаемый вами. Ведь они, на основании вашего решения, могут предаться полному ничегонеделанию. (*Смех слева*). Ведь, господа, для лукавых рабов ваше решение будет мягкой подушкой для сладкого сна. (*Смех справа*). Господа, нельзя наказывать гимназиста, срезавшегося на экзамене, лишением его учебных книг, учебных пособий. (*Смех слева; возгласы справа: браво*). А вы делаете нечто подобное с флотом (*рукоплескания справа и в центре*)... и, может быть, делаете худшее.

Вы — хирурги, собравшиеся вокруг одурманенного больного. Больной этот — флот, ошеломленный вашей критикой. Вы, господа, взяли ланцеты и режете его, потрошите его внутренности, но одна неловкость, одно неосторожное движение, и вы уже будете не оперировать больного, а анатомировать труп. Господа! Я верю, что ваше решение, каково бы оно ни было, будет продиктовано вам велением вашей совести и тем чистым патриотизмом, о котором говорил тут член Государственной думы Пуришкевич, — этим и ничем более. Вы станете выше партийных расчетов, выше фракционной тактики. Не сетуйте, господа, если и правительство высказало вам свое мнение прямо и определенно.

Я уверен, что всякая заминка в деле флота будет для него губительной, нельзя на полном ходу останавливать или давать задний ход машине — это ведет к ее поломке. Господа, в деле воссоздания нашего морского могущества, нашей морской мощи может быть только один лозунг, один пароль, и этот пароль — «вперед». (*Рукоплескания справа и в центре*).

Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия...: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. – М.: Мол. гвардия, 1991. – С. 150–159.

М. Смирнов

КРАТКИЙ ОЧЕРК ВЛИЯНИЯ МОРСКОЙ СИЛЫ НА ИСТОРИЮ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Россия является сухопутной страной постольку, поскольку ее население не знает отечественной истории и не понимает значения обладания выходами на открытые моря для экономического развития страны, для благосостояния ее населения и для независимого государственного бытия...

В продолжении всей своей истории Россия стремилась к открытым морям для общения с остальным миром и для свободы своей торговли. Все большие войны, которые она вела, имели целью выход на морские побережья. Политика государства Российского всегда была политикой преимущественно морской. Соседние с Россией государства постоянно оказывали сопротивление этому естественному движению, а величайшая морская держава Англия, видя в России своего главного соперника, стремилась разрушить русскую морскую вооруженную силу.

Московские Цари и Всероссийские императоры в понимании значения моря для России шли впереди своего народа. Их трудам и победам мы обязаны выходом на побережье морей и созданием Российского Флота, имевшего свою славную двухсотлетнюю историю.

С начала исторических времен славяне, населявшие Россию, занимались торговлей по рекам. Через их территорию шел большой торговый путь «от Варяг на Греки» — из Балтийского в Черное море, по рекам Неве, Волхову, Ловати и Днепру. Уже в IX веке русские купцы проникали в Царьград. Киевские князья производили набеги по морю на Византию и привозили оттуда большую добычу. Известны экспедиции Рюрика в 865 году на 300 судах, Олега в 907 году на 2000 судах, Игоря в 941 году на 1000 судах, Святослава в 967 году, — в этой экспедиции русские разбили греческий флот у Босфора. Последний набег на Византию был совершен в 1043 году при князе Ярославле. Все эти экспедиции производились на открытых челнах; русские в то время еще не знали, как строить палубные суда.

На Балтийском море торговля производилась через посредство Новгородцев, которые добывали пушнину у финского населения, распространяя свое влияние до Урала и берегов Белого моря. *Новгородцы не имели своего флота и вследствие этого подпали под влияние немецкого Ганзейского союза, который держал их вывозную торговлю в своих руках. Ганзейцы пользовались особыми привилегиями у Новгородцев; так, например, они имели право экстерриториальности, учредили свои суды, где судили Новгородцев за действия, противные интересам Ганзы. Отсутствие своего флота влекло за собою экономическое рабство Новгородцев.* По рекам, впадавшим в Балтийское море, Новгородцы основали города Юрьев (Дерпт), Колывань (Ревель-Таллин), Волынь (Рига), Рудодив (Нарва) и другие.

В XIV и XV веках Новгородцы были изгнаны шведами с берегов Балтийского моря и Ладожского озера.

Татарское нашествие положило конец Киевской Руси, и государство Российское стало формироваться вокруг Москвы, вдали от моря.

Ко времени объединения Руси (середина XVI века), при царе Иоанне Грозном, перед Россией встали три задачи:

- 1) Доступ к Балтийскому морю для приобщения к мировой культуре.
- 2) Движение на юг для выхода на Черное море.
- 3) Распространение на Восток для выхода вновь присоединенной Сибири на Тихий океан.

Иоанн Грозный, понимая необходимость для России выхода на моря, предпринял экспедицию для покорения Казани и Астрахани на пути к Каспийскому морю; в этих экспедициях участвовали речные суда. Другие экспедиции временно занимали Очаков и Азов на Черном море и доходили до берегов Крыма. Иоанн вел войну со шведами и Ливонскими рыцарями для доступа к Финскому заливу; для этого он заручился союзом с Англией, но эта война была unsuccessful.

При царе Михаиле Федоровиче запорожские казаки предприняли несколько набегов на гребных челнах по Черному морю на Азов, Трапезунд, Синоп и Константинополь. Казаки были отважными моряками. Для защиты от них турки построили крепости Очаков в устье Днепра и Азов в устье Дона.

Царь Алексей Михайлович возобновил борьбу за выход к Балтийскому морю. Он лично командовал армией, занимал Динабург (названный Борисоглебском) и осаждал Ригу. Другая его армия занимала Юрьев. Третья армия предназначалась для движения на Шведов, при ней находилась *казачья флотилия*. Дьяк Посольского приказа боярин Ордын-Нащокин мечтал о создании флота для борьбы со шведами и вел переговоры с голландцами о постройке кораблей для России. События на Украине отвлекли Царя к Польше, и движение к Балтийскому морю не состоялось. Восстание Стеньки Разина

вызвало необходимость заведения речного флота для борьбы с ним. Ордын-Нащокин начал постройку судов в селе Дединове в Коломне под руководством голландцев. *Первый русский корабль был назван «Орел», он был спущен на воду 25 мая 1668 года.* Он имел длину 80 футов, ширину 21 фут, был трехмачтовым с бугшпритом и вооружен 22-мя пушками. Экипаж состоял из 20 матросов-голландцев и 35 русских солдат. Эта эскадра спустилась по Волге в Астрахань, но там была сожжена Стенькой Разиным. Так неудачно закончилась первая попытка учреждения русского флота, которой суждено было осуществиться в следующее славное царствование.

Гениальный монарх Петр Алексеевич, вступив на престол, имел твердое убеждение, что независимость и благосостояние русского народа не могут быть достигнуты, покуда Россия не владеет морским побережьем. Владение берегами Белого моря не было достаточным вследствие их окраинного положения и сурового климата.

Еще будучи мальчиком, в 1688 году, Петр нашел в сараях села Измайловского парусный бот, привезенный из Англии его прадедом боярином Никитой Романовым. Петр упражнялся на этом боте на реке Яузе и на Переяславском озере. Затем в Соломболе, на Белом море он приступил к постройке 24-пушечного корабля «Апостол Павел», 12-пушечной яхты «Святой Петр» и заказал в Голландии 41-пушечный корабль «Святые Пророки». Это были три первых военных корабля флота Петра. Ближайшим его помощником был воевода Апраксин, впоследствии первый Генерал-Адмирал Русского Флота.

Вскоре Петр решил начать войну с могущественной в то время Турцией для выхода России на Черное море. Первый поход Петра на крепость Азов в 1693 году был неудачен, вследствие отсутствия флота. Царь это понял и приступил к постройке кораблей в Воронеже. Его помощниками-судостроителями были голландцы во главе с Тиммерманом, а первым адмиралом был швейцарец Лефорт. Участие иностранцев было необходимо, так как у русских людей того времени не было достаточных технических знаний. Впоследствии Петр подготовил плеяду русских моряков.

В начале 1696 года построенная в Воронеже эскадра в составе 2 кораблей, 23 галер и 4 брандеров спустилась по р. Дон к Азову. Авангардом из 8 галер командовал сам Царь, под именем Петра Михайлова. В результате происшедших боевых операций крепость Азов была взята русскими и часть турецкого флота разбита.

Судостроение в Воронеже продолжалось. Для изучения морского дела Петр отправил молодых людей в Голландию, Англию и Венецию, а также послал чрезвычайное посольство в Европу искать союзников в борьбе с Турцией. Царь сам принял участие в этом посольстве. Союзников не нашли, но Петр приобрел большие познания в кораблестроении и морском деле, лично работая на верфях в Голландии и Англии. Вернувшись из путешествия, он с новыми знаниями принялся за кораблестроение в Воронеже. В мае 1699 года Царь вышел в Азовское море с эскадрой из 12 новых кораблей и занимался ее обучением в море.

Тем временем в Западной Европе готовились события, благоприятствующие решению Петром Балтийского вопроса. Со времени Итальянских войн конца XV века и начала XVI века главным фактором европейской политики было соперничество Франции с Австрией. Союзниками Франции были Турция и Швеция. Эти две страны в то же время были естественными противниками России, стоя на ее пути к берегам морей. В Западной Европе готовилась борьба за испанское наследство, связывавшая руки Франции и лишавшая ее возможности прийти на помощь Швеции. На шведском престоле находился король Карл XII, считавшийся первоклассным полководцем. Он обладал отличными армией и флотом. *Для борьбы со Швецией Петр заключил союз с Данией и с Польско-Саксонским Королевством.* Дания желала возвращения ей Швецией отторгнутых от нее областей, польский король Август II хотел вернуть Ливонию Польше. В марте 1699 года военные действия были начаты датчанами. Их король вторгся в Голштинию, но Карл XII нанес им молниеносный сокрушительный удар и заставил их положить оружие. После этого Карл XII с армией отплыл морем в Лифляндию против поляков и саксонцев, осаждавших Ригу. Август II не принял боя и отступил в пределы Польши. В то время русская армия в 42.000 человек осаждала Нарву. Карл отправился к Нарве и 19 ноября 1700 года разгромил русскую армию. После этого, считая, что Россия окончательно вышла из строя, Карл XII обратился на Польшу, где и завяз на долгое время. Петр воспользовался этим и приступил к созданию новой армии и флота.

Петр не имел никакого флота на Балтийском море. В 1702 году на Ладожском озере находилась шведская флотилия адмирала Нумерса. *Русские полковники Островский, Тыртов и Толбухин, посадив солдат на мелкие шлюпки, атаковали шведскую флотилию, захватили несколько судов и расстреляли остальные.* В 1702 г. Царь занял шведскую крепость Нотебург (Шлиссельбург), а в 1703 году — крепость Ниеншанц в устье реки Невы и заложил там город Санкт-Петербург. Путь к морю был открыт. *7 мая 1703 года в устье реки Невы солдатами, посаженными на гребные суда, под личным предводительством Царя, были взяты на абордаж и захвачены два шведских военных корабля.* Осенью занят остров Котлин и на нем начата постройка крепости и порта Кронштадт. В том же году Петр устроил судостроительную верфь в Олонецке на Ладожском озере, а в 1704 году заложил Адмиралтейство в С.-Петербурге и начал постройку Балтийского флота.

В течение нескольких следующих лет шведы с моря и с суши безуспешно пытались отнять русские завоевания на берегах Финского залива. Тем временем новая армия Петра одерживала одну победу за другой и подготавливала конечный успех для флота. В 1704 г. занята Нарва, в 1705 г. — Митава, а после Полтавской победы (27 июня 1709 года), когда шведская армия, лично предводительствуемая Карлом XII, была разбита, были заняты в 1710 году приморские города Эльбинг, Рига, Ревель и Выборг.

В 1713 году главная часть флота была готова. *Галерный (шхерный) флот* в составе более 200 судов выступил в Финские шхеры. Петр решил занять Финляндию, чтобы окончательно закрепиться на Финском заливе, а затем нанести решительный удар Швеции. *Корабельный (парусный) флот* также готовился к отплытию. В устье Финского залива находился шведский корабельный флот в превосходных силах.

В 1714 году русский корабельный флот в составе 18 кораблей, под личным командованием Царя, сосредоточился в Ревеле, а галерный флот, имея на борту десантный отряд в 24.000 человек, вышел на запад с целью занять Аландские острова и грозить г. Стокгольму. Галерным флотом командовал Генерал-Адмирал граф Апраксин. 29 июня галеры достигли г. Тверминэ (бухта Ляпвик) и выяснили, что главные силы шведского корабельного флота из 28 кораблей преграждают им дальнейший путь на запад на открытом с моря плесе Гангутского полуострова. Апраксин вызвал Царя на совещание. Петр увидел, что имеется возможность перетащить галеры через узкий перешеек Гангутского полуострова шириной в 2 версты и таким образом избежать встречи с превосходными силами шведского корабельного флота. Для этой цели Петр приказал рубить просеку в лесу на перешейке. Заметив это, шведы сосредоточили на укрепленной позиции по северную сторону перешейка свой галерный флот. План Петра стал неосуществимым. Пользуясь наступившим безветрием, 26 и 27 июля Петр решил направить свой галерный (гребной) флот в обход шведского корабельного флота вокруг Гангутского полуострова и затем атаковать шведский галерный флот.

План удался вполне. *Наш галерный флот под веслами обошел полуостров на глазах у заштилешего шведского корабельного флота и разбил наголову их галерный флот, причем начальник его, шведский адмирал Эренскиольд, был взят в плен (27 июля 1714 года)*. Русским галерным флотом командовал граф Ф.М. Апраксин, колонны вели Змаевич и князь Галицин, а авангардом командовал сам Царь, лично участвуя в сражении. Это была первая морская победа русского флота. Россия получила возможность перенести войну на берега Швеции.

В 1717 году Апраксин высадил десантный отряд на шведский остров Готланд. Шведы начали переговоры о мире, но затягивали их. Царь приказал начать действия на Стокгольм. Галерный флот Апраксина из 132 галер и 100 транспортов, с отрядом армии в 26.000 человек, подошел в 1719 году к берегам Швеции и высадил армию. С моря его прикрывал корабельный флот. Шведский берег от Гефлэ до Нордкюпинга был занят русскими.

24 мая 1719 года русская корабельная эскадра под командованием адмирала Наума Сенявина одержала победу над шведской эскадрой адмирала Врангеля у острова Эзеля и захватила в плен 3 их корабля. 27 июля того же года, в день пятой годовщины Гангутской победы, князь Галицин с галерным флотом разбил шведский галерный флот у Гренхама. Всюду, где русские находят шведов, они атакуют и одерживают победу за победой. Весной 1721 года Петр уже имеет на Балтийском море большой флот из 27 линейных кораблей, 12 фрегатов и 170 больших галер, не считая мелких судов. Флот этот прекрасно обучен и испытан в боях. Англия, обеспокоенная ростом русского флота, послала эскадру в Балтийское море. Но это не спасло Швецию и русский генерал Лесси с армией опустошил шведский берег у Гефлэ. Наконец, 30 августа 1721 года был заключен мир со Швецией в Ништадте. Россия получила Карелию, Ингрию, Эстляндию и Лифляндию. Этот успех достигнут благодаря победам армии и флота. *Если бы Петр не создал флота, Великая Северная война не могла бы быть столь успешно завершена*.

В 1722 году Петр начал войну с Персией. Для этого он построил на Волге флотилию в 250 судов и, посадив на нее армию, отплыл из Астрахани к устью р. Терек. Флотилией командовал граф Апраксин, а авангардом ее лично Царь. Значительных боевых столкновений не было, но Петр занял все побережье Каспийского моря и северную Персию с Баку, Дербентом, Астрабадом и Рештом. *Каспийское море сделалось русским внутренним озером*.

Великими трудами и подвигами Великого Императора Московское царство обратилось в мировую державу. Россия получила свой могучий голос в решении мировых вопросов, и опасность обращения ее в арену для эксплуатации иностранцами, грозившая ей при слабости и отсталости Московского Правительства, отпала. Могучий победный дух русского народа был пробужден Петром. Среди русских появились люди воли и дела. *Созданный Петром флот дал возможность России «ногою твердою стать при море»*.

Для создания флота, вследствие отсутствия технических знаний у русских людей, Петру пришлось принять на службу иностранцев, но затем под их руководством он подготовил русских адмиралов. Граф Апраксин, Головин, князь Трубецкой, Наум и Иван Сенявины, Змаевич, Конон Зотов, Муханов,

князь Галицин, Машуков — «сии птенцы гнезда Петрова, в пренах жребия земного, в трудах державства и войны его товарищи-сыны».

После смерти Петра Великого в 1725 году, при слабых его преемниках в эпоху переворотов, Российский флот пришел в запущение и упадок. Воля Петра отсутствовала. Средства для содержания флота не отпускались. Хотя в войнах, которые вела Россия с Пруссией и Турцией, обстоятельства требовали участия флота, но он не был пригоден для боевых операций. Корабли гнили в гаванях, и команды не обучались морскому делу.

Императрица Елизавета Петровна, старавшаяся в делах управления следовать по стопам своего Великого Отца, пыталась вывести флот из состояния летаргии, но громадные расходы на ведение Семилетней войны с Фридрихом II не дали возможности найти потребные средства для флота.

Период упадка флота продолжался до вступления на престол Императрицы Екатерины II, при которой флот был опять приведен в цветущее состояние и вплел новые победные лавры в венок славы нашего Отечества.

Екатерина тотчас по вступлении на престол занялась приведением флота в надлежащее состояние — реформой администрации, постройкой судов, обучением личного состава. Для усовершенствования в морском деле отправила за границу молодых людей, а также приняла на службу в русский флот несколько опытных моряков-иностранцев, преимущественно шотландцев. Дух Петра ожил в личном составе, и в короткое время флот пришел в отличное состояние.

В 1768 году Турция, подстрекаемая Францией, поддерживавшей польских конфедератов, объявила войну России. Турция предполагала собрать армию в 600 тысяч бойцов и вторгнуться в пределы России. Екатерина решила «поджечь Турцию с четырех сторон». Одна армия была направлена на Днепр, другая на Крым, третья за Кубань, а две эскадры из Балтийского моря посланы в Грецию для поддержки восставших христиан и блокады Турции. На эти эскадры был посажен десантный отряд для высадки в Греции. Главнокомандующим всеми силами в Средиземном море назначен генерал Алексей Григорьевич Орлов. В июле 1769 года первая эскадра адмирала Спиридова вышла из Кронштадта и после очень тяжелого морского перехода в феврале следующего года прибыла к берегам Мореи и высадила десант, который занял турецкую крепость Наварин. В марте прибыла вторая эскадра, под командованием адмирала Эльфингтона, англичанина, принятого на русскую службу. По соединении эскадр, Орлов поднял свой флаг на корабле «Три Иерарха», командиром которого и флаг-капитаном (начальником штаба) был замечательный моряк Самуил Карлович Грейг, по происхождению шотландец. Орлов с флотом отправился к Дарданеллам искать турецкий флот. 23 июня наш флот, состоявший из 9 кораблей, 3 фрегатов и 5 мелких судов, увидел турецкий флот из 16 кораблей, 6 фрегатов и 60 мелких судов. Турки стояли на якоре близ бухты Чесма. 24 июня произошло жестокое сражение, в котором турки сильно пострадали. Они обрубали свои якорные канаты и с попутным ветром ушли в бухту Чесма под прикрытием береговых батарей. Орлов отрядил три корабля и несколько брандеров под командованием Грейга, которые ночью вошли в бухту Чесма и открыли пальбу с близкого расстояния по расстроенному турецкому флоту, а также пустили на него брандеры. Весь турецкий флот был сожжен, за исключением пяти галер, которые были взяты в плен русскими. В бою турки потеряли 16 кораблей, 6 фрегатов и свыше 50 мелких судов. Наши потери состояли всего в одном корабле «Евстафий», на который еще в дневном сражении перекинулось пламя с горевшего турецкого корабля, и он сгорел.

Это была славная победа, имевшая большое влияние на ход войны. После нее, в течение трех лет, наш флот блокировал турецкие порты и занимал острова в Архипелаге.

На Черном море к началу войны флота не существовало, так как мы не владели берегами этого моря. Императрица послала на реку Дон адмирала Алексея Сенявина, который спешно построил несколько мелкосидящих парусных и гребных судов. В 1771 году русская армия при поддержке этих судов заняла крепость Керчь. В 1774 году турецкий флот, пополненный новыми судами после разгрома при Чесме, появился в составе 31 судна у Керчи. Алексей Сенявин в жестокое сражение одержал над ним победу.

Успехи наших армий и флота принудили Турцию к миру, который был заключен в Кучук-Кайнардже 10 июля 1774 года. Россия получила земли между реками Бугом и Днестром с крепостью Кинбурн и свободу мореплавания через проливы Босфор и Дарданеллы. Крым был объявлен независимым от Турции.

В 1782 году Турция подняла против России Крымского хана и послала войска ему на поддержку. Но это кончилось печально для хана; турецкие войска были разбиты и Крымский полуостров в 1783 году был присоединен к России. В бухте, названной Севастопольской, приступлено к постройке порта — главной базы Черноморского флота.

Так Россия твердо закрепила на берегах Черного моря. Генерал-губернатором Тавриды был назначен князь Потемкин, который деятельно принялся за постройку Черноморского флота, и, когда в 1787 году Екатерина посетила Крым, то на Севастопольском рейде было сосредоточено 48 боевых судов.

Поддерживаемая Англией и Пруссией, Порты летом 1787 года потребовала от России отказа протектората над Грузией, возврата Крыма и аннулирования Кучук-Кайнарджийского договора. Вслед за этим она объявила России войну. Главной целью турки ставили овладение Крымом при посредстве высадки десантной армии.

1 октября турки высадили десант на Кинбурнской косе, но он был уничтожен стремительной атакой генерала А.В. Суворова *при содействии гребной флотилии*. Русская линейная эскадра вышла в море из Севастополя, но попала в жестокий шторм, во время которого несколько судов погибло, а остальные были сильно повреждены и исправления их заняли много времени. Турки могли свободно распоряжаться на море.

В мае 1788 года турецкая эскадра в составе 10 кораблей, 6 фрегатов и 47 галер появилась перед Днепровским лиманом, а в начале июня пыталась форсировать вход в лиман, но, будучи атакована русской гребной флотилией, при содействии береговых батарей, должна была отступить с потерей 7 кораблей и 4 фрегатов.

В июне русская линейная эскадра в составе 7 кораблей и 10 фрегатов под командованием контр-адмирала Войновича вышла в море из Севастополя. Авангардом ее командовал командор Ф.Ф. Ушаков. У острова Федониси (3 июля 1788 г.) она встретила турецкую эскадру из 17 кораблей и 8 фрегатов. Турки, пользуясь своим численным превосходством, пытались окружить русскую эскадру, но Ушаков с фрегатами атаковал головные суда турецкого флота и привел их в замешательство. После этого турки пали духом и ушли в Босфор.

В декабре крепости Очаков и Хаджибей были заняты русскими войсками. На месте последней затем вырос город Одесса. После сражения у Федониси Ушаков был назначен Командующим флотом. Весной 1790 года Турция решила произвести крупную десантную операцию в Крыму. Ушаков с 5 кораблями, 10 фрегатами близ Керченского пролива 8 июля 1790 года встретил турецкую эскадру из 10 кораблей и 8 фрегатов. Он стремительно атаковал турок, привел их в полное расстройство и заставил уйти в Босфор.

28 августа Ушаков со своей маленькой эскадрой встретил у Хаджибея турецкую эскадру из 14 кораблей и 8 фрегатов. Произошло сражение, во время которого Ушаков искусным тактическим маневром нанес жестокое поражение туркам, которые потеряли 7 кораблей, а остатки их флота ушли в Босфор. *Планы турок были расстроены, и десантная армия не могла быть высажена в Крыму.*

В 1791 году турки решили сделать решительное усилие на море. Они собрали флот из 17 кораблей и 18 фрегатов и выслали его в море против русского флота. Ушаков с 6 кораблями и 12 фрегатами атаковал турок у мыса Калиакрия и разбил их флот (31 июля 1791 г.).

В результате блестящих побед наших армий и флота Турция была принуждена к миру, заключенному в Яссах, по которому она потеряла условия Кучук-Кайнарджийского договора и навсегда оказалась от Крыма.

Так Великая Екатерина решила старинную задачу России — выход ее на Черное море.

Через год после начала Русско-Турецкой войны Англия, обеспокоенная ростом русского морского могущества, предложила шведскому королю Густаву III значительную денежную субсидию, с тем чтобы, воспользовавшись отвлечением силы России на юг, он нанес ей решительный удар на севере. Густав III предъявил России следующие ультимативные требования: отдать Крым Турции, вернуть Швеции финляндские провинции, завоеванные Петром Великим и Елизаветой, и уплатить Швеции контрибуцию. Екатерина отвергла эти требования.

Военный план Густава состоял в следующем: разбить русский корабельный флот в Финском заливе, высадить десантную армию в 30.000 человек в Ораниенбауме и занять С.-Петербург, в котором почти не было войск.

Положение России было почти критическим. В Кронштадте было только 12 кораблей, бывших в готовности. Эти корабли предназначались для отправки в Средиземное море против турок. Кроме того, было около 30 кораблей устаревших и разоруженных. Главный недостаток был в офицерах и матросах, большая часть которых была отправлена на юг для войны с Турцией.

Командующим русским флотом был назначен адмирал С. К. Грейг — победитель при Чесме. Он развил большую энергию по подготовке флота и высоко поднял дух офицеров и команд. Недостаток матросов был пополнен рекрутами, никогда не бывшими в море. В то же время были приняты меры для вооружения галерного флота. В начале июля Грейг с корабельным флотом вышел из Кронштадта в море. Все время он посвящал обучению команд. 5 июля западнее острова Гогланд Грейг встретил шведский флот в составе 16 кораблей и 7 фрегатов и атаковал его. В прошедшем упорном сражении шведы понесли большие потери. Один их корабль с адмиралом Вахтмейстером был взят нами в плен. Разбитый шведский флот отступил в крепость Свеаборг, где был заблокирован русским флотом. Грейг составил план высадки десанта в Свеаборг для захвата шведского флота. Но вскоре Грейг заболел и скончался. Его преемник адмирал Чичагов не имел военных талантов Грейга. Он снял блокаду Свеаборга и дал возможность шведскому флоту уйти на зимовку в Швецию.

В следующем, 1789 году война велась очень вяло. 15 июля произошло нерешительное сражение между русским и шведским флотами у острова Эланд, после которого шведы ушли в свои порты и

владение морем осталось за русскими. 13 августа русский галерный флот под командованием принца Нассау-Зигена разбил на Роченсальмском рейде шведский галерный флот, которым командовал адмирал Эренсвальд.

На следующий год Густав III решил собрать все силы Швеции и нанести полное поражение России. Он собрал эскадру в 40 судов и гребную флотилию в 350 судов и ранней весной выступил в поход.

Часть русского флота зимовала в Ревеле, под непосредственным командованием адмирала Чичагова. Она состояла из 10 кораблей и 5 фрегатов. Главная шведская эскадра в составе 22 кораблей и 10 фрегатов весной появилась у Ревеля. Чичагов поставил свою эскадру на якоря в оборонительное положение на Ревельском рейде. 2-го мая шведы атаковали русскую эскадру, но были отбиты со значительным уроном, один из их кораблей был взят в плен. Потери русских были ничтожны. Шведы ушли на восток по направлению к Кронштадту и в море исправили свои повреждения. В Кронштадте вооружилась эскадра адмирала А. И. Круза из 17 кораблей и 4 фрегатов. Она вышла навстречу шведам и была ими атакована 23 мая 1790 года на меридиане Стирсудена. Шведский флот состоял из 22 кораблей и 10 фрегатов. Сражение продолжалось три дня. Шведский флот пришел в расстройство и отступил в Выборгскую бухту, где был заблокирован Крузом и подошедшим из Ревеля Чичаговым, который вступил в общее командование русским флотом.

29 июня, воспользовавшись восточным ветром, шведский флот ночью прорвал блокаду Выборгской бухты и ушел в Свеаборг. При прорыве шведы потеряли 7 кораблей. В Свеаборге они были опять заблокированы.

Победы России на севере и на юге вызвали замешательство Англии и Пруссии, которые начали готовиться к войне. Екатерина была тверда в своих намерениях и дала должный отпор притязаниям этих держав.

3 августа 1790 года был заключен мир со Швецией на основе сохранения положения, бывшего до войны.

В славную эпоху Екатерины Великой русский флот одерживал победу за победой над более сильным противником. Императрица понимала значение флота для России и умела выбирать себе сильных волей и духом помощников. Граф Алексей Орлов-Чесменский, Грейг, Ушаков, Круз, Козлянинов — имена моряков — «Екатерининских орлов». Их трудами и подвигами Россия вышла на Черное море и укрепила свое положение на Балтийском море.

В конце своего царствования Екатерина II собиралась примкнуть к коалиции держав, действовавших против Франции. Были начаты приготовления, и эскадра адмирала Макарова была отправлена в Англию для совместных действий с английским флотом. Хотя военные действия не произошли, но на эту эскадру выпала иная роль. Под влиянием французских революционных идей на некоторых судах английского флота произошли бунты. Блестящая дисциплина на русской эскадре служила примером для английских моряков, и английское правительство просило оставить эскадру Макарова в Англии на возможно долгий срок. Она пробыла там два года.

Павел I, вступивший на престол в 1796 году, с юного возраста интересовался флотом и на престоле сохранил за собой звание Генерал-Адмирала. Он ввел много полезных улучшений во флоте, усовершенствовал администрацию, улучшил материальную часть и систему обучения. Хотя Павел первоначально отказался от участия в коалиции против Франции, но события вовлекли его в нее и он отправил армию Суворова в Италию, а Черноморскую эскадру под командованием Ушакова в Средиземном море. Эта эскадра была усилена несколькими турецкими кораблями, приданными к ней по соглашению с Турцией. В Адриатическом море Ушаков изгнал французские гарнизоны с Ионических островов и содействовал образованию там независимой республики. После этого он отправился к берегам Италии и *высадил десант под командованием капитан-лейтенанта Белли*, который прошел вглубь страны и освободил южную Италию от власти французов. Ушаков получил повеление Павла I отнять от французов остров Мальту. Как известно, Павел I был гроссмейстером Мальтийского рыцарского ордена. Флот Англии, бывший в союзе с нами, воспрепятствовал этому. Недовольный действиями Англии и Австрии, не содействовавшей Суворову, Павел I вышел из состава коалиции и отозвал эскадру Ушакова в Черное море.

В 1801 году на престол вступил Александр I. Республика семи островов (Адриатическая) продолжала существовать. Вследствие давления на нее со стороны Франции, Александр I послал эскадру командора Алексея Грейга (сына Екатерининского героя) в Средиземное море. Весной 1804 года произошел разрыв с Францией. Эскадра адмирала Дмитрия Сенявина из пяти кораблей была послана из Балтийского моря в Средиземное для защиты республики семи островов. Сенявин был назначен Главнокомандующим русских сил в Средиземном море, в состав его сил включена эскадра Грейга и отряд войск в 12.000 человек генерала Ласси. Сенявин высадил войска на Далматинском побережье, разбил отряд маршала Мармона (20.000 чел.) и изгнал французов из Далмации. Тем временем Турция вошла в союз с Францией. Сенявин получил повеление занять острова Греческого архипелага. Он отправился к острову Тенедос, где встретил английскую эскадру адмирала Дукворта, которая перед тем форсировала Дарданеллы и на обратном пути сильно пострадала. Сенявин предло-

жил Дукворту совместными силами вторично атаковать укрепления Дарданелл, но Дукворт отказался и ушел на Мальту, занятую Англией, для исправления повреждений. Сенявин установил тесную блокаду Дарданелл, чем прекратил подвоз припасов к Константинополю и занял остров Тенедос, как базу для своих сил. Турецкий флот сделал попытку выйти в море из Дарданелл. 10 мая 1807 года произошло сражение при самом выходе из Дарданелл, причем турецкому флоту содействовали береговые укрепления. Эскадра Сенявина потопила два турецких корабля, и турки отступили обратно в пролив. Сенявин стремился вызвать их опять в море и произвел ряд демонстративных действий, симулируя разделение своих сил. Демонстрация удалась, и турецкий флот вышел в море в составе 20 кораблей и фрегатов, тогда как у Сенявина было всего 10 судов. Тем не менее он стремительно атаковал турецкий флот и нанес ему жестокое поражение у Афонской горы (19 июня 1807 года). Турки потеряли 3 корабля, 5 фрегатов и 3 шлюпа. Остатки их сил ушли в Дарданеллы. В этом сражении Сенявин показал себя искусным адмиралом. Его тактические действия являются примером в истории морских войн.

Одновременно Черноморская эскадра адмирала Пустошкина господствовала на Черном море и заняла турецкую крепость Анапа. Никакие турецкие суда не показывались в Черном море. В августе 1807 года, после поражения при Аустерлице, Александр I сблизился с Наполеоном и повелел Сенявину эвакуироваться на турецкие острова и вернуться в Балтийское море. Положение его сделалось критическим, так как произошел разрыв России с Англией, и на пути эскадры Сенявина находился весь английский флот. Пройдя Гибралтар, Сенявин попал в жестокий шторм, продолжавшийся три недели, все его корабли были сильно повреждены и ему пришлось идти в Лиссабон для исправлений. Вскоре английская армия заняла Лиссабон, а их флот заблокировал его с моря. Сенявину осталось или выйти в море и вступить в безнадежный бой с превосходными силами, или сжечь свои корабли, но он принял третье решение. Предвидя, что союз с Наполеоном будет не продолжительным и корабли понадобятся России, Сенявин заключил соглашение с английским адмиралом Котоном, по которому русская эскадра должна последовать под русским флагом в Портсмут, офицеры и матросы должны быть перевезены в Россию за английский счет, а корабли сохранены Англией до окончания войны в том виде, как они им переданы. Англичане в точности исполнили это соглашение.

В последующих войнах царствования Александра I флот принимал малое участие. Александр, в противоположность Петру и Екатерине, не понимал значения флота и не отпускал средств на его содержание. Из 41 корабля, положенного по штату в Балтийском море, имелось в наличии только 20, из которых 11 находилось в постройке в Архангельске. Поэтому в бескровной войне с Англией 1807–1812 гг. и в жестокой войне со Швецией 1808–1809 гг. флот почти не принимал участия. Завоевание Финляндии произведено славными действиями армии, которая совершила труднейший переход по льду через Ботнический залив; предприятие почти фантастическое, но увенчавшееся успехом. Если бы Александр I понимал значение флота, то, подобно Петру, он смог бы перевести армию в Швецию по морю и достичь результатов с меньшей затратой энергии. Финляндия была присоединена к России и задача, начатая Петром, — укрепления на побережье Балтийского моря — была завершена. Положение столицы С.-Петербурга стало обеспеченным.

В Отечественную войну мелкие суда флота успешно содействовали обороне города Риги, а затем эскадры адмирала Макарова и Тэта, совместно с английским флотом, блокировали порты Франции.

Император Николай I, вступивший на престол в 1825 году, обратил внимание на состояние флота и поднял его на надлежащую высоту. Были построены новые корабли, и эскадры посылались в море для практического плавания.

В 1827 году для защиты населения Греции от турецких зверств была образована коалиция России, Англии и Франции. Каждая из этих держав послала к берегам Греции эскадру из 3 кораблей и 3 фрегатов. Турецкий флот, состоявший из 7 кораблей, 17 фрегатов, 26 корветов и мелких судов, стоял на якоре в бухте Наварин. Русской эскадрой командовал контр-адмирал граф Л.П. Гейден, державший флаг на корабле «Азов». Английский адмирал Кодрингтон, старший в чине, вступил в общее командование соединенным союзным флотом. 8 октября 1827 года союзный флот вошел в Наваринскую бухту и встал на якорь на кратчайших дистанциях от турецких судов. На каждое из союзнических судов приходилось по два турецких. Произошел жесточайший бой, в результате которого турецкий флот был уничтожен. Турки потеряли 21 судно. Ни одно союзное судно не погибло. Русские потери состояли из 200 человек.

Война России с Турцией продолжалась. Эскадра адмирала графа Гейдена была усилена 4 кораблями и 3 фрегатами и блокировала Дарданеллы. В Черном море русский флот под командованием контр-адмирала Алексея Грейга бомбардировал берега Турции и занял крепости Анапу и Варну. Турецкий флот не выходил в Черное море на значительное расстояние от Босфора. Русская флотилия на р. Дунай оказывала содействие армии. Война кончилась Адрианопольским миром, согласно которому Греция была освобождена, Молдавия и Валахия получили автономное управление, Сербия получила приращение территории. Торговые суда всех национальностей получили право свободного прохода через турецкие проливы.

В 1833 году египетский паша Мохамед-Али, поддержанный Францией, объявил войну Турции. Султан обратился за помощью к России. Император Николай I послал в Босфор эскадру М.П. Лазарева из 46 судов с десантным корпусом в 12.000 человек. После этого египетский паша заключил мир с Турцией. В результате Россия заключила очень выгодный договор с Турцией, по которому последняя обязалась закрывать проливы по требованию России и не допускать проход военных судов других наций в Черное море. Русский же флот получил право свободного прохода через проливы. Этот договор назван Ункяр-Искелесийским (26 апреля 1833 года).

В 1849 году капитан 1 ранга Невельской, командир шхуны «Байкал», пришел в устье реки Амура, бывшее до того времени неисследованным, и поднял там русский флаг. Это послужило поводом для присоединения Амурской области. Таким образом Россия вышла на Тихий океан.

Черноморский парусный флот, под командованием адмирала Михаила Петровича Лазарева, героя Наваринского сражения, развивался и совершенствовался. Лазарев создал школу моряков, таких как Нахимов, Корнилов, Истомин и др. Вследствие слабого развития техники, Россия запоздала в постройке паровых судов и в то время, как флоты западно-европейских государств имели в своем составе большое число паровых судов, в русском флоте их имелось только небольшое число экспериментальных типов. Поэтому морские силы России в то время были значительно слабее флотов Англии и Франции. Англия всегда стояла на пути нашего морского развития. Опасаясь роста русского флота, ввиду его отличной организации и опытного личного состава, и видя, что, вследствие недостаточного развития технических средств, Россия не может быстро завести паровые суда, Англия решила, что настал благоприятный момент для нанесения решительного удара России на юге. Для этой цели она, с одной стороны, поддерживала политику авантюры французского Императора Наполеона III, подстрекая его на легкодостижимые лавры на Ближнем Востоке, с другой стороны, английский посол Редклиф подстрекал Турцию к неисполнению принятых ею обязательств перед Россией. Конфликт возгорался из-за сравнительного второстепенного вопроса: вследствие отказа Турции от прав России защиты православных христиан в Иерусалиме. Эти права были предоставлены России Кучук-Кайнарджинским и Адрианопольским договорами.

Для настояния на своих правах Россия временно заняла войсками Молдавию и Валахию. Турция заявила, что не считает этот акт нарушением мира и согласилась уладить вопрос о православных христианах в Иерусалиме мирным путем. Англия сделала секретное заявление Турции, что не допустит нападения русского флота на турецкий, и эскадры Англии и Франции прибыли в Константинополь в нарушение условий Кучук-Кайнарджийского договора. 14 сентября 1853 года Турция объявила войну России и заняла русские пограничные посты на Кавказе. Русский флот вышел в море. У Босфора произошло несколько удачных для нас боев между русскими и турецкими паровыми судами.

Турецкая эскадра в составе 7 фрегатов и 2 пароходов заняла позицию на якоре в бухте Синоп под прикрытием береговых батарей. Позиция считалась очень сильной, способной оказать сопротивление превосходным силам. Адмирал Павел Степанович Нахимов с эскадрой из 6 кораблей и 2 фрегатов появился перед Синопом и 18 ноября 1853 года вступил в бой с турецкой эскадрой. В результате все турецкие суда были уничтожены и береговые батареи разрушены. Из состава турецкой эскадры только 2 парохода смогли уйти в Босфор. Победа при Синопе, казалось бы, могла привести к окончанию войны и подтверждению прав России. Но Англия и Франция выступили в поддержку Турции, и в декабре 1853 года их флоты вошли в Черное море. Россия имела на Черном море 12 парусных линейных кораблей и несколько мелких пароходов. В состав англо-французского флота входили новейшие пароходы, сражаться с которыми было не под силу парусным судам. Положение русского флота было крайне тяжелым. Адмиралы Корнилов и Нахимов настаивали перед высшим командованием на вступлении в бой с превосходными силами противника. Главное командование воспротивилось этому и дало приказание о затоплении русских кораблей поперек входа в Севастопольскую бухту для ограждения входа в нее. Корабли были затоплены, а личный состав переведен на береговые укрепления крепости Севастополь. *Черноморский флот перестал существовать.* 5 октября 1854 года началась героическая защита Севастополя, длившаяся одиннадцать месяцев. 9750 моряков вошли в состав гарнизона крепости. При защите крепости пали геройской смертью адмиралы Корнилов, Нахимов, Истомин — все трое выдающиеся моряки. Война окончилась Парижским миром, по которому Россия обязалась не иметь флота на Черном море. Цель Англии была достигнута. Это была тяжелая уплата за нашу техническую отсталость.

Еще до окончания войны скончался Император Николай I, и на престол вступил Император Александр II. Началась эпоха великих реформ в нашем отечестве. Главным Начальником флота и Морского Ведомства был назначен один из просвещеннейших людей своего времени — Генерал-Адмирал Великий Князь Константин Николаевич. С большой энергией он принялся за создание нового парового флота. По морской программе было приступлено к постройке 10 броненосных кораблей, 17 паровых фрегатов и 25 канонерских лодок. Ближайшими сотрудниками Великого Князя были выдающиеся адмиралы Попов, Лихачев и Бутаков, создавшие школу отличных моряков. Корабли пе-

риодически посылались в кругосветное плавание для подготовки личного состава. Морское Ведомство сделалось образцовым среди других Ведомств Империи.

В 1863 году поляки восстали против России. Англия и Франция заняли угрожающее положение против нас, поддерживая поляков. В это же время происходила в Северной Америке междоусобная война Северян и южных Штатов из-за освобождения негров от рабства. Англия поддерживала рабовладельческие Южные Штаты — в ее интересах было ослабление Северных Штатов, обладавших большим торговым флотом. Россия секретно подготовила две *крейсерских эскадры*, которые одновременно (в конце октября) появились: одна в Нью-Йорке, другая в Сан-Франциско. Они угрожали Англии крейсерской войной против ее морской торговли, если она не прекратит поддержку восставших против России поляков, а также южно-американских рабовладельческих Штатов. Англия изменила свою позицию, и Россия одержала бескровную победу, благодаря весу ее морской силы.

В 1871 году, пользуясь международными затруднениями во время Франко-Прусской войны, Александр II отказался от унизительных для России частей Парижского трактата 1856 года, воспрещавших ей иметь флот на Черном море.

В 1877 году началась Русско-Турецкая война. Россия выступила на поддержку южных славян в их борьбе за независимость. На Черном море Россия почти не имела морской вооруженной силы. Там были только две круглых «Поповки» — плавучих батарей, не пригодных для операций в море, и несколько мелких судов, не имеющих боевого значения. Турция же обладала современным броненосным флотом. Поэтому вместо нанесения прямого удара на Босфор, наша армия должна была наступать кружным путем через Балканы. В составе Балтийского флота Россия имела броненосные суда и могла бы направить их в Средиземное море для блокады Турции и действий против Дарданелльских укреплений, но вследствие угрожающего положения, занятого Англией, от этого пришлось отказаться.

Коммуникационные пути русской армии пересекались рекой Дунай. На этой реке турки имели 8 броненосных мониторов, а на Черном море 9 броненосных кораблей. Русские моряки импровизировали на реке Дунай боевую флотилию, вооружив ударными шестовыми минами несколько паровых шлюпок и приспособив другие плавучие средства для постановки мин заграждения. Лихими действиями наши шлюпки взорвали два турецких монитора и заблокировали минами все их другие суда. Турецкая флотилия была деморализована и, не проявив никакой активности, не оказала влияния на ход войны; коммуникации нашей армии, перешедшей за Дунай, были обеспечены.

Действия турецкого флота на море не были более успешны. *Россия вооружила 14 торговых судов и с ними вела борьбу против турецкого броненосного флота.* Наши суда совершали лихие набеги к берегам Турции и оказывали поддержку Кавказской армии. Пароход «Великий Князь Константин» был снабжен четырьмя паровыми катерами, вооруженными только что появившимися самодвижущимися минами Уайтхеда. Пароходом командовал лейтенант С.О. Макаров, будущий герой Русско-Японской войны. Макаров производил смелые атаки на турецкий флот, он взорвал минами два турецких броненосца, парализовал всякое проявление активности у турок, и действия их флота не дали им никаких положительных результатов. Когда победоносная русская армия подошла к Константинополю с целью занять его и этим завершить войну, то Англия образовала коалицию держав с Германией и Австрией, чтобы воспротивиться этому. Английский флот вошел в Мраморное море. Был заключен мир, по которому Россия получила Бессарабию и Батумскую область.

Во время царствования Александра III мир не нарушался. Государь обращал большое внимание на развитие морской силы. При нем был создан сильный броненосный флот на Балтийском и Черном морях. Черноморский флот специально развивался с целью решить вопрос о южных проливах при наступлении благоприятных обстоятельств, в интересах свободы нашей морской торговли. Александр III вел последовательную и твердую внешнюю политику. При нем русский флот, построенный преимущественно на отечественных заводах, достиг по размерам третьего положения в мире, после Англии и Франции. Мировой престиж России стоял на большой высоте.

Александр III скончался в 1894 году, и на престол вступил Николай II. К этому времени кристаллизовались два новых фактора в мировой политике. Во-первых, усиление Германии, выступление ее на мировую арену и стремление на Балканы и Турцию. Во-вторых, пробуждение Японии и постройка ею флота. Перед Россией встал выбор между двумя направлениями ее внешней политики. Продолжение напряжения и сосредоточения сил для решения традиционного южного вопроса или сосредоточение на Дальнем Востоке для выхода там к незамерзающему морю. Второму вопросу было дано предпочтение. Усилия России были отвлечены от Европейских вопросов, но на Дальнем Востоке мы не сосредоточили достаточных сил. Нас толкала на Дальний Восток Германия с целью отвлечения наших сил, и она достигла своей цели. *Разбросанность наших сил привела к катастрофе.*

В 1896 году Япония объявила войну Китаю, из которой она вышла победительницей. Нанеся поражение китайскому флоту и армии, Япония по Симонсекскому договору получила от Китая Формозу, Пекадорские острова и Ляодунский полуостров, а также преимущественное влияние в Корее. Россия, Франция и Германия решили не допустить обоснования Японии на материке, и их соединенные эскадры приняли угрожающее по отношению к Японии положение. Япония уступила. Вскоре после этого

Россия получила от Китая в долговременную аренду Ляодунский полуостров и право проведения железной дороги через Маньчжурию. Германия получила от Китая Циндао, а Англия Вей-ха-вей.

Япония, лишенная плодов своих побед над Китаем, начала усиленно готовиться к войне с Россией. В 1895 она составила программу развития флота, которая не была тайной. Россия также составила программу судостроения, по которой в десятилетний срок наш флот на Дальнем Востоке должен был быть вдвое сильнее японского. Русские владения на Дальнем Востоке отделялись от Японии морем, поэтому возможная война должна была решаться на море. Если бы Россия имела превосходные силы на море, она могла бы избежать войны и сохранить свои владения. К сожалению, *дух рутины и отсутствие предвидения* воцарился в управлении Российским Государством вообще и Российским флотом в частности. Победный дух Петра и Екатерины был утрачен. Важнейшие решения принимались на бумаге, не проводились в жизнь. Так случилось и с программой судостроения. Хотя деньги на нее и были отпущены, но постройка кораблей и оборудование баз флота на Дальнем Востоке опаздывали на два года против готовности японского флота. Стратегическое положение требовало развития Порт-Артура, как главной базы флота, между тем мы не построили там даже дока для ремонта поврежденных кораблей и не углубили вход в гавань с моря, так что большие корабли могли входить с моря в гавань только во время прилива. В то же время мы строили поблизости Порт-Артура торговую гавань Дальний, которая не входила в район крепости и во время войны служила базой японской армии, осаждавшей Порт-Артур.

В составе Морского Министерства не было органа, составляющего планы развития морской силы, не было службы штаба, не было управления государством. Не было дубины Петра Великого, не было государственного духа Петра и Екатерины.

В 1901 году Япония пыталась разрешить спорные с нами вопросы путем мирного соглашения. В Россию был послан маркиз Ито с соответствующим поручением, но *мы почивали на лаврах нашей былой военной славы* и отвергнули мысль о переговорах. Тогда на сцену выступила наша вечная соперница в мировой политике и на морях — Англия. Она заключила союз с Японией, по которому обязалась оказать ей вооруженную поддержку в случае, если две державы будут вести с ней войну. Целью союза было исключить возможность помощи России со стороны ее союзницы Франции и оказать поддержку Японии. Было ясно, что союз направлен против России и также было ясно, что война неизбежна, если Россия не пойдет на уступки требованиям Японии, которые в сущности были довольно ограниченными. Япония требовала, чтобы Корея была оставлена с сфере ее исключительно влияния. Казалось бы, Россия должна была спешить с постройкой флота и оборудованием Порт-Артура. Но ничего не было сделано. Наконец, летом 1903 года Япония предложила начать в С.-Петербурге переговоры о мирном разрешении спорных вопросов. Россия согласилась на это, но затягивала переговоры и не давала определенных ответов на японские предложения. *Наше правительство, видимо, не сознавало нашей слабости на Дальнем Востоке.*

24 января 1904 года Япония разорвала дипломатические сношения с Россией и отозвала своего посланника из С.-Петербурга. Было ясно, что за этим последует начало военных действий. Непонятно, как русское правительство не учло этого и дало распоряжение Наместнику на Дальнем Востоке не принимать никаких мер предосторожности, которые могли бы дать Японии основание считать, что мы собираемся воевать.

Наша эскадра стояла на якорях на внешнем рейде Порт-Артура. Начальнику эскадры было запрещено не только ввести корабли во внутреннюю гавань, но даже привязать сети для защиты кораблей от мин, чтобы не показать Японии, что мы собираемся воевать.

27 января 1904 года три флотилии японских миноносцев ночью атаковали нашу эскадру и подорвали два лучших броненосца и один крейсер. На следующее утро произошло морское сражение около Порт-Артура между японским флотом и русской эскадрой, кончившееся нерешительно. В этом бою обе стороны не понесли существенных потерь, — и японский флот ушел. Морские силы Японии не много превосходили силы России, но подготовка баз флота Японии была гораздо лучше. Вследствие отсутствия доков в Порт-Артуре пришлось импровизировать способы починки судов, взорванных минами, без ввода их в док. Было приступлено к постройке кессонов, но починка кораблей этим способом могла производиться очень медленно.

Русская эскадра была сильно ослаблена, и Япония могла блокировать Порт-Артур с моря и начать перевозку армии в Маньчжурию.

Во главе русской эскадры не было вождя, способного поддерживать дух активности в личном составе, хотя следует сказать, что состав офицеров был отличный, работающий, образованный, храбрый и патриотически-настроенный. Вскоре после начала войны Командующим флотом в Тихом океане был назначен вице-адмирал С.О. Макаров, находившийся в начале войны в Кронштадте. Это был выдающийся морской офицер, обладавший всеми качествами вождя, — храбрый, самоотверженный, образованный, активный, умевший влиять на подчиненных и воодушевлять их. По прибытии адмирала Макарова в Порт-Артур личный состав флота воспрянул духом, работа закипела. Макаров стал выходить с флотом в море, несмотря на присутствие японского флота в превосходных силах. Адми-

рал ждал готовности чинившихся броненосцев «Цесаревич» и «Ретвизан», чтобы дать решительное сражение японскому флоту.

Несчастье преследовало русский флот. 31 марта флагманский корабль «Петропавловск», с адмиралом Макаровым и всем его штабом, наскочил на японскую мину заграждения на внешнем рейде Порт-Артура. На корабле произошел взрыв боевых погребов, и он погиб почти со всем личным составом. Не стало великого вождя — адмирала Макарова. На его место вступил во временное командование флотом контр-адмирал Витгефт — человек высоких качеств души, лично храбрый, но не обладавший свойствами вождя. Эскадра была введена в гавань и оттуда не выходила до готовности исправлявшихся кораблей.

В апреле японцы начали высаживать войска на самом Ляодунском полуострове с целью обложения и осады крепости. С русского флота стали снимать орудия для усиления обороны крепости с сухого пути. 1-го мая счастье улыбнулось русскому флоту. Минный заградитель «Амур» поставил мины в море на путях обычного движения японского флота, блокирующего Порт-Артур. На следующий день на этих минах взорвались и погибли два японских броненосца.

Наконец, в начале июня поврежденные русские корабли были исправлены. Положение эскадры в гавани становилось тяжелым. Кольцо обложения крепости с сухого пути сжималось. *Порт-Артур не мог больше служить базой для флота.* Высшее Командование решило попытаться перевести эскадру во Владивосток, не осажённый японцами. Для этого эскадре надо было пройти через Корейский пролив мимо главных баз японского флота, что, конечно, нельзя было сделать без генерального сражения с японским флотом. Адмирал Витгефт противился этому, считая этот переход невозможным. 10 июня, вследствие приказа Главного командующего, эскадра вышла из Порт-Артура в море, но встретив сосредоточенные силы японского флота, адмирал Витгефт вернулся в гавань. Наконец, в конце июля последовало Высочайшее повеление эскадре выйти в море и следовать во Владивосток, избегая боя. 28 июля эскадра вышла. Встретившись в море с японским флотом, она вступила с ним в бой, продолжавшийся в течение нескольких часов без решительного перевеса в ту или иную сторону. Японцы расстреляли большую часть своего боевого запаса, и бой окончился без существенного результата, но в последний момент японский снаряд крупного калибра попал в командный мостик русского флагманского корабля «Цесаревич». Адмирал Витгефт был убит, все чины его штаба или убиты, или тяжело ранены. Другой снаряд попал в рулевое отделение корабля и лишил его способности управляться. В строю эскадры произошло замешательство. Вступивший в командование эскадрой контр-адмирал князь Ухтомский повел эскадру обратно в Порт-Артур. Несколько крейсеров решили пробиться во Владивосток, но вследствие нехватки угля должны были разоружиться в нейтральных портах. Та же участь постигла и броненосец «Цесаревич», который вследствие повреждений не мог следовать за эскадрой. После возвращения в Порт-Артур началась агония эскадры. Большая часть личного состава и орудий были свезены на берег для усиления обороны крепости. Мелкие суда продолжали выходить в море для обстрела японских сухопутных позиций. Кольцо обложения крепости все суживалось и в декабре суда эскадры были расстреляны в гавани японскими осадными орудиями с сухого пути. Вскоре Порт-Артур пал, и эскадра перестала существовать. *Во время осады личный состав флота, сражавший на сухом пути, выказал высокие качества духа и храбрости.*

По получении известия о выходе эскадры из Порт-Артура 28 июля находившиеся во Владивостоке три русских броненосных крейсера «Громобой», «Россия» и «Рюрик», под командованием контр-адмирала Эссена были посланы в море навстречу эскадре. Не зная о состоявшемся возвращении эскадры в Порт-Артур, они в Корейском проливе встретились с четырьмя более сильными японскими броненосными крейсерами и вступили с ними в жестокий бой, во время которого броненосный крейсер «Рюрик» был потоплен, а «Громобой» и «Россия», получив очень сильные повреждения, вернулись во Владивосток.

С самого начала войны в С.-Петербурге было принято решение послать на подкрепление Тихоокеанской эскадре все пригодные для войны суда Балтийского флота. Посылка этих подкреплений имела смысл до тех пор, пока эскадра Тихого океана еще сохраняла свою боеспособность. В Балтийском море были готовы два новых броненосца и заканчивались постройкой четыре других. Своевременное прибытие хотя бы двух кораблей на театр военных действий могло склонить чашу весов на нашу сторону. Но было принято решение ожидать готовности всех кораблей. К началу октября все корабли были готовы и посланы на Дальний Восток под командованием вице-адмирала З.П. Рожественского. В это время эскадра в Порт-Артуре как боевая сила уже перестала существовать, и было ясно, что 2-й эскадре адмирала Рожественского придется иметь дело со всем японским флотом. 2-я эскадра по материальной силе значительно уступала японскому флоту. Большая часть кораблей была вновь построена, и требовалось долгое время для их организации. Команды были набраны из запаса по мобилизации и не были достаточно обучены. Между тем, японский флот был закален в боях, японские корабли долго плавали в боевых условиях. *2-я эскадра шла на верную гибель.* Это обстоятельство не сознавалось высшим командованием. Адмирал Рожественский совершил беспрецедентный в истории переход на Дальний Восток, не имея ни одной базы в пути, грузя уголь с пароходов

в открытом море. Трудности плавания были чрезвычайными и отнимали все время личного состава. Времени на боевое обучение не оставалось.

Я не имею возможности в этой статье останавливаться на описании Цусимского боя, в котором погибла 14 мая 1905 почти вся эскадра адмирала Рожественского. *В этом сражении личный состав русского флота проявил величайшую доблесть и способность жертвовать собой для Отечества.*

Русская армия в Маньчжурии терпела поражение за поражением. Флот погиб, и России пришлось заключить мир с Японией, по которому Россия отказалась от всяких претензий на влияние в Корее и Южной Маньчжурии.

В эту войну среди русских генералов и адмиралов оказалось очень мало людей воли и духа, способных на большие дела, которых требовала обстановка войны. Адмирал Макаров и генерал Кондратенко были единственными исключениями среди высших чинов. Система прохождения службы во флоте и в армии не содействовала выдвижению на ответственные должности людей, обладавших способностями водительства.

После войны в составе флота осталось только несколько кораблей, которые уже являлись устаревшими по типам, и на них можно было смотреть только как на учебные суда. Хотя большая часть офицеров флота погибла в боях, но дух оставшихся живыми не был сломлен. Среди молодых офицеров кипело горячее желание работать на воссоздание флота, необходимого России для сохранения ее владений на берегах морей и для решения могущих быть выдвинутыми задач мировой политики. Была предпринята работа по реорганизации всех частей морского управления. Император Николай II, понимавший необходимость флота, оказывал покровительство работе офицеров. *В 1906 году был учрежден Морской Генеральный Штаб для внесения планомерности в работу по воссозданию флота и его подготовке к войне.*

Первые годы после войны работа младшего офицерского состава по воссозданию флота наткалась на противодействие со стороны русского общества, вызванного недоверием к морской администрации, а также на рутинное отношение в среде высшего состава. Но, начиная с 1909–1910 годов, когда адмирал И.К. Григорович был назначен сперва помощником Морского Министра, а затем Морским Министром, работа пошла продуктивно. Вся административная сторона управления была реорганизована, служба и обучение личного состава были поставлены на новых началах. Во главу Балтийского флота был поставлен герой Русско-японской войны адмирал Н.О. Эссен, человек большого духа, создавший школу активных моряков. Результат энергичной работы по воссозданию флота сказался в том, что во время Великой войны флот, значительно уступавший в силах флоту наших противников, не только блестяще выполнил оборонительные задачи, возложенные на него планом войны, но и совершил ряд активных наступательных действий в воды противников, нанеся им существенные потери.

На Балтийском море русский флот оборонял все наше побережье от высадки на нем неприятельской армии и дал возможность снять эту задачу с нашей армии и сосредоточить ее на нашем западном фронте. Кроме того, флот совершил ряд набегов к германским портам Данцигу и Килью и поставил большое число мин заграждения на подходах к ним. На этих минах подорвалось и погибло несколько судов германского флота.

На Черном море германо-турецкий флот был заблокирован в Босфоре, и в течение последнего года участия России в войне подводные суда противника не показывались в Черном море. Борьба с германскими подводными лодками была проведена на Черном море во время командования флотом адмирала А.В. Колчака столь успешно, что, потеряв на наших минах пять подводных лодок, противник не посылал больше подводных лодок в Черное море в течение последних восьми месяцев командования флотом адмирала Колчака. Плавание наших транспортов по Черному морю, подвозивших необходимые запасы к нашим армиям Кавказского, Юго-Западного и Румынского фронтов, совершалось безопасно и без потерь. Босфор был настолько надежно заблокирован, что турки не могли получать уголь из угольных копей, расположенных на берегу Черного моря (Зунгулдак). В Турции наступил угольный голод. Суда германо-турецкого флота не могли выходить в море из-за недостатка угля. Заводы, работавшие на военную промышленность, сократили производство. Турции пришлось ограничиться на все ее потребности небольшим количеством угля, доставлявшегося ей по железной дороге из Германии. К началу революции в России Турция была накануне капитуляции.

В 1917 г. предполагалась высадка десантной армии для занятия Босфора и Дарданелл. Черноморский флот был подготовлен к выполнению этой исторической задачи России, но начавшаяся революция остановила ее осуществление.

В этом кратком очерке я задался целью указать главные этапы деятельности флота в связи с развитием государства Российского и на благое результаты, принесенные России его боевой деятельностью. Русский флот содействовал достижению государством его естественных границ, обеспечил его независимое положение, как великой державы, и развитие его экономического благополучия. До начала XX столетия были в сущности только две державы, имеющие мировое значение — Россия и Англия. Интересы этих держав распространялись на весь мир. Россия могла надеяться на большее развитие, чем Англия, так как ее владения находились в одном куске и не были разделены океанами.

Мировое положение России требовало содержания сильного флота, без которого она не могла бы обеспечить свои интересы, которые постоянно сталкивались с интересами Англии. Последняя всегда стремилась остановить русское развитие на морях. Она действовала весьма искусно, поддерживая наших более слабых временных противников, с целью недопущения России выйти на моря. Она поддерживала Швецию, Турцию и Японию. Мы не можем и не должны винить в этом Англию, так как каждое государство имеет право развивать и защищать свои интересы. *Но мы должны всегда помнить, что без флота Россия не может обеспечить свое положение как мировая держава и свое независимое существование.* Русский народ в течение своей великой истории инстинктом понимал значение моря для государства. На путь морского развития ее вывели труды Императоров Петра Великого, Екатерины Великой, Александра II и Александра III. Император Николай II понимал значение морской силы для России и поддерживал рост и развитие флота. В первую половину его царствования его сотрудники не учитывали соотношения сил нашего флота с флотом вероятных противников. Это привело флот к гибели во время войны с Японией. После этого при выборе Царем талантливых морских помощников, во главе которых следует поставить Морского Министра И.К. Григоровича, Командующего Балтийским флотом адмирала Н.О. фон Эссена и вице-адмирала А.В. Колчака, флот создавался на прочных основах и во время Великой войны он достиг больших результатов. <...>

Морской журнал. – 1936. – № 100 (4). – С. 62–94.

РУССКАЯ ВОЕННО-МОРСКАЯ ИДЕЯ

ЗНАЧЕНИЕ МОРСКОЙ СИЛЫ

Только выйдя к морям и укрепившись на них, Россия превратилась в великую державу, а также получила мощный импульс к промышленному возрождению. Речные и морские пути сообщения содействовали накоплению богатства, существенно влияли на обеспечение безопасности и способы ведения войн. В ходе сложной эволюции естественным образом возникла идея необходимости для России военного флота и стала создаваться морская сила государства. Развитие условий и постановка соответствующих государственных задач привели к овладению морями: Белым, Балтийским, Каспийским и Черным, — созданию первоначально Азовского, затем Балтийского и Черноморского флотов. Россия получила возможность единения с целым миром и стала проводить независимую государственную политику, активно участвуя в международных отношениях.

Флот стал необходимым элементом жизни страны. Он предоставил необычайные возможности для усиления русской мощи, которые были реализованы в XVIII столетии, но плохо использовались в государственной деятельности XIX–XX веков. Если бы в это время усилия государства обращались не на бессмысленные войны за чужие интересы, не на сухопутные завоевания и удержание огромных территорий, которые в конечном итоге отпали от России, не на революции, а на последовательную реализацию Балтийской и Черноморской идей (осуществление исторических проектов Петра I и Екатерины II), то Россия давно была бы процветающим европейским государством, имеющим непосредственный выход к мировым центрам культуры. Военно-морская мощь, равномерно распределенная на северном и южном флангах европейской части страны, существенно усилила бы сухопутную армию. Появилась бы военная система, способная сорвать любые агрессивные планы и предотвратить гибель русских людей в больших войнах.

Ненормальное военно-морское развитие страны явилось следствием пренебрежения к морю и непоследовательной морской политики, в результате которой регулярный флот чаще всего не рассматривался существенным элементом российской военной силы, пребывал в запущенном состоянии и использовался без надежды на победу. За всю его 300-летнюю историю в народном сознании не укоренилась прочно мысль о значении и необходимости флота для России. Как и много лет назад, по-прежнему ведутся дискуссии по данному вопросу, а флот, как боевая сила, разлагается. При этом забывается тот факт, что если военный флот не совершенствоваться постоянно, то флота не будет, а его видимость не спасет Россию от потери сухопутных территорий и исторически закрепленных позиций на Балтийском, Черном и Каспийском морях, Северном и Тихом океанах.

Следует еще раз вспомнить о важных истинах.

Феофан Прокопович

Для чего Бог создал столь обширные водные пространства? Для питья ли? Но для этого достаточно рек и источников, и вовсе нет надобности в таком обилии вод, которые объемлют большую часть земного круга и из которых, кроме того, многие не пригодны к питью. Но, как невозможно людям иметь сухопутные сообщения от одного конца земли до другого, то Бог и проливал между селениями человеческими водное естество, могущее служить взаимному всех стран сообществу. Отсюда видим, какая и коликая нужда флота; видим также, что каждый, не любящий флота, не любит добра своего и за Божий о добре нашем промысел неблагодарен. Наше отечество своими границами прилежит к морям южным и северным. Как же столь славной и сильной монархии не иметь флота, когда у каждой деревни, стоящей при реке или озере, есть лодки? Владея флотом, Россия может возвратить себе свои поморские страны и завоевать чужие, удержать их в своей власти. Одним словом, поморию, флотом невооруженному, так же трудно иметь дело с неприятелем, как гости к нам приходят и отходят, а сами того не умеем, как в стихотворских фабулах некий Тантал стоит в воде, да жаждет. И потому и наше море не наше (1).

Е. Квашнин-Самарин

Ведь многие в России до сих пор не понимают того, что на море лежат все главные русские интересы, до сих пор считают, что флот и совсем не нужен России, считают, что и морские берега они могут отстоять государству без флота, сражаясь на этих берегах или где им скажут, но в уютной обстановке родной земли; это — непросвещенные и небогатые, далекие от морского простора труженики земли, основа Государства.

Иные русские люди, хотя и промыслили, что флот более верное средство для защиты их интересов, что при защите этих интересов сухопутной армией прольется гораздо больше народной крови, чем при защите немногочисленными морскими кораблями, но, считая подобно первым, что эти интересы может защитить и армия, и ставя на весы трату людей и трату накопленного ими труда (капитала), они склоняются к кажущемуся более выгодным в денежном смысле решению отказаться от флота, успокаивая свою совесть доводом о несвойственности русскому народу мореходства, — доводом исторически неверным, — или признанием необходимости только при-

брежного флота, который кажется им более дешевым, или, наконец, ссылкой на хаотическое состояние военно-морской отрасли государственного управления. Это — вырвавшиеся из крепостной зависимости океана русской земли своим личным промыслом коммерсанты и вообще примыкающие, посредники для обмена всякого рода ценностей, не только производства материального, но и умственного труда. Это — потомки оставленного Богом и государственной властью древнего Новгорода (2).

А. Геруа

История говорит, что долговечными государствами бывали только страны с прочными границами (море или высокие горы), а влиятельными — только государства с большою береговою линией (здесь разумеется продолжительное мировое и единственно прочное культурное влияние). Та же история учит, что мировая жизнь всегда ютилась вокруг какой-нибудь воды: сначала эта вода была маленькая — Архипелаг (Эллинский период истории), потом побольше — Средиземное море (Римский период), потом еще больше — Атлантический океан (Европейский период), и, наконец, теперь, мы стоим лицом к лицу с тем историческим периодом, когда ареной мировой политики готов сделаться обширнейший водный бассейн Великого и Индийского океанов.

История учит, что держава, обеспечившая себя наиболее длинною береговою линией моря данного исторического периода, этим самым делается и наиболее влиятельною державою. И наоборот.

История же учит, что державы, обеспечившие себя морскими границами, совершенно избавляли себя от необходимости вести самые убыточные и изнурительные — даже при успехе — оборонительные войны (ведутся не тогда, когда мы хотим и, следовательно, готовы и в силах, а наоборот). Вследствие этого Британия не знает обороны со времен Вильгельма Завоевателя, а мы, обратно, большую часть своих войн посвящаем отбиванию наносимых нам ударов. Светлым просветом в этом отношении был XVIII век, в течение которого Северная война, Финляндские, Турецкие и Польские войны, все веденные наступательно и по нашей инициативе, не принесли России ничего, кроме пользы (приобретение Балтийского и Черноморского побережья и упрочение западной границы).

Та же история говорит, что государства, пренебрегавшие морем и увлекшиеся материковыми расширениями, обыкновенно тонули в необъятных пространствах земли (монархии Персидская, Александра, Наполеона). Враждебный материк, т.е. для ассимиляции населения которого не сделано ничего или очень мало, способен поглотить какое угодно могущество, будь то военная мощь великой расы (персы) или неукротимая творческая энергия гения (Александр, Наполеон). Англия в неуспехе своей Столетней войны с Францией должна искать первый краеугольный камень своего могущества. В случае удачи этой борьбы Британия, вероятно, разлилась бы по европейскому матерiku, натолкнулась бы на противодействие германской расы, истратилась бы на борьбу с нею, и мир никогда не узнал бы владычицы морей. Факт общепринятый, что отпадение материковых американских колоний, обнаруживших сепаратистские стремления, способствовало расцвету британского мирового могущества.

По причине все той же смертоносной силы больших материковых владений, стремление на материк Японии, обладающей едва ли не лучше в мире береговою линией, нельзя не признать роковым для ее же собственного могущества; в то время, когда японское расширение по образцу английского, т.е. путем приобретения островов-станций, приморских колоний, небольших материков (Австралия) и обособленных, труднодоступных для иностранного вторжения, но ценных колоний (Индия), несомненно создало бы из Японии великую мировую державу... (3).

России выгодно быть не только континентальной страной, но и морской державой, и тем самым предотвратить тенденцию к распаду, истощению и вырождению.

Прибрежные и морские территории России необходимо охранять, благоустраивать, использовать для развития народного богатства, иначе их ждет судьба сухопутных приобретений, неосвоенных Россией.

Активное участие флота в государственной обороне страны делает войну менее кровавой и разрушительной. Истощенная сухопутными войнами Россия заинтересована в их предотвращении и/или переносе на морские театры военных действий.

Морская сила, при правильном, прочном, устойчивом, постоянном ее развитии и умелом использовании, дает неоценимые блага государству как в мирное, так и в военное время. Она существенным образом влияет на ход исторических событий, политические отношения, возникновение, характер и исход войн (вооруженных конфликтов). Это подтверждается серьезными исследованиями по данному вопросу: в частности такими взаимосвязанными работами, как книги капитана флота Соединенных Штатов А.Т. Мэхэна («Влияние морской силы на историю 1660–1783» и «Влияние морской силы на французскую революцию и империю 1793–1812 гг.», изданные на русском языке в конце XIX века) и труды русского военно-морского ученого Б.Б. Жерве («Значение морской силы для государства» и «Морская стратегия Наполеона»). К чему приводит ложная политика по отношению к морским интересам и, наоборот, их правильное осуществление (обладание морем), видно из следующих примеров.

А.Т. Мэхэн отмечает несчастное значение для Франции периодов, когда ее правительство игнорировало морские интересы и само подрезало корни морской силы. Так было во времена Людовика XIV (1638–1715). Территория и военная сила Франции увеличились, а источники торговли и мирного мореходства иссякли в процессе многочисленных войн. Военный флот содержался с большим блеском, но постепенно приходил в упадок и к концу его царствования постепенно исчез.

Людовик постоянно отворачивался от морских интересов, обращая еще внимание на боевые суда, и или не мог, или не хотел видеть, что последние мало полезны и не обеспечены в своем существовании, если мирное мореходство и промышленность, на которые развитие флота опирается, не процветают в стране. Его политика, стремившаяся к преобладающему влиянию в Европе путем военной силы и расширения территориальных владений, вынудила Англию и Голландию к союзу, который... прямо изгнал Францию с моря и косвенно подорвал морскую силу Голландии. Флот Кольбера погиб, и в течение последних десяти лет жизни Людовика ни разу в море не выходил значительный французский флот, хотя морская война велась непрерывно.

Позже, уже в Семилетнюю войну (1756–1763 гг.), Франция заплатила огромные жертвы за то, что отвернулась от моря и обладала плохим военным флотом. С началом войны ее торговля и колонии были предоставлены полному произволу Англии.

В 1756 году, когда натянутое положение дел уже должно было привести к разрыву между упомянутыми державами, Франция имела только сорок пять линейных кораблей, а Англия около ста тридцати; и когда эти сорок пять кораблей пришлось вооружить и снабдить всем необходимым, то не нашлось достаточного количества ни материалов, ни такелажа, ни припасов, ни даже артиллерии...

Современный английский писатель следующим образом выразил свой взгляд на политику Франции в эту эпоху: «Франция, так горячо увлекшаяся Германской войной, настолько оставила без внимания и денежной поддержки дела своего флота, что дала нам возможность нанести тяжелый удар ее морской силе, после которого она едва ли будет в состоянии оправиться. Поглощение ее внимания Германской войной отвратило также ее от обороны ее колоний, вследствие чего мы могли завоевать значительнейшие из последних. Война заставила ее забыть о покровительстве ее торговле, которая была всецело уничтожена, тогда как торговля Англии никогда, даже в течение самого полного мира, не была еще в таком цветущем состоянии. Таким образом, впутавшись в Германскую войну, Франция потерпела полное поражение во всем, что касалось ее личного и непосредственного раздора с Англией».

В Семилетней войне Франция потеряла тридцать семь линейных кораблей и пятьдесят шесть фрегатов — силу, в три раза превосходящую численно весь флот Соединенных Штатов в какой угодно период парусного флота. «В первый раз со времени Средних Веков», — говорит французский историк в своем разборе упомянутой войны, — «Англия завоевала Францию одна, почти без союзников, тогда как последняя имела много сильных помощников. Этим завоеванием Англия обязана единственно превосходству своего правительства». Да, но это превосходство правительства основывалось на ужасном оружии — на морской силе, обладание которой достигнуто им в вознаграждение за его твердую политику, неуклонно направленную к одной цели (4).

Б.Б. Жерве прослеживает противоборство Франции и Англии в эпоху Наполеона I. Революция расстроила хорошо организованный боевой флот Людовика XVI. Наполеон воссоздал его как грозную военную силу, но так и не смог обеспечить господство на море (даже временное), вследствие чего потерпели крах Египетская экспедиция 1798 и Булонская операция 1805 года по переправе экспедиционной армии в Англию. Он так и не понял природу морской войны, то, что демонстрация и политические комбинации не могут дать длительного, прочного господства на море; что морская сила по своей природе обладает несравненно большей подвижностью и свободой в действиях, чем сухопутная; что только успешный результат боевого состязания между враждебными флотами даст действительное господство на море. После блестящей победы Нельсона (26 кораблей) над французами (33 корабля) при мысе Трафальгар Наполеон отказывается от активной морской войны и планов вторжения.

Император пытается сокрушить Великобританию, ставшую теперь бесспорной владычицей морей, «с суши» подорвав ее экономическую мощь. С этой целью он настойчиво проводит свою знаменитую «кон-тинентальную блокаду», осуществление которой в возможно более широком масштабе является одной из главных пружин его политики и стратегии. Эта политика императора приводит его к ряду больших войн с великими континентальными державами. В этих войнах постепенно растрачивается военное могущество Франции, а экономическая ее мощь подкашивается морской блокадой ее берегов британским флотом. Коалиции против Наполеона на материке создаются и направляются английской политикой и питаются английским золотом. Кроме того, Англия высаживает на материк и свою экспедиционную армию, которой суждено было нанести войскам императора первый серьезный удар на Пиренейском полуострове и последний, решительный удар, сокрушивший судьбу гениального полководца — на полях Ватерлоо. <...>

Неуязвимость Великобритании, находящейся на островах и отделенной от непобедимой армии Наполеона грозной ее морской силой, позволила ей успешно закончить грандиозную борьбу со своим гениальным противником. Эта же *морская сила* обеспечила Англии возможность поддерживать необходимые для ее существования экономические сношения со всем миром, а также вести активную политику на материке, создавая против Наполеона новые сильные коалиции.

Влияние морской силы на судьбы сухопутных войн никогда еще до этого в истории не сказывалось столь ярко и внушительно.

Прошло сто лет; и вновь весь цивилизованный мир был потрясен величайшей, беспримерной войной, в которой Великобритания вступила в беспощадную борьбу за господство на океанах с новым могучим соперником. Главным театром в этой войне были поля Европы, на которых встречались и бились в многдневных ожесточенных сражениях миллионные армии, вооруженные и снабженные всей мощью современной промышленности и техники. Но и в этой мировой войне, как и сто лет назад, морская сила оказала могущественное и неотразимое влияние на ее исход и на судьбы участвовавших в ней народов. Обеспечив себе господство на океанах, британ-

ская морская сила отрезала державы центрального союза от морских сношений с остальным миром. В то время, пока сухопутные фронты воюющих коалиций взаимно истощались в беспримерной по своим масштабам борьбе, морская сила Великобритании медленно, но неуклонно делала свое грозное дело: подкашивала и разрушала экономическую мощь государств Средней Европы, душила в тисках голода их народы, лишала их заводы и фабрики необходимого им сырья. Британская же морская сила приобщила к питанию вооруженных сил Антанты ресурсы и индустрию всего мира. Британская же морская сила позволила союзникам, разделенным друг с другом территориями враждебных им государств, поддерживать между собой самые тесные сношения и производить обмен ресурсами и средствами для вооруженной борьбы; она же позволила им перебрасывать на громадные расстояния вооруженные силы, высаживать их в стратегически важных участках мирового театра войны и снабжать их своевременно и в изобилии всем необходимым через удобные морские коммуникационные пути; угроза таких десантов, с другой стороны, заставляла государства Центрального союза отвлекать часть своих сил от сухопутного фронта и приковывать их к угрожаемым приморским районам. Наконец, британская морская сила создала стратегическую обстановку, при которой мыслимо было активное вмешательство в войну против Германии могучей республики Соединенных Штатов Америки.

Изолированная морем, на котором неоспоримо господствовал ее флот, от непосредственных ударов могучих германских армий, Великобритания спокойно могла ждать результатов воздействия ее морской силы на ход военных событий, сохраняя, как и сто лет назад, непреклонную решимость довести борьбу с ее соперником до конца, до полного сокрушения его военной и экономической мощи. И, если в 1815 г. ее политическая ненависть была удовлетворена заточением гениального человека на о. Св. Елены, то теперь, в дни Версальского мира, чувства британской нации могли найти полное себе удовлетворение в лицезрении стройной колонны германских дредноутов, медленно дефилирующих между линиями британских судов на рейд Скапа-Флоу для беспримерной в истории сдачи их, без боя и сопротивления, торжествующим победителям.

Оба трагических исхода борьбы великих военных держав против могущества Великобритании, несомненно, имели глубокие причины одинакового порядка. *Причины эти лежали не столько в слабости морских сил этих держав, сколько в непонимании их вождями природы и духа морской войны. Владение морем является первейшей и важнейшей стратегической целью борьбы на море.* Достигается оно не демонстрациями или пассивным массированием своих сил, но боем или блокированием неприятельского флота. Чтобы уничтожить военную мощь великой островной державы, надо завладеть морем. Операции же против ее морской торговли, в какой бы форме они ни проводились, не сопровождаемые решительной борьбой с ее морской силой за овладение морем, не только не приведут к успешному результату, но лишь увеличат решимость британской нации довести войну до полного уничтожения ее противника (5).

КОРНИ МОРСКОГО МОГУЩЕСТВА

На характер развития и использования морской силы (благоприятно или неблагоприятно) влияют следующие элементы.

Географическое положение. Чрезмерное увлечение проектами континентального расширения страны, увеличение сухопутной армии, отвлечение от морских интересов, рассредоточенность флота на разных морях и океанах служат причиной огромных расходов и источником большой слабости. Мудрая и согласованная с географическим положением страны политика способствует росту морской силы и ее эффективному использованию.

Физические условия. Форма материка, характер береговой линии, разделение страны водой на части, открытость или закрытость выходов из внутренних морей в океаны, доступность или недоступность внешних владений с суши и моря, другие свойства существенно влияют на роль, значение и состав морской силы. Многочисленность, глубина и устроенность гаваней, например, составляют источник силы и богатства, способствуют развитию морского судоходства, укрытию флота и т.д.

Размеры территории и численность народонаселения. При одинаковых географических и физических условиях протяжение береговой линии служит источником силы или слабости, смотря по тому, велико или мало население относительно протяжения береговой линии и насколько оно способно защищать ее с суши и моря. В этом отношении необходимо особенно принимать в расчет, какая часть населения знакома с морем и с успехом может быть эксплуатируема для службы на судах и для работы по организации материальной части флота (наличие организованной и неорганизованной резервной силы страны).

Национальный характер и способности населения. Морская сила опирается на мирную и обширную торговлю. Отличительными чертами национального характера морских держав являются: стремление к коммерческой деятельности, жажда приобретений, предприимчивость, способность основывать цветущие колонии (сферы влияния). Все эти и другие качества проявляются в создании действенного военного флота, в его способности защищать морские сообщения, побеждать противника, успешно бороться за овладение морем.

Политика правительства. Мудрое правительство создает морскую силу в соответствии с естественными наклонностями своего народа, духом и общими свойствами нации. Наибольшего развития морской силы достигают те правительства, которые постоянно имеют в виду обладание морем и первенство на нем, стремятся к развитию морской торговли и положению великой морской державы, постоянно заботятся о сохранении и умножении морской силы.

Наличие мирного (коммерческого) и военного флотов. Необходимость военного флота вытекает прежде всего из существования мирного флота, за исключением, когда нация содержит флот единственно как отрасль военной организации. Если нет наступательных целей, а коммерческая морская деятельность незначительна, то военный флот приходит в упадок из-за недостатка интереса к нему. В случае оживления морской торговли возрождается и военный флот.

А.Т. Мэхэн, на основе работы которого выделены вышеперечисленные элементы морского могущества (6), пишет по поводу взаимосвязи военного флота и морского коммерческого судоходства следующее:

Рассмотренный вопрос является именно одним из тех, в которых влияние правительства должно выразиться мерами, направленными к созданию для нации флота, если не способного к плаваниям в дальние страны, то по крайней мере способного поддерживать свободу доступа в свои порты для дружественных и нейтральных судов... Можно смело сказать, что для благосостояния всей страны существенно важно, чтобы условия торговли оставались, насколько возможно, нетронутыми внешнею войною. Для того, чтобы достигнуть этого, надо заставить неприятеля держаться не только вне наших портов, но и далеко от наших берегов.

Может ли военный флот, отвечающий такой задаче, существовать без восстановления коммерческого судоходства? Сомнительно. История доказала, что чисто военная морская сила может быть создана деспотом, как это и было сделано Людовиком XIV; и история же показала, что его флот, казавшийся таким прекрасным, исчез, как увядает растение, не имеющее корней. Но в представительном народном правительстве все военные издержки должны быть основаны на сильном интересе, убеждающем в их необходимости. Такого интереса в вопросе морской силы не существует, не может существовать в нашей стране без воздействия правительства. Как следует создать достаточное для опоры военного флота коммерческое судоходство, — субсидиями ли, или свободной торговлей, — это вопрос не военный, а экономический. Даже если бы Соединенные Штаты имели большое национальное судоходство, то все-таки можно было бы сомневаться, что вслед за тем возникнет надлежащий военный флот; расстояние, отделяющее Штаты от других великих держав, служа, с одной стороны, защитой, с другой стороны, является западной. Мотив, если он вообще возможен, для создания в Соединенных Штатах флота, вероятно, нарождается уже в прорывтии Центрально-Американского перешейка. Будем надеяться, что воздействие этого мотива не явится слишком поздно (7).

Мудрые правительства стремятся системой премий и субсидий содействовать развитию торгового мореплавания, понимая, что наличность торгового флота свидетельствует о морском могуществе и

является «как бы основанием для развития военного». Торговый флот обеспечивает прочность существования флота военного, создает систему технических сооружений и дает громадный контингент людей, знакомых с морской службой, которые в случае необходимости могут быть используемы для надобностей военного флота. Мирные суда без особых затрат превращаются в вспомогательные военные транспорты и действуют в роли разведчиков, крейсеров, транспортных судов. Таким образом, торговый флот является не только необходимым условием существования, но и резервом флота военного (8).

В России значение данного факта сознавалось всегда, но отечественный торговый флот оставался тем не менее слабо развитым, а львиная доля морской торговли осуществлялась иностранными компаниями, что, естественно, влияло не только на благосостояние страны, но и на развитие военного флота, численность и качество которого постоянно колебались. Этим, видимо, объяснялось периодическое появление проектов и предложений, нацеленных на решение данной проблемы *искусственным путем*.

* Появление первого русского военного корабля «Орел» и неудачное использование его для подавления крестьянского восстания Степана Разина (казаки захватили корабль и сожгли его) сопровождалось по времени предложением иноземца Яна Вегрона Царю Алексею Михайловичу «*о заведении в России корабельного дела для заграничной морской торговли, разных фабрик и мануфактур*» (!). «Остроумные вымыслы Его Величества подданнейшего холопа» основывались на конкретных расчетах и наличии благоприятных условий в России для решения этой весьма прибыльной задачи.

Есть подлинно, что нечто есть, от чего Монарху такое великое богатство чинитца может, как от морского промыслу; и тако же и то, что ни един во всей вселенной есть, чтоб такими малыми просторами такое множество кораблей мочно велеть делать и содержать как его величеству мочно, потому что его земля обильна и слишком имеет лесу, пенку, железо, смолу черную твердую и смолу жидкую судовую и иные такие товары, которые к морскому ходу годны. — А прибыль, которая его величества от того может быть, есть то, что буде он изволит, и ему ежегодно мочно устроить по 100 кораблей; и буде изволит их продавати венецианам и португезанам, или французанам, и ему мочно за то имети за все про все, за всякий корабль, по 10.000 рублей, а за 100 кораблей, по смете, 60 бочек золота по галанской цене. А будет его величества изволение будет большую прибыль от того имети, и ему изволят те корабли к своей прибыли велеть держати, что на них посылати товары, которые в его землях родятся, во иные земли, и оттоля назад велеть привозити все то, что в его землях годно, как есть имяны (9).

* Впоследствии корабли на русской земле стали строить, но без особой для себя выгоды и невысокого качества. Лучшие по-прежнему, вплоть до 1917 года, закупались за границей. После Крымской войны Россия оказалась практически как без торгового, так и без военного флотов; их «экономно» заменили *Добровольным флотом* (с 1878 года), который был малоконкурентноспособным в морской торговле и не мог стать настоящим военным флотом. После поражения в Русско-японской войне морская общественность пришла в такое отчаяние от неустроенности военно-морского дела, что стала не только возрождать военный флот на народные пожертвования (10), но и предлагала для его оживления, например, следующие реформы.

Дело в том, что мы, русские, до сего времени не умеем использовать от наших морских промыслов (к сожалению, то же можно сказать и о всех остальных, да обо всем вообще) в полной мере тех выгод и доходов, какие можно и должно извлечь из них. Но, мало того, что мы их не использовали, мы еще отдаем их для использования и даже расхищения другим, преступно обирая таким образом собственную казну и заставляя нашего нищего крестьянина содержать флот на свои сокровенные гроши в ущерб другим насущным потребностям, как-то: есть досыта, одеваться не в рубище, получать образование и т.д.

Существует мнение, что война должна кормить войну, — так вот *нельзя ли достигнуть того, чтобы море содержало и питало флот, то есть морские промыслы и коммерческое мореходство давали бы стране столько денег, чтобы на них было можно покрыть все расходы по военному флоту?* Для этого надо обратить самое серьезное внимание на ограждение этих промыслов от иностранного захвата, поощрение, самое широкое и интенсивное, русских предпринимателей по всем отраслям данного дела и урегулирование этого вопроса соответствующими законодательствами.

Но делать это надо теперь же и работать, непокладая рук, так как захват наших морских промыслов в важнейшем месте нашего побережья, на Дальнем Востоке, уже проводится японцами в размерах, угрожающих полной невозможностью в будущем сделать там что-либо на пользу нашего отечества. Там началось уже систематическое и планомерное расхищение наших рыбных богатств, и японцы образовали для этой цели ряд факторий, уподобляя нашу окраину западному берегу Северной Америки, которая завоевывалась в свое время европейцами таким же путем. <...>

Наши порты полны иностранными судами, наш Добровольный флот или вовсе не имеет грузов, или достает их с громадными затруднениями и, во всяком случае, не может о конкуренции с иностранными такими же предприятиями. Наши заводы и верфи для постройки коммерческих судов гложут от недостатка работы и осуждаются этим на закрытие, а мы беспощинно ввозим коммерческие суда и тем поощряем иностранную промышленность, другими словами: кормим досыта иностранного рабочего за счет недоедания нашего и, конечно, этим революционируем наш рабочий элемент, так как голод есть лучший в мире бульон для размножения бунтарских и революционных бацилл.

Вместо того, чтобы дать продуктивную работу для всей совокупности сил России, строя коммерческие и промысловые суда, мы хотим занять заводы постройкой устарелых уже в проекте броненосцев, просим на это спер-

ва 84 миллиона, а затем... миллиард, нет, много миллиардов, так как постоянно сметные назначения представляют лишь малую часть действительных расходов, вызываемых теми или другими дальнейшими обстоятельствами. <...>

Говоря о тесной связи коммерческого судоходства с Морским Министерством, мы хотим сказать, что оно должно, по нашему мнению, находиться в руках этого министерства, которое должно учредить особый отдел и направлять деятельность коммерческого судоходства так, чтобы оно приносило наибольшую пользу военно-морскому делу, в то же время давая средства на его существование. Конечно, при таких условиях все эти управления торгового мореплавания, портов и т.д. должны быть сокращены в величине своих штатов и переведены в Морское Министерство.

Этим мы вовсе не хотим сказать, что находим нужным оказывать столь чисто коммерческое дело, как торговое судоходство и рыбные промыслы. Наоборот, мы настаиваем на том, чтобы всему этому была дана именно коммерческая организация, но чтобы направление деятельности взяло в свои руки Морское Министерство.

Началу этого весьма полезного дела можно было дать ход теперь же, учредив *морское казачество* Тихого океана и Белого моря, тем более, что эти казачества послужили бы надежной охраной этих наших побережий и необходимым кадром для комплектования нашего военного флота моряками по призванию и рождению.

Если мы в настоящее время бросим и думать о постройке линейных броненосцев, то, конечно, найдем материальные средства на устройство нашего коммерческого флота и рыболовного промысла, причем последние будут питать и личным составом, и средствами материальными наш военный флот. Нам думается, что построив 48 подводных минных крейсеров по 700 тонн водоизмещением и 12 минных подводных заградителей по 3000 тонн (по 16 мин. крейс. и по 4 заградителя для Балтийского, Черного морей и Тихого океана) с надлежащим количеством мин как заградения, так и самодвижущихся, мы за десять лет истратили бы не миллиарды, которые нужны для постройки надводного флота, а лишь 200–250 миллионов рублей, а поэтому смело могли бы дать на устройство коммерческого флота и рыбных промыслов хотя бы такую сумму — те же 200 млн. И при этом все же имели бы экономию в 1 1/2 миллиарда, если не более.

Для обслуживания этого подводного флота понадобится очень небольшое, сравнительно, количество личного состава, а это тоже очень удешевит содержание нашего военного флота и приблизит возможность покрывать его расходы доходами с коммерческого и рыбных промыслов.

Итак, мы видим, что Морское Министерство должно быть, между прочим, и коммерсантом как на заводах, так и в отношении коммерческого судоходства, изыскав способы покрывать расходы военного флота доходами с коммерческого. Оно же должно стать и руководителем рыбных промыслов, взяв в свое ведение их на всех наших побережьях <...> (11).

Отсутствие прочных корней морского могущества объясняет традиционную слабость российского военного флота, его в определенной степени искусственный характер, поражения в Крымской и Русско-японской войнах, которые ясно показали: как только тяжесть военных действий перешла на море, флот проявил неспособность вести морскую войну... и на многие годы вывел страну из разряда великих морских держав. Можно создавать большой наступательный флот или оборонительный, или гибридный гражданско-военного флота, «усиленного» морским казачеством, — но пока не будет прочных корней и связанного с ними искусства мореходства (военно-морского искусства), результат будет известен: упадок и разложение морской силы, а вместе с этим неудачи в войнах и потрясения российской государственности со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Россия вышла к морям и океанам. Чтобы полноценно дышать, ей нужна целенаправленная морская политика. Она должна проводиться государством, а не военно-морским ведомством, у которого и своих проблем достаточно. Для обогащения страны следует развивать торговлю и способный защитить ее настоящий военный флот, опирающийся, между прочим, и на собственную традицию исторического развития. И если мы не хотим усвоить отечественный опыт, обратимся к чужому и еще раз зафиксируем в сознании основные корни морского могущества.

Н. Кладо

Если мы согласимся в том, что значение морской силы очень большое, что влияние ее на различные военные операции очень велико, а иногда может быть и решающим, интересно составить себе представление о том, какая почва нужна для того, чтобы морская сила процветала; только *создать* морскую силу, т.е. построить корабли, поставить на эти корабли пушки и посадить на них людей — этого еще мало, это будет растение без корней, прямо воткнутое в землю и обреченное на быстрое увядание. Надо с особенным вниманием и любовью отнестись именно к корням, позаботиться об их укреплении и тогда растение получит жизненность и силу.

В чем же состоят эти элементы — эти корни морского могущества? Сознательное о них представление особенно важно для всякого, который может иметь большое или малое, прямое или косвенное влияние на организм морской силы, на решение вопроса о размере средств, ассигнуемых на эту силу, о распределении этих средств и т.п.

Для того чтобы выяснить эти элементы, мне кажется, лучшее средство — дать очерк развития морского могущества Англии.

Первым таким элементом является *политика государства*, а потому посмотрим, каким образом политика Англии способствовала развитию и процветанию ее морской силы.

Толкнули Англию к морю прежде всего ее *географические условия*. Островное положение и бедность почвы заставили население обратить внимание на эксплуатацию морских богатств — на рыбную ловлю и пиратство. Случилось так, что англичане, главным образом из-за нелепого желания своего иметь владения на материке (что втянуло их в бесконечную войну с французами), опоздали в открытиях новых земель, а потому и в обладаниях богатыми колониями; также не успели они захватить в свои руки очень выгодную перевозку колониальных произведений в Европу. Богатые колонии оказались поделенными между испанцами и португальцами, а перевозка гру-

зов — в руках голландцев. Между тем поползновения на владения на материке потерпели неудачу, и положение Англии было не из завидных.

В это время (царствование Елизаветы) в сознании английских государственных людей зарождается и развивается мысль, что единственный путь к богатству и могуществу, открытый для Англии, — это *эксплуатация вне-европейских стран и захват в свои руки морской перевозки товаров*. Найти эти страны было легко — еще много было незанятых европейцами земель; но надо было считаться с недоброжелательством остальных европейцев, заручившихся уже колониями и взиравших с тревогой на нового конкурента. Следовательно, прежде чем предпринять что-нибудь серьезное в этой области, надо было заручиться морской военной силой.

Практиковалась эта морская сила просто на пиратстве; англичане в мирное время без стеснения нападали на обширные испанские колонии и испанские коммерческие корабли, и здесь и создавался личный состав их первого военного флота. Такой образ действий с их стороны был одной из причин, вызвавших посылку непобедимой Армады, в борьбе с которой английский флот первый раз серьезно испытал свои силы и вместе с тем приобрел ореол спасителя отечества.

Но этот флот еще был непрочен, еще был лишен настоящей жизненной силы, не опираясь на обширный *коммерческий флот*, который служил бы ему неисчерпаемыми ресурсами. Также нужен был коммерческий флот, чтобы эксплуатировать колонии и принять участие в перевозке грузов; однако очень трудно было ему опериться при могущественной конкуренции голландского флота, не знавшего себе в то время соперника. Опираясь на достаточную уже военную морскую силу, первый решительный шаг в этом направлении был сделан Лордом Протектором Кромвелем. *Объявленный им навигационный акт разрешил привозить в Англию иностранным судам только произведения своих стран, все же остальные товары могли привозить только суда под английским флагом*. Это был жестокий удар для Голландии, которая ничего не производила сама, все богатство которой зиждилось на морской перевозке чужих произведений, и она объявила Англии войну. Три войны Англии с Голландией следовали одна за другой, и англичане вышли из этой жестокой борьбы победителями.

С этого времени в Англии окончательно вырабатывается и устанавливается политика, которой она держится и до сих пор. Основа этой политики — *захват мировой торговли и расширение своих колоний*. Средство для этого — *развитие коммерческого флота и господство на морях*, и в этих целях — *ослабление и уничтожение всякой чужой морской силы*, пользуясь для этого всяким подходящим случаем и предлогом; для развития же своей морской силы, для того чтобы приспособить ее для защиты главных торговых путей — разумно обдуманная система станций—баз, раскинутых по всему земному шару.

Наметить такие цели было не трудно — настолько они логичны и просты. Секрет успеха англичан заключается не в выборе правильных целей и средств, а в устойчивости и упорстве, с которым преследовались эти цели и применялись эти средства.

Это же являлось следствием того, что такая морская политика была делом не каких-либо государей или государственных людей. Они меняются и, как отдельные люди, имеют самые различные убеждения. Выливалась же эта политика из сознания целого народа, — и представители народа в парламенте, государственные люди и государи лишь облекали это народное стремление в конкретную форму: число кораблей, тех или других станций, тех или других захватов, пользуясь благоприятно сложившейся международной обстановкой. Вследствие очень раннего установления парламентской формы правления, государственные деятели и государи должны были следовать национальному течению даже и помимо своей воли.

Устойчивость же взглядов, устойчивость учреждений существенно необходимы именно для флота; по сложности своего устройства, по особой обстановке, в которой он находится, флот, в особенности, не терпит беспрепятственных ломок, внезапных перемен, более или менее долгих, хотя бы и временных пренебрежений.

Морская история Англии тем замечательна, что ее можно написать почти совершенно вне зависимости от тех лиц, которые правили государством (можно даже о них почти не упоминать).

Мне пришлось работать по истории флотов, и я испытал это на себе. С английским флотом дело шло легко; периоды, им переживаемые, развивались один из другого вполне логично... С остальными же государствами, как ни старался я держаться того же порядка, — не мог. Пришлось жизнь разбить также на периоды, но периоды эти нераздельно связывались с правлением и именем того или другого государя или государственного деятеля и почти никогда не имели вида известной законченности. Поэтому и оказывалась морская сила в остальных государствах столь непрочной, всегда слишком юной, всегда только в периоде развития, без достижения зрелого возраста и полного расцвета.

Очень откровенно и ясно выразился о сущности политики Англии один из современных английских писателей. «Ни одно государство, — говорит он, — не выказывало такой настойчивости в преследовании раз поставленной цели. Союзники отпадали, раз они считали, что временные их интересы требовали мира или перехода на сторону противника. Англия же твердо стояла за то дело, из-за которого ей приходилось взяться за оружие. В этой *удивительной настойчивости* не было однако и следа погони за какими-либо отвлеченными идеалами. Пресловутое политическое равновесие являлось не более как предлогом для действий, и слова служили лишь к тому, к чему вообще слова и могут только служить; а просто в это время Англия вступила на путь колониального расширения, и в этом и лежали все действительные причины ее действий, какими бы мотивами они ни оправдывались. Вел ли Мальбруг свою армию к победе во Фландрии или пробивался ли Виллингтон при Torres Vedras, — одним словом, каковы бы ни были видимые наши действия, настоящая цель была — уничтожение наших противников на море. Именно поэтому нашими главными врагами поочередно являлись Голландия, Испания и Франция (морские государства), а случайными союзниками — Пруссия, Австрия и Россия».

Началась эта политика с Елизаветы, и продолжается она и сейчас. Все средства хороши, вплоть до разбойнического набега Джемсона, когда дело идет о создании нового торгового пути, пересекающего всю Африку, и о монополизировании в своих руках мировой добычи золота. А как они прикрывают свои действительные цели

красивыми словами, яркий тому пример — переговоры перед войной с Трансваалем и ответ Салисбюри президенту Крюгеру на его предложение о мире.

Да, англичане, кажется, никогда не имели в своей истории периода сентиментализма и спасения чужих тронов и справедливо этим гордятся. Политика их была всегда национальна, и как теперь, так и всегда, она — не дело какого-либо отдельного человека, а продукт ясного сознания целого народа.

Следующий элемент морского могущества — *это военный флот*. Англия ревниво заботится о том, чтобы иметь флот более сильный, нежели соединенный флот любых двух морских держав, причем они создали благоприятную обстановку для его процветания, что, и при равной численности, английский флот является гораздо более сильным, нежели его соперники.

Во-первых, благодаря обширному бюджету и громадным кораблестроительным средствам, англичане могут строить у себя дома большое количество судов сразу. Этим достигается *однотипность* их эскадр. Государства, строящие свои суда на иностранных различных верфях, не могут освободиться от влияния на типы судов иностранных заводчиков; обладающие же малым бюджетом, строят свои корабли поочередно и не удерживаются от различных перемен, которые имеют последствием разнокалиберность судов в эскадре, что сильно понижает их боевое достоинство. Подготовка личного состава значительно облегчена тем, что большое количество населения Англии занимается мореплаванием и морскими промыслами.

Затем, *английский флот опирается на большое количество превосходно оборудованных адмиралтейств, доков, угольных станций и подводных телеграфных кабелей, покрывающих правильную сеть весь земной шар*. Английские станции (промежуточные базы) расположены на всех главных торговых путях; притом не только бывших (кругом мыса Доброй Надежды) и настоящих (через Суэцкий канал), но и будущих, например, через Панамский перешеек. Одна из причин, почему американцы поспешили начать войну с Испанией, заключалась в том, что существовали довольно ясные указания на желание Англии утвердиться на Кубе и Порторико, чтобы заручиться станциями на пути к будущему Панамскому каналу. Ту же цель имел и известный конфликт Англии с Венесуэлой, за которую заступились тогда Соединенные Штаты.

Если бы, например, Англия запретила нашим военным судам грузиться углем на своих станциях, мы оказались бы в большом затруднении при посылке их к нашим берегам Тихого Океана. И такие случаи бывали не раз. Прямого запрещения, конечно, не было, но оказывалось, что никто нам не продавал угля, или продавал его по двойной или тройной цене.

Точно так же около 70% всех подводных телеграфных кабелей принадлежит англичанам, и это дает им громадное преимущество в военное время.

Третий элемент морского могущества — *это морская торговля* и коммерческий флот; и, действительно, в Англии они являются могущественными ресурсами военного флота, которому они дают:

1) Контингент хороших моряков, которые требуют сравнительно гораздо меньшего времени, чтобы обратиться в военных.

2) Массу вспомогательных крейсеров.

3) Большое количество кораблестроительных верфей с усовершенствованной, благодаря постоянной деятельности, системой постройки. Английские корабли строятся и дешевле, и гораздо скорее, чем где-либо.

4) Кроме правительственных складов угля, имеется масса складов для бесчисленных торговых судов. Кроме того, уголь от долгого лежания теряет в своих качествах, а торговые суда позволяют все время освежать и правительственные склады.

5) Сеть надежных агентов в виде английских купцов, рассеянных по всему миру.

Около половины торгового флота всего мира принадлежит англичанам. В особенности великая ее доля в паровом флоте, наиболее важном. Кроме того, они обладают судами сравнительно большого водоизмещения, нежели другие государства, и англичанам же принадлежат в подавляющем количестве пароходы, обладающие наибольшей скоростью.

Именно благодаря громадному торговому флоту, англичане стали главными перевозчиками товаров всего мира, и весь мир платит им за это громадные суммы.

Кто настойчиво следует примеру Англии и кто действительно, надо думать, создаст прочную морскую силу — это Германия. Конечно, ей это необходимо вследствие громадного роста ее промышленности; но необходимость и умелое удовлетворение этой необходимости — вовсе не всегда идут рука об руку. Франция напр., в этом случае представляет отрицательный пример. *Германцы все усилия прилагают к созданию именно корней морского могущества*. Теперь мы видим только колоссальное увеличение собственно военного флота, на который ассигновано около 800 миллионов рублей, кроме 130 миллионов рублей на постройку и улучшение портов; но подготовительная работа по созданию твердой почвы для морской силы велась уже давно и столь же энергично продолжается и теперь. Прежде всего мы должны считаться с фактом, что у Германии уже имеется ряд станций; а если к ним прибавить те приобретения, которые она уже себе наметила и которых добьется наверно (Фарзанские острова в Красном море, остров Маргариты у берегов Венесуэлы, Бразилия, наконец, Голландия с ее многочисленными еще колониями, Австрия с выходом в Адриатическое море и т.п.), то в будущем она уже немного будет уступать в этом отношении даже Англии.

Затем, судостроительные средства в Германии уже имеются громадные, и не только Германия не прибегает к заграничным заказам, но сама уже строит большое количество судов для других. Торговый флот ее занимает уже третье место и готовится занять второе, так как увеличение его идет быстрее, нежели увеличение торгового флота Соединенных Штатов (538, 052 тонны против 301, 594 тонн за два года).

Наконец, самое главное, в Германии поняли, что морская сила только тогда может быть прочной, когда сознание о ее важности и необходимости вошло в сознание всего народа. Это лучшая гарантия того, чтобы заботы о морской силе не подвергались постоянным колебаниям и не зависели бы от личных вкусов стоящих у власти людей, чего морская сила положительно не выносит.

И вот — в Германии ведется грандиозная пропаганда, чтобы идею о необходимости флота сделать понятной всему народу. Произносится бесчисленное множество речей, книжный рынок наводнен всевозможными и книгами, и брошюрами, и лубочными изданиями, газеты — статьями... и все это приурочено для всякого понимания, рассчитано на все слои населения. Можно с уверенностью сказать, что в Германии не только государственные люди, но всякий школьник, всякий крестьянин знают, для чего Германии нужен флот.

И во главе этой пропаганды стоит не кто иной, как сам Германский Император, который сам составляет брошюры, говорит речи и громко заявляет, что будущность Германии — на воде. Этот лозунг крупными буквами напечатан над стенной картой всего мира, на которой изображена история развития и современное состояние германской морской силы, изданной германским морским обществом для германских школьников.

«Долго Германия страшилась моря, — говорит в одной из своих речей государственный канцлер фон Бюлов, — и только по восстановлении единства великим императором и его бессмертным советником, Германия вспомнила лозунг Ганзы: «Поле мое — мир» и вновь выступила на сцену мировой политики... Германия чувствует, что *те, кто допускает, чтобы их оттеснили от моря, остаются в стороне и играют роль статистов на заднем плане*».

А вот образчик речей императора:

«Как поступил дед мой со своим сухопутным войском, так и я точно таким же образом буду неустанно стремиться к преобразованию флота, дабы он мог равноправно стоять рядом с моими сухопутными силами и добиться для Германской империи за ее пределами того места, которого она ныне еще не достигла... Мы отвоевали себе место на солнце. Теперь мой долг заботиться о том, чтобы это место осталось за нами, никем не оспариваемое. *Наша будущность на воде*».

Вот при каких условиях германская морская сила обещает быть *прочной*, — все признаки на это указывают (12).

СУЩНОСТЬ ВОЕННОГО ФЛОТА

Таким образом, военный флот зависит от многих обстоятельств и развивается только в определенных условиях. Он представляет собой сложную и дорогостоящую систему боевых и вспомогательных судов разного типа, портов, баз, других береговых укреплений, административных учреждений и специально подготовленного личного состава. Флот создается десятилетиями, требует бережного отношения к себе (13) и серьезного развития военно-морского дела, выполнения законов и принципов морской войны. *Лучше не иметь флота, чем строить его на ложных принципах* и использовать его в несвойственных для него целях, без способности побеждать в войне. Декоративный флот вдвойне опасен для Отечества: он питает иллюзию безопасности и, тем самым, подрывает веру в морское могущество, истощает ресурсы нации и воспитывает континентальное пренебрежение к морю. На этой основе рождается авантюрная военная политика, которая порождает неудачи и отрицание необходимости настоящего флота. Непонимание значимости военного флота и сущности морской войны приводит в конечном итоге к поражениям и к Цусиме и следующему заключению.

Л. Добротворский

Какой такой фатум висит над нашими головами, что японцы и другие нации могут приходить к верным решениям, мы же никак не можем! Что это — уже не грозный ли признак вырождения? Ведь всякое дело мы умеем как-то так запутать, так удалить от здравого смысла, что просто страшно становится за судьбу России и всех нас. Взять хотя бы понятия о флоте.

Его с развязностью считаем каким-то подспорьем армии, на манер понтонов или обозов, и с легким сердцем делим на какой-то оборонительный и наступательный, когда он по природе своей без наступления — ноль, хуже, чем форт, который все-таки, хотя бы и разрушенный, не утонет.

В понятие военного корабля включают всякую железную посудину, лишь бы на ней стояли пушки и минные аппараты. Всю оценку личного состава определяем его удалью и отвагой, нисколько не смущаясь прикрывать ими, раз это трудно проверить и при том достается без занятий, не только свое невежество по всем техническим, морским вопросам, но даже чуть ли не с полной радостью готовы заменить этой удалью пушки, снаряды, башни, броню и машины современных кораблей. Всю военно-морскую дисциплину решаем черпать из внешних форм чинопочитания, из молодежватого вида людей, их фронта и ружейных приемов, а не из твердых знаний боевых сил корабля. Без малейшего смущения выпускаем в офицеры недоученных кадет и без всякой церемонии наполняем корпус случайным подбором мальчишек даже без намека на конкуренцию... (14).

Военный флот или является гордостью Отечества, или не может быть. Это одно из главных условий его существования. Последовательное поражение императорского военного флота в трех последних войнах: Крымской, Русско-японской и Гражданской, заставило, в первую очередь, переосмотреть сложившиеся взгляды на сущность военно-морской силы, обратить внимание на общую теорию данного вопроса, усвоить простейшие, азбучные истины: что такое военный флот, его задачи, состав, стратегия развития. Размышления по данной, на первый взгляд, академической проблеме появились в конце XIX века. При этом, по мере движения флота к своему печальному концу (1917–1918 гг.), общая теория все больше приобретала конкретную российскую направленность (работы Н. Кладо и Б. Жерве).

Военный флот представляет собой силу, предназначенную для овладения морем, обеспечения морских сообщений, уничтожения флотов противника и оказания содействия армии. В соответствии с главной целью морской войны — господство на море — перед флотом ставятся следующие задачи:

1) уничтожение или ослабление главных сил противника в ходе большой войны; 2) крейсерская война, то есть нападение на торговые суда противника и защита своих; 3) береговая война: блокада берегов, высадка на них войск, осада и бомбардировка крепостей, а равно и обратные действия. Только овладев морем, можно *безопасно* предпринимать действия против берегов противника, уничтожать его торговлю, угрожать сухопутной армии и т.д. Боевой флот обеспечивает страну от блокады, от стеснения ее внешней торговли и от ударов неприятельских войск, посаженных на транспорты. Он обезвреживает или уничтожает неприятельский флот во время войны, а также выполняет важные политические функции в мирное время: удерживает противника от нападения, занимает выгодные позиции, демонстрирует флаг, представляет страну вдали от ее берегов и т.д. (15). «Но и готовясь к войне, военный флот и в мирное время оказывает неоценимые услуги государству. Он служит поддержке отечественной морской торговли и национальных интересов в дальних колониях; наличие сильного флота обеспечивает государству мир и придает вес его голосу при решении международных вопросов» (16).

Следует учитывать:

* Морская стратегия, в отличие от военно-сухопутной, существует как в мирное, так и в военное время. Принимая во внимание продолжительность постройки судов, длительность и сложность обучения личного состава, возможность решительных сражений боевых эскадр в открытом море в

начальной фазе войны, необходимость наивысшей степени боевой готовности *главная работа стратегии* — подготовка флота к войне — *протекает в мирное время*. Такой подход позволяет не только иметь в нужный момент боевой флот, способный бороться за контроль над морем, но и достигать цели продуманными стратегическими комбинациями *без действительного столкновения вооруженных сил на море*. (Срывы планов вторжения на территорию Англии со стороны Испании, Голландии, Франции. Психологическое впечатление от мирной демонстрации в Константинополе военного корабля «Крепость», на котором российский посол прибыл в 1699 году для ведения мирных переговоров с турками, после получения доступа в Черное море. Политика «вооруженного нейтралитета» Екатерины II и ее союзников. Уклонение неподготовленных флотов от морских сражений и т.д.).

* В континентально-морской стране военный флот представляет собой важный, *но не самый главный элемент* государственной обороны. Поэтому стратегия его использования согласуется с развитием сухопутной военной силы. Действуя совместно с армией, флот тем не менее выполняет свои специфические морские задачи. Участие войны в большинстве случаев решается столкновением сухопутных войск, но «способность побеждать» нередко определяется наличием и умелым использованием морской силы. В странах, обладающих морем, армия не может заменить флот, но флот может значительно усилить армию. «Флот... является действительным средством при обороне государства... Тот флот, который способен держать водные пути сообщения открытыми, не составляет первый пункт государственной обороны, а он есть лишь главное условие безопасности. Сколько бы ни собрали мы на берегу прекрасно обученных войск, какие бы там ни были крепости, построенные с полным блеском, какой только может обнаружить современная наука, сами по себе они не могли бы сохранить за собою водные пути сообщения империи. То и другое необходимо в должной мере...» (17).

* Залог успеха морских операций заключается в обладании морем, как конечной цели действий военного флота в морской войне. *Нельзя рисковать флотом, используя морскую войну лишь как средство для достижения других «более важных» целей*. Последствия могут быть весьма негативными для общего военного предприятия. Египетская экспедиция (1798 г.) Бонапарта закончилась разгромом французского флота и общей военной неудачей, так как целью было избрано занятие страны, отделенной от Франции морем, господство на котором предварительно не было обеспечено за французским флотом. Несравненно безопаснее и целесообразнее было бы до высадки (использование флота как средства переброски и охраны войск) решить вопрос о владении морем путем решительной борьбы с британским флотом. В случае неуспеха этой борьбы, Наполеон лишился бы только своего флота, но зато сохранил бы свою великолепную, лучшую в то время в мире, армию (18). Преступное отношение российского правительства к подготовке морской войны, которая решала исход столкновения с Японией, привело к военному поражению России. Из этих и других примеров следует урок: «положительно не стоит пытаться приобрести обладание морем какими-либо другими средствами, кроме как прямо сражаясь за него, и что борьба за достижение этого обладания представляет уже сама по себе предприятие столь глубоко серьезное, что оно не допускает рядом с собою попыток достигнуть одновременно еще какой-либо другой цели» (19). Чистая, «законная» морская война является продуктом сложного искусства, обстоятельств и здравого смысла; она одна может *существенно повлиять* (в случае решительного разгрома противника) на деятельность, интенсивность и конечный результат военных действий.

* Действия флота в прибрежной войне заключаются в участии против неприятельского флота и/или содействии войску сухопутному. В связи с этим, собственно морские сражения могут быть подразделены на бои эскадр, десантные операции, осаду и оборону приморских крепостей, действия по защите берега. *Успех в прибрежной войне зависит от взаимодействия армии и флота, а также от степени господства флота на море*.

«Успех флота в борьбе с береговыми укреплениями зависит в большинстве случаев от совместного действия с сухопутной армией; только последняя сможет удержать пункт, занятый при помощи флота (да один флот редко и сможет заставить противника очистить укрепления). Для противодействия десантной армии обороняющийся должен иметь подвижные войска береговой обороны и хорошие прибрежные пути сообщения, чтобы вовремя сосредоточить достаточные силы в пункте, где ожидается высадка... Для нападения на транспортный флот противника можно рискнуть всем своим флотом, так как истребление целой армии, посаженной на суда, произведет страшное впечатление, которого не изгладит гибель нескольких судов обороняющегося» (20).

Защита берегов осуществляется прежде всего морской силой (сильным флотом), а не армией и крепостями. На флот надо возлагать в данном случае главную надежду. Если он подготовлен для выполнения этой задачи, никакие другие силы не потребуются для обороны берегов. Уже одно это оправдывает необходимость и существование военного флота:

«Оборона побережья, это — не защита только береговой линии при помощи крепостей и сухопутных войск... Нужен флот, который действовал бы в открытом море, обеспечивая целостность морской торговли, и боролся с флотом противника, не подпуская его к берегам» (21).

«Если располагают превосходными силами, наилучшая система обезопасить свои берега и нанести наиболее чувственный удар противнику — это отыскать и уничтожить его флот в эскадренном бою» (22).

«Наиболее действенная оборона берегов — флот, даже если он не может, по малочисленности своей, завоевать полного господства на море. Крепости нужны как опорные пункты — базы; как места, где флот может пополнять запасы и производить необходимый ремонт» (23).

* Крейсерская война и крейсерские действия относятся к разряду *вспомогательных* морских операций. Сами по себе — без борьбы за овладение морем — они малоэффективны. Поэтому в составе флота крейсера, как и другие типы судов: миноносцы, подводные лодки и другие, — занимают подчиненное место по отношению к кораблям боевого (линейного) класса. *Полагаться в морской войне только на крейсерские операции, строить только крейсерский морской (океанский) флот — большое заблуждение.* История убедительно разоблачила подобные попытки (неудача «большой» крейсерской войны Германии против Англии в годы Европейской войны 1914–1918 г.), а международное право значительно сузило возможности самой крейсерской войны. Что, впрочем, не умаляет значения крейсерства, как разновидности вспомогательных боевых действий.

Существовало мнение, которого широко держались французские офицеры той эпохи и которое еще более широко распространено в Соединенных Штатах теперь, а именно, что крейсерские операции с целью уничтожения торговли неприятеля составляют главную опору в войне, особенно когда они направлены против такой коммерческой страны, как Англия. «По моему мнению, — писал знаменитый французский офицер Ламот Нике, — вернейшее средство победить англичан — это нападение на их торговлю.» Что серьезное расстройство торговли изнуряет и обедняет страну, это допускается всеми. Крейсерские операции, без сомнения, самые важные из второстепенных операций морской войны, и от них, вероятно, не откажутся до тех пор, пока сами войны не прекратятся; но упование на них, как на главную и фундаментальную меру, которая достаточна сама по себе для уничтожения неприятеля, надо считать, конечно, заблуждением, — и заблуждением в высшей степени опасным, когда оно выставляется представителям народа в заманчивой одежде *дешевизны*. Оно особенно ошибочно, когда враждебная держава владеет, — как это имело и имеет место по отношению к Великобритании, — двумя необходимыми элементами прочной морской силы: широко распространенной морской торговлей и сильным военным флотом. Когда доходы и продукты промышленной деятельности страны могут быть сосредоточены на нескольких «драгоценных» кораблях, как, например, на флотилии испанских галионов, то нерв войны, быть может, и можно рассечь одним ударом; но когда богатство страны рассеяно на тысячах приходящих и отходящих судов, когда корни торговой системы распространяются широко и далеко, вросли глубоко, то торговля ее может выдержать много жестоких ударов и потерять много прекрасных ветвей без серьезного вреда для своего существования. Только при военном обладании морем, при продолжительном господстве над стратегическими центрами неприятельской торговли действия против последней могут быть пагубными для нее; отнятие же такого господства у сильного военного флота может быть достигнуто только победами над ними в боях (24).

* Чтобы эффективно выполнять разнообразные задачи морской войны, *флот представляет из себя дифференцированную морскую силу* и состоит из различных типов эскадр и кораблей, соотношение между которыми должно меняться по мере развития средств вооруженной борьбы на море. При этом даже слабый флот, предназначенный для оборонительных целей, должен иметь, по возможности, *наступательно-боевой характер*, стремиться нанести диверсионные удары противнику в открытом море, своевременно скрываясь в хорошо оборудованные и укрепленные базы, прикрываясь минными заграждениями, минными судами и подводными лодками. Создавать в этом случае специальный «оборонительный» флот, состоящий из судов вспомогательного класса (минных и/или подводных), — значит не понимать законов морской войны и сущности военного флота.

Наиболее эффективно флот обороняется наступательной войной: не ждет нападения, но идет на встречу неприятельскому флоту, даже к его берегам, наблюдает за портами противника, вызывает его на бой. *Настоящая мощь и сила флота велика только в море.* В базах и гаванях, без подвижности, флот рано или поздно уничтожается более сильным противником (Синоп, Севастополь, Порт-Артур). «Пассивная оборона принадлежит армии; все же, что движется на воде, принадлежит флоту, который имеет прерогативы наступательной, или активной обороны» (25).

...Государство, обладающее слабым флотом и ожидающее борьбы с сильнейшим противником, должно обратить особое внимание на свой минный флот и на оборону берегов минными заграждениями; надеяться на крейсерскую войну оно может, лишь обладая несколькими опорными пунктами в морях, где его крейсера могут нанести серьезный вред торговле противника. В случае же, если предполагаемый противник не настолько силен, что в борьбе с ним придется держаться исключительно оборонительной системы действий, флот должен состоять не только из броненосцев, но и из их «глаз и ушей» — крейсеров, особенно броненосных; минные суда, более или менее мореходные, наряду с всякого рода служебными судами (транс-портами для угля и для мин заграждения, плавучими мастерскими, госпитальными судами), должны также входить в состав подобного флота. *Роль служебных судов особенно важна при блокаде:* действительно, блокирующие не могут отлучаться для снабжения или малых починок в порт, так как этим ослабилась бы блокада; поэтому важно иметь под рукой и запасы всякого рода, и средства для мелких починок, в которых чаще всего нуждаются миноносцы; этим оправдывается существование транспортов и плавучих мастерских. *Значение минных заградителей* заключается в том, что они легко и быстро могут забросать самовзрывчатыми минами заграждения пролив или вход в рейд неприятеля и там запе-

реть его, что тоже важно при блокаде; подобные же заграждения могут ими быть устроены во второстепенных проходах рейда, где стоит свой флот и этим сосредоточить оборону его в одном пункте (26).

* Военный флот предназначен *для войны*, а не для благополучного существования в мирное время. «Каждая единица его (корабль) с личным и материальным составом назначается для того, чтобы с успехом участвовать в морском бое». Корабли находятся в полной боевой готовности и должны содержаться в таком виде, чтобы иметь возможность в самый короткий срок вступить в бой. Чтобы подготовить личный состав к войне, осуществляются практические плавания судов, проводятся боевые учения, совершенствуется кораблевождение, изучаются военно-морские науки. Управление эскадрами как в мирных плаваниях, так и в бою доводится до высокой степени совершенства и обеспечивается *«напряжением всех сил для одержания победы»*. Уже в мирное время на командные должности назначаются те, «на кого выбор пал бы в военное» [С. Макаров] (27).

Флот — это морская сила, постоянно готовая к бою. Он не терпит импровизации и должен быть подготовлен к войне еще в мирных условиях, так как в борьбе на море нет времени для пополнения и обучения команд, быстрого строительства новых кораблей, а «крайнее напряжение сил приближается к идеалу» (Ю. Волковицкий). Нельзя рассчитывать на слабость противника и пренебрежительно относиться к нему и всякий план войны, — отмечает Н. Кладо, — должен исходить при его разработке из наилучших возможных шансов для противника и наихудших для себя, не полагаясь на «Его Величество Случай» и тем самым страхуясь от него. Следует использовать ошибки противника, но нельзя строить план на их повторении... «Будем твердо держаться... «золотого» принципа. Короче можно выразить это положение как принцип уважения к противнику, который служит лишь одним из выражений принципа, известного в более общепринятой его формулировке — принципа крайнего напряжения сил... И так будемте поступать до конца войны, будемте неустанно стремиться к крайнему напряжению сил, не ослабляя его ни на один момент. Ни разу не позволим себе отнестись к противнику пренебрежительно» (28).

Данные выводы подтверждаются следующими размышлениями *о задачах военно-морской силы капитана I ранга Бориса Борисовича Жерве*.

1. Только морская сила способна обеспечить государству во время войны морские сообщения с внешним миром. Военное могущество современного государства в значительной степени зависит от сохранения во время войны морских сообщений с союзными или не участвующими в войне государствами и с его заморскими владениями (колониями). Отсюда следует, что морская сила способна защитить один из важнейших источников могущества своего государства и нанести сокрушительный удар по важной части военного могущества своего противника.

2. Только морская сила способна обеспечить морское побережье своего государства от неприятельского на него вторжения со стороны моря и, наоборот, предоставить своим войскам возможность высадиться на неприятельском берегу. Безопасность собственных берегов обеспечивает, с одной стороны, от захвата необходимые для морских торговых сношений порты с их дорогостоящими сооружениями; с другой — охраняет страну от вторжения в нее неприятельских армий со стороны моря. Необеспеченность своего побережья от неприятельского вторжения заставит государство, в случае войны, выделить для защиты своих приморских областей большие сухопутные силы, ослабив этим себя на главном сухопутном театре военных действий.

3. Морская сила способна оказывать значительную помощь своей армии, помогая ей сбивать и обходить упертый в море фланг неприятельской армии, перебрасывая ее части через море в тыл противнику и обеспечивая доставку морем снабжения для армии.

4. Все перечисленные важные задачи, которые государство может возложить на свою морскую силу, могут быть осуществлены только таким ее составом, который способен вступить *в борьбу с неприятельским флотом* за владение морем. Эта задача и является, таким образом, непосредственной задачей морской силы. Только осуществив ее, морская сила может обратиться к решению всех перечисленных нами задач, т.е. защиты своей или уничтожения неприятельской морской торговли, обороны своего и нападения на неприятельское побережье, и, наконец, оказания помощи своей армии.

5. Воздушная вооруженная сила не может заменить морскую в решении свойственных последней задач. Но она способна оказать своей морской силе большую помощь при осуществлении ее задач, а неприятельской морской силе — в большой степени затруднить выполнение ее задач.

6. Современная морская сила, как сильнейшая, так и слабейшая, чтобы быть способной бороться за владение морем, должна состоять из *боевого флота*, составленного из бригад линейных кораблей, крейсеров, дивизионов миноносцев, подводных лодок и авиаматов. Для вспомогательной боевой службы в состав морской силы должны входить минные заградители и тральщики; кроме того, в зависимости от местных условий в качестве вспомогательных судов могут еще понадобиться мониторы, сетевые заградители, речные канонерские лодки, сторожевые суда и проч. Наконец, для обслуживания нужд флота при нем должны состоять всякого рода транспорты.

7. Морская сила, составленная из одних подводных лодок или минных судов, не способна бороться за владение морем с флотом, составленным из боевых судов перечисленных классов, и, следовательно, не способна защитить ни своего побережья, ни своих морских торговых сношений.

8. Главным залогом успеха морской силы являются *организованность, искусство и смелость ее личного состава*. Правильно составленный из надлежащих классов боевых судов флот, имеющий хорошо обученный, организованный, сплоченный и дружный личный состав, проникнутый чувством долга, отваги и решимости, руководимый знающим и опытным командным составом, может, в руках талантливого начальника, сделать большие

дела с малыми силами — способен выполнить с честью и с успехом возложенные на него государством задачи — против значительно более сильного неприятеля. Сражаются не корабли, а находящиеся на них люди; стреляют не пушки, но люди из них». <...>

Необходимость сильного боееспособного флота

Способы защиты морских сообщений. Россия во время мировой войны, когда выяснился чудовищный расход в современных сухопутных боях оружия и снарядов, очутилась в полной зависимости от ввоза в нее из-за границы недостающего ей боевого снабжения, которое не в силах были изготовлять ее заводы. Западная сухопутная граница ее была закрыта воевавшими против нее Германией и Австрией; морские сношения ее с внешним миром через Балтийское море также были для нее закрыты, так как несравненно более сильный германский флот господствовал в проливах, соединяющих Балтийское море с другими морями; выход из Черного моря также был для нас закрыт, так как находился в руках воевавшей против нас Турции. Поэтому для сообщений с внешним миром и для получения из союзных и не участвовавших в войне стран необходимого нам боевого снабжения для нас оставалось только два пути: один — через Белое море и Мурманское побережье; второй — через Владивосток и Сибирь; последний путь был слишком длинный, и главным, поэтому, являлся первый путь, через Архангельск и Мурманск, которым мы могли пользоваться только *потому, что могучий английский флот запер германскую морскую силу в ее собственных водах, у ее берегов.* Но представим себе, что было бы, если бы Англия не участвовала вместе с нами в войне против Германии? Ясно, что сильный германский флот отрезал бы нас от сообщения с внешним миром через Мурманск и Архангельск, и тогда Россия очень скоро оказалась бы не в состоянии снаряжать и снабжать свои армии всем необходимым для продолжения войны; ее поражение было бы тогда неизбежно.

Легко понять, *что только одна морская вооруженная сила* может обеспечить свои и прервать неприятельские морские сообщения, так как только она одна способна действовать и вдали от берегов, в открытом море, находясь в нем долгое время и подвергая постоянному контролю производящиеся по нему сообщения, и вблизи берегов, контролируя морские сообщения в прибрежных водах и производя враждебные действия против неприятельского побережья. Сухопутная вооруженная сила может, правда, занять все неприятельское побережье и таким образом отрезать своего противника от морских сообщений с внешним миром, но, во-первых, такая операция в большинстве случаев является операцией громадного масштаба, сопряжена с занятием большого территориального пространства приморских областей неприятельского государства; возможна, поэтому, только после решительного разгрома сухопутных сил противника и потребует большого количества войск для удержания захваченных областей; во-вторых, успех такой операции в значительной степени зависит от того, чья морская сила господствует в прибрежных водах. Что же касается до обеспечения своих собственных морских сообщений, то выполнить эту задачу *сухопутная сила*, очевидно, совершенно не может. Даже если бы она смогла обеспечить безопасность своего побережья (что, как ниже увидим, представляет почти неосуществимую задачу при господстве в прибрежных водах неприятельского флота), задача далеко еще не решена, остается еще обеспечить морские сообщения свои в открытом море, — о чем и думать, конечно, не может сухопутная вооруженная сила. *Воздушная вооруженная сила* способна произвести большие разрушения в неприятельских коммерческих портах, может нападать и даже топить отдельные коммерческие пароходы, способна вообще причинить весьма большие затруднения морским сообщениям противника, но прервать их совершенно она все-таки не может, будучи способна, по своей природе, к постоянному контролю за сообщениями на море, — и в особенности вдали от берегов. <...>

Чтобы обеспечить себе морские сообщения с внешним миром, необходимо, очевидно, морскую силу противника лишить возможности нападать на коммерческие суда, идущие к нашему побережью или уходящие от него в море. Самый простой, казалось бы, способ достигнуть этой цели должен заключаться в том, чтобы *все наши коммерческие суда шли в море под охраной наших военных судов.* Легко, однако, понять, что на самом деле такой способ вовсе неосуществим.

Если мы к каждому пароходу будем придавать для его охраны по военному судну, то стоит неприятелю выслать в море несколько быстроходных отрядов, по несколько боевых судов в каждом, чтобы эти отряды смогли, сравнительно в короткий срок, переловить и уничтожить поодиночке все наши военные суда и захватить охранявшиеся ими коммерческие пароходы. Можно было бы соединить идущие из наших портов в море или направляющиеся к нам коммерческие суда в караваны, по несколько десятков пароходов в каждом, и каждый такой караван конвоировать уже целым отрядом боевых судов. Так, действительно, три столетия назад, когда война за морскую торговлю только еще зарождалась, и поступали первые морские державы; но опыт и здравый смысл вскоре показали неудовлетворительность такого способа защиты своей морской торговли: во-первых, эскадра, конвоирующая такой караван коммерческих судов, страшно связывается в своих движениях и в особенности в боевом маневрировании в случае боевого столкновения ее с неприятельским флотом, стремящимся уничтожить такой караван; во-вторых, при таком способе ведения морской войны неприятельское государство всегда будет иметь возможность сосредоточить более сильный флот, чем каждая из наших отдельных эскадр, конвоирующих караваны коммерческих судов, и разбить их по очереди.

При современном развитии торгового мореплавания, когда, например, в феврале 1917 года, в течение всего одной недели из портов только одной Англии вышло в море 2477 коммерческих судов, легко представить себе, сколько и какой силы понадобилось бы эскадр, чтобы конвоировать все это громадное число пароходов. *Опыт морских войн с непреклонностью показывает, что единственным надежным средством совершенно защитить во время войны свою морскую торговлю является обладание такой морской силой, которая была бы способна уничтожить или запереть в гаванях неприятельский флот.*

Крейсерские операции. Но, если нельзя защитить во время войны свои морские сообщения с внешним миром без наличия сильного боееспособного флота, то, может быть, возможно, обладая быстроходными крейсера-

ми и подводными лодками, уничтожить неприятельскую морскую торговлю? Англия, например, бесконечно больше нас нуждается в обеспеченных от неприятельских покушений морских сообщениях с другими странами и со своими заокеанскими владениями. Если мы, допустим, решим заранее, в случае войны с Англией пожертвовать нашими морскими сообщениями, но с тем, чтобы уничтожить зато и английскую морскую торговлю, то наш противник гораздо скорее, чем мы, будет принужден к миру, так как он в гораздо большей степени, чем мы, зависит от морских сообщений с внешним миром. Построить большое количество крейсеров и подводных лодок все-таки будет стоить гораздо дешевле, чем создать боевой флот, способный бороться с могущественнейшим в мире английским флотом.

Подобные рассуждения не раз увлекали не только общественные и правительственные круги старой, императорской России, хронически болевшей непониманием задач и свойств морской силы, но имели успехи в таких государствах, как Франция и Германия.

Особенно часто в этом отношении грешила Франция. Так, 250 лет назад, в одну из первых своих войн с Англией за морское преобладание, Франция имела флот сильнее английского и по числу кораблей, и по их качествам, и, в особенности, по боевой подготовке личного состава. Первые месяцы войны французский флот в ряде сражений бил своего противника. Но правительство Людовика XIV не понимало природы морской войны; преследуя экономию, столь необходимую ему для покрытия расходов на продолжение сухопутной войны, оно, не смотря на блестящие боевые успехи своего флота, стало постепенно сокращать его состав и обратилось к крейсерской войне, надеясь таким *дешевым* способом уничтожить английскую морскую торговлю и, следовательно, подорвать в корне военную мощь Англии. Великолепные боевые корабли французского флота почти перестали выходить в море и, оставаясь в гаванях, постепенно разрушались, а личный состав их начал расходиться по мелким судам, усиленно занявшись крейсерской войной. Англичане же свой боевой флот, терпевший первый год войны только поражения, систематически увеличивали и совершенствовали. Крупная неудача, постигшая на третий год войны часть французского флота, разбитую превосходными силами противника, — в значительной степени по вине самого правительства, — окончательно осудила боевой флот Франции на бездействие и разоружение, а превосходный его личный состав — на распыление по мелким крейсерским судам. Англичане не последовали их примеру; убедясь в бездеятельности и самоубийстве французского боевого флота, они не только не распылили и не вернули свой флот в гавани, но держали его в сосредоточенных силах перед французскими гаванями, подвергая их непрерывной блокаде; отдельные же отряды английского флота с успехом занялись ловлей и уничтожением в море французских крейсеров, лишенных убежища в своих гаванях. В результате Франция лишилась своей морской силы и, по мирному договору, принуждена была уплатить победителю за все убытки, нанесенные ее крейсерами английской морской торговле.

Россия в 90-х годах XIX столетия также увлекалась идеей крейсерской войны против Англии, что и отразилось на ее судостроении. К счастью, войны тогда не произошло; Россия не поплатилась тогда за свои ошибочные предположения о сущности морской войны.

С началом мировой войны германские крейсера, находившиеся в разных частях океанов, повели энергичную борьбу против английской морской торговли; успехам их много содействовала развитая в годы мирного времени сеть германских торговых агентств, находившихся во всех частях света. Эти агентства организовали снабжение германских крейсеров топливом, продовольствием и прочими необходимыми для них запасами; осведомляли их о политической и военной обстановке, о местопребывании и движениях английских морских сил и проч. Несмотря на все искусство, энергию и отвагу, проявленные германскими крейсерами в их операциях против морской торговли англичан и их союзников, — они смогли просуществовать только в течение первого года войны; большая часть их (12) за это время была переловлена и уничтожена превосходными силами английского флота, а остальные (3) принуждены были искать спасения в нейтральных портах, где и разоружились.

За все время этих крейсерских операций германские крейсера задержали и уничтожили до 120 торговых судов с общим водоизмещением около 500.000 тонн. Если мы сравним эти цифры с размерами потерь, нанесенных коммерческому флоту германскими подводными лодками, то увидим, что *наименьшая* цифра потерь, понесенных только одной Англией от германских подводных лодок, приходящаяся на третью четверть 1918 года (т.е. на исходе войны, когда деятельность германских подводных лодок уже подавлялась совокупностью колоссальных средств борьбы, принятых против нее англичанами и их союзниками) — равнялась 512.000 тонн, а ее союзников и нейтральных государств — 403.000 тонн, т.е. вся потеря мирового тоннажа коммерческого судоходства за эти последние три месяца мировой войны выразилась цифрой: 915.000 тонн. *Наибольший* размер потерь мирового коммерческого флота от германских подводных лодок приходится на вторую четверть 1917 года: английские потери — 1.362.000 тонн, а прочих государств — 875.000 тонн; всего — 2.237.000 тонн!

Уже из этих цифр мы видим, насколько более действительным оружием для борьбы против морских сообщений противника являются подводные лодки.

Итак, опыт мировой войны вполне подтвердил вывод из прежних морских войн в отношении неосуществимости попыток одними операциями надводных крейсеров прервать морские сообщения противника, флот которого господствует на море. Но тот же опыт мировой войны выдвинул новое и весьма грозное орудие борьбы против неприятельских морских сообщений — подводные лодки. <...>

Подводный флот. Громадные усилия германского подводного флота задушить Англию, отрезав ее от морских сношений с внешним миром, были сломлены средствами надводного и воздушного флотов. Вся совокупная система этих средств могла быть осуществлена только потому, что *на море безраздельно господствовал могущественный линейный флот врагов Германии*. Вывод как будто получается не в пользу подводных лодок.

Не забудем, однако, о том громадном напряжении, которое потребовалось от двух наиболее богатых промышленностью государств, — Англии и Соединенных Штатов — чтобы создать всю сумму средств, необходимых для борьбы с грозной опасностью, созданной малым числом германских подлодок, стоимостью и численностью экипажей которых, конечно, была во много раз меньше, чем расходы и количество людей и средств, затраченных на борьбу с ними; не забудем также, что наиболее совершенные типы подводных лодок, которые строила Герма-

ния специально для этих операций и на которых был применен весь опыт войны, не успели достроить и употребить в дело за окончанием войны.

Можно поэтому сказать, что подводные лодки являются действительным орудием морской войны, создающим грозную опасность для морских сношений противника с внешним миром. Борьба с этой опасностью не безнадежна, но требует затраты громадных средств, тщательно продуманной и проведенной в жизнь системы их использования. Осуществление на деле всей этой системы требует предварительного осуществления господства своего линейного флота в море; только под его прикрытием, как ниже увидим, и возможно осуществить на деле всю эту крайне сложную и громадную систему.

Но мало ведь прервать морские сношения противника с внешним миром; это — только половина всей задачи войны на море. Останется еще другая, не менее, если не более важная: *обеспечить свои морские сношения с внешним миром.* Каким образом эта задача может быть осуществлена подводным флотом?

Во всякой вооруженной борьбе одна вооруженная сила стремится уничтожить другую и этим путем достигнуть конечной цели войны. Подводные же флоты обладают и, вероятно, еще долго будут обладать основным коренным недостатком: *они слепы под водой* и потому не в состоянии ни бороться друг с другом на уничтожение, ни блокировать один другого. В силу этого подводные лодки могут являться мощным орудием разрушения экономических и культурных ценностей, но не защиты их; для достижения последней задачи необходимо предварительно уничтожить угрожающую этим ценностям вооруженную силу противника, т.е. его подводный флот; но этого-то как раз и не способен выполнить подводный флот, в силу его основного и коренного недостатка — слепоты под водой.

Итак, в конечном выводе, мы приходим к заключению, что только такая морская сила, которая способна в открытой борьбе уничтожить неприятельский флот или заблокировать (запереть) его в базах (портах), может обеспечить морские сообщения своего государства. Что же касается до перерыва неприятельских морских сообщений, то уничтожение или блокирование неприятельского флота также, конечно, является наиболее верным средством, обеспечивающим успешное решение этой задачи. Легко, однако, понять, что до того момента, когда борьба на море между враждебными флотами завершится таким решительным результатом, оба борющихся флота сохраняют возможность наносить удары морским сообщениям неприятельского государства. К этому последнему выводу не относится борьба против морских сообщений противника, ведущаяся одними надводными крейсерами, не поддерживаемыми своим линейным флотом; такая борьба, как показывает опыт прошлых морских войн, вполне подтверждаемый опытом мировой войны, во-первых, не в состоянии нанести серьезных потерь морским сообщениям противника, охраняемым более сильным и его морским отрядами; во-вторых, в более или менее короткий срок заканчивается неизменно уничтожением этих крейсеров.

Совершенно иное, несравненно более серьезное значение имеет борьба против морских сообщений противника, производящаяся подводными лодками, — хотя бы противник и обладал сильнейшим линейным флотом, господствующим на море. Если даже такому противнику — именно благодаря господству своего флота на море, под его прикрытием — и удастся, в конечном итоге, обеспечить свои морские сообщения от подводных лодок своего, более слабого на море неприятеля, то, во-первых, ценой колоссальных средств, специально для этого затраченных; во-вторых, до достижения этого результата неприятельские лодки успеют нанести его морским сообщениям такие потери, которые могут поставить это сильное морское государство в весьма тяжелое положение. Угроза подводных лодок морским сообщениям противника станет еще более серьезной и, быть может, неотвратимой, если подводные лодки в этой борьбе опираются на свой линейный флот, хотя бы и слабейший, но сохранивший за собою свободу действий на море (т.е. не заблокированный своим сильнейшим противником), так как вся система охраны морских сообщений от подводных лодок требует предварительного достижения господства на море, т.е. уничтожения или блокирования неприятельского подводного флота. *Отсюда мы можем заключить, во-первых, что подводные лодки в будущей морской войне явятся весьма мощным и грозным средством для борьбы с морскими сообщениями противника; во-вторых, что это значение подводных лодок в будущей войне возрастет в огромной степени, если они в борьбе против морских сообщений противника будут опираться на свой линейный флот, хотя бы и слабейший, чем у противника, но сохранивший свою боеготовность и свободу действий в море; при наличии такого флота противник не сможет осуществить всю эту громадную и сложную систему охраны своих морских сообщений, которая требует для обеспечения их от действий подводных лодок. <...>*

Береговой флот. Посмотрим теперь, как мы можем обеспечить свое побережье от неприятельской высадки. Из вышеизложенных рассуждений делается совершенно ясным, что для этого мы должны сохранить за своей морской силой возможность напасть на неприятельскую десантную экспедицию либо во время перехода ее через море, либо во время производства ею высадки на нашем побережье. И в этом вопросе необходимо отдавать себе совершенно ясный отчет в тех боевых свойствах, которыми для этого должна обладать наша морская сила.

Дело в том, что особенно в этом вопросе часто встречаются заблуждения у многих, не только государственных и общественных деятелей, но даже и среди военных моряков. *Опять таки стремление избежать больших расходов, неизбежных с созданием боевого флота, заставляет этих людей искать более дешевых способов обеспечения защиты своих берегов.* Появление в ряду технических средств морской войны нового оружия или новых типов боевых судов часто служит поводом схватиться таким людям за это новое оружие и, возлагая на него преувеличенные надежды, объявлять его верным и дешевым средством для защиты своих берегов. Так было, например, 40 лет назад, когда в составе военных флотов впервые появились и оправдали себя на боевом опыте миноносцы, вооруженные самодвижущимися минами. Успех минных атак в нескольких случаях во время войны в Южной Америке и у нас на Черном море, во время войны с Турцией в 1877 году, дал повод противникам настоящего, дорогостоящего, боевого флота утверждать, что время господства на море броненосцев прошло и что маленькие миноносцы способны отогнать или уничтожить их, если они появятся у наших берегов. Увлеченная этой идеей Франция, в период двух последних десятилетий XIX столетия, почти совсем приостановила постройку своего броненосного флота, но зато выстроила большое количество миноносцев и распределила их по

отрядам, расположенным в нескольких укрепленных военных портах вдоль своего побережья. Счастье Франции, что ей не пришлось в этот период времени воевать с государством, обладающим сильным боевым флотом, а то ей снова, как это много раз случилось в ее истории, пришлось бы дорого заплатить за свои заблуждения в основных вопросах о значении и средствах морской силы.

Опыт морских войн, происшедших на грани XIX и XX столетия, а именно — Японско-Китайской войны (1894 г.), Испано-американской войны (1898 г.), и, в особенности, Русско-японской войны (1904–1905 гг.), тщательно изученный представителями французской военно-морской науки и подтвержденный рядом маневров мирного времени, а также и примеры других государств, энергично развивавших свои морские силы в смысле планомерного создания сильного боевого флота, — вернули Францию на правильный путь создания морской силы, но ее увлечение минным флотом сыграло свою роль: с 1890 года, когда ее морская сила занимала второе место в мире после английской, к началу мировой войны Франция заняла уже четвертое, если не пятое место в ряду сильнейших морских держав, уступая Соединенным Штатам и едва ли не Японии.

Русская морская сила была почти полностью уничтожена во время войны с Японией. Естественно, что по окончании этой войны перед русским правительством и обществом стал тревожный вопрос о положении наших морских границ на Балтийском и Черном морях; на первом из них грозным нашим противником являлся могущественный германский флот, а на Черном море Турция, поощряемая Германией, делала энергичные шаги к созданию морской силы. Истощение финансовых средств государства после неудачной войны, с одной стороны, недоверие к морскому ведомству, приведшему к бесславной гибели свой флот в Тихом океане, с другой стороны, — заставили Государственную Думу весьма осторожно отнестись к вопросу о воссоздании обороны наших балтийских и черноморских берегов. Военно-морская техника за границей в это время создала, с одной стороны, новый мощный, но вместе с тем и чрезвычайно дорогостоящий тип линейного корабля *дредноут*, и, с другой, проявила себя большими успехами в усовершенствовании подводных лодок. *Не только в общественных и правительственных кругах, но и среди наших военных моряков того времени отсутствовало единство определенных, установившихся взглядов на задачи и состав морской силы*, — что привело к упорной борьбе между представителями двух взглядов: с одной стороны, так называемые «подводники» доказывали полную возможность обеспечить оборону русских берегов одним подводным флотом; «линейщики», с другой стороны, — совершенно справедливо указывая на опыт больших морских войн, на ошибки Франции, на примере Германии, систематически создавшей могучий боевой флот, — доказывали совершенную необходимость для России создания настоящего боевого флота, способного в открытом бою отразить нападение на наши берега неприятельской морской силы. Этот долгий спор представителей двух взглядов был тем особенно прискорбен, что, как я уже сказал, в нем участвовала не только всегда мало понимавшая в морских вопросах русская буржуазия, но и передовые представители морского командного состава. *Отсутствие, даже в морской среде, установившихся взглядов на основные задачи и свойства морской силы, естественно, порождало в правительстве и в Думе колебания в принятии окончательного решения, что привело к тому, что новые линейные корабли для Балтийского моря были начаты постройкой в 1910 году, а для Черного моря — в 1911 году; и к началу мировой войны ни один из новых наших кораблей не вступил в строй ни в том, ни в другом море.*

Я нарочно привел два примера из истории последних лет развития морских сил Франции и России, чтобы показать, какой опасностью для государства угрожает отсутствие в обществе — а тем более в морской среде — установившихся взглядов. <...>

Господство на море. Только достижение господства на море посредством уничтожения или, хотя бы, блокирования неприятельской морской силы в ее гаванях даст возможность успешно разрешить все основные задачи, лежащие на морской силе. Отсюда вполне вероятно, что сильнейшее из двух борющихся морских государств должно поставить своей морской силе задачу — прежде всего добиться господства на море, посредством уничтожения или блокирования неприятельской морской силы.

Наиболее полным и обеспеченным на все время войны видом господства на море является такой, который достигается путем полного уничтожения неприятельской морской силы. Такой вид господства на море в военно-морской науке называется абсолютным владением морем; понятно, что сильнейший из двух морских противников и должен, прежде всего, стремиться к достижению абсолютного владения морем, которое ему даст наилучшие условия для выполнения всех основных задач, лежащих на его морской силе. Какими же путями можно достигнуть абсолютного владения морем? Самый естественный для этого путь — это уничтожить неприятельскую морскую силу в бою в открытом море. Этот самый естественный путь в действительности, однако, является далеко не самым простым и легкоисполнимым. Слабейший флот, сознавая свою слабость, будет избегать открытого морского боя со своим более сильным противником. Если он при этом обладает большой быстротой, то для сильнейшего противника явится почти невыполнимой задачей — принудить его к решительному бою, а во время самого боя — не дать возможности спастись путем бегства в свою базу остаткам его флота. Но и при равных скоростях, а даже и при небольшом преимуществе в скорости у сильнейшего противника, задача его — уничтожить противника в открытом морском бою — не упрощается до такой степени, чтобы можно было заранее считать это обеспеченным. Мы не говорим здесь о чисто боевом искусстве обоих противников; мы допускаем, что оба они одинаково искусны в своем деле; что оба они с одинаковым искусством используют все боевые силы и качества своих флотов в бою; если этот бой будет вестись до самого конца с *одинаковым упорством* и искусством обоими противниками и если во время этого боя не произойдет никаких крупных случайностей, способных разрушить всякие человеческие расчеты, то, следует думать, что сильнейший флот в таком бою достигнет своей цели, т. е. уничтожит своего более слабого противника. Но какие для этого мы сделали допущения? Не говоря уже о том, что мы допустили одинаковое боевое искусство с обеих сторон (история морских войн показывает, что боевое искусство далеко не всегда бывает на стороне сильнейшего) и отсутствие в бою случайностей, нарушающих человеческие расчеты, — мы сделали противоестественное, в общем случае, допущение: мы допустили одинаковое упорство у обоих противников. Между тем вполне понятно, что более слабый из противников будет

стараться, во-первых, избегать боя с превосходными неприятельскими силами, а во-вторых, в самом уже бою — будет стремиться использовать всякую возможность, чтобы выйти из боя с наименьшими для себя потерями. Ночь представляется особенно благоприятные условия для слабейшего противника, чтобы уклониться от преследования его сильнейшим противником или чтобы благополучно выйти из боя и вернуться в свою базу; такими же благоприятными условиями для него являются туман, мгла и т.п. Чтобы догнать слабейшего противника и принудить его к бою, необходимо прежде всего найти его, что, принимая в расчет огромные размеры морского театра войны и, относительно, ничтожно малый размер площади, занимаемой флотом, — хотя бы самым большим из существующих, — представляет весьма трудную задачу.

Все эти причины и приводят к тому, что, как показывает история, случаи полного уничтожения неприятельской морской силы в бою в открытом море чрезвычайно редки и притом всегда обуславливаются наличием особых, благоприятствующих этому условий. *Уничтожение русского флота в Цусимском бою (14–15 мая 1905 года) является наиболее решительной, исключительной по своей полноте победой японского флота, какую только знает история морских войн*; но и то, что из этого боя вышли и спаслись, прорвавшись до Владивостока один вспомогательный крейсер и два миноносца, спаслись в иностранных портах и в них разоружились три крейсера, — правда, эти остатки русского флота не имели никакого боевого значения, и, таким образом, победу японского флота можно считать совершенно полной. *Какие же причины доставили японскому флоту столь полную победу?* Во-первых, несомненное его преимущество в силах и в скорости над своим противником; во-вторых, несомненно также и большое его преимущество над русским флотом в боевом искусстве; в-третьих, исключительно благоприятные для японского флота местные условия, правда созданные самим же русским командованием. Русская эскадра, идя из Балтийского моря, обойдя Европу и Африку, пройдя через Индийский океан и выйдя в Тихий океан, во-первых, чрезвычайно долго задержалась в стоянках на пути, чем дала японскому флоту большой срок подготовиться к ее встрече; во-вторых, шла такими путями, по которым обычно происходит наиболее оживленное движение торговых судов и которые поэтому весьма облегчали японскому командованию возможность следить за каждым ее движением; в-третьих, поставила себе задачей пройти во Владивосток, все пути к которому вели через проливы между японскими островами и достижение которого поэтому могло состояться только после решительного боя с японским флотом, который при всяком пути, избранном русской эскадрой, успевал занять позицию между нею и Владивостоком. Иначе говоря, он отрезывал русскую эскадру от ее базы. В-четвертых, русская эскадра избрала наиболее для нее опасный путь во Владивосток — через Цусимский пролив, в котором была расположена главная база японского флота и где он в течение нескольких месяцев ожидал ее, готовясь и практикуясь на месте для будущего здесь боя; само очертание Цусимского пролива в наибольшей степени благоприятствовало японскому флоту для преграждения русской эскадре пути во Владивосток и для ее наиболее полного уничтожения. В-пятых, русская эскадра подошла к Цусимскому проливу утром и, таким образом, дала максимум времени японскому флоту до наступления темноты для своего уничтожения. В-шестых, наконец, организация русской эскадры, ее маневрирование в бою и ее неумение стрелять представляли японскому флоту исключительно благоприятные условия для ее полного уничтожения, без большого риска потерь с его стороны. То был, в сущности, *не бой, а избивение — в наиболее мыслимых благоприятных местных условиях — почти беззащитной русской эскадры*. Этим исключительным обстоятельствам и надо приписывать такую исключительную же по своей полноте победу японского флота в Цусимском бою.

Гораздо чаще встречаюся в истории случаи, когда слабейший флот уклоняется от боевой встречи с превосходящими его силами противника, а если ему и приходится все-таки вступить с ними в бой, то ему удается уйти из этого боя, хотя бы, например, под покровом ночи, понеся более или менее серьезные потери. <...>

Возможности слабейшего флота в морской войне

Заканчивая на этом рассмотрение типичных методов действий сильнейшего флота, стремящегося достигнуть абсолютного или, хотя бы, условного владения морем, — перейдем теперь к рассмотрению должного образа действий слабейшего флота в морской войне. По вполне понятным причинам, этот вопрос должен нас интересовать еще более, чем первый.

Итак, каковы могут быть задачи боевых действий слабейшего флота во время борьбы на море?

Уже по одному тому, что сильнейший флот стремится к достижению абсолютного или хотя бы условного владения морем, что необходимо ему, как мы видели выше, для обеспечения, во-первых, его морских сообщений и, во-вторых, возможности произвести высадку за неприятельское побережье, — легко понять, что *первейшей задачей слабейшего флота должно быть поставлено: не допустить своего более сильного противника ни до абсолютного, ни до условного владения морем. Иначе говоря, задачей слабейшего противника в борьбе на море является сохранение за собой возможности производства энергичных боевых действий в море, имеющих задачи: действия на морских сообщениях своего более сильного противника и действия против неприятельского десанта как во время перехода его морем, так и во время производства им высадки.*

Такое положение на море во время войны, когда оба противника сохранили за собою способность производить боевые операции в море, называется *спорным владением морем*; исходя отсюда, мы можем сказать, что *первейшей задачей более слабого флота, в морской войне, является — оспаривать владение морем у своего более сильного противника.*

Было бы большой ошибкой понимать это оспаривание в том смысле, что слабейший флот должен заботиться только о сохранении своего существования и возможности выйти в море. Этого еще мало; даже если он выйдет в море свои крейсера и подводные лодки для борьбы против морских сообщений противника, но не будет поддерживать их операции боевыми действиями своих главных сил, которые будут стоять в своих базах, то, как мы видели раньше, надводные его крейсера будут скоро переловлены и уничтожены, а против подводных лодок его противник, не тревожимый главными его силами, развернет всю ту совокупность мер, которыми он в достаточной степени обеспечит свои морские сообщения. Наоборот, при энергичной активности слабейшего флота действия

его надводных крейсеров на морских торговых путях приобретут полный смысл, так как поставят перед сильнейшим противником задачу: либо выслать в океан достаточное количество сил для охраны его морских сообщений и преследования этих крейсеров, что ослабит этот более сильный флот на главном театре военных действий, где непосредственно против него действуют главные силы его противника, либо — жертвовать своими морскими сообщениями, предоставив свободу действий неприятельским крейсерам и сосредоточив свои усилия на достижении развязки борьбы с главными силами своего более слабого противника. Последнее решение для государства, обладающего более сильным флотом, обыкновенно является недопустимым, так как целостность его морских сообщений является для него вопросом его существования.

Таким образом, действия надводных крейсеров на морских сообщениях государства, обладающего более сильным флотом, являются действительным средством для отвлечения части сил последнего с главного театра военных действий; легко ведь понять, что для поимки и уничтожения действующих в океанах крейсеров понадобится значительно большее количество сил, чем та совокупная сила, которую составляют все эти крейсера. Но это отвлечение части сил имеет смысл только в том случае, если оно будет своевременно определено и использовано энергичными действиями его более слабого противника. Англичане в первый период мировой войны вынуждены были отделить значительные силы для охраны своих морских сообщений и уничтожения германских крейсеров. Это отвлечение их сил, однако, вовсе не было использовано германским флотом, который в это время отставался в своей базе, не зная даже, вследствие отсутствия соприкосновения с противником, об его временном ослаблении. <...>

Какими же качествами должен обладать слабейший флот, чтобы быть в состоянии оспаривать владение морем у своего более сильного противника? *Энергия и активность* его операций являются, так сказать, его моральными свойствами, но для проявления их слабейший флот все-таки должен обладать и соответствующими данными чисто материального порядка. Если слабейший флот, например, будет намного тихоходнее своего противника, то последний легко его, во-первых, выследит и догонит, после чего, в зависимости от местных условий, либо уничтожит его в морском бою, либо загонит его в его базу, где и постарается его заблокировать, — достигнув, таким образом, абсолютного или условного владения морем. *Быстроходность и даже, если возможно, преимущество в скорости над сильнейшим флотом — вот основное условие, которым должен обладать слабейший флот, чтобы быть способным оспаривать владение морем.* Второе условие относится уже к самому составу слабейшего флота: если он будет состоять, например, из одних миноносцев и подводных лодок, то он будет, прежде всего, неспособен, как мы видели в предыдущей главе, выполнить одну из основных своих задач — напасть на идущий в море десантный флот, конвоируемый линейным флотом противника. Мы выяснили тогда, что для выполнения такой операции *слабейший флот также должен обладать линейными судами (т.е. линейными кораблями и крейсерами), способными, во-первых, найти идущий морем десантный флот и, во-вторых, пробиться сквозь окружающие последний линии дозорных судов.* Точно так же, и для борьбы против морских сообщений противника, слабейший, оспаривающий владение морем флот, должен иметь в своем составе линейные суда. В самом деле, мы видели уже выше, что надводные крейсера, ведущие борьбу против морской торговли на океанских путях, скоро будут уничтожены, а против подводных лодок, действующих на морских подступах к неприятельским портам, будут приняты обеспечивающие эти подступы мероприятия, — если деятельность этих крейсеров и подводных лодок не будет поддержана боевым флотом, способным поддерживать боевое соприкосновение со своим более сильным противником. Только поддерживая это боевое соприкосновение, возможно следить за противником, за его местопребыванием, движением и составом; нападать на отдельные, более слабые его части и угрожать своим появлением и ударами в тех оголенных от противника морских районах, где его второстепенные силы тем временем пытаются осуществить мероприятия по обеспечению морских подступов и путей от нападений подводных лодок и крейсеров.

Во время мировой войны, в особенности в первый её период, когда англичанами не была еще оборудована и укреплена в Скапа-Флоу база для главных сил их флота, последний, опасаясь атак германских подводных лодок, уходил совсем из Северного моря в северную часть Ирландского моря, где устраивал себе базу в одной из многочисленных бухт западного побережья Шотландии; блокада Северного моря, таким образом, фактически прекращалась на эти периоды; но германский флот отставался в своей базе, даже не пытаясь поддерживать соприкосновение с противником, а потому и не знал об уходе своего противника из Северного моря, а следовательно, не мог и использовать доставшуюся ему на это время свободу действий.

Итак, самое важное условие для того, чтобы оспаривать владение морем у сильнейшего противника, это — быть способным поддерживать с ним *боевое соприкосновение.* А для этого, как видим, необходимо наличие у слабейшего флота двух основных качеств материального свойства: *быстроходность и состав из всех классов боевых судов,* т.е. и линейных, и крейсеров, и миноносцев, и подводных лодок. Чем все эти отдельные суда будут современнее и сильнее по своему вооружению, тем, конечно, осуществимее будут операции по оспариванию владения морем, хотя бы общая боевая сила всего этого флота и была много меньше, чем у сильнейшего противника. Изложенные рассуждения о качествах, необходимых слабейшему флоту, блестяще подтверждают операции германского линейного крейсера «Гeben» в мировую войну на Черном море. <...>

Превосходство в силах русского черноморского флота дало весьма ценные результаты в общей обстановке борьбы с Турцией. Но присутствие и энергичная деятельность «Гebена» в Черном море не позволили русскому командованию осуществить высадку экспедиционной армии в Босфоре, каковая задача являлась основной для царской России в войне ее с Турцией; по той же причине русское командование не могло произвести десантных операций и на болгарском и румынском побережье Черного моря, каковые операции имели большое значение, когда Болгария вмешалась в войну, активно выступив на стороне Германии и ее союзников. Та же энергичная деятельность «Гebена» не позволила черноморскому флоту обеспечить морские сообщения между русскими портами на Черном море, что являлось большим затруднением и для поддержания экономического состояния южных областей России во время войны, и для снабжения наших армий на юго-западном фронте, и даже для снабжения нашего флота и его базы — Севастополя — топливом, т.е. углем из Донецкого бассейна (через Азов-

ское море) и нефтью — из Батума. Наконец, присутствие «Гебена» в Черном море позволило Германии собрать в турецких и болгарских черноморских портах подводные лодки, также развившие, опираясь на эти порты, весьма энергичную деятельность против русских морских сообщений на этом море. Если бы Черноморский наш флот действительно владел морем, то разрушение баз германских подводных лодок не составило бы больших затруднений, — это явилось бы радикальным средством против деятельности последних.

Итак, даже при таком огромном неравенстве сил, какое имело место на Черном море во вторую половину мировой войны, энергичная борьба германо-турецких крейсеров за «спорное владение» морем дала весьма ценные результаты, — несмотря даже на то, что весьма оспаривавший владение морем «флот» состоял, в сущности, всего из одного линейного крейсера «Гебен» и одного легкого крейсера «Бреслау». Остальные тихоходные суда турецкого флота принимать участие в операциях этих двух быстроходных судов не могли и только случайно выполняли некоторые отдельные крейсерские операции. Основными техническими качествами этих германо-турецких крейсеров, позволившим им оспаривать владение морем у несравненно сильнее русского флота, были, во-первых, их большое преимущество в скорости и, во-вторых, боевая сила «Гебена», позволившая ему, при преимуществе в скорости, входить в боевое соприкосновение с линейными силами противника.

Мало однако еще этих технических качеств слабейшего флота, чтобы он мог *длительно* оспаривать владение морем у более сильного противника. Каждый флот, вообще, не может бесконечное время находиться в море; через некоторые, более или менее короткие периоды он должен возвращаться в свою базу для пополнения своих запасов топлива, продовольствия, снарядов и мин и т.п.; механизмы и котлы его судов периодически нуждаются в переборках; команды нуждаются в отдыхе. Сильнейшему флоту легче вообще поддерживать контакт и наблюдение за своим более слабым противником, чем последнему за первым. Сильнейший флот поэтому может определить, когда его противник зашел в свою базу для пополнения запасов, отдыха и ремонта, и, воспользовавшись этим, может тесно заблокировать его в этой базе, — конечно, если это позволяют местные условия. В особенности, например, легко это сделать сильнейшему флоту после боевого столкновения с противником, когда последний возвращается в свою базу для исправления полученных в бою повреждений или вообще в процессе погони за ним. Отсюда вывод для возможности длительного оспаривания владения морем: *слабейший флот должен в своих операциях опираться на такую базу, в которой его трудно было бы заблокировать сильнейшему флоту.* <...>

Какие операции могут возлагаться на слабый флот в морской войне? Для возможности оспаривать владение морем у сильнейшего противника слабейший флот должен обладать следующими качествами: преимуществом в скорости, боевой силой своих судов, базой, затрудняющей противнику возможность тесной ее блокады. Без наличия этих условий слабейший флот, — если его противник не будет делать крупных стратегических ошибок и не проявит достаточную активность, — будет, по всей вероятности, очень скоро заблокирован. Можно ли отсюда сделать вывод, что его боевая роль поэтому кончена? Если это так, то из такого вывода можно было бы сделать и дальнейший логический вывод: государству вообще не имеет смысла иметь такой флот, который в скором времени после начала войны будет заблокирован более сильным противником. К счастью для государств, не имеющих средств к созданию первоклассных морских сил, — это не так. Для правильного решения этого вопроса рассмотрим, что должен и может делать слабый флот, тесно заблокированный в своей базе более сильным противником?

В таком положении для слабого заблокированного флота все-таки представляются и положительные стороны, которые он обязан всемерно использовать. Эти положительные стороны заключаются в самом факте тесной блокады, т.е. иначе говоря, в факте близкого присутствия у его базы блокирующих частей неприятельского флота. Этот тесный и длительный контакт с противником дает возможность заблокированному флоту вести *малую войну*, под которой понимаются операции против неприятельского флота, производимые миноносцами, подводными лодками, минными заградителями и воздушными силами, имеющие целью, в своей совокупности, всемерное ослабление главных сил противника, дабы этим добиться более выгодного соотношения между ними и главными силами своего флота, подготавливая таким образом благоприятную обстановку для перехода последнего к борьбе за спорное владение морем.

Малая война, которую ведут *малые силы* заблокированного флота против блокирующего его базу противника, имеет, таким образом, целью своей — подготовку возможности слабому флоту перейти к активной борьбе и должна состоять из непрерывной цепи операций этих малых сил против блокирующего флота: днем — атаки подводных лодок; ночью — атаки миноносцев; пользуясь темнотой или туманом — скрытая от противника постановка минных заграждений на вероятных путях следования его блокирующих частей; воздушные налеты на маневренную базу блокирующего флота и на его части во время нахождения их на линии блокады и прочее. Все эти операции должны вестись в такой взаимной связи, чтобы непрерывно держать блокирующий флот в напряжении, утомлять его личный состав, не позволять ему спокойно располагаться в маневренной базе для отдыха и ремонта; последовательность этих операций должна быть такова, чтобы противник не мог предугадывать — где, когда и какая ждет его опасность. Главные силы заблокированного флота должны, за все это время малой войны, подавать все признаки своей готовности к активному образу действий, чтобы не позволять блокирующему флоту ослаблять его части, дежурящие на линии блокады. Эта же видимая готовность к активности заблокированного, — частые, например, выходы его главных сил из базы и вступление их в короткие перестрелки с блокирующими частями, — явятся лучшим средством, чтобы держать блокирующий флот в постоянном напряжении и не давать ему возможности ни отдыхать, ни ремонтироваться в его маневренной базе. Всеми этими мерами возможно затруднить положение блокирующего флота до последней степени: личный состав его утомится, нервы его издергаются; механизмы его судов придут в расстройство; все эти обстоятельства постепенно будут создавать все более и более благоприятные условия для успехов отдельных операций малой войны. Главные силы заблокированного флота должны внимательно следить за этой малой войной и своевременно учесть момент, когда моральное и материальное ослабление блокирующего флота позволит заблокированному перейти в не-

медленное и самое решительное наступление всеми своими силами для эксплуатации достигнутого успеха. Пропуск этого момента, промедление в решительной атаке — доставит противнику возможность передохнуть, осмотреться, привести свои силы и мысли в порядок, — т.е. в значительной степени сведет на нет успех, достигнутый малой войной.

Ярким по своей поучительности примером, иллюстрирующим изложенные соображения, — правда, примером чисто отрицательного свойства, — является деятельность русской эскадры, тесно заблокированной в П.-Артуре японским флотом. Когда этой эскадрой командовал адмирал Макаров, то под его непосредственным руководством эскадра вела такую энергичную малую войну, которая держала в постоянном напряжении японский флот; длительное продолжение такого положения могло бы даже поставить перед японским морским командованием вопрос о своевременности прекращения активных операций под П.-Артуром. До самой гибели Макарова высшее японское командование не приступало к морским перевозкам своих армий на непосредственный театр войны, т.е. Северную Корею и Маньчжурию, не считая достигнутым необходимым для обеспечения этих перевозок условное владение морем. Важное стратегическое значение этого обстоятельства легко оценить, если принять во внимание, что этим давалось время сухопутному русскому командованию накапливать и сосредотачивать в Маньчжурии силы, перебрасываемые из Европейской России. Показателем энергичной деятельности Макарова может служить, например, тот факт, что за кратковременный период его командования эскадрой (с 24 февраля по 31 марта) она в полном своем составе выходила из П.-Артура в море 6 раз, тогда как при его предшественнике (с 27 января по 24 февраля) — всего один раз, в первый день войны, а при его преемниках (с 31 марта по день сдачи П.-Артура, т.е. по 18 декабря) — всего два раза. <...>

Мы не будем вдаваться в дальнейшее рассмотрение хода операций русской эскадры и японского флота под П.-Артуром; нашей задачей было рассмотрение лишь тех моментов из этих операций, которые иллюстрируют наши соображения о должном образе действий слабого флота, тесно заблокированного в своей базе превосходящими силами противника.

Кроме таких операций на слабый флот в морской войне могут лечь еще *операции чисто оборонительного свойства*, также, однако, имеющие весьма важное значение для государства. К таким операциям, главным образом, относится защита определенного участка морского театра войны от проникновения в него сильнейшего неприятельского флота. Обеспечение от противника этих морских участков может иметь весьма важное значение, как защита, например, морских подступов к столице или вообще крупному политическому или экономическому центру страны; или — как обеспечение приморского фланга и тыла армии, и т.п. Такая оборона слабым флотом против сильнейшего противника определенного участка морского театра может, однако, иметь место лишь при наличии особо благоприятных местных условий, позволяющих слабому флоту вести на море позиционную войну.

Под позиционной войной на море мы понимаем такой вид борьбы, когда слабейший из противников создает в определенном водном участке морского театра *позицию*, состоящую из широко и густо поставленного минного заграждения, преграждающего поперек весь проход на защищаемый участок и упирающегося, таким образом, своими флангами в берега, острова, банки или отмели. Если берега или острова, в которые упирается своими флангами позиционное минное заграждение, принадлежат тому же государству, флот которого защищает этот морской участок, то позицию можно значительно усилить, установив на этих фланговых береговых пунктах батареи такой дальности, чтобы они могли обстреливать все поставленное минное заграждение по всей его длине, и такой мощности, чтобы их снаряды наносили серьезные повреждения неприятельским тральщикам, пытающимся протралить проход через это заграждение. Впереди заграждения, т.е. по внешней его сторону (по отношению к защищаемому морскому участку) располагаются подводные лодки, готовые атаковать неприятельские силы, приближающиеся к минному заграждению. Наконец, по внутреннюю сторону заграждения, вдоль него, располагаются главные линейные силы обороняющего позицию флота. Неприятельский флот, для того чтобы проникнуть в защищаемый район моря, должен будет предварительно прорваться через минное заграждение; во время этого прорыва он должен будет идти, имея впереди себя тральщики, на обязанности которых — очищать ему безопасный путь среди мин. Следуя за тральщиками поперек минного заграждения, неприятельский флот не может идти полным ходом, но — с значительно уменьшенной скоростью, и не может также совершать крутые повороты. Эти обстоятельства дают возможность флоту, защищающему позицию, занять в отношении прорывающегося противника выгодное *фланговое положение*. <...>

В открытом морском бою занять, а тем более удержать такое выгодное фланговое положение относительно противника является чрезвычайно трудной задачей, — если, конечно, противник что-нибудь понимает в морской тактике и не будет делать грубых ошибок, или *если его маневрирование не будет чем-нибудь стеснено*. Совершенно иное дело — в бою на заранее подготовленной нами морской позиции. Выше мы уже видели, что прорывающийся через минное заграждение флот должен идти за тральщиками, прочищающими ему путь среди мин и, вследствие того, вынужден идти малой скоростью и не может делать крутых поворотов: иначе говоря, *прорываясь через минные заграждения, неприятельский флот будет весьма стеснен в своем маневрировании*, — что и дает возможность слабейшему флоту, защищающему позицию, занять и удерживать во время прорыва противником минного заграждения выгодное относительно него *фланговое положение*. Вследствие этого, защищающий позицию флот будет иметь возможность поражать своего противника всей своей артиллерией, тогда как последний в состоянии будет отвечать ему только из своей носовой артиллерии. Вот уже — первое обстоятельство, в значительной степени уравнивающее силы слабого флота, защищающего такую позицию против более сильного противника. Но это — еще не все, сам по себе прорыв флота через минное заграждение представляет из себя опасную операцию: флот должен точно следовать за тральщиками; уклонение какого-нибудь корабля в сторону может немедленно же привести к подрыву его на неприятельских минах; между тем, такой случай весьма вероятен, вследствие повреждений, могущих быть полученными кораблями прорывающегося флота от артиллерийского огня противника, защищающего позицию. Опасность эта во много раз еще может увеличиться в том случае, когда минное заграждение, как мы говорили выше, обстреливается фланговыми

дальнобойными береговыми батареями. Эти батареи могут подбить тральщиков, и тогда положение неприятельского флота, оказывавшегося среди нашего минного заграждения с подбитыми тральщиками, станет чрезвычайно опасным. Если учесть еще то обстоятельство, что еще до подхода к минному заграждению неприятельский флот будет атакован нашими подводными лодками, которые, как сказано было выше, должны были заблаговременно расположиться для этой цели по внешнюю сторону заграждения, то вся сила такой морской позиции станет для нас вполне ясной. *При умелом использовании идеи позиционной борьбы на море, при искусном ее выполнении и при правильном, заранее разработанном плане маневрирования флота за такой позицией — ее можно с успехом защищать против гораздо более сильного противника.*

Идея такой оборонительной, позиционной борьбы на море также, как мы видим из беглого ее обзора, требует, чтобы в составе слабого, защищающего позицию флота были линейные суда, способные вести артиллерийский бой с прорывающимся противником. Чем шире такая позиция, т.е. чем длиннее составляющее ее минное заграждение, тем труднее будет обороняющему позицию флоту занимать выгодное ему фланговое положение в отношении прорывающегося противника. Кроме того, чем шире такая позиция, тем меньшую роль будут играть фланговые береговые батареи. При их отсутствии, или, если позиция настолько широка, что береговые батареи не могут обстреливать всю ее ширину (т.е. все протяжение минного заграждения), — шансы для успешного прорыва такой позиции значительно возрастут, так как прорывающийся через минное заграждение противник может избрать такой путь, при котором его тральщики не будут подвергаться артиллерийскому огню береговых батарей. Отсюда мы заключаем, что чем морская укрепленная позиция будет шире, тем защищающий ее флот должен быть сильнее.

Это положение, очевидно, верно и в обратном порядке: чем морская позиция уже, тем более слабый флот может ее защищать; эту слабость флота мы должны понимать однако только в смысле количества составляющих его судов, но — отнюдь не качества, так как из вышеизложенного видно, что защищающий позицию флот должен быть способен вести, хотя и в выгодных для себя условиях, артиллерийский бой с прорывающимся противником. А для этого совершенно необходимо, чтобы корабли, защищающие позицию, имели вооружение и бронирование, соответствующие требованиям такого артиллерийского боя.

Когда морская позиция настолько узка и длинна, что с прорывающим ее неприятельским флотом могут справиться одни мощные береговые батареи, расположенные по обоим сторонам этой позиции, во взаимодействии с минными заграждениями, поставленными на всем протяжении этой позиции, — флот может совершенно не понадобиться для защиты такой позиции. К таким морским позициям относится защита длинных и узких проливов. Англо-французский флот в 1915 году потерпел, например, полную неудачу и понес крупные потери при попытке его прорваться через защищаемый турецкими береговыми батареями и минами заграждения Дарданелльский пролив.

Современное развитие боевых средств воздушного флота позволяет в большей степени и его использовать для защиты морских позиций; правда, с другой стороны, неприятельский флот, намеревающийся прорвать морскую позицию, также может иметь при себе воздушные силы в таком размере, который может гарантировать его от воздушных атак противника.

* * *

Как общий вывод, мы видим, что не только сильнейший, но и слабейший из противников, — для того, чтобы быть способным вести эту борьбу, должен обладать линейным флотом и вообще всеми средствами борьбы на море, которыми располагает современная военно-морская техника. Разница, допускаемая в силе флотов, способных вообще вести борьбу на море, должна быть не качественная, но количественная. Более того, качественные преимущества: в моральном состоянии и подготовке личного состава, в боевой мощи кораблей, в действительности вооружения и проч. — в огромной степени могут возместить недостаток в количественной силе флота.

Из этого же рассмотрения мы видим, что и слабый флот в борьбе за владение морем имеет весьма важные задачи, успешное разрешение которых в большой степени может повлиять на общий ход войны.

Не забудем, наконец, что флот, как всякая вообще вооруженная сила, создается государством на долгий срок, в предвидении войны не только с одним, определенным противником, но на основании учета всех тех вероятных вооруженных столкновений в течение ближайшего ряда лет с различными вероятными же противниками, предвидение которых составляет важнейшие задачи политики. В ряду этих вероятных противников могут быть и первоклассные морские державы, в войне с которыми нашему флоту придется выполнять стратегию слабейшего из противников на море, или могут быть и такие государства, во время войны с которыми нашему флоту, на полном основании, могут быть даны задачи, сопряженные с захватом им абсолютного или хотя бы условного владения морем.

Исходя из всех этих соображений, мы приходим к неизбежному выводу, что государство, пришедшее к необходимости интересов на море, — должно стремиться к тому, чтобы эта морская сила была правильно составлена из всех тех классов боевых судов и всех тех средств борьбы на море, которые для этого представляет современная военно-морская техника; необходимо помнить, во-первых, что слабый флот может отличаться от сильного количественным, но не качественным своим составом; во-вторых, что высота качества морской силы может в большой степени возместить недостаток ее количества (29).

КАКОЙ ВОЕННЫЙ ФЛОТ НУЖЕН РОССИИ?

Предназначение военного флота, глубоко раскрытое в русской военно-морской теории, определяет идеальное направление развития военной силы государства. В реальной российской истории это развитие морской мощи страны представлено борьбой различных идей, взглядов и позиций, которые оказывали существенное влияние на характер военно-морской политики и состояние российского флота. Когда стратегия развития флота определялась национальными интересами, законами морской войны, долгосрочной (преемственной и целенаправленной) политикой и ему уделялось должное внимание, флот представлял собой важнейший элемент государственного могущества и приносил огромную пользу Отечеству. И наоборот, пренебрежение морскими интересами страны, боевыми свойствами военно-морской силы, попытки каждый раз создавать флот заново, его непродуманное строительство и неудачное использование в войнах, — все это приводило к становлению мнимого, декоративного военного флота, который в серьезном случае не мог защитить, оставался дорогой и ненужной игрушкой, сеял сомнение в необходимости настоящего военного флота и, в конечном итоге, оказывал негативное воздействие на судьбу России.

Отечественная история свидетельствует: а) Россия не может существовать только как континентальное государство; она должна быть и морской державой; б) заслуги военного флота в становлении и защите российской государственности — несомненны и очевидны; в) военно-морская традиция России связана с созданием, расцветом (XVIII век) и последующим упадком действительного военного флота, чему основной причиной стали непоследовательность и ошибки военно-морской политики XIX–XX веков; г) России нужен не какой-нибудь, и тем более не кажущийся, а настоящий, пусть и малый, но качественный военный флот, построенный на правильных основаниях, способный побеждать при любых обстоятельствах и постоянно поддерживаемый в совершенном боевом состоянии; именно этот критерий должен лежать в основе долгосрочной политики (прог-раммы) возрождения военно-морского флота России.

И общая теория военного флота, и отечественная история приводят к следующим выводам.

Необходимость активного (линейного) флота

России нужен активный боевой флот, способный решать основные задачи морской войны: бороться за господство в прилегающих морях, осуществлять десантные операции и не допускать высадки войск противника на собственное побережье, обеспечивать и поддерживать действия сухопутной вооруженной силы, защищать интересы России на океанских просторах. Военный флот должен соответствовать русской морской традиции, современному состоянию военно-морского дела, требованиям качества, сдерживать потенциального агрессора («внушать страх противнику»), быть существенным элементом обороны государства и приносить пользу Отечеству. Качественный флот создается длительное время, не терпит импровизации и связанных с ней ошибок и поражений.

Исторически сложилось так, что наиболее полное воплощение русская военно-морская идея нашла в создании линейного (ударного) флота, усиленного различными боевыми вспомогательными судами в зависимости от характера военно-морских действий. Направленность на линейный флот изначально была задана гением Петра I, по кончине которого на Балтийском море имелось в строю 34–36 линейных кораблей, 9 фрегатов, 14 мелких судов и 77 гребных, не считая ластовых, а на стапелях в постройке находилось еще 6 кораблей, 1 фрегат и 6 мелких судов, да готового леса на 9 кораблей, 2 фрегата и 15 галер. Личный состав флота состоял приблизительно из 25.000 человек всех чинов; причем морских команд корабельного флота было 14.500, галерного — 1.200, ластовых — 700, при Адмиралтейств-Коллегии и в Адмиралтействах — 2.700, адмиралтейского батальона и при госпиталях — 1.000, мастеровых — около 5.000, приказных и чиновников — около 1.000. Всех офицеров было около 600, не считая мичманов и гардемарин, коих было 411 человек, причем чинов корабельного флота было 243, из них: генерал-адмиралов — 1 (Ф.М. Апраксин — президент Адмиралтейств-Коллегии); адмиралов — 1 (Корнелий Крюйс — вице-президент Адмиралтейств-Коллегии); вице-адмиралов — 5; шаутбенахтов (контр-адмиралов) — 4; капитан-командоров — 5; капитанов 1 ранга — 7; капитанов 2 ранга — 9; капитанов 3 ранга — 12; капитан-лейтенантов — 29; лейтенантов — 58; секретарей разного ранга — 37; унтер-лейтенантов — 74. Следует заметить, что Петр в условиях непрерывной войны смог последовательно создать три флота: Азовский, Балтийский и затем Каспийский (30).

При Екатерине II флот содержался в усиленном составе; эскадры боевых судов, способные решать задачи в далеких водах, придали ему наступательный, активный характер. И если при Петре (в эпоху становления регулярного флота) значимые морские сражения в основном проводились шхерным (галерным) флотом под прикрытием линейных кораблей, то при Екатерине линейный флот уже

является основным средством ведения морской войны. Военно-морская мощь России начинает определяться развитием двух, постоянно действующих флотов: Балтийского (до 40 кораблей линейного флота) и Черноморского (на 1791 год: 15 линейных кораблей, 18 фрегатов, 75 мелких судов, 50 канонерских лодок, 8 бригантин). Несмотря на отсутствие планомерного развития, весь XVIII век линейный флот успешно выполняет возложенные на него задачи (31).

В последующем флот постепенно теряет свою ударность и мощь, хотя и частично восстанавливает эти качества в начале XIX века. Слишком долгое сохранение парусного флота в начавшуюся эпоху паровых судов, попытки «облегчить» военно-морское дело и переориентировать настоящий флот на оборонительный, а тем более состоящий из судов одного класса (броненосцев береговой обороны, миноносцев, подводных лодок), ведут к расстройству правильно организованной военно-морской силы (ударный линейный флот плюс усиливающие его вспомогательные боевые корабли и другие средства морской войны) и сильнейшим поражениям в Крымской и Русско-японской войнах. Такой дешевый флот, весьма далекий от настоящей морской силы, по своим негативным последствиям оказывается самым дорогим для Отечества.

А. Немитц

Народам нужна не только суша, но и море. Оно дает многочисленные пути сообщения для экономического и всякого иного общения с миром. Будучи по природе народом, призванным жить во всяком взаимодействии с другими, а природой своей территории и первоначальной своей историей загнанное в леса и в болота — в непроходимую сушу — наше великое племя вело титаническую, многовековую борьбу за моря, за господство на них. В течение двух столетий мир продолжался всего лишь 72 года. В остальное время нами ведено 33 внешних войны. Из этих 33 огромная часть, а именно 20, ведено с целью расширения пределов, в стремлении достигнуть и укрепиться на морских берегах. Если выкинуть из числа этих войн те, которые явились результатами явно ошибочной политики (вроде, например, Венгерского похода), то оказывается, что почти все наши войны мы вели с целью выбраться из сухопутной глуши на простор морей и океанов.

Можно ли после этого говорить, что мы народ сухопутный по природе?

Да, история загнала нас в сухопутную глушь, но по природе-то мы, именно, народ промышленный, торговый, активный, жаждущий просвещения, т.е. рано или поздно непременно *народ морской* в самом широком смысле этого слова.

Взгляд на прошлое убеждает нас, что в русском народе и государстве существует прочная морская традиция; больше того, почти вся история внешних войн России, как мы видели, представляет собою сплошную кровавую героическую борьбу за море. Почему это? Да потому, что в массах русского народа инстинктивно, а в его лучших людях сознательно все время жила и живет надежда на такое будущее России, при котором население его будет чрезвычайно многочисленно, вся сухопутная территория, в своих природных богатствах, хорошо эксплуатируема, развита широкая и мощная обрабатывающая промышленность и в связи с нею морская внешняя торговля.

Для этого прежде всего нужны были морские берега и прочное на них утверждение: за них и боролось наше великое племя два века сплошной героической кровавой борьбой. Теперь не создать первоклассной русской морской силы (коммерческой для завоевания торговых путей, военной, под охраной которой только такое завоевание может обеспеченно совершаться) — это значит нам изменить самому трудному делу наших славных предков: делу, для которого они считали целесообразным вести ряд кровавых войн на протяжении веков; считали целесообразным вести военную борьбу, привлекая в общем десять миллионов русских бойцов и два первоклассных русских флота, из числа которых больше трети этих бойцов и оба первоклассных флота «легли костью» — погибли для отечества. *Теперь не создать первоклассной морской силы — это значит не понять или забыть ту великую идею, которая лежала в основе всей этой борьбы, которая и вдохновляла великих русских людей прошлого: превращение России в державу, великую не только силой армии и терпением народным, но и богатством, просвещением, культурой и всякой цивилизованной силой, неразрывно связанной с морем, с внешней торговлей и с военным флотом.* <...>

Если в области внешней политики является в настоящее время угрожающая возможность военной борьбы между Англией и Германией, само собою понятно, какой большой политический вес может приобрести та держава, от которой будет зависеть склонить исход этой борьбы в благоприятную сторону для одной или другой из борющихся держав. Если Россия будет иметь военный флот, присоединение которого к одной из них сделает морскую силу последней безусловно преобладающей, Россия будет иметь в этом споре положение в высшей степени выгодное, *положение третьего*, — от которого зависит победа каждого из двух вступающих в борьбу. Такое исключительно выгодное политическое положение Россия может приобрести, создавая себе, в достаточно короткий срок, военный флот достаточной силы. Тогда политический вес России сразу вырастет чрезвычайно, ибо он всегда измеряется прямо военной силой государства на данном театре. Создав себе в нужный срок *военный флот достаточной силы*, Россия сразу достигнет положения, при котором союз с нею будут искать самые сильные державы мира, и от России самой будет зависеть использовать эти предложения для достижения тех или других политических выгод, необходимых ей для ее упрочения. Тогда от России будет зависеть многое, тогда она сможет защитить все свои главные интересы, даже не прибегая к вооруженному столкновению. Всякий из нас знает и горько чувствует, как мы в настоящее время, вследствие некоторой своей политической слабости, уступаем в разных внешних политических осложнениях. В том положении, которое я только что очертил, когда две величайшие державы будут чувствовать себя каждая на краю от гибели (ибо столкнутся две мировые силы, достойные друг друга), а от нас будет зависеть повернуть события в ту или другую сторону мы явемся самой влиятельною державою в этот исторический момент и возьмем таким образом компенсации за поражения и обиды русско-японской войны.

Истратить несколько сот миллионов, для того чтобы создать себе в ближайшем будущем такое положение, стоит; оно окупится очень быстро многими и многими политическими и экономическими выгодными последствиями. <...>

При созерцании такой перспективы, ясно, что необходимо нам делать: надо стремиться к созданию такой вооруженной силы, которая единственно может обеспечить нам свободу и политическое могущество в разгорающейся великой борьбе. Эта вооруженная сила есть *первоклассный военный флот*, военный флот такого могущества, что брошенный на чашку весов назревающей большой борьбы, он склонит ее на ту сторону, на которой окажется. Наша могучая и славная армия обеспечивает нам сухопутную границу, но с одним обеспечением сухопутной границы здесь ничего не сделаешь. *Дело решается на море*. Ближайшая большая борьба Европы, и с нею величайшие политические вопросы будут решены на море. Если мы не будем иметь морской силы, мы неизбежно окажемся в этом решении обделенными. А так как решение будет грандиозное, которое сможет коренным образом изменить карту Европы, сможет изменить политический вес самых крупных политических сил, мы можем тогда оказаться обделенными в высшей степени, сможем оказаться низведенными на степень второстепенной державы. Единственный способ сохранить свою силу и самостоятельность, сохранить нетронутым свое достоинство и свои интересы — *иметь сильный военный флот*. Одно существование такого русского флота сможет затянуть назревающее столкновение — отложить его по нашему желанию — на долгое время. Если же оно разразится, то от нас, при наличии флота, будет зависеть обеспечить за собою необходимые нам права и выгоды.

России нужен флот, который мог бы ставить самостоятельные стратегические решения в море. Флот такой силы, чтобы с ним было бы необходимо считаться всякой великой морской державе.

При нем Россия будет сама великою державою, имеющею самостоятельный голос в каждом международном вопросе. Без него конец очевиден — исключение отечества из числа великих держав мира.

Но разве можно нам на это согласиться?

Нет, мы не можем, мы не имеем нравственного права проявить такую слабость: на Россию возложены свыше великие исторические задачи; для использования своего исторического долга, русский народ должен обеспечить себе свободный самостоятельный политический голос: миру нужна, необходима свободная, сильная, великая Россия; изменить этому — значит заслужить осуждение следующих за нами русских поколений! <...>

Должно быть ясно, что единственно дешевый флот — это флот нормального состава, каковым в настоящее время является эскадра в составе прежде всего линейных кораблей — для боя, затем легких крейсеров — для разведки, миноносцев — для эксплуатации победы (уничтожения подбитых в бою кораблей) и на последнем плане подводные лодки — для усиления обороны некоторых особо важных береговых пунктов.

Создав так называемый «контр-флот», государство за неправильность своей морской силы заплатило бы ненормально большие деньги для своей обороны. Но это было бы еще полбеде, если бы истратив лишние сотни миллионов, народ все же защитил бы свою территорию с моря. На самом деле, вопрос стал бы для него гораздо серьезнее.

Так как *линейный корабль* (эскадренный броненосец) есть тот тип современного корабля, который в данное время более всех других соединяет в себе все боевые элементы морской силы, то он является главным родом оружия морской силы, и исключение его из ее составных частей, делает ее не только слабым орудием для военной борьбы на море, вследствие чего этого орудия потребовалось бы количеством больше, но это делает ее негодным орудием. Если в составе нормальной морской силы подводные лодки и миноносцы могут принести в соответствующей обстановке большую пользу, то в качестве всей морской силы, в качестве универсального оружия для обороны на море они не могут принести никакой пользы.

Выше было показано это с достаточной ясностью; так называемый «контр-флот», т.е. составленный из одних минных и подводных судов, *обойдясь государству исключительно дорого, в то же время совсем не смог бы защитить его побережья от нападения нормального неприятельского флота и от неприятельского со стороны моря вторжения в страну, потому что был бы быстро уничтожен мелкими военными судами противника (для него совершенно неустойчивым) раньше, чем даже издали увидели бы хоть один неприятельский «дредноут».*

Серьезная военная служба подводного плавания еще впереди. Для этого его необходимо всякой державе всячески совершенствовать, — но строить в настоящее время на нем, как на основе, всю военную оборону отечества с моря, могут только или профаны стратегии или враги своего отечества, потому что один подводный флот сам по себе совсем не может даже только защитить своих берегов.

И мы видим тому хороший пример. Увлечшись новыми изобретениями, французское общественное мнение, руководимое г-ном Пеллтаном и другими такого рода специалистами, на несколько лет почти отказалось от развития своей нормальной морской силы и сосредоточилось на создании главным образом минно-подводной морской обороны. В результате, теперь пришлось спешно строить броненосцы десятками, — кроме сотен подводных лодок, уже проглотивших сотни миллионов, — и все же, истратив вдвое больше, Франция быстро опустилась со второго на пятое место в ряду морских держав, и с нею соответственно мало в настоящее время считаются в соответствующих вопросах политики великие державы мира.

Недавнее увлечение «дешевым» минно-подводным флотом, в самое последнее время, начинает принимать другую, новую, довольно неожиданную, но не менее уродливую форму.

В последние дни мы встречаемся с новым извращением идеи морской военной силы. Теперь многие рассуждают так: «Пусть флот нужен, и нужен именно нормального состава, правильно организованный, т.е. составленный из линейных кораблей, крейсеров и минных судов, а не только из одних последних — мы согласны, — мы согласны, что России волей-неволей приходится потратить деньги на постройку этих кораблей. Мы согласны давать деньги на постройку кораблей; однако только *на их* постройку, но не на постройку *военных портов и мор-*

ских крепостей, кредитов на которые Морское министерство просит одновременно с кредитом на корабли». «Пусть оно пока строит только корабли, а с крепостью и военным портом дело может подождать».

Вот эта новая попытка «создать нечто из ничего» представляет собою не менее грубое извращение понятия о морской вооруженной силе и не менее опасное заблуждение, чем недавно господствовавшее в обществе чрезмерное увлечение подводными лодками.

Неужели же недостаточно Артура, чтобы собственными глазами видеть, в чем тут дело?!

Эскадра без соответствующей ей базы, без соответственно ее боевой деятельности оборудованного порта и защищенного достаточно сильною крепостью, — такая эскадра в боевой обстановке все равно, что широколиственное дерево, которое лишено корней: под палящими лучами войны она быстро умрет от истощения сил, даже без особых потерь и повреждений от ударов (32).

Общая направленность на строительство мощного линейного флота, способного господствовать на российских морях и возвышающего Россию до уровня если не великой, то первоклассной морской державы, флот которой, по крайней мере, занимал бы третье место в мире (после Англии и Франции), постоянно присутствует в морской политике Российской Империи, что наглядно видно по основным штатам за все времена. Однако, начиная с Крымской войны, программа создания настоящего качественного флота наступательного типа постоянно передвигается на будущее, а временно создается оборонительный флот. Ударный флот к очередной войне так и не достраивается, не доводится до уровня других первоклассных морских держав, с которыми Россия вынуждена воевать (Япония и Германия), что абсолютно пагубно влияет на результат соответствующей войны: «Отличительной внутренней чертой всех судостроительных программ, выработанных до войны с Японией, является стремление ссылаться при составлении плана на заветы Петра I и необходимость *активного флота*, а при выполнении — на отсутствие средств и на необходимость прежде всего обеспечить себя флотом оборонительным. Это привело к постоянному несоответствию намерений и действительных результатов: флот, построенный якобы для активных целей, к моменту войны не мог обеспечить государству необходимой обороны» (33).

Построив соответствующее количество больших броненосцев, но не создав настоящего флота и не усвоив законы морской войны, Россия объявляет себя в начале XX века «великой морской державой» (имея 25 линейных кораблей, 23 крейсера и 113 эсминцев) и берет курс на войну с Японией за обладание Тихим океаном! В результате сокрушительного морского поражения (самого поучительного и знаменательного в истории) российский флот в следующей войне (мировой) не может господствовать даже на Балтийском море, а на Черном оказывается неспособным провести ключевую для войны десантную операцию на Босфор. Новые линейные корабли достраиваются в ходе войны, а основные задачи выполняет очередной временный (подводно-минный) «контр-флот», который удалось все же создать за то короткое межвоенное время (9 лет), пока шли споры о военном флоте и закладывалась «большая» судостроительная программа сроком действия до запредельного 1930 года. Удивительно, что и в обстановке абсолютного недоверия к Морскому министерству в связи с печальными итогами его деятельности, культ сухопутной армии (Ю. Витте, П. Миллюков, А. Гучков) и «контр-флота» (М. Меньшиков, Н. Кладо, Л. Добротворский и другие), вновь возродилась мысль о необходимости наступательного боевого флота как единственного серьезного средства предстоящей большой войны. В этот период представителями морской идеи выступили не только морские офицеры и адмиралы (А. Щеглов, М. Римский-Корсаков, А. Колчак, И. Григорович, А. Ливен, Н. Эссен), но и такие государственные деятели, как П. Столыпин и А. Извольский, а также многие депутаты Государственной Думы. Именно благодаря их усилиям была принята «малая» судостроительная программа, а в 1912 году в России впервые вступил в действие «Закон об Императорском российском флоте», определяющий состав военного флота и программу усиленного судостроения на 1911–1915 годы. При обсуждении законопроекта о программе усиленного судостроения 6 июня 1912 года в Государственной Думе основной докладчик комиссии по государственной обороне *Хвоцинский*, в частности, заметил: «В течение всего пятилетия, которое занимается Дума нашего настоящего созыва, все время шла борьба между тем, какой флот для России нужен: флот активный, флот, имеющий крупные корабли типа дредноутов, или только флот оборонительный, его называют контр-флотом — основанный главным образом на судах мелких, на минных крейсерах и подводных лодках. Государственная Дума в целом ряде своих постановлений, как при рассмотрении сметы морского ведомства, так и при отпуске средств на постройку первых кораблей — дредноутов уже установила свой взгляд, что *наш флот в основе своей должен иметь линейные крупные корабли*, такие же точно, какие положены в основу судостроения и на эскадрах иностранных судов. В самом деле, можно ли сравнивать возможность защиты побережья нашего одними минными судами и подводными лодками с возможностью защиты этого побережья дееспособной эскадрой, в состав которой входят правильные, крупные броненосцы, крейсера мелкие, минные крейсера и подводные лодки? Эскадра такого характера, где есть всех родов суда, всех типов суда, имеет способность для действий активных и более способна для обороны всего Балтийского побережья. Сколько бы мы ни имели судов флота минного и подводных судов, этими судами охранить наше побережье нет никакой возможности»...

После продолжительной дискуссии Государственная Дума приняла законопроект об определении стоимости новых судов военного флота и оборудовании заводов Морского министерства, выделив на эти цели 430 миллионов рублей. Царь утвердил закон и в соответствующем рескрипте поставил перед Морским министерством задачу — «*соорудить флот, соответствующий по своей численности и боевым качествам потребностям России*». При этом Николай II особенно подчеркнул следующую фразу: «Тяжкие раны, нанесенные в минувшую войну нашему не знавшему дотоле поражений флоту, должны быть исцелены; наш флот должен быть воссоздан в могуществе и силе, отвечающих достоинству и славе России, но раны эти, как ниспосланное нам Божественным промыслом испытание, не должны быть забыты. В памяти о них необходимо почерпать стремление избегать в будущем тех несовершенств и ошибок, которыми отмечено недавнее прошлое» (34).

К началу 1917 года в составе двух флотов и пяти флотилий Российского императорского флота находятся 658 боевых кораблей; в том числе: эскадренных миноносцев 118 штук, подводных лодок 57, сторожевых судов, тральщиков и вспомогательных судов 549. *Под прикрытием 20 линейных кораблей, 4 линейных крейсеров и 23 крейсеров этот минно-подводный флот осуществляет активную оборону на всех морских театрах войны* (35).

А. Бубнов

Во всех отраслях подготовки флота к войне в короткий срок были сделаны громадные и блестящие успехи. *Артиллерийские стрельбы*, благодаря самоотверженной и неутомимой работе адмиралов А.М. Герасимова и Н.И. Игнатьева, достигли такого совершенства, что во время минувшей войны наш артиллерийский огонь нисколько не уступал огню немецкой артиллерии, стяжавшей себе заслуженную мировую славу. *В области минного дела* были достигнуты такие блестящие результаты, что во время войны союзники обращались к нам за образцами и советами, а ныне, после войны, все специалисты признают, что минное дело в Русском флоте стояло на недосягаемой ни для кого в Европе высоте.

От этой кипучей деятельности на флоте не отставали все технические службы Морского Ведомства. На Юге и на Севере, в Николаеве и Петербурге были созданы *громадные кораблестроительные заводы*, на коих могло строиться одновременно 6 линейных кораблей самого крупного тоннажа; была вызвана к жизни и частная судостроительная промышленность, давшая возможность, совместно с казенным судостроением, строить одновременно 8 легких крейсеров и до 40 миноносцев и подводных лодок; были значительно расширены оружейные, бронепрокатные заводы и заводы башенных установок и много, много разных других технических учреждений. Так что не прошло и 5 лет после Русско-японской войны, как Русское судостроение могло уже целиком удовлетворить всем нуждам флота, избавив таким образом Россию от зависимости от заграницы, которая наградила Русский флот перед Русско-японской войной музеем разнообразных типов боевых судов весьма сомнительной боевой ценности.

И, наконец, целиком было вновь создано *подводное плавание*, с честью и успехом показавшее в минувшей войне достигнутые им за краткий срок существования блестящие результаты.

Вся эта грандиозная, воистину сказочная работа была в течение 8 лишь лет проделана энергией, любовью к своему делу и творческой силой тех офицеров, которым в награду за их геройское самопожертвование в Порт-Артуре, за страдания и превзошедшие силу сопротивляемости человеческой природы напряжения на 2-ой эскадре Тихого океана суждено было перенести полнейшее крушение родного флота и испить до дна горькую чашу всеобщего негодования!

Правы были те английские и немецкие морские офицеры, которые под видом офицеров торгового флота на снабжавших 2-ю эскадру судах следили за ее походом, когда они нам на Мадагаскаре говорили: «Ведь Вы с ума сошли, если хотите с такими судами и после такого похода вступить в бой с японским флотом. Ведь Вы же идете на верную смерть. *Никто в мире, кроме Вас, Русских, неспособен на то, что Вы делаете*».

Да, ибо никто в мире, кроме русского офицера, не несет в сердце своем столько любви к своему делу, никто не способен принять столько мук за эту любовь, не потеряв надежду и веру, и никто не способен на столь беспредельный размах творческой работы, на который способен свободный русский человек (36).

Воссозданный с таким трудом Императорский военный флот перестал существовать в 1917 году. Только через 50–60 лет после этого (теперь уже Советскому Союзу) удалось в очередной раз стать морской державой, обладающей мощным океанским флотом, надежно защищавшим все русские моря и состоявшим из всех современных родов сил: надводных, подводных, морской авиации, БРАВ, морской пехоты. Если «уничтожить» и этот флот, то следующая возможность обладать настоящим флотом может представиться не скоро. Поэтому необходимо бережно использовать доставшуюся нам от предшествующих поколений военно-морскую силу, постоянно ее совершенствовать и помнить: значительный по количеству ударный флот может утвердиться только преемственно и на долгосрочной основе, а потерять его можно в очень короткое время. Характерные для России: экономическая отсталость, сложное географическое положение, неустойчивая военно-морская политика, периодические неудачные войны и систематические государственные перевороты, — предполагают наличие относительно «малого» действительного флота, но который бы «*качествами своими не уступал бы никакому иностранному и только числом бы судов мог считаться слабее*» (38), а также был бы приспособлен для эффективной обороны обширных берегов нашего Отечества.

Геополитические параметры морской силы

России необходим один, сильный военный флот: умело рассредоточенный для обороны берегов в условиях мира и своевременно сосредоточиваемый на нужном морском театре войны. Система его базирования и развития определяется геополитической обстановкой; важностью решаемых морских проблем, государственными задачами и идеей национальной обороны. Эта система требует: 1) содержать на всех стратегически важных морях приспособленные к местным условиям военно-морские силы (местные флоты), достаточные для активной обороны побережья, осуществления морских операций и десантов; 2) иметь мощный «малый» океанский флот, обладающий свободным выходом в Атлантический, Тихий и Северный Ледовитый океаны и способный в случае необходимости быстро усилить морскую оборону России на угрожаемом направлении, своевременно сосредоточиться на вероятном театре морской войны, оперативно появиться там, где этого потребуют политико-экономические и стратегические интересы страны; 3) опираться на хорошо подготовленные и надежно защищенные военно-морские базы (порты), расположенные на собственной территории.

Представленная военно-морская система позволяет впредь последовательно решать возникающие морские проблемы и наиболее насущные задачи морской обороны, держаться на передовых рубежах военно-морского дела, рационально использовать морскую силу в политике и войне. Основанность идеи единого флота, состоящего из трех структурных элементов (местных морских флотов, океанского крейсерского флота и военно-морских баз) подтверждается историческим развитием России и многочисленными исследованиями по данному вопросу.

Исторические противники России с самого начала противодействовали развитию отечественной морской торговли, разработке морских богатств, системному (последовательному и постоянному) развитию военного флота России. Русских старались не допускать прежде всего к берегам Черного и Балтийского морей, через которые можно было бы выйти к основным центрам европейской мировой культуры. В конце XVI — начале XVII века Швеция надолго оттеснила нас от берегов Балтийского моря, где при Иване Грозном мы на короткое время (1570 г.) завели «военный флот» — наемную каперскую флотилию датского корсара Карстена Роде, который весьма успешно действовал против польской морской торговли.

Первая военно-морская система создается на речных верфях. Несмотря на строительство больших военных кораблей, она обладает многими свойствами традиционного для России речного военного флота (гребные суда преобладают, они же приносят первые морские победы). Основные элементы системы фиксируются в четырех морях: Каспийском, Азовском, Балтийском и Белом.

* В 1633 г. иностранцы (голландцы) строят первый на русской территории (в Нижнем Новгороде) плоскодонный военный корабль, который затем разбивается в Каспийском море у берегов Дагестана.

* В 1667 году в селе Дединово (р. Ока) начинается постройка 22-пушечного корабля «Орел» для плавания по Волге и Каспийскому морю. В 1669–1670 годах мини-флот в составе одного корабля, яхты, бота, двух шняв, струга и 35 стрельцов — первых «морских пехотинцев» участвует в защите города Астрахани от мятежных казаков Стеньки Разина, которые, в конечном итоге, сжигают «Орел».

* В 1693–1694 годах на Белое море выходят первые военные суда: яхта «Святой Петр», фрегат «Святое пророчество» и корабль «Святой Павел», предназначенные для защиты отечественного торгового флота, который Петр I пытался завести здесь во время своих посещений.

* Чтобы захватить Азов и выйти к Черному морю, Петр I начинает в 1695 году строительство военного флота сначала в подмосковном селе Преображенское, затем в Воронеже. Весной 1696 года действия флота (2 корабля, 23 галеры, 4 брандера) обеспечивают успех второго Азовского похода. Необходимость военного флота становится очевидной, и 20 октября 1696 года Боярская дума постановляет: «Морским судам быть». В последующем для Азовского флота всего было построено 215 судов, в том числе сорок четыре 58-пушечных корабля. После неудачного Прутского похода (1711 г.) первый полноценный военный флот России, просуществовав 15 лет, по договору с Турцией прекратил свое существование.

* В условиях многолетней войны со Швецией основное внимание уделяется строительству Балтийского флота. 22 января 1702 года последовал государев указ о постройке шести 18-пушечных кораблей на реке Сяси «в оборону и на отпор против неприятельских швейцарских войск». Балтийский флот проявляет себя блестяще. Своими морскими победами и услугами, оказанными армии, он существенно содействует заключению благоприятного для России мира, по которому стране перешла значительная часть Балтийского побережья.

В 1721–1722 годах в верховьях Волги строится военный флот для овладения Каспийским морем. 18 июля 1722 года под командованием генерал-адмирала Ф.А. Апраксина и при участии Петра I из Астрахани отправляются в поход 274 судна и более 170 лодок с десантом. Флот захватывает Дербент, затем овладевает крепостью Баку. В последующем военная флотилия надежно обеспечивает безопасность и интересы Российской империи в этом регионе.

Таким образом, Петр I гениально предугадал и наметил контуры будущей военно-морской системы России, но настоящее развитие при нем и его ближайших преемниках получила только *Балтийская идея*. Балтийское море на долгие годы становится центром военно-морской деятельности России.

Здесь строятся и размещаются на базах основные военные корабли. Отсюда уходят эскадры для ведения военных действий в Средиземное море (Архипелагские экспедиции русского флота второй половины XVIII и первой половины XIX века), а позже и на Тихий океан к берегам Дальнего Востока (конец XIX — начало XX века). Во всех европейских войнах, в том числе и с Турцией, вплоть до 1829 года, Балтийский флот играет значительную роль. В планах войны он считается основной российской военно-морской силой, главным средством усиления сухопутной армии, единственным фактором, предотвратившим морские вторжения противника (Швеции — 1778 г., Франции — 1825 г., Германии — 1914 г.) на балтийское побережье и захват столицы России — Санкт-Петербурга.

Е. Квашнин-Самарин

Внешняя связь между Балтийским флотом и успехом внешней русской политики заключается в том, что успех последней и наличие у России Балтийского флота, превосходящего по силе флот данного во времени противника, совпадают на всем протяжении существования Российского Государства.

Россия не потеряла ни пяди земли своей смерти Петра Великого до Екатерины Второй. Елизавета Петровна, господствуя на Балтийском море, заняла Берлин и не уничтожила ядра Германской Империи быть может только потому, что скончалась. Екатерина Вторая Балтийским флотом выиграла войны со Швецией и первую войну с Турцией и взяла бы, вероятно, Константинополь, если бы не увлеклась разделом Польши, чем уступила немецкому народу большую часть славянской территории, и Екатерина как раз отступила при этом от Петровской политической программы, которая, как известно, заключалась в тесном союзе с Польшей, то есть в поддержке ее впредь до естественного присоединения всей Польши, не исключая балтийских берегов Великой Польши, к Российскому славянскому ядру.

При Екатерине Второй Россия укрепилась на берегах Черного, древнего русского, моря, но Куйчук-Кайнарджийский мир есть не только следствие побед Румянцева, но и Чесмы — победы Балтийского флота. В это время Балтийский флот, совершая свои подвиги у берегов Азии, Африки и Европы, владел Архипелагом и Средиземным морем.

Под охраной Балтийского флота создан при Екатерине Черноморский флот.

Действия новосозданного Черноморского флота имели ограниченное значение, несмотря на исключительное совершенство его качества — тактики Ушакова; эти действия велись исключительно против турок и почти исключительно на Черном море, несмотря на открытые при Императоре Павле проливы.

При Александре Первом Сенявинский Балтийский флот успешно боролся с Наполеоном на Средиземном море и при заключении мира в Тильзите искупил поражение армии тем, что был отдан в распоряжение Императора французов. Последний намеренно поставил русский флот в необходимость сдаться новому его неприятелю, английскому флоту. После этого были для нас вновь закрыты Черноморские проливы, открытые при Императоре Павле во время существования Балтийского флота, закрыты несмотря на то, что в то время существовал Черноморский флот.

В 1812 году Наполеон изменил свой первоначальный план наступления на Россию берегом Балтийского моря только оттого, что английский флот вместе с остатками русского флота закрыл флоту Наполеона вход в Балтийское море, и потому Россия владела этим морем с ничтожными силами во время нашествия на нее двенадцати языков.

Таким образом, победоносный стратегический результат Отечественной войны есть некоторое следствие господства нашего на Балтийском море, созданного военно-морской силой Англии, взявшей на себя роль — в то время необходимую для нее — сохранения России. С прорытием Кильского канала выгоды деятельного союза с Англией с целью прикрытия чужим флотом насущного интереса Российской Империи теряют свое безусловное значение.

При Государе Николае Павловиче наличие господствующего над морем Балтийского флота склонило победу в датско-немецкой войне 1848–1850 гг. к датчанам, а отсутствие в 1864 г. у России Балтийского флота было решающим внешним фактором для объединения Германской Империи после победы немцев над датчанами.

Русская внешняя политика второй половины прошлого столетия вплоть до 1 марта 1881 г. характеризуется расширением политических целей *при ослаблении военных средств* Империи.

Все войны этого времени составляют политическое поражение России.

Но Севастополь был бы невыносим, если бы Государь Николай Павлович имел флот сильнее Английского на Балтийском море, а быть может для этого было бы достаточно и меньшего флота, но соответствующего европейской технике. В этом случае, вероятно, удалась бы программа Государя Николая Павловича и в ней — открытие Черноморских проливов для русского флота. Мы должны были по миру уступить впервые после Петра часть Российской — южной славянской территории.

В царствование Императора Александра II Россия впервые сама отказалась от части своей собственной территории, пока еще в Новом Свете, чем признала существовавшую до сего времени Государственную территорию, превышающую действительную мощь народа. *И это произошло во время отсутствия Балтийского флота*. Таким образом, обессилив на Балтийском морском фронте, Россия была разбита на Черноморском и сама поступилась Тихоокеанским флотом.

В 1877–1878 гг. опять была неудачная по политическим результатам война, успех которой был бы вполне обеспечен лишь при условии существования русского Балтийского флота, сильнее английского, ибо Англия потребовала отказа нашего от Константинополя. Если бы в 1878 г. был потребный Балтийский флот, Россия завладела бы южными проливами.

Я не хочу делать из этого вывод, что достижение всех частных государственных задач русских возможно только при наличии Балтийского, а не другого флота, я вообще не беру на себя смелости ограничиться приведенным внешним доказательством для безусловного вывода, я только утверждаю, что *приведенная внешняя связь Балтийского флота с успехом национальной политики с внешней стороны показывает, что сейчас все*

Государственные задачи Российской Империи могут быть достигнуты существованием соответствующего общей политической программе России Балтийского флота. <...>

В минувшее царствование Россия вела ограниченную, мирную политику, но политику тем не менее успешную, ознаменовавшую даже некоторыми действительными приобретениями и возможностью произвести временное занятие на Востоке и более крупных земель. И в царствование в бозе почившего Государя был у нас не только *местный* Черноморский, но и *общий* Балтийский флот. И спокойное, успешное во внешней политике прошлое царствование прошло при наличии Балтийского флота, имевшего определенную задачу: быть на одну треть сильнее вероятного противника.

Вызванная чисто внешними обстоятельствами перемена исторического русского фронта привела Россию к военной борьбе с азиатским противником, при крайнем напряжении которой защита чести Отечества была, естественно, возложена на Балтийский флот. И кто, русский, рискнет отрицать то, что Балтийский флот выполнил бы свое основное назначение, если бы не был преждевременно ослаблен содержанием половины его в Тихом океане и если бы остальная, спешно собранная часть его не оказалась бы прежде всего качественно значительно уступавшей японскому боевому флоту, подобно тому как и уничтоженная перед тем в Порт-Артуре часть флота значительно уступала неприятелю.

После 1905 года ничего не изменилось к худшему ни в количестве сухопутной российской армии, ни в количестве экономических сил народа, — скорее они возросли; в то же время и наш Черноморский флот остался пока еще сильнее босфорского соседа. Мировое соотношение политических сил изменилось лишь в одном — *Россия потеряла свой Балтийский, свой национальный и государственный флот.*

И мы все знаем, как тяжело изменилось внешнее могущество России, как тотчас же после того произошла закупорка Тихого и Индийского океанов для России, как это обстоятельство потрясло даже и внутренний организм Отечества и прежде всего повергло правительство в пассивность, за которой не трудно усмотреть качественный его недостаток, недостаток приемов деятельности, вполне понятный при потере господства над национальным морем.

Неужели это совпадение наличия потребного Балтийского флота с действительным успехом внешней, а значит и внутренней политики Российской Империи, на протяжении всего двухсотлетнего существования ее окажется при разносторонней проверке этого факта одним совпадением.

Но не будем спешить с научным выводом, хотя в отношении практической политической деятельности России мы, за отсутствием в настоящее время такого вывода, должны принять в расчет хотя бы и тот неполный фактический вывод, каким является вышеприведенная нами связь, и, не ожидая составления полной Военно-Морской Истории России, не написанной за двести лет ее существования, должны ввести в эмпирическую пока формулу Политического Могущества России — мощь Балтийского флота, соответствующую обще-Имперской Российской программе, как некоторый положительный коэффициент, не только увеличивающий число (количество) этого могущества, но прямо-таки меняющий весь порядок числа. <...>

Как бы не менялись цели государственные за промелькнувшие от Петра до сегодня 200 лет, и как бы они ни украшались и ни заменялись, мы уже теперь, и без подробного исследования этого времени, знаем, что Петровская идея Балтийского моря неразрушима, потому что какие бы цели ни взяла на себя Российская Империя, она не может забыть цели своего существования, забыть связь свою с идеалом, или распадется, совершит грех самоубийства.

К этой основной идее органического образования великого народа можно только прибавить, а убавить ничего нельзя, она — хлеб насущный. И это не доказывается совсем одним Петром, это доказывается тысячелетней историей сложения России, всей эволюцией русского племени в направлении к Балтийскому морю.

А так как эта эволюция не только закономерна, а и целесообразна, то мы и без дальнейшей истории знаем, что успех всякой деятельности России с Петра неизменно должен находиться в прямой зависимости от того, не забываем ли мы основной идеи русской государственности. Вся Русская История до Петра, как мы старались показать, приводит к необходимости владения Балтийским берегом для прочного единения с целым миром, идеальный центр которого, мировой Атлант, стоит где-то вблизи Балтийского моря. Вся Русская История говорит и о необходимости для сего флота, который является в ней пророческим предвидением полной независимости русской государственной политики, вынужденной тысячелетним страданием, сознанием невозможности этого без флота.

Мы не можем спорить ни о качестве предложенного Петром приема — балтийской политики, ни о качестве средства для владения Балтийским морем, потому что и они имеют за собою в допетровской истории России закономерное развитие и вполне ясно сейчас сохраняют свое главное значение. И это потому так, что цель Государственная растет тысячелетиями и приемы ее сохраняют свое значение сотнями лет, и в продолжение всего существования мира эволюционируют только во внешности одни и те же средства проявления государственной воли. Потому-то промежуток, отделяющий нас от Петра, ничтожен в отношении различия государственных задач, и его совсем нет в отношении самих Государственных идей. И вот почему мы считаем исторически доказанным, что для жизни России необходимы Балтийское море и военный на нем флот. А что необходимо для нашей жизни, то мы и должны сделать и не можем от того отговариваться и слабостью своих сил (38).

В последнюю четверть XVIII века возрождается *Черноморская идея*, а вместе с ней и новое направление морской политики. Подтверждением ее жизнеспособности служили уже попытки Петра I выйти в Азовское море. Екатерина II прочно утвердилась на Черном море, обеспечила постоянное присутствие эскадр Балтийского флота в Средиземноморье. Создание Черноморского флота оказалось связанным не только с борьбой России за овладение южными землями и Черным морем, но и со стремлением обеспечить выход в Средиземное море, к основным культурным и промышленным центрам этого обширного района мировой цивилизации. С 1787 по 1917 год флот в целом успешно борется за господство на Черном море, но его сил явно не хватает для решения главной морской про-

блемы: обеспечения морских сообщений России со Средиземным морем во время войны и мира, завладения для этого проливами Босфор и Дарданеллы с группой островов, чтобы иметь базу и не допустить блокады со стороны Эгейского моря. Российская политика в этом направлении проводится удивительно непоследовательно, периоды энергичных действий сменяются застоём, победы — поражениями; с начала XIX века постоянно упускается благоприятная возможность силой овладеть проливами (1807, 1829–1833 гг., 1877–1878 гг., 1915–1917 гг.); тесный и долговечный союз с Турцией, который становился очень вероятным после 1798 г. (когда Ф. Ушаков приступил к командованию объединённой русско-турецкой эскадрой в Средиземном море) и который помог бы в последующем мирным путём решить проблему проливов, не поддерживался и даже сознательно нарушался войнами 1828–1829 гг., 1853–1856 гг., 1877–1878 гг. Черноморский флот за всю историю своего существования несколько раз создавался, приходил в упадок, погибал и вновь воссоздавался и в связи с этим не имел никогда настоящей силы. При всех периодических усилениях его штаты оставались «стабильными»: в 1785 году имелось 12 линейных кораблей, 20 фрегатов, 3 кабели и 23 портовых и транспортных судна (по штатам); в начале 50-х годов XIX века во флоте числилось 14 линейных кораблей, 7 пароходо-фрегатов, 6 фрегатов, 6 корветов, 12 бригов (все суда являлись технически устаревшими); перед русско-турецкой войной 1877–1878 гг. флота почти не было. К началу XX века было 7 эскадренных броненосцев, 2 «поповки», 1 крейсер, 3 минных крейсера, 6 канонерских лодок, один пароход и 22 миноносца; к 1914 году в составе флота находились 7 линейных кораблей, 2 крейсера, 13 эсминцев, 4 миноносца, 4 подводных лодки, 4 канонерские лодки и значительное число вспомогательных судов. За время войны флот пополнился тремя линкорами, 13 эсминцами, 10 подводными лодками, несколькими десятками сторожевых катеров, тральщиков и других судов (39). Однако даже в последнем случае черноморский флот не являлся достаточной боевой силой для решения главных задач: завладения в случае необходимости силой проливами, удержания Турции в союзе с Россией или в позиции нейтралитета, воспрепятствования форсированию проливов противниками России, высадки десанта на побережье Турции и обеспечения военной победы в Первой мировой войне.

С конца XIX века предпринимается неудачная попытка перенести основную базу существования российского военного флота на берега Дальнего Востока (тихоокеанские эскадры и отряд крейсеров) в связи с тем, что на Балтике «нет ни поприща, ни оснований для развития флота, способного соперничать с флотами других морских держав» (40). После сокрушительного разгрома Балтийского флота (1-ой и 2-ой тихоокеанских эскадр, выделенных из его состава) в Русско-японской войне 1904–1905 гг. и закрытия для нас Тихого океана снова начинает утверждаться Черноморская идея (хотя она вновь не находит должного практического воплощения из-за приоритетности воссоздания Балтийского флота). Уже в 1907 году лейтенант **Кетлинский** предлагает сосредоточить силы на черноморском направлении морской политики, ключевом, по его мнению, для обеспечения успеха в будущей войне.

На Балтийском море... в случае войны остатки нашего флота не в состоянии будут иметь какого-нибудь серьёзного влияния на исход кампании.

Надо или построить здесь такой огромный флот, который мог бы бороться с германским, или же удовольствоваться минной обороной и подводными лодками, что до некоторой степени стеснит действия противника.

Теперь, очевидно, нет средств создать большой флот, тем более что все-таки *роль флота на этом море только второстепенная* — защита одного фланга армии, и то только до некоторой степени.

Совсем иная роль флота на Черном море.

Здесь флот, при обладании морем, является надёжной и полной защитой всего южного фронта...

Теперь положение во многом напоминает времена Ушакова. Ослабленная войной и раздраемая внутренней смутой, Россия представляет для многих удобный и желанный объект нападения.

И вот море приходит на помощь сухопутной России.

Владея Черным морем, Россия может располагать своей южной армией и направить ее против главного врага.

Нет ничего невероятного в том, что участь остзейских губерний решится на Черном море.

Наука ставит следующий принцип: уклонять свою слабую сторону и выставлять сильную.

Слабую стороной в данном случае является армия, которую нужно защитить с юга, чтобы усилить на главном театре войны; сильным является Черноморский флот, который пока ещё господствует на Черном море.

Турецкий флот может быть усилен покупкой судов, как это сделали японцы, купив *Nisshin* и *Kasuga*, почему наш флот не должен почивать на лаврах, считая себя значительно сильнее противника.

Напротив, противник будет вероятно сильнее материально, но личного состава он ни на каком рынке не купит.

И вот для нашего Черноморского флота открывается задача — победить противника, может быть даже более сильного материально, победить исключительно своим личным составом. Вся морская история показывает, что побеждает именно *личный состав*, несмотря даже на невыгодное для него неравенство сил — вспомним Гангут, Чесму, Синоп, сражения Ушакова, Нельсона и бесконечное число других, начиная с Саламинского.

Надо принять во внимание и то, что географические условия крайне благоприятствуют русскому флоту — к его услугам целый ряд портов, могущих быть отличными базами, в то время как противник должен опираться только на одну базу, что ставит его, как показал Артур, в крайне тяжелое положение.

Из сказанного видно, что для русского флота в ближайшем будущем является только на Черном море такая цель, которая оправдывает большие расходы и в то же время открывает полную возможность достижения успеха.

Такая цель и является первым, самым важным условием для воспитания личного состава.

А, следовательно, именно в Черном море должна быть такая школа (41).

В 1907 году официальное военно-морское руководство к подобным мнениям не прислушивалось. Оно сосредоточило все усилия и средства для воссоздания флота Балтийского, который должен был играть главную роль в войне с Германией и обеспечивать действия сухопутной армии на Берлин, где и должны были находиться «ключи от проливов». (Мыслилось, что в случае успеха на главном театре военных действий проливы достанутся нам без боя, как плоды победы). Задача завладения Босфором флоту не ставилась и рассматривалась лишь в перспективе отдаленного будущего, приурочиваясь к 1930–1935 годам, когда должна была быть закончена так называемая «большая программа» восстановления флота после его уничтожения в войне с Японией в 1905 году. Между тем перед первой мировой войной в составе Морского Генерального Штаба, — как пишет в своих воспоминаниях контр-адмирал А. Бубнов, — была группа лиц, которая считала необходимым вести предварительную подготовку к завладению Босфором во время предстоящей войны с Германией. «Несмотря на то, что эта группа, опираясь на неопровержимые исторические данные, всеми способами старалась провести свою правильную точку зрения, ей все же не удалось изменить сложившуюся в руководящих кругах Морского Генерального Штаба стратегическую идеологию, вытекающую из воспринятой ими «идеи о ключах от проливов в Берлине».

По его мнению, течение военных действий показало, что от решения проблемы проливов зависел исход войны и дальнейшая судьба Отечества. Вскоре после начала военных действий русское правительство было вынуждено поставить целью войны решение вопроса о проливах. (Союзники санкционировали эту цель в 1915 году). Государь стал горячим сторонником Босфорской операции, с высадкой десантной армии. Операция готовилась все годы войны, но так и не была осуществлена, так как Черноморский флот не был в силах выполнить ее, а сухопутное руководство во главе с начальником Штаба Верховного Главнокомандующего генералом М.В. Алеекеевым считало ее «затеей моряков», которым и разрешили в конечном итоге готовить свой «морской» десантный отряд. Мысль о решающем значении в обстановке первой мировой войны завладения проливами для нанесения сокрушительного удара изнемогавшей Турции, как и последняя записка А. Бубнова по этому вопросу в июле 1916 года, были фактически положены под сукно, стали жертвой узости взглядов Генерального штаба на ведение войны (42). После неудачной войны, уже в эмиграции, контр-адмирал **А. Бубнов** продолжает настаивать на приоритетности реализации Черноморской идеи...> Главная и даже единственная — по крайней мере на много еще лет — Русская морская проблема состоит в стремлении к обеспечению свободы и безопасности Черноморских морских путей...

Черноморские морские пути имеют для политико-экономического развития и самого существования России значение первостепенной государственно-национальной важности, как вследствие того, что они дают возможность широко использовать ее главные национальные богатства, к этому морю тяготеющие, так и вследствие того, что, воспользовавшись ими, любой противник может проникнуть в сердце жизненных интересов и тем самым оказывать на ее политику решающее давление...В современной военно-политической обстановке решение Черноморской проблемы до известной степени легче, нежели решение Балтийской. После минувшей войны все побережье Балтийского моря и Финского залива, за исключением Котлинского плесса, отошло под власть ряда лимитрофных государств. За истекшее десятилетие эти государства успели перестраховать себя рядом военно-политических договоров, сеть коих охватывает ныне побережье Балтийского моря. В свою очередь эта сеть опирается на велижавы, вне Балтийского моря находящиеся, и тем самым приобретает значительную устойчивость и сопротивляемость. Через Польшу, являющуюся главным звеном этой системы, она опирается на Францию, а через Латвию и Финляндию — на Англию. При этом в настоящее время два обстоятельства чрезвычайно затрудняют для России политические и военные наступательные действия против этой системы, а именно: тесная военно-политическая связь между Францией и Англией и легкая возможность поддержки лимитрофных государств морской вооруженной силой великих держав вследствие перемены политического режима в Бельтах и углубления фарватера в Зунде. Таким образом, обстановка по сравнению с XVIII веком, когда Россия разрешала впервые свою Балтийскую проблему, коренным образом изменилась: в течение всего XVIII века Англия и Франция находились в состоянии непрестанной вражды, а доступ в Балтийское море парусным флотам того времени был по морским техническим соображениям чрезвычайно труден. Тогда Россия могла разрешать свою Балтийскую проблему без опасения вмешательства извне, оставалась лицом к лицу с разрозненными, подчас воюющими между собой ее противниками, Швецией и Польшей; теперь же, когда обстоятельства в бассейне Балтийского моря коренным образом переменялись во вред России, вторичная попытка разрешения этой проблемы будет сопряжена для нее с почти непреодолимыми препятствиями.

В Черноморском бассейне, между тем, в руках России осталась вся часть побережья, которая ей принадлежала. Здесь ей не противостоит, как в Балтийском море, никакая военно-политическая система враждебных ей держав. Наоборот, главный политический фактор в Черноморском бассейне — Турция тесно ныне связана с Россией и будет к ней и далее тяготеть, если Россия сумеет найти такой способ разрешения своей Черноморской проблемы, который не нарушал бы интересов Турции, а такой способ, по-видимому, имеется. Можно с уверенностью предположить, что ослабленная войной Болгария будет также тяготеть к России; если же это предпо-

ложение и не оправдывается, то ее военно-политическое влияние в бассейне Черного моря, особенно теперь, столь незначительно, что с ним России особенно считаться не придется. Враждебной, таким образом, остается одна лишь Румыния. По тому, как сейчас сложилась международная политическая обстановка, а также принимая во внимание наличие между этими державами серьезных спорных вопросов, нет оснований предполагать, что между ними и в будущем может образоваться тесная военно-политическая система, направленная против России.

Таким образом, в то время как после войны политическая и военно-географическая обстановка на Балтийском море, как таковая, коренным образом изменилась во вред России, на Черном море она осталась без существенных перемен, с той лишь разницей, что во враждебном здесь для России лагере вместо Турции появилась Румыния; это обстоятельство скорее для России полезно, ибо при разрешении своей Черноморской проблемы ей всегда будет выгодно не видеть Турцию в лагере своих врагов. Что же касается до режима связи с внешним миром, то в обоих морях он одинаково изменился в невыгодную для России сторону.

Принимая во внимание неизмеримо большую экономическую, политическую и военную важность для будущего существования государства Российского и Русского народа разрешения Черноморской проблемы по сравнению с разрешением Балтийской, а также принимая во внимание более значительные и, так сказать, коренные перемены во вред России в политической обстановке на Балтийском море, само собой разумеется, что разрешение Черноморской проблемы должно быть поставлено в первую очередь и во главу угла всей внешней политики будущей России. <...>

Исходя из твердо установленного положения, что будущая Россия поведет активную политику в бассейне Черного моря, оставаясь вместе с тем пассивной в бассейне Балтийского моря, необходимо в первую очередь заблаговременно перевести в Черное море весь активный флот из Балтийского моря, который там не только не нужен, но вследствие создавшейся после войны военно-географической обстановки лишен возможности там целесообразно и успешно оперировать. С тех пор, как Россия лишилась своих баз у устья Финского залива — Ревеля и Гельсингфорса, дававших ее флоту выход на простор Балтийского моря, ее активный флот, загнанный вглубь Финского залива и состоящий из больших линейных кораблей, быстроходных крейсеров, истребителей и больших подводных лодок, подобен киту, попавшему в небольшую лужу. При теперешней обстановке в Финском заливе России там нужны лишь малые подводные лодки и миноносцы, для поддержания которых достаточно нескольких кораблей средней силы, чтобы справиться в случае нужды с соседями, чьи морские силы совершенно незначительны. Главная же задача по обороне Петербурга должна при создавшейся на Балтийском море обстановке лежать на крепости Кронштадт и сухопутной армии.

Принимая во внимание возможность военно-морского вмешательства Италии на Черном море, переброска из Балтийского моря активных частей Балтийского флота воспрепятствует этому вмешательству, ибо Балтийский флот, даже в современном его составе, располагая первоклассной базой на Черном море, не уступает в оперативной силе итальянскому флоту на этом море, ибо последний не имеет там никакой базы.

Но и помимо этого сама логика вещей говорит за то, что *военно-морские силы должны быть сосредоточены там, где разрешается главная Морская проблема Государства.*

Базируясь на совершенно неправильном софизме, что «ключи от проливов находятся в Берлине», русские военно-морские круги сосредоточили все свое внимание после Русско-японской войны на создании Балтийского флота и отнесли свои заботы о Черноморском флоте во вторую очередь. В результате активный флот, созданный в Балтийском море, абсолютно ни в какой мере не повлиял на разрешение вопроса о проливах, а в Черном море, где в течение минувшей войны представилось несколько чрезвычайно удобных случаев для фактического решения этого вопроса, — Россия не обладала для сего достаточными военно-морскими силами (43).

Таким образом, военно-морская система Российской Империи с конца XVIII века основывалась на двух военных флотах, развитие которых осуществлялось под конкурирующим влиянием Балтийской (прежде всего) и Черноморской военно-морской идей. Система не являлась надежной и стабильной: 1) она существенно не повлияла на предотвращение войн, их быстрое и успешное ведение; 2) из-за неопределенности морской политики, разбросанности военно-морских сил и их унижительных разгромов (Черноморского флота в Крымской войне, а Балтийского — в Русско-японской) императорский военный флот с середины XIX века находился в постоянно ослабленном состоянии. Предпринятая в начале XX века попытка содержать его одновременно сильным на Балтике, в Черном море и у берегов Дальнего Востока потерпела крах уже в войне с Японией, то есть задолго до начала первой мировой войны. В 1914–1917 гг., даже имея в союзниках Англию, Россия так и не смогла соперничать с Германией за господство на Балтийском море и в конечном итоге потеряла основные завоевания Петра Первого в этом регионе. При всей заманчивости и исторической необходимости Черноморская морская проблема так и осталась нереализованным проектом. Уже после Первой мировой войны стали проявляться значимые признаки того, что и Черноморская, и Балтийская морские проблемы могут быть в значительной степени разрешены мирным политическим путем и что их вообще нельзя уже решать в одностороннем порядке, а тем более силой, потому что на этих двух морях переплетаются морские интересы все большего количества государств. Кроме того стало очевидно, что в случае войны выходы из этих двух морей в открытый океан остаются (могут быть) закрытыми для российского военного флота и, чтобы решить эту задачу, требуется его значительное усиление (в том числе и внешняя поддержка).

Эти факторы, вместе с успехом научно-технического прогресса, явились основной причиной появления и постепенного воплощения в жизнь *идеи Океанского крейсерского флота*, которая пусть в неявном виде, но постоянно присутствовала в военно-морском сознании России. Она явилась результа-

том и отражением основной тенденции развития русского военного флота: от речного (ладейного) к морскому (корабельному) и от морского к океанскому (надводно-подводному) при сохранении в каждой новой системе на длительное время приспособленных к новым условиям элементов старого флота. (При линейном морском флоте постоянно существовали легкие отряды из галер, затем — канонерских лодок и эсминцев, предназначенные для действий в прибрежных районах). Наличие морских флотов не исключало создание специальных озерных и речных флотилий. Строительство и действия океанских боевых кораблей (крейсеров) поддерживались прочной морской обороной берегов и прибрежных районов государства, т.е. местными морскими флотами.

Русские всегда стремились к дальним морям, морским и океанским плаваниям, осуществлению широкомасштабных операций крейсерского типа и, в связи с этим, к океанскому военному флоту, который помог бы им преодолеть недостатки разобщенной военно-морской системы.

* Необходимые условия для решения в последующем океанской проблемы создаются уже первыми дальними походами княжеских дружин Киевской Руси и казаков на речных судах к берегам Черного и Каспийского морей. Смелость и морская предприимчивость воспитываются плаваниями новгородцев в Балтийском море, а поморов — вдоль берегов Северного Ледовитого океана.

* Военно-морские усилия Петра Первого, фактически выведшего Россию к четырем морям и превратившего ее в морскую державу, поражают воображение не только реальностью свершенного, но и грандиозностью замыслов. Петр собирался исследовать Северный Ледовитый океан, выйти к Тихому, обеспечить выходы Балтийскому флоту в Атлантический океан, отправить военный корабль к берегам далекого Мадагаскара.

* Военные моряки, многие из которых в последующем становятся адмиралами, осуществляют в XVIII–XIX веках серьезную подготовку для создания будущего океанского флота. Северные и дальневосточные берега и моря основательно исследуют, в том числе и с точки зрения океанского мореходства, В.И. Беринг, Г.А. Сарычев, В.Я. Чичагов, Ф.Ф. Матюшкин, Ф.П. Врангель, Ф.П. Литке, П.И. Рикорд, В.М. Головин, М.Ф. Рейнеке, Г.И. Невельский, Г.Я. Седов, Г.Л. Брусилов, С.О. Макаров, А.В. Колчак. В XIX — начале XX века обычной практикой многих офицеров на военных судах становятся дальние плавания и участие в кругосветных путешествиях под руководством И.Ф. Крузенштерна, Ф.Ф. Беллинсгаузена, Е.А. Беренса, М.П. Лазарева, О.Е. Коцебу, С.О. Макарова и других (44).

* Неоценимый опыт дальних плаваний и ведения успешной морской войны вдали от России принесли многолетние Архипелагские экспедиции российского военного флота в Средиземное море, к берегам Греции, Турции, Италии и Египта. Академик Е.В. Тарле пишет: «Поход Орлова-Спиридова, окончившийся уничтожением турецкого флота под Чесмой и четырехлетним господством русского флага на Архипелаге, не менее победоносный поход Ушакова, освободившего Ионические острова и прославившего русский флот штурмом и взятием Корфу, наконец, поход Сенявина с его сухопутными и морскими победами — все эти исторические деяния... успели создать в военно-морских и дипломатических кругах определенную традицию, пробудили в России интерес к экономическим и культурным связям со странами Леванта. Все три экспедиции имеют большое значение и для морской, и для дипломатической истории России» (45).

* В период морских реформ 50–70 годов XIX века достойнейшие представители русской морской мысли Генерал-адмирал Великий Князь Константин Николаевич, управляющий Морским министерством адмирал Н.К. Краббе, адмиралы Г.И. Бутаков, А.А. Попов и И.Ф. Лихачев (позднее — С.О. Макаров) приступили к практическому воплощению идеи океанского крейсерского флота. В это время и при их непосредственном участии создаются океанские крейсера (впоследствии броненосные фрегаты), организуются крейсерские эскадры в Тихом океане, знаменитые крейсерские демонстрации против Англии у берегов Америки.

* В 1878–1914 годах многие морские офицеры прошли прекрасную практику дальнего плавания на судах Добровольного флота, которые курсировали на линиях: Одесса — Владивосток — Сахалин; Либава — Нью-Йорк; Севастополь — Бейрут; Владивосток — Нагасаки — Шанхай; Владивосток — порты Охотского и Берингова морей; Владивосток — порты США (во время войны); Архангельск — порты Великобритании (во время войны). Пароходы Добровольного флота во время войны должны были служить вспомогательными океанскими крейсерами.

И удачные крейсерские экспедиции к берегам Америки эскадр контр-адмиралов С.С. Лесовского и А.А. Попова (46), и печальная гибель тихоокеанских эскадр Балтийского флота в Русско-японской войне 1904–1905 гг., совершивших беспримерный поход в район Дальнего Востока без оборудованных баз, — еще раз наглядно подтвердили истину, что морской флот, даже очень сильный, не может заменить своими действиями флот океанский, насущная потребность в котором становилась все очевиднее.

Предполагалось, что океанский флот будет создаваться *на Севере и Дальнем Востоке*, так как только там он мог бы получить свободные выходы к океанам, независимо от политической обстановки, действий противников и союзников. В соответствии с господствующей тогда концепцией, флот

должен был бы иметь крейсерский характер. Тем самым подчеркивалась не только его нацеленность на крейсерскую войну против морской торговли противника (эта идея, как было отмечено, оказалась непродуктивной), но и также стремление действовать оперативно малыми силами, способность к сосредоточению на нужном театре морской войны (47) и вообще там, где возникнет необходимость.

М. Кази

В соображениях Особого Совещания, которое вырабатывало Высочайше утвержденную программу 1882 года для развития флота, высказано, что «в виду географического положения двух главных наших морей, Балтийского и Черного, которые кроме своей замкнутости, зависящей или от сил неприятеля, или от усмотрения соседних государств, закрываются еще самой природой, чем обуславливаются неблагоприятные географические, климатические и политические обстоятельства для действия нашего флота в своих внутренних водах, *крейсерская война*, в открытых водах, должна быть признана для России почти единственным и весьма сильным средством для нанесения существенного вреда торговым интересам неприятеля и для отвлечения его сил от наших берегов»...

Имея возможность усиливать нашего неприятеля на море везде, где мы будем сильнее его, Англия всегда будет пользоваться этою возможностью как угрозой, которую, в крайности, не стеснится осуществлять, пока в развитии морских сил России за крейсерским флотом и серьезной организацией крейсерской войны не будет признано то незаменимое во все свои войны и при всяких политических замешательствах за последние 50 лет. Так было в 1854–1856 гг., когда, в ожидании разрыва с Англией, с необыкновенной энергией были построены 14 корветов в С.-Петербурге и 6 клиперов в Архангельске; в 1863 году, когда мы выслали к берегам Америки крейсерские эскадры адмиралов А.А. Попова и С.С. Лесовского; в 1878 г., когда, благодаря патриотическому порыву Русского народа, созданся Добровольный Флот, а Морское Министерство снарядило экспедицию в Америку для организации наскоро крейсерских операций и, наконец, в 1885 году, когда решительные действия Генерала Комарова на Кушке вызвали так называемые Афганские недоразумения с Англией.

Но, по причинам, которым трудно найти разумное объяснение, сознание первостепенного значения для России *крейсерского флота*, которое всегда обострялось под влиянием возможного столкновения с Англией, постепенно ослабевало в периоды сравнительной ясности политического горизонта и заменялось заботами о развитии русского флота по образу других морских держав, мало отвечающему политическому и географическому положениям России. Если даже в период 1856–1881 гг., когда наш морской бюджет был сравнительно очень ограниченный, мы строили клипера, корветы и фрегаты для крейсерских операций, насколько позволяли денежные средства, за удовлетворением нужд по морской обороне наших побережий судами специального типа, и Россия первая начала с 1856 г. снаряжать *летучие эскадры для дальнего плавания*, а со времени введения брони первая выработала, по проектам Адмирала Попова, типы крейсеров с поясною броней, то трудно оправдать соображения, по которым Морское Министерство уделяло так мало внимания и денежных средств крейсерскому флоту в период самого счастливого для нашего флота времени, когда он пользовался особым расположением и заботами о его развитии в бозе Почившего Государя, признавшего для России, как сказано в Высочайше утвержденной программе 1882 года, «*крейсерскую войну в открытых морях почти единственным и самым сильным средством для нанесения существенного вреда торговым интересам неприятеля и для отвлечения его сил от наших берегов*».

Действительно, для успеха крейсерских операций, *опирающихся на Владивосток и на Мурман*, Россия обладает такими стратегическими преимуществами, какими не располагает ни одна морская держава, за исключением Соединенных Штатов Северной Америки, имеющих также возможность высылать крейсера в Атлантический и Тихий океаны из портов, соединенных с ресурсами государства путями, пролегающими внутри страны и потому обеспеченными от рисков прерывания их неприятелем или затруднения движения по ним. В этом отношении Россия, так же как и Соединенные Штаты Сев. Америки, находится в гораздо более выгодных условиях, чем Великобритания, которая хотя и имеет большое число опорных станций для действий своего флота на всех морях земного шара, но должна считаться с очень большими рисками, которым во время войны с предприимчивым врагом неизбежно подвергнутся морские сообщения метрополии с операционными базами флота, для снабжения их войсками, продовольствием, оружием, топливом и всякими припасами. При разбросанности владений Англии и больших расстояниях между ними, она не в состоянии устранить риски сообщения с ними никаким развитием своего военного флота. И если, далее, принять во внимание, что Англия, как Европейская держава с населением в 39 миллионов душ, владычествует над населением в 300 миллионов на Азиатском материке, 26 миллионов в Африке, 7 миллионов в Америке и 5 миллионов в Австралии и что пространством и правильностью их взаимных торговых и промышленных сношений устанавливается между ними политическая и экономическая связь, которую обуславливает все могущество этой великой колониальной Империи, — то сделается понятным, какую страшную угрозой для Англии может быть хорошо организованный крейсерский флот такого неуязвимого для нее континентального государства как Россия...

Только такой политикой в развитии своих морских вооруженных сил Россия может обеспечить наибольшую производительность своего морского бюджета и достигнуть в отношениях с Англией, этой культурнейшей страной реальных, разумно понимаемых интересов, замены систематической вражды благородным, взаимно стимулирующим соперничеством, достойным великого призвания этих двух могущественнейших Государств для блага человечества.

Поэтому едва ли можно сомневаться в том, что и в настоящее время следует признать еще с большим сознанием, чем в 1822 году, что крейсерская война в открытых морях действительно составляет для России почти единственное и самое сильное средство для нанесения существенного вреда интересам ее главного неприятеля и для отвлечения его сил от наших берегов.

Для серьезной организации крейсерской войны необходимо создать соответствующую базу для крейсерских операций, кроме Владивостока, еще и в незамерзающих водах Мурмана, изобилующих прекрасными природными гаванями с естественными стратегическими преимуществами. В этих видах следует одновременно приступить к постройке железной дороги, которая поставила бы будущий военный порт на Мурмане в постоянное и верное сообщение со всеми ресурсами Государства и к осуществлению на месте всех сооружений и учреждений, отвечающих жизненным нуждам крейсерского флота. Так как железная дорога будет построена на средства общих ресурсов Государственного Казначейства, то на морской бюджет упадут только расходы по устройству военного порта. Эти расходы будут сравнительно незначительны, потому что военный порт на Мурмане должен в снабжении крейсерского флота военными и продовольственными запасами и даже в отношении серьезного и капитального ремонта судов крейсерского флота опираться на С.-Петербург и Кронштадт. При таких условиях устройство сухого дока для большемерных судов составит предмет самой капитальной затраты; мастерским же и складам всякого рода военных и продовольственных запасов нет надобности давать здесь большое развитие, как равно и казарменным помещениям, которые, за исключением ограниченного состава местных портовых команд, должны быть рассчитаны только на временные и краткосрочные помещения экипажей судов, когда это будет вызываться производством работ по ремонту или освежению судов. Только запасы топлива, которое будет требоваться в больших количествах, должны быть значительны и соображены с возможностями и удобствами его доставки на далекий Север...

Тип русского крейсера должен вполне отвечать условиям независимых крейсерских операций между двумя базами, так значительно друг от друга удаленных, как Мурман и Владивосток, а именно около 16.000 миль в обход Африки и 18.000 миль в обход Южной Америки. *Это обстоятельство* вызывает прежде всего *необходимость соответствующего запаса топлива*, которое должно быть, поэтому, очень значительно в настоящее время (при современном развитии паровой механики — не менее 3.500 тонн каменного угля для перехода десятиузловой скоростью между базами). Затем, русский крейсер должен обладать совокупностью боевых элементов лучших современных крейсеров (48).

Идея океанского крейсерского флота, соответствующего специфике и возможностям морской обороны России, занимала значительное место в духовном наследии послеоктябрьской военной эмиграции. Не без влияния германского и американского опыта, она активно прорабатывалась в том же направлении, учитывающем отечественную специфику: России нужен океанский надводный и подводный флот крейсерского характера. Флот, способный решать исторические и вновь возникающие морские проблемы русского государства, усиливать активную оборону своих морей, служить мощной опорой для внешней политики. Неприступными базами этого флота могут стать Мурманск и Владивосток. Для выхода в Тихий океан должны быть энергично разработаны северные морские пути, как единственно русские морские пути, «которыми никто не командует» (49). В мирное время крейсерский флот сосредотачивается на базах Ледовитого и Тихого океанов. В военное время действует по всему периметру морской обороны России, не отрываясь далеко от укрепленных баз (50).

Создание «малого» океанского флота как главного и мобильного «ядра» военно-морской системы России предполагает:

Во-первых, существенное уменьшение в Балтийском, Черном, Белом, Каспийском и других морях «обычных» военно-морских сил, которые будут существовать для того, чтобы прежде всего «не позволять бомбардировать свои города, не позволять блокировать свои порты и моря, не позволять прекращать своей морской торговли, не позволять привозить на свои территории войска» (51).

Во-вторых, улучшение отношений с историческими противниками России (Швецией, Англией, Турцией, Германией, Японией), США и соседними государствами, чтобы создать стратегические условия, благоприятные для военно-морской деятельности России как в морях, так и на океанах. (В совместных операциях с другими странами российский военный флот действовал всегда успешно и с выгодой использовал свою «добавочную» или основную роль в различных военно-политических комбинациях).

В-третьих, наличие мощной сети подготовленных военно-морских баз, портов и опорных пунктов, способных поддержать и усилить как «морские» флоты, так и океанский флот в любых условиях мирного и военного времени. Система базирования должна опираться на внутреннюю национальную основу, защищаться действиями не только флота, но и армии, включаться в общую систему государственной обороны. Неподготовленность баз постоянно подрывала силу российского военного флота, действовала на него «уничтожающим» образом (52).

В-четвертых, совместные действия Армии и Флота, взаимно поддерживающих и усиливающих друг друга как на театре военных действий, так и в войне в целом.

Новая (историческая) военно-морская система учитывает ограниченные возможности России, пытается компенсировать их самобытностью, а не слепым подражанием развитию иностранных флотов. Она легко может быть воссоздана из того огромного наличного материала, который достался в наследие Российской Федерации от Военно-Морского Флота СССР. (Нельзя забывать, что ВМФ Советского Союза вплотную приблизился к идеалу «большого» океанского военного флота, что, в конечном итоге, не принесло России пользы).

Создавая очередную военно-морскую систему, необходимо помнить, что речь идет о военном флоте, который призван защитить богатства, интересы, честь и достоинство *России*. Этой нацио-

нальной задачей должен быть проникнут смысл его существования, а также действия и организация военно-морских сил.

После унижительного поражения в Русско-японской войне правильное развитие флота не мыслилось без определенного национального замысла. Примеры искались и у Петра I, и у Екатерины II. Рассматривая эту эпоху, лейтенант **Н.В. Новиков** сделал вывод, актуальность которого не утрачена до сих пор:

«Флот, созданный как роскошь, как блестящая безделушка, льстящая глазу и ничего не говорящая уму, флот, созданный без участия национального военного замысла, — уже с первых же дней своего существования несет в себе судьбу обречения на исчезновение и бесполезную смерть.

Напротив, флот национальный, в котором в каждую частицу его души и тела вложена цель, государственная необходимость, флот, который отражает в себе стремление народа, на средства коего он создается, — этот флот будет жить и даст родине то, что ему вменено в смысл существования» (53).

Потребность в морской военной реформе

России требуется хороший, своевременно реформируемый военный флот. Плохой флот, находящийся в периоде постоянного становления, не предотвращает войны; он больше обессиливает Россию, чем решает ее государственные задачи. Только серьезная морская военная реформа, потребность в которой ощущается уже давно, способна вывести российский военный флот «из мифического состояния к подлинному бытию» (Екатерина II). Успех реформы определяется ясным пониманием основ морского могущества, стабильностью морской политики, безжалостным устранением хронических недостатков (дефектов) исторически сложившейся военно-морской системы.

Ни один военный флот не испытал таких падений, как российский императорский:

❧ период славных побед сменялся сокрушительными поражениями и унижительными сомнениями в необходимости военного флота;

❧ чередование «хорошего» и «плохого» отношений к флоту закончилось его упадком и разложением;

❧ военное морское искусство постепенно заменилось рутинной военной службой и смотровым благополучием;

❧ первоначальное единство армии и флота превратилось в их обособленное развитие и закончилось поражениями в совместных войнах;

❧ блестящее тактическое образование личного состава сменилось невежеством в вопросах военно-морского дела;

❧ приоритетное развитие материальной части (особенно судостроения) сопровождалось постоянной «экономией» на настоящих боевых кораблях, практическом плавании, стрельбах, боевой подготовке, воспитании личного состава.

С начала XIX века флот в большей степени создавался и возрождался, чем приносил России победы, способные оказать существенное влияние на исход войн в целом. Потенциальные возможности морской силы развивались и применялись слабо. Это приводило к тому, что при самостоятельных морских действиях флот либо уклонялся от решительных морских сражений, либо героически вступал в них, не имея ни малейших шансов на успех. Когда чужие морские десанты стали хозяйничать на русской земле (Крымская война), а блестящие морские адмиралы стали погибать в сухопутных сражениях (Корнилов, Истомин, Нахимов), появились первые серьезные размышления о смысле военного флота и характере морских реформ. Новая морская мысль способствовала созданию броненосного флота и выдвижению новых адмиралов. Но в начале XX века флот вновь оказался не готовым к войне и был буквально разгромлен у берегов Дальнего Востока. Снова встал вопрос о необходимости военно-морской реформы, которая должна была проходить под макаровским лозунгом «Помни войну!» Были вскрыты причины неудач и сделаны следующие выводы.

М. Меньшиков

С реформой флота надо спешить всемерно. Вообще флоты переживают критическую эпоху. Как закованные в железо рыцари с изобретением ружья нашли в своей броне уже не защиту, а гибель, так и броненосцы с изобретением минной стрельбы. Это не совсем ясно только потому, что еще не было больших войн, но вот эта наша грустная война дает всему миру страшный урок, и неужели мы последние им воспользуемся? Еще немного и для всех станет бесспорным то, что гениальным чутьем было ясно людям вроде Макарова. Панцирные чудовища несомненно уступят место минным судам. Ради народного самосохранения необходимо понять смысл времени. Пока мы будем только подражать, до тех пор всегда будем иметь оружие выгодное не для нас, а для врагов наших. Англичанам выгодно иметь броненосный флот может быть просто потому, что им страшно разорительно было бы его бросить. Раз столько добра наготовлено, нужно его использовать — не бросать же в воду затраченные миллиарды. Притом Англия чувствует себя законодателем морского дела, а законодатели вообще консервативны. Броненосное суеверие держится устаревшим, плохо понятым правилом о равенстве оружия. Возможно ли, однако, такое равенство у нас с Англией? Ее флот в десять раз сильнее нашего, — какое тут равенство?

Если на наш один выстрел отвечают десятью, — какое тут равенство? Для достижения равенства державам слабым нужно добиваться превосходства, недостаток количества возмещать качеством. И даже не качеством, каким-то особым, совершенно новым свойством, которого противнику недостает. Как в эпоху Баярда: против лат и кольчуги были выставлены не латы же и не усовершенствованная кольчуга, а совершенно неожиданно кусок свинца, выбрасываемый из железной трубки. Конечно, если бы мы изобрели легкую и абсолютно непробиваемую броню, то такие броненосцы стоило бы строить. Они уравнили бы наше неравенство сил. Но ведь это химера, из тех, что пахнут глупостью. Гораздо проще, гораздо осуществимее взять другое оружие, против которого ваш враг бессилён. Пример Давида и Галиафа избит, но в нем действительно откровение войны. В иных случаях равенство оружия не только не нужно, но оно-то именно и губительно...

Плохой флот нам действительно не нужен. Бесспорно, лучше совсем ничего не строить, чем строить дрянь. Что флот не оказал до сих пор России серьезных услуг — это верно, но именно потому, что это был плохой флот. Имей мы хорошую эскадру при Петре, не понадобилась бы и Полтавская битва. Мы не допустили бы высадки под Нарвой и вместо двадцатилетней войны с ее неисчислимыми жертвами решили бы дело в два часа. Имей мы хороший флот, не было бы следующей шведской войны, как и двух-трех турецких. И Швеция и Турция окончательно смирились, лишь укрощенные на море. Парусному флоту Нахимова что же оставалось делать, как не потопить себя, но будь у нас такой же величины паровой флот, — не было бы севастопольского десанта, не было бы самой войны. Тоже в кампанию 1877–1878 г. флот был только потому бесполезен, что его не было вовсе. Имей мы вместо поповок в Черном море хорошую броненосную эскадру, мы могли бы высадить армию у самого Босфора, и Константинополь был бы взят. Правда, и в этом случае, будь у нас эскадра, не было бы, вероятно, самой войны. Наконец, в последнюю, проклятой памяти, Маньчжурскую кампанию, конечно, лучше бы вовсе не иметь флота, чем иметь плохой. Даже и плохой сослужил некоторую службу, дав время нашей сухопутной армии собраться. Но допустите, что броненосцы наши не уступали бы японским ни в величине, ни в толщине брони, ни в ходе, ни в артиллерии, — допустите, что мы имели бы на месте состав, обученный не только веселой жизни, и адмиралов, приспособленных не только к получению огромных окладов. Картина получилась бы совсем иная. В первом же нападении на Порт-Артур японский флот был бы разбит, и мы в самом деле могли заключить мир в Токио. Почему нет? А вернее, и на этот раз к общему благополучию самой злополучной войны не было бы.

Как видите, все посылки противников флота совершенно верны, но поставьте вместо «плохой» флот — «хороший» флот, и вывод получается обратный. Между плохим и хорошим во всех вещах непроходимая пропасть. Возьмите свежее мясо и гнилое: многое ли отделяет здоровую пищу от яда. Флот старого стиля, патриархальный, безнадзорный, конечно, России не нужен. Мало сказать, что он бесполезен: как трижды подтверждено за последние полвека, такой флот составляет наше национальное несчастье. Именно флот подвел Россию под предательство, которому нет имени. Именно с флотом уплыла в океан наша государственная репутация и лежит на дне. Отрекаясь, как при крещении, от нечистого призрака, обрекая его на вечное осуждение, *мы не имеем права дурное прошлое возводить в закон, обязательный для будущего. Если правда, что хороший флот предупреждает войны*, то эта роль государственного громоотвода не такова, чтобы от нее отказаться с легким сердцем. Несомненно, не будь застарелого хищника во флоте, наши ассигновки были бы достаточны, чтобы иметь хороший флот. Но и в будущем полезнее затратить миллиард, чтобы предупредить войну, чем затратить треть миллиарда и в случае поражения прибавить к ним три. Как мы ни подавлены теперь и ни разгромлены, мы не имеем право терять мужество, мы не смеем оставлять страну беззащитной. Флота нет, но он должен быть создан, ибо что значит не иметь флота, — мы теперь отлично знаем.

У нас нет колоний, нет коммерческого флота — да, но может быть только потому их нет, что нет могущества на морях. Если бы по замыслу Петра Великого мы развили серьезную морскую силу, если бы вместе с западными державами приняли участие в дележе земли, то у нас были бы свои экзотические колонии, а с ними явились бы что возить, явился бы и коммерческий флот. Петр снаряжал же экспедиции на Мадагаскар и в Тихий океан. К сожалению, он умер слишком рано, чтобы выполнить свои планы. Теперь действительно у нас заморских колоний нет, но наши далекие берега — те же колонии, и давно ли четырьмя морями и двумя океанами было короче доехать к Владивостоку, чем по суше? Какие ни на есть берега, но мы их имеем, и в каждой точке их возможна высадка. Нельзя превратить всю линию берега в сплошную крепость; дешевле иметь эскадру железных крепостей, способную защитить любую точку. Это до такой степени элементарно, что даже маленькие державы имеют военный флот. Если он хорош, то предупреждает маленькие войны и настолько дешевле их, насколько палка, взятая в дорогу, дешевле отнятого кошелька. Флот в триста миллионов (считая без утечки) сберечь бы нам не только половину Сахалина, оцениваемую в десять миллиардов, но и неисчислимые ценности в Маньчжурии и на Квантуне. Флот в полмиллиарда сбережет нам, может быть, Балтийское море и Новороссию, на которые, будьте уверены, найдутся охотники. *Армия действительно решает участь войны, но флот делает часто ненужным самое это решение. Как стрела на далеком расстоянии предупреждает меч, — хороший флот предупреждает самую возможность войн в тех случаях, когда вторжение идет с моря. <...>*

«Был да сплыл», — можно сказать о русском флоте. Еще столь недавно, в прошлое царствование, наш военный флот считался третьим по величине, сильнее не только японского, но и немецкого, и североамериканского. Каким образом сразу рухнуло это колоссальное на бумаге могущество — другой вопрос. Бумажные пузыри имеют свойства мыльных — они лопаются. Исчезла очевидно не сила, а стародавняя слабость, совсем напрасно притворявшаяся чем-то сильным. Наш флот уже долгие десятилетия потерял способность оказывать услуги отечеству, и единственная роль его была — истощать казну. Теперь вопрос, который я ставил еще до гибели флота: «Есть ли у нас флот?» (в 1904 г.) — уже неуместен. Теперь в пору подумать, возможен ли он в ближайшем будущем и не выгоднее ли совсем зачеркнуть на время эту государственную статью расхода, приход по которой — одна печаль...

Если нельзя энергически расширить флот — для этого нет денег и долго не будет — то, мне кажется, следует энергически сократить его. Целесообразнее ассигнуемые бесполезно миллионы направить на другую из крайних

нужд. Если вместо законченного здания у вас остались рухнувшие стены и ни поднять, ни покрыть их нечем, то разумнее разобрать развалины, чем подкрашивать их и штукатурить. Лучше распустить на время ораву смотрителей, управляющих, сторожей, которым сторожить уже нечего. То, что осталось от нашего праздничного флота, не есть реальность, это призрак. Это перебитый бугафорский хлам, которым кроме самих себя не обманешь ни одного простака на свете. Народ продолжает оплачивать этот хлам, кажется уже достаточно убедившись в его ничтожности. Если бы речь шла о сокращении хорошего налаженного, боеспособного флота, я первый назвал бы такое сокращение изменой отечеству. Но если не предательство, то глупая ошибка содержать ведомство, в данный момент негодное. Пустота была бы куда предпочтительнее. Все знали бы, что у нас нет никакого флота: ни адмиралов, ни офицеров, ни матросов, ни военных судов. Сообразно с этим и поступали бы. Может быть пустота на морях испугала бы нацию и вызвала бы страстное желание создать флот. Теперь же бумажное «наличие» людей и судов еще раз обманывает страну и еще раз подготавливает ее к катастрофе.

Разрушенное здание, конечно, не есть ничто. Опытный и честный архитектор, искусно разобрав развалины, может набрать из них большой процент хорошего строительного материала. Предлагая на время энергично сократить флот, я вовсе не предлагаю его уничтожить. Именно для возрождения флота крайне важно, чтобы негодное было наконец отделено от годного и что бы осталось только первосортное по качеству. У нас еще найдется с полдесятка первосортных судов, которые не были бы выкинуты ни из какого флота. Найдется из полсотни их превосходительств, украшенных орлами, может быть полдесятка хороших адмиралов, способных учиться и учить молодежь. Ошеломленные разгромом, мы совсем забыли героев этой войны, а они были и между моряками. Как это ни странно, в компании с г. Рождественскими, Небогатовыми, Старками, Ухтомскими, Алексеевыми были же Макаровы, Вирены, Безобразовы, Юнги; был длинный список командиров, старших офицеров, лейтенантов, мичманов, механиков, что мужественно и скромно, по примеру предков, положили живот свой за отечество. Они потонули в океане бездарности и трусости других, но достойны были бы вечной памяти, если бы память о такой войне не приносила страдание народу. Раз так недавно были герои, возможно, что они еще и есть во флоте. Возможно, что некоторые из героев не погибли...

Нужно строго отобрать их и из них составить хотя бы крошечный, но настоящий флот. Все остальное невежественное, бездарное, наглое, хищное, воровское, изменническое должно быть в меру преступлений — судимо, в меру ненужности — выброшено без всякой пощады. И позволю себе прибавить — без всякой пенсии, которую правительство привыкло откупаться от вредных ему людей. Из больших развалин следует отстроить, не теряя времени, маленький, но крепкий домик, новый домик Петра Великого, новый флотик, который бы родил впоследствии достойный России флот. Лишь бы отскрестись от старой грязи и дряни, лишь бы не допустить в зачатие нового флота заразы, погубившей старый флот. Вот почему энергичное сокращение морского ведомства послужило бы лишь к идеальной выгоде его. Что делать, надо глядеть государственной беде прямо в глаза. Дело так стоит, что боевого значения флот наш еще долго иметь не может. Но он может и должен иметь значение хорошей школы, подготовляющей будущее развитие...

Драгоценным сюрпризом явится наличие хорошей морской школы, хорошо устроенного кадра, превосходно обученного состава моряков. Флот быстро сложится, если необходимые центральные его части будут не фикцией, как теперь, а действительностью. Иначе следует бояться, что флот никогда не сложится.

Ничего не было бы постыдного, если бы морское министерство совсем на время было упразднено, т.е. переименовано в видах экономии в департамент, например военного ведомства. Смешно, не имея кораблей, содержать столько адмиралов, сколько хватало бы их на полдюжины больших флотов. Смешно содержать громадные, дорогостоящие учреждения, вроде адмиралтейств-совета, вся функция которых в том, чтобы расписываться в получении окладов, субсидий, аренд и т.п. (54).

Л. Добротворский

Уж очень только досадно и горько, что мы, столь упорно и долго готовясь, так глупо, почти задаром, в самое короткое время, не нанеся почти вреда японцам, лишились целого флота и нескольких тысяч драгоценнейших жизней.

А сколько при этом леденящих мозг картин, сколько потрясающих душу впечатлений и сколько досады и злости за то бессилие, которое мы испытали, очутясь, благодаря негодным кораблям, снарядам и фальшивой системе обучения, в безысходных тисках смерти, из которых большинство судов не выручила даже темнота!

Главными виновниками столь постыдного, столь фатального состояния нашего флота надо признать, во-первых, наших великолепных министров, заказывавших военные суда без всякого плана и расчета, никогда не думавших ни о войне, ни о приобретении и устройстве станций для флота, а во-вторых, всех начальников эскадр, не заботившихся никогда о выработке на практике лучших приемов борьбы с неприятельскими эскадрами и никогда не изучавших ни своих, ни иностранных источников этой борьбы.

По-видимому, мысль о том, что флот, все его учреждения, все мы и все они необходимы *только для боя*, для одного боя и больше ни для чего — основательно была вычеркнута из головы и заменена: отбыванием номеров учений, мелкой формалистикой, бесконечным писанием никому не нужных, будто бы важных для истории, а в сущности для самопрославления, приказов и инструкций, и главное — игрою в почести, якобы крайне необходимых для внедрения дисциплины и поддержания высшего престижа начальников.

Адмиралы совсем забыли мудрую боевую поговорку: «счастливы тот начальник эскадры, который сделав сигнал начать бой, больше не будет нуждаться ни в каких сигналах», и со спокойною совестью вязали волю командиров настолько, что не разрешали им быть самостоятельными даже с собственной собакой, даже со своей шестеркой или паровым катером. На все спрашивали начальственного соизволения: взять ли лоцмана, послать ли буфетчика на берег, подкрасить ли трубу, вымыть ли команду и ее платье после нагрузки угля?

Адмиралы каждый шаг командиров брали на себя, не прощали им ни тени независимости и только тогда успокаивались, когда своих командиров вкупе с их офицерами превращали наконец в каких-то аморфных, безмозг-

лых существ, реагировавших только на расшаркивания перед начальством, на слепое, нерассуждающее повиновение и на нежелание жить и мыслить без приказаний и разрешений.

Такая система ошибочна даже для армии, для флота же она прямо губельна, так как действия войск в сражениях очень разнятся от действий флотов в боях, и если там начальники, благодаря сравнительной безопасности, пересеченной местности и большим пространствам, занимаемым войсками, действительно полновластные начальники, то у нас, вследствие ровной поверхности и компактности морской силы, дерущиеся флоты всем видны; адмиралы же, по случаю одинаковой с прочими опасностями и уничтожения снарядами средств сигнализации, теряют всякую возможность руководить боем, и вся их роль переходит на командиров судов, почему весь успех его начинает зависеть от них и, следовательно, значение командиров во флоте не безразлично и не ничтожно, как предполагают наши адмиралы, но громадно и равно чуть не начальникам отдельных армий на суше.

Только бюрократический произвол, выраженный в ненасытной жажде власти ради ее аксессуаров, ради ее престижа и ради канцелярских удобств сношения с центральными органами, превратил наших адмиралов в каких-то громовержцев, или еще в церемониймейстеров с большим штатом придворных при оркестре музыки, а не в учителей, не в наставников, как требует это всякий военный флот.

А вот и постыдные результаты этой вероломной, чиновничьей системы: ни один из командиров не проявил ни малейшей инициативы, все ждали приказаний, а приказывать было некому, потому что очередной приказывающий, Небогатов, тоже ждал приказа приказывать; все командиры понимали, что идут на позор России, но все-таки шли; все командиры видели роковые ошибки адмирала, но не смели протестовать. Как можно навлечь на себя гнев громовержца: лучше смерть, чем немилость, чем стыд от удаления с должности без суда и следствия!

А вот еще другой, не менее удачный результат: у нас погиб весь флот, у Японцев всего три миноносца, у нас сокрушило жизнь несколько тысяч человек, у них из 15.000 всего 116 убитыми и утонувшими. Поучительная история перемещения морской деятельности в канцелярии, под шпиз адмиралтейства — нечего сказать!

Нет, современная морская война слишком сложна и трудна, чтобы быть поручаема бесконтрольно одному лицу! Крупные ошибки неизбежны. Роковой же престиж власти, так усердно и прямолинейно вбиваемый в головы подчиненных, привел лишь к тому, что не встретил сопротивления: ни в сдаче «Бедового», ни в сдаче целого отряда Небогатова, ни в решимости отдельных начальников нанести наибольший вред неприятелю. А само величие престижа не увлекло очередного адмирала встать самостоятельно в голове эскадры после гибели старших флагманов или их кораблей!

Тогда зачем же этот престиж?!

Когда мы воевали с таким жалким врагом, как турки, то престиж власти не мог еще особенно мешать, но в будущем он принесет несомненно те же катастрофы.

Круг деятельности адмиралов и министров совсем не тот, который они присвоили себе, написав собственноручные законы. В сражениях могут руководить боем только случайные концевые корабли, почему *вся суть дела в командах*, значение которых надо поднять в таком роде, чтобы они, не имея старшинства между собою, составляли из себя коллегию для подбора новых командиров и для выбора себе представителей. Они же должны: издавать правила, заказывать суда, готовить себе офицеров, команду и материальную часть. Когда кто-нибудь покупает себе оружие, заказывает пушки, корабли, платье, нанимает учителя, управляющего, то тому положительно нет никакого дела до тех господ и учреждений, которые готовят их. Так должно быть и здесь.

Подчинение должно вытекать не ради власти начальников, а ради тех действий и приемов, которые по общему, основательному обсуждению приведут к успеху, к славной победе над врагом (55).

Н. Кладо

...Помиримся с тем, что нам доступна борьба лишь со второпричинами, и задумаемся — каковы же эти второпричины, приведшие нас к поражению?

Начнем с причин непосредственных.

Наше оружие было хуже, чем у противника. Наши типы кораблей были хуже — менее быстроходны, хуже защищены, вооружены худшей артиллерией, установленной на худших станках, снабженной худшими снарядами и неверными таблицами стрельбы.

Мы не отдавали себе отчета в близости войны и не были к ней готовы. Не были подготовлены порты, доки, мастерские, запасы; многие корабли и другие боевые средства были в неисправности, другие были недостроены.

Мы дурно распорядились даже имеющимися средствами. У нас не было выработанного плана действий, мы разбросали свои силы, мы совершили целый ряд самых досадных стратегических и тактических промахов; не оказалось налицо ни искусства ведения кампании, ни искусства ведения боя.

Наконец, мы дошли до того, что сами выдавали настоящие военные тайны врагу...

Одна из основных причин наших бед — незнание, темнота в своем деле.

Оттого и строили такие типы кораблей, что *не знали* — какие именно типы наиболее пригодны для войны. Эта же причина породила несоответствующие потребностям современной войны пушки, станки и снаряды. Оттого и не предвидели войну, что *не могли разобратся* в явных, казалось бы, ее предвестниках, оттого делали и стратегические, и тактические ошибки, что *не имели ясного представления* о том, чем собственно надо руководствоваться при ведении кампании и боя. Оттого-то и выдавали настоящие военные тайны, и рядом с этим делали секреты из всяких пустяков, что *не умели разобратся* в вопросе — что такое настоящая военная тайна...

Только знание дает критерий для сознания своих ошибок. Более же всего самолюбиво и высокомерно именно невежество.

Итак, одна из основных причин (второпричин) наших неудач — это незнание.

Но есть и другая, и столь же важная причина, и бороться с которой еще труднее, чем с незнанием, так как она, при известных условиях, свивает очень прочное гнездо в человеческой душе. Эта причина — *рабство мыс-*

ли и поступков, рабство не только перед высшими и сильными, но и перед равными и перед низшими — *рабство перед средой*.

Если непонятно употребленное мною слово «рабство», заменяю его — отсутствие независимости, самостоятельности мысли и поступков. Еще понятнее будет, если сказать — хотя уж очень затрепано и избито это выражение — *отсутствие так называемого гражданского мужества*.

Однако, несмотря на эту затрепанность и избитость, вопрос о гражданском мужестве очень важный. Например, удивительное дело — казалось бы, что проявление гражданского мужества должно было бы быть куда легче и чаще, чем проявление мужества военного, а на самом деле этого не замечается. Ведь в последнем случае ставится на карту жизнь, т.е. то, что для человека дороже всего. А вместе с жизнью ставится на карту и благосостояние как свое, так и дорогих, близких людей...

Я говорю о том гражданском мужестве, которое проявляется главным образом против врага внутреннего, против злоупотреблений, против незнания и невежества, против злой воли, против попустительства.

Вот такое мужество многими не признается за высокое качество — конечно, прежде всего теми, против кого оно направлено, теми, с кем так или иначе связаны эти люди, — иногда не признается всей окружающей средой, чующей в проявлениях этого мужества общую опасность своему благополучию и спокойствию.

Вот почему *военное мужество читается не только в теории, но и на деле, и награждается*. Вот почему военное мужество заражает, и человек, совершающий военный подвиг, увлекает за собой других, усыпляя в них страх смерти.

Между тем *гражданское мужество читается только в теории*. На деле же оно возбуждает злобу, ненависть и мст. Вот почему человек, совершающий подвиг гражданского мужества, остается обыкновенно одиноким — многие теоретически ему сочувствуют, но на деле жмутся, пьются и за ним не идут.

Вот почему так трудно и проявляется гражданское мужество — вместо почета и наград, которые сопровождают мужество военное, его спутники — озлобление и преследование.

А между тем, если не прятаться от логического течения мысли, если смотреть логическому выводу прямо в глаза, — нельзя ведь не признать, *что только тогда знание и может принести действительную пользу делу, когда оно идет рука об руку с гражданским мужеством, как только тогда и может быть использовано умение владеть оружием, когда оно соединено с военным мужеством*.

Изучение, знание только открывает истину. Но, чтобы приложить ее к делу, в огромном большинстве случаев необходимо наличие гражданского мужества, и от этого вывода, желая остаться добросовестным, никуда спрятаться нельзя.

В самом деле, вот хотя бы в вопросе о причинах разгрома, мы, например, указывали на одну из них — нельзя было, из-за нашей неподготовленности, затевать эту войну.

И вот были люди, которые не знали, что нам нельзя воевать, т.е. которые не видели, не понимали нашей неподготовленности, которые в своем невежестве воображали, что все у нас очень хорошо.

Это одно — *незнание*.

Но ведь были и другие, которые знали и понимали, и все-таки не предотвратили войну и способствовали ее продолжению. А произошло это потому, что у них не оказалось гражданского мужества признать и ошибочность своей предыдущей деятельности, и претерпеть за эти свои ошибки, и не хватило этого мужества для печальной необходимости обличить незнание других, а тем более не оказалось готовности — а она-то и требовалась в данном случае — идти до конца по этому пути, т.е. в случае надобности — сложить с себя звание, должность — быть готовым считаться с проявлениями отмщения со стороны стоящих на пути к исправлению ошибки.

Когда выбирались плохие пушки, снаряды, корабли — где были те люди, которые знали и понимали негодность всего этого — ведь такие были, несомненно, на различных ступенях иерархической лестницы? Кто из них ставил вопрос ребром: «Через меня этот вопрос не пройдет», кто ставил из них вопрос о «доверии», кто довел свой протест, если и были протесты, до конца?

Нет — они молчали. Они дали всему этому совершиться, при своем, хотя и вынужденном содействии. Они руководились не присягой, не пользой государства, а мыслью — «моя хата с краю, я ничего не знаю». И все это явилось следствием отсутствия гражданского мужества, вытекающего из непризнания его почетным и достойным подражания.

Только в союзе с гражданским мужеством знание добьется практических последствий для дела. Не добьется этого и одно гражданское мужество без знания, ибо оно не будет знать — куда направлять свою деятельность.

И опять повторю — что, например, в теории присяга требует совершенно одинаково и военного, и гражданского мужества, а на деле одно проявляется до величайших жертв, а второе — останавливается перед жертвами гораздо меньшими.

И вот, когда я говорил выше, что самое важное — это не прятаться от логического вывода и идти в логическом развитии мысли до конца, и, дойдя до вывода, — или его, внутри себя, в своем «святыя святых» опровергнуть, или ему подчиниться, — то я имел в виду и этот проклятый вопрос — как сделать так, чтобы не повторился разгром. Если мы действительно решили, что разгром не должен повториться, и действительно не можем, сами перед собой, добросовестно опровергнуть, что главные второпричины разгрома, т.е. лежащие в доступной нам области — это невежество и отсутствие гражданского мужества, то наш девиз должен быть — *знание и открытое мужество мысли...*

Поверьте — нас погубили и продолжают губить не отдельные лица или учреждения, не существующие в них порядки, не злая воля, а свившие себе прочное гнездо в нашей собственной толще, пропитавшие нас насквозь невежество и лень и — как последствия их- безысходная рутинка. Если мы порицаем известные порядки и известных лиц, то чтобы понять эти порядки и понять появление в качестве руководителей наших этих лиц, надо всмотреться в себя и посмотреть кругом, как мы сами, по мере того как улетает пыл молодости, спо-

койно и охотно улегаемся в рутинный уклад, и готовим из себя таких именно деятелей и защитников, именно таких порядков, которые подвергаются нашей критике. Эти деятели и порядки плоть от нашей же плоти и кровь от нашей крови. Мы имеем лишь то, что заслуживаем. Мы критикуем тех или других наших руководителей, а если взглядемся, — кого мы готовим им на смену, то окажется — увы, точно таких же, как и они. Этим и объясняется устойчивость этих порядков и безнадежность избавления от них, несмотря на самые лучшие намерения отдельных лиц и проекты самых блестящих реформ.

Никакие реформы не помогут, если личный состав сам себя не перевоспитает и не заложит совсем другие основы в воспитании грядущих поколений.

И одна из главнейших этих основ — это развитие гражданского мужества и деятельной инициативы в противоположность идее рабства и подчинения среде во имя собственного спокойствия, благополучия и добрых приятных отношений с этой средой.

Как на войне для победы мало одного технического совершенства, мало одних знаний и опыта, а необходимо военное мужество, для того чтобы эти знания и опыт привели к победе, так и в мирное время — кроме всевозможных технических совершенств, знаний и опыта, рассеянных хотя бы и в великом множестве во флоте, — для победы над врагами не внешними, а внутренними, для победы, результатом которой является флот, действительно готовый к войне и имеющий все шансы на победу, нужно гражданское мужество, чтобы всякому, в отведенном ему поле действий, неуклонно проводить все это в жизнь, не смущаясь противодействием среды и не поступаясь своими убеждениями ни для выгоды, ни для приятных и легких отношений. Это последнее более важно, так как распространено гораздо шире, чем жертва убеждениями для выгод.

И вот мужество военное присуще личному составу, а мужество гражданское — к сожалению — нет. А между тем одно связано крепко с другим. Гражданское мужество в мирное время готовит почву для целесообразного приложения мужества военного.

Без надлежащей подготовки военное мужество дает лишь героев, но не победителей — героев, тогда как государству нужны именно победители (56).

Лейтенант Н.

Можно с уверенностью сказать, что гибель нашего флота в русско-японскую войну явилась совершенно правильным историческим следствием ошибок, допущенных на первых же шагах создания нашей броненосной морской силы.

Ошибки эти сводились к следующему:

1) Постоянное несогласование задач флота с политическими требованиями, что вызывает постоянное неугадывание противника.

2) Полное несоответствие состава флота с планами военных операций, какие могли бы быть возложены на флот; отсюда запаздывание создания необходимых сил и отсутствие их в надлежащем месте своевременно.

3) Постоянная подгонка своих сил к силам иностранных флотов, отсюда и рабское подражание типам часто несовершенным и устарелым.

4) Отсутствие необходимого мужества в сознании допущенных ошибок и неумение отрешиться от первоначально принятого пути, хотя и заведомо ведшего к пагубным результатам...

Где же искать причину такого несоответствия: строится и содержится флот наступательный, а дать ему вернуться до полной мощи не позволяется.

Ответ было бы дать трудно, если бы мы не имели Петра I. Он, единственный, смотрел на флот, как на свою вторую руку, любил и верил в него; после же него на флот смотрели: одни — как на перевозочное средство, другие — как на плавучие крепости, третьи — как на вспомогательную силу.

И как временами такие взгляды ни парализовались успехом на море, все же морские победы над врагом не смогли дать торжества *Петровской идее* на деле, не могли утвердить до последних дней за флотом право на существование в соответствии со строго определенной исторической его задачей в деле защиты Государства.

Происходило это потому, что флот был лишен того фундамента, без коего не может существовать никакая, даже самая несложная организация, — он был лишен *закона своего существования*, а следовательно, и главной своей жизненной силы (57).

Главные причины неудач, которые необходимо было устранить в процессе военно-морской реформы, остались прежние:

а) отсутствие системы (плановости, упорядоченности) в создании и использовании морских сил;

б) неподготовленность к войне вообще и к войне с конкретным противником в частности.

Штаты флота и направления морской политики, начиная с послепетровского времени, определялись *случайно*, в хаосе мнений, взглядов, желаний и предположений различных лиц, «морских комиссий», «особых комитетов по образованию флота», «особых совещаний по воссозданию флота» и т.д. Не было понимания основных задач флота (руководящих государственных целей), которые бы были «законом его существования» и определяли характер морской силы, типы кораблей и штаты. Перспективный анализ военно-политической обстановки отсутствовал. Программы судостроения (начиная с первой от 1857 года) формировались формально-статистическим способом, постоянно менялись, отменялись, «усиливались» и недовыполнялись. По сути дела, ни одна из них не создавалась под конкретную войну, а если и переориентировалась на нее, то в самый момент нужды, при спешном выборе типов кораблей. Общий морской «Закон о флоте», который бы служил базисом для создания и нормального развития военно-морской мощи (58), приспособленной к специфике обороны российского государства, отсутствовал вплоть до 1912 года. Планы морской войны серьезно не продумывались и не составлялись. Морской устав не соответствовал принципам ведения современной войны на

море: с одной стороны, он по-прежнему опирался на основные положения петровского устава, с другой — с 1853 года из него, как из свода морских постановлений в последующем, были исключены вопросы ведения боевых действий, судовое расписание, классификация артиллерии (59). Из военно-морского дела постепенно исчезало все самое главное: национальный замысел, государственная цель, искусство, боевой дух, призвание.

Морское министерство и его центральное управление — Морской главный штаб не могли решить главные проблемы флота. Встал вопрос о создании специального органа, который бы обеспечил плановое развитие военно-морских сил и их подготовку к войне. В этой связи еще в 1888 году появилась *Идея Морского Генерального Штаба*, основная заслуга в разработке которой принадлежала вице-адмиралу Ивану Федоровичу *Лихачеву*, опубликовавшему в это время специальную работу по данной теме. Суть его предложений о создании МГШ сводилась к следующему:

«Предметы обязанностей» генерального штаба в министерстве, или центрального управления по части «боевой готовности» флота или приготовления к войне, распадутся по характеру своему на три главные категории:

1) сведения статистического свойства о состоянии своих собственных и неприятельских (или иностранных) сил;

2) обязанности инспекторские и образовательного характера, касающиеся содержания собственных сил и средств — как материальных, так и личного состава — в возможной степени готовности ко всяким случайностям;

наконец, 3) занятия стратегические, в более тесном смысле: начертание планов войны и определение военно-морской программы вообще, а в частности — типов судов, как средств выполнения этой программы и непосредственных инструментов войны» (60).

Морской Генеральный Штаб (МГШ) был образован только после Русско-японской войны (именной высочайший указ от 5 июня 1906 года) под давлением группы молодых морских офицеров. В соответствии с первичным замыслом И.Ф. Лихачева, он имел предметом своих занятий составление плана войны на море и проведение мероприятий по организации боевой готовности морских вооруженных сил Империи. В состав МГШ входили оперативная часть и три отделения: русской статистики, иностранной статистики и военно-историческое (61). Первоначальный штат МГШ не превышал 30 человек, но его деятельность позволила сразу же упорядочить разбитую военно-морскую систему страны. Флот восстанавливался в соответствии с конкретными программами и «законом о флоте». План войны составлялся под конкретного противника (Германию). Налаживалась боевая учеба. **А.В. Колчак** оценивает этот период работы следующим образом:

В 1906 г., в январе месяце, произошли такого рода обстоятельства. После того, как наш флот был уничтожен и совершенно потерял все свое могущество во время несчастной войны, группа офицеров, в числе которых был и я, решила заняться самостоятельной работой, с тем чтобы снова подвинуть дело воссоздания флота и, в конце концов, тем или иным путем как-нибудь стараться в будущем загладить тот наш грех, который выпал на долю флота в эти годы: *возродить флот на началах более научных, более систематизированных, чем это было до сих пор*. В сущности, единственным светлым деятелем флота был адмирал Макаров, а до этого времени флот был совершенно не подготовлен к войне, и вся деятельность была невоенная, несерьезная. Нашей задачей явилась идея возрождения нашего флота и морского могущества. Группа этих офицеров с разрешения морского министра образовала военно-морской кружок — полуофициальный. Нам было предоставлено в Морской Академии помещение, средства кое-какие Морское министерство дало, так как оно относилось благожелательно к этой работе. Я был в числе основателей этого Военно-морского кружка в Петрограде, где мы занялись прежде всего разработкой вопроса, как поставить дело воссоздания флота на соответствующих научных и правильных началах. В результате этого, в конце концов мною и членами этого кружка была разработана большая записка, которую мы подали министру по поводу создания *Морского Генерального Штаба*, т.е. такого органа, который бы ведал специальной подготовкой флота к войне, чего раньше не было; был морской штаб, который ведал личным составом флота и только. В этот кружок входили Щеглов, Римский-Корсаков, Пилкин, затем к этому кружку присоединились очень многие. Я долгое время был председателем этого кружка. К поданной записке отнеслись очень сочувственно, и весной 1906 года было решено создать Морской Генеральный Штаб. План этот был одобрен, и весной, приблизительно в апреле 1906 года, он был осуществлен созданием Морского Генерального Штаба. В этот штаб вошел и я в качестве заведующего Балтийским театром. Я был в то время капитаном 2-го ранга и явился одним из первых, назначенных в этот штаб. С этого времени и начинается период, обнимающий приблизительно 1906, 1907, 1908 гг. Период, если можно так выразиться, борьбы за возрождение флота. В основание всего этого дела морским Генеральным Штабом была выдвинута *морская судостроительная программа*, которой до сих пор не было. Постройка судов шла без всякого плана, в зависимости от тех кредитов, которые отпускались на этот предмет, причем доходили до таких абсурдов, что строили не тот корабль, который был нужен, а тот, который отвечал размерам отпущенных на это средств. Благодаря этому получились какие-то фантастические корабли, которые возникали неизвестно зачем. Таким образом, прежде всего была выдвинута плановая судостроительная программа.

Первая работа, которая была выполнена Морским Генеральным Штабом, заключалась в изучении военно-политической обстановки. Это был именно тот период, когда Морской Генеральный Штаб работал совместно с сухопутным. Во главе нашего штаба стоял генерал (адм.) Брусилов, а там генерал Палицын. *Это был единственный период, который я знаю, когда оба штаба работали совместно и согласованно*. Это — период изуче-

ния общей политической обстановки, и еще в 1907 г. мы пришли к совершенно определенному выводу о неизбежности большой Европейской войны. Изучение всей обстановки военно-политической, главным образом Германской, изучение ее подготовки, ее программы военной и морской и т.д. совершенно определенно и неизбежно указывало нам на эту войну, начало которой мы определяли к 1915 г.; указывало, что эта война должна быть. В связи с этим надо было решить следующий вопрос. Мы знали, что инициатива в этой войне, начало ее будет исходить от Германии, знали, что в 1915 г. она начнет войну. Надо было решить вопрос, как мы должны на это реагировать. После долгого и весьма деятельного изучения, исторического и военно-политического, было решено как морским, так и сухопутным штабами, что мы будем на стороне противников Германии, что союза с Германией заключить нельзя и что эта война должна будет решить, в конце концов, вопрос о славянстве — быть или не быть ему в дальнейшем. Были известные группы, которые резко расходились с этой точкой зрения и указывали на необходимость союза с Германией, но та политическая обстановка, которая была положена в основание, показывала, что война произойдет с союзом срединных империй. Я хочу только подчеркнуть, что вся эта война была совершенно предвидена, была совершенно предусмотрена. Она не была неожиданной, и даже при определении начала ее ошибались только на полгода, да и немцы сами признают, что они начали ее раньше, чем предполагали. Таким образом, в связи с общим политическим положением и была разработана судостроительная программа, долженствовавшая быть законченной к 1915 году. К этому времени относится период чрезвычайно тесных сношений обоих штабов с Государственной Думой, которая принимала в этом случае большое участие. В этот период 1906–1907 гг. различные политические группы, политические организации — все интересовались военными вопросами. Мне приходилось постоянно бывать там в качестве докладчика и эксперта на многих заседаниях. Там часто ставились вопросы о надводном и подводном флоте, и вообще общество чрезвычайно интересовалось этой войной и военным и морским делом. Этот период был чрезвычайно оживленным в этом смысле. К этому периоду относится чрезвычайно близкая связь между обоими штабами и Государственной Думой и ее военными комиссиями. В этих военных комиссиях я был в качестве эксперта и присутствовал на всех решительно обсуждениях вопросов, которые касались флота (62).

Таким образом, военно-морская реформа России начиналась с зарождения творческой морской мысли, понимания необходимости для России национального военного флота, пусть небольшого, но хорошего, качественного, надежного. Необходимой ее сделали морские поражения и неудачные войны. Возможной — неумолимая военная деятельность и гражданское мужество лучших представителей морского сословия России, которые почти три века создавали действительную военно-морскую мощь страны, пытались обеспечить единство армии и флота, возродить морское искусство, создать боевую школу личного состава и, тем самым, придать военному флоту такое важное для его существования качество, как способность побеждать. В этом и должен, в конечном итоге, заключаться весь смысл морской военной реформы.

Единство армии и флота

России нужен флот, предназначенный для совместных действий с армией. Военная победа достигается «дешевле, сподручнее и надежней», когда армия и флот, существенно усиливают друг друга и образуют тем самым особое качественное состояние военной мощи российского государства. Нельзя забывать, что Петр I создавал регулярные армию и флот как единую военную систему «по одной пословице: что всякий Потентат, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет» (63). Необходимо помнить, что все победы, «малой кровью одержанные», достигались напряженными усилиями и армии, и флота, особым сплавом военного и морского искусства; что пренебрежение флотом оборачивалось моральными, политическими и военными поражениями, массовой гибелью русских людей в сухопутных войнах XIX–XX веков. Сухопутное войско и военный флот являются естественными союзниками и единственными надежными защитниками России. Российский флот должен развиваться в рамках этой закономерности: с пониманием принадлежности к общей военной системе, под влиянием общего военного искусства и в связи с необходимостью совместных действий армии и флота ради общей (единой) военной цели.

Весь победоносный период российской истории связан с гармоничным развитием и искусным использованием армии и флота, находящихся под единым военно-политическим и стратегическим руководством. Российский флот создается и используется для гарантированного достижения победы. Сухопутные войска часто действуют как морские десанты: на кораблях, и под прикрытием кораблей. Флот обеспечивает операции сухопутных войск, осуществляет блокады неприятельских берегов, противодействует десантам противника и, в случае необходимости, вступает в решительные морские сражения. Действуя вдали от своих баз, эскадры флота нередко превращаются в эффективные ударные группировки, которые усиливают свою морскую мощь за счет союзников, слабости противника, дружественно настроенного населения и специально созданного «морского войска» (морской пехоты) — этого традиционного и эффективного орудия российского флота. Все военные победы Петра I, Екатерины II, Павла I обеспечены умной реализацией общих и специфических возможностей армии и флота.

Особенно талантливо руководит общим военно-морским делом Петр I. Он создает настоящий морской флот, но, в соответствии с обстановкой, усиливает его флотилиями речных и шхерных (галерных) судов. В случае необходимости сам участвует в сухопутных и морских сражениях, с одинако-

вой любовью относясь как к армии, так и к флоту. При нем достигается абсолютное единство действий обеих рук Потентата.

Е. Тарле

В своем указе от 13 января 1720 г. по поводу издания Морского устава Петр написал: «Всякий потентат, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет. А который и флот имеет, обе руки имеет».

Когда же и было Петру окончательно удостовериться в истинности этого положения, как не в те решающие последние годы Северной войны, когда русский флот все чаще и чаще стал высаживать десанты на шведских берегах и не позволил британскому адмиралу, пришедшему в Балтийское море с эскадрой, подать помощь погибающей Швеции? Когда же и было, как не в этот момент, особенно почувствовать колоссальное значение «второй руки», видя, что даже страшнейший удар, нанесенный под Полтавой «первой рукой», не лишил шведов возможности еще одиннадцать лет упорствовать и продолжать борьбу?

Поистине огромно было влияние русского Балтийского флота на исход Северной войны. Самый факт существования новых и уже значительных морских вооруженных сил круто менял традиционную картину русско-шведского спора. Но ведь этот флот не стоял на месте, он непрерывно вел боевые действия. Флот помог армии завоевать Финляндию, он победил шведов у Гангута и Эзеля, уничтожил много металлургических заводов на берегах Швеции, и можно было ждать, что он произведет громадную высадку около Стокгольма.

Англичан уже не удивляло, а раздражало и пугало новое поведение Петра, новый язык русской дипломатии при объяснении с ними.

Когда адмирал Норрис в 1720 г. снова пришел в Балтийское море, Петр послал ему формальный вопрос (хотя Норрис еще находился только у датских берегов): зачем он появился, не затем ли, чтобы вредить русским интересам? И Норрис смиренно ответил, что у него нет никаких инструкций такого рода.

Читая документы, относящиеся к очень раздраженным перекомам между английским правительством и Петром в последние годы перед Ништадским миром, исследователь просто не может подавить чувство удивления, хотя бы даже он, приступая к этим документам, отлично знал основную фактическую ткань этого периода. Нужно, в самом деле, вчитаться в тяжеловесную многословную (типичную в этом отношении для начала и середины XVIII века) корреспонденцию, которую вел с английской стороны Стэнгоп и подписывал Георг I, а с русской стороны вели Веселовский, Шафилов и другие, а вдохновлял и подписывал Петр, чтобы постигнуть всю невероятную перемену, которую пережила Россия за немногие годы и благодаря которой русский царь мог теперь диктовать свою волю Дании, Бранденбургу, Голландии, всем прибрежным державам Балтики и готовился принять капитуляцию Швеции.

Возросшие вес и значимость русского флота определились наличием не только многочисленных и сильных линейных кораблей, но и огромного количества разных гребных судов, которые готовы были по первому мановению Петра перебросить его грозные полки в Данию, в Швецию, в Кольберг...

27 июля 1720 г. князь Голицын напал у о. Гренгам на шведскую эскадру. Шведы защищались очень храбро и настойчиво, но были разбиты. Русские захватили 4 фрегата и взяли в плен 407 человек. У шведов было убито 103 человека, у русских убито 82 человека и ранено 246 человек. Шведская артиллерия на этот раз действовала искусно и вывела из строя много русских галер, но все-таки лишь бегство спасло шведскую эскадру от полного уничтожения. Петра больше всего восхищало, что под Гренгамом русский флот доказал, что он может топить и брать в плен шведские суда, невзирая на присутствие в Балтийском море могущественной английской эскадры Норриса. А ведь Норрис пришел в 1720 г. с 18 линейными кораблями, 3 фрегатами и другими судами. Говоря о беспрепятственном разорении шведских берегов русским флотом и о Гренгамской победе, царь с иронией по адресу англичан писал Меншикову: «Правда не малая виктория может причесться, а наипаче, что при очах английских, которые равно шведов обороняли, как их земли, так и флот».

«При очах английских»... Английским очам предстояло увидеть в 1721 г. еще более печальное зрелище: полное крушение всей политики на Балтийском море, упорно проводившейся в течение последних лет Северной войной.

В апреле 1721 г. в финляндском городе Ништадте возобновились мирные переговоры между Россией и Швецией. От имени шведского короля Фридриха, вступившего на престол в 1720 г. после отречения Ульрики-Элеоноры, в Ништадте действовали граф Иоганн Лиенштед и Отто Рейнгольд Стремфельд, а от имени царя — граф Я. Брюс и А. Остерман. Но еще раньше, чем уполномоченные съехались в Ништадт, король шведский просил французского посла в Стокгольме Кампредона съездить в Петербург и позондировать почву, нельзя ли что-нибудь выторговать у царя? Поездка Кампредона не увенчалась успехом. Петр не уступал ни Выборга, ни Кексгольма, а также ничего решительно из своих эстонских и ливонских завоеваний (об Ингрии и Карелии Кампредон, конечно, речи не заводил).

Когда в Ништадте открылись официальные переговоры, то сразу же сказалось стремление Фридриха и его уполномоченных затянуть эти переговоры. Повторялись неоднократные попытки убедить Остермана и Брюса, что следует заключить пока мир временный, прелиминарный, а уж потом, с божией помощью, и окончательный. Но Петр знал, что Фридрих надеется не столько на божью, сколько на английскую помощь, и остался непреклонным. Шведы упорствовали, пришлось пустить в ход реальную угрозу, чтобы покончить с проволочками. Петр решил произвести новое нападение на стокгольмские шхеры галерным флотом (171 галера и 4 бригантины) под прикрытием линейных кораблей. Однако появление в конце апреля 1721 г. Норриса с эскадрой в составе 29 кораблей и последовавшее вскоре присоединение к Норрису шведского флота (11 кораблей, 3 фрегата и брандер) заставили все же Петра отказаться от прямого и непосредственного нападения на стокгольмские шхеры. Зато в другом месте (между городами Гефле и Питео) *высадка войск* под начальством генерал-лейтенанта Ласси была в середине мая 1721 г. произведена. Шведы были разбиты, а береговые селения разорены, 13 заводов («железных», из них один оружейный) сожжены дотла. Сожжено было также более 40 торговых судов, а кроме того, забрана некоторая военная добыча. Снова паника охватила страну.

В Англии очень хорошо знали о громадном русском флоте, который находился весной 1721 г. у Котлина и в Ревеле и состоял из 27 линейных кораблей, 12 фрегатов и шняв, 3 бомбардирских кораблей, имевших в общей сложности 2128 орудий и 16 120 человек команды.

Дать по своей инициативе бой Норрису Петр не решался, предпочитая выжидать, но и Норрис тоже не решался вступить в сражение с русским флотом, и это окончательно определило судьбу Швеции, ускорив заключение тяжелого для нее мира.

30 августа 1721 г. мирный договор между Россией и Швецией был, наконец, подписан. По договору, шведский король уступал «за себя и своих потомков, и наследников швейцарского престола, и королевство Швейцарское его царскому величеству и его потомкам, и наследникам Российского государства в совершенное непрекословное вечное владение и собственность в сей войне, через его царского величества оружие от короны швейцарской завоеванные провинции: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с дистриктом Выборгского лена, который ниже сего в артикуле разграничения означен и описан с городами и крепостями: Ригою, Дюнаминдом, Пернавою, Ревелем, Дерптом, Нарвою, Выборгом, Кексгольмом и всеми прочими к помянутым провинциям надлежащими городами, крепостями, гаванями, местами, дистриктами, берегами с островами: Эзель Даго и Меном и всеми другими от Курляндской границы по Лифляндским, Эстляндским и Ингерманландским берегам и на стороне от Ревеля в фарватере к Выборгу на стороне зюйда и оста лежащими островами со всеми так на сих островах, как в вышеупомянутых провинциях, городах и местах обретающимися жителями и поселениями...

В Петербурге, на Неве, на Котлине, в завоеванных городах Балтийского побережья шли празднества в ознаменование победы. «Генерал-адмирал, все флагманы и министры просили государя, во знак всех понесенных его величеством в сей войне трудов, принять *чин адмирал Красного флага*, что государь с удовольствием и принял», — читаем в собранном в конце XVIII столетия сборнике преданий и рассказов о Петре I. В счастливейшие дни своей жизни, когда был подписан победоносный мир со Швецией после двадцатилетней опасной и кровопролитной войны, Петр отметил принятием этого военно-морского чина ту огромную роль в победе России, которую сыграл созданный им флот.

Блестящие победы России в Северной войне, наличие первоклассной армии и мощного флота начинали создавать вокруг России ореол непобедимости в глазах не только ее очень немногих друзей, но и многочисленных врагов. Сирил Уич, английский резидент в Гамбурге, доносил в мае 1721 г. о настроениях прибалтийских государств: «Люди до такой степени убеждены в могуществе царя, что его боятся повсюду».

Французский посол Кампредон, характеризую положение России в последние полтора-два года жизни Петра, писал королю Людовику XV о царе: «Он выполнял обязанности барабанщика и плотника и постепенно, переходя из чина в чин, дошел до звания генерала и адмирала, соблюдая во всякой должности с самой крайней точностью повиновение и субординацию по отношению к высшим начальникам и дисциплине... Таким образом, с непостижимым трудом и терпением ему удалось образовать хороших сухопутных и морских офицеров, превосходных солдат, более чем стотысячную регулярную армию, флот из 60 кораблей, из которых 20 — линейные, причем ежегодно он увеличивает свой флот ста пятьюдесятью галерами. *Уже видели, как с этими судами он пересекал Балтийское море и был способен в очень короткое время перевезти значительную армию во владения своих соседей.* Я говорю: в очень короткое время, так как непостижимо, с какой быстротой тут исполняются подобные намерения».

Кампредон, как и другие иностранные наблюдатели, именно наличие большого военного флота придает решающее значение в укреплении громадного влияния России на дела Европы и Северной Германии, Дании, Голландии в частности. Кампредон отмечал, что в Петре проявился «великолепный гений, подкрепляемый зрелыми размышлениями ясного проникновенного рассудка, чудодейственной памятью и храбростью», и что в то же время «он одарен необычайной *осторожностью*». Все эти качества сделали Петра «величайшим обладателем земель во всей Европе и самым могущественным государем Севера». Итак, «Россия, едва известная некогда по имени, теперь сделалась предметом внимания большинства держав Европы, которые ищут ее дружбы, или боятся ее враждебного отношения к их интересам или надеясь на выгоды от союза с ней».

У царя, по сведениям того же прекрасно информированного посла Кампредона, имеется в распоряжении 115–118 тысяч регулярных войск, не считая казаков, киргизов, калмыков и т.д., а также *могущественный военный флот*. «При первой демонстрации со стороны его флота, при первом движении войск ни Швеция, ни Дания, ни Пруссия, ни Польша не посмеют пошевелиться», — пишет посол Кампредон в Париж 9 января 1724 г. и прибавляет, что хорошо бы расширить торговлю с Россией, потому что царь — «*единственный монарх на Севере, который в состоянии заставить уважать свой флаг*» (64).

Во время Архипелагских экспедиций эскадры флота действуют в Средиземном море как *ударные оперативные группировки*. Командующие эскадр (Г. Спиридов, Ф. Ушаков, Д. Сенявин) выступают как главнокомандующие морскими и сухопутными войсками на театре войны. Как правило, в их распоряжении находятся не только корабли, но и специальные морские десанты, и батальоны «морского солдатского войска» (морской пехоты), которые применяются как в морских боях, так и при захвате островов, крепостей, городов. Именно таким образом действует в 1798–1799 гг. эскадра адмирала Ушакова: она освобождает от французов Ионические острова, охраняет берега в Море и в Венецианском заливе от десантов, при помощи десантных отрядов захватывает крепости. Взятие Ушаковым сильнейшей морской крепости Корфу было для того времени грандиозным боевым успехом. Крепость была атакована с моря и с суши при четком взаимодействии артиллерии кораблей с десантом. Получив весть о победе Ушакова на острове Корфу, Суворов воскликнул: «Великий Петр наш жив... Ура! Русскому флоту!... Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу хотя мичманом?» (65). Совместными усилиями армии и флота от французов освобождается Италия. Русские войска дейст-

вуют примерно и доблестно. Они вступают в Неаполь и Рим. Благодаря победам Суворова и Ушакова возрождается Неаполитанское королевство. Непосредственное содействие королю Фердинанду оказывает эскадра адмирала Сорокина и десантный отряд капитана Белле, который доносит Суворову: «Мая 10-го высажен я со вверенным мне десантным войском, состоявшим из 560 морских солдат, канонир и матросов, для покорения провинции Апулии, которую и привел в подданство Королю двух Сицилий, даже до самого Неаполя и оный взял силою оружия: при входе в Неаполь взял три замка и одну батарею, а потом Костель-Ново, Дель-Ово, крепость Сан-Эльм и город Капуа. Имею честь донести Вашей светлости, что Неаполитанское владение освобождено от республиканцев...» В рескрипте адмиралу Ушакову король писал: «Даже и после того, когда Королевство Мое было уже освобождено от ига неприятельского, не менее заслуг оказал Русский отряд своею деятельностью и усердием; на нем лежало столь необходимое в настоящее время охранение спокойствия в столице; благоустройство его принято в образец дисциплины и порядка для вновь формируемых войск Неаполитанских. Все сии услуги в совокупности будут иметь важное влияние на водворение в Королевстве нарушенного минувшими событиями благоустройства» (66). Бесценные услуги королю — громкая слава России! Капитан Белле удивил Павла I, но и Павел «удивил» его; в чине капитан-лейтенанта Белле получил Орден Святой Анны I-й степени!

В 1799 году флот, как и в петровские времена, действует на море и на суше, активно используя морскую пехоту (и десанты) для достижения военно-политических целей. Он не просто поддерживает и обеспечивает операции армии; ему самому для самостоятельных действий не хватает сухопутных войск. И он заменяет их отсутствием *искусством употребления ограниченного морского войска*, поддерживаемого огнем кораблей и временными береговыми артиллерийскими батареями. Такой подход наглядно просматривается во многих документах Ушакова.

**Из рапорта Ф.Ф. Ушакова Павлу I
о взятии о. Цериго с представлением к
награждению отличившегося личного состава
10 октября 1798 г., корабль «Св. Павел».**

Осмеливаюсь всеподданнейше донести вашему императорскому величеству — командующий *российским десантом* флота капитан-лейтенант и кавалер Шостак разительной расторопностью, искусством и рвением при неустрашимой храбрости исполнил все поручаемое мною по моим приказаниям весьма удачно и исправно, и крепости взяты безо всякой потери людей с нашей стороны, который в поданном ко мне рапорте рекомендует определенного от меня к нему для советов из отлично достойных офицеров лейтенанта Тизенгаузена, объясняя, что он полезными советами и неустрашимой храбростью много подал способов к скорейшему овладению крепости; Скиперова батальона капитан Никонов, лейтенанты Бакман и Навроцкой участвовали во всех действиях со всякой расторопностью и храбростию неустрашимо; майор Дандрия, капитан из волонтеров Кирко и все господа офицеры, находящиеся с ним в десанте, исправляли должность свою с отличительной исправностию и рачением; артиллерии лейтенант Ганфельд с рачительной расторопностью при неустрашимой храбрости действовал артиллерию с отличной исправностию; десантное войско с кораблей и фрегатов унтер-офицеров и рядовых, из трех сот состоящее, с неустрашимой храбростью и рвением исполняли должность свою, рачительно готовились и нетерпеливо желали итти на штурм крепости; командир фрегата «Счастливого» флота капитан-лейтенант Белле от стороны моря действием навесными выстрелами в крепость помошествовал десанту и все повеления мои выполнял исправно с наивозможной расторопностию.

**Ордер Ф.Ф. Ушакова
капитану Кикину о назначении его начальником десанта,
направляемого для очищения о. Корфу от французов
13 ноября 1798 г.**

Посылаю я на матерой берег *десант* под вашим начальством: 100 человек гренадер и мушкетер еще с одним офицером и пристойным числом урядников; вожатым при вас будет один из старшин деревни Мандукио Дмитрий Агитофарза; там сберутся к вам под вашу команду множество жителей и время от времени прибавляться и соединяться с вами будут; извольте идти берегом, где они вам показывать будут, к стороне крепостного строения. Столько, сколько возможно будет, действовать без опасности *секретно*. Вам напоминаю, *покажите такой вид, чтобы неприятель считал вас в великом числе*, и так наводите ему страх, чтобы он из отдаленных укреплений вбежал бы внутрь крепости. А вы, воспользуясь благополучной минутою, может быть, что сможете отбить, случится что-либо и важное можете сделать; все жители острова к нам весьма преданы и будут они сами стараться все сделать и ухватить, что только возможно; но за всем тем будьте осторожны и осмотрительны, не вдавайтесь в великую опасность, а все то делайте, что усмотрите возможным. Впрочем, полагаю все на ваше благоразумие, исполните как есть долг закона, все полезное к службе и пользе государевой.

**Из рапорта Ф.Ф. Ушакова Павлу I
о боевых действиях соединенных эскадр
при взятии крепости Корфу
13 марта 1799 г., корабль «Св. Павел»**

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу — крепости острова Корфу с помощью божею сильным действием победоносного оружия соединенных эскадр от французов взяты. С капитуляции об оных,

сделанной точную копию от 21 числа минувшего февраля, я имел счастье представить вашему императорскому величеству. *Принуждая к сдаче оные крепости при блокаде, кругом обложенной кораблями и с сухого пути сверж прежде устроенной нами на пригорке при деревне Мандукио батарее, приказал я сделать сильную батарею на мысу св. Пантейлемона, которая могла бить в крепости во все места; французы рачительно со всех крепостей защищали оное место, ибо оно в близком расстоянии против фасада всей крепости и со всех укреплений открыто, а притом два раза делали сильнее вылазки, на которых они албанскими и турецкими войсками были разбиты и прогнаны с немалым уроном, и при всех таковых препятствиях особым старанием и прилежностью от меня определенных сия батарея войсками вашего императорского величества устроена и приведена в самое наилучшее состояние...*

18 числа минувшего февраля открыл формальную атаку с северной стороны, остров Видо обошли мы многими кораблями и фрегатами на самую ближнюю дистанцию на действительный картечный выстрел, став на якоря шпрингом [и], оборотясь бортами против батарей, траншей и окопов, закрывающих осажденных, и кругом всего берега и по всему острову произведена сильная канонада ядрами и картечью по возвышенному местоположению. Сколь ни выгодны были к защищению себя батарее, все оные сбиты; французы, укрывающиеся в окопах, принуждены большей частью со оных мест бежать внутрь острова в другие укрепленные места, но бегущие большей частью тут же на месте побиты, а прочие, не находя никакого спасения, полегли на берегу в траншеях. В ту же минуту по учиненному от меня сигналу с обеих эскадр на гребных судах свезен десант на остров и храбрости победоносных войск вашего императорского величества, спомоществуемых турками, которые, соединясь с нашими, с таковой храбростию бросились во все места и неприятеля...

Господин контр-адмирал Пустошкин, командуя кораблями, фрегатами и прочими судами и *все морское войско* вашего императорского величества во все время атаки крепостей Корфу при штурмовании и взятии острова Видо, равно и бывшие в десанте на батареях и при штурме крепостей полагаемые на них дела исполняли с беспримерной храбростью, рвением и прилежностью рачительно, таковое ж соответствование чинили командующие и все войска Блистательной Порты Оттоманской и дела производили с храбростию и рвением; албанские войска до 3 тысяч, от пашей здесь находившиеся, при вылазках с сухого пути удерживали неприятеля и неоднократно при оных вместе с турками разбили и прогнали в крепости; при штурме Сальвадора находились вместе с нашими войсками и были храбры. Об отличившихся деятельностью и усердием, ревностию, храбростию и мужеством с показанием, кто в каких были исполнениях, вашему императорскому величеству всеподданнейше подношу именной список...

**Из письма Ф.Ф. Ушакова А.А. Суворову
о посылке эскадры П.В. Пустошина для блокады Анконы
и защиты коммуникаций в Венецианском заливе**
28 апреля 1799 г.

...В Бриндичи, на берега Пулии и в Неаполь беспрестанно просьбами начальствующим *требуют помощи от меня десантными войсками, и единственную надежду и все спасение свое полагают на оные*, но я кроме обыкновенного числа корабельных солдат, войск десантных на эскадре не имею, и прошу покорнейше ваше сиятельство, есть ли сходно с высочайшим вам повелением, не оставить ко мне присылкою вышеозначенных двух батальонов, предписав командующему отделенной от меня эскадрой господину контр-адмиралу и кавалеру Пустошину ко мне их доставить. Ежели будут на эскадре, мне вверенной, несколько войск для десанта, надеюсь я наивернейше, могут сделать великую помощь неаполитанскому владению. Письмо его неаполитанского королевского величества при сем представляю.

И с глубочайшим моим высокопочитанием и преданностию имею честь быть милостивый государь вашего сиятельства покорнейший слуга.

**Рапорт Ф.Ф. Ушакова Павлу I
о возвращении десантных войск полковника Скрипора
из Рима на эскадру**
16 ноября 1799 г.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, десантные войска с эскадр, мне вверенных, находящиеся в Риме под командою полковника Скрипора в рассуждении потребной в них надобности к следованию с эскадрой к Мальте, из Рима возвратились на эскадру благополучно; главнокомандующий в Риме неаполитанский господин генерал Насели письмом своим относит об них признательность свою, с величайшей похвалою и благодарностью объясняя, что таковое *войско доброго поведения*, которое наилучшим порядком, устройством и воздержанностью своею привлекло к себе общее народное почтение и любовь, а наипаче господа офицеры и батальонные командиры — полковник Скрипор, майор Боасель и находящийся с ними лейтенант Балабин, отличными поступками и добрым согласием и выполнениями заслуживают отличную похвалу и уважение. Я также, отдавая им справедливость за наилучшие и расторопные их выполнения, осмеливаюсь всеподданнейше представить вашему императорскому величеству в милостивое благоволение.

**Рапорт Ф.Ф. Ушакова Павлу I
о подготовке флота и десантных войск к походу на Мальту
и последующему возвращению в Черное море**
2 июня 1800 г.

Высочайший именной вашего императорского величества указ апреля от 10-го дня с глубочайшим благоговением сего числа я получил, в котором изображено: буде Мальта от французов соединенными эскадрами взята, следовать мне туда *со всеми пятью батальонами сухопутных войск*, то есть тремя батальонами под командою

генерал-майора князя Волконского третьего и двумя — генерал-лейтенанта Бороздина первого, которых и оставить в Мальте для содержания гарнизона. По условиям союзных дворов генерал-майору князю Волконскому быть во оной комендантом, а генерал-лейтенанту Бороздину возвратиться своею особою на эскадре со мною в Россию, равно оставить мне в Мальте то количество кораблей и фрегатов, каковое *для крейсера* нужно будет, с остальными следовать мне в Черное море и, отослав требующие исправления суда в Ахтиар, остаться в крейсере между Одессой и крымскими берегами, доколе крепкие ветры осеннего равноденствия не принудят меня войти для зимования в гавань (67).

В первой половине XIX века российский флот все еще используется как универсальное мобильное средство на черноморско-средиземном театре войны. В 1827 году он успешно действует против турецко-египетского флота (Наваринское сражение), в 1828–1829 гг. устанавливает блокаду Дарданелл. В 1832–1833 гг. две эскадры сосредоточились с 14 тысячами солдат и офицеров у берегов Турции для борьбы с восставшим против нее Египтом. Русская армия и флот спасли Турцию, защитив ее столицу от возможного нападения египетского паши. Последующие 17 лет, когда во главе Черноморского флота стоял адмирал М.П. Лазарев, постоянно отработывались варианты действий флота с морским десантированием: Лазарев разработал план организации обороны русского Причерноморья путем высадки стратегического десанта в район Босфора с целью не допустить англо-французский флот в Черное море. Он своевременно предложил для обороны Севастополя иметь хорошие укрепления, достаточное количество сухопутных войск, искусных артиллеристов и хороший флот. В связи с турецко-египетским конфликтом в 1838–1841 гг. флот держится в боевой готовности к высадке десанта на берегах Босфора. В это же время Черноморский флот высаживает на Кавказском побережье восемь крупных десантов, заканчивая, тем самым, создание укрепленной линии вдоль всех черноморских берегов. В соответствии с «программой плавания судов» высадка десантов готовится очень тщательно, для их проведения создаются специальные эскадры, десанты планируются задолго до их осуществления, организуется серьезное взаимодействие на этой основе сухопутных войск и сил флота. «Репетиции десантов», детально расписанные диспозиции и приказы, высадка войск на неприятельский берег (сложное дело для парусного флота) доводятся до практического совершенства.

В организации взаимодействия сухопутных войск и флота Лазарев продолжил и развил лучшие боевые традиции Петра I, Ф.Ф. Ушакова и Д.Н. Сенявина, которые считали совместные действия войск и флота наиболее эффективным способом достижения военной цели. Генерал Раевский, говоря о роли Лазарева в успешном проведении десантов на кавказском побережье, писал: «...От самого начала и до конца он не переставал предупреждать наши желания и предоставил нам все средства Черноморского флота. Очищая предварительно берег ужасным огнем своей артиллерии, он выучил нас высаживаться в порядке с военных кораблей и в порядке на гребных судах приставать к берегу. По важному влиянию своему на успех первого дела он решил успех всей кампании. Наконец, при всех высадках, заставляя моряков содействовать нам на твердой земле, он соединил их и сухопутное войско дружественными сношениями, столь необходимыми для службы и успеха» (68).

В документах эта традиция отражена следующим образом.

*Письмо А.С. Меншикова М.П. Лазареву
с просьбой прислать переписку с Н.Н. Муравьевым
о подготовке и высадке десанта на берегах Босфора
и сообщить свои предположения о способах обороны
черноморского побережья России*
13 января 1836 г. Петербург

Милостивый государь Михаил Петрович!

Для соображения удобнейших мер к перевозке сухопутных десантных войск из наших черноморских портов в Босфор на случай, если бы сие оказалось нужным, я покорнейше прошу в. пр-во сообщить мне бывшую в недавнем времени переписку вашу с г. генерал-лейтенантом Муравьевым по сему предмету, с привоскуплением дополнительных соображений в. пр-ва, кои вы, милостивый государь, могли бы счесть нужным.

Вместе с сим я обязываюсь также просить покорнейше в. пр-во сообщить мне виды ваши в следующих случаях:

- 1) Если бы флот неприятельский прибыл в Босфор прежде наших десантных войск и прошел в Черное море.
- 2) Если бы наш флот находился уже в сие время также в море.
- 3) Если бы неприятельские флоты появились в превосходных силах пред Севастополем, застав наш флот в гавани. В сем случае, как полагали бы вы, милостивый государь, расположить наш флот в Севастопольской губе для обороны и отражения покушений неприятеля, доставя мне таковому расположению флота хотя примерный чертеж.

Ожидая по всем сим предметам извещения в. пр-ва при первой возможности, честь имею быть с совершенным понятием в. пр-ва покорный слуга.

*Из письма М.П. Лазарева А.С. Меншикову
о действиях флота и об обороне Севастополя
в случае вторжения неприятеля в Черное море*
31 января 1836 г. Николаев

Ваша светлость, кн. Александр Сергеевич!

На вопросы, изложенные в почтеннейшем письме в. с-ти от 13-го сего месяца, сим честь имею ответствовать:

1) Если бы флот неприятельский прибыл в Босфор прежде наших десантных войск и прошел бы в Черное море, то, полагая, что сего не может иначе случиться, как с согласия турецкого правительства, в таком роде высадка нашего десанта в Босфоре состояться уже не может. Если же вход в Дарданеллы военным судам по-прежнему останется воспрещенным, тогда я позволяю себе думать, что непрестительно бы было с нашей стороны не успеть высадить в Босфоре десанта прежде появления туда неприятельской эскадры, если только войска, для сего назначенные, состоять будут в совершенной готовности.

2) Если бы наш флот находился в сие время в море (полагая, с десантом), то должен немедленно возвратиться в Севастополь и десант высадить, ибо при встрече с неприятелем вся невыгода остается на стороне тех судов, на коих десант находится, будучи загромождены множеством вещей, оному принадлежащими, которые по неимению места обыкновенно помещаются между орудиями. Ежели флот наш будет тогда в море без десанта, то атаковать неприятеля в море или принять сражение в порте зависит будет от силы и числа кораблей флота, его составляющих.

3) Если бы неприятельские флоты появились в превосходных силах пред Севастополем, застав наш флот в гавани, в таком случае я полагал бы расположить флот по прилагаемой при сем диспозиции.

При сих обстоятельствах необходимость требует, чтобы один пароход безотлучно находился при посланнике нашем в Константинополе для извещения меня о всех действиях неприятельских эскадр.

Как главнейшая оборона Севастополя состоит в исправности укреплений оного (чего теперь нет), в искусных артиллеристах и достаточном числе сухопутных войск на случай высадки десанта, без которого решительного удара на Севастополь сделать невозможно, то необходимо прислать знающих свое дело инженеров для временного укрепления оного, ибо те укрепления, которые предположено еще сделать, смотря по производимым работам, продолжатся на несколько лет. Артиллеристов нужно столько, чтобы все орудия, на крепостях поставленные, были управляемы ими, ибо тогда только можно ожидать успеха цельной стрельбе; что же касается до сухопутных войск, то ежели к тем, которых, согласно прошлогоднему примеру, пришлют для крепостных работ, назначить и просимых для срытия мыса под новое адмиралтейство, то во всяком случае будет оных достаточно и можно утвердительно сказать, что Севастополь при таковых распоряжениях не будет подвержен никакой опасности при самых дерзких попытках неприятеля...

**Из письма М.П. Лазарева А.С. Меншикову
о способе использования флота для отражения
возможного нападения англо-французского флота
на Севастополь**

26 марта 1836 г. Николаев

...Записку в с-ти о мерах, которые следует принять противу замыслов англичан, я прочитал несколько раз с особенным вниманием, и кажется мне, изложенные в оной средства столь превосходно обдуманы, что ничего не осталось желать лучшего. Только я позволю себе сделать некоторые замечания по 4 пункту касательно атакования неприятеля, ежели он появится в Черном море, высадки неприятелем десанта на берега, нам принадлежащие, и защиты Севастополя с той целью, чтобы *нанести неприятелю наибольший вред с наилучшим сохранением флота нашего*, чтобы сим флотом стараться уже довершить расстроенного неприятеля. В первом случае, успех в сражении требует, чтобы суда, флот наш составляющие, были укомплектованы вполне командами, положенными им по последнему штату, т.е. на корабли 120-пушечные по 6 1/2, на 84-пушечные по 5, на фрегаты 60-пушечные по 3 полных рот и проч.; чего теперь нет и недостаток в нижних чинах весьма ощутителен. Во втором случае, я совершенно согласен, что значительного десанта на берега наши ни в каком случае ожидать нельзя, ежели только до появления неприятеля в Черном море он должен будет силой прорываться через Дарданеллы и Босфор. Но ежели проход оного в Черное море по каким-либо обстоятельствам будет с турецкого согласия и ежели главнейшая цель Англии и Франции (в соединении) будет нанесение решительного удара на Севастополь и истребление как флота, так и всех заведений в сем порте, тогда при флоте, сильнейшем нашего, они в состоянии будут высадить в Крым десант весьма значительный. Но нельзя, однако же, не иметь в виду и то, что достижение Черного моря со флотом, имеющим сильный десант, а следовательно, и огромное число купеческих судов, сопряжено при господствующих в Дарданеллах и Босфоре NO ветрах с большими затруднениями и немалой потерей времени. Следовательно, лишь только посадение войск на суда в Тулоне или других портах Средиземного моря делается известным, то войска наши всегда будут иметь время заблаговременно соединиться в Крыму или там, где назначено будет, для отражения всяких неприятельских покушений неприятеля. В последнем же случае, сколь ни желательно бы было сохранить флот наш без всякого повреждения, дабы с пользой употребить оный при ретираде расстроенного от батарей неприятеля, но, мне кажется, что устранить флот от действия можно только тогда, когда морские укрепления приведены будут в то состояние, в каком быть им предназначено, что (судя по работе) продолжится еще на многие годы, а до того времени и, особенно, ежели сие потребует в нынешнем году, флот должен принять главнейшее участие в могущем быть сражении при нападении на Севастополь. В противном случае, можно сказать, что ворота им будут отворены и при том состоянии, в котором укрепления находятся теперь, всякий флот может войти без больших препятствий...

**Предписание М.П. Лазарева
командиру севастопольского порта вице-адмиралу А.П. Авинову
о приготовлении судов Черноморского флота к высадке десантов
в устьях рек Туапсе, Шапсухо и в Геленджикской бухте**
19 декабря 1837 г.

С полученного мною от г. начальника Главного морского штаба е. и. в. отношения № 1332, заключающего высочайшее государя императора повеление насчет перевозки на судах Черноморского флота отряда кавказских войск, имеющих назначиться для исполнения высочайше указанной экспедиции в будущем году вдоль абхазско-

го берега и построения в удобных к тому местах укреплений, препровождаю при сем к в. пр-ву копию, предоставляя, по содержанию изъясненной в этой бумаге высочайшей воли, распорядиться о приготовлении судов Черноморского флота в такой вид, чтобы они ни в чем не встретили недостатка, для совершения предстоящих им в течение будущего года плаваний. Что принадлежит до того, в каком именно месте признает за нужное командующий войсками на Кавказской линии и Черномории посадить на суда отряд сказанных войск, из какого числа он будет состоять и сколько и каких имеет при себе необходимых принадлежностей, я вместе с сим пишу к генерал-лейтенанту Вельяминову и по получении от него нужных по сему сведений сообщу вам дальнейшие мои распоряжения (69).

По мере исторического развития Российской империи плодотворное взаимодействие (взаимоусиление) Армии и Флота, приводящее к победоносной смешанной военной системе, постепенно уменьшалось.

Флот продолжал участвовать во всех войнах России, но его влияние на успех военных действий упало до катастрофической отметки. Если раньше он способствовал переносу военных действий на чужие территории и не допускал морских десантов на свои, а сам успешно вел сухопутно-морские операции, то в период Крымской войны 1853–1856 гг. он позволил вражескому десанту высадиться на собственную территорию и вести успешные боевые действия против армии и флота России! В русско-турецкую войну 1877–1878 гг. флота на Черном море фактически не было. Сухопутные войска подошли к Константинополю, но на условия мира больше повлиял английский флот, появившийся у берегов Турции, чем наши военно-морские силы. Своей гибелью в русско-японской войне и абсолютной несогласованностью действий с сухопутными силами флот привел Россию к поражению в войне и революции. В годы Первой мировой войны он решал минимальные морские задачи, связанные в основном с минной обороной Балтийского и Черноморского побережий, а также обеспечением флангов армии, но не провел ни одной серьезной морской операции (70). Флот не смог переломить ход войны в пользу России, своевременно закончить ее захватом проливов, высадкой морских десантов на территорию ослабшей Турции. Следует вообще заметить, что после М.П. Лазарева и его боевой школы мы больше готовились к отражению десантов, чем к активному применению военно-морских сил в совместных или самостоятельных операциях. Смешанное сухопутно-морское искусство пришло в упадок, хотя судьба войны по-прежнему решалась общими усилиями армий и флота (при ведущей роли сухопутных войск).

Русский флот изначально существовал как *морское войско*. Когда было необходимо, сухопутные войска (дружины, казаки и ополчение) передвигались и действовали на ладьях и стругах (судовая рать). При создании регулярного военного флота Петр I сохранил и усилил эту сильную сторону флота, создав при нем как своеобразный десантный флот (галерный), так и специальные отряды «морских солдат», то есть морскую пехоту. Последняя оказалась незаменимой во всех сражениях и действиях XVIII – начала XIX веков и постепенно превратилась в специальный род войск, предназначенный для защиты побережья и проведения десантных операций (71). Однако с начала XIX века, по мере введения строевого пехотного обучения во флоте (при забвении прикладного морского образования — !), морская пехота как постоянный род войск упраздняется; отдельные части («морские батальоны») создаются временно в условиях войны, причем для действий не только в десантах, но и по необходимости на сухопутных фронтах (оборона моряками Севастополя, Порт-Артура, действия морских пехотинцев в первой и второй мировой войнах). В Российской Империи специально воссоздать морскую пехоту, хотя бы как полицейскую и караульную службу на флоте (неудачная попытка предпринималась в 1910 году), так и не удалась. В силу этой и других причин морякам часто приходилось воевать «по сухопутному» на фронтах войны, что, конечно же, нельзя считать нормальным (72). И только после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. морская пехота как специальный род военно-морских сил (хотя и в составе береговых войск) получила свою вторую жизнь в ВМФ СССР, позже — в России.

Уникальная смешанная (военная и морская) система вооруженных сил Российской империи предполагала общее военно-политическое руководство. Когда оно обеспечивалось (при Петре I, Екатерине II, Павле I), система функционировала очень эффективно, даже при наличии отдельных коллегий (Военной и Адмиралтейств — Коллегии). После создания министерства военно-сухопутных сил (военного министерства) и морского министерства армия и флот стали развиваться обособленно, часто бесплодно конкурируя друг с другом и игнорируя общие цели, объединяясь только во время войны под единым главнокомандованием (73). Попытка создать после поражения в Русско-японской войне единый орган управления (Совет государственной обороны), способный объединить деятельность военного и морского министерств по строительству вооруженных сил и их подготовке к войне, оказалась несостоятельной. Появившийся в 1906 году наряду с Морским Главным Штабом Морской Генеральный штаб, который частично решал вопрос взаимодействия армии и флота на уровне оперативно-стратегического планирования, просуществовал только до 1912 года. Проблема единого (сухопутно-морского) генерального штаба никогда не ставилась. Но именно этот центральный орган мог бы поднять совместные действия армии и флота на новый качественный уровень и к тому же оправдал

бы необходимость существования отдельных министерств — обороны и военно-морского, как учреждений политических и административно-хозяйственных.

В СССР, после ряда экспериментов отдельного развития военно-морских сил, флот стал существовать в составе единой военной системы под центральным руководством Министерства обороны как вид вооруженных сил. Это положение соответствует исторической потребности во взаимодействии армии и флота. В то же время следует признать, что по сравнению с другими видами вооруженных сил флот занимает особое положение в истории России и существенно влияет на результат войны (74). Его не может заменить ничто: ни численное увеличение армии, ни создание новых и новейших видов и родов войск, средства которых, кстати сказать, могут найти и находят достойное применение на флоте.

Способность побеждать

России требуется флот, способный одерживать победы в морских сражениях «малыми силами и малой кровью». Для этого он должен быть военным, а не «штатским», профессиональным, а не милиционным (временным), находиться в постоянной готовности к войне и руководствоваться основополагающими принципами военно-морского искусства, порожденными (подтвержденными) как славными победами (75), так и поучительными поражениями русского военного флота. Суть этих принципов выражают следующие требования:

* *Строить (закупать) лучшие и необходимые для России военные корабли, оснащенные и вооруженные по последнему слову военной техники, способные решать различные задачи морской войны, успешно вести как одиночные, так и эскадренные бои, вступая в них даже после длительных плаваний «сходу». [Иметь военные корабли «доброй пропорции» = Петр I =] (76).*

* *Поддерживать флот и службу на нем в хорошем, совершенном состоянии, «добром порядке». [«Гораздо упокойнее без галер быть, нежели с непорядком при флоте» = К. Крюйс =] (77). «Сверх сего прошу вас всячески иметь недреманное смотрение о сохранении и сбережении победоносных наших войск и чтоб дошло до них все определенное» = Екатерина II — М. Каховскому =] (78).*

* *При столкновении с противником действовать осторожно и искусно, храбро и решительно: «сопротивление чинить и флот беречь», «иметь доброе солдатство и искусство», «не чинить азартов, не ставить на пульку счастье», но поступать как «доброму и искусному морскому офицеру надлежит» [Петр I] (79).*

* *В любых условиях проводить в жизнь культ боевой подготовки (готовности) команд, кораблей, эскадр и флота в целом; отрабатывать практические плавания в сочетании с постоянным обучением личного состава, проведением корабельных и эскадренных учений со стрельбой [Лучшие командиры кораблей никогда не забывали о ежедневной боевой подготовке, даже находясь в плаваниях с научными целями] (80).*

* *Всемерно развивать морскую тактику — науку о морском бое, о наилучших приемах и действиях как одиночного корабля, так и целой эскадры, позволяющих умело пользоваться разнообразными обстоятельствами, силами и средствами в духе русского национального военного искусства и тем самым рассчитывать на успех в войне. [«По-моему, уж ежели воевать, так воевать, и не тем, кто больше людей перебьет, а тем, кто возьмет умением действовать, храбростью, быстротою, сметливостью и знанием своего дела. Морская война именно такая, что можно действовать, принося малую потерю в людях и заставляя неприятеля сдаваться» = С.О. Макаров =] (81).*

* *Неустанно создавать и поддерживать боевую школу личного состава, прививать ему правильные взгляды на потребности войны, заботиться о его нуждах, исправлять недостатки, своевременно отмечать заслуги перед флотом и Отечеством, обучать и воспитывать в воинском духе, готовить для России настоящее профессиональное морское сословие, памятуя о том, что главная сила русского военного флота всегда заключалась в личном составе и его правильной боевой организации. Только при наличии профессионального, творческого, думающего, искусного, храброго, мужественного, обученного и воспитанного личного состава навсегда исчезнут дефекты и недостатки отечественного военного флота, улучшится его материальная часть и тактическое образование, вновь появятся великие адмиралы, исчезнет склонность к поражению и возродится способность побеждать.*

Необходимость (и наличие) этих требований отчетливо просматривается в инструкциях, приказах и других документах русских адмиралов и государственных деятелей России.

*Из инструкций Петра I
вице-адмиралу К. Крюйсу
1712–1713 гг.*

Ежели неприятель с сильным флотом или эскадрой объявит себя на море и вам не вступать не в надежные баталии и страх, токмо как возможно добрым порядком отступать, и держаться на море по возможности, чтобы неприятель во опасении от нашей эскадры был... Ежели неприятель бессилен, то оного гнать сколько возможно и чинить поиск, а к Ревелю послать тотчас указ, чтоб шли корабли, которые у Ревеля, к Кроншлоту... (82).

*Ордер кн. Потемкина
контр-адмиралу графу Войновичу
16 августа 1788 г.*

Предлагаю вам о бесполезности стояния в гавани, не требовал я, чтоб вы без всякой *осторожности* прямо устремились на неприятеля, но надеялся, что вы сделаете такие движения, которые его озаботят, и что будете искать удобного случая атаковать одного с успехом. В деле с неприятелем, особливо ж с турками, много помогает *искусство*; не всегда сражениями побеждают неприятеля и часто благоразумные распоряжения более сделают ему вреда, нежели храброе нападение. Наблюдайте движения его, изыскивайте благоприятное время к поражению и пользуйтесь оным к нанесению чувствительного ему удара. Сие можете вы сделать без риска.

Что ж касается до представления вашего о трудности атаковать неприятеля соединенного, то мудрено ожидать, чтоб оный стал делиться, не быв к тому принужден. Движение флота, вам вверенного, может его довести к сему разделению; обратясь к вам, оставит он, конечно, и здесь часть сил своих.

**Ордер кн. Потемкина
командующему флотилией
генерал-майору де-Рибасу
10 апреля 1790 г.**

По назначении вас командиром флотилии дал уже я вашему превосходительству общие предписания, теперь из оных повторяю:

1-е, о разделении на эскадры по роду и единообразному ходу судов.

2-е, флюгера сделать явственные, каждой эскадре особые, а командирам эскадр того цвета отличные, дабы можно было знать, где присутствует они.

3-е, чтобы сигналов было достаточно и чтобы они вразумительны были.

4-е, вышед в Лиман, *обучать* почасту движениям как порознь, так и всюю флотилиею, в общих эволюциях наблюдать равность в пальбе и точность в построениях ордеров. Тут наблюдать надлежит, чтобы не начинать другого построения прежде, нежели первое не исполнено, ибо выждав исполнения от всех судов, и другое будет ровнее. Отсталых допрашивать о причине и, ежели командир виноват, штрафовать. Ход к неприятелю употреблять такой, из которого бы легче построить порядок боевой в линии или в полумесяце стоящий.

На флангах линии или в голове и хвосте колонн всегда должны определяться суда с искуснейшими командирами.

Пред сражением просить Божией помощи, вперять людям, что мы воюем противу врагов христианства, и наполнять надеждою, которая внушается верою искать неприятеля, *атаковать его стремительно, дружно и с живым огнем*. Когда пошлет Бог свою милость, то истреблять и гнать без пощады.

P.S. Экзерциии так проводить, как бы то было истинное сражение, от сего делается такая привычка, что уже и настоящая баталия покажется экзерцицией (83).

**Рескрипт Екатерины II Ф.Ф. Ушакову
о награждении личного состава Черноморского флота,
отличившегося в сражении при мысе Калиакрия 31 июля 1791 г.
11 сентября 1792 г.**

Тотчас по получении известия о знаменитой победе на Черном море в конце последней кампании, одержанной под предводительством вашим над турецким флотом, который с великим поражением из среди сего моря загнан в самую близость столицы Оттоманской, ознаменовали мы пожалованием вас кавалером ордена нашего Святого Александра Невского, а ныне, желая воздать справедливость и всем отличившимся в помянутом деле *рвением и мужеством, и храбростию*, пожаловали мы таковых заслуженными знаками милостей наших, как то вы усмотрите из росписи при сем прилагаемой, повелевая вам изъявить *монаршее благоволение наше* и просим в вышереченном подвиге участвовавшим; нижним чинам, в сем деле бывшим, предписали мы по рублю выдать на человека из сумм в ведомстве Черноморского Адмиралтейского правления состоящих, а при том дали повеление помянутому Правлению представить к нам исчисление о сумме, следующей по морскому уставу на зарплату за полученные в течение прошедшей с турками войны призы — истребленные неприятельские суда, по получении которого не оставим снабдить оное правление потребным числом денег для раздела, кому сколько по закону следует; пребываем императорскою нашею милостию всегда вам благосклонны (84).

**Из рапорта Ф.Ф. Ушакова в Черноморское
адмиралтейское Правление о возвращении с эскадрой
из практического плаванья на Севастопольский рейд
4 августа 1797 г.**

Исполняя предписанные мне повеления, с эскадрою пяти кораблей, двух фрегатов, одним репетичным судном и одной кирлангичею с выхода на море прошлого июня с 1-го числа двоекратно обходил я от Севастополя к южной стороне простирающиеся таврические берега, так же проходил, обозревая берега острова Тендры, Очакова и Одессы, почти до самого Днестра, и обратно к Севастополю. Во все времена бытности на море эскадра *обращалась в непрерывных движениях при обучении офицеров и служителей в практике, эволюции и экзерцициях*. Командующие судами, штаб- и обер-офицеры и служители должность свою исправляли с прилежностью, рачительно и исправно и чрез *беспрерывные упражнения* приобрели достаточные успехи, и сего августа 3 дня со оной эскадрою прибыл на Севастопольский рейд благополучно (85).

**Предписание М.П. Лазарева
командующему второй Практической эскадрой
Черноморского флота В.А. Корнилову
о предварительном обучении молодых матросов**
15 июля 1850 г.

Необыкновенная в сем году убыль на флоте унтер-офицеров и старослуживых матросов заметно ослабила команды. Признавая для таких команд необходимым *предварительные домашние на судах учения*, я прошу в пр-во гг. командирам судов Практической эскадры первые недели плавания дать полную свободу учить людей по их разумению, с тем чтобы последние две недели были посвящены *общим маневрам*, которые тогда только могут принести пользу, когда офицеры и люди получили достаточные в оных приготовления (86).

**Из письма М.П. Лазарева А.А. Шестакову
о пребывании Николая I на корабле
«Двенадцать апостолов»**
11 декабря 1845 г., Николаев

Ты все спрашиваешь меня, чем в особенности остался доволенным Государь... Государь остался всем, что видел, решительно доволен, и это видно было на радостном его лице. На корабле «Двенадцать апостолов» приказал *ударить тревогу* и подобную штуку в настоящем ее виде, казалось мне, он видел в первый раз. Он с изумлением смотрел на живость и проворство людей, с которою действовали орудиями: 68 фунтовые бомбические пушки казались игрушками, я рад был случаю; тут в первый раз он увидел, что значит в настоящем смысле Sailtrimers, Fígemens и Boarders и, наконец, что значит *хорошее боевое расписание*. Он ходил по всем декам и особенно долго оставался в нижнем деке, — я стоял близ его, — он, наконец, невольным образом сказал: «Ну, этот корабль порядком отделает своего противника, кто бы он ни был». Ты можешь себе представить, до какой степени мне приятно было это слышать (87).

**Приказ В.А. Корнилова
по кораблю «Двенадцать апостолов»
о порядке проведения парусных и артиллерийских учений**
11 июня 1846 г.

Желая сколько можно более воспользоваться кратковременным *практическим плаванием* вверенного мне корабля, я рекомендую г. капитан-лейтенанту Е... наблюдать: 1) чтоб от 2 до 4 часов пополудни, времени, назначаемого для одиночных учений, вместо вахтенных для исправления всех надобностей по управлению парусами вызывали второй взвод бордажной партии, т.е. людей, назначенных к управлению парусами *во время боя*, причем давать наставления стоящим в то время на вахте гг. лейтенантам, каким образом и чем именно людей этих в сказанное время занимать, и 2) чтоб одиночные *артиллерийские ученья* производились по понедельникам и четвергам полубатарейами, а по вторникам и пятницам ганшпугами и у мишени вместе, отделяя для первого ученья по три нумера в деке, а для последнего собирая комендоров и их заменяющих по очереди; что же касается до сабельных и ружейных приемов, то их можно отложить на время плавания, предоставив только гг. ротным командирам по их назначению делать ученья [для] выправки рекрутам.

Заметив, что ружья в пирамидах стоят не всегда в должном порядке, я прошу гг. ротных командиров озаботиться, чтоб впредь такового рода упущения не могли случаться, ибо неисправность ружья и беспорядочное помещение его дают самое невыгодное понятие каждому о надзоре за всеми прочими принадлежностями военного человека, а надзор этот, конечно, составляет один из самых важных предметов на военном корабле.

**Письмо В.А. Корнилова
командующему 5-й флотской дивизией П.С. Нахимову
о целесообразности организации практических занятий
для офицеров в целях совершенствования их боевой подготовки**
26 октября 1852 г.

Милостивый государь, Павел Степанович!

Вашему превосходительству известно, что Государь Император, быв встречен флотом в расстроенном ордере, изволил заметить, что это не в первый раз и что корабли наши хоть и исправные во всех отношениях, отдельно взятые, должно быть, слабы в маневрах, и что *надлежит обратить большее внимание на эволюции эскадрами*.

Признавая, что развитие в офицерах охоты к этой важной части военного морского искусства может много содействовать к усовершенствованию ее и на кораблях, я бы полагал весьма полезным завести хотя по праздникам в удобную погоду эволюции гребными судами, в дивизии состоящими, составляя из них эскадры и подчиняя флагманам из молодых штаб-офицеров, дабы маневры эти имели более порядка и ближе подходили к цели, для которой назначаются. Формируя через это глаз офицеров, шлюпками управляющих, и осваивая их с сноровкой при действии руля и парусов, впоследствии корабли приобретут офицеров, которые будут уметь содействовать своим командирам при построении флотом.

Сообщая эту мою мысль на усмотрение Вашего превосходительства, имею честь быть вице-адмирал *Корнилов*.

* Парусники, артиллеристы и бордажники. В данном случае М.П. Лазарев употребляет английскую терминологию того времени, когда он вместе с А.А. Шестаковым был волонтером на английском флоте.

Итак, мы в действительной войне с так называемыми великими высокопросвещенными морскими нациями. 31 марта поутру на заре явился ан[глийский] пароход у самого входа в Севастополь под австрийским флагом и вздумал напасть на каботажную лодку; высланные бриги и фрегаты отбили лодку и чуть его не поймали; с 1 по 4 апреля три больших союзника расположились брать и разорять каботаж и, таким образом, схватили 11 требак или херсонских лодок с разною дрянью, в том числе одну с нашими шубами и юбками нашей англичанки и горничной, которые отправлялись из Одессы в Николаев, прибыв в Одессу на пароходе. Посмотрим, что предпримут далее цивилизованные флибустьеры; мы готовы угостить на славу какую угодно экспедицию, с какими бы машинами они ни были. *Стесняет нас только недостаток пароходов, приходится или терпеть подобно одесскому оскорблению, или ставить на карту последние ресурсы. Сердце раздирается, а пособить нечем...* (88).

Все славные победы русского флота были одержаны тогда, когда он был профессионально организован и состоял из мастеров военно-морского дела, посвятивших ему всю свою жизнь по доброй воле или принудительно (рекруты). Морское сословие само заботилось о лучших военных кораблях и умело использовало (приспосабливало) даже несовершенную материальную часть для нужд морской войны. Лучшие его представители, умело сочетая *осторожность и искусство*, добивались громких морских побед, изумлявших весь мир и создававших новые условия для развития России. Такими были морские победы Петра I и Екатерины II. Начались они Гангутской операцией и морским боем 27 июля 1714 года, когда Петру искусно удалось разделить превосходящие силы шведов и уничтожить отряд шаутбенахта Эреншильда у Рилакс-фиорда. В «*Боевой летописи русского флота*» по этому случаю, в частности, говорится:

Когда на предложение Петра сдаться Эреншильд ответил отказом, Апраксин поднял сигнал атаковать противника, и галерный авангард стремительно бросился на шведов. Разгорелся ожесточенный бой, продолжавшийся около трех часов. Две первые атаки русских галер были отбиты артиллерийским и ружейным огнем шведов. Третья атака, направленная на фланговые корабли противника, увенчалась успехом...

Об исключительной храбрости, проявленной русскими в этом бою, Петр I писал: «*Воистину нельзя описать мужество российских войск как начальных, так и рядовых, понеже абординование так жестоко чинено, что от неприятельских пушек несколько солдат не ядрами и картечами, но духом пороховым от пушек разорваны*».

Трофеем победителей был весь отряд Эреншильда: фрегат «Эле-фант», галеры «Эрн», «Трана», «Грипен», «Лаксен», «Геден» и «Вальфиш», шхерботы «Флюндра», «Мортан» и «Симпан».

Шведы потеряли убитыми 361 человека, ранеными 350 человек, взятыми в плен 237 человек.

Потери русских: убитыми 8 офицеров, 119 рядовых; ранеными 342 человека, в том числе 17 офицеров.

Гангутская победа имела крупнейшее значение для дальнейшего хода войны со шведами. Она обеспечила русским прочное занятие всей Финляндии и вместе с тем сделала возможным перенесение военных действий на территорию самой Швеции, чего шведы больше всего боялись.

Петр I придавал гангутской победе значение, равное полтавской. В письме к Меншикову он писал: «*Объявляем вам, коим образом всемогущий Господь Бог Россию прославить изволил, ибо он много дарованным победам на земле, ныне и на море венчати благоволил...*»

Шведский флот адмирала Ватранга оставил позиции у Гангута и ушел в Аландсгаф для прикрытия берегов Швеции от высадок русских десантов (89).

Вслед за первой морской победой последовали другие. 24 мая 1719 года в сражении у острова Эзель капитан 2 ранга Наум Сенявин одержал морскую победу над шведами, впервые *не прибегая к абордажу*. Русские захватили 52-пушечный линейный корабль, 34-пушечный фрегат и бригантину. На судах было взято в плен 387 человек с капитаном-командором Врангелем, убито около 50 и ранено 13. Потери русских составили 9 человек ранеными, то есть «*все сие... сделано без великой утраты людей*.» 27 июля 1720 года в Гренгамском сражении галерный флот князя Голицина взял четыре шведских фрегата. В 1720–1721 гг. последовали успешные высадки русских десантов на шведское побережье. Практика морских побед возобновились при Екатерине II: в Чесменском бою 26 июня 1770 года отряд контр-адмирала С.К. Грейга уничтожил огнем турецкий флот в составе 15 линейных кораблей, 6 фрегатов и большого количества мелких судов. Турки потеряли свыше 10 тысяч матросов и офицеров. Потери русских — 11 убитых! Затем последовала серия блестящих побед Ф. Ушакова, не проигравшего ни одного сражения и закончившего их все малой кровью. Особенно блестящей была победа у мыса Калиакрия 31 июля 1791 года. Эскадра контр-адмирала Ушакова (16 линейных кораблей, 2 фрегата, 17 крейсерских судов) внезапно атаковала турецкий флот (18 линейных кораблей, 17 фрегатов, 43 легких судна), который после четырехчасового боя был совершенно разбит и бежал к Босфору. Русские потери: 17 убитых и 28 раненых! Победоносную эстафету в начале XIX века принял адмирал Д.Н. Сенявин, прославивший российский флот в Дарданелльском и Афонском сражениях (1807 г.). В Наваринской бухте 8 октября 1827 года русская эскадра под командованием контр-адмирала Л.П. Гейдена *умелыми действиями в бою* уничтожила большую часть турецко-египетского

флота и создала тем самым предпосылки для победы союзных морских сил. Парусный флот продолжает успешно действовать в русско-турецкую войну 1828–1829 гг., истребляет турецкий флот в Синопском сражении 18 ноября 1853 г. Турецкая эскадра потеряла 15 кораблей и свыше 3 тысяч человек убитыми и ранеными. Потерь в кораблях русские не имели. На эскадре П.С. Нахимова за время боя вышло из строя 37 человек убитыми и 229 ранеными (90).

После Крымской войны, в эпоху становления и развития парового броненосного флота, *способность побеждать утрачивается*, что особенно наглядно проявляется в отсутствии морских побед и в сокрушительном поражении русского флота в войне с Японией 1904–1905 гг. Происходит это не потому, что «все славное двухсотлетнее былое тяжелым бременем лежало на творческой военной мысли личного состава», а японский флот «не имел за собой почти никакого исторического прошлого» (91). *Основная причина «мирных» и военных поражений заключалась как раз в забвении основополагающих требований военно-морского дела, что привело к вырождению морской тактики и тактического образования, деморализации и депрофессионализации личного состава, бессистемному развитию военных кораблей и техники, формальной организации плавания и экономии на боевой подготовке.*

Беспорядочная организация морской силы отечества, — отмечается в «Истории русской армии и флота», — естественно вела к чрезвычайному понижению тактического обучения флота. Тихоокеанская эскадра почти не плавала, почти не стреляла и почти не производила маневров. Все это приводило к тому, что боевая школа во флоте стояла так низко, что, по справедливому замечанию одного нашего адмирала, в войне с Японией русский флот представлял собою в смысле тактической подготовки нечто вроде «морской милиции», а не «регулярной» вооруженной силы (92).

Русские моряки шли умирать с заведомо негодным боевым материалом, с плохой стрельбой, несовершенством снарядов, трубок, таблиц, мин, судов, эволюций, хода. Без умения стрелять «по площадям» и на большой скорости. Они не питали «решительно ни малейшей надежды на победу»; на искусство никто не рассчитывал! Личный состав комплектовался по всеобщей воинской повинности, в то время как во флоте у японцев были одни добровольцы, а связь между офицерами и командой основывалась на взаимных интересах и уважении друг к другу. Отвага и решительность российских моряков не могли заменить отсутствие морской тактики и подготовки к войне (93).

Личный состав обладал слабым военным духом, был деморализован поражениями, негативным отношением общества к флоту, революционной пропагандой, служебной рутинной. Дело дошло до планомерного физического уничтожения офицерского состава флота своими же командами (1917 г.) и взявшими власть большевиками (1921–1938). Причем уничтожались в первую очередь командиры и другие военные специалисты (94).

На этом общем фоне упадка морской силы заслуживают внимания попытки некоторых адмиралов, начиная с середины XIX века, восстановить основные принципы военно-морского искусства и способность флота побеждать. Адмирал А.А. Попов (сын) уходит из активного флота, и все свои силы (как и отец) отдает строительству современных военных кораблей. Адмирал Г.И. Бутаков осмысливает новую ситуацию и в 1863 году выпускает в свет капитальный труд «Новые основания пароходной тактики» (95). Адмирал С.О. Макаров делает все возможное для возрождения принципа «Флот существует для войны», закладывает основы новой морской тактики, теоретически обобщая свой практический опыт. Ему принадлежит инициатива в использовании морской мины в качестве активного наступательного оружия. Перед русско-турецкой войной 1877–1878 гг. он превращает коммерческий пароход «Великий князь Константин» в боеспособный корабль с четырьмя минными катерами и натренированным экипажем. В войну этот пароход со своим минным оружием наводит страх на противника, постоянно создает для себя выгодную тактическую обстановку. Минные катера действуют у неприятельских берегов и осмеливаются нападать даже на эскадры, используя мины и торпеды. Подводя итог своей боевой деятельности в русско-турецкой войне, Макаров писал «...В течение прошлой войны я не потерял ни одного человека, и это вовсе не пустая случайность. *Тактика моя всегда заключалась в том, чтобы наносить неприятелю всевозможный вред без всяких последствий для себя...* Если один ничтожный пароход мог вывести из строя броненосцы, утопить пароход, равный себе по величине, подвозить провиант на Кавказ, отвлечь броненосцы и спасти несколько тысяч солдат от верной гибели, сжечь девять купеческих судов и беспокоить неприятеля целую войну во всех концах Черного моря... если один пароход целую войну мог работать без потерь, то это уже не счастье. Суворов сказал: «Раз счастье, два счастье, помилуй бог, надо же когда-нибудь и меньше» (96).

В эти годы активно осмысливается идея боевого воспитания на флоте, способы создания военного духа и военного сознания у личного состава (вице-адмирал А. Ливен). После катаклизмов революции и гражданской войны объективно возникает предложение о создании специального профессионального «морского сословия», способного возродить во флоте забытую традицию побед (97).

Важное значение для определения путей возрождения победоносного российского флота имеют мысли, представленные в работе С.О. Макарова «Рассуждения о морской тактике» и в книге А.А. Ливена «Дух и дисциплина нашего флота». Знакомство с их основным содержанием позволяет пол-

нее уяснить смысл русской военно-морской идеи, заветы лучших представителей морского сословия императорской России для новых поколений российских моряков.

Адмирал Степан Осипович Макаров РАССУЖДЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ МОРСКОЙ ТАКТИКИ

Место морской тактики в ряду других морских наук

Условимся прежде всего, что *военный флот существует для войны* и что каждая единица его (корабль), с личным и материальным составом, назначается для того, чтобы с успехом участвовать в морском бое. *Так как морская тактика есть наука о морском бое, то она охватывает собою все, что есть на корабле. Дело в том, что для того чтобы выиграть сражение, морская тактика должна научить нас, как это сделать.* С этой целью она должна дать указание всем стоящим ниже ее морским наукам.

Есть однако наука, которая выше морской тактики — это *стратегия*. Она исследует все элементы войны; она определяет размер потребных для войны средств и наилучшие способы воздействия на неприятеля; она решает, какой род военных действий лучше поведет к цели. Задача войны заключается в том, чтобы побороть сопротивление неприятеля, и дело этой науки указать, как сказано выше, какой род военных действий наиболее соответствует средствам своим по отношению к неприятелю и быстрее поведет к цели.

Стратегии те же авторитеты дают определение: *наука о войне*. Считается, что стратегия есть философия войны или тактика театра войны, в отличие от настоящей тактики, которая есть тактика поля сражения.

Выше стратегии следует поставить *государственную политику*, которая решает — можно ли достичь цели без войны или нет; достаточно ли одной демонстрации, или же надо прямо начать военные действия. Когда война начата, то стратегия укажет, где следует дать бой, а *тактика решит, как повести этот бой, дабы с наименьшими потерями разбить неприятеля*. Дальнейшие указания, а именно: как пустить в ход машину, зарядить и навести пушку и пр., дадут специальные науки: механика, артиллерия и другие. <...>

Исследуя все элементы, влияющие на успех морского дела и рассматривая их в общей совокупности, морская тактика должна наметить те цели, к которым каждая из специальных наук должна стремиться. Она есть наука над науками о морском бое или *философия морского боя*.

Все, сказанное выше о предмете морской тактики, можно резюмировать вкратце следующим образом. *Морская тактика есть наука о морском бое. Она исследует элементы, составляющие боевую силу судов, и способы наивыгоднейшего их употребления в различных случаях на войне.* <...>

Плавание в мирное время есть школа для войны

Прежде всего вспомним, что *военный флот существует для войны* и сопряженные с большими расходами *плавания судов в мирное время совершаются для того, чтобы подготовить к войне личный состав; из этого основного положения будет исходить все последующее. Если во время плавания условие это не соблюдается, то плавание не приносит желаемой пользы*. В некотором отношении оно даже приносит вред, ибо личный состав приобретает нежелательные привычки и обычаи, и с наступлением войны придется коренным образом все пересоздавать, что иногда труднее, чем создавать вновь. В плаваниях, особенно заграничных, военным кораблям иногда приходится исполнять поручения, при которых часть представительная занимает первенствующее место и, кроме того, *от времени до времени вообще надо кораблям давать отдых от военных занятий и свободное время, чтобы экипаж мог спокойно отдохнуть; но главную цель, т. е. приготовление к войне, надо все-таки ставить на первый план и непрестанно ее памятовать, ибо, выпуская ее из виду, мы неизбежно попадаем на ошибочный путь*.

Боевая подготовка судов в особенности много страдает от желания достичь идеальной чистоты. Нет никакого сомнения, что чистота на корабле существенно необходима, но как только начинаются упражнения, имеющие целью боевую подготовку, так сейчас же чистота и щегольская окраска несколько страдают. Надо радоваться, что упражнения в стрельбе из орудий и минами теперь обставлены такими правилами, что эта часть практикуется достаточно часто, но многие другие занятия следовало бы участить. В особенности нуждаются в регламентации все тактические занятия по разведочной службе, по блокаде берегов, по изучению корабля, по минным атакам и упражнениям, по снятию планов укреплений, по боевому маневрированию и прочее.

Весьма трудно давать общие наставления о том, как вести службу на корабле, чтобы каждый из чинов воспитывался в том же духе, который предписывает морская тактика. В общем лишь можно сказать, что от командира и офицеров требуется справедливость, жизненный такт и выдержка. При этих условиях и имея постоянно в виду цели, намеченные тактикой, можно достичь весьма благоприятных результатов. <...>

Значение эскадренного сражения

Уничтожение неприятельской эскадры может иметь огромное стратегическое значение, а потому *весьма важно принять все меры к тому, чтобы при встрече двух эскадр наша одержала перевес над неприятелем*. Задача военных действий заключается в том, чтобы сломить волю противника и заставить его подчиниться нашим требованиям. Уничтожение судов поодиночке производит на него нравственное впечатление, но потеря десятка судов в одиночных боях не произведет того впечатления, как потеря эскадры, хотя бы число кораблей в ней и было менее. *Потому все, относящееся к эскадренному бою, должно быть изучаемо самым тщательным образом, и все меры должны быть приняты к тому, чтобы управление эскадрами, как в мирных плаваниях, так и в бою, было доведено до высокой степени совершенства.* <...>

Напряжение всех сил для одержания победы

Все авторитеты сходятся в том, что *надо напрягать все силы для того, чтобы выиграть сражение*. Никогда не надо пренебрегать каким-нибудь средством, которое могло бы увеличить шанс на успех и нужно стремиться к тому, *чтобы наличие средств значительно превосходило кажущуюся потребность в них*. Совет этот не следует понимать в том смысле, что не начинать ничего с малыми средствами, но, *если начиная дело, возможно подкрепить свои силы прибавкою того или другого отряда или корабля*, то, разумеется, это полезно сделать.

Клаузевиц (Учение о войне, стр. 37) говорит:

«Первый и важнейший принцип, который нужно себе поставить, чтобы достигнуть этих целей — это напрягать все силы, какие только есть до последней крайности. Всякое ослабление усилий отдаляет достижение цели. Даже если бы успех был довольно вероятен, было бы в высшей степени неблагоприятно не напрячь наибольших усилий, дабы его сделать вполне верным».

Наполеон (Военные правила, стр. 37) говорит:

«Желая дать сражение, должно поставить за неперемненное правило собрать все свои войска и не пренебрегать никаким отрядом: иногда один батальон решает участь сражения». Он говорил также, что ему никогда не казалось перед сражением, что у него чересчур много войск и он всегда стягивал к себе все, что мог.

Наполеону также принадлежит правило, что вся задача полководца сводится к тому, чтобы рассеивать свою армию для продовольствия и маршей и соединять ее для сражения: «*Se diviser pour vivre et se reunir pour combattre*» .

Составление эскадры

По этому вопросу существуют разные взгляды. Большинство считает, что боевая эскадра должна состоять из броненосцев, которые в силу этого называются эскадренными броненосцами. В прежнее время линия состояла из кораблей и надо думать, что вышеприведенный взгляд обязан прежде всего сложившимся правилам, по которым фрегаты и другие малого размера суда не включались в линию баталии, а держались в стороне. Прежний взгляд при тех условиях, которые были в то время, нельзя не считать правильным, ибо величина определяла силу. Корабль во всякое время был сильнее фрегата, а потому не было никаких оснований вставить в середину линии фрегат и тем заведомо ослабить одну часть ее. По отношению к судам малого размера, как *минные крейсера и миноносцы*, взгляд этот и по настоящее время верен: что же касается больших *океанских крейсеров*, то является вопросом, как применить их к делу в эскадренном сражении. В прежнее старое время крейсерами считались фрегаты и другие малые суда, а теперь многие крейсера по водоизмещению подходят к броненосцам. <...>

Как надо оканчивать сражение?

Результат эскадренного сражения будет полон только в том случае, если уничтожение неприятельских судов доведено до конца. Фридрих Великий о преследовании говорил: «Ничего не сделано, пока что-нибудь остается сделать». Блюхер говорил, что во время преследования нет надобности идти целыми бригадами или батальонами: очевидно, что разбитый и бегущий неприятель не представляет никакой силы. Нельсон говорил: «Я готов пожертвовать половиною своей эскадры, чтобы уничтожить французскую». Он писал своей жене после сражения в Генуэзском заливе, что «если бы из 11 бегущих неприятельских кораблей мы взяли 10 и упустили один, имея возможность взять его, я не назвал бы такого дня хорошим днем».

Из всего этого выходит неоспоримое правило о необходимости преследования и уничтожения разбитого неприятеля. Невзирая на собственные потери, надо продолжать атаку, пока неприятель не будет вполне уничтожен или не спустит флага. *Выпустить из рук битого неприятеля, значит совершенно испортить результат победы*, ибо как бы ни были велики потери его — материальные или в людях, все-таки судно прибывает в свой порт, исправится и для флота противника потеря будет лишь временная. <...>

Минная война в духе русского человека

Минная война походит на партизанскую, а таковая в духе русского человека. У нас, может быть, не хватает систематичности, как у других западных наций, но когда наступает война, русские умеют показать, что *недостаток организации восполняется избытком инициативы частных начальников*. Это именно то качество, которое признается неоцененным в войне миноносцами. Для пользования этим качеством необходимо должно развитие дела миноносков.

Под Севастополем широко выказалась частная инициатива, и она, а не что-либо другое, удержала союзников от занятия этого неукрепленного до войны, но сильного потом пункта. Во время Франко-германской войны французский флот стоял продолжительное время неподалеку от германских портов и тем не менее даже мысль о минной атаке не зародилась. Говорят, будто в то время в германском флоте не было мин, но у нас при объявлении войны Турции также не было мин; их стали изобретать, и первые мины состояли из бочонков из-под солонины и томбуев, наполненных порохом. Также в Германии не было недостатка в паровых катерах и легких пароходах, а между тем мы в войне с Турцией брали все, что было под рукой. Один из катеров, носивший громкое название «Наварин» и участвовавший во всех морских атаках, по размеру соответствовал 8-ми весельной шлюпке и имел один крошечный паровой цилиндр.

Объяснение этому надо искать в разности национального характера нашего соседа и нас. Наш сосед составлял себе славу своею систематичностью и своим примерным приготовлением к войне. *Нам же надо не пренеб-*

---

* Разделиться, чтобы жить, объединиться, чтобы сражаться.

резать ничем, что может дать войне временная организация и в чем широко может проявиться дух инициативы частных начальников. <...>

Указания кораблевождению

Кораблевождение дает военным морякам в руки не более того, что коммерческим, а между тем замедление в пути коммерческого парохода вызывает лишь ничтожные материальные потери, тогда как *замедление в пути военного корабля или эскадры может стоить проигранного сражения*. В ясную погоду мы имеем все средства, чтобы днем или ночью двигаться беспрепятственно; если фарватер где-нибудь не приспособлен к ночному плаванию, то можно устроить временное освещение фонарями, поставленными на шлюпках и при этом способе пройти любой фарватер. <...>

Кораблестроение

Вспомним главные основания, которым руководится тактика, а именно: что *флот существует для войны*. Смотри на дело с этой точки зрения, мы никогда не сделаем ошибки: *если же будем придавать большое значение условиям мирного времени, то корабль непременно выйдет малогодный для боя*. Военные корабли надо строить так, как будто они завтра же шли в бой. Поставив себе такую задачу, мы откажемся от многого, что завоевывало себе право гражданства вследствие продолжительного мирного времени. Цитированное выше мнение одного французского адмирала: «Le plus grand luxe du batiment est le vide» имеет чрезвычайно глубокое значение. <...>

Необходимость технических условий

В статье «Разбор элементов» мы говорили, что нужно выработать те технические условия, которым должен отвечать корабль и при постройке стремиться к осуществлению их; в ней же мы даем эти условия. Мнения наши с тех пор не переменялись. Детали высказываемых нами воззрений могут быть оспариваемы, ибо на технику можно смотреть разное, но думаем, что никто не будет отрицать проповедуемого нами принципа *о необходимости выработать технические условия, которым должен отвечать корабль*. Без такой системы кораблестроение будет шатко и разнообразие в типах будет по-прежнему продолжаться. Не только замечается шаткость в типах судов и в системе брони, о которых говорилось раньше, но и во всем остальном; например, вопросах о том — необходимо или нет на большом корабле иметь миноноски, надо ли иметь сетевое ограждение и прочее. С миноносками было несколько веяний и теперь их то ставят на суда, то не ставят. *Только выработав технические условия, которым должны отвечать корабли, моряки перестанут колебаться в том, что составляет основание всего их дела*. <...>

О непотопляемости

Отсутствие технических требований от военных судов в особенности дает себя чувствовать в отсутствии рациональных мер по части непотопляемости. Подробности по этому предмету изложены в той же статье «Разбор элементов», и здесь мы можем указать лишь на главное наше предложение, заключающееся в том, *чтобы корабль, по окончании своей постройки, был подвергнут полному испытанию по части непотопляемости*. Каждое отделение (главное и второстепенное) должно быть наполнено водою до верхних кромок переборок. Только после этой пробы можно признать корабль надежным по части непотопляемости.

Непотопляемость находится в упадке на всех флотах и даже такие случаи, как потопление броненосца Victoria, не вызвало должных мероприятий. На кораблях все еще боятся напускать и выкачивать воду в должном количестве. Виноваты в этом исключительно флотские офицеры; они же и понесут наказание за свою вину в бою, если только не возьмутся за это дело обеими руками. <...>

Однообразие в типах судов и механизмах

Однообразие судов, механизмов и прочего теперь требуется настоятельнее, чем когда-нибудь, потому что желание облегчить машины и получить на единицу веса большую индикаторную силу приводит к постановке машин, приготовленных из металла весьма высокого качества, и в случае поломки их они могут быть выделаны лишь на специальном заводе. В 1895 году один из новых американских крейсеров стоял более полугода в Нагасаки только потому, что у него треснул поршень и что часть эту мог сделать лишь известный завод.

Каким образом суда с такими деликатными частями будут чинить свои повреждения, полученные во время войны в отдаленных водах? *Одинаковость типов судов и машин — главных и вспомогательных, дала бы возможность широко пользоваться запасными частями и может быть при нужде, разобрав одну машину, можно будет заменить ее частями подбитые части у других*. При разнообразии в машинах и всех судовых предметах никакие замены не возможны, каждое судно должно вычиниваться самостоятельно, а это требует такого продолжительного времени, а часто и участия таких специальных заводов, что война успеет окончиться раньше, чем починят ничтожное даже повреждение. Повторяем, введение однотипности в судах и во всех механизмах, с тактической точки зрения, настоятельно необходимо. <...>

Чинопроизводство

Одно из самых трудных дел администрации заключается в организации правильной системы чинопроизводства. *Требования тактики заключаются в том, чтобы офицеры, от которых предвидится большая польза в военное время, двигались в чинах быстрее, чем офицеры для войны неподходящие*. С этой целью можно или

---

* Порожный корабль – это самая большая роскошь.

производить некоторых за отличие и тем двигать их скорее других, или же, ведя линию ровно, удалять из нее лиц, не соответствующих условиям войны.

Почти во всех флотах представляется право на производство некоторого числа офицеров за отличие. Является весьма трудным вопрос, как отличить людей более способных к войне от людей менее способных и каким путем так обставить этот выбор, чтобы не породить нежелательного неудовлетворения во всей среде. Мы уже видели, что люди, из которых выходили талантливые полководцы иногда не отличались серьезным отношением к службе в своей молодости и при условиях мирного времени им никогда не удалось бы выдвинуться. *Было бы желательно найти критерий для правильной оценки офицеров.* В настоящее время начальствующим лицам приходится судить на глаз, тогда как желательно, чтобы были какие-нибудь нормы. Если когда-нибудь будет устроен систематический курс маневрирования, то не можем ли мы на нем отличить людей с хорошим морским глазом от лиц, не подающих надежды на искусное управление кораблем, дабы удалить одних и дать движение по службе другим. *Вопрос о правильном выбытии из строевой службы одних и производстве за отличие других имеет первостепенное значение, но он так труден, что мы не беремся сказать окончательного мнения, а ограничимся общими рассуждениями.*

Из всех обязанностей начальства самая несимпатичная есть та, в которой приходится применять меры для устранения из линии людей, не обещающих быть хорошими командирами. Начальник, поступающий так, без сомнения, *становится врагом лиц, которым он не дает ходу, но если он поступает иначе, то он становится врагом того флота, которому служит.* Полковник Орлов в своей тактике говорит, что если в военное время случится начальник малоспособный, то есть некоторые способы парализовать его вредное влияние. Он приводит пример (стр. 59), как при Инкерманском сражении хотели устранить участие корпусного командира, в военных способностях которого имели основание сомневаться.

Было бы, разумеется, честнее отправить домой малоспособного начальника, но, должно быть, это не так легко сделать и потому если в мирное время недостаточно заботятся о выборе лиц, которым следует дать возможность продвигаться вперед, и места командиров займут лица малоспособные к этому, то это особенно почувствуется в военное время, когда уже будет поздно приниматься за то, что надобно было начать много лет назад. *С точки зрения тактики, было бы рационально установить такой порядок, чтобы в мирное время назначать тех, на кого выбор пал бы в военное.*

<...> Даже, получив в командование броненосец, офицер не практикуясь в том, что ему предстоит делать в бою, ибо из опасения столкновений, которые теперь ведут к гибельным последствиям, маневры мирного времени во всех флотах совершенно не похожи на то, что придется делать на войне. Было бы чересчур длинно давать здесь полную программу, как все это устранить. *Вопрос о рациональном чинопроизводстве ожидает своего решения, и тот из флотов, в котором он будет решен правильно, получит большие боевые преимущества.*

Военные порты

Вопросы, касающиеся личного состава, имеют для администрации первостепенное значение, но также весьма важно, *чтобы административные принципы вели к боевой готовности и пригодности материальной части.* Надо, чтобы были исправлены корабли и порты, которые их питают. Каждый порт должен быть устроен таким образом, чтобы приписанные к нему военные корабли содержались в полной боевой готовности и могли выходить в море в самый кратчайший срок по получении приказа.

Кроме этого, порт должен быть снабжен всеми материалами и боевыми припасами, потребными для питания его во время войны и должен быть предусмотрен порядок, которым в военное время будут пополняться расходуемые материалы и припасы. Порт должен быть приспособлен для починки могущих быть в бою поврежденных в возможно короткий срок. Принципы эти не составляют ничего нового, и часть из них даже входит в законоположение. Дело, на практике, сводится лишь к тому, как, исполняя условия мирного времени, соблюсти вместе с тем все, что требует тактика во время могущей быть войны.

Военный корабль

Военный корабль должен строиться для войны и в плавании должен содержаться таким образом, чтобы быть готовым в самый короткий срок вступить в бой. С этой целью материальная часть должна содержаться в порядке, а личный состав, путем учений и маневров, приучен ко всем случайностям, могущим встретиться в бою и на войне. Вся судовая жизнь в плавании должна быть направлена к этим двум целям и все, что не ведет прямо или косвенно к этому делу, должно быть отброшено, как излишнее и нездоровое.

Заключение

Позволим себе закончить наш труд по морской тактике указанием, что до сих пор, по отношению ко всем морским наукам, идет дружная работа разработки деталей. В некоторых случаях работа эта похожа на починку ветхого здания, причем увлекаясь деталями, мы совершенно забываем о главных целях. Станем на точку зрения тактики и посмотрим на все здание — не надо ли его все в целом перестроить?

Намечая главные цели, тактика, кроме того, рассматривает способы, как наивыгоднейшим образом управлять людьми, чтобы они во время войны выказали наибольшую энергию и умение и как воспользоваться теми наступательными и оборонительными средствами, которыми корабли снабжены. В отношении управления людьми, история дает нам много бесподобных примеров, на которые можно опираться, ибо человек остался тот же, что был. Что же касается материальных средств, то в настоящее время средства эти не имеют ничего схожего с теми, коими пользовались во время великих морских войн, а потому, за исключением нескольких стычек, примеры боевого опыта отсутствуют, и в технике боя *надо больше довериться здравому смыслу, чем боевым примерам, которых совершенно недостаточно.*

После Лисского сражения все стали говорить, что лучший строй эскадры для боя есть клин, что адмирал Персано сделал большую ошибку, поставив свои суда в линию кильватера, и что эскадра его потому и была разбита,

что вступила в бой в этом строю. В сражении при Ялу японский адмирал Ито был в линии кильватера, а китайский адмирал в строю фронта, который, с упавшими назад флангами, походил на строй клина. Результат сражения, по отношению к строям, был противоположный, а именно — кильватер выиграл, а клин или фронт проиграл.

Надо думать, что в обоих сражениях дело было выиграно одними и проиграно другими не вследствие принятия того или другого строя, а вследствие других причин. Мы не можем основывать тактические советы относительно строя на этих примерах, которые подтверждают лишь старую истину, что *та сторона, которая худо дерется — бывает разбита* (98).

Вице-адмирал Светлейший Князь Александр Александрович Ливен ДУХ И ДИСЦИПЛИНА НАШЕГО ФЛОТА

<...> В продолжение десятков последних лет мы наделали целый ряд административных и организационных ошибок, все больше заблуждаясь по ложному пути, пока, наконец, не подточили все внутренние связи нашего здания и не оказалось достаточным одного щелчка, чтобы оно рушилось, как картонный домик. Особенно личный состав наш пострадал, его систематически деморализовали, сами того не подозревая, и, думая усовершенствовать его, подрывали все его нравственные устои и довели его до полного распада. Влияние упадка его сказалось и до последних катастроф, на его взглядах и тенденциях, на общей работе подготовки к войне и по оборудованию материальной части; но последнее время обнаружило его состояние во всей наготе, и к нам приставили часовых.

Удивительнее всего, что об этом последнем факте у нас во флоте менее всего беспокоятся. Очень много спорят о материальной части, о броненосцах и подводных лодках, о планах обороны, о плавании судов, об образовании активных и резервных эскадр, о преобразовании центральных учреждений; но о *строевом личном составе* как-то мало говорят. Между тем ясно, что это должно быть нашей первой заботой. Как мы можем образовать эскадры, пока нет личного состава? Зачем толковать об обороне отечества, пока последнее принуждено обороняться от наших беспорядков? Кто нам доверит деньги, пока не убраны от нас часовые? Или мы думаем, что это само собою уладится? Но этого, отнюдь, не будет. Слишком много причин, поддерживающих беспорядок и мешающих водворению дисциплины, чтобы это могло случиться. Нам надо энергически взяться за дело, исправить сделанные ошибки и изгладить старые грехи, а то чем дальше, тем будет хуже. Об этих старых грехах и способах к их исправлению я и намерен потолковать. По-моему, слишком уже ясно, что *главный наш недуг кроется в неправильной и несуразной организации личного состава*. Вот где нам надо начать с обновлением флота. Как только люди будут на своих местах в подходящих условиях, так все остальное пойдет само собою. Как только мы добьемся дружной организованной работы всего личного состава, так все вопросы по материальной и хозяйственной части, по тактике и стратегии разрешатся самым естественным и простым образом, ибо очутятся в руках компетентных и заинтересованных в их правильном решении лиц. <...>

Военное сознание личного состава

Начну с того, что *суть и основа всякого живого дела заключается в людях, которым оно вверено*. Если повсюду подходящий человек на подходящем месте, то непременно все данные средства будут использованы как следует. В военном же деле личный состав играет еще более первостепенную роль, чем где-либо. В любом производстве результаты технической работы составляют цель всего дела, а у нас техническая часть есть и остается средством в руках людей для борьбы против людей. Сила же наша в этой борьбе кроется в *энергии, находчивости, сплоченности и дисциплине борцов*. Но не только в бою, а и в мирное время, в период приготовления к войне техника служит только безгласной исполнительницей указаний военных начальников, и если ей дано неверное направление, то это вполне зависит от ошибочных воззрений в среде строевого состава.

<...> Главной причиной плохого состояния нашей материальной части была не низкая степень развития нашей отечественной техники, а *отсутствие среди строевого состава правильных и определенных взглядов на потребности войны*. Факт этот подтверждается и нашими распоряжениями до и во время войны. Чем объяснить, что в П.-Артуре поместили эскадру заведомо слабейшую неприятеля в недостаточно укрепленной, неудобной и слишком тесной гавани? Как можно было выбрать базой для флота эту самую крепость, выдвинутую в море в самый элемент неприятеля и ничем не связанную со своей страной? Как можно было держать флот на Дальнем Востоке в вооруженном резерве и поставить его после разрыва дипломатических сношений на внешний П.-Артурский рейд? Все эти вопросы ничем иным не объяснимые, как *полным непониманием военной обстановки нашим личным составом*. То же самое мы видим и дальше. Как могло случиться, что мы 2-ю эскадру послали на верную гибель в Цусиму? Только от того, что мы не сумели оценить ни своих сил, ни неприятельских, ни задачи, возложенной на эту эскадру. <...>

Для руководства военным делом одних занятий мало. Наполеон говорил, что для ведения боя надо изучить по крайней мере 50 сражений, но, я думаю, он был бы очень удивлен, если бы кто из этого вывел заключение, что, изучив 50 сражений, человек уже и готовый полководец. *Для правильной оценки военных вопросов надо быть военным не только по своим знаниям, но и по своим чувствам, по своим взглядам и по своему характеру*.

Надо иметь то, что можно назвать в отличие от знаний военным сознанием, которое приобретает не образованием, а воспитанием. <...>

Если мы теперь с этой точки зрения рассмотрим недавнее прошлое нашего флота, то, к сожалению, один вопрос о военном сознании вызовет улыбку. Об этом и долго говорить не стоит, настолько оно очевидно. Где было наше военное сознание до войны? К чему мы готовились, к чему мы стремились? К чему угодно — только не к бою. Накануне объявления войны в П.-Артуре запрещалось говорить о предстоящем разрыве с Японией. Счита-

ли, что такие разговоры произведут панику в личном составе. Мысль о войне всегда отодвигалась на задний план, как неприятная, и все стремления были направлены к ее избеганию. Пропаганда идей всеобщего мира находила особенно благосклонное эхо в России. Мы строили броненосцы и проповедовали мир, радовались возрождению флота и надеялись этим флотом не разбить неприятеля, а сохранить дружественные отношения. *Вообще флот строился не для войны, а для демонстрации.* Такая точка зрения может быть очень хороша для дипломатии и для торговых и промышленных интересов страны, но она недопустима для войска. Однако наш флот всецело предался сам этому течению, как-то незаметно он сам перестал верить в возможность войны и не желал оной. Вследствие этого выдвинулись на первый план всякие прочие заботы и соображения, между которыми не последнюю роль играли личные интересы служащих. Последнее случилось не только по инициативе самих офицеров, но поощрялось даже административными мерами. Самым разительным примером тому служит закон о прохождении службы 1886 года. Этот закон ставит прямо-таки главной задачей личного состава выполнение известных условий для достижения собственной карьеры, а корабли в нем превращены в средство для достижения чинов. Пагубные последствия этого до крайности антивоенного закона не заставили ждать и произвели ту оргию эгоистических стремлений, которая всем так хорошо известна и о которой вспоминать даже неприятно.

При такой обстановке, конечно, и говорить о военном сознании нечего. Только полным его отсутствием можно объяснить нашу неурядицу и сделанные ошибки; они совершены не по незнанию, а по нерадению. О печальном состоянии нашей материальной части все знали, но не особенно беспокоились, надеясь, что войны не будет. Вот если бы корабли были не мореходны, если бы штурманская часть хромала, если бы не было угля и провизии для переходов, тогда бы всполошились, но так как только снаряды были неудовлетворительны и в очень маленьком количестве, пушки стреляли медленно, дальномеры и прицелы старые, то с этим мирились, надеясь, что войны не будет. Во флоте стояли суда без пушек, без хода и без защиты, но что ж в этом? Ценз можно выполнить и на тихоходном корабле. Кому же неизвестно, что у нас нет унтер-офицеров, что команда плохо обучена, что весь личный состав без практики и без сплоченности? Но с этим мирились, рассчитывая, что воевать не придется. Кто же не видел, что у нас смотры и маневры бутафорские, что стрельба производилась слишком уж редко, что офицерство скучало в вооруженном резерве и в то же время совершенно не видело собственного побережья и прочее и прочее. Но все это терпелось, все откладывалось, то за неимением денег, то по другим причинам. Ведь время терпело, войны не предвиделось. Разве составляло секрет, что П.-Артур не укреплен, что дока нет, что выходить можно только в полную воду? Все это видели, и иногда становилось жутко при мысли о возможности войны, но мысль эта отодвигалась, как неприятный кошмар. До последней минуты перед войной надеялись на мирный исход. *Одним словом, судьбой флота руководило не военное сознание, а всякие случайные и побочные причины.* Этому обстоятельству надо приписать одну часть сделанных промахов и притом самых явных и неоспоримых. Но кроме того такое общее настроение породило и множество ложных теорий. Отсутствие серьезных опытов, тщательной проверки на практике и вообще бутафорская обстановка всего дела затмили самые факты и не давали возможности правильной оценки нашего положения и наших сил. Наши теоретические выводы в области приложения науки к нашему делу были построены на воздухе, а что всего хуже, мы привыкли к такой обстановке, она нам глаз не резала и мы даже потеряли способность видеть вещи, как они есть. *Множество грехов заглушило нашу военную совесть, и она притупилась.* Вот почему мы и в теории вралли, и удивили мир своими распоряжениями. И всему этому одна коренная причина. *Мы не сознавали себя военными.*

Когда грянул гром, когда война нам была навязана против воли, — все это обнаружилось. Тогда уже нельзя было скрыть от себя, что мы должны сражаться, но это сознание происходило не от нас самих, не было плодом собственной воли, а было нам навязано силой извне и сразу же легло гнетом на личный состав. Нами овладело чувство растерянности и беспомощности. И было с чего растеряться. Материальная часть неудовлетворительна, стратегическое положение невозможное, личный состав без взаимного доверия и без всякого опыта. Мы не знали, с какого конца взяться за это новое дело. *Да, мы вступили в эту войну не войском, а форменной милицией;* нам с начала войны пришлось учиться азбуке военной техники. Со временем мы стали поправляться. Нет лучше школы для войска, нежели война, но что было упущено — не вернешь. Сила солому ломит. Трудно милиции сопротивляться организованному войску, тем более, что ведь и последнее совершенствуется в бою. <...>

Военное воспитание

Единственная школа для военных есть война. Спокон веков в боях и походах в войсках развивались совершенно естественно качества, отличающие воинов от мирных жителей. Более сильные духом и телом самым течением обстоятельств выдвигались вперед, слабые элементы отпадали сами собой, и в конце концов в рядах бойцов устанавливался и укреплялся *дух и характер, вполне соответствующий боевой обстановке.* В то же время веками продолжавшиеся войны выработали и соответствующую организацию масс, приспособляющую их к сосредоточению наибольшего усилия, а также дали возможность теоретически изучить условия войны и применить уже сознательно выраженные принципы к усовершенствованию вооруженных сил в борьбе с неприятелем. Таким путем образовались знаменитые боевые дружины всех времен, подвиги которых связаны с именами славных победителей, будь то Александр Македонский или Наполеон I.

Но такие средства для образования войск не всегда под рукой. Войны, к счастью, сделались более редкими и мирные промежутки более продолжительными. Войска, образовавшиеся в один военный период, для следующего уже служить не могут, и приходится вступать в новую войну с совершенно неподготовленными силами. Поэтому с давних пор стремления всех народов сосредоточились на изыскании средств к обучению и воспитанию войск в мирное время. Средства эти должны, хотя до некоторой степени, заменять боевой опыт, но они по большей части мало действительны, и главная задача военного воспитания сводится в конце концов к тщательному хранению добытого предыдущими войнами. С этой целью стали не распускать *боевые части*, а оставляли их существовать и в мирное время. Убыль людей пополняли понемногу, лишь по мере действительной надобности, чтобы вновь прибывшие элементы успевали поглощаться и прирасти к целому. Эти боевые части продолжали

служить и в мирное время хранилищем военного духа, вследствие чего их тщательно оберегали от посторонних влияний. Для этого особенно заботились об обособлении каждой из них и обеспечивали им самостоятельное бытие.

Таким образом получились вместо очень недолговечных отдельных воинов *коллективные личности*, обладающие всеми характерными качествами отдельного воина, только гораздо более долговечные. *Сплоченные и скованные в боях части, как бы они там ни назывались, легионами ли или полками, обладают отчетливым сознанием своей индивидуальности, ясной памятью и совершенно определенным характером.* Такие части живут не десятки лет, как люди, а сотни, и в продолжение своей долгой жизни могут накопить огромный боевой опыт. Они в каждую новую борьбу вступают, как закаленные ветераны прежних походов. Раз привитой характер и дух держится в них настолько крепко, что поглощает поколение за поколением, конечно, при том непрременном условии, чтобы он не растворялся в общей массе народа, чтобы он оставался сосредоточенным в свой части, чтобы эта часть имела возможность самостоятельного существования и чтобы ее личная жизнь не ступшевывалась, а всячески выдвигалась существующей обстановкой. Тогда части, а не отдельные люди, и изобразят собой идеальных воинов с вполне развитым военным сознанием. Из таких лиц, а не из отдельных людей, состоит хорошее войско. Их благополучие, развитие их индивидуальности и жизненной силы, поддержка духа в них и есть главная задача военного законодательства и военной организации.

Из всего этого ясно, что в войсках военный дух бывает прямо пропорционален корпоративному и военное сознание прямо пропорционально самосознанию части. Поэтому мы видим, как *умные военные организаторы берегут и лелеют корпоративное начало в частях*, как эти последние обрекаются в разные формы, для каждой части свою, иногда самые театральные с крайне причудливыми украшениями, напоминающими былые события. Им даются ордена и награды, как отдельным лицам, от них требуют коллективной ответственности и уступают им необходимые права, как всякому правоспособному человеку. <...>

В поисках за средствами к приготовлению и развитию войска в мирное время естественно явилась мысль сохранить не только части в том виде, в каком их обработала война, но и по возможности обстановку, к которой они привыкли. Так как в это время сражаться нельзя и внешние проявления воинственного настроения невозможны, то забота о сохранении обстановки поневоле ограничивается стремлением приспособить внутренний строй жизни и взаимных отношений как можно ближе к условиям военного времени. Поэтому организация армии и флота в мирное время должна главным образом отвечать условиям и принципам военных действий.

Принцип военного дела есть принцип меча. Меч должен состоять из самого крепкого материала, а ударить он должен не плашмя, а острием, чтобы вся живая сила удара сосредоточилась на остром его крае. Так и войско, составляя крепко сплоченную среду, должно сосредоточить всю свою силу воли всех своих чинов на одну указанную цель. Крепости стали соответствовать сплоченность и дух войска, а остроте меча — его дисциплина. Вот два отличительных качества хорошего войска — *сплоченность и дисциплина*. Они не только оба необходимы, но они даже в отдельности немислимы. Одно другое пополняет. Как ковка и закал превращает железный прут в меч, так дисциплина усовершенствует и объединяет воинов и делает из них опасное оружие в руках начальника; но как нельзя отковать и отточить деревянного меча, так *невозможно применять военную дисциплину к разрозненному, разнородному и невоспитанному личному составу*. В таком случае она не направит все единичные воли в одно общее русло, а напротив, сможет только подавить таковые, вызовет чувство несправедливого гнета и всеобщего озлобления. Но об этом речь еще впереди. Пока обратим внимание на то, что принято называть сплоченностью. Один в поле не воин. Сила сопротивления войска заключается в способности противостоять раздроблению. <...>

Мы видели, что основу войска составляют войсковые части. Они представители его материальной силы, от их сплоченности и энергии зависит успех боя, они же хранители духа и воспитатели будущих поколений. Одним словом, они безусловно главные лица вооруженных сил. Все остальное существует только для них, для их поддержки и усовершенствования. Очевидно, их интересам должны уступать всякие другие, и всякий вопрос законодательства и администрации должен первым делом рассматриваться с точки зрения пользы или вреда для войсковых частей. В предыдущем я старался показать, что самое их существование зависит от возможности самостоятельной жизни, от степени сплоченности и дисциплины в их среде. Для этого я указал на некоторые неизбежные условия, а именно:

- 1) Долговечность и самостоятельное существование войсковых частей, охрана их корпоративного духа и традиций.
- 2) Необходимость личной связи как между равными в своей части, так и между начальниками и непосредственными подчиненными.
- 3) Право частей определять собственный состав, принимать только лиц желательных и выделять из своей среды неподходящие элементы.
- 4) Сохранение постоянного личного состава в частях и забота о постоянной совместной деятельности.
- 5) Необходимость сосредоточить всякую власть в войсках в руках единичных лиц, вполне ответственных за все действия подчиненных.
- 6) Необходимость нахождения всей власти в руках строевых начальников и тщательное отстранение постоянного вмешательства.
- 7) Непременное право ответственных строевых начальников выбирать своих непосредственных подчиненных по своему усмотрению.
- 8) Необходимость иметь все должности строевых начальников от Главнокомандующего до нижнего чина замещенными во всякое время.
- 9) Строгое и определенное требование ответственности начальников за все действия и за поведение всех подчиненных, а воинских частей за поведение каждого отдельного их чина.

Эти девять пунктов мною приведены как наиболее интересные ввиду непосредственной цели этой статьи и состояния именно нашего флота. Обращаю особенное внимание на тот факт, что ни одно из этих условий не

может быть вычеркнуто без существенного ущерба для духа и дисциплины личного состава. Они вытекают из самой природы вещей, а не составляют особенности какой-нибудь системы, которую можно применять или придерживаться другой по усмотрению. Тут благоусмотрения нет. Или мы эти условия исполним и у нас будет войско, или же не исполним — и войска не будет. <...>

Вообще, все выдающиеся полководцы, учителя и законодатели военного искусства на деле были строевики. Они все были произведениями своего войска, отпрысками его нрава. Если и нельзя отрицать их безусловно-го влияния на своих подчиненных и того, что они были душой и авторами их настроения, то не надо забывать, что само это влияние не могло бы существовать, если бы они не были им родные по духу, чуткие и понятливые товарищи.

Итак, военное воспитание есть основа деятельности всякого военного, от командующего до нижнего чина. Все остальные вопросы, как образование, обучение, вооружение и снабжение — второстепенные. Они сами собой образуются, как только воспитание станет на должную высоту. Воспитание определяет работоспособность и направление, а без него старания напрасны. Единственные же воспитатели под луною — это крепкие духом, сплоченные и дисциплинированные строевые части. Если мы увидим какой бы то ни было недостаток в наших рядах, если мы ищем причину какой бы ни было неудачи, то вот в какую сторону следует направить наши взоры. Состояние строевых частей — вот первоначальный источник всяких благополучий и всяких бед.

Состояние духа и дисциплины в нашем флоте

Вернемся теперь от Наполеона и ему подобных к собственным делам. Одно взгляда на нашу организацию достаточно, чтобы убедиться, что дело воспитания в нашем флоте, должно быть, обставлено крайне печально. Где мы можем воспитываться? Где наши традиции, где наши войсковые части, где необходимейшие условия дисциплины? По всей линии ответ отрицательный и результат такой же. Не только отсутствие этого воспитания сказывается в нижних слоях: в бунтах, беспорядках, дурном поведении, в поверхностном отношении к службе и в огромных проблемах обучения, но и в самых развитых и образованных сферах, в их взглядах и отношениях к делу. Некоторые, хотя очень немногие, даже до сих пор утверждают, что у нас все благополучно, что неудачная война и последующий развал были последствиями, лишь случайных и второстепенных упущений по вине отдельных лиц. Они так и не замечают, что вся машина скрипит и не трогается с места. Имея глаза — не видят, имея уши — не слышат. Но разберем явления нашего быта несколько подробнее по тому же пути, по которому шли, обсуждая нравственные качества войска вообще.

Традиции

Первый вопрос. Что мы сохранили от прошлых войн? Где наши традиции? Заметим, что слово «традиция» не значит «воспоминание» или «историческая память», напротив, это, как слово само выражает, нечто переданное, нечто более существенное, сохранившееся из поколения в поколение. Традиция состоит из обычаев, взглядов, способа рассуждать и действовать, перенятого из времен славных подвигов собственных предков. *Это остатки их духа и характера.* Но где мы это сыщем в нашем флоте?

У нас так часто формировались и расформировывались, собирались и распускались корабли и экипажи, что о какой-либо части с историческим прошлым и речи быть не может. Единственное исключение — «Гвардейский Экипаж». Там есть и память прошлого, и традиция. За то он резко выделяется из остальной среды в лучшую сторону. И в мирное время не только в самом экипаже, но и на его судах в отдаленных водах порядок и дисциплина стояли выше других. Замечалось сознание у служащих известного долга перед своим мундиром, чувство, что они обязаны держать знамя своей части высоко. Во время войны все чины, участвовавшие в ней, исполнили свой долг до конца. Интересно обратить внимание на способность Гвардейского Экипажа привязывать к себе своих членов. Мне известен случай, когда один из его офицеров, будучи ранен, и, думая, что он не выживет, просил присутствующих передать в экипаж, как он умер. Он остался жив и, слава Богу, теперь здоров, но факт остается фактом. На каком бы корабле кто-нибудь из нас вздумал приветствовать экипаж? Хорошо, если ему не придется прибегнуть к памятной книжке, чтобы узнать его номер. Заметим, что «Гвардейский Экипаж» собственно чисто сухопутная часть, тем не менее его влияние распространяется в такой высокой степени и на корабли. Люди в нем такие, как и в остальном флоте, но часть, как таковая, старая, с традициями, несколько обособленная, с известными правилами и даже с отдельной формой. Какое огромное влияние эти — на первый взгляд не такие уже значительные — факторы возымели на его нравственные качества! И в самый разгар бунтов ни в нем, ни на кораблях беспорядков не было. Между тем он подвергался многим вредным влияниям наравне с остальным флотом. Однако он устоял, главным образом потому, что *имел возможность отдельного самостоятельного существования.* И в остальном флоте бывают попытки сохранить традиции. Есть у нас «Память Азова», «Память Меркурия» с Георгиевскими флагами. Но эти корабли только доказали, насколько бесполезно хранить историческую память в предметах материальной части, а не в душах живых людей. Как раз на «Памяти Азова» произошло одно из самых отвратительных возмущений. На некоторых судах имеются, впрочем, свои традиции, но какие? Вспомнился мне случай в Порт-Артуре. На одном из судов уже во время военных действий праздновался храмовой праздник. За обедом адмирал, бывший командир этого корабля, произнес речь, в которой он напомнил служащим, как славно они возили Его Высокопревосходительство Наместника и Его Высокопревосходительство Военного Министра и заслужили благодарность. Вот чем приходится подбадривать личный состав на боевые подвиги. <...>

Сплоченность

Следующий вопрос. Каков дух и сплоченность наших строевых частей? Тут же сразу наткнемся на странное обстоятельство. Всякий флотский чин состоит в двух частях одновременно, в экипаже и на корабле. Которая же из них собственно его строевая часть? Если бы меня спросили 25 лет тому назад, я бы не колеблясь ответил бы: «экипаж». В то время в экипаже был более или менее постоянный состав и требовалась строевая служба. Суда внутреннего плавания снаряжались лишь на несколько месяцев в году, а заграничного плавания отсутствовали по несколько лет со своим раз назначенным личным составом и были так малочисленны, что это их отсутствие почти не влияло на общий ход дел. Зато на берегу в экипаже сидело крепкое и бесспорно старшее начальство, которое положило свою печать на подчиненных. Экипажи обладали индивидуальностью и имели различные физиономии. Кто не помнит 1-й экипаж адмирала Крузенштерна или 5-й экипаж адмирала Шеффнера? Эти части могли до некоторой степени называться сплоченными. Но только до некоторой степени. Я имел случай сравнить их с Л.-Гв. Семеновским полком. В предисловии я уже сказал, что намерен изложить вещи, как я их вижу, и больше ничего. Потому я нахожу возможным сообщить личные впечатления. Я перешел во флот из Л.-Гв. Семеновского полка и не мог не заметить огромной разницы в духе и дисциплине. *Там забота о репутации полка стояла на первом плане, старательно оберегался престиж начальников, принимались все меры к упрочению личных отношений и к подъему корпоративного духа, дисциплина строго соблюдалась и по существу, и в мельчайших внешних проявлениях.* Здесь же все это существовало в гораздо меньшей степени. Уже чувствовалось разорительное влияние другой параллельной, хотя и малозначащей части, а именно корабля. В то время было в моде морячить. Экипаж изображал часть строевую, но не морскую и не боевую. Чины же его желали быть моряками и показывали это просто-напросто тем, что относились пренебрежительно ко многим внешним признакам дисциплины и воинского порядка и не очень заботились о нравственной стороне своего экипажа. Конечно, и авторитет берегового начальства страдал от такого настроения. *Зато корабли заграничного плавания были в почете. На них смотрели с благоговением, и командиры пользовались огромным престижем.* На них и дух бывал хороший. Эти суда уходили обыкновенно на 3,4, даже 5 лет со своим постоянным составом и возвращались прекрасно сжившимися и сдружившимися, с ярко выраженным корпоративным чувством. Это показывает, как легко достигается сплоченность в море, где люди поневоле все время вместе. Во флоте эта задача гораздо скорее выполняема, чем на сухом пути. Конечно, и эти суда были далеки от идеала боевого единства. Они были слабо вооружены, и миссия их бывала обыкновенно мирная. Естественно, военная сторона дела уступала морской; но они все-таки развивали лучшие качества нашего личного состава и оставили о себе самое отрадное воспоминание. Их воспитательного значения отрицать нельзя. И все потому, что они имели возможность самостоятельного существования в продолжение хотя сколько-нибудь продолжительного периода. Чего бы мы могли достичь, если бы мы систематически поддерживали существование корабля от поколения в поколение и обставили бы его всякими атрибутами самостоятельной жизни, если бы мы всеми мерами, давлением извне и подогреванием внутри содействовали его объединению? Мы бы давно имели людей, преданных своему кораблю до фанатизма, для которых мысль о спуске флага была бы бредом умалишенного...

Поэтому очень важно, если мы теперь, наконец, решимся признать наши боевые единицы за отдельные части, не делать дела наполовину, а поставить их действительно на собственные ноги, чтобы от них можно было требовать серьезного ответа. Для этого надо первым делом отделить корабль от экипажа, отряд от экипажа, прекратить возможность постоянной перекомандировки и закрепить личный состав на них, чтобы они могли приобретать индивидуальность и определенный характер. Я бы даже предложил для более отчетливого разделения дать каждому кораблю, каждому отряду мелких судов свою отдельную форму, как сухопутным полкам. Пусть знают какого они цвета.

Затем надо сделать их хозяевами своего личного состава. Никто не должен находиться на корабле, за которого остальные не могут или не хотят отвечать. Не только командир должен безусловно пользоваться правом держать у себя только тех, кого он желает, но и общество офицеров, и даже команда, должна иметь голос при выборе своих товарищей. <...>

Обставив и устроив корабль, дав ему возможность руководить всеми своими членами, надо начать давить извне, требовать и понемногу повышать требования. Нравственный уровень нашего офицерства и особенно унтер-офицерства вовсе не на должной высоте. *Необходимо постепенно, но очень значительно поднять престиж мундира в глазах носящих его.* Это возможно лишь при более строгом отношении к своим нравам самой среды служащих, а достигнется только неуклонным требованием свыше от вполне ответственного общества офицеров. Главную тут роль играют командиры, и к ним в первую очередь должны применяться особенно строгие требования. Если они будут долго на местах и *будут полными хозяевами своей части*, то нет сомнения, что результат получится вполне удовлетворительный. Требования строгие, но справедливые, будут всегда исполняться охотно. Людей, способных быть хорошими командирами и составлять прекрасные кают-компании, более чем достаточно, особенно теперь, после войны. Они мало привыкли к настоящему порядку, но если поставить их в надлежащие рамки, дать им свободу действия и требовать соответственных результатов, то очень скоро все войдет в свою колею. <...>

Власть строевых начальников

В тесной связи с предыдущим находится вопрос относительно необходимости сохранить всю власть в руках строевых начальников без постороннего вмешательства. *Воля начальника должна осуществляться по прямой линии исполнителей военной иерархии без промедления, без трения, без отвлечения.* Она переходит от одного строевого начальника к следующему без всяких окольных путей. Отличительный же признак строевого начальника тот, что он сам исполняет волю высшей власти данными ему боевыми средствами и отвечает за результат их действий. Присматриваясь с этой точки зрения к нашей военной иерархии, мы увидим, что наши корабли, отряды и эскадры — действительно под командой строевых чинов. Но в промежутках между начальником отряда или

эскадры и верховной властью наши поиски за строевыми начальниками окажутся тщетными. Кто же мог бы считаться таковым: и Командиры портов, и Главные Командиры? Очевидно, нет, ибо боевые силы вовсе не находятся в полном их распоряжении и они не могут отвечать за исход их деятельности. Главный Морской Штаб хотя и распоряжается личным составом и боевыми силами флота, но он их только распределяет и организует, но не руководит непосредственными их действиями и потому также не может отвечать за результат таковых, иначе Начальник Главного Морского Штаба давно уже подвергся бы судебному преследованию за катастрофы войны и за дикие бунты во всех трех морях. Наконец, Министр, он же главный начальник флота, занимает строевую должность только номинально. На самом деле он не имеет в непосредственном своем распоряжении боевых сил флота. Связь с ними прервана, за неимением промежуточных строевых инстанций, и фактически; в конце концов, и он не может отвечать за поведение строя. Таким образом, мы видим, что *высшего строевого начальства в нашем флоте просто не существует*, и о сохранении полной власти в его руках — разговора быть не может. Место его занимают должности административные, имеющие в своем распоряжении для активных действий лишь одни канцелярии. Итак, *исполнителями воли начальников являются не боевые части, а канцелярии*, строй же остался в стороне и, в силу существующих законов, подчинен канцеляриям и не одной какой-либо, но многим сразу. Я должен настаивать на заявлении, что власть начальника канцелярии — распоряжаться строевыми частями — есть, в сущности, власть этой канцелярии, а не его личная как строевого начальника. Нельзя, например, сравнить Начальника Главного Морского Штаба с Командующим флотом и его штабом. Последний владеет своими правами независимо от обязанностей своего штаба, власть же Начальника Главного Морского Штаба определяется функциями этого последнего, и он ею владеет не самолично, а как глава сего учреждения. Поэтому мы вполне основательно можем утверждать, что права Начальника Главного Морского Штаба выражают права этой канцелярии; и так везде, где личность строевого начальника не отделена от административной должности.

Итак, *строевой флот собственно без хозяина*. Отдельные его части предоставлены их непосредственным начальником, а объединяющей их строевой должности не существует. Зато все вспомогательные отрасли Морского Ведомства, обслуживающие: боевые силы, органы администрации, хозяйства и техники, выдвинулись вперед и заняли место хозяина. Из них опять-таки не один какой-либо распоряжается всецело строевыми частями, принимая на себя ответственность за последствия, но они все понемногу имеют право и возможность хозяйничать на кораблях и эскадрах каждый по своей части, оставляя всю ответственность за совокупную их деятельность на непосредственных строевых начальниках. Очевидно, такой порядок имеет только одно название: «организация наизнанку». Но нас интересуют не столько канцелярии и их способность существования, сколько сам флот и как на нем такое положение отражается. Для этого надо войти в положение строевого состава. При всем усердии и добросовестности у каждого человека все-таки «своя рубашка ближе к телу». Поэтому и наш строевой начальник обратит главное внимание на ту отрасль своей деятельности, где он больше всего рискует поплатиться. *При наших порядках наиболее суровая ответственность лежит на командирах по части хозяйства*. За упущения в этом направлении они отвечают не только дисциплинарно, но и имущественно. Для бедного офицера страшен даже самый мелкий недочет по хозяйству, так как он ложится не столько на него самого, но и на его семью, в виде сокращения средств к жизни. Неудивительно, что главная забота наших командиров сосредоточена: на денежных оборотах, на правильном ведении отчетности, на оправдательных документах, на наблюдении за расходами и т. п.

Если принять в расчет, насколько все это у нас сложно и мелко, то легко представить себе, как много времени оно берет и как много оно поглощает внимания и работы. *Второе место, по своей интенсивности, занимает ответственность по материальной части и по технике*. Аварии, поломки и неисправности механизмов и вооружения влекут за собою расход, а этого наша администрация пуще всего не любит. На этой почве легко всего получить неприятность, а при более значительных повреждениях даже удостоиться судебного преследования. Поэтому в нашем флоте развилась необычайная осторожность и отвращение ко всякому риску. Сохранить в целости судно и все его принадлежности — вот вторая по важности забота нашего командира. *На третьем плане уже стоит ответственность по распоряжениям административным, выполнение программы: плавание, порядок службы, обучение и практика*. Тут уже не может предвидеться особенно точной проверки. Начальство находится на берегу и требует, чтобы его распоряжения были исполнены, но как и с какой пользой — оно не имеет средств убедиться. Проверяется все это на смотрах. А там, как известно, главное — показная сторона, и, естественно, на эту сторону и обращено особое внимание строевых начальников. Чистота, поверхностное приспособление необученных людей к рейдовым учениям, замазывание недостатков в комплектации и в подготовке для получения сносного впечатления на смотре — вот к чему стремится наш строй в плавании. Стрельбы, походы и якобы боевые упражнения выполняются кое-как, с недостаточными средствами, с необученными людьми и почти без результатов, чтобы иметь возможность записать их в журналы и предъявить на смотрах. По знакомому выражению — отбываются номера, и все это не по небрежности или по нежеланию сделать дело, а потому что нельзя иначе выполнить требования отсутствующего начальства.

Наконец, самое последнее место занимает ответственность за боевое состояние корабля. Этот вопрос вполне предоставлен благоусмотрению начальников эскадр и командиров. Начальства, предъявляющего требования в этом направлении, нет ни на берегу, ни на воде. Кто станет и кто может проверять: нравственное состояние команды и офицеров, их сплоченность, дух и дисциплину — одним словом, их боевые качества? Такого начальства нет. Чтобы судить об этих вещах, надо близко знать и часто видеть подчиненных, а главное — надо придавать значение этому элементу. Надо быть строевым начальником, предназначенным сражаться с этим комплектом людей; но таковых, как известно, у нас нет. О дисциплине судят по штрафным журналам и по судебным делам. Но тут для хорошего показного результата существует очень простое средство: смотреть сквозь пальцы на поведение подчиненных. Если при этом не случится явного бунта, то все окажется благополучным. То же самое надо сказать относительно обучения и практики личного состава и приспособления материальной части к бою. Нет такого высшего органа, который бы заботился обо всем этом и требовал серьезных результатов.

Учреждения, занятые этими вопросами, озабочены ими лишь теоретически и совершенно не заинтересованы их осуществить. Они в бой не пойдут. Факт этот выясняется при самом беглом сравнении огромных требований военного опыта и того, что у нас делается. Сколько следовало бы стрелять, и сколько мы стреляем? Сколько бы следовало ходить, и каким ходом, и как мы ходим? Какие знания требуются: от матросов, от кочегара, машиниста, комендора и какими знаниями обладают наши мужики? Да не стоит перечислять. *Мы все знаем, что нет ни одного элемента боевой силы нашего флота, отвечающего боевым потребностям.* И просто потому, что некому требовать, некому настаивать. Заинтересованные лица не облечены властью, а имеющие власть не заинтересованы. Для осуществления всего этого требуется преодолеть множество препятствий, а для последнего надо обладать достаточною властью. Все существующее начальство скорее склонно ставить, нежели удалять эти препятствия. Для боевой практики нужны материальные средства, а хозяйственные и технические учреждения заинтересованы в экономии и сохранности материалов; для удовлетворительного обучения личного состава и практики нужны время и большие расходы, а администрация заинтересована быстрыми и полными результатами с данными средствами. Но так как власть в руках именно этих отраслей, то и препятствия военному образованию стоят непреодолимо. И не по злой воле кого-либо, а просто в силу обыкновенного принципа, что и здесь: «Своя рубашка ближе к телу». Каждое учреждение, естественно, отстаивает свои интересы и притом весьма энергично. *Попробуй-ка строевой адмирал или командир отстаивать боевое развитие своей части. Он везде потерпит фиаско.* Пусть заявит, что лафеты от стрельбы ломаются, — ему Технический Комитет немедленно докажет, что это произошло от неосторожного обращения. Пусть объяснит, что у него на корабле сброд, не военная команда. Его же обвинят в неумении обучать их. Тут нет ни провета, ни надежды. Заступится некому. *Вся власть в руках естественных противников развития боевой силы, а противовеса нет. Нет строевого начальника, заинтересованного в военном значении флота и с достаточной властью, чтобы заставить остальных подчиниться его требованиям.* Организация наизнанку создала и строевую службу наизнанку. Вспомогательные элементы флота у власти, и боевое его значение игнорируется.

Из всего предыдущего станет ясно, до какой степени флот нуждается в высшем строевом начальстве. Совершенно необходимо отдать его в руки людей, предназначенных вести его в бой и обладающих достаточною властью, чтобы осадить забравшиеся не на свое место второстепенные учреждения, чтобы заставить их служить флоту, а не наоборот. <...>

Положение о морском цензе

Наконец, материальное обеспечение флота, необходимость встретить неотложные требования быстро развивающейся численности судов сообщили всему делу сильный толчок, и вот в 1885 году появилось знаменитое Положение о морском цензе. *Закон этот в свое время и до последних дней подвергался сильнейшим нападкам, и он действительно принес неисчислимый вред нашему флоту.* Любопытно разбираться в чем, собственно, заключается его деморализующее начало. На первый взгляд, его требования, казалось бы, не выражают ничего худого. Он явно стремится привлечь офицеров к службе на море, он старается обеспечить необходимую опытность и практику за начальниками, он вообще озабочен перенесением центра тяжести службы с берега на воду. Он требует, чтобы офицеры плавали, и основывает свой критерий их способностей на морском опыте. Что же тут дурного? Все это очень симпатично и даже необходимо, особенно при преимущественно сухопутном характере тогдашней службы. А между тем результат его на деле оказался изумительным по своей разрушительной силе для нравственных основ флота.

Дело в том, что составители этого Положения были люди не военные и не строевые. Они сами стояли на неверной точке зрения и поставили весь новый закон на ошибочных основаниях. *Центр флота — боевой корабль. Его существование только оправдывает бытие Морского Ведомства. Если мы желаем получить верное понятие о каком бы то ни было предмете в этом последнем, то должны его рассматривать с палубы корабля.* Положение же о морском цензе смотрит на флот из окон Главного Адмиралтейства, и отсюда получается совершенно обманчивая перспектива. Намерения у него правильные, но глаз не верен. Он не мог их применить. Относительное значение составных элементов флота представилось ему в превратном виде. Предметы первой важности показались ему далекими и затуманенными, зато второстепенные явления были ему близки и отчетливо бросались в глаза. Вследствие этого обмана зрения точка приложения силы нового закона оказалась не против центра тяжести, а сбоку, и наши организаторы не двинули флот вперед, а опрокинули его.

Первый грех Положения о морском цензе, совершенный по непониманию условий военного быта, есть огромное упущение. Оно совершенно игнорирует интересы корабля. Последний для него как будто не существует. Нашим законодателям из окон Адмиралтейства корабль казался стальным корпусом с машинами, с броней, с пушками, с минами, с мачтами и трубами, с массой технических приспособлений, требующих специальных знаний, но корабля в смысле строевой части, в смысле сплоченного материала людей с его нравственными требованиями они вовсе не заметили. Они писали свои статьи без малейшего внимания на возможное их действие на целостность корабля, как боевой части. Тут сказалось отсутствие представителя строя, который мог бы заявить: «Постойте, господа, что вы делаете? Что станет с кораблями при ваших порядках? Вы учите, вы совершенствуете офицеров, вы можете быть доведете их до идеала знаний и опытности, но вы разоряете корабли. *Суда не предназначены для путешествия господ офицеров с образовательной целью. Они назначены для боя. Им принадлежит личный состав, каждому свой, а не наоборот.* Примите меры в вашем новом законе, чтобы их права не нарушились». Но такого рода голоса не оказалось, или, скорее, тех, кто говорил, не слушали. Строй уже был в загоне. *Ни один параграф Положения о морском цензе не озабочивает интересов корабля.* Одна статья даже говорит, что надо, по возможности, всем дать *выплавать* ценз. Значит, вози всех по очереди путешествовать с образовательной целью. Вот в коротких словах весь смысл положения о цензе. *Погнались за образованием и совершенно забыли о воспитании.* Это чисто штатский взгляд на вещи. Вообразили, что если человека обучить всем отраслям военно-морского искусства, то он уже и военный. Мы очутились все в положении датских

или японских офицеров, в свое время прикомандированных к нашему флоту и плававших на наших судах для ознакомления с ними. <...>

Практическим последствием нового закона было массовое бегство из флота. При этом старания привлечь офицеров на корабли — создали такие льготы для много плававших, что ими воспользовались именно самые опытные и энергичные строевики. Для них новый режим оказался наиболее невыносим. Способные и деятельные люди хуже всего переносят обезличивание. Осталась молодежь и люди, менее чувствительные к общему делу или не имеющие возможности уйти вследствие прежней вполне сухопутной службы и принужденные теперь начать свою морскую карьеру. Из таких людей и составилась отныне, главным образом, элемент руководителей и вождей нашего флота.

Дальнейшее поведение нашего личного состава, под автоматической регулировкой ценза, всем известно. Оно отличалось полной апатией к общему делу и преобладанием личных интересов. *Работали настолько, насколько это нужно было для достижения индивидуальных целей, а на благополучие флота махнули рукой.* Сознали, что ничего не поделаешь. Корабли и вообще вся материальная часть скверная, производство какого-то безыменного хаоса, команда и офицеры на них временные, друг другу чужие, начальники без всякого престижа, без прав и авторитета, предмет критики и насмешек подчиненных, вся обстановка обучения и образования бутафорская, собственная судьба каждого точно предопределена параграфами списков, так что для совершения карьеры требовалось только время, — вот условия, при которых наш флот ценовал, утешая себя надеждой, что авось войны не будет. Усилия отдельных людей пропадали бесследно. Всякая инициатива, всякое напряжение воли поглощалось инертностью коллегиального начала и бумажного предопределения.

О воспитании военного духа и военного сознания в такой среде, конечно, и говорить нечего. Напротив, она все больше развивала и укрепляла ложные взгляды и превратные понятия. Люди, вышедшие из нее и привыкшие к ней, совершенно потеряли способность оценки элементов военного быта. Этим только и может объясниться количество грубейших стратегических, тактических и организаторских ошибок, совершенных до и во время войны. После обезличивания строевого состава его значение все больше отодвигалось на задний план, пока его роль в экономике военного дела не сошла до общего уровня значения труда в некультурном нашем отечестве. Дикие народы отличаются неспособностью оценить такую отвличенную величину, как человеческую работу, а особенно умственную. Деньги и материал им всегда кажутся несравненно ценнее. Сам труд оценивается не по качеству, а по количеству. Готовы вознаградить лишь тяжесть усилия и его продолжительность, и то самой мелкой монетой. Об оценке труда по его значению для окружающих и по его влиянию на исход дела малоразвитые люди понятия не имеют. Такая комбинация для них слишком сложна и может признаваться лишь в более образованном обществе. У нас в России в общей массе мы, к сожалению, до этого еще не дошли, и детская оценка ценностей есть один из главных тормозов нашему развитию. *Но во флоте могли бы преобладать более интеллектуальные взгляды. Надо сказать, что военный флот с его сложной организацией и интенсивной сосредоточенностью силы есть пробный камень для культуры обладающего им народа,* так что в этом отношении нам особенно трудно. Однако он прежде стоял более высоко, и только после введения ценза мы уравнились с нашими чиновниками и купцами в пренебрежении к личному составу, которое для военного быта просто-напросто абсурд. Доказательства, к сожалению, налицо. Как иначе назвать обезличивание всего строевого состава служащих? Что же другое вооруженный резерв, направленный к сохранению денег и материала и к явному ущербу судовых команд? Как вообще смотреть на постоянное стремление сократить расходы на содержание людей при сравнительной расточительности на материальную часть? Наши учебные заведения, наши школы и специальности постоянно страдают от недостатка средств и людей. Нам говорят: готовьте специалистов кое-как, на строевых кораблях, за недостатком школ, и в то же время эти домашние деятели портят и ломают механизмы на сотни тысяч рублей. В то время как Высочайшая воля, озабоченная благополучием личного состава, стремилась к улучшению его материальных средств, администрация под рукой сокращала всякие льготы и преимущества в виде суточных, прогонных и т.п. Разве это верная оценка ценностей? Даже в способе выдачи наград во время войны проглядывает тот же образ мышления. «Варяг» потопил самого себя, но он пострадал. Всем офицерам дали Георгиевские кресты. «Амур» потопил два неприятельских броненосца, но опасность для него самого была не такая явная, хотя на самом деле она была. Получил Георгиевский крест один командир. Видно, и тут ценится не сделанное дело, а страдания. «Терпи казак, атаманом будешь».

Из всего этого мы видим — какие пагубные последствия имела простая ошибка в постановке принципиального вопроса. *Мы не признали строевой корабль центром наших позиций,* мы вообразили его, т. е. центр, в так называемых центральных учреждениях. Мы создали бумажного автомата, и он нас погубил, отняв у нас даже те крохи культуры, которые мы приобрели в прошлом. <...>

С какой бы стороны ни подойти к вопросу о состоянии нашего духа и нашей дисциплины, все навязывается одно неуклонное требование. *Дайте нам строевых начальников! Флот осиротел, флот угнетен, флот разорен, он дошел до крайности, он не может быть без начальства. Дайте нам строевых начальников и дайте их немедленно! Нам необходимо сплотиться вокруг определенных лиц. Нам надо же знать, кто нас поведет в бой, и чего этот начальник от нас потребует. Мы желаем на кого-нибудь надеяться, кому-нибудь поверить.* В настоящую минуту дело дошло до того, что строй спасается бегством от своих угнетателей. «В море, в море!» — вот лозунг всех строевых — «в море» и не прекращать кампании круглый год! Там хоть некоторые возможности сплотиться, избегать постоянных перемещений, там хоть какая-нибудь самостоятельность и безопасность от постоянного вмешательства. Там хотя и голодно и холодно, но зато подальше от экипажей и от канцелярии. Но разве это хорошо? Где наш центр? Где наш оплот? Где наше собственное начальство? Создайте его. Без него флот существовать не может.

Унтер-офицерский вопрос

Теперь обратимся к последнему вопросу нашего краткого обзора условий дисциплины: о непрерывности связи начальников с подчиненными от самого верха до самого низа. Тут мы заметим, что в нашем строю, кроме отсутствия высших начальников, существует еще громадный пробел в промежутке между офицерами и нижними чинами. У нас не хватает целого сословия военной среды, а именно унтер-офицеров. То, что у нас так называется, не заслуживает своего названия, так как совершенно не приспособлено к выполнению своей задачи. Не буду здесь затрагивать административную и чисто служебную сторону вопроса. Наши унтер-офицеры, как всем известно, слишком поверхностно подготовлены и слишком кратковременно служат, чтобы на деле явиться помощниками офицеров и пользоваться авторитетом у матросов. Я здесь только разберу их роль с точки зрения нравственных потребностей дисциплины. Мы уже говорили, что выпуск одного звена в иерархии военачальников влечет за собой отделение всего конца цепи, находившегося ниже точки разрыва, так что *отсутствие унтер-офицеров поведет к изъятию из-под влияния начальства всех нижних чинов*. Поэтому нам надо точно определить, в чем заключается связывающее свойство унтер-офицерского звания между офицерами и матросами и обладают ли им наши унтер-офицеры?

Офицеры разнятся от нижних чинов в двух отношениях: по общественному положению и по служебному. Матрос происходит из низших слоев населения — малоразвитых и бедных, офицер же принадлежит к более интеллигентным и имущим классам, так называемому привилегированному сословию. Между обоими существует пропасть от рождения, трудно переходимая как с той, так и с другой стороны. В последнее время под влиянием агитации установилось даже прямо-таки враждебное отношение мужика к барину. Но и без того умственный и нравственный уровень обоих настолько различен, что им трудно понять друг друга. Нижний чин может уважать и любить начальника, как такового, но он никогда не будет считать его своим и будет бояться доверять ему свои сокровенные мысли, боясь осуждения. Вообще наш дикарь-мужик крайне застенчив и недоверчив. Никакое популярирование, никакое братание не выведет его из своей замкнутости. Напротив, он этого не любит. Он считает, что барин должен вести себя, как барин, а мужик ведает свое дело. Только после очень долгой службы, особенно после военных походов или очень продолжительных плаваний, мне приходилось замечать, что люди начинают вылезать из своей скорлупы. Являются общие интересы, много общих воспоминаний и сильных ощущений, и тут нижние чины начинают доверяться понемногу и офицерам в своем настоящем виде, как человеку. Но в обыкновенное время они для нас абсолютно непроницаемы. Офицеры, воображающие, что они знают физиономию своих людей кроме служебной, горько ошибаются.

В отношении службы матрос отбывает повинность, а офицер есть представитель власти, заставляющей его служить. В малопросвященном и наивном мирозерцании простого народа очень затруднительно отделить личность от закона, исполнителя от самой власти, так что он всегда готов смешать их; офицер представляется ему как угнетатель, исполняющий — свою личную волю. Как часто приходится слышать на все доводы и рассуждения о законах, о необходимости их, о службе Царю и Отечеству, один ответ: «Воля Ваша, Ваше Благородие». Вследствие этого матрос всегда опасается и не доверяет офицеру, как человеку, могущему наделать ему какие угодно неприятности, смотря по настроению.

Эти условия как сословные, так и служебные, ставят такую непроницаемую завесу между нами и нижними чинами, что о нравственном влиянии, кроме массового внушения, с нашей стороны, речи быть не может. Мы никогда не знаем, какие их истинные желания и взгляды, и они к нам всегда относятся с оглядкой.

Вот тут и нужны люди, обладающие, с одной стороны, способностью проникнуть сквозь эту завесу, а с другой стороны, крепко связанные с офицерским составом своими интересами и воззрениями. Они должны быть свои и той и другой стороне, и своей личностью осуществлять связь между офицерами и нижними чинами. Эту роль можно осуществить лишь одним способом, а именно: связывающий элемент должен по общественному положению принадлежать к матросам, а по службе к офицерам. В этом и заключается существо унтер-офицерского звания.

Они должны происходить из этой же среды, что и матросы, но должны быть непременно долговременно служащие, привыкшие к военной обстановке, люди живущие своей карьерой, зарабатывающие ею свой кусок хлеба, чтобы их личные интересы совпали с интересами службы и чтобы они смотрели на последнюю теми же глазами, как и их начальники офицеры. Этим условиям отвечают у нас одни кондукторы. Остальные носители нашивок стоят так же крепко по ту сторону завесы, как и другие нижние чины и так же недоступны нашему влиянию. Я не стану здесь распространяться про другие их недостатки, неудовлетворительную подготовку как по знаниям, так и по сознанию долга, заставляющую молодых офицеров исполнять всю их работу. Подчеркну лишь главный факт, что они не могут удовлетворять основному требованию, вызвавшему существование этого звена военной иерархии. Они, просто-напросто вовсе не унтер-офицеры. Тут опять одна бутафория. *Пока мы не будем иметь комплекта сверхсрочнослужащих унтер-офицеров, до тех пор мы не можем рассчитывать на какое бы то ни было влияние среди массы нижних чинов, и до тех пор о водворении дисциплины и думать нечего*. Скажут мне, как же раньше дисциплина держалась? Отвечу, что и раньше настоящей дисциплины и настоящей нравственной связи не было. Наш простой народ был безгласен и застенчив. В нем, а не во флоте, еще держались традиции прежних времен, когда служили по 25 лет. Он исполнял требования без возражения, но и без особенного воодушевления. Что он при этом думал, это мы теперь только узнали, когда он заговорил. Но теперь старые мирные времена безвозвратно прошли. Теперь уже необходимость заставляет нас проснуться и озаботиться созданием настоящих нравственных связей и подумать о нашем на них влиянии. И тут мы оказываемся совершенно беспомощными и без настоящих унтер-офицеров. Без них мы стоим перед крепчайшей оградой, за которой всякие агитаторы, ораторы и другие новаторы будут делать с нижними нашими чинами что хотят, а нам останется только беспомощно смотреть и ожидать, подействует ли агитация, или благоразумие возьмет верх, бросятся ли на нас или выгонят агитаторов. Мы этому уже видели пример на практике. Вспомним «Память Азова». Кто были главные бунтовщики? Унтер-офицеры. Кто главным образом повлиял на команду противодействовать возмущению?

нию? Кондукторы. А офицеры? Они совершенно в стороне. Они ничего не знали, они первые пострадали, и к ним вернулась власть лишь тогда, когда кондукторам удалось обратить настроение команды.

Вопрос для нас крайне серьезный, и поверхностное отношение к качествам унтер-офицеров может еще стоить жизни любому из нас. Бунты еще вовсе не прекратились. Если теперь утихло, то это в связи с некоторым общим успокоением в стране. Наши нижние чины вовсе не в наших руках, и настроение их вполне зависит от политических течений в народных массах. Они тесно связаны с толпой и резко отделены от своих начальников. *В случае крупных беспорядков флот не представляет опоры для правительства, а добавочную опасность.* Высшее начальство совершенно верно оценило наше состояние и отбирает патроны перед роспуском Государственной Думы. Тут первый наш шаг должен быть направлен к установке связи, чтобы иметь возможность хотя начать обработку нашего людского материала. *Унтер-офицерский вопрос есть самый жгучий и самый безотлагательный из всех, ибо от него зависит не только наше положение в случае войны, но и наше существование в мирное время. Пока он не будет удовлетворительно решен, до тех пор судьба флота будет в руках не его начальников, а случайного настроения командных масс.*

Где наши традиции? Где наши войсковые части? Где наша сплоченность? Где наша дисциплина? Где наше начальство? Где наша власть над подчиненными? По всей линии отрицательный ответ. Удивительная у нас организация, прямо-таки все наизнанку. И получилась она такой везде и всюду по одной и той же причине. Мы во всех своих взглядах и действиях стали на неверную точку зрения.

Мы вообразили, что центр Морского Ведомства и флота находится в Министерстве, между тем как он в действительности *на боевом корабле*. Мы стали рассматривать положение и распоряжаться из Главного Адмиралтейства, мы видели предметы не с того конца и все получилось наизнанку. Как же теперь поправить дело? Очень просто. Надо сначала занять верную точку зрения, стать на палубу корабля. Оттуда сейчас увидим в чем дело.

Заключение

Итак, станем на палубу корабля. Тут первым делом заметим, что сам он развалился. Как строевая часть, он прямо-таки не существует. Надо хлопотать о его ремонте. Но кто же об этом позаботится? Строевого начальства нет, а остальные даже нашей тревоги не понимают. Очевидно, первый шаг к реформе флота должен заключаться в восстановлении строевого начальства. *Первым делом надо поставить во главе Морского Ведомства строевого начальника прямо с палубы корабля, чтобы он стоял на верной точке зрения, предназначенного вести флот в бой, — чтобы он с этой точки не сходил и облеченного полной властью, — чтобы он мог провести необходимые меры. Затем предоставить ему возможность действовать.*

Что же он сделает? Он, очевидно, обратит главное свое внимание на строевые суда. Он немедленно создаст их, закрепит их личный состав, даст им необходимые права и обязанности, обеспечивающие их самостоятельное существование, и свяжет их с собой прямой линией начальников. Затем он уберет все вредные влияния и устранит всякое постороннее вмешательство. Экипажи он, вероятно, совсем уничтожит и заменит их более подходящими вспомогательными частями, а канцелярии, хозяйственную и техническую часть он осадит на их место. Личный состав он передаст в ведение своих прямых начальников, а от администрации, от хозяйства и техники потребует точного, постоянного и быстрого исполнения своих предначертаний.

Присмотревшись к ним, он заметит, что там ему не от кого требовать исполнения своих приказаний, вследствие чего он немедленно поставит во главе каждой отрасли поименного человека с настоящим чином, именем, отчеством и фамилией. От них он и будет требовать добросовестной постройки, вооружения, снабжения и комплектации кораблей. *Затем одной из первых его забот будет создание сословия Унтер-Офицеров*, а к этому времени уже воздух прояснится. Конечно, это будет только самое первое начало реформы флота, но все-таки уже будет создана работоспособная среда. Дальше все само пойдет. Как только почувствуется определенное направление и твердая воля, как только исполнителями явятся настоящие живые люди, так и все зашевелится, все воодушевится. Получится впечатление судна, снятого с мели. Тронулся. Ура! Ура!

Еще несколько слов о схеме управления флотом. Мне пришлось видеть проект Генерального Штаба на эту тему. Казалось бы, что он основан на разумных началах. Отчего бы его не придерживаться? Конечно, тут в деталях можно допускать разные вариации, но основные принципы его неоспоримы. Я хотел бы повторить, что я уже раз сказал в этой записке, а именно: основные принципы военной организации не подлежат обсуждению. Они не мною изобретены в этой статье, ни Генеральным Штабом в его записке. Они давно известны и определены, и их можно вычитать из любого учебника. Если их оспаривать, то можно критиковать и таблицу умножения на том основании, что она напечатана в этом учебнике, а не в том. Значит сомнения могут существовать лишь относительно детальных способов применения. Но из-за этого медлить не стоит. Вот мы уже три года после войны стоим все на том же месте. Единство власти необходимо, чтобы сдвинуть нас с мели. Отчего бы нам не начать немедленно с создания единой полной власти? Наши советы и комиссии нас все равно никуда не направят (99).

ОБЩИЙ ВЫВОД

История вновь повторяется. С теми же проблемами, как и раньше, сталкивается уже не парусный, и даже не броненосный, а мощный океанский атомный флот. Новые поколения российских адмиралов в очередной раз констатируют: «флота у нас нет», «руководство страны не понимает значимости и уникальности военно-морской силы», «необходимо разработать морскую стратегию, принять закон о ВМФ и подготовить государственную кораблестроительную программу на 10–15 лет по созданию сбалансированного флота, обеспечить финансирование флота отдельной строкой в бюджете» (100). Нынешние ревнители морской идеи вынуждены снова объявлять всероссийский сбор добровольных

пожертвований на строительство и достройку современных военных кораблей (101). Судьба флота по-прежнему остается под вопросом.

В этих условиях принципиально важной является задача усвоения Русской Военно-Морской Идеи, глубокого изучения теории и истории российского военного флота, причин его побед и поражений. Необходимо вспомнить о корнях морского могущества, петровских началах создания и развития военного флота, о мыслях и делах лучших представителей морского сословия России (102). Без прочного духовного фундамента очередные попытки возродить морскую силу России, потерпят неизбежный крах, а военный флот будет обречен на нестабильное существование, разложение, «мирные» и военные поражения.

Необходимо всегда помнить, отмечается в «Истории русской армии и флота», что морская сила более сухопутной нуждается в покровительстве государства и, что всякая страна, владеющая морскими берегами и флотом, должна следовать принципам наиболее выгодной для нее морской политики. Теперь, как никогда, «флот стал потребностью всякого культурного государства, служа живым воплощением его государственной мощи». В таком смысле высказывались государственные люди не только у нас в России, но и за границей, как, например, известный германский генерал фон-дер-Гольц, громогласно заявивший, что «народ, который пренебрегает своим флотом, не заслуживает более, чтобы его принимали в расчет».

Мы, русские, никогда не должны забывать этих золотых слов, вырвавшихся у сухопутного офицера соседней империи, которая, считаясь долгое время, подобно России, континентальной, на наших глазах стала одной из могущественных морских держав мира. Обошлись бы мы, конечно, и без немцев, если бы почаще заглядывали в свою собственную историю: «Все наши дела, — писал Петр I А. Меншикову 21 декабря 1716 года, — ниспровергнутся, ежели флот истратится» (103).

Отечество по-прежнему нуждается в морской силе. Несмотря на временные поражения и неудачи, необходимо восстановить победоносный военный флот. И, ради памяти всех погибших под Андреевским флагом и прославивших его, возрождать флот надо, на сей раз, на верных основаниях. Животворящая Русская Военно-Морская Идея, вобравшая бесценный опыт и знания наших соотверженных предшественников, выступает гарантией успеха и путеводной нитью в решении этой задачи.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ о ревнителях русской военно-морской идеи, представленных в сборнике их трудами и мыслями*

Петр I Великий (Петр Алексеевич Романов) (1672–1725). Первый российский император, выдающийся государственный деятель и полководец, создатель регулярного русского военно-морского флота и армии, адмирал (1721).

Александр Михайлович (1866–1934). Великий князь, деятель русского флота, вице-адмирал (1909). Командовал боевыми кораблями, был младшим флагманом Черноморского флота. Возглавлял «Особый комитет по усилению военного флота на добровольные пожертвования». Избирался почетным членом Конференции Николаевской Морской академии. После 1917 г. — в эмиграции.

Апраксин Федор Матвеевич (1661–1728). Выдающийся деятель русского флота, сподвижник Петра I, генерал-адмирал (1708), граф (1710), двинский воевода и губернатор Архангельска. Командовал Азовским флотом. На Балтике одержал ряд побед над шведами, в т.ч. в Гангутском сражении.

Аренс Евгений Иванович (1856–1931). Известный деятель русского флота. Военно-морской историк. До 1893 г. служил на кораблях. В дальнейшем занимался научной работой. Профессор Николаевской морской Академии, один из авторов 15-томной «Истории русской армии и флота», автор трудов «Русский флот», «Морская сила и история» и др.

Белавенец Петр Иванович (1873–1936), капитан 1 ранга. Военно-морской историк. Окончил Морской корпус, Артиллерийский офицерский класс, Петербургский и Московский археологические институты.

Участвовал в Цусимском сражении (1905). Основные труды: «Значение флота в истории России», «Нужен ли нам флот и значение его в истории России», «Цвета русского государственного национального флага» и др.

Бубнов Александр Дмитриевич (1883–1963), контр-адмирал. Окончил Морской корпус, Николаевскую Морскую академию. Участвовал в Цусимском сражении. Служил в Морском Генеральном Штабе. Во время Первой мировой войны — начальник морского управления в Ставке Верховного Главнокомандующего. В гражданскую войну — на стороне контрреволюции, начштаба Черноморского флота. Затем — в эмиграции. Жил в Югославии, где более 20 лет состоял профессором Югославской Морской академии. Участвовал в редактировании эмигрантского «Военного сборника» (Белград).

Основные труды: «Тихоокеанская проблема в XX столетии» (в соавторстве с генералом Н.Н. Голвиным), «История военно-морского искусства», «В Царской Ставке», «Русская морская проблема».

Бутаков Григорий Иванович (1820–1882). Выдающийся военно-морской деятель, создатель тактики парового броненосного флота, адмирал (1878). Участник обороны Севастополя, в 1867–1877 гг. командовал броненосной эскадрой Балтфлота. С 1882 г. член Госсовета. Автор книги «Новые основания паровой тактики».

Волковицкий Юрий Фаддеевич (1883–?), лейтенант. Окончил Морскую академию, служил в Кронштадтской школе юнгов.

Публиковался в «Морском сборнике», выступал с идеями укрепления флота как ядра военной системы страны.

Геруа Александр Владимирович (1870–194?) Русский военачальник, известный военный писатель, генерал-лейтенант (1917). Участник русско-японской и 1 мировой войн. После 1917-го — на стороне контрреволюции, военный представитель Вооруженных сил Юга России в Румынии. Затем — в эмиграции. Автор трудов «Суворов-солдат», «К познанию Армии», «Полчища» и др.

Головачев Виктор Филиппович (1821–1904). Известный военно-морской историк, капитан (1848), действительный статский советник (1881). В 1839–1841 гг. участвовал в боевых действиях на Кавказе, затем служил на Балтике. После увольнения преподавал в Морском корпусе, работал в Императорской публичной библиотеке, был помощником редактора «Морского сборника». Автор трудов «История Севастополя как русского порта», «Действия русского флота во время войны со Швецией в 1788–1790 гг.» и др.

Граф Гароль Карлович (1885–1966). Известный деятель русского флота, морской писатель. Участник Цусимского сражения. В Первую мировую войну старший офицер эскадренного миноносца

---

* Иностранцы военно-морские теоретики Коломб и Мэхэн, безусловно, не относятся к этой когорте, однако их труды оказали существенное влияние на русскую военно-морскую мысль.

«Новик». После 1920 года — в эмиграции. Автор книг «На Новике», «Моряки», «Императорский Балтийский флот» и др.

Доливо-Добровольский Борис Иосифович (1873–?). Окончил Морской корпус. До революции выступал на страницах «Военного сборника», «Армии и Флота», «Разведчика», «Морского сборника» с идеями укрепления морской силы и повышения ее значимости в деле обороны страны. В советское время издал труды «Боевой флот», «Чем сражается современный флот», «Тихоокеанская проблема» и др.

Жерве Борис Борисович (1878–1934). Видный военно-морской теоретик и историк, капитан 1 ранга (1917), профессор (1927). Участник Русско-японской и первой мировой войн. В 1920–1921 и 1923–1930 гг. — начальник Военно-морской академии. Автор трудов «Германия и ее морская сила», «Значение морской силы для государства» и др.

Квашнин-Самарин Евдоким Николаевич (1877–1921). Капитан 2 ранга. В службе — с 1894 г. Был флагманским историографом штаба командующего Черноморским флотом. Публиковался в до-революционной военно-морской печати.

Кетлинский Казимир Филиппович (1875–1918). Флотский офицер, контр-адмирал (1917), военно-морской публицист. Отличился при обороне Порт-Артура в 1904 г. После Русско-японской войны служил на Черном море. В 1913–1915 гг. преподавал в Николаевской Морской академии. С лета 1916 г. — командир крейсера «Аскольд».

Кладо Николай Лаврентьевич (1862–1919), генерал-майор по адмиралтейству. Выдающийся русский историк и теоретик военно-морского искусства. Окончил Морской корпус, Морскую академию. Затем преподавал в этих учебных заведениях. В 1904–1905 гг. — начальник военно-морского отдела штаба командующего флотом Тихого океана. За публичную критику высшего морского командования уволен со службы. С 1906 г. — вновь преподаватель в Морской академии, позднее — заслуженный профессор. С 1917 г. — начальник этой академии и одновременно — начальник Управления военно-морскими учебными заведениями.

Автор более 100 научных трудов, основные из которых: «История военно-морского искусства», «Организация морской силы», «Современная морская война», «Стратегия», «О теории в военном деле» и др.

Коломб Филипп Хоуард (1831–1899). Видный английский военно-морской теоретик и историк. В 1846–1886 гг. служил на флоте. Главный труд — «Морская война, ее основные принципы и опыт» (1891). Выдвинул теорию «владения морем» (тотальное превосходство в морских силах как основа господства Великобритании в мире). Взгляды Коломба оказали серьезное влияние на русских военно-морских теоретиков и практиков.

Колчак Александр Васильевич (1873–1920), адмирал. Видный деятель русского флота, военно-морской теоретик, полярный исследователь. Окончил Морской корпус, участвовал в Русско-японской войне. Командовал кораблями, минной дивизией Балтфлота. С 1916 г. — командующий Черноморским флотом. После Русско-японской войны один из организаторов Морского Генштаба. Автор трудов «О постановке мин заграждения», «Служба генерального штаба» и др.

Один из главных руководителей российской контрреволюции в гражданской войне. Расстрелян большевиками.

Корнилов Владимир Алексеевич (1806–1854). Известный русский флотоводец, вице-адмирал (1852). С 1849 г. — начальник штаба Черноморского флота и портов. Один из руководителей обороны Севастополя, в ходе которой пал смертью храбрых.

Лазарев Михаил Петрович (1788–1851). Выдающийся русский флотоводец и мореплаватель-исследователь, адмирал (1843). В 1819–1821 гг., командуя шлюпом «Мирный», совершил дальнее плавание, в ходе которого была открыта Антарктида. Участник Наваринского сражения. С 1833 г. — главный командир Черноморского флота.

Ливен Александр Александрович (1860–1914). Видный деятель русского флота, светлейший князь, вице-адмирал (1912). В ходе русско-японской войны (1904–1905) руководил минной обороной Порт-Артура. Позднее возглавил комиссию по описанию этой войны, занимал ряд командных должностей, в т.ч. исполнял обязанности начальника Морского Генерального Штаба. Автор множества печатных работ.

Лихачев Иван Федорович (1826–1907). Выдающийся деятель русского флота, вице-адмирал (1874). Плавал на кораблях Балтийского и Черноморского флотов. В ходе Крымской войны (1853–1856) — флаг-офицер В.А. Корнилова. С марта 1858 г. — член комиссии по преобразованию флота. В 1864–1866 гг. командовал первой русской броненосной эскадрой на Балтике, затем — на военно-дипломатической службе. С 1883 г. — в отставке. С 1884 г. выступал на страницах морских изданий.

В работе «Служба Генерального штаба во флоте» первым в России высказал идею создания этого органа для решения оперативно-стратегических вопросов.

Макаров Степан Осипович (1848–1904). Вице-адмирал (1896). Выдающийся деятель русского флота и ученый. Внес значительный вклад в разработку военно-морской теории, океанологии, кораблестроение. В 1904 г. с началом Русско-японской войны — командующий флотом в Тихом океане. Погиб при подрыве на mine флагманского броненосца «Петропавловск».

Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918), выдающийся русский мыслитель-публицист. Окончил Морское Кронштадтское техническое училище, участвовал в дальних морских походах. В 1892 г. ушел в отставку, дабы полностью посвятить себя литературе. С 1901–1917 гг. — ведущий сотрудник газеты «Новое время».

Понимание воинского труда как важнейшего государственного дела, а вооруженной силы как «цитадели» отечества, он всячески распространял на широкий круг читателей.

В наследии Меньшикова — и такие труды, как «По портам Европы», «Руководство к чтению морских карт русских и иностранных», «Лоции Абосских и Восточной части Аландских шхер» и др.

Расстрелян большевиками в Валдае.

Мэхэн Альфред Тайер (1840–1914). Известный американский военно-морской теоретик и историк. Считал, что именно морским силам принадлежит решающая роль в вооруженной борьбе, а завоевание господства на море — главное условие победы в войне.

Нахимов Павел Степанович (1801–1855). Выдающийся русский флотоводец, адмирал (1855). Командовал флотскими дивизиями на Черном море. В 1853 г. выиграл Синопское сражение. Один из руководителей обороны Севастополя в 1854–1855 гг., во время которой был смертельно ранен.

Немитц Александр Васильевич (1879–1967). Видный деятель русского и советского флотов, вице-адмирал (1914), профессор (1927). В 1917 г. — командующий Черноморским флотом. В 1920–1921 гг. командовал Морскими силами Советской Республики. С 1924 г. — на преподавательской работе. Автор трудов: «Прикладная стратегия», «Стратегия на море», «Служба штаба во флоте» и др.

Нордов Н (?). Возможно псевдоним Николая Константиновича Нордштейна (1884 г.р.), офицера, причисленного к Морскому Генштабу, публиковавшегося в начале века в военно-морской печати.

Подгорный Яков Иванович (1877–?), капитан 1 ранга. В 1913 г. командовал подводной лодкой, участник Первой мировой войны. В гражданскую — на стороне контрреволюции, затем — в эмиграции. В 1928–1931 гг. — редактор «Зарубежного морского сборника» — органа объединения русских морских организаций в Чехословакии. Инициатор создания «Все-зарубежного объединения русских морских офицеров».

Потемкин Григорий Александрович (1739–1791). Видный государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1784), основатель Черноморского флота и его Главнокомандующий. За присоединение Крыма к России получил титул светлейшего князя Таврического.

Прокопович Феофан (Элезар) (1681–1736). Церковный и общественный деятель, украинский и русский писатель, архиепископ. Сподвижник Петра I. Один из образованнейших людей своего времени. Вице-президент Синода. Принимал участие в организации Академии наук. В трудах «Слово о власти и чести царской», «Духовный регламент» и др. обосновывал и защищал преобразовательную политическую и культурную деятельность Петра I. Написал ряд исторических произведений.

Римский-Корсаков Михаил Михайлович (1872–1950), контр-адмирал. Был старшим офицером подводной лодки, командиром яхты, командиром эскадренного миноносца. Публиковался в «Морском сборнике», ратуя за воссоздание флота. Писал работы по морской тактике и артиллерии. После революции — в эмиграции.

Риттих Александр Федорович (1831–1916^{*}), генерал-лейтенант, военный деятель, писатель и публицист. Окончил Николаевскую инженерную академию и Академию Генштаба. Командовал пехотной бригадой, дивизией. В 1894 г. вышел в отставку. Автор многих трудов по этнографии России и славянских народов, военным вопросам: «Русский военный быт», «Русская торговля и мореходство на Балтийском море», «Славянский мир», «Этнографическая карта Европейской России» и др.

Сенявин Дмитрий Николаевич (1763–1831). Выдающийся русский флотоводец, адмирал (1826). Участник многих морских сражений. В 1805–1807 гг. командовал русскими сухопутными и морскими силами в Средиземном море. Позднее был командиром Ревельского порта, командиром эскадры Балт-флота.

---

^{*} Около 1916 г.

Смирнов Михаил Иванович (1880–?**) Контр-адмирал, в 1917 г. — начальник штаба Черноморского флота. В годы гражданской войны соратник А.В. Колчака, затем — в эмиграции. Автор книги «Адмирал Колчак», а также ряда работ, опубликованных в эмигрантских изданиях.

Спиридов Григорий Андреевич (1713–1790). Видный флотоводец, адмирал (1769). Служил на кораблях Балтийского флота, Каспийской флотилии, плавал на Азовском море. В 1761 г. отличился под Кольбергом, командуя десантным отрядом. Был главным командиром Кронштадтского порта, членом комиссии по реформе флота, командующим Балтийским флотом. В 1770 г. командовал авангардом в легендарном Чесменском сражении.

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911). Крупный русский государственный и политический деятель, реформатор. Председатель Совета министров (1906–1911). Выступал за укрепление боевой мощи армии и флота. Убит в результате террористического акта.

Тарле Евгений Викторович (1874–1955). Крупный историк, академик (1927). Автор множества капитальных трудов. Широкою известность получили такие книги ученого, как «Континентальная блокада», «Наполеон», «Нашествие Наполеона на Москву», «Русский флот и внешняя политика Петра I», «Адмирал Ушаков на Средиземном море» и др.

Ушаков Федор Федорович (1744–1817). Выдающийся русский флотоводец, адмирал (1799). В конце XVIII века командовал Черноморским флотом. Одержал ряд побед над турками, обеспечив господство России в бассейне Черного моря.

Шильдкнехт (фон) Евгений Николаевич (1888–?), лейтенант. Окончил Морской корпус, участник первой мировой войны, затем в эмиграции. Учился на Высших Военно-Научных Курсах генерала Головина (Париж). Активно публиковался в военной печати Русского Зарубежья. После второй мировой войны жил и работал в Чили.

Шмурло Евгений Францевич (1854–1934). Видный русский историк. В 1891–1923 — профессор Юрьевского Университета (Тарту), позже — в эмиграции, в Чехии.

Основные труды: «История России. 862–1917», «Введение в русскую историю», «Вольтер и его книга о Петре Великом».

По материалам дореволюционных и советских справочных, энциклопедических изданий, «Морского биографического словаря» (Доценко В.Д. Морской биографический словарь. — СПб: Изд-во «Logos», 1995.) и редакции «Российского военного сборника».

Составитель И. Домнин

** Скончался в Лондоне в годы второй мировой войны.